Содержание

Экономика

Агеева Н.А., Савченко И.А., Сергеева А.Л.
Управление налоговыми доходами городского поселения: как преодолеть неравенство 8

Будрина Е.В., Тимошилова П.С.
Технологический суверенитет как стратегический приоритет: институциональные методы и инновационные траектории 15

Губайдуллин Р.Р.
Цифровизация предприятия: объект, цели и основные акторы процесса 21

Дмитриева Е.О.
Методика комплексной оценки учета ESG-факторов в документах стратегического планирования муниципального образования 25

Ефимова Е.Г., Иванова О.Ю.
Особенности определения и оценки экономической безопасности предприятия хлебопекарной отрасли 33

Исаев М.Х.
Современные виды обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов 41

Каримова К.С.
ESG как инструмент снижения социального неравенства: экономико-социологический подход 50

Квон Г.М., Поздеева О.Г.
Инвестиционно-отраслевой аспект трансформации промышленного сектора региона 54

Кудрявцев К.А., Миронова О.А.
Планирование и контроль оплаты труда естественных монополий в контексте обеспечения экономической безопасности 60

Кулагин Р.В.
Экономическое развитие региона и вытеснение человеческих ресурсов из исследовательского сектора региона 67

Локтев М.А., Куликов С.П.
Формирование многоуровневых систем организации поддержки принятия решений в сфере государственного управления производственно-технологического развития в цифровой доктрине России 73

Мелюхин А.Н., Карпович Ю.В.
Согласованность направлений проектов государственно-частного партнерства с реализуемыми в Российской Федерации национальными проектами 79

Мустафина Г.Н.
Актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации предприятий и механизмы их нейтрализации 85

Полянина А.К.
Государственное управление занятостью молодежи в условиях кризиса карьерных ожиданий 90

Решетников Д.А.
Сравнительная характеристика международных практик регулирования рынка финансовых инструментов: ЕС, США, Китай и России 95

Селиванов Д.Н.
К вопросу о конкурентном позиционировании промышленного предприятия посредством применения аналитико-управленческих мероприятий 102

Сурнина А.А.
Интеграция территориального и стратегического планирования региона: теоретические модели и практические барьеры 106

Титов С.В., Анисимов А.Ю.
Разработка методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций 112

Ураев Р.Р., Круль А.С., Валиева Г.Р.
Неформальная занятость в условиях цифровизации рынка труда (на примере Республики Башкортостан) 119
Черкасова А.А., Януров Н.А., Фероян А.А.
Системная цифровизация инвестиционного пространства: новая модель управления туристскими проектами 127
Шлычков В.В.
Геоэкономическая турбулентность как источник внешних угроз экономической безопасности России в 2025 г. 138
Шлычков В.В.
Повышение эффективности казначейского сопровождения государственного оборонного заказа как фактор укрепления экономической безопасности системы госзакупок РФ 144
Ягудина Е.В., Валитов Г.Ш., Галимуллин Р.Ф.
Исследование влияния процессов цифровизации на экономический рост развитых и развивающихся стран 149

Право

Абшилава Г.В.
Обеспечение неприкосновенности личности в уголовном преследовании 155
Аламова С.М.
Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху 160
Алтаяков Ф.Н.
Россия и исламский мир: международно-правовые основы сотрудничества 165
Асадуллина А.А.
К вопросу о дефиниции принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе 170
Бурганов Р.С.
Соотношение преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов и других видов преступности 175
Гилязов А.И.
Конвергенция международных стандартов разумности срока содержания под стражей в национальное законодательство 180
Ершов А.Н., Сытин А.В.
Муниципалитеты Франции как социально-экономическая и политическая основы децентрализованного развития государства 185
Заббарова И.А.
Криминологический анализ домашнего насилия в отношении детей 191
Запрутин Д.Г.
Экономическая безопасность и ее обеспечение правоохранительными органами Российской Федерации посредством противодействия преступности 197
Захарова О.Е.
Энергосервисный договор как гражданско-правовая конструкция 206
Каримов М.В.
К вопросу о компетенции главы субъекта Российской Федерации 210
Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю.
К вопросу о сущности экономического права и его месте в системе научного знания 216
Осипенко А.В.
К вопросу о фиксации юридических фактов 221
Рязанова М.Н.
Соотношение современных теорий правового инструментализма 226
Солодовник В.В.
Процессуальные производства и процессуальный режим как структурные элементы уголовно-процессуальной формы 230

Талан А.С., Талан М.В.
Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: анализ рисков и правовые перспективы 235
Циунчук Р.А.
А.Г. Булыгин и начало обсуждения планов учреждения Государственной думы в России 242
Яннурова Э.У., Новаковская А.В., Селивановская Ю.И.
Аудиторская деятельность в контексте последних изменений законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 246

Социология

Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х.
Социокультурные конфликты в сфере туризма 252
Боброва Д.Н., Осипова Д.В.
Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей 257
Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г., Нагматуллина Л.К.
Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее 266
Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р.
Дети в цифровом мире: особенности медиапотребления 272
Ильиных С.А.
Модели современного родительства: нормативная, одиночная, «яжемать» 276
Ишкинеева Ф.Ф., Савельева Ж.В.
Сценарии вступления в регистр доноров костного мозга (по материалам массового опроса) 281
Липатова Т.Н.
Основные тенденции в вопросе получения религиозных знаний среди прихожан мечетей Татарстана (на примере города Казани) 286
Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г., Максимова О.А.
Цифровое поколение молодежи в системе координат традиционных российских ценностей 294
Равочкин Н.Н.
Влияние рэп-музыки на повседневность российской молодежи в 2000-е гг. (по материалам социологического исследования песен Гуфа «Сплетни» и Centr и Басты «Город дорог») 300
Русакова М.М., Ткач С.
Экологический подход в социологии: возможности и ограничения, кейс проституции 307
Савельева Ж.В., Литвинова А.В.
Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки 313
Саттарова Л.В., Саттаров Т.А.
Роль социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости ..... 318 (на материалах авторского онлайн-опроса)
Хизбуллина Р.Р., Владимирова М.М.
Социологический инструментарий исследования духовно-нравственных ценностей молодежи 323
Шпигунова Ю.М.
Концептуальная основа измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию, в условиях мегаполиса (на примере города Новосибирска) 329

Обзорные работы

Гарбовский А.И.
Дифференцированный подход законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов в законодательстве о банкротстве Российской Империи XVIII–XIX вв. 337
Демидова Е.В.
Состояние и перспективы развития российского рынка базовых (крупнотоннажных) полимеров в контексте общемировых тенденций 342

Киреева Е.Ф.
Рынок драгметаллов в обеспечении геополитической стабильности 347
Кириллова О.В., Шарипов Д.Ш.
Реструктуризация экспортных потоков России в XXI в.:
роль азиатского рынка и санкционных ограничений 350
Кузьменко В.И.
Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине
петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности 357
Лай Юньхуэй
Факторы устойчивого развития муниципальных образований в сельской местности России 362
Надежина И.В., Пшеничных С.Н.
Использование возможностей искусственного интеллекта по розыску лиц 366
Охрименко Е.И.
Применение инструментов цифрового маркетинга в сфере туризма 371
Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г.
Энотуризм в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития 378
Плещенко А.Н.
Симбиоз социально-экономического фактора и индивидуального преступного поведения,
как одна из причин криминализации общества 386
Сафина Д.Г.
Механизм взаимного признания документов о высшем образовании в странах СНГ 390
Соболева Ю.П., Николаев С.К., Пешков Б.К.
Управление медиабизнесом на основе интеграции стратегического управления и лидерства 395
Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З.
Институционализация школьного спорта в Татарстане: количественные показатели 402

Мнения и суждения

Волченко А.В., Когтева А.Н., Тимохина Г.В.
Проблемные аспекты применения искусственного интеллекта в медицинской деятельности 409
Горчакова Д.С., Кокошина З.А.
Трансформация роли женщины в российском обществе: соотношение традиционного
и инновационного в период XIX–XXI вв. 414
Гречко М.В., Плешивцева А.А.
Феномен культуры в XXI в.: социально-экономический опыт осмысления 420
Груничев А.С., Хабибуллина Л.В.
Создание центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики
(на примере Республики Татарстан) 427
Конягина М.Н.
Денежная реформа 1922–1924 гг.: возрождая доверие к рублю 431
Монастырский Ю.Э.
Искусственный интеллект в цифровом имущественном обороте 439
Рылов В.А.
Целеполагание человека как основа экономического развития 443
Хоа Тхи Линь
Право на отзыв законопроекта в Китае и его практическая ценность для Вьетнама 452

Практический опыт внедрения научно-теоретических разработок

Муфтахова А.Н., Кукушкина С.А.
Социальное отчуждение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в сфере решения жилищных вопросов 457

Томуров П.Д., Кудрявцев К.А.
Обеспечение экономической безопасности цифровых экосистем с позиции управления данными 462

Хабибуллина Л.В., Груничев А.С.
Механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере (на примере Республики Татарстан) 468

Юбилеи

85 лет выдающемуся ученому-аграрию Назибу Мазитову 473

УДК 332.1+316.334.52
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-8-14

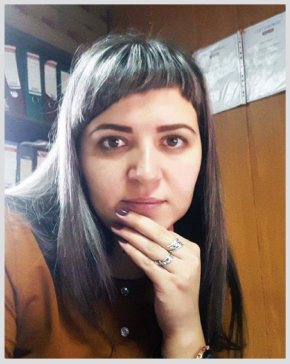
Управление налоговыми доходами городского поселения: как преодолеть неравенство

Агеева Н.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента
Восточно-Сибирского института экономики и права (Иркутск)

Савченко И.А.
Доктор социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН (Москва)

Сергеева А.Л.
Ведущий бухгалтер Муниципального казенного учреждения
Централизованной службы по обслуживанию учреждений
Нижнеудинского муниципального образования

Основная исследовательская проблема, поставленная в статье, – возможность преодоления качественного неравенства, которое мы объективно наблюдаем в управлении налоговыми доходами малых и больших территориальных образований. Целью статьи стало определение возможностей совершенствования налогового управления в городских поселениях (на примере г. Нижнеудинска Иркутской области).

В ходе решения исследовательских задач изучены особенности влияния различных факторов на формирование налоговой составляющей городского поселения, обозначены проблемы обеспечения доходной части местных бюджетов налоговыми доходами.

Местные бюджеты представляют собой фонд денежных средств, выполняющих важные экономические и социальные функции в сфере жизнеобеспечения людей, проживающих в конкретном населенном пункте. Авторы показывают, что формы пополнения бюджета для всех территориальных образований одинаковы, но такое единообразие имеет неоднозначный характер. Лишь малая часть налоговых доходов городских поселений остается в местных бюджетах, а условное равенство достигается за счет федеральных и региональных трансфертов.

В этом контексте сочетание самостоятельности и добросовестности местных органов власти при определении налоговой базы оценивается как оптимальная перспектива увеличения налоговых доходов на муниципальном уровне и усиления их влияния на местную экономику. Основные предложенные меры для возможного увеличения налоговых доходов местных бюджетов

обозначены авторами как «умеренный разворот» налогового законодательства в сторону малых территориальных образований, а также активизация гражданского общества и законодательной власти в области решения вопросов налогового пополнения местных бюджетов. Именно такой подход, по мнению авторов, может стать продуктивным для преодоления неравенства в управлении налоговыми доходами малых и крупных территориальных образований.

Ключевые слова: *неравенство, городское поселение, муниципальное образование, муниципальный бюджет, налоговые доходы, институт местного самоуправления, бюджетные полномочия*

Для цитирования: *Агеева Н.А., Савченко И.А., Сергеева А.Л. Управление налоговыми доходами городского поселения: как преодолеть неравенство // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 8–14. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-8-14.*

Состояние муниципальных бюджетов во многом определяет устойчивость экономики и качества социальной сферы как на местных, так и на федеральном уровнях [1; 2]. Каждый уровень бюджетной системы имеет свою специфику пополнения и функционирования. Из всех уровней бюджетной системы (федеральный, региональный, местный) именно местные бюджеты имеют наиболее неоднородную структуру. Подуровни местных бюджетов: 1) бюджеты муниципальных районов, бюджеты муниципальных округов, бюджеты городских округов, бюджеты городских округов с внутригородским делением, бюджеты внутригородских муниципальных образований городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя; 2) бюджеты городских и сельских поселений, бюджеты внутригородских районов [3, ст. 10]). Вот почему имеет смысл рассматривать особенности отдельного типа муниципального поселения, поскольку это связано с количественной стороной его доходов. Такая задача уже решалась в ряде работ, но с различными исследовательскими акцентами: вопросы общего управления [4; 5], преодоление дефицита местного бюджета [6], формирования доходной части местного бюджета [7], функции органов местного самоуправления в обеспечении сбалансированности местных бюджетов [8].

Как известно, местные бюджеты пополняются из установленных источников, в соответствии со ст. 41 Бюджетного кодекса, а именно – налоговых доходов, неналоговых доходов, безвозмездных поступлений (межбюджетные трансферты, доходы от использования муниципального имущества, безвозмездные поступления, и заёмные средства [3, ст. 41]). Основное внимание в настоящей статье уделяется налоговой части местного бюджета.

Актуальность работы состоит в практической потребности изучения и последующего решения достаточно острого на сегодняшний день вопроса объективного бюджетного неравенства. Городские (и сельские) поселения даже в пропорциональном формате (на душу населения) имеют меньшую (в сравнении с крупными территориальными образованиями) бюджетную обеспеченность. Такое неизбежное неравенство, как правило, регулируется государством за счет субсидий, дотаций и иных поступлений. Однако такой подход не стимулирует экономическую активность и инициативу в малых территориальных образованиях.

В России, как и в европейских странах, местное самоуправление исторически формировалось в сельских поселениях и особенно в городах. Городской бюджет мало зависел от состояния государственной казны и использовался на нужды поселения. Такими правами обладали города России, в XVI в. они были закреплены нормативно (Судебник Ивана Грозного). Конечно, поселения и города испытывали давление со стороны монаршей власти (особенно с петровских времен) и должны были платить государственные налоги, но внутри поселений это были «самоуправляемые миры». В такой самоуправляемости были и очевидные плюсы, и минусы. Преимущества такого положения дел состояли в том, что на практике формировался институт местного самоуправления. Недостаток – в том, что центральная власть в такой ситуации не поддерживала местную экономику [9].

После Октябрьской революции, точнее в 1923–1926 гг., местные финансы стали частью единой системы финансов СССР. В конечном счете, это привело к тому, что местные власти потеряли самостоятельность, и всё распределительные процедуры стали осуществляться по цепочке: центр – область – район и т.д. [10]. Распределительная система по форме и содержанию стала достаточно асимметричной. Территории, связанные с промышленными гигантами, эпохальными стройками или всесоюзными здравницами, финансировались в первоочередном порядке, остальные – по пресловутому «остаточному принципу».

В апреле 1998 г. Государственная Дума РФ ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления [11]. В соответствии с данной хартией органы местного самоуправления имеют право обладать собственными финансовыми ресурсами и использовать их в соответствии с законом о бюд-

жете, принятом законодательной властью муниципального образования.

В последующие годы было принято достаточно много законодательных актов в этом направлении. Наиболее важным явился Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который регулирует бюджетные правоотношения муниципальных образований. Тем не менее не все проблемы управления доходами территориальных образований на сегодняшний день можно считать решенными.

Формирование налоговой части местного бюджета: локальный кейс. Рассмотрим особенности формирования налоговой части местных доходов на примере типичной российской локации – городского поселения Нижнеудинского муниципального образования Иркутской области. Напомним, что данное муниципальное образование в 2019 г. пережило беспрецедентный паводок, с последствиями которого справлялось преимущественно за счет средств федерального и регионального (Иркутская область) бюджетов.

Численность населения Нижнеудинского городского поселения – почти 30 тыс. чел., трудовых ресурсов – более 20 тыс. чел. [12]. Бюджетные доходы данного муниципального образования представлены в таблице 1.

По данным годового отчета об исполнении бюджета за 2023 г., доходы бюджета составили 577 788,2 тыс. руб. По сравнению с 2022 г. доходы уменьшились на 509 194,2 тыс. руб., или на 46,8 % [13]. Налоговые и неналоговые доходы бюджета муниципального образования на 2023 г. составили в сумме 208 772,06 тыс. руб. (в течение года увеличены на 50 434,3 тыс. руб., или на 35,1 %). По сравнению с 2022 г. налоговые и неналоговые доходы увеличились на 27 356,4 тыс. руб., или на 15,08 % [13].

Безвозмездные поступления из федерального, областного и поселенческого бюджетов на 2023 г. составили 369 016,2 тыс. руб. (в течение года увеличены на 263 179,0 тыс. руб., или на 176,3 %). По сравнению с 2022 г. безвозмездные поступления уменьшились на 536 550,5 тыс. руб., или 59,3 % [13].

Самую высокую долю доходов городского поселения составляют безвозмездные поступления, то есть трансферты (88,15–63,86 %). Доля налоговых и неналоговых доходов составляет 11,8–36,13 % [13].

Уменьшение безвозмездных поступлений в общей сумме доходов обусловлено тем, что на территории Нижнеудинского муниципального образования завершена реконструкция объектов социальной и коммунальной инфраструктур, пострадавших при паводке, вызванном сильными дождями в июне 2019 г. [14]. Согласно данным долговой книги уже по состоянию на 1 января 2024 г., долговые обязательства у Нижнеудинского муниципального образования отсутствовали [15].

В соответствии с Бюджетным и Налоговым кодексами Российской Федеорации налоговые доходы местных бюджетов формируются на основе земельного налога, налога на имущество физических лиц, зачислений от федерального налога на доходы физических лиц, туристического налога [16, ст. 61]. Помимо этого, местные бюджеты могут пополняться за счет торгового сбора [16, ст. 15], но на данный момент торговые сборы применяются только в городах федерального значения: Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе. Действие туристического налога ограничено: он, согласно Налоговому кодексу, действует в городах федерального значения, федеральной территории «Сириус», но также может регулироваться нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований [16, ст. 15]. Можно предположить, что такие территории, как Нижнеудинское муниципальное образование в перспективе могли бы применять для своего развития туристический налог, но для развития туристской инфраструктуры необходимы значительные финансовые вложения.

Таблица 1

Динамика структуры доходов Нижнеудинского муниципального образования за 2021–2023 гг., тыс. руб. [13]

Виды доходов	2021 г.		2022 г.		2023 г.		Откл-е 2023 от 2022 гг.	Отн-е 2023 к 2022 гг.(%)
	Сумма	Доля в общ. доходах	Сумма	Доля в общ. доходах	Сумма	Доля в общ. доходах		
Доходы налоговые и неналоговые	157 640,2	11,85	181 415,68	16,68	208 772,06	36,13	27 356,38	15,08
В т. ч:								
Налоговые	124 805,2	9,38	137 692,35	2,66	158 062,99	27,35	20 370,64	4,80
Неналоговые	32 835,0	2,47	43 723,32	4,02	50 709,06	8,77	6 985,74	5,98
Безвозмездн. пост-я	1 172 761,2	88,15	905 566,72	83,3	369 016,16	63,86	-536 550,56	59,25
Всего	1 330 401,4	100	1 086 982,4	100	577 788,22	100	509 194,18	46,84

В данном случае мы наблюдаем нечто вроде замкнутого круга.

Причина недостаточной налоговой обеспеченности местных бюджетов заключается не только в относительно незначительном размере абсолютной величины налоговых доходов, но и в методике их распределения. В России 64 % налоговых доходов муниципальных образований аккумулируется в бюджетах городских округов – более экономически развитых территорий; 29,5 % – муниципальных районах, в то время как в них проживают две трети населения России [17]. В 2024 г. объем доходов местных бюджетов составил 8 197,0 млрд руб. (выше уровня 2023 г. на 14,9 %, или на 1 060,1 млрд руб.), в т.ч. налоговые доходы – 2 492,1 млрд руб. (+26,2 %), неналоговые доходы – 397,0 млрд руб. (+12,9 %), трансферты – 5 307,9 млрд руб. (+10,3 %) [18].

Экономическая самостоятельность местных органов управления в решении важных социальных вопросов не может быть обеспечена, если для этого нет реальных доходных возможностей [19, с. 301].

Так, в бюджете Нижнеудинского муниципального образования федеральный налог на доходы физических лиц является одним из основных доходных источников и составляет более 30 % общего объема доходов и от 44–52 % от объема налоговых и неналоговых доходов. Ст. 61 БК РФ определен норматив отчисления в бюджет поселения в размере 10 %. Поэтому из собранных средств в 2024 г. в бюджет Нижнеудинского муниципального образования поступило 122 млн руб. налогов на доходы физических лиц (10 %), в бюджет Нижнеудинского района с территории городского поселения поступило 244 млн руб., (20 %) и в бюджет субъекта – Иркутской области – поступило 854 млн руб. (70 %) [13].

Местные налоги и сборы являются главным инструментом реализации экономической политики, однако представительные органы местного самоуправления, принимая решение о взимании местных налогов, не обладают достаточными полномочиями для введения и регулирования дополнительных налогов, изменения налоговых ставок и льгот, поскольку они жестко регулируются Налоговым кодексом РФ. Местные налоги и сборы устанавливаются законодательством РФ и отражены в Налоговом кодексе. Основной принцип налоговой системы в РФ: «что не разрешено, то запрещено». Это значит, что местные власти не имеют права вводить новые виды и формы налогов и сборов. В соответствии со ст. 15 НК РФ выделяют следующие виды местных налогов: земельный, на имущество физических лиц, торговый сбор, туристический налог [16].

Нормами налогового законодательства определено, что представительные органы муниципальных образований могут их регулировать [16, ст. 15]. Установлены и границы таких изменений. Например, налоговые ставки по налогу на имущество физических лиц в отношении жилых домов, квартир, комнат; объектов незавершенного строительства, гаражей могут быть уменьшены нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (или законами городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, нормативными правовыми актами представительного органа федеральной территории «Сириус») до нуля или увеличены, но не более чем в три раза по отношению к нормам налоговых ставок, предусмотренных [20, ст. 406].

С начала 2025 г. действует прогрессивный подход к налогу на доход физических лиц, увеличены и налоги на имущество стоимостью более 300 млн руб. Очевидно, что поступления в бюджет городских поселений на фоне прогрессивного налога в сравнении с мегаполисами будут незначительны ввиду различий в уровне жизни, доходах, стоимости недвижимости и земли. В данном случае нам необходимы определенные пояснения. По состоянию на 1 января 2021 г. в Российской Федерации насчитывалось 1336 городских поселений [21]. Такое соотношение – 98,8 % и 1,2 % – может показаться малоубедительным: не так уж много в России мегаполисов (1,2 %). Однако в них проживает 35 621 813 чел. – 24 % российского населения [17]. И поскольку в мегагородах в той или иной форме аккумулируется значимая часть налогов, собранных в малых территориальных образованиях, можно говорить о том, что в России четвертая часть населения находится в наиболее благоприятных условиях бюджетного наполнения и, в целом, уровня жизни. Справедливости ради нужно признать, что такое неравенство отчасти компенсируется тем, что и «стоимость жизни» в небольших поселениях, конечно же, ниже ввиду относительно невысоких цен на услуги, недвижимость и землю.

Напомним, что с 2025 г. в России был введен торговый сбор и туристический налог, однако их применение ограничено. Торговый сбор, регулируемый гл. 33 Налогового кодекса, взимается только в Москве с предприятий и организаций, занимающихся розничной торговлей через различные торговые точки. Туристический налог, вступивший в силу 1 января 2025 г., затрагивает гостиницы, санатории и другие объекты размещения. Он рассчитывается на основе стоимости проживания, а ставки устанавливаются местными властями в рамках определенных Налоговым кодексом РФ [22]. Стоит отметить, что туристический налог не имеет большого значения для большинства городов и поселений Восточной Сибири по причине недостаточного инвестирования в туристический бизнес в этих локациях Восточной Сибири.

Что касается налогов физических лиц, согласно НК РФ [20, ст. 32], плательщики налога на иму-

щество физических лиц – это физические лица, у которых имеется право собственности на имущество, признаваемое объектом налогообложения [20, гл. 32]. При этом регистрация имущества физическими лицами носит заявительный характер и регистрируется по мере необходимости. Кроме этого, налог исчисляется от суммарной инвентаризационной стоимости объектов налогообложения, которая почти ежегодно переоценивается. Но здесь есть труднорешаемые вопросы. Поскольку переоценку производят органы областного БТИ, которые не подчиняются органам местного самоуправления, и у них нет заинтересованности в уточнении налогооблагаемой базы, переоценке и своевременной передаче данных в налоговые органы. Данные по собираемости и величине налогов передаются через Управление, которое находится в областном центре (в данном случае, в г. Иркутске). Управление БТИ передает данные переоценки в Управление налоговых органов, и лишь потом данные передаются в ИФНС (ИФНС № 6 по Иркутской области), которая является администратором местных налогов. В результате мы видим длительный срок документооборота. Тем не менее определенные положительные сдвиги есть. Так, Нижнеудинским муниципальным образованием создана межведомственная комиссия по уточнению налоговой базы по местным налогам и увеличению их объема, снижению недоимки. Заседания проводятся ежемесячно, приглашаются руководители БТИ и налоговых органов.

По земельному налогу имеются нерешенные вопросы. На территории Нижнеудинского муниципального образования находятся учреждения, финансируемые из федерального бюджета, которые федеральным законом освобождены от уплаты земельного налога (ОВД, таможенные органы, налоговые органы, воинские части и т.д.). Таким образом, муниципалитет, где находятся такие учреждения, имеет выпадающие доходы по земельному налогу в пределах 7,0 млн руб., которые не возмещаются из федерального или регионального бюджетов [23]. Кадастровой оценкой земельных участков на территории муниципального образования занимается Управление Роснедвижимости. Кроме того, налогооблагаемая база по земельному налогу Управления не совпадает с базой в налоговых органах. Муниципалитет без наличия правовых механизмов решить данный вопрос не может.

В бюджет Нижнеудинского муниципального образования такие налоги, как единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности и налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, не поступают – они поступают в бюджет Нижнеудинского района. В то же время муниципалитетом проводятся мероприятия по развитию и стимулированию малого и среднего бизнеса, а именно: предоставляются в аренду производственные помещения, торговые залы, склады. Тем самым ежегодно увеличиваются неналоговые доходы бюджета от сдачи в аренду имущества, находящегося в муниципальной собственности. Постоянно работают комиссии по рациональному использованию площадей предпринимателями, своевременной оплате арендной платы. Пустующие площади выставляются на торги, либо имущество, не пользующееся спросом, включается в план приватизации и реализуется.

Таким образом, в формировании бюджетного потенциала муниципальных бюджетов местные налоговые доходы не имеют определяющего значения. Собственные налоги муниципальных бюджетов (налог на имущество физических лиц, земельный налог) имеют различную собираемость в зависимости от уровня муниципального образования. В больших городах, где цены на землю более высокие и у населения есть дорогое имущество, собираемость объективно (и в абсолютном, и в относительном измерении) больше, а в небольших городских и сельских поселениях она значительно ниже. Предполагается, что федеральные и региональные трансферты несколько выравнивают бюджетную обеспеченность. Однако дотационность не может быть стимулом к развитию бизнеса и промышленности.

Может быть, настало время дать органам местного управления больше самостоятельности в формировании налоговой части местного бюджета? Конечно, такая самостоятельность потребует контроля и аудита со стороны разного рода надзорных органов и структур. К сожалению, случаи коррупции на местах на данный момент наблюдаются [24], но статистика свидетельствует о значительном снижении интенсивности роста коррупции на местах [25].

В городских поселениях современной России формируется гражданское общество, и есть реальные факты, подтверждающие данный процесс. Активно работает представительная власть городского поселения г. Нижнеудинска. Решения Городской Думы публикуются на официальном сайте Нижнеудинского муниципального образования. Каждый житель городского поселения может обратиться к депутату своего округа с просьбой дать разъяснение или решить ту или иную проблему. На этом фоне вовлечение граждан в реальное построение бюджета своего муниципального образования повышает роль личной и коллективной ответственности, и это важный шаг преодоления неравенства на уровне общественного сознания.

Исполнительная власть подконтрольна законодательной власти. Контроль осуществляется на основе работы ревизионных комиссий, а также обязательной публичной отчетности руководителей местной администрации перед депутатами и населением. Самостоятельность местных административных органов в управлении налоговыми доходами муни-

ципального бюджета эффективна только в условиях активной обратной связи между населением и властью на местах.

Большие и малые муниципальные образования объективно находятся в разных экономических условиях. Поэтому было бы слишком опрометчивым утверждать, что относительная налоговая самостоятельность позволит преодолеть неравенство полностью. На наш взгляд, конкретные меры для повышения налоговых доходов городских поселений объективно могут быть связаны с умеренным «разворотом» (не резким и не кардинальным) налогового законодательства на федеральном уровне в сторону малых территориальных образований. В условиях становления гражданского общества, участия граждан в бюджетном процессе, совершенствования самого бюджетного процесса такая мера будет иметь конструктивный эффект.

Необходимо провести тестовые исследования на основе собственных налогов местного уровня: земельного и налога на имущество физических лиц. Целесообразно провести тщательные расчеты, которые бы расширяли и усиливали возможности законодательной и исполнительной власти на местах, в частности, в городских поселениях. Законодательная и исполнительная власть ввиду своего неоднородного и совещательного характера способна в ходе профессиональной дискуссии, учесть местные возможности и условия с целью достижения оптимизации, а затем и роста налоговых доходов местных бюджетов.

Литература:

1. Морунова Г.В., Иванова Н.Г., Румянцева А.В. Трансформация муниципальных финансов в современных условиях // Экономическая безопасность. 2022. № 4. Т. 5. С. 1649–1664.
2. Мишина С.В. Трансформация системы местных налогов и сборов в условиях модернизации налогообложения в Российской Федерации. М.: Научная библиотека, 2013. 140 с.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС Гарант.
4. Жукова А.П., Карамышева Е.П., Осипов В.А. Проблемы управления муниципальными бюджетами (на примере Калужской области) // Вестник евразийской науки. Сетевое издание. 2023. Т. 15. № 4. С. 1–15. URL: https://esj.today/PDF/55ECVN423.pdf.
5. Яруллин Р.Р., Вафина А.Н. Доходы местных бюджетов, пути их роста // Экономические науки. 2023. Т. 5-1 (80). С. 256–259.
6. Качанова Е.А. Оценка дефицита местного бюджета в условиях глобальных вызовов: содержание, причины и пути оптимизации // Муниципалитет: экономика и управление. 2024. № 2. С. 26–33.
7. Латыпова Р.Р., Насыров Г.М. Проблемы формирования доходной части бюджета и пути их решения // Вестник науки. 2024. № 6 (75). Т. 2. С. 289–292.
8. Шпиляк Ю.С. Роль органов местного самоуправления в обеспечении сбалансированности местных бюджетов // Вестник науки. 2024. № 10. Т. 3. С. 258–268.
9. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Щацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX века: монография. М.: РОССПЭН, 2006. 294 с.
10. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Самаруха И.В. Развитие финансового и налогового механизмов в Советской России и СССР // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. №1. С. 100-112.
11. Федеральный закон от 11.04.1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/12212
12. Иркутская область в цифрах. Краткий статистический сборник. 2023 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат). URL: https://38.rosstat.gov.ru/search?q=Краткий+статистический+сборник+2023 (дата обращения: 02.05.2025).
13. Годовая бюджетная отчетность администрации Нижнеудинского муниципального образования за 2021–2023 гг. // Сайт Финансового управления администрации муниципального района муниципального образования «Нижнеудинский район». URL: http://fin28.ru/ (дата обращения: 02.06.2025).
14. О результатах экспертизы проекта решения Думы Нижнеудинского муниципального образования «О бюджете Нижнеудинского муниципального образования на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов». URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fnudinsk.irksp.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2022%2F02%2F%25D0%259F (дата обращения: 02.06.2025).
15. Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/external
16. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС Гарант.
17. Города-миллионники России 2025: сколько их? // Zoon.ru. URL:https://zoon.ru/article/otdyh/goroda_millionniki_rossii/?ysclid=me4nqaeunq47069188.
18. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на регио-

нальном и муниципальном уровнях за 2024 год // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetov.pdf
19. Цоков К.В. Экономические факторы формирования доходов и расходования средств местных территориально-административных образований: на материалах РСО-Алания: дисс ... канд. экон. наук. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. 2011. 208 с.
20. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС Гарант.
21. Сколько городских поселений. Городские поселения: Масштабы и Особенности // Graph.ru. URL: https://graph.org/Skolko-gorodskih-poselenij-Gorodskie-poseleniya-Masshtaby-i-Osobennosti-02-16
22. Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480697/
23. Решение Думы Нижнеудинского муниципального образования от 21.06.2018 г. № 41 «О земельном налоге на территории Нижнеудинского муниципального образования» // Администрация Нижнеудинского муниципального образования. Решения Думы Нижнеудинского МО за 2018 г. URL: https://n-udinsk.ru/duma_resheniya.php?year=2018 (дата обращения: 02.06.2025).
24. Колесниченко А. «Тырят по-семейному». Как выглядит коррупция в глубинке? URL: https://aif.ru/money/corruption/tyryat_po-semeynomu_kak_vyglyadit_korrupciya_v_glubinke?ysclid=mf0w6iunii922750295
25. СКР зафиксировал снижение роста числа коррупционных преступлений. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6123591?ysclid=mf1985m32y558054906

Management of Tax Revenues of an Urban Settlement: How to Overcome Inequality

Ageeva N.A.
East-Siberian University of Economics and Law
Savchenko I.A.
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Sergeeva A.L.
Centralized Service for Servicing Institutions of the Nizhneudinsk Municipal Formation

The main research problem posed in the article is the possibility of overcoming qualitative inequality, which we objectively observe in the management of tax revenues of small and large territorial entities. The purpose of the article was to identify opportunities for improving tax management in urban settlements (using the example of Nizhneudinsk, Irkutsk region).

In the course of solving research problems, the peculiarities of the influence of various factors on the formation of the tax component of an urban settlement have been studied, and the problems of providing the revenue side of local budgets with tax revenues have been identified.

Local budgets are a fund of funds that perform important economic and social functions in the sphere of life support for people living in a particular locality. The authors show that the forms of budget replenishment are the same for all territorial entities, but this uniformity is ambiguous. Only a small part of the tax revenues of urban settlements remain in local budgets, while conditional equality is achieved through federal and regional transfers.

In this context, the combination of independence and integrity of local authorities in determining the tax base is assessed as the optimal prospect for increasing tax revenues at the municipal level and strengthening their impact on the local economy. Measures are proposed to possibly increase the tax revenues of local budgets and overcome inequality in the management of tax revenues of small and large territorial entities.

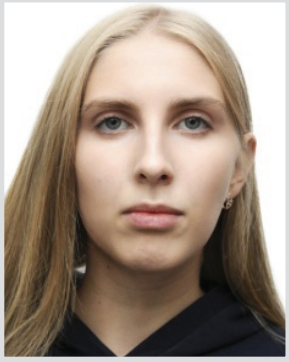
Keywords: inequality, urban settlement, municipal entity, municipal budget, tax revenues, Tax Code, Budget Code, budgetary powers

УДК 338.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-15-20

Технологический суверенитет как стратегический приоритет: институциональные методы и инновационные траектории

Будрина Е.В.
Доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой управления бизнес-технологиями
Санкт-Петербургского государственного морского
технического университета

Тимошилова П.С.
Аспирант, ассистент кафедры международных экономических
отношений Санкт-Петербургского государственного
морского технического университета

Технологический суверенитет является стратегическим приоритетом, поскольку выступает основой для обеспечения экономической безопасности и технологической независимости государства в условиях непрерывных глобальных международных вызовов. Целью научного исследования является выявление и обоснование эффективных институциональных механизмов, способствующих достижению технологического суверенитета Российской Федерации. В ходе исследования был проведен анализ подходов к концепции технологического суверенитета, выявлены и описаны ключевые барьеры технологического развития страны, а также ключевые институциональные механизмы поддержки инновационной траектории развития. Научная значимость работы заключается в разработке и предложении комплекса институциональных методов, направленных на достижение технологической независимости страны путем повышения эффективности реализации государственной инновационной политики.

Ключевые слова: *технологический приоритет, критические технологии, барьеры инновационного развития, технологическое лидерство, институциональные методы*

Для цитирования: *Будрина Е.В., Тимошилова П.С. Технологический суверенитет как стратегический приоритет: институциональные методы и инновационные траектории // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 15–20. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-15-20.*

В современном мире технологии непрерывно влияют на общество и культуру наций, а глобализация оказывает все больший эффект на развитие каждой отдельной страны. В связи с этим актуальной оказывается проблема необходимости достижения технологического суверенитета с целью снижения угрозы для национальной безопасности и способности к долгосрочной конкуренции. В эпоху стремления определенных государств к экономическому, политическому и военному гегемонизму странам становится чрезвычайно важно развивать критические технологии [1]. На данный момент концепцию гегемонии сменяет многополярная модель мира, которая подразумевает равномерное распределение влияния

между регионами, в связи с чем возникают новые центры экономического развития, которые получают все большее значение в экономическом миропорядке.

Глобальная экономическая система претерпевает масштабные изменения в связи с ростом факторов ее дестабилизации, к которым можно отнести санкционное давление, политическое воздействие и другие методы, которые применяют определенные страны и альянсы с целью индивидуальной выгоды. В результате смены миропорядка для государств как никогда важно обеспечивать технологический суверенитет.

На этом этапе технологического развития страны не могут создавать все технологии и продукты исключительно автономно в рамках закрытой системы, в связи с чем остро встает вопрос об отслеживании основных мировых трендов глобального развития. Анализ передовых направлений трансформации глобального экономического и геополитического прогресса необходимо осуществлять и соотносить с основными подходами к экономической политике РФ с целью последующей оперативной адаптации стратегических решений и реагирования на глобальные мировые вызовы.

Для России актуальны такие основные направления социально-экономического развития: создание устойчивой и динамичной экономики, обеспечение технологического лидерства, цифровая трансформация экономики. Для реализации перечисленных направлений развития требуется достижение технологического суверенитета – как способность страны самостоятельно разрабатывать, производить и контролировать ключевые технологии и инфраструктуру, необходимые для экономической независимости и национальной безопасности, что подтверждается нормативно-правовыми актами, принятыми в РФ. Так, в «Концепции технологического развития устанавливаются плановые цели до 2030 года», среди которых обеспечение устойчивого развития и экономического роста, достижение технологического суверенитета [2].

Технологический суверенитет выступает темой для исследований в научных работах российских экономистов, таких как А.А. Афанасьева [3], С.В. Бредихин [4], И.В. Данилин [5], Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина [6] и других, поскольку отражает наиболее актуальную и популярную в международном сообществе тему – экономическая устойчивость государств и обеспечение лидерства в области создания инноваций и технологий.

В соответствии со стратегией научно-технического развития РФ, под технологическим суверенитетом понимают способность государства обеспечить независимость в разработке, производстве и применении критических технологий, минимизируя зависимость от внешних факторов [7]. Указанная трактовка установлена в нормативном документе [7], определяющем основные направления долгосрочного развития РФ в области науки и технологий, на наш взгляд, приведенное определение не охватывает все подходы к реализации стратегии.

Существуют несколько подходов к рассмотрению технологического суверенитета. Первым и наиболее значимым является геополитический подход, в рамках которого страны стремились к обособленному развитию инновационных технологий внутри страны, в том числе с целью дальнейшего политического и экономического давления на международном рынке за счет собственного лидерства в области передовых технологий [5].

Также технологический суверенитет рассматривают как результат деятельности государственных институтов по осуществлению мероприятий в области контроля критических технологий, регулирования стратегий по импортозамещению и применения других методов по обеспечению технологической независимости [3]. Институциональный подход включает в себя уже действующие структуры и методы деятельности, а также их изменение к требованиям международного рынка.

Системный подход определяет суверенитет как категорию общего развития страны, так как вся цепочка технологического развития совершенствуется с целью обеспечения замкнутого инновационного цикла, а как следствие – устойчивости ключевых отраслей и экономики в целом [6].

В числе прочего технологический суверенитет рассматривают как элемент национальной безопасности, драйвер экономической конкурентоспособности, как стимул к развитию промышленного и научно-исследовательского комплексов страны, как секторно-ориентированную модель развития отдельных отраслей. В связи с этим отмечаем, что технологический суверенитет – это способность такой многофакторной системы, включающей в себя государственные институты, предпринимателей, образовательные и научные организации, обеспечить технологическую независимость страны, минимизировать влияние внешних рисков на экономическую устойчивость, направленную на преодоление барьеров инновационного развития, свойственных каждому отдельному государству.

К основным барьерам технологического развития относят систематизированные и представленные нами в таблице 1.

Таким образом, на данный момент существует совокупность барьеров, ограничивающих динамичное технологическое развитие РФ в условиях санкционного давления и закрытости международных рынков. В связи с чем требуется рассмотрение институциональных механизмов и инновационных траекторий развития технологического суверенитета государства.

Для обеспечения плановых показателей в области технологического суверенитета требуется раз-

Таблица 1

Барьеры технологического развития Российской Федерации [составлено авторами]

Барьер	Описание
Недостаточная адаптивность экономики к глобальным трендам	Экономика РФ в результате санкционного давления показала невозможность реагирования на изменчивые мировые тенденции инновационного развития
Быстроменяющаяся рыночная конъюнктура	На данный момент международные рынки существуют в условиях радикальной смены инновационных технологий, а также ускоренного процесса создания знаний и изменения производственных систем
Дефицит квалифицированных специалистов в высокотехнологичных отраслях экономики	Существует проблема несоответствия образовательных программ современным тенденциям экономического развития. В следствие этого возникает кадровый дефицит в высокотехнологичных отраслях
Высокие затраты на разработку	В случае начала импортозамещения продуктов критически важных отраслей промышленности, которые ранее не производились в стране, а соответственно не производились фундаментальные исследования будут требовать значительных затрат на исследования и создание инноваций в данной отрасли
Трудности в коммерциализации	Значительная часть научных исследований не выходят на стадию коммерциализации и остаются теоретизированными. В связи с санкционным давлением и закрытостью международных рынков для РФ возникают трудности с продажей и распространением технологических решений
Устаревшие производственные мощности и инфраструктура	Значительная часть производственных мощностей в России не приспособлена к внедрению автоматизированных технологий и нововведений. В том числе инфраструктура требует значительных вложений для ее модернизации и соответствия инновационному развитию

витие методов институционального регулирования, которые представлены нами на рисунке 1.

Центральным методом в общей совокупности методов выступает государственное регулирование и стратегическое планирование. В рамках данного метода государственными органами принимаются стратегии долгосрочного развития, создается инфраструктура для поддержки инновационного развития, которая способствует формированию технологического суверенитета. В том числе можно отметить, что долгосрочное планирование позволяет согласовать процессы в рамках текущей деятельности и дальнейших перспектив, такие как импортозамещение, наращивание кадрового потенциала, рост инвестиций в исследования и разработки. В качестве примера можно привести региональную стратегию развития Ростовской области, в которой устанавливается необходимость достижения технологического суверенитета за счет внедрения инновационных технологий [8].

Одним из фундаментальных институциональных методов, выступающих основой технологического суверенитета, является рост качества подготовки специалистов в системе высшего образования. Создание актуальных направлений образовательных программ на основе широкомасштабного внедрения технологических и цифровых инноваций и трансформация системы высшего образования в целом позволят наращивать квалифицированный кадровый потенциал для высокотехнологичных отраслей экономики.

Рис. 1. Методы институционального воздействия на национальную инновационную систему по достижению технологического суверенитета

Несмотря на установление стратегического приоритета в развитии инженерного образования статистика выпуска бакалавров, специалистов и магистров по техническим направлениям подготовки демонстрирует отрицательную динамику. Так, в 2020 г. количество выпускников по программам высшего образования по группе специальностей «инженерное дело, технологии и технические науки» составляло 241,6 тыс. чел., в 2021 г. – 234,5 тыс. чел., а в 2022 г. – 233,1 тыс. чел. Для сравнения: показатели по группе специальностей «науки об обществе» значительно выше и составляют 349,6 тыс. чел., 325,9 тыс. чел. и 323,5 тыс. чел. [9]. Исследователи отмечают, что в 2022 г. около 30 % выпускников, получивших образование в области инженерных специальностей, трудоустроены по специальности, не связанной с полученной профессией [10]. Подготовка высококвалифицированных кадров выступает основой, поскольку именно человеческий капитал является драйвером инновационного развития, а также ключевым фактором проведения фундаментальных исследований в рамках

образовательных учреждений высшего образования.

Еще один институциональный метод развития технологического суверенитета – обеспечение финансово-инвестиционной поддержки. Основными источниками финансирования, как правило, выступают государство, а также венчурные фонды. Во многом эффективность их деятельности зависит от институциональной среды в целом, включая ее адаптивность к глобальным трендам, таким как цифровизация и устойчивое развитие.

Венчурные фонды в рамках данного метода выступают организациями, финансирующими малые инновационные предприятия и стартапы, которые зачастую разрабатывают инновационные идеи [11]. Для эффективной деятельности венчурных фондов требуется разработка нормативных актов, регулирующих их деятельность, регламентирующих вопросы интеллектуальной собственности и упрощающих ряд административных процедур.

В качестве следующего метода можно привести институциональный метод создания программ государственной поддержки для участников ннновационной деятельности, который является особенно продуктивным. В рамках данного механизма для компаний, создающих технологические инновации, обеспечиваются субсидии и налоговые льготы. Однако часто такие программы не демонстрируют ожидаемых результатов, что обусловлено несогласованностью действий участников, которыми выступают представители науки, бизнес-сектора и государства. Данная проблема связана с тем, что многие институциональные методы требуют адаптации к динамике международного рынка и крайне зависимы от этого показателя.

В подтверждение указанного ранее суждения, можно привести проект «Национальная технологическая инициатива», который был создан с целью развития наиболее перспективных технологических рынков и отраслей для РФ с целью импортозамещения и достижения технологического лидерства. В рамках данного проекта представителям секторов национальной инновационной системы предоставляются различные меры поддержки инновационной активности, а также обеспечен доступ к объектам исследовательской инфраструктуры, которые могут быть использованы участниками [12].

Таким образом, можно отметить, что для достижения технологического суверенитета выделяют несколько уровней по применению институциональных методов. Наиболее высоким и масштабным является макроуровень, в рамках которого принимаются государственные стратегии по развитию, создаются национальные проекты развития инноваций, формируется законодательная база, регулирующая вопросы создания и коммерциализации знаний. На мезоуровне осуществляется процесс создания инновационной инфраструктуры поддержки для малых инновационных предприятий и других субъектов, принимающих участие в технологическом процессе. Конкретными действиями и проектами создаются региональные и городские кластеры, технопарки, инновационные научно-технологические центры. На микроуровне происходит популяризация науки и привлечение к исследовательской деятельности молодых людей при создании корпоративных исследовательских лабораторий, а также рождении стартапов в студенческом сообществе. Современная конъюнктура технологического развития демонстрирует превалирующую роль государства в осуществлении поддержки технологического развития и достижения технологического прорыва, через участие предпринимательского сектора, развитость которого сохраняется на достаточно низком уровне.

Среди недостатков действующих институциональных методов можно выделить ориентированность на типичные программы поддержки, использующие зарубежную модель, в условиях которой значительную роль играет частный бизнес, степень участия которого в РФ на данный момент не достигла необходимого уровня развития. В том числе присутствует недостаток коммерциализации научных исследований и разработок за счет слабой кооперации между предпринимательским сектором и научно-исследовательскими организациями [13].

В целях преодоления барьеров технологического развития, а также повышения эффективности институциональных механизмов требуется разработка комплексной методики по достижению технологического суверенитета, в рамках которой будут осуществляться мероприятия по оценке, применению механизмов стимулирования и корректировки деятельности исходя из результатов.

Первостепенно требуется определить все существующие методы достижения технологического суверенитета, провести сравнительный и ранжированный анализ их эффективности на основе результативных показателей с целью выявления наиболее функциональных и действенных из них, возможно даже через создание системы мониторинга предпринимательской среды под влиянием различных институциональных методов. Необходимо создание и продвижение мегапроектов, поскольку они позволят объединить ряд отраслевых проектов одной целью, а также сконцентрировать ресурсы на развитии и создании критически важных технологий для суверенности страны, которые сформируют основу для перехода к шестому технологическому укладу [14]. В том числе в рамках таких проектов возможно будет проводить междисциплинарные исследования с применением уже существующих платформ, таких как «Сколково», «Цифровая экономика» и др. Для поддержки мегапроектов, а также мероприятий по поддержке долгосрочного сотрудничества иссле-

довательских центров с предприятиями, требуется расширить полномочия структур, обеспечивающих инновационную активность, таких как «Фонд развития инноваций», что повысит стабильность спроса на технологии.

На данный момент существует достаточно много отраслевых стратегий, которые влияют на деятельность отдельных, оторванных от единой системы структур и институтов. В рамках перехода к сетевым принципам взаимодействия необходимо объединение отраслевых стратегий развития в единую национальную стратегию долгосрочного развития, которая будет включать в себя наиболее приоритетные направления прогресса, а также интегрирует в единую сеть межрегиональное и межотраслевое взаимодействие [13; 15].

С целью масштабирования и трансформации существующих методов требуется создание комитетов по технологическому суверенитету, которые будут выступать координирующими институтами в инновационном развитии, а также объединят представителей предпринимательского, образовательного и научно-исследовательского секторов, что позволит снизить бюрократические барьеры и повысить эффективность распределения ресурсов.

В рамках методики достижения технологического суверенитета необходимо осуществлять мероприятия по оценке деятельности в рамках инновационного цикла. Для повышения эффективности деятельности на всех этапах воронки инноваций, начиная от генерации знаний и завершая финальной стадией – диффузии инноваций, необходимо сформировать систему показателей [16]. Это позволит отслеживать прогресс или регресс по каждому отдельному этапу инновационного цикла.

Следующим важным этапом является преодоление главных барьеров, в рамках которых должен быть сформирован перечень критических технологий, финансирование которых в значительной степени будет осуществляться за счет государства. С целью преодоления технологической зависимости возможно применение систем локализации производства, а также создание платформ для кооперации всех секторов инновационной системы РФ.

Для обеспечения всех планируемых мероприятий требуется подготовка кадрового потенциала за счет модернизации образовательных программ, в которые будут включены компетенции, соответствующие современному технологическому укладу. В том числе необходимо сформировать институты междисциплинарных исследований, в которых студенты и исследователи смогут получать дополнительные гранты и иные меры социальной поддержки для роста числа исследований в наиболее актуальных направлениях. Помимо прочего, обязательно внедрять программы по переподготовке кадров, которые позволят формировать кадровый резерв среди высококвалифицированных рабочих специальностей для дальнейшей возможности управления инновационными цепочками по международным стандартам.

По итогам проведения всех мероприятий следует проводить оценку внедрения и мониторинг, в ходе которого получать важную для стратегических решений информацию: проводить качественную и количественную оценку индекса технологического суверенитета, производить мониторинг научных публикаций и их дальнейшее практическое развитие, анализировать возникающие инновационные цепочки по прохождению всех этапов от идеи до коммерциализации. По результатам оценки проведенных мероприятий необходимо вводить корректировки и использовать новые методы совершенствования, которые будут приниматься на основе результативных показателей произведенных внедрений.

Таким образом, на данный момент достижение технологического суверенитета является приоритетной целью для Российской Федерации, поскольку тенденции последних лет продемонстрировали зависимость страны от внешних поставщиков, а импорт высокотехнологичной продукции значительно превышает экспорт. Существует значительный ряд барьеров в достижении технологической независимости, которые состоят в отсутствии единой системы коммуникации, разрозненности направлений развития по отраслям, низком количестве междисциплинарных мегапроектов, а также в регуляторных мерах и излишней бюрократизации.

В связи с этим ключевой задачей выступает преодоление барьеров и их трансформации в стимулы для развития, которым может стать предложенный комплекс мероприятий по достижению технологического суверенитета. В основные этапы которого входит: первичная оценка существующих мер, анализ результативных показателей, на основе которых будет введен ряд новых стимулирующих методов и проведена трансформация уже существующих, последующая оценка эффективности произведенных внедрений и корректировка для роста прогрессивности. В связи с этим для достижения технологического суверенитета в РФ необходимо не просто перенимать зарубежные практики по стимулированию инновационной активности, а адаптировать их под специфику страны.

Литература:

1. Братерский М.В. Россия, США и концепция гегемонии: дискурсивный анализ // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 38–57.
2. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р «О Концепции технологического развития до 2020 года» // СПС Гарант.

3. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 2. С. 689–706.
4. Бредихин С.В. Будущее науки: научно-техническая политика. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1013765318.html.
5. Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 238-243. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_238-243.
6. Потапцева Е.В., Акбердина В.В., Пономарева А.О. Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // AlterEconomics. 2024. № 21(4). С. 818–842.
7. Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Постановление Правительства Ростовской области от 26.12.2018 г. № 846 «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года». URL: https://www.donland.ru/activity/2158/ (дата обращения: 31.03.2025).
9. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сб. / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.
10. Боровская М.А., Афанасьев А.А., Макареня Т.А., Федосова Т.В., Никитаева А.Ю. Трансформация инженерного образования для укрепления научно-технологического суверенитета России // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 28(4). С. 11–29.
11. Калайджи Г.И., Матевосов А.С. Развитие венчурных фондов и инновационных стартапов в России: новые тенденции // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № s5. URL: https://esj.today/PDF/47FAVN524.pdf (дата обращения: 31.03.2025).
12. Куракова Н.Г., Петров А.Н. Национальная технологическая инициатива: оценка перспектив технологического лидерства России (Центр научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия; ФГБНУ «Дирекция НТП», г. Москва, Россия) URL: https://ecna.elpub.ru/jour/article/download/16/12 (дата обращения: 31.03.2025).
13. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. Институциональные механизмы обеспечения научно-технологического прорыва в экономике России. Управленческие науки. 2019. № 9(1). С. 6–19.
14. Жданеев О.В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // Записки Горного института. 2022. Т. 258. С. 1061–1078.
15. Исследование потенциала импортозамещения программного обеспечения в приоритетных отраслях экономики. Иннополис: АНО ВО «Университет Иннополис», 2022. 160 с.
16. Бондарчук Н.В., Лебедева Д.В. Трансформация финансирования инновационных проектов на основе платформенного подхода // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 197–202.
17. Траектория экономического развития России – 2025. URL: https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/762/45eajmmjqo2yq0f7s54m63j5ea2ljira/Traektoriya_ekonomicheskogo_razvitiya_Rossii.pdf?17374539686909549 (дата обращения: 30.03.2025).
18. Шейман Д.И., Щедровицкий П.Г. Институциональные механизмы пространственного развития // Формула развития: Сборник статей: 1987-2005. М. 2005. С. 132–157 .

Technological Sovereignty as a Strategic Priority: Institutional Methods and Innovation Trajectories

Budrina E.V., Timoshilova P.S.
St. Petersburg State Maritime Technical University

Technological sovereignty is a strategic priority, as it serves as the basis for ensuring economic security and technological independence of the state in the context of continuous global international challenges. The purpose of the scientific research is to identify and substantiate effective institutional mechanisms that contribute to the achievement of technological sovereignty of the Russian Federation. The study analyzed approaches to the concept of technological sovereignty, identified and described key barriers to the country's technological development, as well as key institutional mechanisms to support the innovative development trajectory. The scientific significance of the work lies in the development and proposal of a set of institutional methods aimed at achieving technological independence of the country by increasing the effectiveness of the implementation of state innovation policy.

Keywords: technological priority, critical technologies, barriers to innovative development. technological leadership, institutional methods

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-21-24

Цифровизация предприятия: объект, цели и основные акторы процесса

Губайдуллин Р.Р.
Директор ООО «Татнфеть-Инжиниринг» (Лениногорск)

Актуальность темы обусловлена взрывной активизацией процесса цифровизации мировой экономики и связанной с этим масштабной трансформацией экономической среды в направлении массового использования цифровых информационно-коммуникационных технологий. Целью работы является формирование методической основы и определении алгоритма практических действий по цифровизации предприятия.

Основываясь на результатах ретроспективного и функционального анализов, автор определяет причины глобальной цифровизации и доказывает актуальность и неизбежность этого процесса для предприятий. С помощью элементов факторного и сравнительного анализов в работе определены объект, этапы, цели и акторы процесса цифровизации предприятия и его основные направления, а также обозначены потенциальные риски. Применяя ситуационный анализ и доказательный подход, исследователь обосновывает неизбежность отказа от аналогового формата и целесообразность перехода к цифровому формату ведения бизнеса, а также необходимость постоянного укрепления цифрового потенциала и повышения цифровой зрелости предприятия.

Научная новизна работы заключается в уточнении понятия «цифровизация предприятия» и обосновании непрерывного характера процесса в течение жизненного цикла организации.

Раскрытие темы позволит сформировать основу для продолжения научных исследований в области цифровизации финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов и стать методической базой для разработки стратегий цифровизации конкретных предприятий.

Ключевые слова: *предприятие, цифровизация предприятия, бизнес-процессы, аналоговая модель бизнеса, цифровая модель бизнеса, цифровой потенциал предприятия, цифровая грамотность, цифровая зрелость*

Для цитирования: *Губайдуллин Р.Р. Цифровизация предприятия: объект, цели и основные акторы процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 21–24. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-21-24.*

В значительной мере исчерпав свои потенциальные возможности к концу XX в., постиндустриальная экономика с начала текущего тысячелетия для поддержания своей эффективности начала поэтапно осуществлять переход к цифровому формату существования, инициировав процесс цифровизации общества в целом. Причем если на начальной стадии цифровизации социум отнесся к ней достаточно скептически, то по мере осознания большинством человечества всех выгод и преимуществ глобальной цифровой среды начал формироваться устойчивый тренд по генерированию и реализации общественного запроса на улучшение качества жизни населения через повышение доступности и эффективности информационно-коммуникационных технологий. Как следствие, в настоящее время именно высокий уровень цифровой зрелости экономических субъектов и граждан той или иной страны стал ключевым показателем «здоровья» национальной экономики и основой для её дальнейшего роста. И вряд ли на сегодняшний день кто-нибудь будет оспаривать необходимость и безальтернативность процесса циф-

ровизации, на протяжении последних 25 лет на практике доказавшего свою способность обеспечить своим объектам высокую мобильность и адаптивность к изменяющимся условиям функционирования, а также кратно повысить доступность материальных благ и снизить издержки протекающих в обществе социально-экономических процессов.

За эти годы цифровизация прошла путь от малопонятного тренда до устоявшегося мейнстрима, охватив все сферы жизни общества и оказав определяющее воздействие как на экономику в целом, так и на каждого её субъекта в частности. При этом в современных реалиях для поддержания своей конкурентоспособности и удержания завоеванных рыночных позиций предприятиям просто необходимо перевести свою финансово-хозяйственную деятельность на цифровую основу, что создаёт предпосылки для их дальнейшей полноценной интеграции в формируемую глобальную цифровую среду, эффективное взаимодействие с которой практически невозможно в рамках аналоговых экономических моделей. Таким образом, цифровизация предприятий, на сегодня, стала безальтернативным и обязательным условием их физического «выживания» и главным вектором развития.

Теоретико-методологические подходы к определению понятий «предприятие» и «цифровизация предприятия»

Предприятия являются первичным звеном национального хозяйства и основными акторами процесса производства валового внутреннего продукта, тем самым экономически обеспечивая исполнение государством своих функций и формируя материальную основу жизни общества. Ст. 132 ГК РФ определяет предприятие в качестве «имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности» [1]. Предприятия классифицируются по отраслевой принадлежности, своим размерам и объемом социально-экономического потенциала, а также закрепленным в уставных документах организационно-правовым формам. В свою очередь, Большой экономический словарь определяет предприятие как «самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, который на основе использования трудовым коллективом имущества производит и реализует продукцию, выполняет работы, оказывает услуги» [2, с. 812], что, на наш взгляд, в ограниченных рамках данной работы дает необходимое представление об этой категории и предоставляет возможность автору достаточно полно раскрыть заявленную в ней тему.

Что касается понятия «цифровизация предприятия», то с учетом того, что, как и глобальная цифровизация, этот процесс получил широкое распространение и трансформировался в мейнстрим только в последние десятилетия, данная дефиниция все еще находится в стадии уточнения, и в российском научном сообществе пока не выработано единого и общепринятого её определения, что подтверждается наличием многочисленных альтернативных точек зрения в научных источниках. Так, группа исследователей во главе с Д.М. Абашевой определяет цифровизацию предприятия как «внедрение цифровых инструментов для оптимизации бизнес-процессов и увеличения эффективности работы» [3]. В то время как Д.А. Жданов рассматривает цифровизацию предприятия в качестве «производства товаров из данных» и «процесса включения цифровых технологий в основные сферы деятельности компании, обработку информации, организацию бизнес-процессов, взаимодействие с клиентами» [4]. При этом Е.А. Нигай указывает на то, что цифровизация «фокусируется на улучшении конкретных, специализированных аспектов бизнеса» [5].

Мы же в нашей работе будем рассматривать цифровизацию предприятия в качестве необходимого и безальтернативного процесса отказа от аналоговой модели ведения бизнеса и перехода к цифровому формату осуществления финансово-хозяйственной деятельности, предполагающему тотальное внедрение в бизнес-процессы информационно-цифровых технологий и переход к дигитальным формам информационного обмена с государственными органами, партнерами и потребителями.

Цели, объект, этапы и основные акторы процесса цифровизации предприятия

Главными целями цифровизации предприятия являются обеспечение стратегической конкурентоспособности и непрерывности его финансово-хозяйственной деятельности, снижение издержек, повышение эффективности использования существующих технологического и экономического потенциалов и их дальнейшее развитие, поддержание финансовой устойчивости и увеличение адаптационных возможностей бизнеса.

Сегодня, когда в рамках процессного подхода экономическая наука рассматривает предприятие не как совокупность структурных подразделений, а как совокупность бизнес-процессов, именно последние являются объектом цифровизации. Бизнес-процессы позволяют решить задачу удовлетворения потребностей внутренних и внешних клиентов в товарах и услугах путем совершения многократно повторяющихся, логически связанных и последовательных действий, направленных на создание ценности и формирование результата за счет преобразования входных данных в выходные, уже наделенные добавочной стоимостью. Являясь строго регламентированным и бизнес-ориентированным алгоритмом действий, бизнес-процессы предприятия в самом общем виде подразделяются на основные (операционные), поддерживающие (сервисные) и управленческие, образуя в совокупности замкнутый цикл создания востребованных обществом экономических благ, призванных удовлетворить запросы населения в товарах или услугах.

Проведение цифровизации предприятия, бесспорно, является задачей повышенной сложности, и его эффективность во многом определяется уровнем квалификации и наличием мотивации его акторов, к коим мы можем отвести собственников бизнеса, менеджмент и персонал, а также в определенной степени государство, партнеров и потребителей. Последние в значительной мере формируют внешнюю среду финансово-хозяйственной деятельности предприятия и определяют механизмы и формат коммуникаций с ним.

После принятия решения о начале процесса цифровизации предприятия, его владельцам и менеджменту необходимо приступить к выработке стратегии и принятия детализирующей её «дорожной карты», предварительно проведя комплексный и квалифицированный анализ финансово-хозяйственной деятельности, акцентируя внимание на рисках цифровизации, цифровом потенциале компании и оценке степени её цифровой зрелости, определяемой как состоянием материально-технической базы, так и уровнем цифровой грамотности персонала, его морально-психологической готовности к предполагаемым изменениям. Принятая к исполнению стратегия должна содержать исчерпывающую информацию о целевых показателях и задачах цифровизации, её объекте и этапах, источниках финансирования, сроках реализации и механизмах достижения запланированных результатов, а также фиксировать конкретные роли и задачи каждого участка процесса и определять формы отчетности и контроля. В конечном итоге это должен быть публичный и определяющий долгосрочное развитие предприятия обязательный к исполнению документ, внутреннее содержание которого понятно всем сотрудникам, независимо от степени их вовлеченности в процесс цифровизации.

Практическая реализация стратегии должна проводится системно и осуществляться одновременно по нескольким направлениям. Прежде всего это модернизация технологической и материально-технической базы и устранение дисбаланса между существующими и потенциально необходимыми для достижения стратегических целей цифровизации ресурсами. Достижение этих целей требует как более высокого уровня цифровой грамотности сотрудников, так и более технологически совершенного оборудования.

Первыми шагами на пути цифровизации должны быть оптимизация и автоматизация рутинных бизнес-процессов, заключающихся в переходе к электронному документообороту и создании цифровой инфраструктуры, позволяющей вести финансово-хозяйственную деятельность и взаимодействовать как внутри предприятия, так и с внешней средой уже по цифровым каналам. Как показывает практика, только за счет улучшения доступности входящей и исходящей информации предприятие способно повысить производительность труда и эффективность управления, снизить свои издержки и улучшить координацию между структурными подразделениями.

Создав на основе автоматизации бизнес-процессов базу для дальнейшей цифровизации, целесообразно окончательно отказаться от аналоговой модели ведения бизнеса и полностью перейти к основанным на цифре технологиям производства продуктов, услуг и информационным коммуникациям, тем самым продолжив укрепление цифрового потенциала предприятия, позволяющего поднять на качественно иной уровень процессы управления производством, логистикой, маркетингом, продажами и т.д., объединив все аспекты бизнеса на цифровых платформах. Это позволит собирать и проводить анализ больших по объему данных, что положительно отразится на достоверности оценок собственного экономического потенциала, а также рынка в целом и тенденциях его развития, тем самым создавая предпосылки для принятия адекватных управленческих решений и определения вектора дальнейшего развития, отвечающего как запросам потребителей, так и соответствующего общим тенденциям социально-экономического развития страны и направлениям трансформации глобальной экономики.

Одновременно необходимо привести кадровую стратегию в соответствие с целями цифровизации и повысить цифровую грамотность сотрудников предприятия, подняв её, как минимум, до уровня «уверенный пользователь», а также приступить к формированию более совершенной корпоративной цифровой культуры, предполагающей осознание трудовым коллективом безальтернативности цифровизации и наличие у последнего мотивации для перехода с аналоговой в цифровую среду трудовой деятельности.

Апогеем процесса цифровизации предприятия должно стать сквозное внедрение в бизнес-процессы технологий искусственного интеллекта и объединение в единую экосистему всех созданных цифровых платформ, что кратно повысит прозрачность его финансово-хозяйственной деятельности и обеспечит необходимую для свободного обмена информацией такую степень открытости, которая способна гарантировать постоянный и неограниченный доступ к ней как внутренних, так и внешних субъектов.

В целях обеспечения унификации процесса цифровизации предприятий, 26 июня 2025 г. Роскачество сообщило о завершении совместной с Минфифрой РФ разработки стандарта качества цифровой трансформации, предусматривающего унификацию подходов к внедрению цифровых решений, а также формализующего ключевые принципы, терминологию и критерии оценки результатов цифровых изменений в организациях. Данный документ определяет следующие этапы цифровизации:

1) оценка и анализ текущего состояния организации;

2) стратегическое планирование развития;

3) определение необходимых ресурсов для реализации плана;

4) выполнение запланированных мероприятий;

5) оценка достигнутых результатов;

6) исправление выявленных ошибок и корректировка процесса [6].

Выводы:

1. На сегодняшний день цифровизация предприятия является мейнстримом глобального экономического развития и безальтернативным инструментом обеспечения непрерывности бизнеса и его стратегической конкурентоспособности в условиях динамично изменяющейся среды функционирования.

2. Процесс цифровизации предприятия должен осуществляться на комплексной основе и наряду с автоматизацией и оптимизацией бизнес-процессов, модернизацией материальной и технологической баз, предусматривать устранение дисбаланса между уровнем цифровой грамотности персонала и задачами перехода от аналогового к цифровому формату ведения финансово-хозяйственной деятельности.

3. Цифровизация предприятия не имеет конкретного срока окончания и должна проводиться непрерывно на протяжении всего жизненного цикла бизнеса, т.к. наблюдаемое сегодня ускорение глобальной цифровизации предполагает постоянное совершенствование применяемых технологий и обновление инструментария, предопределяя необходимость перманентного приведения цифрового потенциала организации в соответствие с общим уровнем цифровой зрелости общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС Гарант.
2. Большой экономический словарь: 19000 терминов / [М.Ю. Агафонова и др.]; Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 1997. 856 с.
3. Акбашева Д.М., Бойчоров Ш.К., Хыбыртова Л.Б. Цифровизация предприятия // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 2 С. 189–195. DOI 10.26118/2782-4586.2024.59.99.027.
4. Жданов Д.А. Цифровизация отечественных производственных компаний: состояние и перспективы // Экономическая наука современной России. 2023. № 2 (101). С. 127–141. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-2(101)-127-141
5. Нигай Е.А. Цифровизация или цифровая трансформация: выбор направления развития бизнеса // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2024. № 1. С. 91–106.
6. Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации. URL: https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf.

Enterprise Digitalization: Object, Goals and Main Actors of the Process

Gubaidullin R.R.
Director of Tatnfet-Engineering LLC (Leninogorsk)

The relevance of the topic is due to the explosive intensification of the process of digitalization of the global economy and the associated large-scale transformation of the economic environment towards the mass use of digital information and communication technologies. The purpose of the work is to form a methodological basis and determine the algorithm of practical actions for the digitalization of the enterprise.

Based on the results of retrospective and functional analyses, the author identifies the causes of global digitalization and proves the relevance and inevitability of this process for enterprises. Using elements of factorial and comparative analyses, the paper identifies the object, stages, goals and actors of the enterprise's digitalization process and its main directions, as well as identifies potential risks. Applying situational analysis and an evidence-based approach, the researcher substantiates the inevitability of abandoning the analog format and the expediency of switching to a digital business format, as well as the need to constantly strengthen the digital potential and increase the digital maturity of the enterprise.

The scientific novelty of the work is to clarify the concept of "enterprise digitalization" and substantiate the continuous nature of the process during the organization's life cycle.

The disclosure of the topic will form the basis for continuing scientific research in the field of digitalization of financial and economic activities of economic entities and become a methodological basis for developing digitalization strategies for specific enterprises.

Keywords: enterprise, enterprise digitalization, business processes, analog business model, digital business model, digital enterprise potential, digital literacy, digital maturity

УДК 338.26
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-25-32

Методика комплексной оценки учета ESG-факторов в документах стратегического планирования муниципального образования

Дмитриева Е.О.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры национальной и мировой экономики
Самарского государственного технического университета

В настоящее время концептуальной основой модернизации процессов стратегического планирования в Российской Федерации выступает устойчивое развитие. Устойчивое развитие отражается в триедином учете и балансе ESG-факторов: экологического, социального и управленческого. Цель исследования заключается в совершенствовании методического обеспечения системы стратегического планирования социально-экономического развития на муниципальном уровне. В рамках поставленной цели изучены различные методы и подходы к интеграции ESG-факторов в систему стратегического планирования Российской Федерации. Несмотря на имеющийся задел в данной тематической области, стратегическое планирование в самом многочисленном муниципальном секторе выглядит методически слабо обеспеченным.

В работе предложена методика комплексной оценки учета ESG-факторов в документах стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования. Данный подход синтезирует положения концепции устойчивого развития с традиционными методами и инструментами стратегического планирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения методики и ее отдельных элементов на всех этапах стратегического планирования. Представлены результаты апробации методики в ходе научно-исследовательской работы по корректировке и актуализации Стратегии социально-экономического развития городского округа Самара на период до 2025 г. Контент-анализ действующих документов стратегического планирования муниципального образования показал недостаточно высокую степень сбалансированности и полноты отражения эколого-экономических, социальных и управленческих компонентов устойчивости в приоритетных направлениях социально-экономического развития.

Результаты оценки по предлагаемым параметрам в перспективе могут способствовать совершенствованию системы стратегического планирования на муниципальном уровне.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, цели устойчивого развития, ESG-факторы, муниципальное управление, документы стратегического планирования, муниципальное образование, городской округ Самара*

Для цитирования: *Дмитриева Е.О. Методика комплексной оценки учета ESG-факторов в документах стратегического планирования муниципального образования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 25–32. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-25-32.*

Ценности и цели устойчивого развития воплощены в соответствующей Повестке дня ООН на период до 2030 г., принятой 193 государствами – членами ООН в декабре 2015 г. [1; 2]. Данный документ является универсальным долгосрочным планом для всех стран и задает главный вектор масштабных преобразований во всех сферах общественного развития. Измерение критериев достижения целей устойчивого развития сводится к трем ключевым проекциям: *E* – экологической, *S* – социальной и *G* – управленческой (*ESG*-факторам[1]). На необходимость интеграции *ESG*-факторов в механизмы развития и деятельности корпоративных структур, а также органов публичной власти в Российской Федерации, указывают аналитические обзоры Счетной палаты Российской Федерации [3; 4], экспертные оценки Государственной корпорации «ВЭБ.РФ» [5] и консалтинговых групп: *RAEX, SGM*, «Эксперт РА», Национального рейтингового агентства и др.

Национальные цели развития Российской Федерации, определенные в горизонте до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. [6] и их подробная региональная декомпозиция [7] достаточно развернуты и тесно взаимоувязаны с рекомендациями ООН по устойчивому развитию, а значит, *ESG*-факторы в той или иной степени учитываются в стратегическом планировании на федеральном и региональном уровне или будут должным образом приняты во внимание. Такая согласованность в большей мере четко просматривается в каркасе документов верхнеуровневого целеполагания.

На этом фоне стратегическое планирование муниципальных образований в ключе приоритетов устойчивого развития выглядит недостаточно встроенным в единую «вертикаль» стратегирования, фрагментарным, методологически и информационно слабо обеспеченным.

Данная проблема является частью более масштабной проблемы, обусловленной современным институциональным и экономико-правовым состоянием местного самоуправления [8, с. 11; 9, с. 4].

Муниципальное стратегирование получило широкий размах после принятия Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон определяет муниципальное управление как деятельность органов местного самоуправления, направленную на осуществление своих полномочий в области социально-экономического развития [10].

В свете нового Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» оно осуществляется в трех видах муниципальных образований: городских округах, муниципальных округах и внутригородских муниципальных образованиях городов федерального значения. Право на осуществление полномочий органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования закрепляется ст. 37 данного Закона [11].

По данным на 1 января 2025 г. число муниципальных образований в РФ составляет 17 051 [12]. В настоящий момент в ГАИС «Управление» размещено около 48,5 тыс. действующих документов стратегического планирования местного значения. Группировка данных документов по видам муниципальных образований демонстрирует, что практика стратегического планирования распространялась преимущественно в городских округах и муниципальных районах (табл. 1).

В структуре документов стратегического планирования, которые реализуются в городских округах (внешний круг диаграммы) и муниципальных районах (внутренний круг диаграммы), преобладают муниципальные программы. Незначительное число приходится на прогнозы долгосрочного периода (рис. 1).

Среди основных проблем муниципального стратегирования социально-экономического развития, с которыми сталкиваются органы местного самоуправления и разработчики соответствующих документов, заметно выделяются следующие:

1. Нахождение баланса между самостоятельностью в определении стратегических ориентиров и ниш для развития муниципального образования и установками, заданными на вышестоящих уровнях публичной власти. Органы местного самоуправления выступают в качестве самостоятельных участников стратегического планирования, с одной стороны, а с другой стороны – развитие территории, на

Рис. 1. Структура документов стратегического планирования в городских округах и муниципальных районах, ед.

[1] *ESG – Environmental* (окружающая среда/экология), *Social* (социальная политика) и *Governance* (качество управления).

Таблица 1

Распространение практики стратегического планирования на муниципальном уровне в Российской Федерации

Тип муниципального образования	Общее число муниципальных образований, на 01.01.2025 г., ед.	Число действующих документов стратегического планирования, ед.		Стратегий к числу муниципальных образований данного типа, %
		всего	из них стратегий*	
Муниципальные районы	1 266	22 087	1 169	92,3
Муниципальные округа	528	–	–	–
Городские округа	521	9 975	424	81,4
Городские округа с внутригородским делением	2	111	2	100,0
Внутригородские районы	12	35	–	–
Внутригородские территории города федерального значения	253	–	–	–
Городские поселения	1 063	3 127	72	6,8
Сельские поселения	13 406	13 141	347	2,6
Итого	17 051	48 476	2 014	11,8

Источник: составлено автором на основе научной публикации Е.М. Бухвальда [8, с. 9], данных Росстата [12], ГИАС «Управление» [13].

Прим.: *Стратегия социально-экономического развития муниципального образования.

которой они работают, попадает в область действия достаточно большого комплекса документов стратегического планирования федерального и регионального значения, которые включают в себя Стратегию пространственного развития Российской Федерации, схемы территориального планирования, национальные проекты, государственные программы и др.

2. Недостаточная бюджетная обеспеченность большинства муниципалитетов. В ситуации практически полного функционирования местного самоуправления за счет межбюджетных трансфертов четкое предвидение объемов финансовых средств на долгосрочных рубежах становится затруднительным.

Надо сказать, что проявление перечисленных препятствий отличается большим разнообразием в зависимости от типа и статуса муниципального образования, численности населения и других характеристик, существенно усложняющих разработку документов стратегического планирования.

В научной литературе стратегическому планированию на местном уровне уделяется значительно меньше внимания, чем на региональном [8, с. 83]. Большое число публикаций зарубежных и российских авторов посвящено исследованию устойчивости социально-экономических систем как предметной области стратегического планирования. Важно отметить вклад ведущих профессоров И.А. Антипина [15, 16], С.Н. Бобылева [17], Б.С. Жихаревича [18], Н.Ю. Замятиной [19], В.В. Климанова [20], Х.А. Константиниди [21], Т.В. Усковой [22], Г.Р. Хасаева [23] и др. в исследование устойчивого развития как сложной и многогранной концепции. Однако многие актуальные вопросы и проблемы, распространенные на муниципальном уровне, удалось лишь обозначить.

Так, отдельные аспекты учета *ESG*-факторов в процессах стратегического планирования и документах стратегической важности рассматриваются в ряде научных публикаций и экспертных материалах.

И.Н. Макаров, В.С. Назаренко в результате исследования *ESG*-подхода в отечественной системе стратегического планирования приходят к выводу о том, что высокая степень скоординированности программных документов с положениями концепции устойчивого развития не создает необходимого синергетического эффекта в заданных направлениях развития, что требует устранения данного лакуна в экономической политике и институциональном обеспечении страны [24, с. 2572; 25, с. 305].

В работе С.И. Мишулиной анализируются цели и задачи отражения экологических аспектов в региональных и муниципальных стратегиях, определяется их место в составе приоритетных направлений социально-экономического развития [26, с. 171]. Автор аргументирует нецелесообразность разработки экологической стратегии или отдельного блока документа стратегического планирования, акцентируя внимание на необходимости включения в состав объектов стратегического планирования природно-территориальных комплексов.

А.С. Скворцова и А.М. Воротников [27, с. 56–57] на примере г. Липецк рассматривают тенденции развития российских городов по трем направлениям *ESG*-трансформации.

Условия применения *NBS*-концепции[2] в интересах устойчивого развития высокоурбанизированных территорий затронуты Е.Н. Королевой, раскрыты

[2] Природоориентированные решения (*Nature-Based Solutions, NBS*).

возможности ее комплексирования с концепцией «Умный город» [28, с. 349]. В совместном исследовании с С.И. Мелешкиной предложена *ESG*-модель города и сформулированы предпосылки и ограничения ее внедрения в практику стратегического планирования [29, с. 40–41].

Несмотря на имеющиеся исследования, в теоретико-методологической и практической плоскости заметны существенные ниши. Особое значение приобретает всеохватывающий учет *ESG*-факторов на каждом этапе процесса стратегического планирования и проведение комплексной оценки уровня их интеграции в систему стратегических документов, наряду с параметрами социально-экономического развития, имеющими долговременный характер.

В данном исследовании мы исходим из положения, что комплексный подход к устойчивому развитию муниципальных образований предполагает интеграцию и гармоничное сочетание *ESG*-факторов в системе документов стратегического планирования.

Предпосылками учета *ESG*-факторов в стратегическом планировании на местном уровне, предопределившие актуальность исследования и соответствующие Основам государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, являются [30]:

– единые методологические позиции позволят наладить межведомственное взаимодействие на всех уровнях публичного управления и избежать рассогласованности документов стратегического планирования по целям, срокам и ресурсам;

– приверженность органов местного самоуправления и заинтересованных сторон концепции *ESG* обеспечит переход к новой, более устойчивой, ценностной модели управления, будет способствовать повышению качества жизни населения и инвестиционной привлекательности муниципальных территорий.

Теоретическую основу проведенного исследования составили положения концепции устойчивого развития, теории публичного управления и подходы к ESG-трансформации социально-экономических систем. Информационной базой послужили документы стратегического планирования, разработанные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, методические рекомендации и материалы органов власти в сфере стратегического планирования. Исследование выполнено преимущественно на материалах городского округа Самара, однако основные выводы могут быть применены к задачам стратегического планирования других городских округов. В работе получен следующий новый научный результат – разработана методика комплексной оценки учета *ESG*-факторов в документах стратегического планирования муниципального образования, полностью охватывающая весь цикл стратегического планирования. Предложенная методика дает возможность оценить уровень сбалансированности и полноты учета экологических, экономических, социальных и управленческих аспектов устойчивого развития в ключевых направлениях социально-экономического развития муниципального образования. В качестве основных методов исследования следует выделить общелогические (системный подход, анализ, синтез и др.), эмпирические (контент-анализ, сравнение, описание и др.).

Для комплексной оценки степени учета *ESG*-факторов в документах стратегического планирования, разрабатываемых и реализуемых в муниципальном образовании, выделены четыре оценочных блока, каждый из которых соответствует конкретному виду деятельности органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования и этапу цикла стратегического планирования. В блоках определены критерии оценивания каждого параметра и рекомендуемый уровень порогового значения (табл. 2).

В городском округе Самара на 30 июня 2025 г. действуют следующие документы стратегического планирования [13]:

– Прогноз социально-экономического развития на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг. [34];

– Стратегия социально-экономического развития городского округа Самара на период до 2025 г. [35];

– План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития на период до 2025 г. [36];

– 66 муниципальных программ.

Контент-анализ учета ESG-факторов в обозначенных документах показал соответствие 9 из 13 критериев оценки (табл. 3).

В результате анализа выявлены резервы наиболее полного и сбалансированного отражения *ESG*-факторов в документах стратегического планирования городского округа Самара, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования в горизонте до 2036 года. Особое внимание необходимо направить на *ESG*-трансформацию системы муниципального управления в соответствии с международными стандартами в области устойчивого развития, а также на проработку механизмов и инструментов реализации стратегически значимых направлений социально-экономического развития.

Таким образом, идея объединения императивов стратегического планирования и *ESG*-методологии открывает новые горизонты для комплексного анализа современных проблем развития муниципальных образований. В силу реализации актуальных задач по обеспечению устойчивого социально-экономического развития страны и регионов будет способствовать разработке документов стратегического планирования на местном уровне, гармонично сочетающих эколого-экономические, социальные и управленческие аспекты.

Таблица 2

Методика оценки степени учета *ESG*-факторов в документах стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования

Документ стратегического планирования	Параметры оценки	Рекомендуемое соблюдение параметра
Блок 1. Система прогнозирования		
Прогноз социально-экономического развития на среднесрочный или долгосрочный период	1.1. «Шокоустойчивость» сценариев социально-экономического развития муниципального образования [18, с. 4–15], [31, с. 10]	Учет в прогнозных оценках устойчивости к стрессовому сценарию развития внешней среды (*ESG*-риски и возможные «шоки») (да / нет)
Бюджетный прогноз муниципального образования	1.2. Соблюдение принципа сбалансированности местного бюджета	Соответствие запланированных расходов суммарному объему доходов бюджета и поступлений из источников финансирования дефицита (да / нет)
Блок 2. Система целеполагания		
Стратегия социально-экономического развития	2.1 Отражение категорий «устойчивость» или «устойчивое развитие» в системе целеполагания муниципального образования	Включение категорий устойчивости в стратегическое видение, миссию и (или) генеральную цель (да / нет)
	2.2 Соответствие приоритетов (стратегических направлений) развития муниципального образования контуру *ESG*	Охват двух из компонент *ESG* (не менее 50 %)
	2.3 Преломление современных концепций устойчивого развития муниципальных образований (городов) в приоритетных направлениях социально-экономического развития	Адаптация концепций устойчивого развития городов для достижения целей и задач социально-экономического развития муниципального образования (не менее 5 концепций)
	2.4 Экологизация стратегии [26, с. 170]	Включение в состав объектов стратегического анализа и планирования природно-территориальных комплексов (да / нет)
	2.5 Ориентированность на *ESG*-трансформацию муниципального управления и внедрение «бережливых» технологий	Наличие экологической политики или экологического стандарта, руководящих принципов в контуре *ESG* (да / нет)
		Наличие ориентиров, способствующих повышению IQ-города (да / нет)
Блок 3. Система планирования и программирования		
План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития	3.1 Интеграция оценок муниципального образования в области устойчивого развития в систему целевых показателей	В перечень целевых показателей необходимо включить *ESG*-рейтинги и *ESG*-метрики в интегральные оценки муниципального образования в области устойчивого развития (не менее 3)
	3.2 Учет показателей ОЭСР в системе целевых показателей	Включение показателей ОЭСР в систему целевых показателей (да / нет)
Муниципальные программы	3.3 Высокая степень сбалансированности и полноты отображения эколого-экономических, социальных и управленческих компонент устойчивости в инструментах реализации стратегии социально-экономического развития	Ориентированность муниципальных программ на достижение Целей устойчивого развития (не менее 60 %)
	3.4 Вовлеченность заинтересованных сторон в реализацию программ [32, с. 152]	Наличие партнерских механизмов (да / нет)
Блок 4. Реализация документов стратегического планирования		
Отчет о ходе реализации стратегии социально-экономического развития*	4.1 Адекватность вклада муниципального образования в устойчивое развитие региона / страны [5; 33]	Отсутствие глубокого отставания города от уровня устойчивого развития региона (важно для административных центров) (да / нет)
	4.2 Приверженность принципам устойчивости и целям устойчивого развития в ходе реализации документов стратегического планирования	Внедрение международных стандартов в области устойчивого развития, в систему реализации документов стратегического планирования (да / нет)

Источник: разработано автором.

Прим.: *не является документом стратегического планирования.

Таблица 3

Результаты оценки степени учета *ESG*-факторов в документах стратегического планирования социально-экономического развития городского округа Самара

Документ стратегического планирования	Параметры оценки	Соблюдение параметра
Блок 1. Система прогнозирования		
Прогноз социально-экономического развития на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг.	1.1 «Шокоустойчивость» сценариев социально-экономического развития муниципального образования	Да
Бюджетный прогноз муниципального образования	1.2 Соблюдение принципа сбаланси-рованности местного бюджета	Нет
Блок 2. Система целеполагания		
Стратегия социально-экономического развития на период до 2025 г.	2.1 Отражение категорий «устойчивость» или «устойчивое развитие» в системе целеполагания муниципального образования	Да
	2.2 Соответствие приоритетов (стратегических направлений) развития муниципального образования контуру *ESG*	64 %
	2.3 Преломление современных концепций устойчивого развития муниципальных образований (городов) в приоритетных направлениях социально-экономического развития	11
	2.4 Экологизация стратегии	Да
	2.5 Ориентированность на *ESG*-трансформацию муниципального управления и внедрение «бережливых» технологий	Нет
Блок 3. Система планирования и программирования		
План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития на период до 2025 г.	3.1 Интеграция оценок муниципального образования в области устойчивого развития в систему целевых показателей	3
	3.2 Учет показателей ОЭСР в системе целевых показателей	Да
Муниципальные программы	3.3 Высокая степень сбалансированности и полноты отображения эколого-экономических, социальных и управленческих компонент устойчивости в инструментах реализации стратегии социально-экономического развития	более 60 %
	3.4 Вовлеченность заинтересованных сторон в реализацию программ	Да
Блок 4. Реализация документов стратегического планирования		
Отчет о ходе реализации стратегии социально-экономического развития	4.1 Адекватность вклада муниципального образования в устойчивое развитие региона / страны	Нет
	4.2 Приверженность принципам устойчивости и целям устойчивого развития в ходе реализации	Нет

Источник: составлено автором.

Литература:

1. Декларация генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981 (дата обращения: 25.05.2025).
2. 17 целей, призванных преобразовать наш мир // ООН. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment (дата обращения: 25.05.2025).
3. Цели устойчивого развития // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 6 (271). URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf (дата обращения: 10.06.2025).
4. Устойчивое развитие регионов // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. № 9(310). URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/c59/nvj03vghnm6yzwmbczxr1isq2lsb4tsq.pdf (дата обращения: 10.06.2025).
5. Индекс качества жизни в городах России // Платформа ВЭБ-индекс. URL: https://citylifeindex.ru (дата обращения: 10.06.2025).
6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
7. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (дата обращения: 13.06.2025).
8. Бухвальд Е.М., Лапаев Д.Н. Муниципальная реформа и муниципальное стратегирование // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 2(70). С. 7–14.

9. Швецов А.Н. Реорганизация муниципального пространства: российские реформы в сопоставлении с международной практикой // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2023. Т. 73. № 2. С. 3–12.
10. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26. Ст. 3378.
11. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2015. № 12. Ст. 1200.
12. База данных показателей муниципальной статистики // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm (дата обращения: 13.06.2025).
13. Реестр документов стратегического планирования // ГАИС «Управление». URL: https://gasu.gov.ru/stratdocuments (дата обращения: 15.06.2025).
14. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегии городов России людностью более ста тысяч в 2014–2024 гг. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 3 (78). С. 82–94.
15. Антипин И.А., Иванова О.Ю., Шишкина Е.А. Стратегическое планирование развития территорий в условиях ESG-повестки // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 13–17.
16. Антипин И.А. Теоретические, методологические и прикладные основы формирования стратегий социально-экономического развития региона: дисс. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2022. 421 с.
17. Бобылев С.Н. В поисках измерения устойчивости развития // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: сб. науч. ст. / Академия управления при Президенте Республики Беларусь. Минск. Изд-во Б и., 2023. С. 15–19.
18. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69). С. 4–15.
19. Замятина Н.Ю. Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 3. С. 481–505.
20. Климанов В.В., Михайлова А.А. Устойчивость регионов России в условиях кризиса // Общественные финансы. 2020. № 40. С. 4–10.
21. Константиниди Х.А., Яковлева Е.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Оценка устойчивости развития и перспектив ESG-трансформации субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. 2023. № 1 (53). С. 176–180.
22. Ускова Т.В. К вопросу о научно-методическом обеспечении устойчивого развития регионов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 4 (67). С. 19–26.
23. Хасаев Г.Р., Шестаков А.А., Исаев Р.О. Менеджмент устойчивого развития: организация, руководство и управление новыми объектами // Экономика устойчивого развития. 2018. № 4 (36). С. 288–292.
24. Макаров И.Н., Назаренко В.С., Осипова И.В., Лесных Е.В. ESG-подход в системе стратегического управления экономическими системами национального и регионального уровня // Креативная экономика. 2022. 16 (7). С. 2569–2586.
25. Назаренко В.С., Макаров И.Н. Стратегическое планирование в России: учет принципов устойчивого развития и ESG-повестки // Приоритеты новой экономики: энергопереход 4.0 и цифровая трансформация: сб. всеросс. науч.-практ. конф. М.: МГИМО МИД Российской Федерации.2022. С. 305–308.
26. Мишулина С.И. Экологизация стратегий социально-экономического развития как условие перехода на модель «зеленого» экономического роста // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2017. Т. 5. № 9(35). С. 167–174.
27. Скворцова А.С., Воротников А.М. Возможности определения устойчивости развития городов России на основе оценки ESG-факторов (на примере г. Липецка) // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3(49). С. 53–59.
28. Королева Е.Н. NBS-концепция для устойчивого развития городов // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 1–1. С. 347–350.
29. Королева Е.Н., Мелешкина С.И. ESG-трансформация моделей городского развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 12 (206). С. 33–43.
30. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 46. Ст. 7676.
31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.12.2024 г. № 3750-р «Об утверждении Бюджетного прогноза Российской Федерации на период до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 52. Ст. 8387.
32. Дмитриева Е.О. Развитие местных сообществ в системе стратегического целеполагания муниципального образования // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 150–158.
33. Рейтинг устойчивого развития городов Российской Федерации // Рейтинговое агентство SGM. URL: https://www.agencysgm.com/ratings/ (дата обращения: 30.12.2024).
34. Решение Думы городского округа Самара от 05.12.2024 г. № 443 «О прогнозе социально-экономического развития городского округа Самара на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.» // СПС Консультант.
35. Решение Думы городского округа Самара от 13.12.2022 г. № 252 «О внесении изменений в Решение Думы городского округа Самара от 26 сентября 2013 года № 358 «Об утверждении Стратегии комплексного развития городского

округа Самара на период до 2025 года» // СПС Консультант.
36. Постановление Администрации городского округа Самара от 20.11.2024 г. № 1117 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития городского округа Самара на период до 2025 г. на 2023–2025 гг.» // СПС Консультант.

Methodology for a Comprehensive Assessment of ESG Factors in Municipal Planning Documents

Dmitrieva E.O.
Samara State Technical University

Currently, the conceptual basis for the modernization of strategic planning processes in the Russian Federation is sustainable development. Sustainable development is reflected in the triadic accounting and balance of ESG factors: environmental, social, and governance. The aim of this research is to improve the methodological support of the system for strategic planning of socio-economic development at the municipal level. Within the scope of this objective, various methods and approaches to the integration of ESG factors into the strategic planning system of the Russian Federation have been studied. Despite existing progress in this thematic area, strategic planning in the largest municipal sector remains methodologically underdeveloped. This paper proposes a methodology for the comprehensive assessment of ESG factor integration in strategic planning documents for the socio-economic development of municipal entities. This approach synthesizes the principles of sustainable development with traditional methods and tools of strategic planning. The practical significance of the study lies in the potential application of the methodology and its individual elements at any stage of strategic planning. The results of the methodology's testing are presented based on the research conducted to amend and update the Strategy for Socio-Economic Development of the Samara Urban District until 2025. A content analysis of the current strategic planning documents of the municipal entity showed an insufficient degree of balance and completeness in reflecting the environmental, economic, social, and governance components of sustainability in the priority areas of socio-economic development. The research findings on the proposed assessment parameters may contribute to the improvement of the strategic planning system at the municipal level in the future.

Keywords: strategic planning, sustainable development goals, ESG factors, municipal governance, strategic planning documents, municipal entity, Samara urban district

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-33-40

Особенности определения и оценки экономической безопасности предприятия хлебопекарной отрасли

Ефимова Е.Г.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Иванова О.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Вопросы безопасности экономики страны многогранные и разноаспектные, где обеспечение продовольственной безопасности – один из факторов её независимости. В структуре экономики России в пищевой промышленности одним из ключевых является производство хлеба, безопасность функционирования которого необходимо обеспечить. Цель настоящей статьи заключается в анализе сущности и особенностей обеспечения экономической безопасности хлебопекарной отрасли, в т.ч. выделении специфики, которую необходимо учитывать при проведении её оценки. Объектом исследования является экономическая безопасность хлебопекарной отрасли, оценка которой выполнена на примере крупнейшего и известного предприятия Свердловской области АО «СМАК». Задачи исследования: 1) обобщить понятия и определить основные составляющие экономической безопасности функционирования предприятий; 2) выделить отраслевую специфику и характерные черты функционирования предприятий хлебопекарной отрасли; 3) сгруппировать проблемы и предложить рекомендации по выявлению и управлению рисками на примере АО «СМАК». Решённые в данном исследовании задачи имеют практическую значимость для управления деятельностью предприятия хлебопекарной отрасли. В данном аспекте практическую ценность результатов исследования представляет принятие управленческих решений с учётом возможных рисков в среднесрочной перспективе, что позволит значительно сократить издержки. Конкретизация специфических проблем и их учёт при оценке экономической безопасности предприятий хлебопекарной отрасли представляет научную новизну исследования.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, продовольственная безопасность, производство хлеба, рискообразующие факторы, управление рисками, оценка рисков, матрица рисков*

Для цитирования: *Ефимова Е.Г., Иванова О.Ю. Особенности определения и оценки экономической безопасности предприятия хлебопекарной отрасли // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 33–40. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-33-40.*

Хлеб входит в группу основных продуктов питания человека, а его стабильное и достаточное производство является одним из факторов обеспечения продовольственной безопасности общества. Однако следует отметить, что в настоящее время происходит снижение объёмов его потребления [1, с. 28], связанное с изменением потребностей и предпочтений, в т.ч. культуры питания, трансформирующих образ жизни современного человека. Данные тенденции необходимо принимать во внимание руководству хлебопекарных предприятий при обеспечении экономической безопасности.

Понятие «экономическая безопасность предприятия (организации)» всесторонне рассмотрено в многочисленных научных источниках. Различные определения данного понятия приведены Е.Б. Дворядкиной, О.А. Березой, В.Н. Самочкиным и В.И. Бараховым, Ю.В. Безугловой и Т.Н. Иголкиной, А.А. Серовым [2–6] и др. Обобщив содержание изученных авторских понятий, можно выделить их имманентные характеристики, консолидация которых необходима для обеспечения безопасности функционирования предприятия. На рисунке 1 выделены три основополагающие составляющие экономической безопасности предприятия.

Во-первых, устойчивое финансовое равновесие определяют в качестве основы нормального функционирования бизнес-процессов предприятия, что в большей мере достигается путём наиболее эффективного использования имеющихся ресурсов. Во-вторых, достигнутое равновесие необходимо сохранять на определённом уровне, для чего предприятие должно быть способным к защите от внешних и внутренних угроз, адаптироваться в изменчивых экономических условиях. В-третьих, предприятию необходимо непрерывное развитие и обеспечение условий для самосовершенствования, что достигается в т.ч. при наличии двух первых составляющих.

Понятие экономической безопасности предприятия хлебопекарной отрасли в научных источниках практически не раскрыто, описаны лишь отдельные

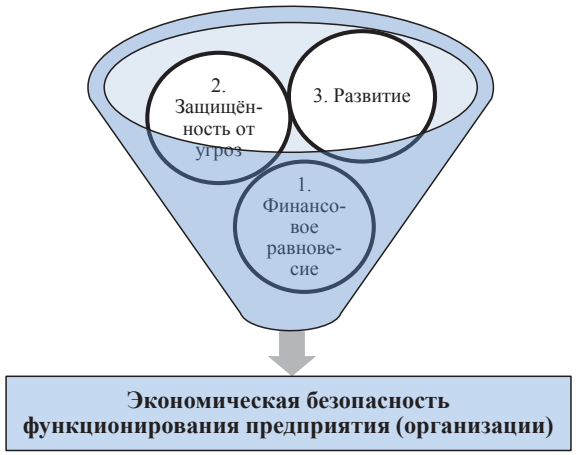

Рис. 1. Составляющие безопасного функционирования предприятия

его свойства, такие как «устойчивое развитие» и «финансово-экономическая устойчивость». В работе А.А. Шабанова устойчивое развитие – «способность хлебопекарной организации обеспечивать и поддерживать стабильное развитие производственной системы на высоком качественном уровне в течение продолжительного времени, сохранять динамические параметры под влиянием факторов окружающей среды в направлении удовлетворения потребностей населения за счёт произведенной данной системой продукции» [7]. Финансово-экономическую устойчивость учёные характеризуют как «внутренне сбалансированную, устойчивую к рискам и угрозам, обладающую высокой адаптивностью к изменяющимся условиям внешней среды финансово-хозяйственную деятельность, осуществляемую исходя из интересов собственников, инвесторов на основании оптимального сочетания имеющихся инструментов диагностики и контроля финансового характера» [8]. Считаем необходимым уточнить понятие экономической безопасности хлебопекарной отрасли, учитывая выделенные выше имманентные характеристики и специфику её деятельности.

Производство хлебобулочных изделий относится к коду ОКВЭД 10.71.1 «Производство хлеба и мучных кондитерских изделий недлительного хранения». В состав АПК России входит пищевая промышленность, где в её структуре в т.ч. хлебопекарной отраслью осуществляется переработка сельскохозяйственного сырья для получения пищевых продуктов [9]. Предприятия хлебопекарной отрасли зависимы от результатов работы основных поставщиков сырья – сельскохозяйственных предприятий – поэтому целесообразно выделить особенности их деятельности (рис. 2).

Особенности функционирования сельхозпредприятий, выделенные на рисунке 2, также являются их производственной спецификой. Так, наличие (масштаб) и использование земли влияют на количество и качество получаемой продукции, также оказывают значительное и часто прямое влияние природно-климатические условия, в т.ч. современные технологии. О.А. Берёза об этом пишет следующее: «Специфика деятельности требует от сельскохозяйственной промышленности и, как следствие, от организаций в сфере производства хлебобулочных изделий налаживания механизма адаптации к колебаниям природно-климатических условий» [3]. Таким образом, основные риски сельхозпредприятий возникают в условиях сезонности, низкой эластичности спроса на продукцию, короткого срока её хранения (без переработки).

Деятельность предприятий, производящих хлебобулочную продукцию, подвержена, с другой стороны, внутриотраслевым рискам (рис. 3).

Пищевая продукция, в т.ч. хлебопекарная, имеет жёсткие стандарты для используемых ингре-

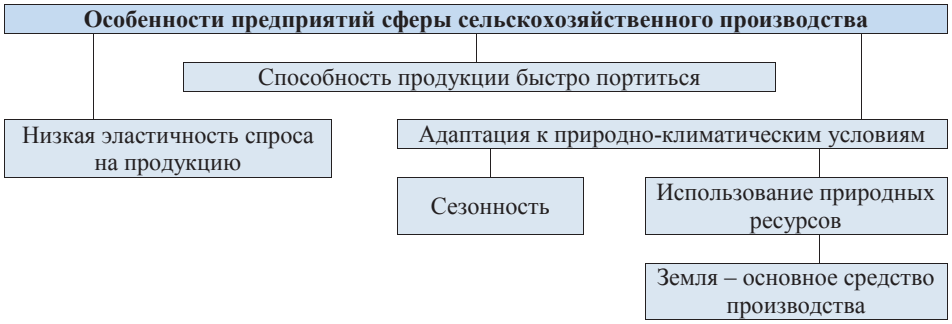

Рис. 2. Особенности деятельности сельскохозяйственных предприятий [3]

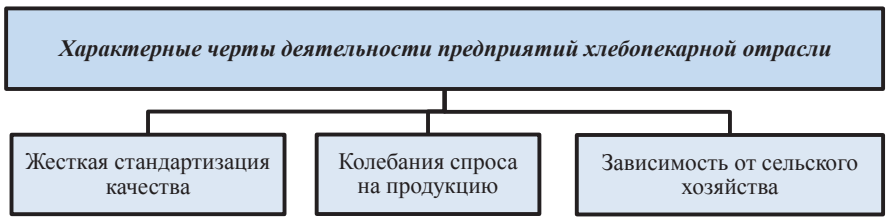

Рис. 3. Отраслевые особенности хлебопекарной отрасли [10]

диентов, что определяет безопасность продукции для здоровья потребителей, поскольку «опасные факторы, в случае присутствия в хлебобулочных изделиях, могут в той или иной мере повлиять на здоровье человека, вызвать болезнь или причинить ему вред» [11]. Для хлебопекарной отрасли России разработан перечень стандартов, определяющих содержание в продукции сахара, соли, жира, наличие степени влажности (черствости) продукции, вопросы укладки, хранения и транспортировки, других требований, нарушение которых может повлечь привлечение производителей к административной ответственности.

Колебание спроса на некоторые виды хлебобулочных изделий является характерным для предприятий, где объём потребления зависит от сезона года, различается в будние, праздничные и выходные дни (летом снижается примерно в 2 раза; в будние и праздничные – значительно выше). Но в целом спрос на хлебобулочную продукцию в России остаётся высоким, т.к. хлеб – национальный продукт первой необходимости.

Зависимость от результатов сельскохозяйственного производства предприятий хлебопекарной отрасли очевидна – они являются главными поставщиками основного сырья, а его качество и количество прямо влияет на себестоимость и итоговую цену хлебобулочной продукции.

Кроме особенностей вида деятельности, учитываемых для обеспечения экономической безопасности, основные бизнес-процессы предприятий хлебопекарной отрасли, подвержены инициирующей различные риски внешней и внутренней среды, которые подробно изучены в работе Г.Г. Кожевниковой [12]. На рисунке 4 сгруппированы факторы рисков предприятий хлебопекарной отрасли России. Совокупность *внешних* рискообразующих факторов, сопровождающих деятельность хлебопекарной отрасли, можно разделить на: *глобальные* (политические, экономические, научно-технические, природно-экологические), *национальные* (политические, экономические, научно-технические, природно-экологические, социокультурные), *региональные* (политические, социально-экономические, технико-технологические, природно-географические) и *отраслевые* (конкурентные, инновационные, межотраслевые).

Среди данной совокупности именно отраслевые определяют факторы прямого влияния. Следует выделить такие специфические характеристики хлебопекарной отрасли: сезонность, высокая конкуренция, низкоэластичный спрос, высокая насыщенность отраслевого рынка, которые определяют целый ряд конкурентных факторов риска. Так, появление новых предприятий усиливает конкуренцию между производителями, влияет на цену продукции и в большей мере на увеличение их издержек. В отрасли формируются либо входят из других отраслей многопрофильные предприятия, выпускающие хлебобулочную и другую продукцию, сопутствующую профилю, которые оказываются более устойчивы к давлению со стороны покупателей и поставщиков, изменению цен на хлебобулочную продукцию, колебаниям потребительского спроса и т.п.

Совокупность *внутренних* рискообразующих факторов отрасли обусловлена внутренней средой хлебопекарных предприятий, где можно выделить факторы, возникающие в результате влияния разных подсистем их деятельности: производственной, сбытовой, финансовой, снабженческой, маркетинговой, управленческой, инвестиционно-инновационной и др. Совокупность эффективного функцио-

Рискообразующие факторы функционирования предприятий хлебопекарной отрасли	
внешние	**внутренние**
обусловлены общеэкономическими характеристиками: - глобальные - национальные - региональные - отраслевые	*обусловлены характеристиками внутренних подсистем конкретного предприятия:* - производственной - снабжения - сбыта и маркетинга - финансовой - управленческой - инвестиционно-инновационной

Рис. 4. Группы рискообразующих факторов функционирования хлебопекарной отрасли

нирования и взаимодействия этих и др. внутренних подсистем определяет результат хозяйственной деятельности каждого предприятия и влияет на уровень его экономической безопасности.

Таким образом, резюмируя результаты исследования сущности и особенностей обеспечения экономической безопасности предприятий хлебопекарной отрасли, можно заключить, что это *процесс непрерывный, осуществляемый в условиях зависимости от результатов работы сельскохозяйственных предприятий, влияния комплекса внутренних и внешних факторов, нацеленный на её стабильное функционирование, устойчивое развитие, и выработку эффективного механизма адаптации к изменяющимся хозяйственным условиям.*

Методик оценки экономической безопасности промышленного предприятия в научной литературе представлено много. Например, широко применяется методика Е.Б. Дворядкиной, Я.П. Силина, Н.В. Новиковой, основанная на оценках риска ликвидности баланса, уровня рентабельности, риска финансовой устойчивости и расчете интегральной (балльной) оценки финансового состояния организации [2]. О.В. Дадыкина предлагает для анализа экономической безопасности предприятия использовать комплекс показателей, разбитых на два блока «Ресурсообеспеченность» и «Эксплуатационное показатели», в первом из которых включены подгруппы потенциалов – материально-сырьевого, кадрового и производственных мощностей; а во втором – финансового и инвестиционно-инновационного. В конечном итоге по каждому блоку показателей получаем интегральный индекс, сравниваемый с заданными пороговыми значениями [13]. И.А. Сергеевой, С.В. Тактаровой, А.Ю. Сергеевым разработана методика экономико-математического регрессионного анализа, в которой задан ряд экзогенных показателей, и в качестве эндогенной (зависимой) переменной выбран коэффициент финансовой устойчивости (R), «определяющий степень зависимости предприятия от внешнего финансирования и, соответственно, являющийся одним из основных показателей в определении для предприятия уровня его экономической безопасности» [14].

Следует отметить, что применение универсальных для промышленных предприятий методик оценки экономической безопасности оставляет нерешёнными ряд проблем, присущих предприятиям хлебопекарной отрасли, связанных с выявлением рисков и своевременной выработкой инструментов управления ими. Так, А.Н. Шубарина обуславливает это тем, что «риск-менеджмент требует от предприятий определенных инвестиций, и отдача от этих инвестиций, в отличие от других направлений деятельности компании, слабо осязаема» [15].

Серьезные предпосылки для возникновения рисковых ситуаций в деятельности хлебопекарных предприятий создают отраслевые факторы, являющиеся внешними факторами микросреды, обусловленные рыночными и экономическими особенностями хлебопекарной сферы.

Перед анализом факторов риска на примере АО «СМАК», проведём анализ некоторых важных показателей отраслевого рынка. Большая доля продукции СМАК (81 %) поступает на рынок Свердловской области, в т.ч. её областной центр – г. Екатеринбург. Для исследования сформирована выборка по 4 предприятиям с кодом ОКВЭД 10.7, зарегистрированным в Свердловской области. В таблице 1 представлены рассчитанные показатели ёмкости отрасли региона и доли рынка по выручке среди сравниваемых конкурентов в хлебопекарной отрасли области.

По данным таблицы 1 наблюдается увеличение ёмкости рынка до 2022 г. Даже в критический пандемийный 2020 г., несмотря на начальное снижение, к концу года показатель вырос на 6 393 085 тыс. руб. (86 %). Видно, что АО «СМАК» остается неизменным лидером по выручке среди 4-х крупнейших предприятий хлебопекарной отрасли.

В таблице 2 представлен рассчет индекса Херфиндаля-Хиршмана для анализа структуры отраслевого рынка. Значения показателя варьируются от 1 до 10000: до 800 – низкий уровень концентрации; 800-1800 – средний уровень концентрации; более 1800 – высокий уровень концентрации [17].

По данным таблицы 2 уровень концентрации рынка хлебобулочных изделий Свердловской обла-

Таблица 1

Основные показатели рынка и доли крупнейших организаций Свердловской области с кодом ОКВЭД 10.7, 2016–2022 гг. [16]

Годы	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество организаций	91	91	91	91	91	91	127
Емкость рынка, тыс. руб.	7430275	7884818	8281877	9147332	9044619	10564748	13823360
Цепной темп роста емкости рынка	-	106,1%	105,0%	110,4%	98,9%	116,8%	130,8%
АО СМАК	30,9%	34,3%	35,7%	36,2%	36,7%	38,4%	38,7%
АО РЕЖ-ХЛЕБ	10,0%	9,4%	10,2%	10,9%	12,0%	13,6%	13,6%
ООО ВИТЕК	8,5%	5,1%	4,2%	4,7%	6,4%	6,3%	5,8%
АО Тагилхлеб	7,0%	6,0%	5,5%	5,0%	5,3%	4,8%	4,7%

Таблица 2

Индекс Херфиндаля-Хиршмана для рынка организаций Свердловской области с кодом ОКВЭД 10.7, 2017–2022 гг. [17; 16]

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
HHI, %	1352	1453	1489	1579	1742	1779
Модифицированный *HHI*	51,40%	52,32%	53,54%	57,16%	59,71%	62,21%

сти характеризуется как средний, однако отмечается тенденция стабильного роста показателя. В 2021–2022 гг. значение индекса приблизилось к 1800, что указывает на возможность перехода к высокой концентрации в ближайшей перспективе.

В таблице 3 представлены расчёты коэффициента Лернера, где в случае монополии значение стремится к 1, а при совершенной конкуренции равно 0 [17]. Значения коэффициента Лернера демонстрируют тенденцию роста и приближаются к 1, что свидетельствует о близости рынка хлебобулочных изделий к монопольному типу, а не к совершенной конкуренции.

Таблица 3

Коэффициент Лернера для рынка организаций Свердловской области с кодом ОКВЭД 10.7, 2017–2022 гг. [17; 16]

2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
0,720	0,679	0,705	0,753	0,771	0,771

На основе отраслевого регионального анализа можно сделать заключение о средней концентрации продавцов на рынке Свердловской области с явной динамикой приближения к некоторой его монополизации, о чём свидетельствует индекс Херфиндаля-Хиршмана и коэффициент Лернера.

Далее нами проанализированы факторы влияния на экономическую безопасность АО «СМАК» [18] и выявлены основные проблемы управления рисками, представленными на рисунке 5.

На рисунке 5 одна из проблем управления рисками АО «СМАК» выделена в виду отсутствия индикаторов для контроля и учёта некоторых производственных рисков. Примерами таких индикаторов могут быть периодичность выхода из строя оборудования, несоответствие технологических норм продукции по причине нарушения технологических требований и т.п. Производственный процесс АО «СМАК» позволяет определить наличие таких данных, однако они, вероятно, не используются для идентификации и контроля возникающих рисков. Управление рисками ограничивается способами их нейтрализации или нивелирования уже после наступления. Это подтверждается отсутствием соответствующих отчётов менеджеров в системе внутренних процедур риск-менеджмента АО «СМАК».

Отсутствие на законодательном уровне общепринятой методики выявления и управления рисками, адаптированной к специфике предприятия. Руководству АО «СМАК» необходимы подобные методики для формирования универсального механизма риск-менеджмента. Хотя в российской практике корпоративного управления рисками существуют определённые требования, закреплённые в правилах листинга ПАО «Московской биржи ММВБ-РТС» и Кодексе корпоративного управления, одобренном Банком России, они распространяются только на компании-эмитенты и не являются обязательными для других организаций [19; 20].

Современная практика показывает, что для эффективного мониторинга, контроля и управления рисками необходимо создание системы риск-менеджмента, где подбор методов управления конкретными рисками в соответствие с внешними и внутренними изменяющимися факторами, и экономическими условиями позволит формировать оригинальные и специфические механизмы. Использование таких механизмов позволит совершенствовать имеющиеся методики, что повысит эффективность выявления и управления рисками.

Проблемы вторая и третья тесно связаны между собой, поскольку для каждой методики существуют определённые индикаторы, нормативные значения или критерии сравнения, которые могут существенно различаться для условий функционирования каждой конкретной организации. Поэтому важно проводить различия между прямыми и косвенными показателями, определять наиболее значимые из них для оценки конкретного риска в определённом периоде. Процесс отбора индикаторов также сопряжен с рисками ошибок, что ведёт к неизбежным дополнительным финансовым и временны́м затратам. Для АО «СМАК» третья выделенная на рисунке 5 проблема влечёт два специфических затруднения, характерных для хлебопекарной отрасли:

– основное затруднение вызвано его лидерством на региональном рынке: по-

Рис. 5. Проблемы выявления и управления рисками в АО «СМАК»

скольку для определения необходима информация об индикаторах лидера (к которым нужно стремиться), анализ должен выходить за пределы региона, что увеличивает риск несоответствия факторов внешней среды;

– сопутствующее затруднение – отсутствие у конкурентов значений необходимых показателей: конкуренты либо не публикуют или не составляют соответствующие отчеты об управлении рисками и о состоянии системы управления ими, либо они находятся в закрытом доступе.

Ещё одна проблема заключается в отсутствии квалифицированных специалистов по управлению рисками, что обусловлено высокими требованиями к их знаниям и навыкам. Трудовые функции такого специалиста в профстандарте согласно Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 апреля 2024 г. № 264н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению рисками» [21], следующие:

– формирование основополагающих документов по управлению рисками организации (политика, принципы, цели, задачи, распределение ответственности);

– разработка методических материалов по оценке рисков, включая идентификацию и анализ влияния рисков на цели организации, в рамках принятия решений и ключевых бизнес-процессов;

– сбор данных, исследование и проверка данных для последующей оценки рисков организации;

– оценка влияния рисков на цели организации в рамках принятия решений и функционирования ключевых бизнес-процессов, подготовка материалов по результатам оценки рисков и силе их влияния;

– подготовка материалов по оценке эффективности управления рисками в организации и отчетности по управлению рисками.

По данным сайта *HeadHunter*, работодатели требуют наличие у риск-менеджера таких личностных качеств, как высокая скорость принятия решения, ответственность, умение работать с базами данных, математический склад ума, компьютерная грамотность. Также желательны высшее образование (экономика, финансы), знание методов кредитного анализа, понимание принципов и методов оценки кредитных рисков, знание законодательства РФ и основ бухгалтерского учета. В связи с высокими требованиями к специалисту, действием современных политико-экономических факторов, число потенциальных риск-менеджеров не велико и данная проблема сопряжена с увеличением затрат на подбор таких специалистов, в т.ч. на заработную плату для них.

Учитывая выделенные проблемы на примере АО «СМАК», диагностику рисков предприятий хлебопекарной отрасли и выбор методов управления ими целесообразно осуществлять на основе синтеза унифицированных методик оценки экономической безопасности и анализа среды их деятельности. В условиях дефицита отраслевых индикаторов деятельности хлебопекарных предприятий для оценки среды наиболее применимы качественные методы анализа: *SWOT*-анализ, *PEST*-анализ, метод экспертных оценок, метод аналогов (на основе анализа конкурентов) и др.

Результатом оценки уровня экономической безопасности и диагностики рисков предприятия хлебопекарной отрасли, а также основой для отбора методов управления ими является построение матрицы рисков. Данная матрица позволяет систематизировать и визуализировать информацию о рисках, а также распределить их по степени вероятности возникновения и воздействия на результаты финансовой и производственной деятельности.

На основе применения методики Е.Б. Дворядкиной, Я.П. Силина, Н.В. Новиковой [2], проведения *SWOT*-анализа и *PEST*-анализа рынка хлебобулочных изделий, использовании метода аналогов, анализа отчётных документов [18] нами сформирована матрица рисков АО «СМАК» (рис. 6).

В матрице рисков (рис. 6) сгруппированы внутренние и внешние риски, учитываемые при управлении бизнес-процессами АО «СМАК». В матрице выделяются три зоны приоритета: зеленая зона (низкий приоритет) – низкие степень влияния и вероятность наступления; желтая зона (средний при-

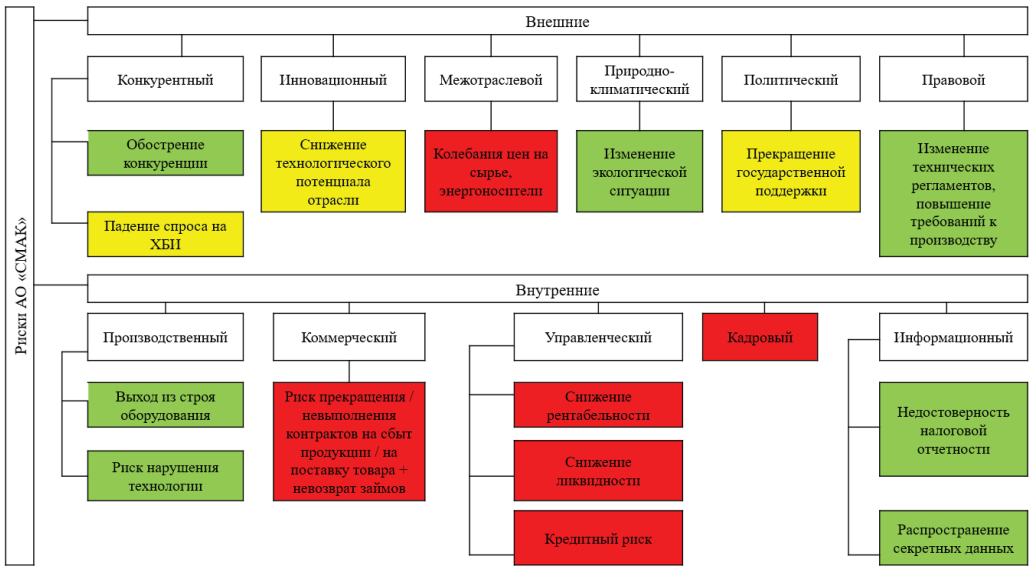

Рис. 6. Матрица рисков АО «СМАК»

оритет) – высокая степень влияния при низкой вероятности наступления (например, снижение спроса на хлебную продукцию) или низкая степень влияния при высокой вероятности наступления; красная зона (высокий приоритет) – высокие степень и вероятность влияния. К рискам высокого приоритета относятся: межотраслевые риски (рост цен на сырье и энергоносители); коммерческие риски (прекращение или невыполнение контрактов на сбыт продукции и поставку товаров, невозврат займов); управленческие риски (снижение рентабельности и ликвидности, кредитный риск); кадровые риски (сокращение квалифицированной рабочей силы). Анализ показал, что лидерство АО «СМАК» на отраслевом рынке снижает конкурентные риски, поэтому они находятся в зеленой зоне.

Таким образом, оценка экономической безопасности предприятий хлебопекарной отрасли должна учитывать специфику, отраслевые особенности и проблемы данного вида деятельности [22]. Изучение отраслевых особенностей и внимательное отношение к ним при управлении рисками позволяют обеспечить высокий уровень экономической безопасности предприятия и выработать наиболее эффективные пути его развития в условиях постоянно меняющейся внешней среды.

Литература:

1. Львова Г.Н. Хлебопекарная промышленность как составляющая продовольственной безопасности страны // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2022. № 2(41). С. 26–32.
2. Дворядкина Е.Б., Силин Я П., Новикова Н.В. Экономическая безопасность: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2016. 194 с.
3. Берёза О.А. Экономическая безопасность сельскохозяйственных предприятий // Juvenis scientia. 2019. № 1. С. 10–13.
4. Самочкин В.Н., Барахов В.И. Экономическая безопасность промышленных предприятий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-1. С. 342–352.
5. Безуглова Ю.В., Иголкина Т.Н. Проблемы формирования механизма экономической безопасности организации в современных условиях // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. № 2. С. 93–106.
6. Серов А.А. Методические подходы к оценке уровня экономической безопасности деятельности организации // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 2. С. 236–240.
7. Шабанов А.А. Устойчивое развитие предприятий хлебопекарной промышленности: понятие и факторы фонового окружения // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 151–154.
8. Stashchuk O., Vitrenko A., Kuzmenko O., Koptieva H. Comprehensive system of financial and economic security of the enterprise // International Journal of Management (IJM). 2020. № 11 (5). P. 330–340.
9. Дьячкова А.В., Баженов Г.Е. Обеспечение устойчивого развития предприятий хлебопекарной промышленности Новосибирской области // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5. С. 339–344.
10. Солдаткина О.В. Система управления хлебопекарным предприятием // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8. С. 119–126.
11. Наумова А.В., Миронцева А.В. Организация системы управления рисками на хлебопекарных предприятиях // Современные научные исследования: актуальные теории и концепции: Материалы Всеросс. (нац.) дистанционной науч.-практ. конф. Саратов: Изд-во ООО «ЦеСАин», 2020. С. 192–195.
12. Кожевникова Г.Г. Исследование рискообразующих факторов в деятельности хлебопекарных предприятий // Современная экономика: проблемы и решения. 2012. № 11 (35). С. 27–38.
13. Дадыкина О.В. Совершенствование методики комплексного анализа и оценки уровня экономической безопасности предприятия на основе информационно-аналитической системы показателей // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 2 (196). С. 44–50.
14. Сергеева И.А., Тактарова С.В., Сергеев А.Ю. Методика оценки уровня и меры обеспечения экономической безопасности предприятия // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2023. № 1. С. 56–69.
15. Шубарина А.Н. Проблемы управления рисками на промышленных предприятиях и пути их решения // Известия ЮФУ. Технические науки. 2021. № 1. С. 206–211.
16. СПАРК. – Официальный сайт. – URL: https://spark-interfax.ru/ (дата обращения: 08.12.2024). – Режим доступа: по подписке.
17. Ярошевич Н.Ю. Оценка конкурентного поведения предприятий на отраслевых рынках промышленного сектора // Journal of new economy. 2020. № 2. С. 94–109.
18. Годовой отчет по результатам работы АО «СМАК» за 2023 г. // Официальный сайт. URL: https://static.boomin.ru/upload/company/documents/e03/godovoj-otcet-pk-smak-za-2023g.pdf

19. Осипенко О. О новых требованиях Московской биржи к корпоративному управлению эмитента из котировальных списков // АО журнал. 2014. № 5 (120). URL: https://ao-journal.ru/o-novyk-trebovanijk-moskovskoj-birzi-k-korporativnomu-upravlenij-emitenta-iz-kotirovalnyk-spiskov
20. О применении ряда нормативных правовых актов в связи с изменением структуры листинга. Письмо Центрального Банка РФ от 25.04.2014 г. № 015-55/3127. URL: https://fs.moex.com/f/20394/14.pdf
21. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.04.2025 г. № 264н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению рисками» (зарегистрирован Минюстом России от 28.05.2025 г. №-82370) // СПС Гарант.
22. Отраслевая экономическая безопасность и отраслевые риски / Е.В. Белюсова, О.Ю. Иванова, Т.Р. Лукашенок [и др.]. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2024. 189 с.

Features of Definition and Assessment of Economic Security of the Enterprise in the Sphere of Production of Bakery Products

Efimova E.G., Ivanova O.Yu.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The security issues of the country's economy are multifaceted and diverse, where ensuring food security is one of the factors of its independence. In the structure of the Russian economy in the food industry, one of the key is the production of bread, the safety of which must be ensured. The purpose of this article is to analyze the essence and features of ensuring the economic safety of the bakery industry, including highlighting the specifics that must be taken into account when assessing it. The object of the study is the economic security of the bakery industry, which was assessed using the example of the largest and most famous enterprise in the Sverdlovsk region, JSC SMAK. Research objectives: 1) to summarize the concepts and determine the main components of the economic safety of the functioning of enterprises; 2) identify industry specifics and characteristic features of the bakery industry; 3) group problems and offer recommendations on risk identification and management using the example of SMAK JSC. The tasks solved in this study are of practical importance for managing the activities of a bakery industry enterprise. In this aspect, the practical value of the research results is the adoption of managerial decisions taking into account possible risks in the medium term, which will significantly reduce costs. The specification of specific problems and their consideration in assessing the economic security of enterprises in the bakery industry is a scientific novelty of the study.

Key words: economic security, food security, bread production, risk-forming factors, risk management, risk assessment, risk matrix

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-41-49

Современные виды обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов

Исаев М.Х.
Аспирант кафедры финансового контроля и казначейского дела
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (Москва)

В статье рассматриваются вопросы формирования современных видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов. Цель статьи состоит в выделении видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов и разработке матрицы показателей их оценки. Установлено, что процесс оценки эффективности использования бюджетных средств при реализации национальных проектов базируется на совокупности нормативного, информационного, финансового, организационного, кадрового, контрольного, методического и технологического обеспечения. Результаты исследования позволили разработать матрицу показателей видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов, включающую общие и целевые группы показателей в разрезе 4 порядков для каждого из выделенных видов обеспечения. Результаты исследования могут быть полезны органам исполнительной власти, контрольно-счетным органам, профессорско-преподавательскому составу при формировании методики оценки эффективности реализации национального проекта.

Ключевые слова: *оценка эффективности, национальные проекты, эффективность, результативность, методика, государственное управление*

Для цитирования: *Исаев М.Х. Современные виды обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 41–49. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-41-49.*

В настоящее время вопросы оценки эффективности реализации национальных проектов становятся все более актуальными, так как они признаются инструментом проектного управления в общественном секторе. Национальные проекты отражают национальные цели государства, которые сформированы в области обеспечения устойчивого экономического и социального развития страны, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан. В этой связи оценка эффективности реализации национальных проектов играет существенную роль в формировании экономики устойчивого цифрового развития и ее информационное обеспечение является одной из актуальных проблем современного государственного управления.

Проведение оценки эффективности использования бюджетных средств национальных проектов – это сложный, многогранный и ответственный процесс, который осуществляется на основе различных видов обеспечения, в том числе методического и информационного. Так, оценка выступает управленческим инструментарием эффективности использования бюджетных средств, под которой понимается идентификация качественных и количественных показателей, характеризующих объект оценки. В этой связи необходимо провести анализ

оценки эффективности использования бюджетных средств и доказать, что оценку эффективности реализации национальных проектов необходимо проводить с помощью комплекса видов обеспечения.

Отечественные научные школы рассматривают различные подходы к оценке эффективности использования бюджетных средств, перечень и основные характеристики которых представлены в исследованиях: И.В. Алексеевой [1], Л.В. Сморгуновой [2], И.В. Барановой [3], О.В. Козловской [4], О.А. Палозян [5], З.А. Чернядевой [6], А.В. Доржеева, А.В. Гуковой [7], С.С. Дымного [8], В.И. Бариленко, Р.П. Булыга, М.В. Мельник [9], И.В. Балынина [10], Н.И. Глотовой, Ю.В. Герауф [11], Т.Б. Турищевой [12], М.В. Егоровой [13], Е.А. Собгайда [14] и многих др. Несмотря на обилие работ, посвящённых оценке эффективности использования бюджетных средств, остаются нерешёнными вопросы основных видов обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств; существенно расходятся во мнении авторы в части видов обеспечения процедур оценки эффективности реализации национальных проектов, а также подвергаются критике нормативно-правовые основы процесса его осуществления.

Для дальнейшего исследования видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов целесообразно определиться с понятием «обеспечение», выделив основные его функции и систему критериев.

Под обеспечением понимается «совокупность мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию экономических процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования экономической системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов; вспомогательные средства, используемые в автоматизированных системах управления и в информационных системах, используемые для поддержания функционирования этих систем» [15, с. 134]. Категория «обеспечение» «означает действие, а также хранение, исполнение чего, гарантирует осуществление того или иного процесса» [16, с. 195]. Обеспечение применительно к оценке эффективности использования бюджетных средств понимается как поддержка всех процессов, этапов, механизмов и инструментов, способствующих проведению процедуры оценивания и повышению транспарентности результатов этой системы.

Для всестороннего исследования процесса оценки эффективности использования бюджетных средств и полного понимания архитектуры проведения, рассмотрим выделенные виды обеспечения (рис. 1).

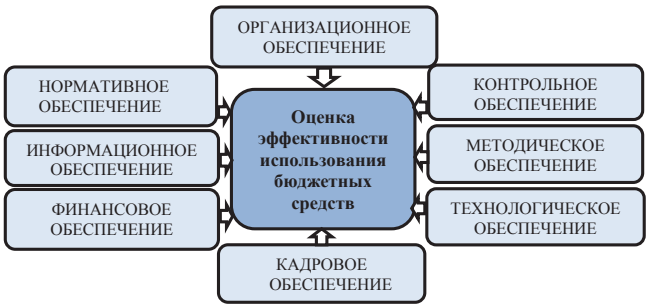

Рис. 1. Виды обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств

Составлено автором на основе проведённого исследования.

Нормативное обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств – это система нормативных правовых актов, включающая законодательные, подзаконные, локальные документы, регламентирующие и обеспечивающие юридическую поддержку процедуры оценки и позволяющие разработать новые локальные алгоритмы. Так, основные принципы эффективности использования бюджетных средств определены ст. 34 БК РФ [17]; особенности оценки эффективности использования бюджетных средств, которые установленны федеральными законами, регламентированы ст. 160.3 БК РФ [17]; реализована «Концепция повышения эффективности использования бюджетных средств на период 2019–2024 гг.» [18]; применяются правила оценки эффективности использования бюджетных средств, направленные на государственную поддержку инновационной деятельности [19]; реализуется методика оценки эффективности использования средств федерального бюджета на капитальные вложения [20]; применяется методика по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации [21] и методические рекомендации по определению уровня достижения национальных проектов (программ) и федеральных проектов, включая рекомендации по определению уровня достижения региональных проектов [22]; утвержден национальный стандарт ГОСТ Р 71136–2023 «Национальные цели развития, национальные проекты (программы) и государственные программы Российской Федерации» [23] с методикой расчётов показателей эффективности; разрабатываются подробные инструкции и рекомендации по оценке эффективности проектов в различных сферах. И это далеко не исчерпывающий перечень документов, нормативно регламентирующий процедуры оценки эффективности использования бюджетных средств. Так контрольно-счетными органами применяется СГА 104 «Аудит эффективности» [24], определяющий критериальный подход к оценке через систему показателей для конкретного проекта в зависимости от поставленных целей и результатов, устанавливающих конечные общественно значимые и социально-экономические эффекты от реализации национального проекта.

Информационное обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств – это

совокупность различных источников получения информации, обеспечивающей процесс оценки необходимыми данными для определения экономичности, продуктивности и результативности использования бюджетных средств применительно к объекту оценки (например, оценки государственных программ, национальных проектов, и др.). При формировании информационного обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств целесообразно руководствоваться теорией информации, энтропии, асимметрии. Так, в частности, теория информации, появившаяся в 40-х гг. XX в., основоположником которой является Клод Шеннон [25], изучает количественные закономерности, базирующиеся на получении, передаче, обработке, а также хранении всех сведений. В последующем разработанная К. Шенноном теория информации была объединена с семантической теорией информации Харкевича. Данная интеграция способствовала образованию системной теории информации [25], которая заключалась в том, что «семантическая мера информации является измерителем наличия причинно-следственных связей между факторами и состояниями объекта управления» [26, с. 42].

Теория информации тесно связана с теорией энтропии, которая была обозначена Клаузиусом в 1865 г. применительно к классической термодинамике для определения меры необратимого рассеивания энергии [27]. Данную теорию к информации впервые применил К. Шеннон [28], который определял ее как информационную энтропию, под которой подразумевал, меру неопределенности, которая способствует получению разного количества информации, то есть информационной емкости. Проблема информационной асимметрии существует достаточно давно и применяется в теории контрактов, дизайне механизмов и экономике. Теорию асимметрии информации развивали в своих трудах Нобелевские лауреаты по экономике Д. Миррлис и У. Викри (1996 г.), осуществившие «фундаментальный вклад в экономическую теорию стимулов при асимметричной информации» [28, с. 236]. За исследование анализа рынков с асимметричной информацией [28, с. 124] Нобелевскую премию присудили Дж. Акерлофу, М. Спенсу и Дж. Стиглицу в 2001 г. В 2007 г. «за то, что заложили основы теории проектирования механизмов» [29, с. 122] Нобелевскую премию по экономике получил научный коллектив ученых: Леонид Гурвич, Эрик Маскин и Роджер Майерсон. Их теория была экстраполирована на перепроектирование рынков, участники которых открыто и объективно раскрывают информацию о своей деятельности.

Теория асимметрии информации применительно к информационному обеспечению оценки эффективности использования бюджетных средств заключается в том, что необходимо стремиться к устранению дисбаланса между всеми аспектами данных, существенных для качественной и всесторонней оценки объекта. Именно такой подход к формированию информации для проведения процедуры оценки способствует получению объективных и полных результатов.

Таким образом, применение теории информации, теории энтропии и асимметрии данных способствует повышению качества информационного поля, на основе которого целесообразно проводить процедуру оценки эффективности использования бюджетных средств. Информация для обеспечения процедуры оценки эффективности использования бюджетных средств может поступать с разных источников. В этой связи источники информации классифицированы нами по признакам (табл. 1).

Предложенная классификация представленных источников получения информации, необходимой для оценки эффективности использования бюджетных средств, способствует идентификации природы необходимого массива данных для определения и проведения процедуры оценки высокого качества.

Финансовое обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств заключается в выделении финансирования для проведения качественной процедуры оценки, что позволит привлекать высокопрофессиональные кадры, современные информационные технологии обработки больших массивов информации.

Контрольное обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств – это система, которая обеспечивает проведение контрольных мероприятий с применением контрольных инструментов для оценки определенного объекта на предмет достижения индикаторов эффективности использования бюджетных средств.

В научной литературе трактовка данного научного термина не определена. Такие авторы, как Е.В. Макарова, трактуют учетно-контрольное обеспечение, как интеграцию «управленческого учета, контроля, бюджетирования производственной деятельности по бизнес-процессам, движения информации, учитывая влияние организационных и технологических особенностей» [31, с. 25]. Л.В. Шуклов рассматривает учетно-контрольное обеспечение с позиции системного подхода ко всем подсистемам, «находящимся в постоянном движении и состоящим из комплекса элементов» [32, с. 46]. В.И. Бобошко, А.Е. Гринько дают определение учетно-контрольного обеспечения применительно для малого бизнеса, под которым понимают «все элементы систем учета, отчетности, анализа и контроля, используемые средними и крупными субъектами бизнеса» [33, с. 120]. А.Р. Хузин учетно-контрольное обеспечение определяет в широком смысле как «вся система информации, формируемая бухгалтерским и управленческим видами учета, системой внутреннего

Таблица 1

Классификация источников информации для оценки эффективности использования бюджетных средств

Признак классификации информации	Виды источников информации для оценки эффективности использования бюджетных средств
По источникам получения информации	*Внешняя информация*, включающая данные политической, экономической, социальной ситуации в стране и мире; основные макроэкономические показатели развития экономики в РФ; внешние риски, связанные с реализацией национальных проектов и госпрограмм и т.д. *Внутренняя информация* состоит из финансовых и нефинансовых показателей, учетно-отчетных и внеучетных данных реализации национальных проектов и государственных программ.
В зависимости от доступности	*Общедоступная информация* – это общеизвестные сведения, которые свободно распространяются и закреплены Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». *Информация ограниченного доступа* – это данные, к которым право доступа имеют только определенный круг лиц на особых условиях, зафиксированные в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [30].Так, например, это персональные данные, профессиональная тайна, коммерческая тайна и др.
По широте охвата	*Информация федерального уровня управления* включает данные нормативно-правового поля (Конституция РФ, федеральные законы и др.), информационных ресурсов (архивные фонды, сведения государственной статистики и др.), сведения федерального регистра (номера государственной регистрации, реквизиты правовых актов и т.д.). *Информация регионального уровня управления* включает сведения обо всех аспектах деятельности конкретной территории. *Информация местного уровня управления* охватывает массив данных исключительно конкретного уровня. *Информация конкретного государственного учреждения* – это данные конкретного экономического субъекта. *Информация по национальному проекту* – сведения в рамках конкретного национального проекта. *Информация по государственной программе* – сведения в рамках конкретной государственной программы
По применению современных информационных технологий	*Информация, сформированная посредством применения современных информационных технологий:* программное обеспечение для планирования и составления бюджета, инструменты анализа данных, Электронный бюджет, Государственная интегрированная информационная система управления финансами (*FMIS* или *dBrain), CANOA, Big Data* и др. *Информация, сформированная без применения современных информационных технологий* – это данные, полученные от экспертов, результаты экспертно-аналитический и контрольных проверок, отсутствие жалоб и положительные отзывы граждан о реализации нацпроектов и др.

Составлено автором на основе проведённого исследования.

контроля, внешней и внутренней отчетностью, составленной по требованиям разных стандартов» [34, с. 23]. О.В. Гудкова определяет как «интегрированную систему управления хозяйствующим субъектом и занимает в этой общей системе одну из самых значительных позиций» [35, с. 61]. Д.А. Лавров приводит определение учетно-контрольного обеспечения применительно к управлению собственным капиталом, под которым понимает «совокупность учетных и контрольных инструментов и сформированной на этой основе информации, ориентированной на принятие управленческих решений по увеличению стоимости» [36, с. 13].

Категория «контрольное обеспечение» встречается достаточно редко. Коллектив авторов Г.С. Клычова, А.Р. Закирова, Н.Н. Нигматуллина, З.Р. Закиров, Р.И. Нуриева определяют контрольное обеспечение как «инструментарий системы внутреннего контроля затрат, разработка документов, обеспечивающих обобщение информации» [37, с. 120].

На основе приведенного обзора научных взглядов на категории «учетно-контрольное» и «контрольное обеспечение», наблюдается тенденция достаточно широкого распространения понятия «учетно-контрольное» обеспечение как совокупность информации, поставляемой учетно-отчетной системой, а также контрольных инструментов ее обработки, что позволяет сформировать высокий уровень зрелости системы обеспечения информации, необходимой для определенного процесса (например, управления учреждением, оценки эффективности и т.д.). Под «контрольным обеспечением» понимается применение контрольных мероприятий посредством формирования аналитического инструментария.

Методическое обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств включает совокупность законодательных, нормативных актов и инструкций в области оценки эффективности использования бюджетных средств, методических рекомендаций, методик, механизмов, этапов, стандартов, инструкций, обеспечивающих процесс оценки. Разработка оптимального методического обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств способствует повышению уровня зре-

лости процедуры оценки и качеству, прозрачности и объективности полученных результатов.

Технологическое обеспечение процедуры оценки эффективности использования бюджетных средств – создание единого цифрового пространства посредством применения сочетающихся программных продуктов и/или модулей, используемых для проведения процедуры оценки (например, платформы: АИС «Прогноз и планирование бюджета», ФН «Оценка ЭБР», АС «Бюджет», и др.).

Кадровое обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств – это наличие высокопрофессионального состава специалистов в команде, который проводит процедуру оценки.

Организационное обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств – это разработка комплекса действий и набора процедур для каждого мероприятия оценочной программы, исходя из цели и задач, последовательности, продолжительности, команды исполнителей, места проведения и другим параметрам. Отдельными аспектами организационного обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств являются: разработка дорожной карты процесса построение архитектуры оценки, методики, формирование электронного документооборота, привлечение высококвалифицированных специалистов, экспертов в соответствующих областях и др.

Таким образом, разработка видов обеспечения необходима для получения высококачественных, объективных результатов оценки эффективности использования бюджетных средств и может комбинироваться исходя из поставленных задач.

Основой и *первым уровнем* всех процессов и оценки в том числе, является формирование высокопрофессионального кадрового обеспечения процесса оценки эффективности использования бюджетных средств, которое неразрывно связано с финансовым обеспечением процедуры оценки. Человеческий капитал в настоящее время играет очень важную роль во всех процессах. Когда сформирована команда профессионалов и есть соответствующее финансовое обеспечение, то это залог успеха многих процессов. Исходя из этого, интеграция кадрового и финансового обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств – это устойчивая основа проведения процедуры оценки, на базе которой целесообразно строить остальные виды обеспечения.

Второй уровень обеспечения процедуры оценки эффективности использования бюджетных средств представляет собой наличие нормативного правового обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств, так как это облегчает, стандартизирует и унифицирует процесс. Безусловно, описать всю процедуру оценки в нормативных правовых актах практически невозможно, но зафиксировать общие правила, принципы, подходы, отраслевую специфику необходимо для обеспечения единообразия к этому процессу и сопоставимости полученных результатов во времени.

На этом же уровне, после определения нормативного правового пространства, целесообразно разработать организационное обеспечение процесса оценки, включающее формирование организационно-распорядительных документов (таких как инструкции, положения, дорожные карты, чеклисты и т.д). И в завершении следует сформировать информационное обеспечение оценки эффективности использования бюджетных средств, то есть определить перечень источников информации, необходимой для проведения качественной процедуры оценки.

Третий уровень оценки эффективности использования бюджетных средств включает разработку контрольного обеспечения, то есть совокупность контрольных инструментов, алгоритмов и процедур, которые учитывают кадровый состав, финансирование, нормативную правовую базу, источники получения информации, организационные мероприятия. После этого целесообразно разработать методику или совокупность методик проведения процедуры оценки эффективности использования бюджетных средств, то есть методическое обеспечение.

Интеграция трех выделенных уровней иерархии видов обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств наглядно иллюстрирует взаимоувязку видов обеспечения процесса оценки, если один из видов обеспечения выпадает или сформирован слабо, то качество контрольного обеспечения и результатов оценки падает в разы. В связи с этим целесообразно определить «контрольно-методическое обеспечение» как взаимосвязь кадрового, финансового, нормативного правового, информационного, организационного, контрольного и методического обеспечения.

Отметим, что Ю.А. Кручанова под контрольно-методическим обеспечением понимает совокупность элементов системы контроля, методического инструментария и аналитического аппарата [38]. И.В. Золотарева под контрольно-методическим обеспечением понимает интеграцию методов и приемов, направленных на совершенствование учета деятельности организаций [39]. Авторы представили достаточно узкое понимание, не раскрыв содержательную характеристику рассматриваемого понятия.

В этой связи, по нашему мнению, *под контрольно-методическим обеспечением (КМО) оценки эффективности использования бюджетных средств понимается интегрированная система, базирующаяся на совокупности всех видов обеспечения (кадрового, финансового, нормативно-правового, организационного, информационного, контрольного и*

методического), необходимого для реализации контрольных функций работников в области оценки эффективности бюджетных средств с применением методического инструментария (методики, инструкции, модели, алгоритмы и др.) в рамках применения современных цифровых технологий. Эта система обеспечивает не только контроль за оценкой эффективности использования бюджетных средств, но и методическую основу для оценки эффективности реализации программ (проектов). В этом контексте контрольно-методическое обеспечение приобретает сущностный характер. Оно выступает не только в качестве инструмента для оценки, но и как ключевой элемент системы государственного управления. Основываясь на принципах прозрачности, ответственности и эффективности, контрольно-методическое обеспечение направлено на обеспечение достижения стратегических целей развития и повышение качества жизни граждан.

Основной *целью контрольно-методического обеспечения* оценки эффективности использования бюджетных средств является эффективное обеспечение достижения стратегических и тактических целей государственной политики. Для этого разрабатываются и применяются методы и инструменты контроля, позволяющие эффективно управлять бюджетными ресурсами, оптимизировать использование и повышать результативность программ (проектов).

Автором работы разработана матрица показателей видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов, включающая общие и целевые группы показателей в разрезе 4 порядков с расчетами и критериями оценки для нормативного, информационного, финансового, организационного, кадрового, контрольного, методического и технологического обеспечения (табл. 2).

Задачами контрольно-методического обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств являются: 1) разработка научно-теоретических, методических подходов к оценке эффективности бюджетных программ (проектов); 2) формирование системы ключевых и критериальных показателей эффективности, методы их расчета применительно к объекту оценки; 3) регулярный мониторинг, анализ, контроль, предшествующий процедуре оценки эффективности использования бюджетных средств для обеспечения повышения эффективности расходования бюджетных средств; 4) разработка рекомендаций по совершенствованию контрольно-методического обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств реализации программ (проектов).

Таким образом, в ходе исследования определены следующие аспекты. Процесс оценки эффективности использования бюджетных средств реализации национальных проектов базируется на совокупности нормативного, информационного, финансового, организационного, кадрового, контрольного, методического и технологического обеспечения. Каждое из которых имеет существенное значение для проведения качественной процедуры оценки. Все выделенные в исследовании виды обеспечения оценки эффективности использования бюджетных средств структурированы в виде трехуровневой иерархии, что позволило выделить «контрольно-методическое обеспечение», базирующееся на рассмотренных видах обеспечения. Исследование позволило доказать приоритетность контрольно-методического обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов.

Проведение оценки эффективности реализации национальных проектов, базирующейся на контрольно-методическом обеспечении, является залогом результативности процедуры оценки и принятия эффективных управленческих решений на их основе и способствует достижению поставленных целей, а именно: выявлению неэффективного использования бюджетных средств, повышению прозрачности и открытости расходов, контролю за реализацией программ (проектов), снижению дефицитного бюджета. Формирование контрольно-методического обеспечения, с учетом возможностей цифровой трансформации, остается важным инструментом формирования цифровой финансовой устойчивости и развития государства. Эффективное использование бюджетных средств требует постоянного совершенствования методов и инструментов контроля, что делает актуальным внедрение новых технологий и подходов в контрольно-методическое обеспечение. Однако для полноценной реализации контрольно-методического обеспечения необходимо также учитывать особенности секторальных программ и специфику конкретных сфер деятельности.

Литература:

1. Алексеева И.В. Глава 7. Разработка системы контроллинга в государственных коммерческих организациях // Контроль государственных коммерческих организаций. М.: ООО «Издательство Прометей», 2024. С. 195–243.
2. Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 227 с.

Таблица 2

Матрица показателей видов обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов

Области обеспечения	Группа показателей	Показатели 1-го порядка	Показатели 2-го порядка	Показатели 3-го порядка	Показатели 4-го порядка	Расчет показателя	Критерии оценки
1. Информационное обеспечение	Общие	Качество участия в подготовке проектов нормативных правовых актов и аналитических документов	–	–	–	$P = Q$ где, Q – количество предложений по подготовке проектов нормативных правовых актов и аналитических документов	$E(P) = \begin{cases} 1, \text{если } P > 0 \\ 0, \text{если } P = 0 \end{cases}$
	Целевые	Качество планирования в области развития и эксплуатации ИТ-инфраструктуры	Качество стратегического планирования в области развития и эксплуатации ИТ-инфраструктуры	Устойчивость показателей стратегического планирования	–	$P = 1$, если не вносились изменения в показатели стратегического планирования до истечения срока стратегического планирования $P = 0$, если вносились изменения в показатели стратегического планирования до истечения срока стратегического планирования	$E(P) = P$
2. Организационное обеспечение	Целевые	Качество разработки и поддержание в актуальном состоянии методологии программно-целевой деятельности	Соответствие методологии программно-целевой деятельности действующим требованиям федерального законодательства	Наличие ошибок в действующей методологии программно-целевой деятельности	–	$P = Q$ где, Q – количество ошибок в действующей методологии программно-целевой деятельности	$E(P) = \begin{cases} 1, \text{если } P > 0 \\ 0, \text{если } P \neq 0 \end{cases}$
	Общие	Качество участия в работе по обобщению практики применения законодательства РФ	Своевременность обобщения практики применения законодательства РФ	–	–	$P = 1$, если обобщение практики применения законодательства РФ, производилось своевременно $P = 0$, если обобщение практики применения законодательства РФ, не производилось своевременно	$E(P) = P$
3. Нормативное обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						
4. Финансовое обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						
5. Контрольное обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						
6. Методическое обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						
7. Технологическое обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						
8. Кадровое обеспечение	Целевые	….	….	….	….	….	….
	Общие						

Составлено автором на основе проведённого исследования.

3. Баранова И.В. Оценка эффективности использования бюджетных средств: теория и практика. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т эко., 2009. 217 с.
4. Конкурентоспособность как основа управления развитием региона: дисс. ... докт. эконом. наук. Томск, 2006. 469 с.
5. Палозян О.А. Финансово-правовое регулирование бюджетных расходов: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2017. 21 с.
6. Чернядева З.А. Правовое регулирование аудита эффективности бюджетных расходов: зарубежный опыт и практика применения в Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2019. 27 с.
7. Результативность и эффективность бюджетных расходов: монография / Под ред. Доржеева А.В., Гуковой А.В. М.: Книжная редакция «Финансы», 2009. 720 с.
8. Дымный С.С. Развитие экономического механизма управления качеством в государственном учреждении на основе внутреннего контроля: автореф. дисс. … канд. эконом. наук. СПб., 2019. 13 с.
9. Оценка эффективности использования бюджетных средств в условиях реализации планов модернизации экономики: монография / [В.И. Бариленко и др.; под ред. Бариленко В.И.]. М.: ВивидАрт, 2013. 180 с.
10. Балынин И.В. Повышение качества управления расходами бюджетов субъектов Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. эконом. наук. М., 2019. 17 с.
11. Глотова Н.И., Герауф Ю.В. Проблемы формирования и направления повышения эффективности использования бюджетных средств (на примере г. Барнаула): монография. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2022. 118 с.
12. Турищева Т.Б. Совершенствование научно-методических подходов к организации аудита эффективности использования государственных ресурсов в муниципальных учреждениях // Экономика и право. 2023. № 10. С. 84–87.
13. Егорова М.В. Теоретико-методологические основы оптимизации и трансформации бюджетного процесса: автореф. дисс. …докт. эконом. наук. Донецк, 2022. 31 с.
14. Собгайда Е.А. Проблемы формирования оценки эффективности национальных проектов на федеральном и региональном уровнях // Наукосфера. 2022. № 8-1. С. 369–372.
15. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. М.: ИНФРА-М, 1999. 476 с.
16. Тверезовская Н.Т. Понятие категории «информационно-аналитическое обеспечение управления» // Перспективы развития информационных технологий. 2011. № 4. С. 193–197.
17. Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 г. №145-ФЗ // СПС Гарант.
18. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019-2024 годах // СПС Гарант.
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2018 г. № 392 «Об утверждении Правил оценки эффективности, особенностей определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственную поддержку инновационной деятельности, а также средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями, и применяемых при проведении такой оценки критериев» // СПС Гарант.
20. Приказ Минэкономразвития России от 21.02.2024 г. № 108 «Об утверждении методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения, формы заключения об эффективности инвестиционного проекта, предусматривающего строительство, реконструкцию, в том числе с элементами реставрации, техническое перевооружение объектов капитального строительства, приобретение объектов недвижимого имущества, финансовое обеспечение которых полностью или частично осуществляется из федерального бюджета, и порядка ведения реестра указанных инвестиционных проектов, получивших заключение об эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения» // СПС Гарант.
21. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 16.09.2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» // СПС Гарант.
22. 22. Письмо Аппарата Правительства Российской Федерации от 16.02.2022 г. № П6-10797 «О направлении актуализированных методических рекомендаций по определению уровня достижения национальных проектов (программ) и федеральных проектов, включая рекомендации по определению уровня достижения региональных проектов» // СПС Гарант.
23. ГОСТ Р 71136–2023: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 6.12.2023 г. №1521-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» // СПС Гарант.
24. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности», утв. постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 9.02.2021 г. № 2ПК.
25. Луценко Е.В. Математическая сущность системной теории информации (СТИ) (Системное обобщение формулы Больцмана-Найквиста-Хартли, синтез семантической теории информации Харкевича и теории информации Шеннона) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2008. № 42. С. 45–72.
26. Болбаков Р.Г. К вопросу о системной информации // Вестник МГТУ МИРЭА. 2014. № 4. С. 38–50.
27. Зубарев Д.Н., Морозов В.Г. Диссипация энергии // Физическая энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред.

А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия (т. 1–2); Большая Российская энциклопедия (т. 3–5), 1988–1999.
28. Цыпкин Я.З. Информационная теория идентификации. М.: Наука. Физматлит, 1995. 336 с.
29. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2007" (Press release). Nobel Foun. URL: https://www.researchgate.net/publication/46448830_The_Sveriges_Riksbank_Prize_in_Economic_Sciences_in_Memory_of_Alfred_Nobel_1969-2007
30. Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Гарант.
31. Макарова Е.В. Совершенствование учетно-контрольного обеспечения управления производственными затратами молокоперерабатывающих предприятий: автореф. дисс. … канд. эконом. наук. М., 2011. 25 с.
32. Шуклов Л.В. Системное развитие учетно-контрольного обеспечения управления организацией: автореф. дисс. … докт. эконом. наук. М., 2013. 46 с.
33. Бобошко В.И., Гринько А.Е. Учетно-контрольный механизм управления субъектов малого бизнеса и обеспечения их экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. научно-практический и теоретический журнал. 2014. № 2 (19). С. 119–125.
34. Хузин А.Р. Развитие учетно-контрольного обеспечения управления поисковыми активами алмазодобывающих организаций: автореф. дисс. … канд. эконом. наук. Йошкар-Ола, 2017. 23 с.
35. Гудков А.А. Учетно-контрольная система и направления ее оптимизации на примере отрасли туризма // Финансы и управление. 2019. № 1. С. 56–67.
36. Лавров Д.А. Развитие учетно-контрольного обеспечения управления собственным капиталом в коммерческих организациях: дисс. …. канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 203 с.
37. Клычова Г.С., Закирова А.Р., Нигматуллина Н.Н., Закиров З.Р., Нуриева Р.И. Контрольное обеспечение системы управления затратами предприятий // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2022. № 4. С. 115–121.
38. Кручанова, Ю.А. Контрольно-методическое обеспечение учета активов в условиях конвергенции российской и международной систем составления бухгалтерской финансовой отчетности: дисс. … канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 161 с.
39. Золотарева И.В. Контрольно-методическое обеспечение учета деятельности строительных организаций в период перехода на международные стандарты финансовой отчетности: дисс. … канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 146 с.

Modern Types of Support for Assessing the Effectiveness of National Projects

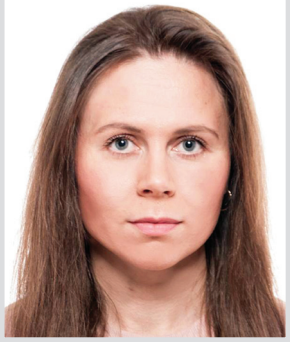
Isaev M.Kh.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article considers the issues of forming modern types of support for assessing the effectiveness of national projects. The purpose of the article is to identify the types of support for assessing the effectiveness of national projects and to develop a matrix of indicators for their assessment. It has been established that the process of assessing the effectiveness of using budget funds for implementing national projects is based on a combination of regulatory, information, financial, organizational, personnel, control, methodological and technological support. The results of the study made it possible to develop a matrix of indicators of types of support for assessing the effectiveness of national projects, including general and target groups of indicators in the context of 4 orders for each of the identified types of support. The results of the study can be useful for executive authorities, control and accounting bodies, and faculty when forming a methodology for assessing the effectiveness of a national project.

Key words: performance evaluation, national projects, efficiency, effectiveness, methodology, public administration

УДК 316.42:330.342.146:005.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-50-53

ESG как инструмент снижения социального неравенства: экономико-социологический подход

Каримова К.С.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Северо-Западного института управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

На фоне усиления структурного неравенства и утраты эффективности традиционных инструментов социальной политики особую значимость приобретает переосмысление нефискальных механизмов перераспределения. В данной связи концепция ESG, изначально возникшая в рамках корпоративной ответственности, демонстрирует потенциал институционального воздействия на систему социального включения. Актуальность темы исследования продиктована необходимостью критического анализа ESG не как отчётной практики, а как сложного междисциплинарного инструмента трансформации социально-экономических отношений. Цель статьи – выявить механизмы, посредством которых ESG-фреймворк влияет на перераспределение ресурсов, трансформацию моделей включения, а также смягчение институционализированного неравенства. Задачи включают: деконструкцию нормативной логики ESG, интерпретацию социального компонента как канала интеграции маргинализированных групп, анализ инвестиционной архитектуры через призму перераспределительных эффектов, выявление общественных изменений, которые сопряжены с ESG-практиками. Научная значимость работы заключается в раскрытии потенциала экономико-социологического подхода к ESG как автономному регулятору социальной инклюзии. Практическая ценность выражается в возможности переориентации корпоративных и инвестиционных стратегий в сторону устойчивых, общественно значимых форм развития, не сводящихся к моральному императиву. Результаты анализа показывают, что ESG способен функционировать как инструмент горизонтального перераспределения, стимулируя вложения в сектора инклюзивного роста и модифицируя нормативную структуру корпоративного поведения. В статье обоснована способность ESG-метрик воздействовать на архитектуру социальной мобильности, выступая в качестве канала институционального давления на бизнес-модели. Новизна проявляется в интерпретации ESG как формы социального действия, не сводимой к этическим стандартам, но обладающей способностью структурировать общественное пространство через экономические инструменты.

Ключевые слова: *инклюзия, неравенство, социальная мобильность, устойчивое развитие, экономико-социологический подход, ESG*

Для цитирования: *Каримова К.С. ESG как инструмент снижения социального неравенства: экономико-социологический подход // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 50–53. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-50-53.*

Несмотря на пристальное внимание к вопросам устойчивого развития, социальное неравенство сохраняет статус одного из ключевых вызовов глобального порядка. Усиливающееся расслоение по доходам, доступу к базовым услугам, а также к возможностям участия в экономической и общественной жизни ставит под сомнение результативность устоявшихся механизмов регулирования.

Проблема заключается не только в масштабах дифференциации, но и в том, что институты, призванные сглаживать диспаритеты, зачастую функционируют в отрыве от бизнес-практик, тогда как корпорации продолжают оставаться одними из главных структурных агентов современного общества.

На обозначенном фоне концепция *ESG* (экологическое, социальное, корпоративное управление) постепенно переосмысляется – от декларативного инструмента ответственности к системной рамке, встраивающей социальные ориентиры в экономическую мотивацию хозяйствующих субъектов. Однако реальный потенциал *ESG* как механизма трансформации социального порядка и, в частности, снижения неравенства, до сих пор остаётся предметом дискуссии.

Методологические трудности связаны с тем, что *ESG*-практики зачастую рассматриваются вне контекста их социального действия – как совокупность отчётных процедур или инвестиционных стандартов, а не как фактор перераспределения общественных благ. Настоящее исследование нацелено на то, чтобы восполнить этот пробел: автором предлагается экономико-социологическая интерпретация *ESG* как инструмента институциональной коррекции неравенства.

Классическая трактовка *ESG*-инициатив базируется на нормативной предпосылке: корпорации должны учитывать не только прибыль, но и влияние на экологическую среду, общество, систему управления [1]. Вместе с тем подобная постановка вопроса недостаточна для анализа действительного воздействия *ESG*-практик на структуру социального неравенства. Здесь необходимо смещение фокуса – от этической мотивации бизнеса к изучению того, каким образом *ESG*-инструментарий перераспределяет ресурсы, регулирует доступ к возможностям. Также весьма значимо выяснение того, как он модифицирует поведенческие модели на уровне социума.

В этой связи экономико-социологический подход предоставляет возможность выйти за пределы бухгалтерской логики и раскрыть *ESG* как механизм институционального взаимодействия между частным капиталом и общественными ожиданиями. *ESG* в характеризуемом контексте предстает не как внешне навязанный регулятивный формат, а как сцепление формальных и неформальных правил, создающих условия для трансформации воспроизводимых моделей анализируемого неравенства. Ключевые звенья концептуальной базы отражены в таблице 1.

По прогнозам, к 2026 г. объём институциональных инвестиций, ориентированных на *ESG*, достигнет 33,9 трлн долл. по сравнению с 2,5 трлн долл. в 2022 г., что свидетельствует о быстром росте устойчивого инвестирования [5]. В глобальном масштабе 83 % потребителей считают, что компании должны активно внедрять лучшие практики *ESG*. Вместе с тем более 80 % из них обеспокоены ложными заявлениями об *ESG* или «зеленым камуфляжем» [6].

S-измерение (*social*) изначально воспринималось как наиболее абстрактное и расплывчатое. Однако именно оно содержит скрытый потенциал перераспределения [7]. Социальная инклюзия в корпоративной политике – включая равный доступ к трудоустройству, гендерное и этнокультурное разнообразие, обеспечение достойных условий труда и развитие локальных сообществ – способна стать элементом системной коррекции структурной маргинализации.

Например, расширение практик диверсификации кадрового состава в транснациональных корпорациях не является лишь реакцией на внешнее давление или модной тенденцией. Это форма институционального признания субъектности ранее исключённых социальных групп, что влечёт за собой переопределение моделей мобильности и перераспределение символического и материального капитала. Программы внутреннего обучения, продвижения сотрудников из уязвимых категорий, стимулирование социального предпринимательства в партнёрских цепочках – всё это формирует новые каналы общественной интеграции, не требующие

Таблица 1

Концептуальные основы *ESG* как инструмента снижения социального неравенства (составлено на основе [2–4])

Компонент	Функция	Механизм влияния
Environmental (E)	Устойчивость жизненной среды как фактор базового равенства	Улучшение экологических условий в уязвимых районах снижает неравный доступ к чистой воде, воздуху, безопасной среде
Social (S)	Социальная инклюзия и равенство возможностей	Продвижение разнообразия, защита прав работников, инвестиции в локальные сообщества, расширение доступа к образованию и здравоохранению
Governance (G)	Прозрачность и подотчётность как условия институционального доверия	Борьба с коррупцией, включение интересов различных социальных групп в процессы принятия решений, обеспечение справедливости в корпоративной политике

вмешательства государства в прямом виде, но имеющие сопоставимое по эффекту значение.

Одной из ключевых характеристик неравенства в позднем капитализме является его устойчивость к институциональной интервенции [8]. Прежние формы вертикального перераспределения (через налоги, социальную политику) часто теряют результативность в условиях глобализированной экономики. В рамках *ESG*, напротив, предлагается механизм горизонтального взаимодействия, когда сами участники рыночных отношений – компании, инвесторы, потребители – формируют спрос на практики социальной ответственности и перераспределения.

Указанный выше сдвиг требует особого внимания: речь идёт не о традиционной филантропии, а о встраивании принципов общественной справедливости в логики принятия решений на микроэкономическом уровне. Социально ответственные инвестиции, отказ от эксплуатации детского труда в цепочках поставок, экологически и общественно нейтральные производственные стратегии создают по-настоящему новую конфигурацию солидарности, которая базируется на институционализированных практиках, а не на моральных обязательствах.

Характеризуемый подход помогает иначе осмыслить и поведенческую экономику *ESG*: не как индивидуальную добродетель, а как результат трансформации норм рациональности, встраивающих идеи инклюзии в параметры корпоративной эффективности.

Финансовый сектор выступает посредником между абстрактной нормативной логикой *ESG* и её материальным воплощением. Интеграция *ESG*-критериев в инвестиционное планирование влияет на структуру фондового рынка, модифицирует систему сигналов, по которым осуществляется доступ к инвестиционным потокам.

Компании, демонстрирующие устойчивые социальные практики, получают приоритет при привлечении финансирования. Это, в свою очередь, стимулирует перераспределение вложений в сектора, ориентированные на инклюзивный рост (рис. 1).

Рис. 1. Сектора, ориентированные на инклюзивный рост

Составлено на основе [9; 10].

В дополнение к отмеченному, внедрение *ESG*-фильтров ограничивает финансирование деятельности, содействующей углублению социального разрыва – например, через эксплуатацию труда в зонах регуляторной слабости или игнорирование экологических рисков, напрямую сопряжённых с ухудшением качества жизни в уязвимых сообществах.

Таким образом, инвестиционные решения, принятые с учётом *ESG*-метрик, обладают латентной перераспределительной функцией: они не просто направляют капитал в «устойчивые» отрасли, но и структурируют саму логику экономического роста в направлении снижения институциональной сегрегации.

ESG-парадигма, будучи встроенной в повседневную деятельность субъектов хозяйствования, влияет как на экономику, так и на структуру социальных отношений. Она меняет архитектуру включённости, задаёт новые параметры легитимности корпоративных стратегий. Помимо этого, она формирует репертуар допустимого поведения в отношении уязвимых групп.

Так, компании, которые игнорируют общественные аспекты *ESG*, рискуют потерей инвестиционного рейтинга, утратой институционального доверия со стороны клиентов, сотрудников, партнёров. Этот процесс уместно охарактеризовать как формирование «социального лицензирования» деятельности бизнеса – механизма, не сводящегося к юридическим обязательствам, но играющего фундаментальную роль в воспроизводстве корпоративной репутации.

Рассматриваемый аспект *ESG*-практик особенно значим в анализе схем включения – речь идёт не о формальных гарантиях, а о реальных возможностях для различных групп участвовать в экономической и социальной жизни на паритетных основаниях. Тем самым *ESG* становится элементом новой инфраструктуры общественной мобильности.

Таким образом, рассматривая *ESG* через призму экономико-социологического анализа, целесообразно говорить о его потенциале как корпоративной инициативы, как инструмента институциональной трансформации, способного изменить логику распределения ресурсов и норм включения. Подлинная значимость *ESG* проявляется не в отчётности или биржевых индексах, а в способности модифицировать структурные основания социального неравенства.

С авторской точки зрения, перспективы последующих исследований лежат в направлении эмпирической верификации механизмов, посредством которых *ESG*-практики формируют новые траектории общественной инклюзии, а также в анализе рисков институционального захвата этих механизмов. Важно также учесть, что действенность *ESG* в борьбе с неравенством будет зависеть от его способности не «раствориться» в формализованных процедурах, а сохранить направленность на реальную трансформацию общественных структур.

Литература:

1. Степанова Ю.Н., Щербин А.О. Компаративный анализ инициатив ESG // Циркулярная экономика для целей устойчивого развития отраслей и территорий. Материалы Нац. науч.-практ. конф. Воронеж: 2024. С. 342–346.
2. Васильева Е.Р. Устойчивое развитие и ESG-трансформация // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего. Материалы I Межд. науч.-практ. конф. Донецк, 2022. С. 497–501.
3. Серикова О.Ю. Оценка устойчивого социально-экономического развития регионов на основе критериев ESG // Трансформация транспорта и образования. Труды Всеросс. науч.-практ. конф. Красноярск: 2024. С. 168–172.
4. Головнин Р.С., Байбакова Т.В. Сравнительный анализ социальной составляющей при присвоении ESG-рейтинга // Вестник университета. 2024. № 7. С. 118–131.
5. 50 sustainability statistics you need to know in 2025. URL: https://www.keyesg.com/article/50-esg-statistics-you-need-to-know-in-2024 (дата обращения: 19.05.2025).
6. 50 ESG & Sustainability Facts & Statistics [2025]. URL: https://digitaldefynd.com/IQ/surprising-esg-statistics/ (дата обращения: 19.05.2025).
7. Мишура Л.Г., Александрова В.С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества – вызовы современности // Modern Economy Success. 2022. № 4. С. 93–96.
8. Поподько Г.И., Нагаева О.С., Шишацкий Н.Г. Роль крупных компаний в снижении бедности и социального неравенства населения ресурсного региона // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 7. С. 987–1000.
9. Чижова В.М. Инновационное развитие экономики: принципы ESG // Экономический рост как основа устойчивого развития России. Сб. науч. статей участников 8-й Всеросс. науч.-практ. конф. Курск: 2024. С. 310–315.
10. Четин А.М. Социальная составляющая концепции ESG и возможности ее применения в государственных образовательных учреждениях // Экономика и менеджмент систем управления. 2023. № 2 (48). С. 52–58.

ESG as a Tool for Reducing Social Inequality: An Economic-Sociological Approach

Karimova K.S.
North-Western Institute of Management – RANEPA branch

Amid the intensification of structural inequality and the declining effectiveness of traditional social policy instruments, the rethinking of non-fiscal redistribution mechanisms is acquiring increasing relevance. In this context, the ESG concept – originally embedded in the framework of corporate responsibility – reveals its potential as an institutional lever of social inclusion. The urgency of the topic stems from the need to critically analyze ESG not as a reporting standard, but as a complex interdisciplinary instrument for transforming socio-economic relations. The aim of this article is to identify the mechanisms through which the ESG framework influences the redistribution of resources, reshapes inclusion models, and mitigates institutionalized inequality. The research objectives include: deconstructing the normative logic of ESG; interpreting its social dimension as a channel for integrating marginalized groups; analyzing investment architecture through the lens of redistributive effects; and uncovering the social transformations associated with ESG-driven practices. The scholarly contribution of this study lies in the development of an economic-sociological perspective on ESG as an autonomous regulator of social inclusion. Its practical relevance is linked to the possibility of redirecting corporate and investment strategies toward sustainable, socially embedded forms of development that go beyond moral imperatives. The analysis demonstrates that ESG can operate as a horizontal redistribution tool, fostering investment in sectors that promote inclusive growth and reshaping the normative architecture of corporate behavior. The article substantiates the capacity of ESG metrics to influence the architecture of social mobility by acting as an institutional pressure mechanism on business models. The study's novelty lies in its interpretation of ESG as a form of social action – not reducible to ethical standards – but capable of structuring the social landscape through economic instruments.

Keywords: economic-sociological approach, ESG, inclusion, inequality, social mobility, sustainable development

УДК 332.146.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-54-59

Инвестиционно-отраслевой аспект трансформации промышленного сектора региона

Квон Г.М.
Доктор экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Поздеева О.Г.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Данная статья продолжает исследования трансформационных процессов в промышленном секторе экономики, проводимые авторами ранее по ряду критериев. В данной работе сделан упор на инвестиционном аспекте структурных изменений различных инвестиционных показателей в разрезе основных видов деятельности промышленного сектора региона. Цель исследования – выявить произошедшие изменения в структуре нескольких инвестиционных показателей, отражающих промышленность региона по видам экономической деятельности. Временной период исследования охватывает период 2010–2023 гг.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что проведённые расчеты, учитывающие результаты предыдущих исследований авторов позволили выявить происходящие в промышленности исследуемого региона тенденции и ее роль в контексте его ресурсного обеспечения.

Результаты проведенного исследования: проведенный анализ позволил обосновать произошедшие структурные отраслевые изменения промышленности Свердловской области с учетом проводимой инвестиционной политики в регионе, обосновать наиболее «капиталоемкие» отрасли и их меняющуюся динамику за рассматриваемый период.

По результатам статьи сделан вывод о том, что инвестиции в промышленность области находятся на высоком уровне, однако происходит постепенная трансформация в промышленном секторе Свердловской области, отражающая в целом происходящие масштабные изменения в экономике России в целом.

Ключевые слова: *трансформация, регион, промышленный сектор региона, инвестиции, отрасль, масса структурного сдвига*

Для цитирования: *Квон Г.М., Поздеева О.Г. Инвестиционно-отраслевой аспект трансформации промышленного сектора региона // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 54–59. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-54-59.*

Реализация основных положений Концепции технологического развития страны, направленной на проведение «новой технологической политики государства» [1], обеспечение технологического лидерства в соответствии с майскими указом Президента РФ [2], обусловливает необходимость своевременного промышленного обновления и структурной модернизации [3], требующей вложений инвестиций с учетом их структуры [4], учета институциональных аспектов трансформации социально-экономических систем, в том числе и промышленной политики [5; 6], изменений в секторальной и региональной структуре промышленности, оценки неравномерности пространственного развития с учетом структурных различий [7; 8].

Ранее авторами были проведены исследования, направленные на обоснование структурных сдвигов промышленности региона на примере Свердловской области по широкому кругу показателей, в том числе и по показателю «Инвестиции в основной капитал в промышленности», по которым выявлялись структурные изменения [9]. Расчет показателей структурных сдвигов («масса структурного сдвига», «индекс структурного сдвига», «скорость структурных сдвигов») показал, что «удельный вес инвестиций в основной капитал промышленности в общем объеме инвестиций в экономику снизился на 10,4 процентных пункта по сравнению с 2005 г.» [9]. Это отразилось в значениях итогового критерия оценки структурных сдвигов – «интенсивность структурных сдвигов», что обусловило необходимость более детального рассмотрения инвестиционного аспекта в контексте обоснования трансформации промышленного сектора региона. В данной работе трансформационные изменения в промышленности по видам экономической деятельности в разрезе инвестиционных показателей определяются по показателю «масса структурного сдвига», который является базовым для оценки структурных сдвигов.

Необходимо отметить, что авторами исследуются, как непосредственно инвестиционные показатели в абсолютном выражении согласно открыто публикуемым данным официальной статистики, так и основанные на данных официальной статистики расчетные удельные показатели и показатели структуры.

Анализ структурных изменений, которые характерны для промышленного сектора региона, предполагает исследование динамических процессов с учетом отраслевых особенностей развития промышленности Свердловской области. Динамика показателя «Инвестиции в основной капитал» в экономику и промышленность Свердловской области представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, общий объем инвестиций в основной капитал, направленных в экономику Свердловской области, при общей возрастающей динамике существенно увеличился после 2021 г., в то время как инвестиции в основной капитал промышленности области демонстрировали более пологий тренд. Невысокий прирост вложений в промышленную сферу говорит о том, что поступления инвестиций являются стабильными, а также в экономике области всё более привлекательной для инвестирования становится сфера услуг.

Анализ темпа роста показателей «Валовой региональный продукт» и «Инвестиции в основной капитал» показывают их разнонаправленную динамику. До 2021 г. ВРП рос более высокими темпами, чем инвестиции, а с 2022 г. ситуация изменилась на противоположную. Ожидаемо в 2020 г., под влиянием пандемии *COVID*-19, для обоих показателей были характерны отрицательные темпы роста. При этом снижение инвестиций оказалось более значительным по сравнению с падением ВРП (см. рис. 2).

Данные, представленные на рисунке 3, демонстрируют значительную нестабильность доли инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте. Наиболее высокое значение было характерно для 2015 г. (37,7 %), а наименьшее значение – в 2019 г. (22,5 %). По доле инвестиций в валовом региональном продукте Свердловская область относится к группе регионов со средним уровнем инвестирования.

Качество инвестиционных процессов в экономике Свердловской области остается недостаточно

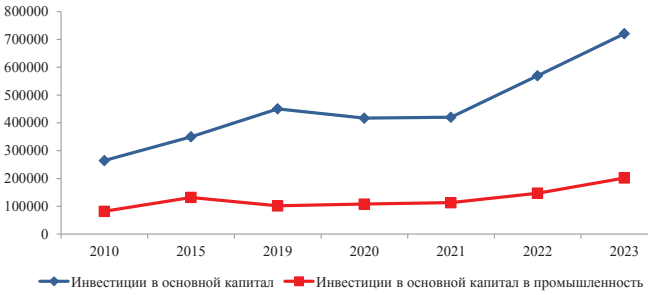

Рис. 1. Динамика показателя «Инвестиции в основной капитал» в экономику и промышленность Свердловской области за 2010–2023 гг.*

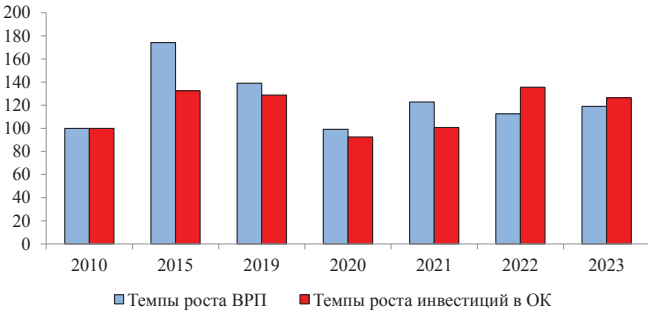

Рис. 2. Темпы роста показателей «Валовой региональный продукт» и «Инвестиции в основной капитал» Свердловской области за 2010–2023 гг.*

*Составлено по [10].

высоким. Структурный индекс инвестиций за период с 2010 до 2023 гг. находился в диапазоне ниже нормативного значения, которое составляет уровень более 50 %. Такое положение указывает на то, что основная часть инвестиций направляется в традиционные производства, тогда как объёмы вложений в инновационную деятельность остаются относительно небольшими.

Для детального анализа инвестиционных вложений в промышленное производство изучаемого региона необходимо рассмотреть изменения в их отраслевой структуре. На рисунке 4 представлены данные, отражающие структуру инвестиций в основной капитал по видам деятельности, входящими в состав промышленного сектора Свердловской области.

За период с 2010 по 2023 гг. произошли заметные изменения в отраслевой структуре привлечения инвестиций. Существенно выросла доля инвестиций в добычу полезных ископаемых (+12,8 п.п.) и в водоснабжение, водоотведение, организацию сбора и утилизацию отходов (+7,5 п.п.), но при этом снизилась доля вложений в обеспечение электрической энергией, газом и паром, и кондиционирования воздуха (–21 п.п.). Самый крупный и основной вид деятельности в промышленности региона – обрабатывающие производства, сохранил свою позицию на уровне 54,6 %.

Как видно на рисунке 5, более значительные изменения, с учетом отраслевой структуры, прослеживаются с помощью показателя «Инвестиции в основной капитал в расчёте на 1 занятого в промышленности». Данный индикатор отражает «капиталовооруженность труда» [11], он показывает концентрацию инвестиций по видам экономической деятельности, особенности распределения инвестиций внутри промышленного сектора. За 14-летний период мы видим произошедшую трансформацию в регионе, концентрация инвестиций произошла во всех секторах. Наиболее впечатляющие изменения зафиксированы в секторе «Добыча полезных ископаемых», где показатель вырос более чем в 10 раз по сравнению с 2010 г. Для остальных промышленных отраслей региона характерен менее интенсивный рост – в диапазоне 2,6–3,1 раза. Примечательно, что, несмотря на то, что «добыча полезных ископаемых» не является профильным направлением экономики региона, начиная с 2019 г. в эту сферу вкладывались большие объемы финансовых ресурсов.

В целом по промышленности увеличение показателя наблюдается со 144 тыс. руб. на чел. до 384 тыс. руб. на чел., что, примечательно к инвестиционному аспекту развития региона свидетельствует о реализации стратегических приоритетов в промышленной сфере.

По видам основных фондов наибольшие вложения инвестиций в Свердловской области на протяжении всего изучаемого периода шли на машины, оборудование и транспортные средства (от 41 до 52 %) (см. рис. 6).

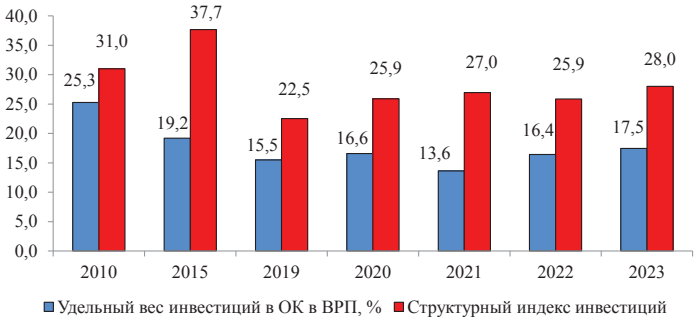

Рис. 3. Удельный вес показателя «Инвестиции в основной капитал в Валовом региональном продукте» и структурный индекс инвестиций Свердловской области за 2010–2023 гг.*

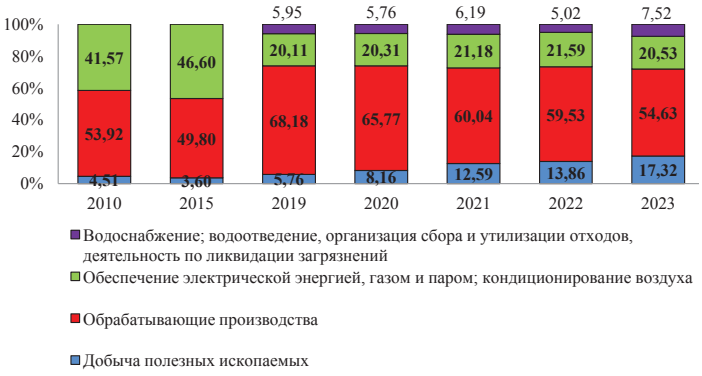

Рис. 4. Структура показателя «Инвестиции в основной капитал» промышленности по видам деятельности в Свердловской области за 2010–2023 гг.*

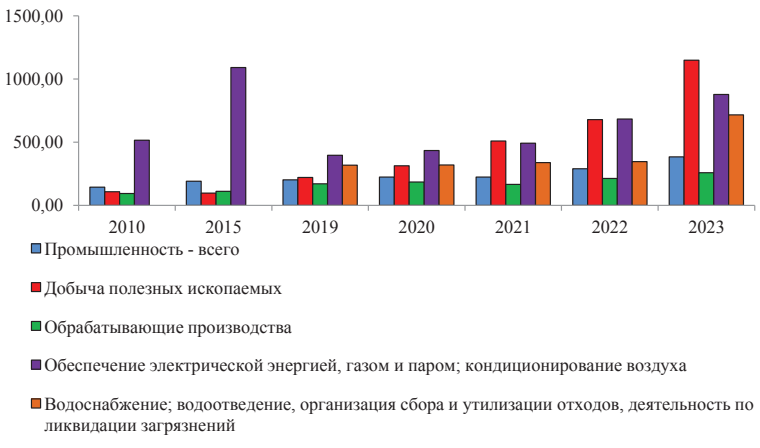

Рис. 5. Динамика показателя «Инвестиции в основной капитал в расчёте на 1 занятого в промышленности» Свердловской области за 2010–2023 гг., тыс.руб.

*Составлено по [10].

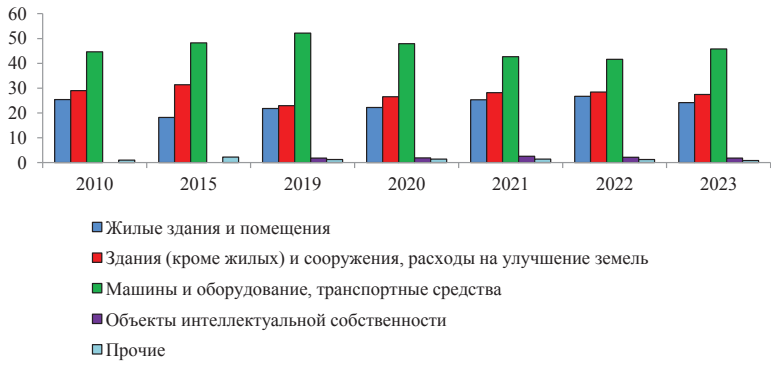

Рис. 6. Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов Свердловской области за 2010-2023 гг. (в % от общего объема инвестиций)

*Составлено по [10].

На втором месте инвестиции в нежилые здания и сооружения и расходы на улучшение земель (от 22 до 31%). Соответственно, инвестиции в промышленность от общего объема инвестиций в экономику области составляют порядка 70–79 % в зависимости от года. Несмотря на достаточно большую долю инвестиций, направляемых в промышленную сферу, вложения в основные фонды промышленности с 2019 г. имеют тенденцию к снижению при росте удельного веса инвестиций в жилые здания и помещения.

Проведенный анализ привлечения инвестиций в промышленность Свердловской области с учетом её отраслевой структуры показал наличие трансформационных процессов, проявляющихся в сложившихся структурных сдвигах, рассчитанных на основе индикатора «масса структурного сдвига». Для расчёта которого авторы использовали два показателя, характеризующие ресурсную обеспеченность промышленности региона, «инвестиции в основной капитал» и «среднегодовую численность занятых», а также «валовый региональный продукт», как результирующий показатель.

На наш взгляд представляет интерес сопоставление удельного инвестиционного показателя с другими значимыми показателями (доля промышленного производства и доля занятых в промышленности), рассматриваемыми по видам экономической деятельности (рис. 7).

По данным рисунка 7 видно, что скорость изменения доли промышленного производства существенно различается как по показателям, так и по видам деятельности, входящим в состав промышленности. При этом структурные изменения имеют отрицательный тренд, за исключением сферы вложения инвестиций в добычу полезных ископаемых.

Это единственная позиция, по которой за изучаемый период структурные изменения демонстрируют положительную динамику. Следует отметить, что для промышленности в целом, в большей степени характерно снижение по показателю «доля промышленности по видам деятельности в Валовом региональном продукте» и по показателю «доля инвестиций в основной капитал промышленности» в таких видах деятельности, как «обеспечение электрической энергией, газом, водоснабжение, водоотведение и прочие».

Инвестиции в промышленность Свердловской области находятся на достаточно высоком уровне, но в тоже время колебания от года к году составляли примерно 10 п.п.

Выявленные тенденции к снижению доли промышленности в экономике области имеют как положительные, так и отрицательные аспекты. Определённая потеря промышленностью главенствующей роли в создании валового регионального продукта обусловлена тем, что происходящая трансформация основана на повышении значимости новых, в том числе цифровых технологий, а в отраслевой структуре экономики региона всё большую роль играют наукоёмкие и цифровые услуги.

В связи с этим у промышленности области сформировалась высокая потребность не только в привлечении инвестиций, но и в повышении их качества. Акцент в инвестиционной деятельности должен сместиться с традиционных производств на высокотехнологичные виды деятельности.

В промышленности Свердловской области основные фонды имеют высокую степень износа, что может привести к ограничению возможностей развития экономики региона и торможению процессов, определяющих приоритетные направления развития промышленности на ближайшие годы.

При достаточно высокой потребности в инвестициях в промышленность, в том числе на обновление основных фондов, уровень износа которых близок к критическому, доля вложений в машины, оборудование и транспортные средства за последние пять лет снижается.

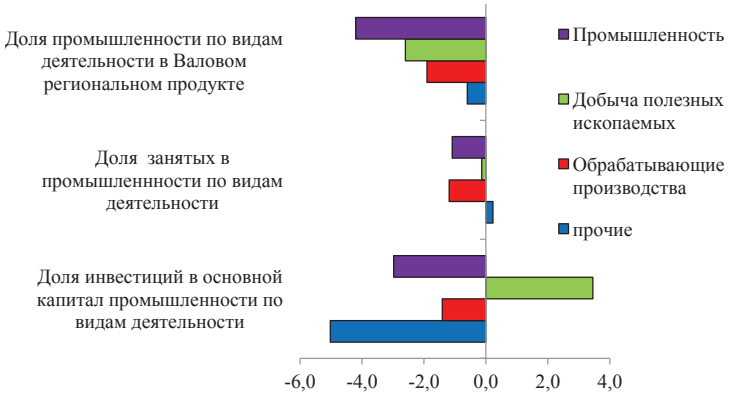

Рис. 7. Структурные сдвиги в промышленности Свердловской области за 2010-2023 гг.*

* Рассчитано авторами по [10].

В традиционно индустриальном регионе – Свердловской области – происходит постепенная трансформация промышленного сектора. За последние 14 лет неуклонно снижается как доля промышленности в целом в создании ВРП, так и удельный вес обрабатывающих производств, которые являлись базой экономики региона на протяжении последних трёх веков.

Однако следует отметить, что данные изменения в Свердловской области соответствуют естественным трансформационным процессам, складывающимся в настоящее время под воздействием масштабных изменений как в экономике Российской Федерации, так и в мировой экономике.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 г.». URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
3. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4–30.
4. Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 36–55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2.
5. Лебедев Д.С. Институциональная трансформация социально-экономических систем: теория, методология анализа, практика применения во внешней торговле России: монография. М.: Проспект, 2016. 192 с.
6. Дубровский В.Ж., Стариков Е.Н. Структура промышленной политики в контексте институционально-технологического развития национальной промышленной системы // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1(57). С. 179–183.
7. Сибирская Е.В., Овешникова Л.В., Щукина Н.А., Симахина О.Н. Изменения в секторальной и региональной структуре промышленности России // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 6(477). С. 1012–1035. DOI: 10.24891/re.18.6.1012.
8. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 13–35. DOI: 10.14530/se.2019.4.013-035.
9. Квон Г.М., Поздеева О.Г. Исследование структурных сдвигов промышленности региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 2(111). С. 69–81. DOI: 10.21295/2223-5639-2025-2-69-81.
10. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 23.06.2025).
11. Ломакина Н.В. Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 68–90.

Investment and Industry Aspect of Transformation of the Industrial Sector of the Region

Kvon G.M., Pozdeeva O. G.
Ural State University of Economics (Ekaterinburg)

This article continues the study of transformation processes in the industrial sector of the economy, previously cited by the authors according to a number of criteria. This work focuses on the investment aspect of structural changes in various investment indicators in the context of the main types of activity of the industrial sector of the region.

The purpose of the study is to identify the changes that have occurred in the structure of several investment indicators reflecting the industry of the region by type of economic activity. The time period of the study covers the period 2010-2023.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that the calculations carried out, taking into account the results of previous studies by the authors, made it possible to identify the trends occurring in the industry of the studied region and its role in the context of its resource provision.

Results of the study: the analysis made it possible to substantiate the structural industry changes that have occurred in the industry of the Sverdlovsk region, taking into account the investment policy pursued in the region, to substantiate the most "capital-intensive" industries and their changing dynamics over the period under review.

Based on the results of the article, it was concluded that investments in the region's industry are at a high level, but there is a gradual transformation in the industrial sector of the Sverdlovsk region, reflecting, in general, the ongoing large-scale changes in the Russian economy as a whole.

Keywords: transformation, region, regional industrial sector, investment, industry, mass of structural shift

УДК 338.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-60-66

Планирование и контроль оплаты труда естественных монополий в контексте обеспечения экономической безопасности*

Кудрявцев К.А.
Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Марийского государственного университета, профессор
кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета

Миронова О.А.
Доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой бухгалтерского учета,
налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета

Необходимость исследования проблемы формирования экономически обоснованного уровня расходов на оплату труда при расчете тарифов на тепловую энергию и теплоноситель, ввиду частого их занижения региональными регуляторами, определяет актуальность исследования. В связи с этим цель исследования состоит в развитии методических указаний в сфере теплоснабжения в части расчета расходов на оплату труда для минимизации угроз экономической безопасности предприятий. Для достижения указанной цели были исследованы теоретические подходы различных ученых по вопросам формирования расходов на оплату труда, изучена судебная практика, использован собственный опыт судебно-экономических экспертиз одного из авторов статьи.

Научная новизна работы состоит в определении угроз экономической безопасности при формировании тарифов естественных монополий, а также выделении индикаторов (показателей), изменение которых будет сигнализировать о наступлении установленных угроз. Проведенное совершенствование методических указаний в сфере теплоснабжения обуславливает практическую значимость работы.

По итогам исследования показаны методические подходы к расчету расходов на оплату труда, учитывающие особенности применения Отраслевого тарифного соглашения в сфере ЖКХ, счетов бухгалтерского учета, определения численности персонала, тарифного коэффициента. Учет предложенных подходов способствует достижению баланса интересов между государством, ресурсоснабжающими организациями и потребителями.

Ключевые слова: *оплата труда, естественные монополии, экономическая безопасность, товарные рынки базовых отраслей, государственное регулирование, теплоснабжение, водоснабжение, водоотведение*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00062 «Экономическая безопасность субъектов системы тарифного регулирования товарных рынков базовых отраслей: тепловой энергии, водоснабжения и водоотведения».

Для цитирования: *Кудрявцев К.А., Миронова О.А. Планирование и контроль оплаты труда естественных монополий в контексте обеспечения экономической безопасности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 60–66. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-60-66.*

Естественные монополии формируют ключевые рынки для экономики отраслей, регионов и государства в целом. Товары (услуги) естественных монополистов реализуются потребителям посредством установления тарифов государственными регуляторами. Текущая ситуация, сложившаяся в сферах теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения не свидетельствует об эффективной модели регулирования. Несмотря на предложение государством различных моделей инвесторам, ресурсоснабжающим компаниям и потребителям (концессионные соглашения, альтернативные котельные), по-прежнему существует проблема привлечения инвестиций в базовые отрасли. С одной стороны, имеется проблема асимметрии информации, когда о своей деятельности монополист знает больше, чем регулятор, с другой – регуляторы в целях удержания роста тарифов в пределах индекса потребительских цен, согласно ежегодному прогнозу Минэкономразвития России, выбирают модель оппортунистического поведения, что приводит к несоблюдению методик по расчету тарифов. В итоге Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС России) выдает региональным регуляторам предписания о необходимости пересчета тарифов. Региональные регуляторы вновь анализируют необходимую валовую выручку (далее – НВВ) предприятий, формирующую тариф, что приводит к повторному ее снижению посредством отрицательных корректировок (цель учесть положительные корректировки у регуляторов не ставится). Как итог, мы имеем отчет ФАС России об общем «объеме экономически необоснованных средств, выявленных и в том числе исключенных в 2023 г., который составил 23 116 027,52 тыс. руб., в том числе:

– в сфере электроэнергетики – 15 275 300,18 тыс. руб.;

– в сфере теплоснабжения – 5 088 249,9 тыс. руб.;

– в сфере водоснабжения и водоотведения – 2 544 887,7 тыс. руб.;

– в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами – 207 589,89 тыс. руб.» [1, с. 148]. В 2024 г. сумма составила уже более 29 млрд руб. [2, с. 172].

При этом справедливо будет отметить, что в сфере электроэнергетики, несмотря на самое большое исключение расходов, рост тарифов в разы выше (выходит за пределы индекса потребительских цен (далее – ИПЦ), чем в остальных сферах, указанное способствует достижению определенного баланса между организациями и государством.

В сферах теплоснабжения и водоснабжения ресурсоснабжающие предприятия находятся порой на грани банкротства, вынуждены сокращать персонал до минимума, что является угрозой не только экономической безопасности предприятий, но и их промышленной безопасности.

Анализируя определения Верховного Суда России, решения региональных инстанций, а также учитывая собственный опыт судебно-экономических экспертиз автора статьи К.А. Кудрявцева, было выявлено несовершенство методических указаний при планировании расходов на оплату труда естественных монополий, входящих в состав базового уровня операционных расходов. Дальнейший контроль сложившегося уровня расходов региональными регуляторами, также свидетельствует о наличии противоречий в понимании методических подходов, указанных в нормативно-правовых актах: Основ ценообразования в сфере теплоснабжения [3] и Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения [4].

Таким образом, цель данной статьи состоит в совершенствовании методики расчета расходов на оплату труда при планировании и контроле тарифов естественным монополистам в контексте обеспечения их экономической безопасности.

Исследователями рассматривались различные вопросы, связанные с оплатой труда в системе экономической безопасности. Например, Л.С. Гафурова рассмотрела организацию контроля расчетов по оплате труда и проблемы, возникающие при указанной организации:

– отсутствие внутреннего контроля;

– неточное раскрытие информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности, связанное с неправильным оформлением счетов и статей расходов в отчетности.

Решение указанных проблем, по мнению автора, приведет к обеспечению экономической безопасности организаций [5].

В.О. Бессарабов видит совершенствование методики бухгалтерского учета основополагающим для оптимизации системы оплаты труда, последняя в свою очередь является фундаментом экономической безопасности для предпринимателей. Исследователь, как и предыдущий автор, также поднимает вопросы, связанные с внутренним контролем расходов на оплату труда [6].

Е.А. Астраханцевой и П.Д. Каргиной управление расходами на оплату труда посредством бухгалтерского учета рассматривается как часть системы экономической безопасности. В связи с этим об обеспечении экономической безопасности, по мнению авторов, необходимо уже думать на этапе разработки учетной политики организации. Авторы отме-

чают в качестве одной из проблем в оплате труда, ведущей к риску экономической безопасности, отсутствие стратегической направленности планирования указанного вида расходов [7].

Рассмотренные мнения различных ученых схожи между собой, во-первых, тем, что размер расходов на оплату труда безусловно влияет на обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов, во-вторых, тем, что управлять величиной расходов на оплату труда необходимо посредством использования инструментов и методов бухгалтерского учета.

Однако проанализировав в научной электронной библиотеке *eLIBRARY.RU* научные работы по запросу «оплата труда в естественных монополиях», авторами данной статьи не были найдены какие-либо публикации, связанные с совершенствованием процедуры планирования и контроля оплаты труда ресурсоснабжающих организаций и ее связки с теорией экономической безопасности. Указанное обуславливает актуальность темы проведенного исследования.

Методические подходы к оплате труда в сфере теплоснабжения регулируются нормативным образом в п. 42 «Основ ценообразования в сфере теплоснабжения», в соответствии с которым: «При определении расходов на оплату труда, включаемых в необходимую валовую выручку, регулирующие органы определяют в соответствии с методическими указаниями размер фонда оплаты труда согласно отраслевым тарифным соглашениям, коллективным договорам, заключенным соответствующими организациями, и фактическому объему фонда оплаты труда за последний расчетный период регулирования, а также с учетом прогнозного индекса потребительских цен» [4]. Указанный пункт уточняется приложением 4.9 «Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» № 760-э (табл. 1).

Проблема состоит в том, что региональные регуляторы, применяя п. 42 «Основ ценообразования в сфере теплоснабжения», используют формулу, состоящую только из трех цифр, которые включают:

1) фактический объем фонда оплаты труда за последний расчетный период регулирования;

2) два индекса потребительских цен, т.к. фактический объем, указанный выше в п. 1, формируется только спустя два года, т.е. используется формула *i*-2.

Данный подход регуляторов связан с тем, что они ограничивают рост тарифов величиной ИПЦ. Указанная проблема нашла свое отражение также в судебной практике.

В Орловской области расходы на оплату труда были уменьшены регулятором для повышения доступности тарифов для потребителей. Однако Верховный Суд России указал: «Основами ценообразования не предусмотрено превышение предельного индекса размера платы граждан за коммунальные услуги в качестве основания для исключения из

Таблица 1

Расчет расходов на оплату труда [3]

№ п.п.	Показатели	Единица измерения	Базовый период	Период регулирования
1	Численность	чел.		
1.1	Нормативная численность	чел.		
	в т.ч. привлеченный персонал	чел.		
1.2	Нормативная численность ППП	чел.		
	без привлеченного персонала	чел.		
1.3	Фактическая численность	чел.		
	% отношения факта к нормативу	%		
1.4	Численность на вводы по нормативу	чел.		
1.5	Численность, принятая для расчета	чел.		
2	Средняя зарплата			
2.1	Тарифная ставка рабочего 1-го разряда	руб.		
2.1	Дефлятор по заработной плате			
2.2	Тарифная ставка рабочего 1 разряда с учетом дефлятора	руб.		
2.3	Средняя ступень оплаты труда			
2.3	Тарифный коэффициент, соответствующий ступени по оплате труда			
2.3	Среднемесячная тарифная ставка ППП	руб.		
2.6	Выплаты, связанные с режимом работы, с условиями труда 1 работника:			
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
2.7	Текущее премирование:			
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
2.8	Вознаграждение за выслугу лет:			
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		

Продолжение таблицы 1

№ п.п.	Показатели	Единица измерения	Базовый период	Период регулирования
2.9	Выплаты по итогам года:			
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
2.10				
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
2.11				
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
2.12	Выплаты по районному коэффициенту и северные надбавки:			
	- процент выплаты	%		
	- сумма выплат	руб.		
3	ИТОГО среднемесячная оплата труда на 1 работника	руб.		
4	Расчет ФОТ (вкл. в расходы на производство продукции (услуг))			
4.1	Льготный проезд к месту отдыха	тыс. руб.		
4.2	Выплаты в соответствии с порядком назначения и выплаты ежемесячных компенсационных выплат отдельным категориям граждан*	тыс. руб.		
4.3	Прочие	тыс. руб.		
	Количество месяцев в периоде регулирования			
4.4	ИТОГО средства на оплату труда ППП	тыс. руб.		
4.4.1	– на производство электрической энергии			
4.4.2	– на производство тепловой энергии			
4.4.3	– на производство теплоносителя			
4.4.4	– прочая продукция			

НВВ экономически обоснованных расходов и доходов регулируемой организации» [8].

Таким образом, регуляторы, применяя п. 42 «Основ ценообразования в сфере теплоснабжения», отказываются от последовательного заполнения приложения 4.9 Методических указаний № 760-э, приведенного в таблице 1 сверху – вниз, а, получив итог посредством перемножения трех цифр, математически подбирают значения параметров по оплате труда снизу – вверх в таблице 1, что, безусловно, ведет к установлению экономически необоснованного размера расходов на оплату труда и является угрозой экономической безопасности при осуществлении контроля и согласования тарифов со стороны государства.

Другой аспект п. 42 «Основ ценообразования в сфере теплоснабжения» касается Отраслевого тарифного соглашения в сфере ЖКХ. Органы тарифного регулирования продолжают его применение, несмотря на отказ ресурсоснабжающих компаний от присоединения к соглашению. Так, в Республике Карелия по итогам судебных разбирательств было принято следующее решение: «В том случае, когда общество отказалось от присоединения к отраслевому тарифному соглашению, при определении расходов на оплату труда необходимо последовательно применять источники информации, поименованные в п. 42 Основ ценообразования, в том числе, исходя из коллективного договора. Применение при определении указанных расходов МРОТ нормами действующего законодательства в сфере тарифного регулирования не предусмотрено» [9]. С другой стороны, если монополист не отказался от соглашения, то оно считается распространяющим на него свое действие, так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации указано «Если работодатели, осуществляющие деятельность в соответствующей отрасли, в течение 30 календарных дней со дня официального опубликования предложения о присоединении к соглашению не представили в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, мотивированный письменный отказ присоединиться к нему, то соглашение считается распространенным на этих работодателей со дня официального опубликования этого предложения» [10]. Кроме того, ст. 48 Трудового кодекса России также указывает на вышеприведенную позицию Суда. Следовательно, при планировании расходов на оплату труда естественной монополии необходимо отслеживать указанные моменты.

Далее рассмотрим также ряд проблем при планировании и контроле расходов на оплату труда, которые ведут к угрозам экономической безопасности, используя собственный опыт проведения судебно-экономических экспертиз:

1) перенос численности персонала с одного регулируемого вида деятельности на другой недопустим действующим законодательством. Однако органы регулирования, ввиду ограничения роста тарифов за пределы ИПЦ, используют указанный инструмент,

тем более в таблице 1 выше показано, что расходы на оплату труда считаются в целом по теплоснабжающим организациям и их распределение по регулируемым видам деятельности происходит лишь со строки 4.4 «Итого средств на оплату труда ППП». В связи с этим строка 1.5 «Численность, принятая для расчета», которую можно уточнить следующим образом: 1.5.1 «на производство тепловой энергии», 1.5.2 «на передачу тепловой энергии» и 1.5.3 «на теплоноситель» становиться уязвимой и численность персонала регуляторами перекидывается с одного вида деятельности на другой, что недопустимо. В подтверждении позиция, указанная в Определении Верховного Суда Российской Федерации, «перераспределение расходов из одного тарифа в другой действующим законодательством не предусмотрено» [11]. Кроме того, статистическая форма № П-4 [12], которую используют регуляторы для анализа расходов на оплату труда и численности персонала, не раскрывает структуру численности работников между регулируемыми видами деятельности, что не позволяет осуществлять самостоятельный перенос, указанной численности и, соответственно, планируемых расходов на оплату труда.

2) Другая проблема связана с тем, что регуляторы в сфере теплоснабжения не учитывают внешних совместителей в п. 1.5 «Численность, принятая для расчета», представленной выше таблицы 1. При этом Методические указания № 760-э в приложении 4.9 (табл. 1) не указывают на требование о разделении работников на работников списочного состава и внешних совместителей.

Определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ указано: «При этом для расчета средневзвешенной численности регулирующим органом использованы статистические данные по численности работников списочного состава и численности внешних совместителей» [13]. Указанное подтверждает правомерность учета внешних совместителей в численности персонала и дальнейшее планирование расходов на оплату труда, в том числе и на них. Внешние совместители учитывались также в решении ФАС России от 11.04.2023 г. № СП_29722_23, в Апелляционном определении Пятого апелляционного Суда общей юрисдикции от 24.01.2024 г. по делу № 66а-3638/2024 (66а-1943/2023). Единственным доказательством необходимости учета внешних совместителей может быть наличие их должностей в штатном расписании и подписанные трудовые договоры с работниками. Однако заверенные копии последних, как правило, не запрашиваются регуляторами.

3) Следующая проблема связана с нахождением тарифного коэффициента, соответствующего ступени по оплате труда п. 2.3 таблицы 1. Регуляторы его находят, исходя из соотношения в размерах ставок и окладов внутри категорий персонала, при этом ссылаясь на Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 05.12.1986 г. № 505, а также Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и Секретариата ВЦСПС от 21.02.1990 г. № 66/3-138. Однако тарифный коэффициент необходимо рассчитывать, как того требует п. 42 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, с учетом фактического объема фонда оплаты труда за последний расчетный период регулирования, т.е. как отношение фактической среднемесячной тарифной ставки ППП (промышленно-производственного персонала) к фактической тарифной ставке рабочего 1 разряда.

Для определения фактической среднемесячной тарифной ставки ППП необходим анализ структуры зарплаты, с имеющимися фактическими данными за последний расчетный период регулирования, например, в 2025 г. указанным периодом является 2023 г. При этом в структуре заработной платы не стоит учитывать оплату работодателем больничных за первые три дня. Размер расходов на оплату труда необходимо подтвердить информацией, сложившейся на счетах 20, 25, 26 и 96 бухгалтерского учета. Кроме того, необходимо отразить в учетной политике организации как происходит распределение 25 счета. В сферах деятельности субъектов естественных монополий чаще всего «Общепроизводственные расходы» распределяются пропорционально прямым затратам основного производства на счет 20 по номенклатурным группам. Собранные расходы по 25 и 26 счетам в конце месяца списываются на счет 90.08.

Также влияет на размер выплат компенсационного и стимулирующего характера (п.п. 2.6–2.10 табл. 1) размер фактической среднемесячной тарифной ставки ППП.

Фактическая тарифная ставка рабочего 1-го разряда, используемая при определении тарифного коэффициента, может быть установлена в размере МРОТ, если ресурсоснабжающая компания присоединилась к межотраслевому соглашению или пропустила сроки официального отказа, как указано выше, от присоединения к нему. Другой вариант – установить тарифную ставку рабочего 1-го разряда приказом руководителя организации и умножить ее на количество часов, отработанных при 40-часовой рабочей неделе согласно производственному календарю.

При этом необходимо отметить, что методические положения, регулирующие сферы деятельности субъектов естественных монополий по теплоснабжению, холодному водоснабжению и водоотведению, практически идентичны, что позволяет использовать вышеописанные усовершенствования для обеих сфер регулирования. Кроме того, учёт указанных методических положений по совершенствованию планирования и контроля оплаты труда

естественных монополий будет способствовать минимизации угроз экономической безопасности, возникающих в базовых отраслях.

Поиск баланса интересов между государством, естественными монополиями и потребителями в условиях регулирования тарифов является одним из принципов и одновременно проблемой государственной политики в сфере деятельности субъектов естественных монополий. Теория тарифного регулирования, как показывает практика, не смогла решить указанную проблему. В связи с этим развитие теории экономической безопасности, предполагающей использование организационно-типологического подхода с выделением индикаторов (показателей), может способствовать достижению баланса интересов трех сторон, указанных выше. Так, правильный расчет расходов на оплату труда работников ресурсоснабжающих организаций при планировании тарифов, в основе которого контроль низкоуровневых показателей (численность работников, тарифная ставка рабочего 1 разряда, тарифный коэффициент, среднемесячная тарифная ставка ППП, проценты по выплатам компенсационного и стимулирующего характера), будет способствовать минимизации угрозы экономической безопасности, связанной с сокращением персонала ресурсоснабжающих компаний и потенциальным риском дальнейшего банкротства монополистов.

Литература:

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 г. URL: https://fas.gov.ru/documents/689569 (дата обращения: 25.06.2025).
2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 г. URL: https://fas.gov.ru/documents/689965 (дата обращения: 25.06.2025).
3. Приказ ФСТ России от 13.06.2013 г. № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» // СПС Гарант.
4. Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» // СПС Гарант.
5. Гафурова Л.С. Организация контроля расчетов по оплате труда в системе экономической безопасности предприятия // Вестник научной мысли. 2022. № 4. С. 153–157.
6. Бессарабов В.О. Методика учета и контроля расходов на оплату труда при обеспечении экономической безопасности предпринимательской деятельности // Торговля и рынок. 2020. № 2 (54). С. 254–260.
7. Астраханцева Е.А., Каргина П. Д. Учетно-аналитическое обеспечение управления расходами на оплату труда как элемент экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 5. № 1. С. 53–57.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2018 г. № 37-АПГ18-1// СПС КонсультантПлюс.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2019 г. № 75-АПА19-24// СПС КонсультантПлюс.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2019 г. № 7-АПА19-10// СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2018 г. № 31-АПГ18-3 // СПС КонсультантПлюс.
12. Приказ Росстата от 31.07.2024 г. № 338. Приложение № 7. Сведения о численности и заработной плате работников (форма № П-4 (месячная)). URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=495545&dst=105894&date=30.07.2025&demo=2 (дата обращения: 25.06.2025).
13. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.08.2015 г. № 71-АПГ15-7// СПС КонсультантПлюс.

Planning and Control of Remuneration of Natural Monopolies in the Context of Ensuring Economic Security

Kudryavtsev K.A.
Mari State University,
Volga State Technological University

Mironova O.A.
Volga State Technological University

The need to study the problem of forming an economically justified level of labor costs when calculating tariffs for thermal energy and coolant, in view of their frequent underestimation by regional regulators, determines the relevance of the research topic. In this regard, the purpose of the study is to develop

methodological guidelines in the field of heat supply, in terms of calculating labor costs to minimize threats to the economic security of enterprises. To achieve this goal, theoretical approaches of various scientists on the formation of labor costs were studied, judicial practice was studied, and the author's own experience of forensic economic examinations was used. The scientific novelty of the work consists in identifying threats to economic security when forming tariffs for natural monopolies, as well as identifying indicators (indicators), the change of which will signal the onset of the established threats. The conducted improvement of methodological guidelines in the field of heat supply determines the practical significance of the work. The results of the study show methodological approaches to calculating labor costs, taking into account the specifics of the application of the Industry Tariff Agreement in the Housing and Utilities Sector, accounting accounts, determining the number of personnel, and the tariff coefficient. Taking into account the proposed approaches will help achieve a balance of interests between the state, resource supplying organizations, and consumers.

Keywords: wages, natural monopolies, economic security, commodity markets of basic industries, government regulation, heat supply, water supply, sanitation, tariffs

УДК 331.52
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-67-72

Экономическое развитие региона и вытеснение человеческих ресурсов из исследовательского сектора региона

Кулагин Р.В.
Аспирант Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета

Экономическое развитие региона и инновационная активность не только имеют тесную связь, но и воздействуют друг на друга. Концентрация участников инновационной деятельности способствует развитию экономики региона и повышает привлекательность региона для еще большего числа субъектов инновационного процесса. Однако концентрация участников порождает конкуренцию за ограниченные ресурсы, к которым относятся и человеческие ресурсы с определенными компетенциями. Кроме того, рост региональной экономики может менять структуру стимулов для трудоустройства. По мере развития доходы от работы в сфере исследований и разработок могут уступать доходам, предлагаемым в иных сферах региональной экономики. В представленном исследовании рассматривается взаимосвязь технологического роста и развития экономики региона и пропорции численности персонала научных исследований и разработок к числу совокупности занятых с высшим образованием. Количественное исследование проведено на основе статистических данных, характеризующих экономики 18 наиболее инновационных регионов Российской Федерации за период с 2005 по 2023 гг. Результаты количественного анализа указывают на то, что рост уровня доходов и технологичности региональной экономики оказывают негативное воздействие на долю персонала научных исследований и разработок среди числа занятых, имеющих высшее образование. Обратное, положительное воздействие оказывает показатель темпов роста и развития городской агломерации. Полученные результаты указывают на необходимость компенсационного вмешательства в структуру региональных рынков труда при экономическом и инновационном росте регионов. Необходимость такого вмешательства обусловлена целями поддержания исследовательского и инновационного импульса, обеспечивающего стабильную траекторию дальнейшего технологического и экономического развития регионов.

Ключевые слова: *человеческие ресурсы, инновации, исследовательский сектор, кластерные экстерналии*

Для цитирования: *Кулагин Р.В. Экономическое развитие региона и вытеснение человеческих ресурсов из исследовательского сектора региона // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 67–72. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-67-72.*

Инновации и экономическое развитие являются взаимосвязанными и взаимовлияющими друг на друга процессами. Разработка и внедрение инноваций повышают уровень технологий в региональной экономике, что создает предпосылки для последующего экономического развития. Масштабы региональной экономики, в свою очередь, могут создавать стимулы для субъектов инновационной деятельности к локализации внутри региона. Концентрация и объемы инновационной деятельности

создают внешние эффекты, снижающие сложность и стоимость проведения исследований и разработок. Уровень региональной экономики вместе с концентрацией инновационной деятельности создают кластерные экстерналии, привлекающие все больше субъектов инновационной деятельности – это экономические выгоды от масштаба ресурсной базы, взаимообмен знаниями, переливы знаний и др.

Общеизвестной является и противовесная для положительных кластерных экстерналий проблема – это конкуренция за общие ресурсы. В рамках данной проблематики человеческие ресурсы являются общими как для субъектов, осуществляющих научные исследования или разработки, так и для тех субъектов, которые внедряют и коммерциализируют инновации. Х. Ду и др., анализируя общие факторы локализации инвестиций отдельно в исследования и отдельно в разработки, выяснили, что факторы оказывают разное по интенсивности и разнонаправленное воздействие. Так, валовый региональный продукт городской агломерации оказывает негативное воздействие на объемы инвестиций в исследования и положительное – на объемы инвестиций в разработки. Уровень заработных плат оказывает негативное воздействие на оба вида инвестиций в НИР, но инвестиции в исследования в большей степени эластичны к негативному фактору, аналогичная разница наблюдалась и в степени воздействия положительного для всех инвестиций фактора – числа высших учебных заведений [1].

В контексте проблематики человеческих ресурсов НИР особое внимание стоит обратить на воздействие фактора уровня заработных плат. Уровень доходов высококвалифицированной части человеческих ресурсов снижает стимулы для занятия исследованиями и разработками и повышает порог окупаемости инвестиций в НИР. Экономический рост региона и рост производительности труда создает условия для перехода трудящихся из исследований в сектор разработок и из сектора разработок в реальный сектор экономики. Вместе с тем, как показывает исследование Р. Бельдербоса и др., численность исследователей и разработчиков и объемы НИР создают вторичные эффекты разнообразия знаний, которые во многом определяют локализацию инноваций в крупных агломерациях [2].

Ч. Ванг и др., анализируя динамику сектора научных исследований и разработок в регионах городской агломерации дельты реки Янцзы, количественно подтвердили то, что концентрация высокотехнологичных производств в одном регионе способствует росту высокотехнологических отраслей обрабатывающих производств в соседних регионах [3]. В качестве объяснения к этому было предложено действие побочного эффекта от концентрации высококвалифицированных кадров, способствующих снижению стоимости НИР. При этом по результатам количественного анализа исследователи признают существенный негативный внешний эффект от конкуренции субъектов инновационной деятельности за ресурсы сектора НИР. Отдельно исследователи отметили конкуренцию за такие ресурсы между университетами, исследовательскими учреждениями и высокотехнологичными предприятиями.

В регионах с меньшим уровнем плотности населения наблюдается иная взаимосвязь. Исследование Л. Гэ и др. указывает на то, что чрезмерная отраслевая специализация может снижать инновационный потенциал региональной экономики. Ключом к этому является то, что субъекты инновационной деятельности в агломерациях среднего и малого масштабов испытывают недостаток разнообразия квалификаций человеческих ресурсов НИР [4].

Э. Сюй и др., основываясь на оценке эндогенной модели экономического роста регионов, отмечают рост человеческого капитала в региональных экономических системах при росте инноваций [5]. Данный факт соответствует росту потребности инновационных производств в высококвалифицированных человеческих ресурсах. В регионах России наблюдается существенный рост лиц, получающих высшее образование – в особенности в регионах, которые можно отнести к наиболее инновационным, и в которых находятся крупные высшие учебные заведения [6].

При этом рост такой потребности вместе с ростом совокупной факторной производительности неминуемо приводит к росту стоимости труда высококвалифицированной части человеческих ресурсов. Смена отраслевой специализации экономической системы также создает дополнительную потребность в высококвалифицированных кадрах [7]. Рост такой потребности происходит как от необходимости соответствия структуры рынка труда меняющейся структуре производства, так и от необходимости обеспечивать внедрение и реализацию инноваций соответствующим исследовательским персоналом.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить наличие связи между числом высокообразованных занятых и человеческих ресурсов исследовательского сектора, и такая связь следует воздействию общих для показателей агломерационных эффектов. Вместе с тем, как будет показано далее в результатах количественного исследования, нет существенной взаимосвязи в динамике занятых с высшим образованием и численности человеческих ресурсов НИР.

Целью предлагаемого далее исследования является анализ факторов формирования динамики числа человеческих ресурсов в исследовательском секторе региона. Исследовательской гипотезой является то, что рост уровня доходов в экономике ре-

гиона, аппроксимирующих уровень экономического развития региона, и рост технологического уровня способствуют росту человеческого капитала региона, заключающегося в уровне образования занятых, но снижают численность занятых в НИР. В большей мере такая взаимосвязь должна прослеживаться при оценке влияния факторов на пропорцию числа исследователей к числу занятых, обладающих высшим образованием. Таким образом, в качестве научной новизны предлагается выявление последствий экономического и агломерационного развития для уровня обеспеченности исследовательского сектора региона человеческими ресурсами.

Рассматриваемая проблематика связана с региональными экономиками, которые отличаются ростом инноваций и технологичности экономических систем. По этой причине для исследования указанных закономерностей и взаимосвязей была собрана выборка 18 наиболее инновационных регионов России. Выборка не включает регионы с самыми высокими показателями инноваций – г. Москва и Московскую область, так как значения показателей по этим связанным друг с другом регионам чрезмерно отличаются от всех прочих регионов. Список регионов и обзор динамики основных исследуемых показателей представлены в таблице 1.

Как видно из предложенного сопоставления (табл. 1), во всех рассматриваемых регионах доля занятых с высшим образованием возросла с 2005 г. к 2023 г. В то же время численность персонала НИР снизилась – в среднем на 25 %. При этом не наблюдается кросс-секционной корреляции в приросте первого показателя и снижении второго – коэффициент корреляции Пирсона равен 0,09. Исключением являются Республика Татарстан с незначительным приростом персонала НИР, а также Тюменская область и Красноярский край, где численность исследователей возросла на 36,4 и 30,7 % соответственно. Существенный рост числа исследователей в этих двух регионах может быть основан на инновациях в ресурсном секторе, а также на существенной поддержке инновационного развития регионов Арктической зоны Российской Федерации [9; 10].

Оценка параметров регрессии была проведена с помощью метода наименьших квадратов с фиксированными эффектами. Зависимая переменная, описывающая численность человеческих ресурсов регионального сектора исследований и разработок, может быть эндогенно связана с факторами, описывающими результаты функционирования этого сектора. По этой причине были также получены оценки двухшаговым методом наименьших квадратов (далее – МНК) с фиксированными эффектами и весами кросс-секций. Последнее было применено для контроля межрегиональной дифференциации по рассматриваемым показателям.

Проверка отсутствия мультиколлинеарности была проведена с помощью разложения дисперсии методом инфляционных факторов, а также после преобразования переменных логарифмированием были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона. Результаты проверки переменных представлены в таблице 2.

Как можно видеть, в выборке не наблюдается сильной линейной связи между объясняющими переменными и объясняемой. Тем не менее, как видно из таблицы 3, наиболее корректные оценки коэффициентов при объясняющих получены при применении двух шагового МНК с учетом межрегиональной дифференциации.

Наиболее сильное негативное воздействие на зависимую перемен-

Таблица 1

Динамика численности человеческих ресурсов НИР и доли занятых с высшим образованием в исследуемых регионах

Регион	Доля занятых с высшим образованием, %			Число персонала НИР, чел.		
	2005 г.	2023 г.	Прирост, %	2005 г.	2023 г.	Прирост, %
г. Санкт-Петербург	39,2	43,8	11,7	87 861	72 249	-17,8
Нижегородская обл.	23,2	33,8	45,7	49 797	42 616	-14,4
Р. Татарстан	20	36,9	84,5	14 352	15 303	6,6
Свердловская обл.	18,2	29,7	63,2	25 076	20 248	-19,3
Самарская обл.	25,3	39,8	57,3	24 506	7 755	-68,4
Пермский кр.	18,2	26,9	47,8	13 229	9 937	-24,9
Челябинская обл.	21,4	31,7	48,1	17 839	16 025	-10,2
Тюменская обл.	21,1	34,3	62,6	5 488	7 484	36,4
Р. Башкортостан	18,4	30,8	67,4	8 415	7 449	-11,5
Новосибирская обл.	23,5	34,9	48,5	24 791	20 526	-17,2
Ростовская обл.	23,5	32,6	38,7	15 713	11 413	-27,4
Красноярский кр.	20,7	31,1	50,2	7 102	9 282	30,7
Тульская обл.	19,6	34,1	74,0	9 959	4 803	-51,8
Краснодарский кр.	21,9	28,8	31,5	7 000	6 908	-1,3
Саратовская обл.	26	29,2	12,3	6 677	5 131	-23,2
Удмуртская Р.	17,6	26,6	51,1	2 102	1 699	-19,2
Калужская обл.	22,1	29,3	32,6	10 413	7 312	-29,8
Воронежская обл.	25,3	37,8	49,4	13 806	9 982	-27,7

Составлено по данным источников [8].

ную оказал показатель средних заработных плат, соотнесенных к величине прожиточного минимума в регионе. Темпы роста количества вводимых в эксплуатацию сооружений, напротив оказали положительное влияние. Данный показатель аппроксимирует рост агломерации. Результаты количественного анализа указывают на то, что экономическое развитие, тесно связанное с развитием агломерации, не смещает воздействие этого фактора. Агломерационное развитие является следствием роста производительности, но оно в большей мере способствует привлечению в регион высококвалифицированной части человеческих ресурсов, занятых в НИР. Это подтверждает предположения о том, как на исследовательский сектор региона влияют внешние эффекты разнообразия знаний.

Таблица 2

Проверка корреляции и мультиколлинеарности переменных модели

	l_{RDE}	l_E	l_A	ld_Q	Метод инфляционных факторов (Значения > 10.0 могут указывать на наличие мультиколлинеарности)
ld_Q	0,0567	0,0056	-0,0374	1,0000	1,002
l_A	0,2166	0,4229	1,0000	–	1,201
l_E	-0,0025	1,0000	–	–	1,199
l_{RDE}	1,0000	–	–	–	–

Составлено по данным источников [8; 11].

где: l_{RDE} – натуральный логарифм числа персонала НИР на 1 тыс. занятых с высшим образованием;

l_A – натуральный логарифм количества применений объектов интеллектуальной собственности – изобретений и полезных моделей;

l_E – натуральный логарифм отношения среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций к величине прожиточного минимума;

ld_Q – первая разность натурального логарифма числа введенных в эксплуатацию зданий.

Таблица 3

Результаты оценок параметров модели

Фиксированные эффекты; наблюдений – 323, 18 пр. объектов, Длина временного ряда: мин. 17, макс. 18; Зависимая переменная: l_{RDE}; Стандартные ошибки Бека-Каца (Beck-Katz)					
	Коэффициент	Ст. ошибка	*z*	*p*-значение	
Const	10,6852	0,947358	11,28	< 0,0001	***
l_A	−0,154749	0,0263491	−5,873	< 0,0001	***
ld_Q	0,164200	0,0514157	3,194	0,0014	***
l_E	−1,11741	0,162382	−6,881	< 0,0001	***
LSDV R^2 = 0,938046		В пределах R^2 = 0,423191			
Совместная значимость различий в групповых средних:					
F(17, 302) = 250,491		*p*-значение = 1,08605e-166***			
Тестовая статистика Хаусмана (Hausman):					
H = 8,40868		*p*-значение = 0,0382792**			
2-х шаговый обобщенный МНК (FE-GLS) с весами поперечного сечения и фиксированными эффектами; наблюдений – 323, 18 пр. объектов, Длина временного ряда: мин. 17, макс. 18; Зависимая переменная: l_{RDE}; Инструменты: l_A; ld_Q; l_E					
	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	*p*-значение	
Const	8,7633	0,3786	23,1473	< 0,0001	***
l_A	-0,1609	0,0195	-8,2611	< 0,0001	***
ld_Q	0,1224	0,0259	4,7239	< 0,0001	***
l_E	-0,7830	0,0708	-11,0610	< 0,0001	***
Взвешенная статистика:					
R^2 = 0,9767		Исп. R^2 = 0,9752			
Не взвешенная статистика: R^2 = 0,9357					

Составлено по данным источников [8; 11].

Результаты предложенного количественного анализа указывают на существование эффекта вытеснения человеческих ресурсов из исследовательского в производительный сектор региональной экономики. Динамики численности человеческих ресурсов НИР и высокообразованной части человеческих ресурсов, занятых в иных сферах экономики, не просто противоположны друг другу – факторы роста человеческого капитала в экономике способствуют снижению исследовательского потенциала региона. Не менее важным является то, что такое снижение обеспечивается главным образом уровнем доходов, определяющим и стоимость жизни в регионе.

Последнее подталкивает занятых в сфере НИР переходить к работе в реальный сектор региональной экономики. Стимулы для такого перехода обеспечиваются более высокими заработными платами, возрастающими при росте факторной производительности от роста технологичности региональной экономики. Это отражено воздействием фактора количества применяемых объектов интеллектуальной собственности, который, в соответствии с изложенными ожиданиями, внес отрицательный вклад в долю персонала НИР среди высокообразованных.

Результаты предложенного исследования указывают на то, что даже при инновационном росте региональной экономики поддержание уровня инновационно-исследовательского потенциала региона требует должных усилий со стороны

государства. Такие усилия должны быть нацелены как на сглаживание роста стоимости жизни, так и на стимулирование агломерационного развития. Также очевидна необходимость политики по увеличению привлекательности трудоустройства в организациях, выполняющих НИР.

Литература:

1. Du H. S., Belderbos R., Somers D. Research versus development: global cities and the location of MNCs' cross-border R&D investments // Regional Studies. 2022. Vol. 56. № 12. P. 2001–2018. DOI: 10.1080/00343404.2022.2033198.
2. Belderbos R., Leten B., Suzuki S. International R&D and MNCs' innovation performance: An integrated approach // Journal of International Management. 2023. Vol. 29. № 6. P. 101083. DOI: 10.1016/j.intman.2023.101083
3. Wang C. et al. Revealing spatial spillover effect in high-tech industry agglomeration from a high-skilled labor flow network perspective // Journal of Systems Science and Complexity. 2022. Vol. 35. № 3. P. 839–859. DOI: 10.1007/s11424-022-1056-1.
4. Ge L. et al. The relationship between high-tech industrial agglomeration and regional innovation: A meta-analysis investigation in China // Sustainability. 2023. Т. 15. № 23. P. 16545. DOI: 10.3390/su152316545.
5. Xu E., Xiao Z., Wang Z. Has the pilot project of innovative cities increased economic growth? An empirical study based on Chinese cities // Regional Science and Environmental Economics. 2024. Vol. 1. № 1. P. 31-45. DOI: 10.3390/rsee1010003.
6. Колесникова Ю.С. Межпоколенческая образовательная миграция // Материалы IV Межд науч. конф. «Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике» (Нижний Новгород, 16 февраля 2022 г.). Нижний Новгород: Изд-во Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-тет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 146–149.
7. Моисеев В.В., Колесникова Ю.С., Игнатов М.А., Боженов С.А. Трансформация рынка труда в условиях санкций // Человеческий капитал. 2022. №. 9 (165). С. 97–101.
8. Статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 12.08.2025).
9. Крюков В.А., Токарев А.Н. Возможности развития Тюменской области на основе нефтегазовых инноваций // Регион: экономика и социология. 2023. №. 3 (119). С. 32–54.
10. Кузнецова М.Н., Васильева А.С. Формирование трудового потенциала и его компонентов с позиции цифровой трансформации и технологического суверенитета в Арктической зоне РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. №. 4 (86) С. 164–179.
11. Статистическая база данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности «Роспатент». URL: https://rospatent.gov.ru/ru/about/stat (дата обращения: 12.08.2025).

Economic Development of the Region and Displacement of Human Resources from the Research Sector of the Region

Kulagin R.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The economic development of the region and innovation activity are not only closely related, but also influence each other. The concentration of participants in innovation activities contributes to the development of the region's economy and increases the attractiveness of the region for an even greater number of subjects of the innovation process. However, the concentration of participants generates competition for limited resources, which include human resources with certain competencies. In addition, the growth of the regional economy may change the structure of employment incentives. As it develops, income from work in the field of research and development may be inferior to income offered in other areas of the regional economy. The presented study examines the relationship between

technological growth and the development of the region's economy and the proportion of the number of research and development personnel to the total number of people employed with higher education. The quantitative study was conducted on the basis of statistical data characterizing the economies of the 18 most innovative regions of the Russian Federation for the period from 2005 to 2023. The results of the quantitative analysis indicate that the growth in income levels and the technological development of the regional economy have a negative impact on the share of research and development personnel among the number of employed with higher education. The opposite, positive impact is provided by the indicator of the growth and development of the urban agglomeration. The results obtained indicate the need for compensatory intervention in the structure of regional labor markets, with the economic and innovative growth of the regions. The need for such intervention is determined by the goals of maintaining the research and innovation momentum, ensuring a stable trajectory for further technological and economic development of the regions.

Keywords: human resources, innovation, research sector, cluster externalities

УДК 338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-73-78

Формирование многоуровневых систем организации поддержки принятия решений в сфере государственного управления производственно-технологического развития в цифровой доктрине России

Локтев М.А.
Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления, кадровой политики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

Куликов С.П.
Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, кадровой политики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

Статья посвящена обоснованию необходимости формирования многоуровневой системы использования интеллектуальных компонентов для принятия решений на федеральном и региональном уровнях исполнительной власти в условиях новой цифровой доктрины РФ. Теоретико-методологическая основа проводимого в статье исследования построена на применении многофакторных динамических моделей, синтезирующих группы решений в сфере управления, а также функционально-структурного анализа, позволяющего оценить работу систем экономического и социального типа, использующихся в сфере государственного управления РФ при разработке программ производственно-технологического развития. Научная новизна исследования состоит в описании возможного сценария адаптации процесса разработки управленческих решений к требованиям новой цифровой доктрины РФ, анализе условий ресурсных ограничений и необходимости развития систем импортозамещения в части наукоемких технологий. Авторами предлагается алгоритм с высоким уровнем масштабируемости, что позволяет интегрировать его в систему поддержки принятия решений системы государственного управления. Он представляет собой синтез основных практик, включающих создание профильной группы специалистов в части проведения цифровых преобразований, а также организацию последовательного перехода к разработке решений на основе цифровых технологий и реинжиниринга бизнес-процессов с учетом требований законодательства. Определено, что проводимая в стране цифровая трансформация в сфере государственного управления предполагает создание принципиально новой архитектуры, построенной на базе цифровых решений. Авторы убеждены, что данная трансформация будет содействовать повышению уровня прозрачности процессов государственного управления и позволит в полной мере учитывать интересы государственных органов, общества и коммерческого сектора.

Ключевые слова: *цифровизация общества, государственные экосистемы управления, моделирование производственно-технологических систем, трансформация экосистем*

Для цитирования: *Локтев М.А., Куликов С.П. Формирование многоуровневых систем организации поддержки принятия решений в сфере государственного управления производственно-технологического развития в цифровой доктрине России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 73–78. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-73-78.*

Приоритетное направление реализации научно-технической стратегии в РФ связано с последовательным переходом к цифровым технологиям и решениям, которые построены на применении синтезированных групп технологий искусственного интеллекта. В связи с этим в органах государственного управления происходит активная интеграция комплекса цифровых инструментов, призванных трансформировать работу по обеспечению взаимодействия между государственными органами, обществом и представителями бизнеса, создав единый цифровой формат общения [1, с. 89].

Так, начиная с 2013 г. Министерством науки и высшего образования РФ разрабатывается система осуществления единого информационного учета НИР и ОКР, включая наукоемкие производственно-технологические работы в гражданском секторе. Ее адаптация к современным условиям предполагает ежегодное выделение средств из бюджета страны в размере 1,2 млрд руб. Ее развитие позволило в середине 2021 г. инициировать работы с новым доменом «Наука и инновации», который представляет собой многоуровневую среду облачного взаимодействия, призванную соединить в себе всех заинтересованных сторон производственно-технологического развития. Данный домен создает возможность перехода от государственных информационно-технических систем к профильным сервисным доменам, исключающих дублирование работ/функций, что качественным образом повышает скоростные параметры работы сервиса и создает целостную IT-инфраструктуру [2, с. 138]. Стоимость разработки данного домена в рамках национального проекта составит 3,65 млрд руб., и его полноценная реализация намечена на конец 2025 г.

К настоящему моменту только государственный сектор позволит полностью реализовать потенциал цифровых технологий, за счет чего будут достигнуты глобальные стратегические цели. Группы доминант производственно-технического развития предполагают адаптацию системы управления, особенностью которой станет корректировка решений с учетом использования цифровых технологий и инструментов. Используемые элементы аналитического и информационного сопровождения связаны с тем, что в них заложен модернизированный функционал. Речь идет в первую очередь о таких технологиях, как предиктивная аналитика, что приводит к появлению межклассовых систем нового вида – интеллектуальных систем разработки решений. Однако в то же время существует большая степень разрозненности проектируемых систем в части их функционального обеспечения. Аналитическая поддержка не может в должной мере проявить себя, что приводит к несогласованности приоритетных задач в сфере наукоемкого производства. Это, в свою очередь, увеличивает нагрузку на бюджеты различных уровней, так как реализуемые решения не являются оптимальными.

Следовательно, существует необходимость в трансформации действующих методологий, связанных с интеграцией систем комплексной поддержки разработки многоаспектных решений в секторах государственного управления. Это позволит оптимизировать финансирование, исключить его дублирование, перестроить на новый архетип информационные системы аналитики, что к настоящему моменту является актуальной и важной задачей.

Проводимая в настоящее время цифровизация в сфере управления государственным сектором включает в себя последовательную интеграцию решений высокотехнологичного типа в работу действующих органов власти. В связи с этим задача современной управленческой практики состоит в создании полноценной инфраструктуры (нормативно-правовой, технологической, организационной) в органах власти для полномасштабного использования цифровых технологий в рамках их деятельности.

Следует отметить, что современная концепция цифрового управления не ограничивается только предоставлением государственных услуг, но охватывает более широкий спектр возможностей. Она включает в себя использование цифровых технологий (большие данные, искусственный интеллект и интернет вещей) для автоматизации рабочих процессов.

При этом цифровизация управления представляет собой трансформацию всей системы государственного управления, а не только изменение формы предоставления услуг. Это одна из национальных целей развития, направленная на достижение более высоких стандартов жизни и устойчивого развития общества.

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на экономико-социальные процессы, однако отсутствие единой организационно-методической базы данных технологий не позволяет каче-

ственно исследовать их воздействие на разработку и принятие управленческих решений.

Политика цифровизации процесса принятия управленческих решений в органах власти должна учитывать текущий уровень технологического прогресса, который видоизменяется в зависимости от круга возложенных на орган власти задач. Следует отметить, что само внедрение цифровых технологий может трансформироваться в способ управления. Так, внедрение технологий анализа больших данных создает основу для запуска аналитики предиктивного типа, что трансформирует работу систем поддержки принятия решений и позволяет принимать более взвешенные и выверенные решения [3].

Представление процессов разработки управленческих решений в новой цифровой парадигме представлено на рисунке 1.

В представленной на рисунке 1 новой цифровой парадигме, построенной на синтезированной рыночной модели, государство осуществляет управление всеми группами процессов в части производственно-экономической деятельности, руководствуясь принципами максимизации, развития экономики и роста социального эффекта.

Новыми экономическими агентами в экономике цифрового типа «Индустрия 4.1.» являются [4, с. 168]:

• правительство электронного вида: управление в сфере производственно-экономической деятельности реализуется за счет реализации технологий и решений на базе цифровых моделей;

• общество информационного вида: группы потребителей, осуществляющих не только покупки, но и потребление при помощи цифровых инструментов;

• бизнес на основе цифры: распространение товаров, технологических платформ и решений на базе наукоемких цифровых технологий;

• персонал цифрового вида: развитие цифровых групп компетенций у групп сотрудников, прием на работу специалистов с навыками работы в цифровой среде, применение синтезированных технологий при реализации товаров и услуг;

• наукоемкие технологические решения: организация взаимодействия между несколькими системами, развитие программ, работающих в автономном режиме.

Как уже отмечалось ранее, наиболее перспективными направлениями цифровизации процесса принятия управленческих решений являются расширение автоматизации сбора и использования данных в работе органов власти. Во многом именно на этих аспектах выстраивается правительство электронного вида [5].

Информационные массивы данных в государственном управлении позволяют решать задачи в сфере: принятия решений, корректировки намеченных планов и программ, оценки и контроля, а также формирования решений нового типа, построенных на технологии искусственного интеллекта.

Создаваемая в РФ система комплексного управления данными, получившая название «Национальная система управления данными (НСУД)», представляет собой комплексный многоуровневый механизм управления, призванный реструктурировать процессы работы с данными в органах государственной власти. Ключевые задачи этой системы связаны с реорганизацией управленческой среды в части механизмов работы с государственной информацией, к которой относятся [6; 7]:

1. Идентификация новых стандартов, использующихся в процессе обмена группами информационных массивов данных, включая последующий регламент хранения и ряд обновленных требований, предъявляемых к характеристикам качества самой информации.

2. Организация единой процедуры получения доступа к группам информационных массивов данных с возможностью последующего их использования в различных сферах (к примеру, в образовании для разработки индивидуальных траекторий обучения).

3. Внесение изменений в стандарты классификации и систему идентификации информационных данных в ключевых средах.

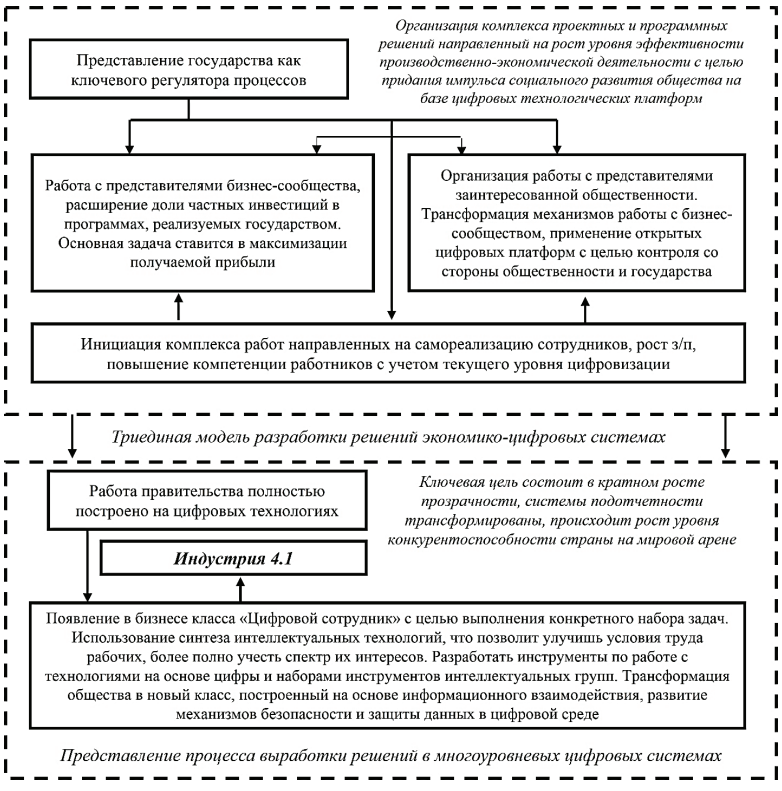

Рис. 1. Реализация решений в сфере управления в новой цифровой парадигме

4. Обновление законодательной базы с целью формирования единой политики предоставления доступа к данным и их использования всеми участниками системы.

5. Создание набора данных (датасеты), которые формируются и обновляются перманентным образом, в том числе с привлечением частных организаций.

Следовательно, основная задача разработки НСУД связана с созданием в РФ базы распределения данных государственного типа, информационные массивы которых расположены в специальных реестрах, что позволяет организовать доступ к ним смежным предприятиям и ведомствам.

Любая система комплексного управления данными является многофакторной системой, построенной на целом комплексе систем более низкого уровня, архитектура которых приведена в таблице 1.

Необходимо отметить, что в таблице 1 представлены не все модули, реализованные в НСУД. В ее структуре находится «облако» информационной аналитики, задача которой состоит в накоплении информационных данных, их копировании для анализа и выполнения запросов пользователей (в случае их обращения к соответствующим секторам).

Отметим, что облачное хранилище содержит в себе и необработанные информационные массивы данных, т.е. исходные форматы данных, которые автоматическим образом конвертируются по принятым стандартам в случае запроса [6]. Возможности облака также предполагают глубинный анализ посредством технологий ИИ для оценки текущего положения в ряде отраслей, что является необходимым для текущей экономической модели в РФ, поскольку позволяет решать задачи в части скрининга данных для корректировки модели.

Разработка единого понимания существующих проблем в части организации механизмов управления информационными данными в системе НСУД решается вводом понятийного аппарата. Так, под государственными данными в рамках системы предлагается понимать собранные информационные массивы данных, которые находятся на внутренних серверах специализированных учреждений и органов государственной власти. Структурный состав этих данных в достаточной мере разнотипен: в него входят как аналитико-статистические материалы, касающиеся экономических составляющих, так и сведения о численности работоспособного населения и т.п.

Организация процесса управления в части работы с данными государственного типа осуществляется за счет набора технологических элементов, применяемых при управлении такого рода данными в органах государственной власти. В данном случае в него входят: идентификация, определение степени ответственности в случае некорректной обработки данных, установление лиц, отвечающих за разработку процедур и набора правил/стандартов, которые призваны обеспечить надлежащее хранение и передачу информации при обмене данными между органами государственной власти с учетом реализации мер по сохранению необходимого уровня конфиденциальности.

Таблица 1

Архитектурное представление систем, образующих систему комплексного управления данным

Обозначение подуровня системы	Структурное содержание подуровня системы
Информационно-цифровые модули данных	Содержат в себе информационное описание различных групп данных, относящихся к государственному сектору, а также структурного взаимодействия между составными элементами, заложенными внутри информационных блоков, с перечнем тех, кто владеет правами на них
Специализированные информационные карты	Единый аппарат терминов и понятий с указанием мест, где будет сохранена информация о владельцах
База запросов, допустимых для работы внутри системы	Уникальный перечень запросов, которые могут быть использованы для обращения к соответствующим базам и архивам во внутреннем контуре системы
Формирование правил и норм по качеству	Модульная системы оценки групп сформированных экспертами параметров информационных массивов данных с поэтапными процедурами обработки и хранения данных внутри контура созданной системы
Запись в реестре случаев некачественной сохраненной информации	Внесение соответствующих отметок во внутренние документы системы в случае выявления несоответствия контрольных сумм данных для последующей их ликвидации из информационного реестра системы

В процессе реализации государственной политики органам власти необходимо отвечать на многочисленные запросы данных и проводить их постоянную актуализацию. Однако работа по получению необходимых данных может выполняться различными профильными ведомствами в разные временные промежутки, что зачастую приводит к дублированию ранее полученной информации. Другими словами, одна ведомственная система может содержать корректную информацию, в то время как в другой системе эта информация будет некорректной. Во многом подобные ситуации обуславливаются человеческим фактором, поскольку процессом сбора информации занимаются рядовые сотрудники, что может приводить к неточному внесению данных в базу системы. В пиковые периоды занятости сотрудников количество таких ошибок возрастает в разы [8, с. 10].

Вариантом решения данной проблемы может стать использование профильных роботов как для сбора, так и для последующего анализа больших информационных групп. При этом возникает проблема настройки подобных умных роботов под существующие задачи, поскольку полученные результаты должны по-прежнему интерпретироваться людьми. Следовательно, в формирующемся обновленном технологичном мире роль отводимая человеку в рамках системы принятия и реализации решений должна видоизменяться под существующие реалии, прежде всего с учетом степени интеграции прорывных технологических решений.

Современный этап развития государственного управления связан с проводимыми в стране цифровыми преобразованиями, которые коренным образом видоизменяют работу по взаимодействию органов власти с населением и бизнес-сообществом. Наиболее ярко это проявляется в кратном уменьшении числа бюрократических барьеров, упрощении работы государственных сервисов, росте открытости процессов, например, в части грантовой политики.

Реализация технологических цифровых решений позволит изменить и улучшить механизмы сбора и анализа информации, а также принимать более эффективные решения в сфере государственного управления. Проводимая трансформация работы с данными предполагает ее постановку на «цифровые рельсы», что актуализирует необходимость обеспечения конфиденциальности информации, развития механизмов и инструментов аналитики предиктивного типа, а также обеспечения бесперебойной работы государственных порталов.

Обозначенные вызовы, а также необходимость нахождения баланса интересов между всеми заинтересованными сторонами детерминируют целесообразность интеграции в контур региональной и федеральной власти многоуровневых систем разработки и поддержки решений, которые задействуют технологии ИИ. Применение систем поддержки решений, в том числе полученных в результате работы цифровых комплексов, в секторах государственного управления должно учитывать полученную оценку регуляторного влияния на соблюдение законов в части защиты конфиденциальной информации граждан, а также обеспечения их прав и свобод.

Не менее важным является прозрачность внедрения системы поддержки принятия решений в деятельности органов власти, что подразумевает проведение итераций, тестов и отзывов о работе таких систем на постоянной основе.

Учитывая специфику организации деятельности органов власти, методология разработки и внедрения систем поддержки и принятия решений должна в полной мере учитывать действующие в стране стандарты и правовые положения, а функции регулятора должны отойти профильному органу власти.

Литература:

1. Андреев Е.В., Полозков М.Г., Козлова В.И. Цифровая трансформация государственного сектора как необходимое условие перехода на инновационный тип развития экономики // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16(4). С. 87–97.
2. Стовба Е.В., Габдулхаков Р.Б., Иванов С.Е., Стовба А.В., Идрисова А.Т., Мешкова Н.Г. Использование современных цифровых технологий в системе организации муниципального управления региона // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 8. С. 135–139.
3. OECD. The Path to Becoming a Data-Driven Public Sector. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-path-to-becoming-a-data-driven-public-sector_059814a7-en.html (дата обращения: 16.08.2025).
4. Кудина М.В., Воронов А.С., Гаврилюк А.В. Внедрение цифровых платформ для принятия решений в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 166-179.
5. Брычеев А.С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № s6. URL: https://esj.today/pdf/11favn624.pdf
6. Мирошниченко М.А., Ковтун А.В., Трипутень А.В. Возможности национальной системы управления данными в формировании информационного пространства в цифровом обществе // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 2 (28). С. 176–180.
7. Vasilenko L.A., Zotov V.V. Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems // Digital Sociology. 2020. Vol. 3. № 2. P. 4–16.

Formation of Multi-Level Decision Support Systems in the Field of Public Administration of Industrial and Technological Development in the Digital Doctrine of Russia

Loktev M.A., Kulikov S.P.
Moscow Aviation Institute (National Research University)

The article is devoted to substantiating the need to form a multi-level system of using intelligent components for decision-making at the federal and regional levels of executive power in the context of the new digital doctrine of the Russian Federation. The theoretical and methodological basis of the research conducted in the article is based on the application of multifactorial dynamic models synthesizing groups of management solutions, as well as functional and structural analysis, which makes it possible to evaluate the operation of economic and social type systems used in the field of public administration of the Russian Federation in the development of industrial and technological development programs. The novelty of the study is to describe a possible scenario for adapting the management decision development process to the requirements of the new digital doctrine of the Russian Federation, as well as the conditions of resource constraints and the need to develop import substitution systems in terms of high-tech technologies. The authors propose an algorithm with a high level of scalability, which allows it to be integrated into the decision support system of the public administration system. The algorithm is a synthesis of basic practices, including the creation of a specialized group of specialists in terms of digital transformation, as well as the organization of a consistent transition to the development of solutions based on digital technologies and business process reengineering, taking into account legal requirements. It is determined that the digital transformation in the field of public administration carried out in the country involves the creation of a fundamentally new architecture based on digital solutions. The authors are convinced that this transformation will contribute to increasing the transparency of public administration processes, which will fully take into account the interests of government agencies, society and the commercial sector.

Keywords: digitalization of society, state management ecosystems, modeling of production and technological systems

УДК 334.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-79-84

Согласованность направлений проектов государственно-частного партнерства с реализуемыми в Российской Федерации национальными проектами

Мелюхин А.Н.
Аспирант кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского университета

Карпович Ю.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского университета

Необходимость согласованности направлений проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) с реализуемыми в Российской Федерации национальными проектами и национальными целями обосновывается рядом описанных в статье фундаментальных причин, имеющих стратегическое значение для развития страны. Актуальность темы исследования определяется тем, что национальные проекты охватывают широкий спектр секторов, где потенциал ГЧП может быть реализован с максимальной эффективностью, но фактически не используется. Практически каждый национальный проект содержит направления, которые могут быть успешно реализованы с применением механизмов ГЧП, привлекая частные инвестиции, опыт и инновации. Целью написания статьи является оценка согласованности целевых приоритетов проектов государственно-частного партнерства с национальными приоритетами. К задачам представленного в статье исследования относятся: изучение формальных механизмов согласования проектов ГЧП, выделение проблем, связанных с ограниченностью применения данных механизмов, и разработка путей их решения. Научная значимость статьи заключается в определении барьеров, препятствующих обеспечению полноценной согласованности направлений проектов ГЧП с национальными приоритетами. Устранение таких барьеров может стать новым направлением реализации национальной политики в сфере ГЧП, повышающим его результативность.

Ключевые слова: *национальные проекты, государственно-частное партнерство, нормативно-правовое регулирования взаимодействия государства и бизнеса*

Для цитирования: *Мелюхин А.Н., Карпович Ю.В. Согласованность направлений проектов государственно-частного партнерства с реализуемыми в Российской Федерации национальными проектами // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 79–84. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-79-84.*

Современная модель государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), основывается не только на проектном, но и на стратегическом подходе, поскольку вектор реализации проектов ГЧП ориентирован не только на выполнение полномочий органами власти посредствам предоставления го-

сударственных услуг населению, но одновременно на ценностные установки людей, которые определяются национальными, федеральными проектами, государственными программами Российской Федерации, государственными программами субъектов Российской Федерации и даже муниципальными программами. То есть проекты ГЧП стали проектно-целевыми инструментами Стратегии социально-экономического развития и государственной политики в целом. Значит, концепция государственно-частного партнерства сегодня определяется в зависимости от исходной цели.

В мае 2024 г. был подписан Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В соответствии с данным документом на перспективу до 2036 г. определены национальные цели развития Российской Федерации (рис. 1) [1; 2].

В этой связи любой реализуемый проект, в том числе проект государственно-частного партнерства как один из структурных проектных инструментов публичного управления, соотносится с той или иной национальной целью в рамках исполнения национальных проектов. Триада «Цель – проект – результат» демонстрирует принципиальное отличие современного публичного управления от прошлого. Принцип «согласованности», лежащий в основе публичного проектного современного управления определяет вектор будущего развития страны в целом. Однако иерархичность управления, территориальная специфика и ресурсообеспеченность, а также мобильность диктуемых национальных приоритетов – все это усложняет выполнение принципа согласованности в отдельных субъектах Российской Федерации.

Для сравнения в динамике диктуемых национальных приоритетов обратимся к национальным целям, установленным Указом Президента в предыдущем периоде (до 2024 г.). Данным Указом были установлены следующие национальные цели в период до 2024 г.:

а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;

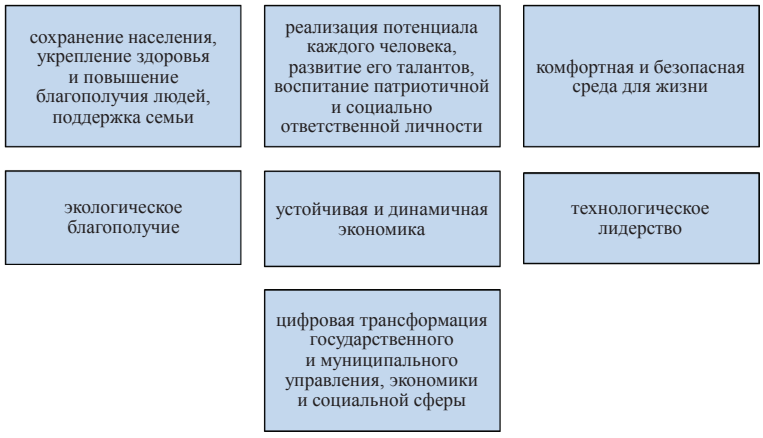

Рис. 1. Национальные цели развития России [1]

б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет);

в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;

г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;

д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно;

е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа;

ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;

з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %;

и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Как можно заметить, число национальных целей сократилось с 9 до 7, при этом остались приоритетными такие направления, как демографическая устойчивость, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, комфортная и безопасная среда для жизни, цифровая трансформация и технологическое лидерство. Цели из предыдущего документа были укрупнены, и вектор стал направлен на процессное развитие, а не на сохранение и обеспечение необходимого минимума. В качестве новых целей появились экологическое благополучие и реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.

В таблице 1 представлено согласование реализуемых в Российской Федерации национальных проектов и национальных целей.

Практически каждый национальный проект содержит направления, которые могут быть успешно реализованы с применением механизмов ГЧП, привлекая частные инвестиции, опыт и инновации для достижения государственных целей. Необходимость согласованности направлений проектов государственно-частного партнерства с реализуемыми в Российской Федерации национальными проектами и национальными целями обосновывается рядом фундаментальных причин, имеющих стратегическое значение для развития страны:

Таблица 1

Согласование реализуемых в Российской Федерации национальных проектов с национальными целями

Национальные цели	Национальные проекты	Цели национальных проектов
Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей	Семья	– всесторонняя поддержка родителей, забота о репродуктивном здоровье и укрепление семейных ценностей, развитие условий для активного долголетия старшего поколения
	Продолжительная и активная жизнь	– обеспечение возможности своевременно получать необходимую медицинскую помощь населению
	Спорт России	– сделать спорт популярнее и улучшить качество жизни людей
	Технологии здоровья	– достичь высокий уровень технологического суверенитета в сфере здравоохранения
Комфортная и безопасная среда для жизни	Инфраструктура для жизни	– улучшать условия жизни людей и связность территорий России
	Эффективная транспортная система	– модернизация, строительство и развитие всех видов транспорта
Устойчивая и динамичная экономика	Производство транспорта	– сформировать и модернизировать инфраструктуру грузовых и пассажирских перевозок, повысить уровень комфорта, безопасности и эффективности транспорта
	Эффективная и конкурентная экономика	– развитие и поддержка российских предпринимателей
	Экспорт	– экспорт несырьевых неэнергетических товаров
	Средства производства и автоматизация	– лидерство по выпуску средств производства и роботизации промышленных процессов
Технологическое лидерство	Технологическое обеспечение продовольственной безопасности	- развитие агропромышленного комплекса
	Беспилотные авиационные системы	– проектирование, выпуск и эксплуатация новых дронов и подготовка специалистов
	Космос	– технологическое лидерство в космической деятельности
	Новые атомные и энергетические технологии	– лидерство в атомной сфере и суверенитет в новых энергетических технологиях
Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы	Экономика данных	– использовать цифровые решения для развития новых возможностей
	Новые материалы и химия	– развивать химическую промышленность и создавать инновационные материалы для ключевых сфер экономики
	Биоэкономика	– создание инфраструктуры для использования биологического сырья и разработка уникальных технологий, востребованных в сельском хозяйстве, экологии и при создании лекарственных препаратов
Экологическое благополучие	Экологическое благополучие	– развитие инфраструктуры и формирование условий для экологического туризма
	Туризм и гостеприимство	– делать путешествия по России доступными, комфортными и безопасными
Реализация потенциала каждого человека, воспитание патриотичной и социально ответственной личности	Кадры	– формировать потенциал квалифицированных специалистов
	Молодежь и дети	– развивать лучшие практики обучения и поддержки молодежи

• Создание единого вектора развития страны. Согласованность гарантирует, что усилия и ресурсы всех участников (государства, частного сектора, гражданского общества) направлены в одно русло, обеспечивая синергетический эффект и приближая страну к достижению национальных целей.

• Оптимизация использования ресурсов. В рамках концепции ГЧП «*Value for Money*» обеспечивается оптимальное соотношение цены и качества государственных услуг и инфраструктуры за счёт концентрации усилий на приоритетных направлениях.

• Повышение инвестиционной привлекательности и доверия граждан. Привязка проектов ГЧП к национальным приоритетам создаёт предсказуемую инвестиционную среду, снижая политические и регуляторные риски для инвесторов. Инвестор понимает, что его проект является частью государственной стратегии и будет иметь соответствующую

поддержку. Граждане, в свою очередь, ожидают от государства решения наиболее острых проблем и улучшения качества жизни. Проекты, направленные на достижение национальных целей, непосредственно отвечают этим ожиданиям, укрепляя доверие к институтам власти и программам развития.

Формально, механизмы согласования проектов ГЧП с национальными приоритетами заложены в системе стратегического планирования РФ. В первую очередь к ним следует отнести законодательные основы. Так, Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172-ФЗ) [3] определяет иерархию документов стратегического планирования (стратегии, государственные программы, национальные проекты). Подразумевается, что проекты ГЧП должны быть включены в государственные и региональные программы, которые, в свою очередь, формируются исходя из задач национальных проектов и целей. Ключевым институциональным механизмом, способствующим реализации принципа согласованности национальных приоритетов и проектов ГЧП является Национальный центр ГЧП, признанный Всемирным банком как официальный институт развития ГЧП в России. При содействии центра в настоящее время уже запущено более 300 проектов ГЧП, 45 исследований проведено в интересах органов власти и частного сектора [4]. Финансовые механизмы гармонизации целей нацпроектов и проектов ГЧП позволяют использовать бюджетные средства, выделяемые на национальные проекты, для софинансирования проектов ГЧП (капитальные гранты, субсидии, гарантии). Инструменты государственной поддержки инвестиций (Фонд национального благосостояния, инфраструктурные облигации) также могут быть направлены на проекты, способствующие достижению национальных целей. Четвертым механизмом согласования проектов ГЧП с национальными целями и приоритетами является методологическое обеспечение. Министерством экономического развития РФ, Министерством финансов РФ и другими ведомствами разрабатываются методические рекомендации по оценке эффективности проектов ГЧП.

Тем не менее, по мнению ряда ученых, существует ряд проблем, сдерживающих рост степени согласованности целей проектов ГЧП и национальных приоритетов. Так, Е.М. Бухвальд отмечает, что практика ГЧП пока во многом остается вне генерального тренда развития систем управления хозяйственными и социальными процессами в стране, сутью которых является использование такого инструментария как национальные проекты [5, с. 504].

Несмотря на очевидность взаимосвязи целевых установок проектов ГЧП и национальных проектов, на практике согласованность часто осуществляется «снизу – вверх» – регионы и муниципалитеты, испытывая дефицит бюджетных средств, инициируют проекты ГЧП, а затем пытаются «встроить» их в рамки соответствующих национальных проектов, если это возможно. Более эффективным был бы «сверху – вниз» подход, когда национальные проекты на этапе формирования предусматривали бы четкие направления для привлечения ГЧП с соответствующими лимитами финансирования и показателями. По этой причине есть основания утверждать, что существует ряд системных проблем, препятствующих полноценной согласованности проектов ГЧП с национальными целями и проектами:

Так, например, привязка показателей эффективности проектов ГЧП к конкретным показателям национальных проектов остается недостаточно прозрачной и обоснованной, что обусловлено отсутствием унифицированной методологии оценки вклада конкретных проектов ГЧП в достижение целевых показателей национальных проектов. Часто проекты ГЧП реализуются параллельно, без прямого учета их вклада в стратегические индикаторы. Во-вторых, несмотря на наличие Федеральных законов от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», механизмы увязки отдельных проектов ГЧП с целевыми показателями национальных проектов не всегда прозрачны и эффективны. Зачастую решения о ГЧП принимаются на региональном уровне без достаточного учета федеральных приоритетов, либо национальные проекты не содержат четких указаний на возможность или необходимость применения ГЧП. Отсутствие единого централизованного органа, отвечающего за комплексную координацию всех проектов ГЧП на федеральном уровне и их увязку с национальными проектами, приводит к разобщенности действий. Возникающие в результате этого высокие транзакционные издержки и длительные сроки подготовки и согласования проектов ГЧП снижают их привлекательность для частного бизнеса, что затрудняет оперативную реакцию на изменения в приоритетах национальных проектов. В-третьих, следует указать, что, несмотря на потенциал ГЧП по привлечению частных средств, часто проекты требуют значительной государственной поддержки (капитальные гранты, минимальные гарантированные платежи), что создает дополнительную нагрузку на бюджеты и может конкурировать с прямым финансированием нацпроектов.

Для решения обозначенных выше проблем могут быть предложены следующие системные мероприятия:

– интеграция критериев соответствия национальным целям и проектам в процедуру отбора и

приоритизации проектов ГЧП на всех уровнях через создание единой системы показателей эффективности (*KPI*) для проектов ГЧП, привязанных к индикаторам национальных проектов;

– включение представителей Национального центра ГЧП и других экспертных организаций в состав рабочих групп и штабов национальных проектов. Такая необходимость вызвана тем, что сама по себе идея децентрализации управления и передачи полномочий в пользу субъектов Федерации и органов местного самоуправления, в т.ч. при регулировании практики ГЧП, декларировалась несколько раз, но к зримым результатам не привела [6, с. 24];

– формирование специализированных программ государственной поддержки проектов ГЧП, напрямую способствующих достижению национальных целей (например, через субсидирование процентных ставок, предоставление гарантий, участие в капитале), а также использование инфраструктурных облигаций для финансирования ГЧП, имеющих высокую стратегическую значимость.

Таким образом, согласованность направлений проектов ГЧП с национальными проектами и национальными целями Российской Федерации является не просто желательной, а критически необходимой для обеспечения стратегического развития страны, эффективного использования ресурсов, привлечения инвестиций, управления рисками и укрепления доверия между всеми участниками процесса. Это гарантирует, что ГЧП станет не случайным набором отдельных инициатив, а мощным инструментом системных преобразований, ведущих к устойчивому росту и повышению качества жизни населения.

Проведенное исследование подтверждает, что государственно-частное партнерство обладает колоссальным потенциалом для ускорения реализации национальных проектов и достижения стратегических национальных целей Российской Федерации. Синергия между этими двумя инструментами развития способна не только привлечь значительные внебюджетные инвестиции, но и привнести в государственное управление частные компетенции, инновации и управленческую эффективность. Однако на текущем этапе полноценная согласованность направлений проектов ГЧП с национальными приоритетами достигается не в полной мере. Основными барьерами являются отсутствие единой методологии оценки вклада ГЧП в нацпроекты, фрагментированность законодательной и институциональной базы, недостаточная координация между ведомствами, а также длительность и сложность процедур. Реализация предложенных рекомендаций позволит не только повысить эффективность расходования бюджетных средств и привлечь больше частных инвестиций, но и ускорит достижение национальных целей развития, обеспечивая прорывной рост в социально-экономической сфере и устойчивое повышение качества жизни граждан Российской Федерации.

Литература:

1. Указ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
2. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Государственно-частное партнерство как инструмент реализации национальных целей России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2024. № 4. С. 7–24.
3. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Официальный сайт Центра ГЧП. URL: https://pppcenter.ru/analitika//
5. Бухвальд Е.М. Правовые основы государственно-частного партнерства в условиях реализации национальных проектов в Российской Федерации // ЭПП. 2020. № 3. С. 503–516.
6. Акобиров С.О. Государственно-частное партнерство и развитие институциональной среды// Теория и практика сервиса. 2019. № 3. С. 24–27.

Coordination of Public-Private Partnership Projects with National Projects Implemented in the Russian Federation

Melyukhin A.N., Karpovich Yu.V.
Perm National Research University

The need to align the areas of public-private partnership (PPP) projects with national projects and national goals implemented in the Russian Federation is justified by a number of fundamental reasons described in the article that are of strategic importance for the development of the country. The relevance of the research topic is determined by the fact that national projects cover a wide range of sectors where the PPP potential can be realized with maximum efficiency, but is not actually used. Almost every national project contains areas that can be successfully implemented using PPP mechanisms, attracting private investment, experience and innovation. The purpose of writing the article is to assess the consistency of the target priorities of public-private partnership projects with national priorities. The objectives of the study presented in the article include studying the formal mechanisms for coordinating PPP projects, identifying problems associated with the limited application of these mechanisms, and developing ways to solve them. The scientific significance of the article lies in identifying the barriers that impede ensuring full consistency of PPP project areas with national priorities. Eliminating such barriers can become a new direction for implementing national policy in the field of PPP, increasing its effectiveness.

Keywords: national projects, public-private partnership, legal regulation of interaction between the state and business

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-85-89

Актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации предприятий и механизмы их нейтрализации

Мустафина Г.Н.
Старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета

В работе, на основе результатов ситуационного и функционального анализов, сформулировано определение понятия «экономическая безопасность предприятия» и уточнено содержание термина «цифровизация предприятия».

С использованием результатов ретроспективного и нормативного анализов автором проанализирована практика внедрения цифровизации в бизнес-процессы российских хозяйствующих субъектов и выявлены основные мотивы процесса цифровой трансформации предприятий.

В статье, с применением сравнительного анализа и доказательного подхода, представлены актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации, приведена их классификация и предложены инструменты и механизмы противодействия.

На основе метода научной абстракции и факторного анализа исследована корреляционная зависимость между уровнем экономической безопасности предприятия и качеством его цифрового потенциала. Доказано, что эффективное ведение бизнеса невозможно вне формирующейся глобальной цифровой среды, без использования аналитики данных и массового внедрения искусственного интеллекта.

Раскрытие заявленной темы позволит определить алгоритм практических действий по цифровизации предприятий и показать степень её воздействия на уровень экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: *экономическая безопасность предприятия, цифровизация бизнес-процессов, цифровой потенциал предприятия, внешние и внутренние угрозы экономической безопасности предприятия, механизмы обеспечения экономической безопасности предприятия*

Для цитирования: *Мустафина Г. Актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации предприятий и механизмы их нейтрализации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 85–89. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-85-89.*

Учитывая, что «формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности России, конкуренции отечественных компаний», [1] и исходя из того, что предприятия выступают системообразующим элементом экономики РФ и основным субъектом формирования национального ВВП, состояние их экономической безопасности в значительной степени определяет текущий уровень экономической безопасности российской экономической системы в целом. Это напрямую влияет на её способность эффективно противостоять внешним и внутренним угрозам развития.

И в условиях обострения конкуренции, спровоцированной противодействием коллективного Запада процессу демонтажа однополярного мирового порядка и высокой турбулентностью мировой экономики, для любого субъекта хозяйствования крайне важно, как минимум – удержать завоёванные позиции на рынке, а в идеале – нарастить собственный социально-экономический потенциал и повысить экономическую устойчивость своего бизнеса, что достигается путем расширения занимаемого рыночного сегмента и номенклатуры, наращиванием объемов производства или оказываемых услуг. Причем практика показывает, что эффективно решить столь сложную задачу можно только находясь в числе лидеров инновационного развития, выбрав в качестве основного вектора цифровизацию и автоматизацию бизнес-процессов. Однако их внедрение в финансово-хозяйственную деятельность связано с возникновением дополнительных рисков и угроз экономической безопасности предприятия.

Теоретико-методологические подходы к определению понятий «экономическая безопасность предприятия» и «цифровизация»

Отказ от административно-командной экономики и переход к рыночным принципам хозяйствования в 90-ые гг. сформировал потребность в научно-теоретическом сопровождении трансформации российской экономической системы. Это включало исследования проблем экономической безопасности субъектов макро- и микроуровня, которые ранее не были предметом изучения отечественной науки. И на сегодня можно с высокой степенью вероятности констатировать факт того, что по данной проблематике сформировался весьма солидный задел из трудов авторитетных российский ученых и экспертов, таких как А.А. Андреева, В.А. Богомолов, И.Р. Бажутина, Л.С. Гафурова, В.С. Гусев, М.П. Власов, С.И. Василишин, О.Ю. Дягель, В.К. Сенчагов и др.

В настоящее время представители отечественного научного сообщества продолжают ликвидировать оставшиеся пока «белые пятна» в теории экономической безопасности предприятия, демонстрируя при этом разнообразие взглядов и множественность подходов. Например, известный российский государственный деятель и экономист В.К. Сенчагов определяет экономическую безопасность предприятия как «защищенность его научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала от прямых (активных) или косвенных (пассивных) экономических угроз, например, связанных с неэффективной научно-промышленной политикой государства или формированием неблагоприятной внешней среды, и способность к его воспроизводству» [2]. А один из ведущих российских экспертов в области экономической безопасности хозяйствующих субъектов В.В. Козивкин предлагает рассматривать данную категорию как «комплексное понятие, которое включает в себя совокупность факторов, связанных не столько с внутренним состоянием самого предприятия, сколько с воздействием внешней среды, с ее субъектами, с которыми предприятие вступает во взаимосвязь» [3]. Со своей стороны, научно-исследовательская группа во главе с профессором Г.А. Скачко под экономической безопасностью понимает «умение предприятия, посредством грамотного распределения и использования ресурсов, получать максимально высокий результат, достигая ежемесячных целей и анализируя возможность постоянного повышения эффективности своей деятельности, направленной на быстрый рост компании и поддержание ее конкурентоспособности на высоком уровне [4]. И, обобщая вышеперечисленные точки зрения, мы можем рассматривать экономическую безопасность предприятия как «состояние, при котором важнейшие оценочные показатели ее деятельности максимально приближены к показателям, заданным бизнес-стратегией» [5], а «опасность возникновения неблагоприятных событий не превышает допустимой величины» [6]. Причем единственным путем обеспечения оптимального состояния экономической безопасности хозяйствующего субъекта является «эффективное применение ресурсов для предупреждения угроз и обеспечения стабильной деятельности» [7, с. 105], что достигается через «постоянный контроль проблемных ситуаций организаций, анализ факторов, вызывающих угрозы, и составление расчетов пороговых значений для определения данных угроз» [8].

Теоретическая база процесса цифровизации предприятий также находится в стадии постоянного совершенствования и приращения научных знаний и в исследовательском сообществе пока нет универсального определения этого процесса. Так коллектив авторов под руководством профессора Т.Ю. Кудрявцева рассматривает цифровизацию как «переход от аналоговых и физических систем к цифровым и виртуальным» и «процесс, который предполагает использование цифровых технологий и оцифрованных данных для трансформации бизнес-процессов, бизнес-моделей, бизнес-операций [9]. Другая группа ученых во главе с С.В. Харитоновым определяет цифровизацию в виде «процессов, связанных с внедрением информационно-коммуникационных технологий в производство, сервис и управление» [10].

В свою очередь, мы, рассматривая цифровизацию в качестве «системного подхода к использованию цифровых ресурсов для повышения производительности труда, конкурентоспособности и экономического развития в целом» [11], предлагаем исходить из того, ключевым фактором этого процесса «являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными

формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [12]. Таким образом, в рамках настоящей работы под цифровизацией субъектов хозяйствования мы будем понимать выходящую за рамки тривиальной замены аналогового или физического ресурса на цифровой или информационный процедуру формирования цифрового потенциала предприятия через внедрение цифровых технологий во все сферы его деятельности, в целях коренной трансформации на основе цифровых технологий.

Актуальные угрозы экономической безопасности процесса цифровизации предприятия и инструменты их нейтрализации

Активизировавшаяся цифровизация общества и его социально-экономической системы кардинально преобразовала отечественную экономическую среду и изменила правила взаимодействия хозяйствующих субъектов всех уровней, которые для сохранения своей эффективности сегодня просто вынуждены скорректировать свои стратегии развития с учетом цифровой трансформации потребителей и отказаться от аналоговых экономических моделей. Клиентские запросы на цифровое партнёрство и постоянно обновляемые законодательные требования регулятора в настоящее время побуждают предприятия перестраивать свою финансово-хозяйственную деятельность уже на базе информационно-цифровых технологий и проводить автоматизацию всех своих бизнес-процессов, активно формируя при этом собственную внутреннюю цифровую инфраструктуру.

При этом, на наш взгляд, эффективная цифровизация предприятия является задачей повышенной сложности, требует привлечения значительных ресурсов и находится в зоне повышенного риска, предполагающей вероятность неблагоприятных сценариев процесса, провоцируя дополнительные угрозы экономической безопасности субъекта, которые в самом общем виде можно разделить на внешние и внутренние.

Внешними угрозами экономической безопасности процесса цифровизации предприятия являются:

– высокая стоимость цифровизации и ограничение возможностей привлечения источников внешних инвестиций;

– дефицит компетентных специалистов данного профиля на национальном рынке труда;

– несовершенство технологий и слабая производственная база для выпуска качественного отечественного цифрового оборудования;

– недостаточная степень цифровой грамотности россиян и общественное недоверие к инновациям;

– несовершенство российского законодательства в данной сфере;

– проблемы сохранения конфиденциальных данных и отсутствие действенных механизмов противодействия угрозам несанкционированного доступа к ним.

К внутренним угрозам мы может отнести:

– цифровую незрелость предприятия и низкий уровень его цифрового потенциала, общая неподготовленность к цифровизации;

– не до конца проработанную ИТ-стратегию цифровой трансформации и как следствие неверный выбор инструментов и технологий процесса цифровизации;

– отсутствие четкой структуры управления цифровой трансформацией;

– внутреннее скептическое отношение руководителей к цифровизации и отдаваемый ими приоритет текущей финансово-хозяйственной деятельности над реализацией стратегических инициатив;

– ограниченность возможностей финансирования процесса цифровизации за счет собственных ресурсов и нежелание руководства инвестировать средства на регулярной основе;

– нехватку знаний и компетенций существующего персонала;

– сопротивление персонала внедрению цифровизации и перестройки внутрикорпоративной культуры.

Рассматривая инструменты и механизмы нейтрализации указанных угроз, мы должны исходить из того, что субъекты хозяйствования «практически не имеют возможности влиять на внешние угрозы» [13], а эффективное противодействие им напрямую связано с активной позицией государства, без организационной и финансовой поддержки которого справиться с этой задачей практически невозможно. Именно государство, реализуя «Стратегию развития информационного общества», способно в национальном масштабе создать условия для повышения уровня цифровой грамотности населения и подготовки необходимого для отрасли кадрового потенциала, стимулировать научно-технические разработки в области сохранения и обработки данных, создания цифровых технологий и обеспечить формирование производственной базы для выпуска необходимого отечественного оборудования. Масштабирование применения которых на национальном уровне, безусловно, позитивно скажется на снижении связанных с цифровизацией издержек для каждого отдельного предприятия и повысит его инвестиционную привлекательность. И, конечно, только государство, как главный регулятор всех социально-экономических процессов, способно на постоянной основе актуализировать законодательство в сфере цифровизации, формируя позитивную институциональную среду достижения национальных целей развития и создавая наиболее благоприятные условия процесса цифровой трансформации

как экономической системы в целом, так и каждому субъекту хозяйствования в частности.

Говоря о методах противодействия внутренним угрозам цифровизации предприятия, необходимо учитывать, что для повышения её эффективности и стимулирования активности всех участников крайне важно оценить возможные объёмы монетизации процесса цифровой трансформации каждой бизнес-структуры и выявить корреляционную зависимость запланированного в стратегии её развития уровня цифрового потенциала и степенью удовлетворённости задействованных субъектов. Тем самым устанавливая конкретные и понятные всем вовлечённым лицам ориентиры для собственного социально-экономического роста, обусловленного позитивными итогами цифровизации бизнеса. Собственники и руководство предприятия должны беспристрастно оценить способность существующего персонала самостоятельно разработать стратегию цифровизации и, в случае её отсутствия, привлечь для этого квалифицированных сторонних специалистов.

Стратегия цифровой трансформации любого предприятия должна базироваться на актуальном законодательстве и содержать четко сформулированные цели и задачи цифровизации, а также конкретные инструменты их достижения. Кроме того, в ней должна быть зафиксирована структура управления цифровой трансформацией, обозначен круг привлеченных к процессу цифровизации лиц, определены их полномочия и вопросы ведения, а также проверен уровень профессиональной пригодности сотрудников к решению подобных задач и сформирован перечень нуждающихся в повышении квалификации работников, включая разработку планов их переобучения и фиксацию методов повышения цифровой грамотности. В стратегии цифровизации предприятия должны быть обозначены все необходимые этапы цифровой трансформации и сроки проводимых организационно-технических мероприятий, определены механизмы контроля и оперативной корректировки процесса.

Выводы:

1. Цифровизация финансово-хозяйственной деятельности предприятий на сегодня является устойчивым трендом и ключевым вектором развития российского и мирового бизнеса, оказывающим позитивное воздействие на уровни конкурентоспособности и экономической устойчивости хозяйствующих субъектов, повышая их возможности к эффективному противодействию актуальным угрозам экономической безопасности.

2. Проводимая работа по цифровой трансформации предприятия должна охватывать практически всех сотрудников, осуществляться на системном уровне, быть направленной на преодолении собственной цифровой незрелости через формирование его цифрового потенциала и внедрение корпоративной цифровой культуры.

3. Процесс цифровизации для хозяйствующих субъектов является обязательным и объективно неизбежным, т.к. обусловлен цифровой трансформацией общества и глобальной экономики, запросами потребителей и бизнес-партнеров, а также законодательными требованиями национальных и международных регуляторов.

Литература:

1. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ. URL: https://tass. ru/ekonomika/4389411
2. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: общий курс: учеб. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 813 с.
3. Козивкин В.В. Экономическая безопасность промышленного предприятия // Бизнес, менеджмент и право. 2016. URL: http://www.bmpravo.ru/show_ stat.php?stat=297.
4. Скачко Г.А., Никандрова Л.К., Суркова Е.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Аудитор. 2020. № 5. С. 33–36
5. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 2006. № 5. С. 20–31.
6. Симонов С.Г., Хаматханова М.А., Сафонов Д.А. Экономическая безопасность малого бизнеса: системный подход // Фундаментальные исследования. 2016. № 1-1. С. 198–202.
7. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.

8. Мельников А.Б., Маханько Г.В. Экономическая безопасность. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2015. 171 с.
9. Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149–151. DOI: 10.24412/2304-6139-2022-11228.
10. Харитонов С.В., Мусина Д.Р., Тюрганов А.Г. Мягкое рыночное управление экономикой региона в контексте цифровой экономики // Экономика и управление. 2018. № 1 (139). С. 43–46.
11. Титов Д. Как создать цифровую компанию // Экономика и жизнь. 2018. № 45 (9761). URL: https://www.eg-online.ru/article/385100/
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС Гарант.
13. Шлычков В.В Ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности России в условиях перманентного санкционного давления коллективного запада и проведения СВО // Современные проблемы и перспективы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов. Сб. статей Межд. науч.-практич. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 171–176.

Current Threats to Economic Security in the Digitalization Process of Enterprises and Mechanisms for Their Neutralization

Mustafina G.N.
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

The paper, based on the results of situational and functional analyses, formulates a definition of the concept of "economic security of an enterprise" and clarifies the content of the term "digitalization of an enterprise".

Using the results of retrospective and normative analyses, the author examines the practice of implementing digitalization in the business processes of Russian economic entities and identifies the main motives for the process of digital transformation of enterprises.

The article, using comparative analysis and an evidence-based approach, presents current threats to the economic security of the digitalization process, provides their classification, and proposes tools and mechanisms for counteraction.

Based on the method of scientific abstraction and factor analysis, the correlation between the level of economic security of an enterprise and the quality of its digital potential is examined. It is proven that effective business management is impossible outside the emerging global digital environment, without using data analytics and the widespread implementation of artificial intelligence.

The disclosure of the stated topic will allow determining the algorithm of practical actions for the digitalization of enterprises and showing the degree of its impact on the level of economic security of economic entities.

Keywords: economic security of an enterprise, digitalization of business processes, digital potential of an enterprise, external and internal threats to the economic security of an enterprise, mechanisms for ensuring the economic security of an enterprise

УДК 351
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-90-94

Государственное управление занятостью молодежи в условиях кризиса карьерных ожиданий

Полянина А.К.
доктор социологических наук,
профессор кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин
Приволжского государственного университета путей сообщения
(Самара)

В статье рассматриваются вопросы государственного управления в области занятости молодежи, а именно решение проблемы несформированности профессиональных ориентаций и кризиса карьерных ожиданий. Актуальность данной проблемы связывается автором с общей трансформацией мотивационной составляющей трудовой деятельности, резким и очевидным изменением условий экономической деятельности граждан под влиянием технологического прогресса. Представлена авторская схематизация стратегий занятости включающая систематизацию соответствующих мотиваторов труда. С целью оптимизации государственного управления занятостью молодежи представлено авторское видение последовательной смены индивидуальной траектории заинтересованности в труде и соответствующая роль государственного регулирования. Исследование возможностей государственного управления направлено на уточнение подходов к регламентации трудовых отношений, определению прав и обязанностей сторон трудового договора, а также развитию механизмов социального партнёрства. В иерархии стратегий показаны этапы возможного развития мотивации работников, связанные с жизненными циклами и сменой потребностей. В результате на основе описанных стратегий предложены формы государственного воздействия, способствующие формированию карьерных траекторий молодежи в соответствии с личностно-профессиональными способностями и потребностью рынка труда.

Ключевые слова: *государственное управление занятостью населения, молодежная занятость, труд, трудовые отношения, трудовая мотивация, карьерные ожидания молодёжи*

Для цитирования: *Полянина А.К. Государственное управление занятостью молодежи в условиях кризиса карьерных ожиданий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 90–94. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-90-94.*

Эффективность государственного управления в области занятости молодежи, действительно определяется общим состоянием экономики. Оценка социальной эффективности этого направления государственной политики включает множество параметров и методов анализа результатов обеспечения баланса на рынке труда. В качестве одной из целей управления можно назвать максимальное вовлечение молодежи в процессы социально-экономического развития страны, в том числе через создание условий для востребованности молодыми людьми трудовой и предпринимательской деятельности, а также развития творческой инициативы. В этой связи государственное управление занятостью молодежи выступает частью государственной политики социально-экономического развития и направлено

на достижение качественных изменений в экономике. Следует иметь в виду, что в качестве основ государственной политики принята Долгосрочная программа содействия занятости молодежи (Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г.»), предусматривает совершенствование мотивации молодежи. Среди основных задач Программы значится формирование карьерных стратегий молодежи в соответствии с личностно-профессиональными способностями и потребностью рынка труда, а также снижение рисков незанятости молодежи и создание условий для профессионального развития молодых людей через совмещение получения образования и трудовой (предпринимательской) деятельности. Ожидаемым результатом реализации Программы является повышение вовлеченности молодежи в занятость.

Значение государственного регулирования занятости молодежи определяется динамикой уровня безработицы данной возрастной группы. Так, по данным Росстата, уровень безработицы среди лиц в возрасте 15–29 лет на конец 2024 г. составляет 15,2 % что превышает общероссийский показатель (4,8 %) [1].

Основные проблемы трудоустройства молодых людей, обозначенные в Программе: высокий уровень вовлечённости в неофициальные трудовые отношения, неудовлетворённость качеством рабочей силы молодёжи со стороны работодателей, несформированность профессиональных ориентаций для построения профессиональной и трудовой карьеры. Последняя проблема, связанная с кризисом карьерных ожиданий, требует особого внимания и анализа с различных точек зрения. В контексте демографии и снижения численности представителей молодёжной возрастной группы определено несоответствие спроса и предложения рабочей силы [2; 3]. В контексте технологического развития и автоматизации профессий отмечаются колоссальные изменения востребованности профессиональных навыков и образования [4]. В контексте индивидуализации траекторий карьерного развития указывается изменение моделей трудового поведения молодого поколения и необходимость применения принципа «*lifelong learning*» (обучение на протяжении всей жизни) [1; 5]. В контексте смены поколенческих установок, определяющих трудовое поведение, выявлены завышенные ожидания молодых людей относительно себя и своих возможностей, формирование так называемого «поколение me» [6].

На основе поколенческого подхода исследователи отмечают особое значение для молодёжи гибкости и вариативности выбора карьерного пути, готовность к территориальной мобильности и высокую востребованность комфортных условий рабочего места и графика [2; 7; 8]. Уже в 2011 г. эмпирические исследования международной консалтинговой компании *PricewaterhouseCoopers (PwC*) обнаружили особенности принципов построения трудовой карьеры, среди которых высокая виртуализация деятельности, важность комфортности и гибкости графиков и планирования рабочих задач, высокая готовность к предпринимательству, снижение значимости занятия руководящий должности в ущерб личному времени [9].

Недавнее исследование *Best Company Award* 2025, проведенное цифровой платформой по трудоустройству *Changellenge*, выявило рейтинг и динамику мотиваторов трудовой деятельности современной молодежи. Среди трендов изменения трудовой мотивации (вопреки ожиданиям) можно отметить увеличение значения стабильности по сравнению с быстрым карьерным ростом, снижение зарплатных ожиданий от 1 до 5 курса, их адаптация к реальности, рост востребованности официального трудоустройства, желание видеть результаты своей работы [10].

Исследование предпочтений молодежи при выборе работы, выполненное Агентством маркетинговых исследований ВШЭ, показало существенное различие между ожидаемым выпускниками вузов размером заработной платы и реальным – разрыв составляет 56 %. Кроме того, достаточно популярной идеей среди молодёжи является предпринимательство («работа на себя»), поскольку «можно быть творцом собственной жизни и карьеры и не привязываться к жестким корпоративным правилам» (62 %), «реализовать творческий и профессиональный потенциал и не тратить время на рутинную работу» (61 %), «только в собственном бизнесе можно реализовать себя» (46 %). При выборе работы для молодых людей особенно важны интересные задачи и профессиональная среда, возможность проявлять инициативу и реализовывать новые проекты с нуля, ценности компании и её социальная ответственность, профессионализм коллег, творческая рабочая атмосфера и свобода принятия решений [11].

На основе анализа результатов исследований и теоретических положений можно выделить факторы кризиса карьерных ожиданий и его эффекты. Среди факторов, способствующих кризису, выделяются следующие. Во-первых, рост виртуализации жизни, создающий иллюзию успеха (блогеры, распаковщики, доставщики, образы красивой и беззаботной жизни, деньги за лайки и отзывы), темпоральный конфликт между «плодами успеха» и движением к успеху (неспособность к постепенности успеха), общая социальная аномия (распад прежних норм трудовой деятельности, в т.ч. режимности, при несформированности новых). Во-вторых, горизонтализация профессиональной значимости, ведущая к уравниванию доходов квалифицированного и не-

квалифицированного труда и стиранию статусности профессии, размывание понятия престижности (сообщения о предложении быстрого заработка, например, так называемый вебкам-бизнес (виртуальная версия проституции и эскорт-услуг). В-третьих, культ саморазвития, вызывающий неприятие монотонности труда как необходимой составляющей любой деятельности, а также завышение самооценки и требований к работе, иллюзию своих способностей к инновациям и творчеству. В-четвертых, длительная опека родителями, которая блокирует своевременное самоопределение и по сути является аналогом так называемого безусловного базового дохода (БДД), закрывающего базовые потребности, и которая одновременно с этим определяет стремление к длящемуся обучению как оправданию бездействия, а также страх перед ответственностью и отношениями с начальством.

В качестве эффектов кризиса карьерных ожиданий в отношении работодателей выделяются: конкуренция предлагаемых трудовых отношений с самозанятостью, режимности и рабочей иерархии со свободой принятия решений; завышенные и несоответствующие реалиям рынка труда зарплатные ожидания молодежи (или то, что названо исследователями «давлением на зарплатные вилки»); дефицит кадров (результат демографических проблем); размытые представления молодых людей о своей профессиональной траектории развития. Общими социальными последствиями названного кризиса, обуславливающими государственное регулирование молодежной занятости, выступают: снижение эвристических способностей и потребностей (деградация) населения, социальное иждивенчество, демонтаж социального партнерства, нарушение баланса трудовых затрат и получаемого вознаграждения (нарушение принципа справедливости при распределении социальных благ).

Факторы обозначенной проблемы и её последствия непосредственно связаны с динамикой изменения мотивации трудового поведения представителей молодого поколения. Векторами этих изменений можно назвать, например, избегание рабочей режимности как аналога несвободы и рутинности, рост вариативности источников дохода, снижение зависимости дохода от его классических факторов – профессионализма, опыта, образования. Между тем трудовая мотивация, как и прежде, вытекает из потребностей на конкретном этапе жизненного пути. Анализ тенденций трудовой мотивации молодежи и ожиданий от работы дает основания для следующей схематизации стратегий занятости и соответствующей им мотивации (рис. 1).

В представленной на рисунке 1 схеме укрупнённо отражены стратегии трудовой занятости и мотиваторы, присущие каждой из них, выраженные кратко через ключевое слово. Развитие трудовой мотивации, разумеется, свойственно не только молодежной возрастной группе и являет собою иерархию фундаментальных потребностей, потому и представлено в виде пирамиды. На основе данной схемы выявляются и возможности работодателя по определению адресной группы соискателей, а также удержанию работников. Каждая стратегия предполагает соответствующие мотиваторы, иначе говоря, требования к работодателю. Рассмотрим их подробнее.

Стратегия «**Безысходность**», в качестве ключевого мотиватора предполагает страх, обусловленный разными причинами, например, осознаваемой профессиональной невостребованностью, возрастом, физической и ментальной уязвимостью. Очевидно, что для данной стратегии отсутствуют выраженные мотиваторы и требования соискателя к работодателю. Человек вынуждается обстоятельствами, а не мотивируется. Данная стратегия не должна быть поддержана извне.

Стратегия «**Отбывание**» предусматривает надежду на дальнейший профессиональный успех и в наибольшей степени свойственна молодежной группе. Данная стратегия предусматривает некоторые ожидания соискателя от работы, которая чаще всего воспринимается как временная. Это профессионализм коллектива, наставничество и опыт, официальная занятость, имидж компании, официальное оформление отношений и стаж. В части возможностей государственно-правового регулирования отношений в рамках данной стратегии имеет значение: регламентация их документального закрепления, контроль за соблюдением установленных прав и обязанностей сторон трудового договора, фиксация требований к значению профессионального опыта в определенных

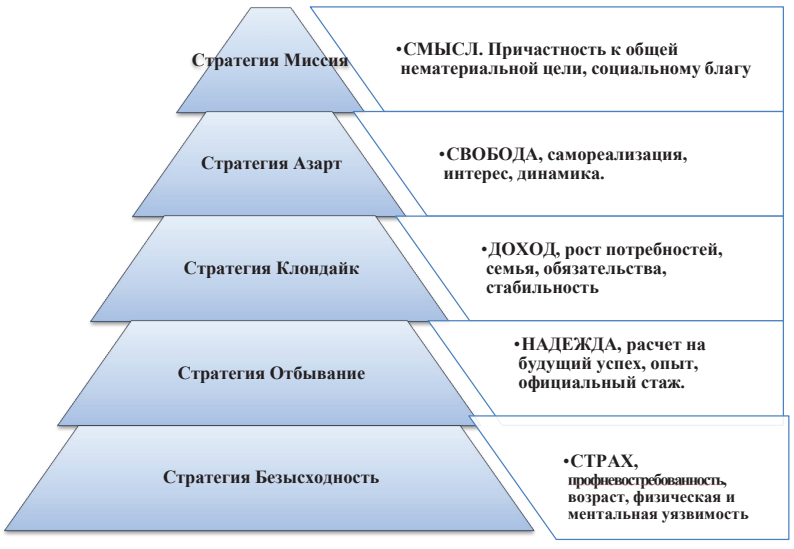

Рис. 1. Стратегии занятости и основные мотиваторы труда

областях народного хозяйства как это уже и имеет место быть. В дополнительном содействии со стороны государства данная стратегия не нуждается, поскольку являет собой переходный этап, компромисс, формируемый естественным путем.

Стратегия «**Клондайк**» означает важность для соискателя материального стимулирования труда, прежде всего обусловленного жизненной и семейной ситуацией, наличием детей, обязательств. Поэтому в целях привлечения и удержания работников работодатель может предложить конкурентную заработную плату и гарантии стабильного её повышения либо участие в распределении дохода компании. В данном случае работа воспринимается преимущественно как источник дохода, а работник готов мириться с отсутствием интереса к труду, жестким режимом и иерархией, но только при условии значительного дохода. Государственное регулирование занятости в контексте данной стратегии связано с экономической функцией в целом, в том числе с реализацией методов стимулирования предпринимательской деятельности и поддержки бизнеса, а также совершенствованием корпоративных отношений в связи с возможным участием работников в распределении доходов работодателя.

Стратегия «**Азарт**» подразумевает ценность свободы как основополагающего принципа трудовой занятости. Это свобода проявляется не только в принятии решений, но и в независимости от строгой рабочей подчинённости и графика. Одновременно с этим, приверженность данной стратегии означает: отсутствие острой потребности в высоком доходе, уверенность в собственном профессионализме и востребованности, стремление к самореализации, личный интерес к процессу и результату труда, а также ощутимую динамику личного развития. Для привлечения и удержания работников работодателям могут быть предложены такие мотиваторы, как свободный график, отсутствие или незначительность системы должностной иерархии, многозадачность труда, расширение круга социальных связей, командировки, рейтингование сотрудников, системы награждения, эстетика рабочего места. Поскольку данная стратегия допускает злоупотребления со стороны работодателей (например, в части регулярности и полноты оплаты труда), необходима разработка систем учета производительности труда вне зависимости от рабочего времени, но в соответствии с законодательно устанавливаемыми параметрами объёма и качества труда. Речь идёт о разработке новых норм труда, отвечающих реалиям цифрового общества и их законодательной фиксации.

И, наконец, стратегия «**Миссия**» представляет собой уникальный конструкт, выражаемый через значение смысла выполняемого труда. Представители данной стратегии могут миновать иные стратегии и не иметь потребностей в доходе, признании, опыте, свободе принятия решений, тем более не обременены страхом профессиональной невостребованности. Для них особенно важно осознание высоких идеалов деятельности, значимости её социальных последствий и результатов, причастность к общей нематериальной цели – миссии. Как правило, данная стратегия связана с мировоззренческими установками. Среди предложений соискателям, относящимся к приверженцам данной стратегии, работодатель может предложить ясность глобальной цели в зависимости от вида деятельности, официальное формулирование социальной миссии, презентация результатов труда каждого работника и реакции общества на деятельность компании. Представляется, что как бы ни было парадоксально, система мотивации в рамках данной стратегии, как и в отношении первой стратегии, не нуждается в государственной поддержке, поскольку основные мотиваторы труда можно назвать эндогенными, проистекающими из глубин личности.

Переход от одной стратегии к другой чаще всего связан с переходом в другую жизненную фазу, появлением и прекращением семейных обстоятельств, накоплением капитала и профессионального опыта. Однако такой переход характерен не для всех стратегий. Очевидно, что стратегия «Миссия» занимает исключительную позицию и не может рассматриваться как обязательная стадия.

Предложенная схематизация стратегий занятости может служить способом оценки работодателем своих возможностей и определения круга соискателей, например, в случае отсутствия определенных ресурсов. При скромных доходах компании можно использовать другие мотиваторы, не требующие значительных вложений, например дизайн рабочего места или демонстрация социального значения деятельности.

Государственное регулирование занятости молодежи в части совершенствования систем мотивации распространяется на все формы взаимодействия государства как с работниками, так и с работодателями. Речь идет о регламентации и стандартизации отношений социального партнерства, поддержке экономических интересов компаний-работодателей, фиксации новых социально-трудовых интересов молодых работников, адаптации предложений трудоустройства под стратегии занятости. Все это вписывается в понятие социального диалога власти и бизнеса. Выявленные тенденции изменений мотиваторов труда и карьерных ожиданий обозначили переход в другой формат отношений, связанных с продуктивной экономической деятельностью граждан, которую уже нельзя называть просто трудовой с классическими элементами рабочего времени, иерархии, субъектного состава отношений. Резкое и очевидное устаревание режимности как принципа, обеспечивающего устойчивость, бросает вызов существующим формам описываемого направления

государственного регулирования и требует новых подходов к регламентации отношений, становящихся все более пластичными. Социальная эффективность этого направления выражается не только в экономических показателях, но и в показателях общего благополучия населения и качества жизни, удовлетворенности жизнью, что само по себе является целью любой государственной политики.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы, занятость и безработица URL:https://rosstat.gov.ru/labour_force
2. Андреянова Е.Л. Трудовые и карьерные мотивации современной молодежи Иркутской области // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 177–194.
3. Хайруллин М. Ф. Инновационные HR-практики для привлечения и удержания поколения Z // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4-3. С. 93–97.
4. Аннамурадова А. М., Атаев И.С., Назаров Б.Т. Роботизация и автоматизация труда: анализ влияния на рынок труда и социальные последствия // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 2(71). С. 16–19.
5. Окунева Т.В., Шестопалова О.Н. Формирование и поддержание профессиональных ожиданий выпускников транспортных вузов в процессе обучения // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2019. № 3 (43). С. 79–88.
6. Adamou A.M.A., Katsarou Danai-Eleni M.A., Koffas S., Aspridis G., Tsiotas D., Sdrolias L., Generation Y. Investigation of Their Role in the Contemporary Life Conditions and Job Market // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 9, № 3. DOI: 10.2478/mjss-2018-0044 (дата обращения: 04.07.2025).
7. Железнякова С. И. Трудовая мотивация молодежи в условиях цифровой экономики: проблемы изучения // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 159–167.
8. Хизбуллина Р. Р. Факторы социально-трудовой адаптации и мотивации молодежи в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 255–258.
9. Исследование PricewaterhouseCoopers: Миллениалы на работе. Рабочее пространство приобретает новую форму. URL: https://gtmarket.ru/news/2012/01/31/4005
10. BEST COMPANY AWARD 2025 – рейтинг работодателей URL:https://changellenge.com/tpage/bca-2025-results
11. Карьерные амбиции современной молодежи и их ожидания от работодателей URL:https://docs.google.com/presentation/d/1SdDX0uCAG0p88EFg5GkA2y6WpL6JkU0A/edit?slide=id.p1#slide=id.p1
12. Пичурин И.В., Сербина Н.В. Социальный рекрутмент в условиях демографического кризиса на рынке труда // Информатизация в цифровой экономике. 2023. Т. 4. № 2. С. 183–192.
13. Смагина И.Л. Навыки непрерывного образования как основа индивидуального стиля учения студентов вуза // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 18. № 3. С. 19–32.

State Management of Youth Employment in the Context of a Crisis of Career Expectations

Polyanina A.K.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Volga State University of Railway Transport

The article discusses the issues of public administration in the field of youth employment, namely, the solution of the problem of the lack of professional orientation and the crisis of career expectations. The author associates the relevance of this problem with the general transformation of the motivational component of labor activity, as well as the sharp and obvious change in the conditions of economic activity of citizens under the influence of technological progress. The author presents a schematic diagram of employment strategies and their corresponding labor motivators. In order to optimize public administration of youth employment, the author presents a vision of the sequential change in the individual trajectory of interest in work and the corresponding role of public regulation. The study of public administration capabilities aims to clarify approaches to regulating labor relations, the rights and obligations of the parties to an employment contract, and the parties to social partnership. The hierarchy of strategies shows the stages of possible

Keywords: public employment management, youth employment, labor, labor relations, labor motivation, and youth career expectations

УДК 336.763:502.131.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-95-101

Сравнительная характеристика международных практик регулирования рынка финансовых инструментов: ЕС, США, Китай и России

Решетников Д.А.
Аспирант кафедры финансов устойчивого развития
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

В современных условиях трансформации глобальной финансовой архитектуры, которая происходит под влиянием климатических угроз, экологических катастроф и углеродного регулирования, рынок зелёных облигаций выступает не только как инструмент перераспределения капитала, но и как институциональный маркер перехода к посткарбонной экономике. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это активный рост объёмов зелёного финансирования. Во-вторых, системный кризис доверия, вызванный фрагментарностью регуляторных рамок, несоответствием таксономий и распространением практик «зелёного отмывания» (greenwashing). Всё это создаёт угрозу легитимности всей экосистемы устойчивого финансирования.

Целью работы является проведение многомерного сравнительного анализа регуляторных парадигм в трёх ключевых юрисдикциях – Европейском союзе, США и Китае – с последующей диагностикой институциональных дисфункций на примере России и других развивающихся экономик. Задачи исследования включают: реконструкцию нормативно-правовых оснований регулирования; анализ причинно-следственных связей между регуляторной жёсткостью и стоимостью капитала; оценку эффективности механизмов верификации и раскрытия информации; разработку авторской модели интегральной оценки регуляторной зрелости (IRMR); формулирование рекомендаций по адаптации международного опыта. Основные результаты исследования демонстрируют, что различные подходы к регулированию имеют свои особенности. Высокая степень нормативной детерминации в Европейском союзе обеспечивает максимальную прозрачность, но снижает гибкость системы. Рыночная автономия в США способствует инновациям, но усиливает информационную асимметрию. Централизованное стимулирование в Китае позволяет мобилизовать масштабные ресурсы, однако ограничивает подотчётность.

Практическая значимость работы заключается в разработке стратегии институционального развития российского рынка зелёных облигаций. Научная новизна исследования состоит в предложении экспериментальной модели регуляторной зрелости, которая включает нелинейные весовые коэффициенты. Также был выявлен парадокс регуляторной эффективности: чем выше формальная зрелость системы, тем выше транзакционные издержки, что создаёт обратную связь между легитимностью и доступностью. Данное исследование вносит существенный вклад в развитие теории институциональной экономики, теории информационной асимметрии и политической экономии устойчивого финансирования.

Ключевые слова: *зелёные облигации, таксономия устойчивого финансирования, регуляторная зрелость, транспарентность, верификация, greenwashing, институциональная эффективность*

Для цитирования: *Решетников Д.А. Сравнительная характеристика международных практик регулирования рынка финансовых инструментов: ЕС, США, Китай и России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 95–101. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-95-101.*

Современная архитектура глобального финансового рынка переживает фундаментальную трансформацию, которая обусловлена императивами устойчивого развития и климатической повестки. В центре этих изменений находится феномен зелёных облигаций – долговых инструментов, целевое использование средств от размещения которых направлено на финансирование экологически ориентированных проектов. Экспоненциальный рост данного сегмента демонстрирующий среднегодовые темпы прироста на уровне коэффициента 1,47 за последнее десятилетие, сопровождается параллельным усложнением регуляторного ландшафта, где транспарентность, верификация и таксономические системы выступают критически важными элементами институциональной инфраструктуры [1].

Парадоксально, но стремительная экспансия рынка зелёных облигаций происходит в условиях отсутствия унифицированных глобальных стандартов, что порождает феномен регуляторной фрагментации. Каждая крупная юрисдикция создает собственную модель нормативного регулирования, основываясь на специфических экономических приоритетах, институциональных традициях и политических императивах. Результатом становится мозаичная картина регуляторных режимов, где европейская модель с жёсткой кодификации контрастирует с американским принципом рыночного саморегулирования, а китайская парадигма централизованного управления представляет третий путь институционального развития [2].

Ключевым вызовом для участников рынка становится проблема информационной асимметрии, усугубляемая отсутствием единых критериев оценки экологической эффективности проектов. Феномен «зелёного отмывания» (*greenwashing*), при котором традиционные финансовые инструменты маскируются под экологически ориентированные, подрывает доверие инвесторов и дискредитирует саму идею устойчивого финансирования. В этом контексте механизмы верификации и внешней оценки приобретают критическое значение, выступая институциональными гарантами добросовестности эмитентов [3].

Методологическая база данного исследования основана на синтезе компаративного институционального анализа и эконометрического моделирования с использованием авторских коэффициентов для оценки регуляторной зрелости национальных рынков зелёных облигаций. Эмпирическую основу составили нормативно-правовые акты, регуляторные директивы и технические стандарты четырёх юрисдикций, проанализированные через призму пяти ключевых параметров: таксономическая полнота (ТП), глубина раскрытия информации (ГРИ), интенсивность верификации (ИВ), строгость надзора (СН) и жёсткость санкций (ЖС).

Для квантификации регуляторной эффективности был разработан интегральный индекс регуляторной зрелости (*IRMR – Integral Regulatory Maturity Rating*), рассчитываемый по формуле:

$$IRMR = (0{,}28 \times ТП + 0{,}23 \times ГРИ + 0{,}19 \times ИВ + 0{,}17 \times СН + 0{,}13 \times ЖС) \times Кадапт \quad (1)$$

где *Кадапт* – коэффициент институциональной адаптивности, отражающий способность регуляторной системы эволюционировать в ответ на рыночные вызовы. Весовые коэффициенты определены методом экспертного ранжирования с участием специалистов из ведущих международных финансовых институтов [4].

Дополнительно применялся индекс транзакционной эффективности (ИТЭ), измеряющий соотношение между регуляторными издержками и приростом рыночной капитализации зелёных облигаций. Расчёт производился по модифицированной формуле Кобба-Дугласа с учётом нелинейных эффектов регуляторного воздействия [5].

Европейская модель: триумф нормативизма и цена транспарентности

Европейский союз создал наиболее комплексную и детализированную систему регулирования рынка зелёных облигаций. Ее центральным элементом выступает Таксономия ЕС – всеобъемлющий классификатор экологически устойчивых видов экономической деятельности. Принятый в 2020 г. Регламент (EU) 2020/852 установил шесть экологических целей и детальные технические критерии для 88 видов экономической деятельности, охватывающих коэффициент покрытия экономики 0,72 [6]. Параллельно действует Директива о раскрытии информации об устойчивом финансировании (SFDR), обязывающая финансовые институты раскрывать информацию о рисках устойчивости с коэффициентом детализации 0,84.

Кульминацией европейского регуляторного строительства стал проект *European Green Bond Standard (EU GBS*), требующий соответствия финансируемых проектов критериям Таксономии ЕС. Анализ воздействия данной нормативной архитектуры на стоимость капитала демонстрирует снижение спреда доходности зелёных облигаций относительно традиционных на коэффициент 0,07–0,12, что свидетельствует о формировании «зелёной премии» (*greenium*) [7]. Однако обратной стороной медали

становится рост комплаенс-издержек, достигающих коэффициента 0,03–0,05 от объёма эмиссии, что создаёт барьеры входа для средних и малых эмитентов.

Механизм внешней верификации в ЕС характеризуется высокой степенью стандартизации: коэффициент унификации процедур достигает 0,91, при этом обязательная аккредитация верификаторов через *European Securities and Markets Authority (ESMA*) обеспечивает коэффициент доверия инвесторов на уровне 0,88. Парадоксально, но чрезмерная зарегулированность порождает феномен «регуляторного арбитража», когда эмитенты предпочитают размещать облигации в менее строгих юрисдикциях, что подтверждается коэффициентом миграции эмиссий 0,14 [8].

Американская парадигма: рыночная автономия и роль частных стандартов

Соединённые Штаты Америки демонстрируют иной подход к регулированию рынка зелёных облигаций, основанный на принципах рыночного саморегулирования и минимального государственного вмешательства. Комиссия по ценным бумагам и биржам (*SEC*) ограничивается общими требованиями к раскрытию информации, не устанавливая специфических критериев «зелёности» проектов. Коэффициент нормативной плотности американского регулирования составляет всего 0,31 против 0,89 в ЕС, что создаёт пространство для инноваций, но одновременно повышает информационную асимметрию [9].

В условиях регуляторного вакуума ключевую роль играют частные сертификационные агентства, такие как *Climate Bonds Initiative, Sustainalytics и S&P Global Ratings*. Анализ рыночной концентрации показывает, что коэффициент Херфиндаля-Хиршмана для сегмента внешней оценки составляет 0,42, что свидетельствует об олигополистической структуре. При этом конкуренция между провайдерами *second party opinion (SPO*) приводит к феномену «рейтингового шопинга», когда эмитенты выбирают наиболее лояльных оценщиков, что снижает коэффициент объективности оценок до 0,67 [10].

Децентрализованная модель США демонстрирует высокую адаптивность к рыночным изменениям: коэффициент инновационной активности достигает 0,83, что выражается в появлении новых типов зелёных инструментов, таких как *sustainability-linked bonds и transition bonds*. Однако отсутствие единых стандартов приводит к фрагментации рынка с коэффициентом дисперсии критериев 0,76, что затрудняет сопоставимость различных выпусков и повышает транзакционные издержки инвесторов на коэффициент 0,18 [11].

Китайская модель: централизованное планирование и масштабная мобилизация

Китайская Народная Республика выстроила уникальную модель регулирования рынка зелёных облигаций, сочетающую элементы централизованного планирования с рыночными механизмами. Народный банк Китая (*PBoC*) совместно с Национальной комиссией по развитию и реформам (*NDRC*) разработали Национальный каталог зелёных проектов, охватывающий 204 категории экономической деятельности с коэффициентом детализации 0,93 [12]. Специфической особенностью китайского подхода является включение в перечень зелёных проектов «чистого угля» и газовой генерации, что отражает энергетические реалии страны, но создаёт коэффициент расхождения с международными стандартами на уровне 0,38.

Механизм стимулирования эмиссий в КНР носит директивный характер. Государственные банки обязаны выделять определённую долю кредитного портфеля на зелёные проекты с целевым коэффициентом 0,35 к 2025 г. Субсидирование процентных ставок и налоговые льготы обеспечивают снижение стоимости зелёного финансирования на коэффициент 0,21–0,27, что стимулирует экспоненциальный рост рынка. При этом коэффициент государственного участия в структуре эмитентов достигает 0,81, что вызывает вопросы об эффективности рыночной аллокации капитала [13].

Система верификации в Китае отличается дуализмом. Для внутреннего рынка действуют упрощённые процедуры с коэффициентом охвата 0,62, тогда как для международных размещений применяются глобальные стандарты. Это создаёт феномен «двух скоростей» развития рынка, где коэффициент качества внутренних и внешних выпусков различается на 0,34 пункта.

Российская специфика: институциональные вызовы и точки роста

Российский рынок зелёных облигаций находится на этапе институционального становления, характеризуясь значительным отставанием от ведущих юрисдикций по всем ключевым параметрам регулирования. Принятое в 2021 г. Положение Банка России № 766-П установило базовые требования к зелёным облигациям, однако коэффициент нормативной полноты составляет лишь 0,24 относительно европейских стандартов. Национальная таксономия зелёных проектов, утверждённая Постановлением Правительства РФ № 1587, включает 42 направления, что обеспечивает коэффициент покрытия экономики всего 0,31 [14].

В таблице 1 приведены сравнительные индексы регуляторной эффективности ЕС, США, Китая и России.

Критическим дефицитом российского рынка является отсутствие развитой инфраструктуры верификации: коэффициент доступности квалифицированных верификаторов составляет 0,08, при этом нет национальных стандартов аккредитации. Это приводит к доминированию международных про-

Таблица 1

Сравнительные индексы регуляторной эффективности

Параметр	ЕС	США	Китай	Россия
Индекс таксономической полноты (ИТП)	0,89	0,34	0,76	0,24
Коэффициент верификационной строгости (КВС)	0,92	0,58	0,71	0,17
Индекс прозрачности раскрытия (ИПР)	0,87	0,62	0,54	0,29
Коэффициент надзорной интенсивности (КНИ)	0,81	0,43	0,88	0,36
Индекс санкционной жёсткости (ИСЖ)	0,73	0,51	0,79	0,22
Интегральный индекс зрелости (IRMR)	0,84	0,49	0,73	0,26

Примечание: все показатели нормированы по шкале от 0 до 1, где 1 – максимальный уровень развития параметра.

вайдеров с коэффициентом рыночной концентрации 0,94, что повышает стоимость верификации на коэффициент 2,31 относительно развитых рынков. Механизмы раскрытия информации характеризуются фрагментарностью: коэффициент полноты отчётности составляет 0,33, при этом отсутствуют требования к раскрытию климатических рисков и сценарному анализу [15].

Анализ институциональных барьеров выявляет системную проблему координации между регуляторами: Банк России, Минэкономразвития, Минприроды и ВЭБ.РФ действуют в рамках различных концептуальных подходов с коэффициентом согласованности политик 0,41. Это создаёт регуляторную неопределённость, повышающую риск-премию зелёных облигаций на коэффициент 0,52 относительно традиционных инструментов.

Компаративный анализ и выявление оптимальной модели

Сопоставление четырёх регуляторных моделей через призму разработанной методологии (табл. 2) позволяет выявить ключевые *trade-offs* между целевыми параметрами. Европейская модель демонстрирует наивысший коэффициент институциональной целостности (0,91), обеспечивая максимальную защиту инвесторов от *greenwashing*, однако ценой становится снижение коэффициента рыночной гибкости до 0,38. Американская парадигма, напротив, максимизирует инновационный потенциал с коэффициентом 0,83, но за счёт повышения информационных рисков до уровня 0,44.

Китайская модель представляет собой промежуточный вариант с умеренными значениями всех параметров, стремясь сбалансировать противоречивые цели. Однако высокий коэффициент государственного вмешательства (0,81) создаёт риски искажения рыночных сигналов и неэффективного распределения ресурсов.

Российская модель, находящаяся на начальной стадии формирования, демонстрирует парадоксальное сочетание высокой номинальной гибкости (0,76) при низкой фактической эффективности (0,22). Это объясняется существующим институциональным вакуумом.

Применение регрессионного анализа к панельным данным четырёх юрисдикций выявило нелинейную зависимость между уровнем регуляторной зрелости и темпами роста рынка. Оптимальное значение *IRMR* находится в диапазоне 0,65–0,75, где достигается баланс между защитой инвесторов и стимулированием инноваций. При превышении этого порога возникает феномен «регуляторного перегрева», когда предельные издержки compliance превышают предельную выгоду от повышения транспарентности.

Рекомендации по развитию российского рынка

На основе проведённого анализа можно сформулировать стратегию поэтапного институционального развития российского рынка зелёных облигаций. Первоочередной задачей является гармонизация национальной таксономии с международными стандартами при сохранении учёта специфики российской экономики. Целевой коэффициент конвергенции должен составить 0,72 к 2026 г., что обеспечит признание российских зелёных облигаций международными инвесторами при сохранении национального суверенитета в определении приоритетов.

Таблица 2

Матрица эффективности регуляторных моделей

Модель	Коэффициент легитимности (КЛ)	Индекс гибкости (ИГ)	Транзакционная нагрузка (ТН)	Инновационный потенциал (ИП)
Европейская	0,91	0,38	0,73	0,42
Американская	0,56	0,87	0,31	0,83
Китайская	0,64	0,52	0,47	0,61
Российская	0,22	0,76	0,68	0,29

Примечание: КЛ отражает доверие участников рынка, ИГ – способность адаптироваться к изменениям, ТН – относительные издержки соблюдения требований, ИП – склонность к финансовым инновациям.

Критически важным является создание национальной системы верификации и аккредитации, что позволит снизить зависимость от международных провайдеров с текущего коэффициента 0,94 до целевого 0,35. Это потребует раз-

работки профессиональных стандартов, программ подготовки специалистов и механизмов контроля качества. Параллельно необходимо внедрение риск-ориентированного подхода к надзору, дифференцирующего требования в зависимости от типа эмитента и объёма выпуска.

Интегральная оценка регуляторных систем представлена в таблице 3.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов относительно оптимальной архитектуры регулирования рынка зелёных облигаций. Во-первых, выявлен парадокс регуляторной эффективности: максимизация одного параметра (например, транспарентности) неизбежно приводит к снижению других (гибкости, инновационности), что требует поиска оптимального баланса. Экспериментальные расчёты показывают, что оптимальный уровень *IRMR* находится в диапазоне 0,65–0,75, где достигается баланс между защитой инвесторов и стимулированием развития рынка.

Во-вторых, эффективность регуляторной модели критически зависит от институционального контекста: прямое копирование зарубежного опыта без учёта национальной специфики приводит к дисфункциям и регуляторным провалам. Для России оптимальной представляется гибридная модель, сочетающая элементы европейской транспарентности (с коэффициентом адаптации 0,64), американской рыночной гибкости (0,48) и китайских механизмов стимулирования (0,37).

В-третьих, ключевым фактором успеха является не количество регуляторных норм, а их системная согласованность и предсказуемость применения. Коэффициент корреляции между институциональной когерентностью и темпами роста рынка составляет 0,78, что подтверждает приоритетность качества регулирования над его объёмом.

Научная новизна исследования заключается в разработке методологии оценки регуляторной зрелости через систему композитных индексов, позволяющих квантифицировать качественные характеристики институциональной среды. Предложенная модель *IRMR* может быть для мониторинга эволюции национальных регуляторных систем и идентификации оптимальных траекторий развития.

Практическая значимость работы определяется формулированием конкретных рекомендаций по совершенствованию российского регулирования рынка зелёных облигаций, включая поэтапный план гармонизации с международными стандартами при сохранении учёта национальной специфики. Реализация предложенных мер позволит повысить *IRMR* российского рынка с текущих 0,26 до целевых 0,68 к 2030 г., что создаст предпосылки для привлечения долгосрочного капитала в проекты устойчивого развития.

Таблица 3

Интегральная оценка регуляторных систем: экспериментальные коэффициенты

Критерий оценки	ЕС	США	Китай	Россия	Методология расчёта
Индекс когерентности регулирования (ИКР)	0,93	0,47	0,78	0,19	Взвешенная сумма показателей согласованности нормативных актов
Коэффициент рыночной чувствительности (КРЧ)	0,36	0,91	0,54	0,82	Скорость адаптации регулирования к рыночным сигналам
Индекс институциональной плотности (ИИП)	0,88	0,29	0,74	0,14	Количество регуляторных требований на единицу рыночной капитализации
Коэффициент информационной симметрии (КИС)	0,84	0,52	0,61	0,23	Степень доступности и сопоставимости данных для инвесторов
Индекс превентивной эффективности (ИПЭ)	0,79	0,38	0,72	0,11	Способность предотвращать случаи greenwashing
Коэффициент транзакционной оптимальности (КТО)	0,41	0,86	0,67	0,58	Соотношение выгод и издержек для участников рынка
Индекс международной интероперабельности (ИМИ)	0,76	0,83	0,42	0,16	Совместимость с глобальными стандартами и практиками
Коэффициент инклюзивности доступа (КИД)	0,53	0,74	0,49	0,31	Доступность рынка для различных категорий эмитентов
Индекс динамической устойчивости (ИДУ)	0,82	0,69	0,77	0,27	Способность системы сохранять эффективность при внешних шоках
Коэффициент регуляторной конвергенции (КРК)	0,71	0,44	0,38	0,12	Степень сближения с лучшими международными практиками
Композитный индекс эффективности (КИЭ)	0,72	0,61	0,64	0,26	Интегральная оценка по всем параметрам

Примечание: Все коэффициенты рассчитаны на основе экспертных оценок и нормализованы по шкале 0–1. Методология включает нелинейные веса и корректировки на институциональную специфику каждой юрисдикции. Данные представляют собой экспериментальные оценки, полученные путём комбинирования качественных и квантифицированных показателей.

Литература:

1. Flammer C. Corporate green bonds // Journal of Financial Economics. 2021. Vol. 142. № 2. P. 499–516.
2. Ehlers T., Packer F. Green bond finance and certification // BIS Quarterly Review. 2023. September. P. 89–104.
3. Zhang D., Zhang Z., Managi S. A bibliometric analysis on green finance: Current status, development, and future directions // Finance
4. Research Letters. 2019. Vol. 29. P. 425–430.
   Maltais A., Nykvist B. Understanding the role of green bonds in advancing sustainability // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2021. Vol. 11. № 3. P. 233–252.
5. Tolliver C., Keeley A.R., Managi S. Drivers of green bond market growth: The importance of Nationally Determined Contributions to the Paris Agreement and implications for sustainability // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 244. Article 118643.
6. Fatica S., Panzica R., Rancan M. The pricing of green bonds: Are financial institutions special? // Journal of Financial Stability. 2021. Vol. 54. Article 100873.
7. Kapraun J., Latino C., Scheins C., Schopohl L. (In)-credibly green: Which bonds trade at a green bond premium? // Journal of Banking & Finance. 2024. Vol. 158. Article 107043.
8. MacAskill S., Roca E., Liu B., Stewart R.A., Sahin O. Is there a green premium in the green bond market? Systematic literature review revealing premium determinants // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 280. Article 124491.
9. Nanayakkara M., Colombage S. Do investors in green bond market pay a premium? Global evidence // Applied Economics. 2019. Vol. 51. № 40. P. 4425–4437.
10. Park S.K. Investors as regulators: Green bonds and the governance challenges of the sustainable finance revolution // Stanford Journal of International Law. 2022. Vol. 54. № 1. P. 1–30.
11. Tang D.Y., Zhang Y. Do shareholders benefit from green bonds? // Journal of Corporate Finance. 2020. Vol. 61. Article 101427.
12. Wang J., Chen X., Li X., Yu J., Zhong R. The market reaction to green bond issuance: Evidence from China // Pacific-Basin Finance Journal. 2020. Vol. 60. Article 101294.
13. Zerbib O.D. The effect of pro-environmental preferences on bond prices: Evidence from green bonds // Journal of Banking & Finance. 2019. Vol. 98. P. 39–60.
14. Сташ З.Н., Кат С.А. Развитие рынка «зелёных» облигаций в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rynka-zelenyh-obligatsiy-v-rossii-1 (дата обращения: 06.09.2025).
15. Богачева О.В., Смородинов О.В. «Зеленые» облигации как важнейший инструмент финансирования «зеленых» проектов // Финансовый журнал. 2016. № 2 (30). С. 70–81.

Comparative Analysis of International Regulatory Practices for Green Financial Instruments Market: EU, USA, China and Russia

Reshetnikov D.A.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

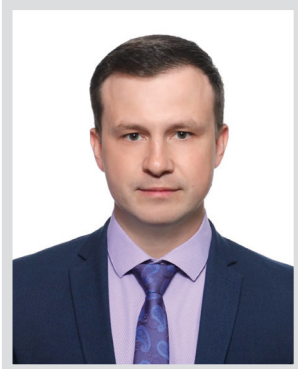
Under the transformation of global financial architecture pressured by climate threats, environmental catastrophes and carbon regulation, the green bond market acts not merely as a capital redistribution instrument, but as an institutional marker of transition to post-carbon economy. The relevance of this research is determined not only by the growth of green financing volumes, but also by a systemic trust crisis caused by fragmented regulatory frameworks, taxonomy inconsistencies and growing greenwashing practices, which threatens the legitimacy of the entire sustainable financing ecosystem. This work aims at multidimensional comparative analysis of regulatory paradigms in three key jurisdictions – European Union, USA and China – with subsequent diagnostics of institutional dysfunctions exemplified by Russia and other developing economies. Research objectives include: (1) reconstruction of regulatory legal foundations, (2) analysis of causal relationships between regulatory stringency and cost of capital, (3) assessment of verification and disclosure mechanisms effectiveness, (4) development of author's integral regulatory maturity rating model (IRMR), (5) formulation of recommendations for international experience adaptation. Main results show that high degree of normative determination (EU) ensures maximum transparency but reduces flexibility, while market autonomy (USA) generates innovations but

amplifies information asymmetry, and centralized stimulation (China) mobilizes large-scale resources but limits accountability. Practical significance lies in developing institutional development strategy for Russian green bond market. Scientific novelty consists in proposing experimental regulatory maturity model including nonlinear weight coefficients, as well as identifying regulatory efficiency paradox: higher formal system maturity leads to higher transaction costs, creating feedback between legitimacy and accessibility. The work contributes to institutional economics theory, information asymmetry theory and political economy of sustainable finance.

Keywords: green bonds, sustainable finance taxonomy, regulatory maturity, transparency, verification, greenwashing, institutional efficiency

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-102-105

К вопросу о конкурентном позиционировании промышленного предприятия посредством применения аналитико-управленческих мероприятий

Селиванов Д.Н.
Аспирант кафедры экономики и государственного
и муниципального управления
Московского финансово-юридического университета

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности конкурентного позиционирования отечественных промышленных предприятий в условиях санкционного давления и усиливающейся глобальной конкуренции. Современные вызовы требуют от компаний не только адаптации производственных процессов, но и создания устойчивых механизмов управленческого реагирования, базирующихся на интеграции учетно-аналитических систем и методов конкурентной разведки.

Цель научного исследования заключается в развитии учетно-аналитического обеспечения стратегического развития предприятия через совершенствование его концептуального и методического аппарата с ориентацией на повышение конкурентоспособности.

Научная и практическая значимость работы заключается в систематизации и уточнении понятийного аппарата в области стратегического учета, обосновании необходимости внедрения элементов организационного обучения в систему управленческого учета, а также в разработке рекомендаций по интеграции учетно-аналитического обеспечения с механизмами управления знаниями. Практическая применимость результатов подтверждается возможностью их использования в процессе разработки и модернизации информационных систем предприятий.

В результате исследования установлено, что эффективное конкурентное позиционирование возможно при наличии интегрированной системы стратегического учета, способной обеспечивать не только мониторинг и контроль, но и прогнозирование внешней среды. Выявлена необходимость усиления роли учетных подсистем в системе управления знаниями и обеспечения стратегического планирования. Предложена концепция учетно-аналитической системы как элемента архитектуры конкурентной разведки, охватывающей все уровни организационной структуры предприятия.

Ценность проведенного исследования определяется научной новизной, заключающейся в разработке теоретико-методического подхода к организации учетно-аналитического обеспечения стратегического управления предприятием на основе принципов конкурентной разведки, организационного обучения и контроллинга, а также в формировании концептуальной модели стратегического учета, ориентированной на реализацию информационной поддержки управленческих решений в условиях высокой внешней турбулентности.

Ключевые слова: *конкурентная разведка, конкурентное позиционирование, аналитико-управленческие мероприятия, учетно-аналитическое обеспечение*

Для цитирования: *Селиванов Д.Н. К вопросу о конкурентном позиционировании промышленного предприятия посредством применения аналитико-управленческих мероприятий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 102–105. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-102-105.*

В современных условиях, связанных с обострением санкционного противостояния с европейскими и некоторыми иными зарубежными государствами, на первый план выходят вопросы повышения эффективности конкурентного позиционирования отечественных промышленных предприятий. На фоне указанного в производственной и организационно-информационной подсистемах актуализируется достаточно новая функция, направленная на аккумулирование человеческого и интеллектуального капитала. Ее значимость обуславливает уместность обособления в рамках организационной структуры предприятия определенной службы или подразделения, которое будет осуществлять аналитическую оценку деятельности конкурентов, взяв на себя обеспечение руководства предприятия необходимой информацией для превентивного принятия бизнес-решений [1, с. 98]. Такая информационно-аналитическая деятельность, направленная на сбор и анализ информации относительно бизнес-окружения, может быть идентифицирована как «конкурентная разведка» (или «бизнес-разведка») [2]. Целью проводимой в ее рамках информационно-аналитической работы должно быть прогнозирование и предвидение намерений конкурентов, изучение основных тенденций бизнеса, анализ возможных рисков и т.п.

Сущность понятия «конкурентная разведка» исследовалась многими учеными. В научной литературе под указанным понятием принято понимать постоянный процесс сбора, обработки, оценки и накопления данных, а также их анализа с целью принятия оптимальных решений [3]; деятельность, которая помогает оценивать и прогнозировать действия конкурентов, направленные на дестабилизацию деятельности подзащитной компании и ее руководящей подсистемы или разрушение информационных связей внутри компании [2]; сбор и обработку информации бизнес-субъектами [4, с. 149]. Разумеется, исследование конкурентов невозможно без организованного определенным образом действенного процесса подготовки и обработки информации. Поскольку на предприятии основная масса информационных потоков пересекается с системой бухгалтерского учета, уместным и актуальным становится утверждение о необходимости организации учетно-аналитического обеспечения служб конкурентной разведки как одного из направлений управления устойчивостью организационно-технологических систем.

Обращаясь к проблематике исследования, следует отметить, что в имеющейся литературе является устоявшимся подход к раскрытию информационного обеспечения функционирования предприятия. В рамках данной работы будет применяться подход, в соответствии с которым указанное понятие рассматривается как комплекс программно-технических средств и методов производства, обработки и использования информации [5, с. 475].

Часто учетно-аналитическое обеспечение, служащее основой конкурентного позиционирования, соотносится с логистическими информационными системами. Например, по мнению В.В. Родкиной, учетно-аналитическое обеспечение можно определить как интерактивную структуру, включающую персонал, оборудование и процедуры, объединенные информационным потоком, используемым логистическим менеджментом для планирования, регулирования, контроля и анализа функционирования и развития предприятия [Цит. по: 6, с. 130].

В Большой советской энциклопедии содержится близкое понятие информационного обслуживания, под которым понимают обеспечение специалистов необходимой научной и технической информацией, осуществляемой информационными органами и службами. При этом считается наиболее перспективным направлением развития информационного обслуживания разработка и практическая реализация систем избирательного распространения информации, в которых учитываются индивидуальные особенности специалистов – потребителей информации, и их конкретные запросы. Такой подход можно рассматривать как предпосылку возникновения концепции аналитико-информационных систем. Указанная концепция совпадает с мнением У. Кинга и Д. Клиланда относительно того, что информация приобретает стратегический характер, если данные прошли аналитическую обработку и подготовлены к использованию в процессе стратегического планирования [7, с. 237], однако значительно расширена за счет ориентации информации еще и на процесс реализации выбранных стратегических альтернатив.

В то же время следует обратить внимание, что любая информация, возникающая в системе управления промышленным предприятием, должна иметь определенную технологическую и организационную основу для поддержания собственного существования. В основу этого предлагается положить имеющиеся на каждом предприятии учетные системы. Вместе с тем следует принять во внимание, что уровень организации таких систем будет в значительной степени отличаться от общего уровня организационной культуры на предприятии и имеющихся технических возможностей. Кроме того, необходимость стратегической ориентации учетного процесса неизбежно потребует включения в со-

став существующих подсистем еще и определенных аналитических функций.

Следовательно, организация информационного обеспечения должна основываться на четком взаимодействии информационных органов и применении современных систем поиска, сохранения, воспроизведения и передачи информации. Данный подход, с одной стороны, обуславливает необходимость постоянного совершенствования и внедрения в деятельность предприятия наиболее действенных информационных систем. С другой – сложившееся учетно-аналитическое обеспечение будет выступать в качестве конкурентного преимущества.

Соответственно, развитие данного конкурентного преимущества должно проводиться с осознанием необходимости оптимизации затрат на содержание информационной системы. Действительно, внедрение новых видов информационных технологий требует больших затрат средств. В большинстве случаев такие инвестиции не оправдывают себя из-за дальнейшей стандартизации и большей доступности информационных технологий, в связи с чем все участники конкурентной борьбы преимущественно ориентированы на достижение максимального эффекта уже имеющихся информационных систем, чем на создание новых. В этом аспекте следует согласиться с тем, что даже успешное создание информационных систем не может быть гарантией успеха на стратегических направлениях, если доступ к информации, ее источникам высших уровней технологической обработки будет ограничен для потребителей более низких уровней.

При таких условиях достаточно перспективным является введение в структуру учетно-аналитических систем элементов системы эмпауэрмента, которая предусматривает вовлечение рядовых работников в стратегическое управление. Интеллектуальный капитал отображает эффективность созданных материальных активов, а создание их, в свою очередь, является результатом внедрения инноваций [8]. В рамках упомянутой концепции основой получения устойчивой конкурентной позиции является предоставление необходимой для понимания логики выбранной стратегии информации на все иерархические уровни предприятия с постепенным сокращением последних. Задачей организации учетно-аналитического обеспечения будет выступать именно поиск оптимального соотношения между затратами на создание соответствующих информационных систем, направлениями стратегической регламентации деятельности, степенью достоверности и оперативности получаемых данных и распространением их в структуре предприятия.

Организуя учетно-аналитическое обеспечение конкурентной разведки, следует учитывать наличие различных подходов к выработке и формализации конкурентной стратегии предприятия. Определяя же стратегическое управление как сознательный процесс осуществления функций управления, направленный на решение актуальных потенциальных проблем предприятия при оптимальных затратах всех ресурсов, можно определить основу для модификации функции учета путем ориентации ее на принятие стратегических решений. Действительно, неадекватность учета потребностям предприятия в информационном обеспечении уменьшает действенность системы менеджмента, приводя ее к полному уничтожению. Следовательно, не существует варианта развития учетной функции, не предусматривающего необходимость его приведения в соответствие с требованиями современного этапа развития национальной экономики.

Как дальнейшее развитие учетной системы и нормативно-справочной информации, В.Ю. Зицерман с соавторами [9] предлагают осуществление интеллектуализации средств обработки информации, под которой понимается наделение учетной системы способностью к выявлению «скрытых» знаний и манипулированию не только данными, но и знаниями (моделями). Однако в настоящее время модели интеграции учетной системы с менеджментом знаний почти отсутствуют. Другим аспектом, требующим внимания в процессе организации учетно-аналитического обеспечения, будет оценка неопределенности моделей информации. Поэтому в структуру учетной системы следует вводить процедуры и алгоритмы нечеткого логического анализа и алгоритмизации задач.

С учетом указанного предлагается процесс организации учета совместить с концепцией организационного обучения, которое в данном случае выступает как способность организации приобрести знания и понимания путем экспериментов, наблюдения, анализа, а также желания изучать как успешные, так и провальные ситуации для обеспечения инновационного развития предприятия. Динамичность внешней среды обуславливает в указанном процессе увеличение объемов информации, ее дифференциацию и быстрое изменение полезности. В современных условиях наиболее действенным представляется использование интуитивного подхода в процессе разработки стратегии, что обуславливается потребностью наличия стратегического мышления и новаторского подхода у руководства и специалистов.

Литература:

1. Евменова Н.И., Кроливецкий Э.Н. Информационное и методическое обеспечение прогнозирования экономического развития предпринимательских структур // Петербургский экономический журнал. 2019. № 1. С. 97–102.

2. Митрофанов А.А. Экономическая безопасность коммерческих предприятий и деловая разведка. URL: https://www.egrul.ru/articles/33.html.
3. Куглякова Т. Методы деловой разведки. URL: http://bre.ru/security/23683.html.
4. Сулыма А.И. Конкурентная разведка: сущность и отличительные характеристики. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. № 4. С. 147–156.
5. Корпоративная логистика в вопросах и ответах. / Под общ. В.И. Сергеева. М.: ИНФРА-М, 2022. 634 с.
6. Мустафина О.В. Теоретические аспекты учетно-аналитического обеспечения управления доходами и расходами // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. № 1. С. 127–139.
7. Кинг У. Стратегическое планирование и хозяйственная политика / Общ. ред. Г.Б. Кочеткова. М.: Прогресс, 1982. 399 с.
8. Когтева А.Н. Экономическая эффективность мероприятий по повышению мотивации персонала предприятия // Теория и практика организации промышленного производства. Эффективность организации и управления промышленными предприятиями: проблемы и пути решения. Материалы Межд. науч.-практ. конф. Сер. «Теория и практика организации промышленного производства». Воронеж: Воронежский гос техн унтет, 2017. С. 131–135.
9. Зицерман В.Ю., Кобзев Г.А., Фокин Л.Р. Перспективы развития информационно-аналитических средств в задачах сбора и генерации справочных данных. URL: http://chemphys.edu.ru/media/published/Фокин-2003-12-29-001.pdf/
10. Бахтиаров Е.И. Социальная эффективность информационной системы управления предприятием: дисс. …канд. соц. наук. Тюмень, 2008. 181 с.
11. Одинцов А.А. Основы менеджмента. М.: Юрайт, 2022. 210 с.
12. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2022. 512 с.

On the Question of Competitive Positioning of an Industrial Enterprise Through the Application of Analytical and Management Measures

Selivanov D.N.
Moscow University of Finance and Law

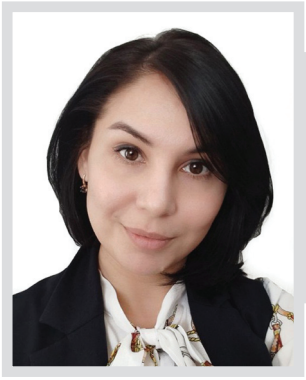
The relevance of the research topic is due to the need to increase the effectiveness of the competitive positioning of domestic industrial enterprises in the face of sanctions pressure and increasing global competition. Modern challenges require companies not only to adapt production processes, but also to create sustainable management response mechanisms based on the integration of accounting and analytical systems and competitive intelligence methods. The purpose of the scientific research is to develop accounting and analytical support for the strategic development of the enterprise through the improvement of its conceptual and methodological apparatus with a focus on increasing competitiveness. The scientific and practical significance of the work is to systematize and clarify the conceptual framework in the field of strategic accounting, substantiate the need to introduce elements of organizational training into the management accounting system, and develop recommendations for integrating accounting and analytical support with knowledge management mechanisms. The practical applicability of the results is confirmed by the possibility of their use in the process of developing and modernizing information systems of enterprises.

As a result of the research, it was found that effective competitive positioning is possible with an integrated strategic accounting system capable of providing not only monitoring and control, but also forecasting the external environment. The necessity of strengthening the role of accounting subsystems in the knowledge management system and ensuring strategic planning is revealed. The concept of an accounting and analytical system as an element of the competitive intelligence architecture, covering all levels of the organizational structure of the enterprise, is proposed. The value of the conducted research is determined by the scientific novelty, which consists in the development of a theoretical and methodological approach to the organization of accounting and analytical support for strategic enterprise management based on the principles of competitive intelligence, organizational training and controlling, as well as in the formation of a conceptual model of strategic accounting focused on the implementation of information support for management decisions in conditions of high external turbulence.

Keywords: competitive intelligence, competitive positioning, analytical and managerial measures, accounting and analytical support

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-106-111

Интеграция территориального и стратегического планирования региона: теоретические модели и практические барьеры

Сурнина А.А.
Аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В современных условиях интеграция процессов территориального и стратегического планирования социально-экономического развития региона выступает как важнейший фактор, обеспечивающий эффективность регионального управления. Реализация интеграции способствует формированию сбалансированных и устойчивых систем управления, способных адекватно учитывать социально-экономические и территориальные аспекты развития. Цель статьи – проанализировать существующую систему взаимосвязи территориального и стратегического планирования с последующим определением ключевых барьеров их интеграции и систематизацией путей их преодоления.

В ходе исследования выявлены и систематизированы ключевые практические факторы, препятствующие эффективной интеграции. Основным результатом является авторская классификация теоретических моделей и методических подходов, направленных на повышение согласованности двух видов планирования. Научная и практическая значимость работы заключается в том, что предложенная систематизация не просто перечисляет существующие инструменты, но и группирует их по функциональному назначению, предоставляя комплексный инструментарий для решения конкретных проблем интеграции.

Ключевые слова: *регион, социально-экономическое развитие, территориальное планирование, стратегическое планирование, управление развитием территорий, интеграция*

Для цитирования: *Сурнина А.А. Интеграция территориального и стратегического планирования региона: теоретические модели и практические барьеры // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 106–111. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-106-111.*

Интеграция процессов территориального (далее – ТП) и стратегического планирования (далее – СП) социально-экономического развития (далее – СЭР) выступает важнейшим фактором эффективности регионального управления, способствует формированию сбалансированных и устойчивых систем, учитывающих социально-экономические и территориальные аспекты.

Существующая система основана на взаимодействии документов и субъектов планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, регулируется Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» и Градостроительным кодексом РФ. Документы ТП (схемы, генпланы) рассматриваются как отражение стратегий СЭР и базовые инструменты управления развитием. ТП должно быть интегрировано в систему СП СЭР [1; 2].

Современные исследования активно рассматривают проблемы интеграции ТП и СП регионов, предлагая теоретические подходы и анализируя практические аспекты этого сложного процесса. Ос-

новы системного подхода к анализу процессов формирования и функционирования территориальных образований, закладывающие концептуальную базу для интегрированного видения регионального развития, исследуются Ю.А. Саликовым и Н.И. Кузьменко [3]. Важность системной парадигмы именно для территориального СП как теоретической модели интеграции, подчеркивает А.М. Ужегова [4], рассматривая применимость различных аналитических инструментов (*SWOT, PEST* и др.) в этом контексте.

Трансформацию подходов к процессу генерального планирования, указывающую на необходимость более тесной увязки стратегических целей и пространственных решений и выявляющую барьеры старых подходов, анализирует И.Н. Ильина [5]. Практический аспект интеграции через внедрение современных управленческих методик представлен в работе Л.В. Адамской и И.А. Квасова [6], которые изучают интеграцию проектного подхода в систему государственного регионального управления как технологию для реализации комплексных планов развития.

Необходимость координации и проблемы формирования эффективных моделей управления в сложных территориальных структурах, таких как агломерации, где интеграция планирования особенно актуальна, рассматриваются И.В. Волчковой, Е.В. Уфимцевой, Н.Р. Шадейко, А.А. Селиверстовым [7] на примере полицентрического управления. Актуальность интеграции конкретных аспектов, таких как принципы устойчивого развития, в СП городских агломераций для достижения сбалансированного развития подчеркивают А.И. Назаров и Е.И. Бахтеева [8].

Таким образом, исследования охватывают теоретические модели и управленческие методики интеграции ТП и СП, а также анализ практических барьеров и направлений трансформации процессов планирования с учетом современных вызовов.

Отметим, что Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ РФ [9] указывает на недостаточность синхронизации между документами ТП, градостроительного регулирования и СЭР как один из ключевых вызовов, требующих незамедлительного решения. Эксперты также отмечают недостаточную связь между документами СП и ТП [10].

Цель данной статьи – проанализировать существующую систему взаимодействия ТП и СП в субъектах РФ, выявить ключевые теоретические модели и практические барьеры их интеграции, а также систематизировать методические подходы к их преодолению.

Методологическую основу исследования составили системный, сравнительный и аналитический подходы. Системный подход позволил рассмотреть ТП и СП как взаимосвязанные подсистемы единой системы управления развитием территорий. Сравнительный подход использовался для сопоставления практик планирования на различных уровнях управления и выявления общих и специфических проблем. Аналитический подход применялся для детального изучения нормативной базы, документов планирования и научной литературы.

Указанные подходы были реализованы через методы анализа и обобщения нормативно-правовой базы и научной литературы; системного анализа взаимодействия документов и субъектов планирования; сравнительного анализа практик; контент-анализа экспертных мнений для выявления проблем и барьеров; а также систематизации и классификации теоретических моделей и методических подходов к интеграции.

Объектом исследования выступила система ТП и СП в субъектах РФ.

Предмет исследования – процессы, механизмы, теоретические модели и практические барьеры интеграции ТП и СП в рамках российской системы управления развитием территорий.

Логика статьи предполагает последовательное рассмотрение следующих вопросов:

– анализ современной структуры и нормативно закрепленных взаимосвязей систем ТП и СП в субъектах РФ;

– определение целей и задач, решаемых посредством интеграции этих систем для СЭР территорий;

– выявление и систематизация практических барьеров (ресурсных, информационных, организационно-процедурных, законодательных), препятствующих эффективной интеграции;

– анализ и классификация теоретических моделей и методических подходов (аналитических, управленческих, информационных, планировочных, контрольно-оценочных), способствующих развитию интеграционных процессов между ТП и СП на региональном уровне.

Анализ существующей системы планирования в РФ выявил сложную, многоуровневую структуру СП и ТП, охватывающую федеральный, региональный и муниципальный уровни управления. Структура и взаимосвязь систем формально закреплены ключевыми нормативными актами – Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» (далее – ФЗ № 172-ФЗ) [11] и Градостроительным кодексом РФ [12]. СП включает широкий спектр документов, классифицируемых по этапам: целеполагание (например, Послание Президента, стратегии национальной безопасности и СЭР), прогнозирование, а также планирование и программирование (государственные программы, планы деятельности федеральных органов). Эти документы федерального уровня задают рамки для разработки региональных и муниципальных стратегий и программ. Система ТП также иерархична, включая Схемы ТП РФ, Схемы ТП субъектов РФ,

Схемы ТП муниципальных районов и документы муниципального уровня, такие как генеральные планы и правила землепользования и застройки. Схема взаимодействия документов предполагает каскадирование решений сверху вниз, а последовательность разработки документов на муниципальном уровне показывает попытку увязать стратегию СЭР с градостроительными документами, включая нормативы, генплан, правила землепользования и застройки (далее – ПЗЗ), а также планы реализации. Во взаимодействии участвует широкий круг субъектов на всех уровнях – от федеральных министерств до муниципальных департаментов, институтов развития, бизнеса и общественности (табл. 1).

Основной целью интеграции ТП и СП СЭР является повышение эффективности управления развитием территорий. ТП призвано решать ряд ключевых задач в контексте СЭР: от рационализации использования ресурсов и территорий, оптимизации размещения населения и инфраструктуры до стимулирования и координации социально-экономического развития через создание условий для бизнеса, улучшение инфраструктуры, повышение качества жизни и формирование «коридоров развития». Также ТП направлено на формирование гармоничной системы расселения, сохранение культурного наследия, обеспечение межуровневой координации и инвестиционной привлекательности, а также на снижение конфликтности через установление четких правовых режимов использования территорий. Фактически ТП выступает инструментом пространственной реализации стратегических целей СЭР.

Однако, несмотря на формально выстроенную систему, исследование, основанное на анализе действующего законодательства (включая Градостроительный кодекс РФ и Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), правительственных стратегических документов (таких как Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ, Стратегия пространственного развития РФ), материалов парламентских слушаний, а также на обобщении данных из академической литературы и экспертных оценок, выявило следующие существенные практические барьеры и проблемы интеграции.

К ресурсным барьерам относятся хронический недостаток финансирования, особенно на муниципальном уровне, и дефицит квалифицированных кадров в области градостроительства и экономического планирования. Информационные проблемы включают неполноту и неактуальность данных, отсутствие единых интегрированных информационных систем, что затрудняет обмен данными между уровнями и ведомствами, а также неэффективное использование современных ГИС-технологий [13].

Таблица 1

Система документов СП и ТП [11; 12]

Документы СП	Документы ТП
Федеральный уровень	
Документы СП на федеральном уровне: - ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ; - стратегия СЭР РФ; - стратегия национальной безопасности РФ, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ; - стратегия научно-технологического развития РФ.	Схемы ТП РФ в следующих областях: - федеральный транспорт (железнодорожный, воздушный, морской, внутренний водный, трубопроводный транспорт), автомобильные дороги федерального значения; - оборона страны и безопасность государства; - энергетика; - высшее образование; - здравоохранение.
Региональный уровень	
Документы СП на уровне субъектов РФ: - стратегия СЭР субъекта РФ; - прогноз СЭР субъекта РФ на долгосрочный период; - бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период; - прогноз СЭР субъекта РФ на среднесрочный период; - план мероприятий по реализации стратегии СЭР субъекта РФ; - государственные программы субъекта РФ; - схема ТП двух и более субъектов РФ, схема ТП субъекта РФ.	Документы ТП на уровне субъектов РФ: - схемы ТП субъектов РФ; - карты планируемого размещения объектов регионального значения, относящихся к следующим областям: транспорт, предупреждение ЧС, образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, иные области в соответствии с полномочиями субъектов РФ.
Муниципальный уровень	
Документы СП на уровне муниципальных образований: - стратегия СЭР муниципального образования; - план мероприятий по реализации стратегии СЭР муниципального образования; - прогноз СЭР муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; - бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; - муниципальные программы.	Документы ТП на уровне муниципальных образований: - схемы ТП муниципальных районов; - генеральные планы; - правила землепользования и застройки; - проекты планировки территорий; - проекты межевания территорий; - градостроительные планы земельных участков

Организационно-процедурные барьеры выражаются в длительных и сложных процедурах согласования документов, а также в отсутствии четких и единых методик, что приводит к несогласованности планов. Наблюдаются и управленческие разрывы: федеральные стратегии часто воспринимаются на местах как директивы без учета региональной и муниципальной специфики, а координация между региональными и муниципальными органами недостаточна.

Примечательно, что описанные управленческие разрывы и, в частности, недостаточная координация между различными уровнями власти, препятствующие эффективной интеграции планов, не являются исключительно российской спецификой. Подобные вызовы, связанные с необходимостью слаженного взаимодействия между национальными, региональными и наднациональными структурами, характерны и для зарубежной практики. Так, в странах Европы наблюдаются проблемы с внедрением интеллектуальных транспортных систем вследствие недостаточной согласованности действий между уровнями, что затрудняет их полноценную интеграцию и развитие.

Особую группу составляют законодательные и методологические пробелы: недостаточная увязка ФЗ № 172-ФЗ и Градостроительного кодекса, сложности с внесением изменений в документы ТП на основе стратегических решений СЭР, отсутствие в законодательстве фокуса на проблемах системы расселения (включая дифференциацию подходов к опорным населенным пунктам), ограниченный охват муниципальным уровнем СП в ФЗ № 172-ФЗ и неопределенность статуса новых инструментов, таких как мастер-планы (хотя работа по легитимизации ведется) [14].

Для преодоления выявленных барьеров и повышения эффективности интеграции может быть использована совокупность методик, которые классифицированы автором по функциональному признаку (табл. 2).

Завершив систематизацию теоретических моделей и методических подходов, которые могут способствовать улучшению интеграции ТП и СП, целесообразно перейти к интерпретации полученных ранее результатов исследования. Это включает оценку степени реальной рассогласованности систем ТП и СП, анализ взаимосвязей между выявленными барьерами и сопоставление этих проблем с потенциалом предложенных методик в контексте российской практики.

Полученные результаты исследования подтверждают наличие существенного разрыва между формально выстроенной в России иерархической системой СП и ТП, а также реальной практикой их интеграции. Несмотря на наличие законодательной базы (ФЗ № 172-ФЗ, ГрК РФ) и предусмотренные механизмы взаимодействия, ключевой проблемой остается недостаточная синхронизация и согласованность документов и процессов, что отмечается как на уровне официальных стратегических документов (Стратегия развития строительной отрасли и ЖКХ), так и в экспертном сообществе.

Интерпретация выявленных барьеров (ресурсных, информационных, организационно-процедурных, законодательных) показывает их тесную взаимосвязь и кумулятивный эффект. Недостаток финансирования и кадровый дефицит на муниципальном уровне напрямую влияют на качество разрабатываемых документов ТП и затягивают сроки, что усугубляет процедурные проблемы. Информационные барьеры, связанные с неполнотой данных и отсутствием единых систем, препятствуют принятию обоснованных решений и эффективной межуровневой координации, что, в свою очередь, усиливает управленческие разрывы. Законодательные пробелы, особенно касающиеся статуса генплана, связи ТП с СЭР и неопределенности СП на муниципальном уровне, создают среду правовой неопределенности, затрудняя системную интеграцию.

Сопоставление полученных данных с ранее опубликованными работами подтверждает актуальность и системный характер выявленных проблем.

Таблица 2

Классификация методик интеграции документов и процессов ТП и СЭР региона

Категория методик	Назначение в интеграции / Ключевые примеры
Аналитические методики	Оценка текущей ситуации, прогнозирование, выявление связей и факторов для обоснования интегрированных решений (системный анализ [15], *bigdata* [16])
Управленческие методики	Координация действий различных участников, согласование интересов, управление реализацией интегрированных планов и проектов (проектное управление [17], координационные советы)
Информационные методики	Обеспечение информационной основы интеграции, визуализация, анализ пространственных данных, поддержка принятия решений (ГИС, цифровые платформы, ИИ) [18]
Методики планирования и программирования	Разработка документов, объединяющих стратегические цели и пространственные решения, зонирование, планирование мероприятий (мастер-планы [19], ПЦП, зонирование[20], интегрированные территориальные зоны [21])
Методики оценки, мониторинга и контроля	Оценка эффективности интеграции, отслеживание достижения целевых показателей и индикаторов, обеспечение устойчивости (*KPI* [22], индикативное планирование)

Примечание – Составлено автором.

В этом контексте предложенная систематизация теоретических моделей и методических подходов приобретает особую значимость. Она не просто перечисляет существующие инструменты, но и группирует их по функциональному назначению, предоставляя комплексный инструментарий для решения конкретных проблем интеграции. Например, для преодоления информационных барьеров предлагается активное использование цифровых платформ, ГИС и ИИ; для улучшения координации – проектное управление [17] и координационные советы; для повышения качества аналитики – *BigData* [16] и сценарное моделирование; для непосредственной увязки планов – разработка интегрированных документов и комплексных инфраструктурных планов регионального развития, а также использование *KPI* [22] для мониторинга. Важно отметить, что некоторые из этих подходов уже начинают внедряться (например, Приказ МЭР №273 [23], легитимизация мастер-планов, пилотные проекты по ИИ), что подтверждает их релевантность.

Таким образом, обсуждение результатов подчеркивает многогранность проблемы интеграции ТП и СП в регионах России, подтверждает ее актуальность на основе сопоставления с существующими исследованиями и нормативными документами, а также обосновывает потенциал предложенных методических подходов как основы для построения более эффективной и согласованной системы управления территориальным развитием.

Проведенное исследование проблем и перспектив интеграции ТП и СП в субъектах РФ позволило сделать следующие выводы:

1. Интеграция ТП и СП является необходимым условием для эффективного управления, согласованности действий органов власти и обеспечения устойчивого развития территорий.

2. Существуют значительные практические барьеры интеграции: законодательные, методические, ресурсные (финансы, кадры), информационные (данные, системы) и организационно-управленческие (координация, процедуры).

3. Основой интеграции является взаимосвязь целей, приоритетов и задач СП с положениями документов ТП, что позволяет синхронизировать пространственные и социально-экономические аспекты развития.

4. Применение комплекса современных методик (аналитических, управленческих, информационных, планировочных, оценочных) способствует повышению эффективности интеграции, обеспечивая системный подход.

Литература:

1. Антипин И.А., Шишкина Е.А., Сурнина А.А. Территориальное планирование в системе управления социально-экономическим развитием старопромышленного региона // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 3(53). С. 19–25.
2. Чекомасова А.И. К вопросу о территориальном планировании в РФ: актуальные проблемы и пути их решения // Молодой ученый. 2025. № 2(553). С. 265–268.
3. Саликов Ю.А., Кузьменко Н.И. Применение системного подхода в анализе процессов формирования и функционирования территориальных образований // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82. № 1(83). С. 273–282. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-1-273-282.
4. Ужегова А.М. Системная парадигма территориального стратегического планирования // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 7-2(47). С. 122–127.
5. Ильина И.Н. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 84–109.
6. Адамская Л.В., Квасов И.А. Интеграция проектного подхода в систему государственного регионального управления развитием: технологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. № 3. С. 285–293. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-3-285-293.
7. Волчкова И.В., Уфимцева Е.В., Шадейко Н.Р., Селиверстов А.А. Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2021. № 2(560). С. 135–164. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164.
8. Назаров А.И., Бахтеева Е.И. Интеграция принципов устойчивого развития в стратегическое планирование городских агломераций // Столыпинский вестник. 2024. Т. 6. № 5.
9. Паспоряжение Правительства Российской Федерации от 31.10.2022 г. № 3268-р «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // СПС Гарант.
10. Соболь Т.С., Чебыкина Ю.В. Особенности территориального планирования Российской Федерации на основе градостроительной деятельности // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 4(53). С. 95–103.
11. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024) // СПС Гарант.
12. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017)

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). // СПС Гарант.
13. Бакин М.В. Опыт внедрения и перспективы развития государственных информационных систем // Цифровая экономика. 2023. № S5(26). С. 68–79. DOI: 10.34706/DE-2023-05-08.
14. Ильина И.Н. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 84–109.
15. Саликов Ю.А., Кузьменко Н.И. Применение системного подхода в анализе процессов формирования и функционирования территориальных образований // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82. № 1(83). С. 273–282. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-1-273-282.
16. Кузора С., Натаров И. Большие данные для регионов // Открытые системы. СУБД. 2022. № 1. С. 44–45.
17. Адамская Л.В., Квасов И.А. Интеграция проектного подхода в систему государственного регионального управления развитием: технологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. № 3. С. 285–293. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-3-285-293.
18. Смыслова О.Ю., Макаров И.Н., Гущин Д.В. Цифровизация и устойчивое развитие: новые вехи в пространственном планировании территорий России // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1683–1702. DOI: 10.18334/ce.18.7.121386.
19. Borushkina S., Gorodnichev A. Fromgenplan to master plan: The changing urban planning paradigm in Russia // Territory Politics Governance. 2023. 8 June. DOI: 10.1080/21622671.2023.2215817.
20. Губанова Е.С., Клещ В.С. Зонирование как инструмент регулирования социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2019. № 5(103). С. 109–123. DOI: 10.15838/ ptd.2019.5.103.7.
21. Todella, E.; Abastante, F.; Cotella, G. Practicing Multilevel Governance: The Revision of the Piedmont Regional Territorial Plan // Land. 2024. № 13. P. 755.
22. Ладыкова Т.И., Соколова Г.Н. Основные теоретические вопросы использования KPI в процессах индикативного планирования // Научное обозрение: теория и практика. 2019. Т. 9. № 9(65). С. 1349–1361. DOI: 10.35679/2226-0226-2019-9-9-1349-1361.
23. Приказ Министерства экономического развития РФ от 06.05.2024 г. № 273 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы)» // СПС Гарант.

Integration of Territorial and Strategic Planning of the Region: the Toretical Models and Practical Barriers

Surnina A.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

In modern conditions, the integration of the processes of territorial and strategic planning of the socio-economic development of the region acts as the most important factor ensuring the effectiveness of regional management. The implementation of integration contributes to the formation of balanced and sustainable management systems that can adequately take into account socio-economic and territorial aspects of development. The purpose of the article is to analyze the existing system of interrelationship between territorial and strategic planning, followed by the identification of key barriers to their integration and the systematization of ways to overcome them.

The study identified and systematized key practical factors that hinder effective integration. The main result is the author's classification of theoretical models and methodological approaches aimed at improving the consistency of the two types of planning. The scientific and practical significance of the work lies in the fact that the proposed systematization not only lists existing tools, but also groups them according to their functional purpose, providing a comprehensive toolkit for solving specific integration problems.

Keywords: region, socio-economic development, territorial planning, strategic planning, territorial development management, integration

УДК 369.03
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-112-118

Разработка методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций

Титов С.В.
Аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции Московского университета «Синергия»

Анисимов А.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры информационного менеджмента им. профессора В.В. Дика, заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий Московского университета «Синергия»

Стимулирование устойчивого развития страховых организаций функционирующих на российском страховом рынке является приоритетной задачей российской экономики. Изменения на мировом рынке вызванные глобальной трансформацией последних пяти лет, повлекли за собой существенное изменение условий функционирования страховых организаций. Все эти факторы способствовали пересмотру подходов к разработке стратегий устойчивого развития страховых организаций, что породило необходимость формирования нового адаптированного инструментария для оценки таких стратегий. Целью исследования является разработка методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций, который позволил бы установить релевантность стратегии для конкретной страховой организации. Задачами являются: определение причин, сдерживающих внедрение ESG-принципов в деятельность российских страховых организаций; выделение набора параметров, характеризующих страховую организацию и современные условия ее функционирования; формирование методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что разработанный методический инструментарий позволяет страховым организациям устанавливать релевантность выбранных стратегий развития, что в итоге повышает эффективность их функционирования.

Ключевые слова: *страховые организации, устойчивое развитие, стратегии устойчивого развития, оценка стратегии, методика оценки стратегии*

Для цитирования: *Титов С.В., Анисимов А.Ю. Разработка методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 112–118. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-112-118.*

Поддержание устойчивого развития организаций, действующих на российском страховом рынке, является в настоящее время приоритетной задачей в отрасли. Трансформация мировой экономической

системы, вызванная глобальными событиями последних пяти лет, повлекла за собой существенное изменение условий функционирования страховых организаций. Нестабильность ситуации на российском и мировом рынках постоянно подпитывается экономическими кризисами и геополитической напряженностью, что создает дополнительные сложности при выборе стратегии устойчивого развития. Однако, несмотря на увеличение отрицательных факторов внешней среды, *ESG*-параметры остаются приоритетными для современных страховых организаций [1], что прежде всего обусловлено увеличением доли страховых продуктов с экологической составляющей [2]. Учитывая фундаментальные принципы устойчивого развития, сформулированные на сегодняшний день [3, с. 65], можно выявить определённые сложности их реализации для страхового бизнеса, например, в нахождении баланса между экономической и социальной составляющей устойчивого развития. Текущая ситуация требует от российских страховых организаций выработки новых стратегических ориентиров, которые позволят найти требуемый баланс между всеми составляющими устойчивого развития. Предлагаемые на данный момент инструменты выбора и оценки стратегий устойчивого развития [4; 5] в целом не учитывают специфику стратегического бизнеса, функционирующего в условиях высокого риска и ускоренной динамики факторов внешней среды. Особого внимания требует выделение набора параметров, характеризующих страховую организацию и условия ее функционирования. Правильное определение такого набора создает базу для выработки релевантных стратегий устойчивого развития страховых организаций. Учитывая повышение мирового интереса к повестке корпоративного управления, опирающегося на *ESG*-принципы, можно предположить, что разработка новых стратегий устойчивого развития создаст для российских страховых организаций новые точки роста.

Таким образом, на текущий момент отсутствует адаптированный методический инструментарий оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций, позволяющий установить релевантность стратегии для конкретной страховой организации, следовательно, вопросы разработки такого инструментария остаются в определенной степени дискуссионными, что обусловливает актуальность темы исследования.

Проблемами развития российских страховых организаций занимаются различные авторы как с теоретической точки зрения, так и с практической позиции. Многие авторы приводят определение такой фундаментальной категории, как страхование. Так, О.Л. Савенко и Ю.О. Болотин определяют страхование как «систему отношений по защите имущественных интересов физических и юридических лиц, государства, муниципальных образований, которые связаны с наступлением в жизни и деятельности перечисленных выше субъектов экономики страховых случаев (определенных российским законодательством), и предполагает необходимость осуществления страховых выплат из сформированных за счёт страховых взносов (премий) целевых фондов денежных средств» [4, с. 3]. В целом данное определение раскрывает суть понятия страхования и может быть взято за основу исследования. Также фундаментальные основы устойчивого развития можно проследить по работам Н. Алтыева, который исследуя принципы концепции устойчивого развития, делает следующий вывод: «Разработка жизненных компонентов концепции устойчивого развития и была фундаментальной доктриной соблюдения прав будущих поколений» [6, с. 78]. Таким образом, можно сделать вывод, что соблюдение *ESG*-принципов является одним из способов реализации миссии страховых организаций и должно учитываться в стратегии развития.

Значительное количество авторов уделяют внимание исследованиям, показывающим тенденции развития страхования в России и текущее состояние страхового рынка. Среди них можно выделить работы А.Ю. Алешиной и И.Б. Котлобовского [7], которые анализируют развитие страхования в России, делая акцент на устойчивости. В том числе они выделяют принципы устойчивого развития страхования, которые заключаются в том, что при разработке стратегии устойчивого развития нужно учитывать четыре категории: *ESG*-риски, относящиеся к страхованию; клиентов и партеров, и их взаимодействие с *ESG*-принципами; правительство и ключевые государственные органы, заинтересованные в развитии *ESG*-принципов; необходимость публичной отчетности о реализации *ESG*-принципов [7, с. 29]. Также заслуживает внимания работа С.А. Белозерова, который исследует российский страховой рынок с точки зрения современного состояния и перспектив развития [8]. По его мнению, «приоритетами страхового рынка в современных условиях являются: сохранение финансовой стабильности и платежеспособности страховых компаний, выполнение обязательств по договорам страхования, перенастройка страховых продуктов в целях повышения их доступности и ценности страховых услуг, цифровизация отрасли» [8, с. 624]. В целом такие тенденции сохраняются и на данный момент, поэтому их можно учитывать при формировании направлений развития страховых организаций.

Важным направлением исследования в данной сфере являются инвестиции в *ESG*, которые позволяют оценить актуальность идей устойчивого развития для страхового рынка. В данном направлении можно выделить работу Ю. Дранева, который, среди прочего, делает следующий вывод: «Одной

из основных причин роста значения *ESG*-практик было вознаграждение компаний обществом за социальную ответственность» [9, с. 153]. Такая ситуация свидетельствует о том, что нельзя концентрироваться только на одном из компонентов устойчивого развития, а нужно гармонично развивать все, ориентируясь на основные угрозы и возможности, относящиеся к каждому из них.

Экологические аспекты устойчивого развития в значительной степени раскрыты в работе Н.А. Львовой, которая показывает формирование финансовой модели углеродного регулирования в контексте целей декарбонизации Российской Федерации [10]. По ее мнению, основной акцент необходимо делать на «определяющее значение инициатив государства и крупного бизнеса, сверхмягкое регулирование при ограниченном объеме мер государственной поддержки, системообразующая роль углеродного рынка, интеграция его добровольного и обязательного сегментов» [10]. Такая ситуация говорит о возрастающей роли страховых организаций в реализации принципов «зеленой экономики» [11].

Формирование стратегий устойчивого развития требует учета определённых рисков и разработки механизмов *ESG*-трансформации систем управления страховых организаций. Авторский коллектив А.М. Марголин и И.В. Вякина прямо указывает на необходимость адаптации стратегий устойчивого развития к современным условиям, подчеркивая глобальные изменения в цепочках поставок и т.п. [12, с. 357].

Некоторые авторы предпринимают попытки формирования моделей оценки стратегий устойчивого развития. Например, можно отметить работу авторского коллектива Л.К. Васюкова, Е.А. Гогян, Е.Д. Соколова, А.С. Теряева [13], которые предлагают модель оценки устойчивости развития страховой компании на основе принципов анализа иерархий [14], позволяющую оценить уровень устойчивости организации при текущей стратегии развития. Однако использование только принципов анализа иерархий для оценки стратегии развития является недостаточным, поскольку не учитывает всех рисков, которые могут повлиять на текущую стратегию. Кроме того, авторы не дают рекомендаций по совершенствованию стратегий развития страховых организаций. Также можно отметить исследование О.А. Прямухиной и др. [3], которые разработали комплексный подход к стратегии устойчивого развития организации на основе учетно-аналитической информации. В исследовании [3] подчеркивается важность наличия «верной и объективной информации, предоставляющей данные о внутренней среде компании, ее средствах и возможностях» [3, с. 66]. Таким образом, данный авторский коллектив показывает факторы, которые можно контролировать и изменять в процессе достижения устойчивого развития, а не только учитывать.

Еще одним автором, получившим значимые результаты в этом направлении, является М.А. Измайлова, которая, с одной стороны, показывает специфику реализация *ESG*-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений [15], а с другой – демонстрирует важность устойчивого развития для корпоративной социальной ответственности [16].

Страховые организации находятся в разных позициях даже внутри одного рынка, поэтому необходимо сузить рамки исследования до организаций, основной деятельностью которых является страхование имущества. По данным компании РБК [17], на конец 2024 г. на страховом рынке России действуют 26 организаций, основной деятельностью которых, является страхование имущества (код по ОКВЭД 65.12.2). При этом в начале 2010-х гг. таких организаций было 120, только за период 2020-2023 гг. их было ликвидировано 34 [17]. Одной из задач исследования является определение причин, сдерживающих внедрение *ESG*-принципов в деятельности российских страховых организаций. В связи с чем нами был проведен опрос руководителей 26 страховых компаний. Опрос проводился в конце 2024 г. по электронной почте. Респондентам был задан вопрос: «Укажите факторы, препятствующие внедрению *ESG*-принципов в деятельность российских страховых организаций?». Результаты аналитической обработки данных опроса представлены на рисунке 1.

На основе использования медианы (80 %) были выбраны наиболее значимые факторы:

1) нет обоснованной связи между соблюдением *ESG*-принципов и ростом прибыли (экономический компонент);

2) отсутствие единого *ESG*-рейтинга (корпоративное управление, государственная политика);

3) недостаток специалистов в вопросах внедрения и следования *ESG*-принципам (социальный компонент);

4) нет серьезного восприятия экологических рисков (экологический компонент).

Как показывают результаты исследования, серьезные сдерживающие факторы охватывают все основные компоненты устойчивого развития. Однако на уровне страховой организации можно серьезно повлиять только на два фактора: отсутствие обоснованной связи между соблюдением *ESG*-принципов и ростом прибыли и нет серьезного восприятия экологических рисков. Устранение данных факторов лежит в плоскости обоснования важности учета экологических рисков в основной деятельности страховой организации и установления положительной связи между соблюдением *ESG*-принципов и ростом прибыли.

Для выявления роли *ESG*-принципов в успешном функционировании страховых организаций

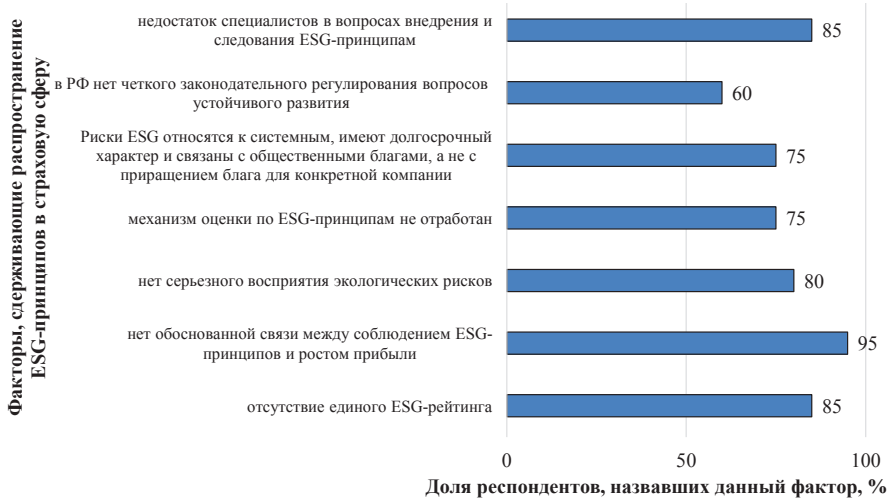

Рис. 1. Структура ответов респондентов на вопрос «Укажите факторы, препятствующие внедрению ESG-принципов в деятельность российских страховых организаций?»

необходимо проверить гипотезу о том, существует ли связь между соблюдением *ESG*-принципов и ростом прибыли организации. Доказательство данной гипотезы проведено посредством корреляционного анализа, с помощью которого была определена связь между двумя указанными выше параметрами. Анализ текущего состояния российской страховой сферы, позволил сформировать выборку из пяти страховых организаций (20 % от общего числа на рынке), которые являются действующими на начало 2025 г., и проранжировать предприятия по темпу роста прибыли до налогообложения (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наибольший прирост прибыли до налогообложения имеют организации, которые получили *ESG*-рейтинг 1 или 2. На основе данных таблицы 1 получен коэффициент корреляции r_{xy} = -0,22. Используя шкалу Чеддока, можно сделать вывод, что между темпом роста прибыли до налогообложения и *ESG*-рейтингом существует связь.

Таблица 1

Ранжирование предприятий по приросту прибыли до налогообложения [18]

Страховая организация	Темп роста прибыли до налогообложения за 2023 г.*, %	*ESG*-рейтинг [19]**
1. СПАО «Ингосстрах» [20]	295,51	2
2. ПАО «Группа Ренессанс Страхование» [21]	339,72	1
3. САО «РЕСО-Гарантия» [22]	322,50	2
4. САО «ВСК» [23]	110,02	3
5. АО «Альфа Страхование» [24]	101,75	3

Источник: составлено авторами на основании результатов исследования.

* были использованы данные отчетов о финансовых результатах за 2023–2022 гг., поскольку на момент исследования отчётность за 2024 г. еще не сформирована.

** по методике оценки *ESG*-рейтинга выделяется пять категорий: 1 – продвинутый, 2 – развитый, 3 – достаточный, 4 – развивающийся, 5 – начальный [25].

Далее проведем регрессионный анализ для уточнения силы связи и ее направления, для этого используем линейную регрессию:

$$EV = a_0 + a_1 * K_{esg1} + a_2 * K_{esg2} + a_3 * K_{esg3} + a_4 * K_{esg4} + a_5 * K_{esg5} + e,$$

где EV – это предсказанное значение отклика;

$a_{(1-5)}$ – это коэффициент регрессии;

a_0 – это константа регрессии;

E – остаток для отклика EV;

K_{esgn} – *ESG*-рейтинг организации.

В результате анализа получены следующие данные представленные в таблицах 2–4.

Коэффициент корреляции (Множественный R) показывает сильную линейную зависимость между показателем темпа роста прибыли до налогообложения и *ESG*-рейтингом. R-квадрат показывает, что в 55 – случаях высокий рост прибыли можно объяснить высоким *ESG*-рейтингом.

Представленные в таблицах 3 и 4 данные показывают, что используемая модель линейной регрессии статистически значима и может быть применена для проверки связи между исследуемыми переменными. Таким образом, на основе корреляционно-регрессионного анализа была определена сильная положительная связь между темпом роста прибыли до налогообложения и местом в *ESG*-рейтинге. Поскольку лучшее место в рейтинге отражено меньшей цифрой, то связь показана отрицательная, что соответствует ранее высказанной гипотезе, о взаимосвязи места в рейтинге и темпом роста прибыли до налогообложения. В рамках формирования методики оценки стратегии устойчивого развития можно выделить первый ее блок: степень соответствия целям устойчивого развития, который будет показывать эффективность применения принципов устойчивого развития.

Следующей исследовательской задачей является выделение набо-

Таблица 2

Регрессионная статистика

Показатели	Значения
Множественный R	0,217311165
R-квадрат	0,047224142
Нормированный R-квадрат	-0,27036781
Стандартная ошибка	1384,957192
Наблюдения	5

Источник: составлено авторами на основании результатов исследования.

Таблица 3

Дисперсионный анализ

	df	*SS*	*MS*	*F*	Значимость *F*
Регрессия	1	285211,7	285211,7	0,148694	0,725504
Остаток	3	5754319	1918106		
Итого	4	6039531			

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	*P*-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %
Y-пересечение	1467,85	1923,33	0,76	0,50	-4653,05	7588,75
ESG-рейтинг	-319,16	827,67	-0,39	0,73	-2953,17	2314,86

Источник: составлено авторами на основании результатов исследования.

ра параметров, которые характеризуют страховую организацию и современные условия ее функционирования. В рамках данной задачи был проведен *SWOT*-анализ страховой сферы Российской Федерации, результирующая матрица *SWOT*-анализа представлена в таблице 5 [26; 27, с. 1157].

Анализируя данные, представленные в таблице 5, можно сделать следующие выводы. Снижение зависимости от кредитного рынка будет способствовать освоению возможностей, связанных с внедрением новых обязательных видов страхования. Готовность значительной части населения покупать страховку и инновационный прорыв в использовании искусственного интеллекта и блокчейн-технологий в страховании могут быть использованы страховыми организациями в рамках освоения новых ниш после очищения рынка от финансово неустойчивых компаний. Завышенная стоимость страховых услуг может быть сбалансирована благодаря готовности значительной части населения покупать страховку. Использование инновационных технологий может способствовать установлению более приемлемых цен в рамках появления новых форм реализации страховых услуг. Внедрение новых обязательных видов страхования создаст новые стимулы для развития долгосрочного страхования. Снижение зависимости от кредитного рынка позволит нивелировать угрозы, возникающие из-за антироссийских санкций, а также внедрять результаты использования искусственного интеллекта и блокчейн-технологий в страховании. Высокие предпринимательские риски, характерные только для России, позволили создать новые ниши для сильных страховых организаций.

Таким образом, можно выделить наиболее значимые риски для долгосрочного развития страховой сферы в России. Наиболее опасными сочетаниями являются: наличие высоких предпринимательских рисков, характерных только для России, и отсутствие стимулов для развития долгосрочного страхования, а также завышенная стоимость страховых услуг. Низкая степень развития инструментов и технологий рынка перестрахования может усилиться из-за отсутствия стимулов для развития долгосрочного страхования. Таким образом, после выделения наиболее значимых рисков можно переходить к оценке готовности к управлению выявленными рисками, что является заключительным блоком методики.

Таблица 5

Матрица «Проблемное поле» *SWOT*-анализа для страховой сферы Российской Федерации

Факторы внешней среды	Факторы внутренней среды	
	Силы (W) W1. Очищение рынка от финансово неустойчивых страховых организаций W2. Снижение зависимости от кредитного рынка	Слабости (S) S1. Завышенная стоимость страховых услуг S2. Отсутствие стимулов для развития долгосрочного страхования
Возможности (O) O1. Внедрение новых обязательных видов страхования O2. Готовность значительной части населения покупать страховку O3. Инновационный прорыв в использовании искусственного интеллекта и блокчейн технологий в страховании	O1 → W2 O2 → W1 O3 → W2	O1 → S2 O2 → S1 O3 → S1
Угрозы (T) T1. Антироссийские санкции T2. Высокие предпринимательские риски, характерные только для РФ T3. Низкая степень развития инструментов и технологий рынка перестрахования	T1 → W2 T2 → W1 T3 → W2	T2 → S2 T2 → S1 T3 → S2

Источник: составлено авторами на основании данных исследования и [27].

Исследование показало, что для анализа стратегии устойчивого развития страховых организаций необходимо выделить несколько блоков оценки, которые учитывают принципы устойчивого развития, про-

гноз развития в долгосрочной перспективе и основные риски.

Предлагается использовать методический инструментарий оценки, состоящий из трёх блоков:

1. Степень соответствия целям устойчивого развития.

2. Выявление и оценка значимых рисков.

3. Уровень готовности к управлению выявленными рисками.

В рамках **первого блока** предлагается использовать следующую формулу оценки степени соответствия целям устойчивого развития (S_{esg}):

$$\boldsymbol{S_{esg} = \sum_i k_i C_i / C_{esg}}, \quad (1)$$

$i = 1 \ldots n$

где C_i – текущее значение оценки цели устойчивого развития предприятия, %;

k_i – весовой коэффициент цели устойчивого развития предприятия;

C_{esg} – эталонное значение оценки цели устойчивого развития предприятия, %.

$Max\ S_{esg} = 1$.

В рамках **второго блока** для оценки значимых рисков предлагается использовать следующую формулу:

$$\boldsymbol{R_i = \sum_i (B_i * П_i)}, \quad (2)$$

где R_i – общая оценка i-го риска;

B_i – вероятность проявления i-го риска;

$П_i$ – уровень последствий i-го риска.

B_i и $П_i$ –определяются экспертным путем по шкала от 0 до 1.

$Max\ R_i = 1$.

В **третьем блоке** уровень готовности к управлению выявленными рисками (U_g) предлагается определять по формуле:

$$\boldsymbol{U_g = \alpha_s * K_s / K_r}, \quad (3)$$

где K_s – количество эффективных стратегий управления рисками, применяющихся на предприятии;

α_s – весовой коэффициент, определяющий качественное соотношение стратегий;

K_r – количество значимых рисков, выявленных на предприятии в текущем периоде;

$Max\ U_g = 1$.

Таким образом, общая оценка релевантности стратегии устойчивого развития страховых организаций (T_{esg}) может быть рассчитана следующим образом:

$$\boldsymbol{T_{esg} = \beta S_{esg} + \gamma R_i + \delta U_g}, \quad (4)$$

где β, γ, δ – весовые коэффициенты, определяющие текущую важность показателей.

$Max\ T_{esg} = 3$.

Следовательно, чем ближе оценка релевантности к трем, тем выше уровень адаптированной стратегии устойчивого развития страховых организаций к внешним условиям.

Учитывая выявленный в процессе исследования набор параметров, которые характеризуют страховую организацию и современные условия ее функционирования, был сделан вывод о необходимости разработки методического инструментария оценки стратегии устойчивого развития страховых организаций, который позволяет установить релевантность стратегии для конкретной страховой организации. Таким образом, использование данного методического инструментария может способствовать выбору эффективной стратегии устойчивого развития, которая может нивелировать основные риски.

Литература:

1. Гаврикова А.И., Гаврикова Н.В., Яковлева А.О. Проблемы обеспечения устойчивого успеха страховых организаций // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 102–105.
2. Практики устойчивого развития страховых организаций. Аналитический обзор по итогам исследования: Всероссийский союз страховщиков. Сентябрь 2024. URL: https://ins-union.ru/upload/iblock/eff/q52ofcisae6no2216epckxudtpm73l4a.pdf (дата обращения: 16.07.2025).
3. Прямухина, О.А., Гориславская Н.В., Шендо В.Г., Джежелий С.В. Комплексный подход к стратегии устойчивого развития организации на основе учетно-аналитической информации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2024. № 2. С. 59–68.
4. Савенко О.Л., Болотин Ю.О. Устойчивое развитие страхового рынка в современных условиях: концептуальные основы и инструменты обеспечения // Вестник Евразийской науки. 2019. №4. URL: https://esj.today/PDF/55ECVN419.pdf (дата обращения: 16.07.2025).
5. Соболь О.С. «Зеленое» страхование: учет экологических факторов в деятельности российских страховщиков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 8 (96). С. 124–130.
6. Алтыев, Н. Принципы концепции устойчивого развития // IN SITU. 2022. №12. С.77–79.
7. Алешина А.Ю., Котлобовский И.Б. Развитие устойчивого страхования в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. № 4. С. 24–48.
8. Белозеров С.А., Злобин Е.В., Котлобовский И.Б. Российский страховой рынок: современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. Т. 38. № 4. С. 607–625.
9. Дранев Ю. Инвестиции в ESG, инновационное развитие и финансовая результативность компаний // Корпоративные финансы. 2023. Т. 17. № 3. С. 152–159.

10. Львова Н.А. Формирование финансовой модели углеродного регулирования в контексте целей декарбонизации Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 3. С. 387–415.
11. Прокопьева Е.Л., Чернова В.А. Потенциал страховых компаний в обеспечении «зеленого» экономического роста региональной экономики // Финансовые исследования. 2023. № 1 (78). С. 52–61.
12. Марголин А.М., Вякина И.В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. № 3. С. 352–368.
13. Васюкова, Л.К., Гогян Е.А., Соколова Е.Д., Теряева А.С. Модель оценки устойчивости развития страховой организации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 8-2. С. 239–246.
14. Цибизова, Т.Ю., Карпунин А.А. Применение метода анализа иерархий в оценке качества процессов управления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20847 (дата обращения: 16.07.2025).
15. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. № 2. С. 185–201.
16. Измайлова М.А. Устойчивое развитие как новая составляющая корпоративной социальной ответственности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. № 2. С. 100–113.
17. ОКВЭД 65.12.2 – Страхование имущества. URL: https://companies.rbc.ru/okved/65.12.2.
18. Бухгалтерская отчетность предприятий. URL: https://audit-it.ru.
19. Внедрение ESG подходов на российском страховом рынке: готовность № 2. URL: https://www.ra-national.ru/renkingi/vnedrenie-esg-podhodov-na-rossijskom-str.
20. СПАО «Ингосстрах». URL: https://www.ingos.ru.
21. ПАО «Группа Ренессанс Страхование». URL: https://www.renins.ru/ (дата обращения: 16.07.2024).
22. САО «РЕСО-Гарантия». URL: https://reso.ru/
23. САО «ВСК». URL: https://www.vsk.ru/
24. АО «АльфаСтрахование». URL: https://alfastrah.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
25. ESG-рэнкинг российских компаний потребительского сектора и сектора нефинансовых услуг: ежегодный аналитический обзор. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/11/rjenking_esg_potrebitelskogo_sektora_2024.pdf.
26. Прокопьева Е.Л. Современный страховой рынок России: проблемы и потенциал развития // Дайджест-финансы. 2022. № 1 (261). С. 66–88.
27. Титов С.В. Оценка перспектив развития российского страхового бизнеса в условиях глобальной нестабильности // Роль бизнеса в трансформации общества – 2024: Сб. тезисов студентов и аспирантов по итогам XIX Межд. конгресса (межд. науч.-практ. конф.), Москва, 08–12 апреля 2024 г. М.: Московский фин.-пром. университет «Синергия», 2024. С. 1154–1158.

Development of Methodological Tools for Assessing the Strategy of Sustainable Development of Insurance Organizations

Titov S.V., Anisimov A.Yu.
Moscow University «Synergy» (Moscow)

Stimulating sustainable development of insurance organizations operating in the Russian insurance market is a priority task of the Russian economy. Changes in the world market caused by the global transformation characteristic of the last five years have entailed a significant change in the operating conditions of insurance organizations. All these factors contributed to the revision of approaches to the development of sustainable development strategies for insurance organizations, which gave rise to the need to develop new adapted tools for assessing such strategies. The purpose of the study is to develop such a methodological tool for assessing the strategy of sustainable development of insurance organizations that would allow establishing the relevance of the strategy for a specific insurance organization. The following methods were used in the study: statistical methods, including correlation and regression analysis, survey, SWOT analysis. The result of the study is a methodological tool for assessing the strategy of sustainable development of an insurance organization, consisting of three blocks. The authors conclude that the most significant risks in the Russian insurance sector in the medium term are the presence of high entrepreneurial risks, characteristic only of Russia, and the lack of incentives for the development of long-term insurance, as well as the inflated cost of insurance services, as well as the low level of development of reinsurance market instruments and technologies, which may increase due to the lack of incentives for the development of long-term insurance.

Keywords: insurance organizations, sustainable development, sustainable development strategies, strategy assessment, strategy assessment methodology

УДК 331.526
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-119-126

Неформальная занятость в условиях цифровизации рынка труда (на примере Республики Башкортостан)

Ураев Р.Р.
Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа)

Круль А.С.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа)

Валиева Г.Р.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа)

Современные цифровые технологии постепенно трансформируют все сферы жизни общества, меняются приоритеты, ценности, первостепенными становятся потребности в интеллектуальном развитии, самореализации и овладении навыками переработки/сохранения информации. Под влиянием цифровизации изменяется экономика труда, образуются новые виды трудовой деятельности, меняется структура уже существующих экономических отношений и структура рынка труда. Информация, выступая в качестве основы коммуникаций, меняет не только сегменты рынка, но и нормы экономических отношений, являясь побудителем и источником экономических действий. Появляется понятие «цифровая экономическая среда», где каждый экономический субъект действует не только в экономическом, но и в цифровом пространстве.

Целью исследования является анализ влияния условий цифровизации рынка труда на динамику и характер неформальной занятости. В представленной работе дается оценка такому явлению, как неформальная занятость и нестандартные формы занятости в условиях цифровой экономики, анализируются причины появления новых форм неформальной занятости, связанных с использованием цифровых средств в профессиональной деятельности. В статье дана характеристика условиям современной цифровизации рынка труда, определены причины недостаточного использования цифровых средств в профессиональных видах деятельности в рамках традиционных форм занятости и высокого уровня применения цифровых средств в неформальных трудовых отношениях.

Доля неформально занятых в России в последние годы существенно возросла, в настоящей работе исследуется цифровизация трудовых и экономических отношений как фактор роста неформальной занятости. В работе представлены авторские комплексные социологические исследования, проведенные в 2024 г. (опрос, экспертный опрос, анализ статистических документов), а также результаты исследований, проведенных ВЦИОМ, «Левада-центр» (2015–2024 гг.).

Авторское исследование раскрыло положительную роль цифровой неформальной занятости в профессиональном и личностном развитии современного российского работника. В рамках изучения новых трудовых практик было установлено, что на рынке труда все чаще неформальные, «атипичные» трудовые практики связаны с цифровыми средствами. И тенденция к оформлению цифровых форм занятости в социальные трудовые практики будет все ярче проявляться и в дальнейшем. Это иные формы взаимодействия работника и работодателя, содержание которых выходит за рамки традиционного понимания неформальной занятости. В будущем такие практики будут встречаться все чаще, отвоевывая в структуре рынка труда собственное пространство.

Ключевые слова: *неформальная занятость, нетрадиционные формы занятости, атипичная занятость, рынок труда, цифровизация, безработица, трудовые отношения, трудовые практики, дистанционные формы занятости*

Для цитирования: *Ураев Р.Р., Круль А.С., Валиева Г.Р. Неформальная занятость в условиях цифровизации рынка труда (на примере Республики Башкортостан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 119–126. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-119-126.*

Цифровая трансформация экономической системы выражается в изменении таких составляющих ее структурных компонентов (институциональных субъектов, организаций, структур), как государство, потребители, образование и кадры, инфраструктура и связь, маркетинг и реклама, финансы и торговля, медиа и развлечения. Однако, несмотря на то, что видимые изменения есть, исследователи отмечают, что Россия, по сравнению с другими странами, отстает в использовании цифровых технологий в экономической системе, а цифровизация несет в себе изменения не только положительного характера, но и отрицательного, создавая дополнительные проблемы.

Материалы и методы: влияние цифровизации экономики на трудовые отношения

Существует мнение, что в ближайшее время «не будет ни одного сегмента экономики России, где будут отсутствовать те или иные компоненты цифровой экономики» [1, с. 60]. Новые условия, в которых осуществляются экономические отношения, предъявляют новые требования к участникам рынка труда, к примеру, владение цифровыми компетенциями (и не только работники, но и работодатели уже должны демонстрировать навыки владения информационными технологиями) в области самоменеджмента, управления, коммуникации, креативности. Уже в связи с цифровизацией «на российском рынке труда наблюдается безработица и нехватка специалистов в области информационно-коммуникационных технологий» [2, с. 61].

Изменяются требования со стороны работодателей. Работники с развитыми цифровыми навыками получают более высокую заработную плату, чем «аналогично образованные работники с более низкими цифровыми навыками, и они могут быть незначительно менее подвержены перемещению, вызванному автоматизацией» [3, с. 72]. Цифровая грамотность становится критически важным фактором для работодателя при найме сотрудника.

Цифровизация трудовых отношений определяет новые тенденции динамики рынка труда: рост горизонтальной мобильности в течение трудовой жизни, при этом усложняется горизонтальная структура организаций; профессионализация высшего образования (стирание граней между классическими академическими и прикладными профессиями), глобализация профессий и профессионалов; децентрализация экономической ответственности и ответственности за качество работы, усиление роли и усложнение задач «личностного развития» («умения на всю жизнь»); изменение стилей жизни на разных уровнях: глобальном, социума, организационном, индивидуальном [4].

В современное время полноценный субъект рынка труда должен обладать минимальными цифровыми компетенциями.

Цифровизация экономики и неформальная занятость

Как явление неформальная занятость уже интересна тем, что это не просто сегмент рынка труда

или часть экономических отношений. Это целая система трудовых отношений, где нет границ по сферам профессий. Как экономическое явление неформальная занятость имеет большое влияние на рынок труда, занимая в нем достаточно серьезные позиции. Численность населения, считающегося неформально занятым, «насчитывает на сегодняшний день около 15 млн чел. (помимо учета детей, многодетных семей, пенсионеров, военнослужащих и приравненных к ним лиц), что составляет порядка 20 % от показателя общей занятости» [5, с. 98]. Неформальная занятость представляет собой «занятость, не охваченную системой трудовых и социальных прав как в неформальном секторе экономики, так и вне его, и включает самостоятельную занятость в рамках небольших незарегистрированных предпринимательских инициатив и работу по найму на незащищенных рабочих местах» [2]. Ключевым критерием неформальной занятости и, более широко – неформальных трудовых отношений, выступает отсутствие их регулирования и защиты интересов работников, вовлеченных в такие отношения, со стороны государства.

Доля неформально занятых на рынке труда в России за последние годы составила 44 %, что ненамного меньше половины всего трудоспособного населения [6]. При этом самый большой прирост именно у дистанционной формы занятости, которая осуществляется с помощью цифровых средств. В таблице 1 представлена классификация субъектов неформальной занятости в современной России.

Существует и такая классификация неформально занятых: «самозанятые; получающие серую зарплату; не оформляющие собственную деятельность, приносящую доход (учащиеся и студенты очной формы обучения, домохозяйки, пенсионеры, работающие или подрабатывающие без оформления трудовых отношений, в том числе ради сохранения положенных им социальных выплат и доплат к пенсии)» [7, с. 16].

Таблица 1

Классификация субъектов неформальной занятости

Субъекты	Сферы экономической деятельности
Индивидуальные предприниматели, самозанятые	Любая предпринимательская деятельность
Индивидуальные предприниматели (крестьянские хозяйства), занятые в сфере оказания профессиональных и технических услуг	Сельское хозяйство, врачи, нотариусы и др.
Оказание платных бытовых услуг	Горничные, сторожа, водители, гувернантки, няни, домашние повара и др.
Работающие по найму у индивидуальных предпринимателей	Предпринимательская деятельность
Товарищества, созданные индивидуальным предпринимателем	Предпринимательская деятельность
Производство продукции и последующая реализация на рынке	Сельское хозяйство, охота, рыболовство

Гибкость рынка труда, появление самых разных видов и форм экономической деятельности – позитивные эффекты неформальной занятости, в каком-то смысле неформальные отношения в трудовой сфере выполняют роль «буферной зоны», смягчая сложность и жесткость экономико-правовых формальных отношений работника и работодателя. Фактическая безработица, таким образом, сокращается, а доходы населения увеличиваются.

Причиной неформальной занятости часто определяют несовершенные механизмы экономических институтов. Однако нам представляется, что такие отношения, которые определяют неофициальный механизм взаимодействия работника, работодателя, покупателя, производителя и т.д. (экономических акторов) являются естественным следствием существующей экономической и правовой системы российского общества. У неформальной занятости есть определенные функции в экономической системе. Масштабы распространения неформальной занятости и ее структура во многом обусловлены особенностями институциональной среды [8].

Проводимые Центром социально-политического мониторинга РАНХиГС регулярные опросы фиксируют рост положительного отношения россиян к теневой экономической деятельности: в 2019 г. количество видящих в такой деятельности больше пользы увеличилось среди работающих респондентов более чем на две трети по сравнению с 2016–2017 гг., оценивших ее негативно, уменьшилось почти на 60 %, рассматривающих ее как приносящую обществу и вред, и пользу в равной мере за тот же период стало больше в 1,5 раза [9, с. 56]. Официально оформленное трудоустройство все более наполняется неформальным содержанием, а заключаемый договор оставляет зазор для устной договоренности сторон. В авторском исследовании, проведенном в 2016 г., основными мотивами выбора той или иной формы неформальной занятости выступают: «индивидуализм, личностный детерминизм, свободная конкуренция, ориентация на результат, объективная оценка результатов труда» [10, с. 128]. Такие ценностные ориентировки хорошо сочетаются с профессиональной деятельностью, осуществляемой с помощью цифровых средств.

Результаты и обсуждение: влияние цифровых технологий на характер трудовых неформальных отношений

Цифровизация экономических отношений существенно повысила значение инноваций, информации и новых знаний для работника. Изменилось содержание труда, в нем начинают доминировать творческие

и познавательные составляющие, требования к компетенциям работников также изменились. Креативность и самостоятельность становятся конкурентными навыками на рынке труда.

Неформальная занятость в российском обществе имеет некоторые отличия. Такие характеристики не свойственны многим другим обществам и связаны с формальными трудовыми отношениями. К примеру, одним из вариантов нормы (в проведенном авторском исследовании до 80% респондентов указали как норму) относятся трудовые отношения устной договоренности на рабочем месте или совмещение дополнительных вариантов неформальной занятости в свободное время с основной должностью. Для западных социологов такой вариант неформальной занятости определяется как «атипичная занятость» [11, с. 46].

На рынке труда в России достаточно интенсивно происходит трансформация форм и видов занятости – появляется множество альтернативных трудовых практик, гибких и изменчивых, адаптирующихся к условиям цифровой экономики (фриланс, аутсорсинг, удаленная занятость и тому подобное). Новые формы занятости «вместе с традиционными довольно часто пополняют сферу неформальной занятости населения, которая в последние годы перманентно расширяется» [12].

В проведенном авторском исследовании (осень 2024 г.) приняли участие 350 респондентов трудоспособного возраста (Уфа). Все участники исследования на момент проведения анкетирования состояли на учете в службе занятости РБ. Такая выборка была обусловлена целью исследования – изучить социальные практики неформальной занятости. Были определены следующие формы атипичной занятости, с которыми сталкивались респонденты: работа по срочным трудовым договорам, работа в режиме неполного рабочего времени, заемный труд, а также лизинг персонала, аутсорсинг, аутстаффинг и фриланс. По данным авторского исследования, в течение двух последних лет 12,0 % занятых респондентов работали в гибридном формате (т.е. часть рабочей недели – в офисе, часть – дистанционно), 11,0 % – преимущественно удаленно, а так или иначе сталкивались с атипичной занятостью 75,0 % респондентов. Сталкивались со следующими признаками атипичной занятости: неполное рабочее время (95 %); разделение рабочего места (67 %); временная работа (97 %); работа без «рабочего места» (70 %); работа по совместительству (100 %); самозанятость (45 %); выполнение не предусмотренных трудовым договором обязанностей (96 %).

Все больше работников сталкиваются с нетрадиционными формами занятости, и, напротив, общепринятые признаки стандартных трудовых отношений уже встречаются значительно реже. Так, на вопрос «Знакомы ли вы с кем-либо или сами являетесь примером работы на одного работодателя в течение 20 и более лет?» мы получили утвердительный ответ (15 %), а также на вопрос «Есть ли у вас реальные примеры линейно-ступенчатой карьерной траектории?» был получен утвердительный ответ (17 %).

Атипичной занятости присущи следующие черты: непродолжительность трудовой деятельности, отсутствие гарантии стабильности заработной платы, возможность возникновения различных рисков правового характера в трудовых отношениях [13]. Подобный вопрос был представлен в исследовании. Более половины респондентов согласились, что такие признаки, как временность (непродолжительность трудовой деятельности) и отсутствие гарантии стабильности заработной платы, действительно характеризуют атипичную занятость. Однако 71 % респондентов указал, что и для формальных традиционных трудовых отношений есть точно такие же риски возникновения проблем правового характера, как и в случае с атипичной занятостью, и даже напротив, около половины респондентов отметили, что в случае с неформальной занятостью такие риски в каком-то смысле даже меньше. Также основной риск неформальной занятости, отмеченный исследователями как рост прекаризации (трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также дерегуляция трудовых отношений и неполноценная, ущемлённая правовая и социальная гарантия занятости) [14], респондентами воспринимается не как признак неформальной занятости, а как условие трудовых отношений в целом.

Были определены риски атипичной занятости: самостоятельное планирование профессионального пути и роста (70 % респондентов); гибкие карьерные траектории (40 % респондентов); постоянный мониторинг собственных профессиональных навыков (95 % респондентов); приобретенная специальность не является гарантией трудоустройства (80 % респондентов, почти все лица до 40 лет); обучение в течение всей жизни (*lifelong learning*) (отмечено 85 % респондентов).

Респонденты в ответах на открытые вопросы указывали, что устроившийся на новое место работник также сталкивается с высокими рисками (несмотря на формальный трудовой договор), поскольку он не в состоянии понять, в какой мере трудовой договор будет исполняться. По мнению участников опроса, это касается должностных обязанностей, размера заработной платы, премий, доплат, и в некоторых случаях сроки выплаты заработанной платы остаются неопределенными. И в этом смысле нет разницы между формальными и неформальными трудовыми отношениями.

Интересны ценностные ориентации работников и взгляды на профессиональную деятельность.

65 % респондентов указали на свободу и экономию времени как важное условие для трудовой деятельности, 45 % – высокую степень самостоятельности, 30 % посчитали творчество ценностью трудовой деятельности, и гибкий график работы важен для 68 % участников опроса. Отметим, что традиционные ценности профессионально-трудовой деятельности, такие как стабильность, карьерный рост, комфортные условия на работе и хорошие отношения в трудовом коллективе, также важны, однако можно отметить тенденцию снижения выбора именно таких ценностей (к примеру, в исследовании 2006 г. преобладают ценности, связанные с материальным обеспечением и деньгами) [15, с. 299]. Самореализация и развитие как ценность культуры труда выдвигаются на первый план у работников, такие ориентиры обуславливают выбор неформальной формы занятости.

Повышение цифровой грамотности и изменение ценностных ориентаций работников способствует спросу на более творческие и свободные формы занятости. Статистически также отмечается изменение в образовательных характеристиках трудоспособного населения. Как показывают данные, в последние годы происходит постоянный прирост специалистов с высшим образованием. В 2016 г. доля таких специалистов составила почти 33 %, а уже в 2022 г. – почти 35 % [16]. Это тоже способствует изменениям в структуре профессиональных интересов работников, и уже эти профессиональные интересы отвечают современным тенденциям цифровизации экономики.

Среди мотивов выбора неформальной профессиональной деятельности респонденты отмечают возможность самостоятельно управлять своим временем и распределять его в зависимости от собственных приоритетов (100 %). В то же время подавляющее большинство респондентов отметили (88 %), что им не нравятся нестабильность в поступлении доходов, так как их зарплата зависит от количества выполненных заказов, а также высокую вероятность обмана со стороны работодателя по причине отсутствия соответствующего договора и неполучение социального пакета [6].

Основные профессиональные ценности современных работников: самореализация и развитие; эффективность; гибкость; баланс личной жизни и профессиональной деятельности. Именно таким ценностям отвечают многие формы неформальной занятости в условиях цифровизации. Меняются и ожидания от условий труда: предпочитают «гибкое» рабочее место 65%; снижение количества «рабочих» часов необходимо для 45%; готовы пойти на снижение оплаты и замедление в карьерном росте ради более гибкого графика 48 %.

Новые формы атипичной занятости в целом удовлетворяют современных работников, работник экономит время (поездки, коммуникации), получает высокую степень самостоятельности, возможность гибкого графика работы и творческой деятельности.

По данным проведенного исследования, женщины, молодежь и мигранты чаще выбирают нестандартные формы труда, чем другие группы населения. Возможно, это связано с тем, что на рынке труда именно данные категории считаются наименее защищенными по ряду причин. В частности, традиционные семейные роли женщины часто вступают в ролевой конфликт с профессиональными. Тем не менее только 13 % опрошенных данных категорий подтвердили, что атипичная неформальная занятость – это временное вынужденное решение, остальные ответили, что это осознанный выбор, позволяющий развиваться профессионально и личностно.

По итогам проведенного опроса, а также ряда экспертных данных (участники – работодатели и работники региональной службы занятости), анализа популярных сайтов с дистанционной занятостью (*hh.ru, superjob.ru, freelancejob.ru*), к самым «популярным» формам атипичной занятости можно отнести: дистанционная самозанятость с применением цифровых средств; гибридная форма занятости (сочетание электронной трудовой деятельности с основным местом работы в организации); обучение в вузе и фриланс; предпринимательская деятельность, осуществляющаяся с помощью цифровых площадок или средств; дистанционная занятость безработных.

По сферам профессиональной деятельности наиболее часто встречаются следующие: репетиторство; работа с текстом (копирайтинг и т.д.); программирование и разработка сайтов; дизайн (в том числе графический); проведение различного рода исследований (консалтинг, маркетинг и др.); различные услуги с применением цифровых технологий (фитнес, психологическое консультирование и т.д.).

Работодатели заинтересованы в дистанционной форме занятости, также анализ сайтов, которые чаще всего россияне используют для поиска работы (авито, *hh.ru, superjob.ru*), показал около 10 % вакансий удаленной формы работы. Это вроде бы небольшое количество вакансий, однако почти в каждой пятой вакансии предусмотрена удаленная форма работы, это, во-первых. А во-вторых, анализ содержания вакансий подтвердил, что требования к компетенциям современного работника часто касаются цифровых навыков, в их числе обязательная цифровая грамотность и умение использовать информационные технологии в профессиональной деятельности.

Но цифровизация рынка труда сыграла положительную роль в неформальных трудовых отношениях российского рынка труда. Новые формы атипичной занятости с использованием цифровых средств позволили реализовать иные формы трудовых отношений между работодателем и работником, ранее недоступные. И утверждение, что неформальная за-

нятость определяет более низкий уровень доходов работников [17, с. 61], может быть верно лишь в отдельных случаях. Действительно, неформальная занятость как пример неоформленных трудовых отношений характерна в основном для развивающихся стран. Однако цифровизация рынка труда послужила причиной формирования новых вариантов неформальной занятости, и такие трудовые практики вовсе не связаны с низким уровнем дохода. Некоторые исследователи даже рассматривают цифровизацию как важный фактор противодействия неформальности в сфере занятости [18].

Развитие нетипичных форм занятости может послужить личностному профессиональному развитию, а в целом – укреплению связей между различными сферами жизни работника. «Отказавшись от стереотипа восприятия нестандартных форм занятости как неполноценных и собрав их в единое целое, можно умело контролировать финансовые потоки в разные периоды жизни с учетом различных жизненных обстоятельств. В этом смысле самозанятость, занятость неполный рабочий день, временные подработки, производство благ в домашних условиях (вместо покупки товаров и услуг) могут создать более устойчивый и одновременно гибкий фундамент материального существования, не говоря уже о свободе в распоряжении собственной жизнью» [19].

В авторском исследовании навыки, на взгляд респондентов, востребованные в современных условиях рынка труда, выглядят следующим образом: эмоциональная грамотность – 85 % респондентов; концентрация и управление вниманием – 35 %; цифровая грамотность – 100 %; творчество, креативность – 87 %; экологическое мышление – 63 %; кросскультурность – 48 %; способность к самообучению – 78 %. Многие из указанных навыков напрямую связаны с более свободным и ответственным работником, который на рынке труда выступает в качестве самостоятельного субъекта.

Цифровизация экономики стимулировала распространение новых форм гибкой занятости, дистанционных и гибридных, отвечающих интересам как работодателей, так и работников, и существенно повысила спрос на труд в видах деятельности, сопряженных с обеспечением всех сфер цифровой экономики [9].

В цифровом экономическом пространстве формируются новые коммуникативные системы и открываются принципиально новые перспективы и возможности использования дистанционной работы, включая новые виды деятельности (как, например, телемедицина, госуслуги через интернет и т.п.). С другой стороны, это порождает и новые проблемы в виде активного распространения более свободного и гибкого формата трудовых отношений, с чем придется считаться в будущем и что, возможно, чревато новым витком деформализации трудовых отношений. Позитивный сценарий развития таких неформальных форм занятости связан именно с цифровизацией всех сфер жизни российского общества. С одной стороны, цифровизация рынка труда упростила процедуру установления трудовых отношений и тем самым способствовала развитию различных новых форм неформальной занятости, а с другой стороны, именно такая простота уже снизила негативное влияние излишней бюрократизации трудовых отношений. И в этом смысле цифровизация уменьшает негативное влияние неформальной занятости на рынок труда.

В процессе цифровизации рынка труда формируются новые трудовые практики, которые еще больше усугубляют «неформальность» трудовых отношений, и соответствующие условия для этого уже есть. Участники рынка труда все меньше нуждаются в формализации трудовых практик. Цифровые средства упрощают многие коммуникативные каналы взаимодействия работодателя и работника, формируя различные вариации такого взаимодействия. Социальные условия в российском обществе для развития неформальной занятости благоприятны, а благодаря цифровизации неформальная занятость превращается в социальную практику трудовых отношений.

Если работник в условиях цифровизации экономики получает возможность более эффективно сочетать работу по найму с досугом, учебой, деятельностью в домашнем хозяйстве, то работодатель – оптимизировать свои расходы на трудовые ресурсы, гибко регулируя количество работников и интенсивность их нагрузки. Таким образом, «дистанционная форма занятости выгодна всем участникам рынка труда, новые формы занятости дают более выгодные условия профессионального развития и возможности для реализации человеческого потенциала» [20, с. 245]. И вопрос состоит только в том, как в новых условиях приблизить формальные трудовые отношения к уже сложившимся нетрадиционным атипичным формам взаимодействиям работника и работодателя. Только в этом случае, когда формальная структура рынка труда максимально отражает неформальную можно говорить о социальной защищенности работника. Пытаться создавать препятствия дальнейшему развитию неформальных трудовых форм не имеет смысла, такие отношения уже имеют место как социальные практики. Меры, которые разрабатываются и принимаются, должны быть направлены не на борьбу с новыми формами занятости, а на поддержку и развитие новых нестандартных форм трудовых отношений.

Образуются новые субъекты трудовых отношений – это те категории населения, которые чаще других выбирают нетипичную занятость (женщины, имеющие малолетних детей, в том числе не

имеющие материальной поддержки и воспитывающие детей в одиночку, люди с ограничениями по здоровью, молодежь, которая хотела бы совмещать учебу и работу для получения необходимого опыта, знаний и умений по профессии) [13]. Некоторые «непривлекательные» для работодателя категории работников (например, люди предпенсионного и пенсионного возраста и т.п.) на цифровом рынке труда уже могут конкурировать на общих основаниях с работниками других категорий. Старшее поколение, лица с ОВЗ, женщины с детьми получают новые трудовые перспективы, и таким образом не просто создаются новые формы взаимодействия – меняется вся структура рынка труда.

Новые социальные практики рынка труда приводят к тому, что действующая модель социально-трудовых отношений уже не отражает произошедших в структуре изменений. И если раньше такие изменения касались работников моложе 35 лет, то сейчас мы видим сознательный выбор атипичных форм занятости со стороны самых разных возрастных групп.

Заключение

Цифровизация рынка труда повлияла на многие явления рынка труда, которые теперь выполняют новые задачи. Организация как объект управления теряет свои границы, работник предстает не как объект управленческих воздействий, а именно его профессиональная деятельность и организация этой деятельности теперь выступает объектом управления. Работник в любое удобное время готов к выполнению профессиональных задач – главное организовать собственное профессиональное пространство оптимальным образом. Многие функции управления меняются в таких условиях. Традиционные формы занятости «обрастают» признаками «атипичности». Любой сотрудник организации и любой субъект трудовых неформальных отношений становится автономным, а рынок труда все более сглаживает свою структуру. Работник получает возможности, ранее связанные с управлением: может сам контролировать свою профессиональную деятельность, осуществлять выбор, планировать будущий результат и предполагать, а в некоторых случаях и определять вознаграждение.

Литература:

1. Балог М.М., Демидова С.Е., Троян В.В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда. // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 5. С. 60–74.
2. Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России: влияние и уроки пандемии // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 53–69.
3. Козлова Е.И. Влияние цифровизации на рынок труда // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10. С. 70–77.
4. Подвербных У.С. Организационно-экономические методы обеспечения роста индивидуальной производительности труда рабочих кадров высокотехнологичных промышленных предприятий // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-2. С. 795–802.
5. Миначева Г.Р., Павлова И.В. Неформальная занятость как значимый сектор рынка труда в РФ // Новые вызовы и перспективы развития Российской экономики. Межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Горизонты России», посвященная 110-летию ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». Казань: Казан. нац. исслед. технол. ун-тет, 2017. С. 98–101.
6. Мусаев Б.А. Нестандартная занятость как форма реализации условий нового экономического уклада // Интернет-журнал науковедение. 2017. № 2. С. 41.
7. Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Terra economics. 2015. № 1. С. 14–29.
8. Донова И.В. Социально-экономические последствия неформального найма и пути его снижения // Journal of economic regulation. 2017. № 2. С. 47–60.
9. Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России: влияние и уроки пандемии // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 53–69.
10. Зайнетдинова Л.Ф., Круль А.С. Неформальная занятость как социальный институт рынка труда современного российского общества // Вестник БашГАУ. 2016. №3. С. 125–130.
11. Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
12. Исаев М.Х. Неформальная занятость в России: анализ факторов влияния // Энигма. 2019. №1. С. 136–142.
13. Оздербиева Ж.А., Шершнева О.И., Лямкин И.И. Развитие нетипичных форм занятости на рынке труда // Управленческий учет. 2022. № 11. С. 175–181.
14. Кулькова И.А. Проблемы анализа численности и состава прекариата // Human progress. 2016. Т.2. № 5. С. 3–9.
15. Попова Н.В. Исследование жизненных ценностей молодых работников современного промышленного предприятия как необходимая предпосылка реализации молодежной политики // Воспитание духовности: ценностное содержание высшего профессионального образования. Материалы регион. науч.-практ. конф. 2006. С. 298–302.
16. Труд и занятость в России. Статистический сборник. М., 2023, 180 с.

17. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения // Фундаментальные исследования. 2021. № 1. С. 61– 65.
18. Кубишин Е.С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов. 2022. № 4. С. 521–534.
19. Другова Е.А. Изменение форм занятости в современном мире: тренды, участники, практики. Аналитический обзор. Томск, 2018. URL: https://rabota.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/298/userfiles/files/Приложение%203_%20Изменение%20форм%20занятости%20в%20современном%20мире%20-%20тренды%2C%20участники%2C%20практики%20.pdf
20. Гишкаева Л.Л. Новые формы занятости – новые проблемы // Вестник Алтайской Академии экономики и права. 2021. № 12. С. 242–245.

Informal Employment in the Context of Digitalization of the Labor Market (on the Example of the Republic of Bashkortostan)

Uraev R.R., Krul A.S., Valeeva G.R.
Bashkir State Agrarian University (Ufa)

Modern digital technologies are gradually transforming all spheres of society's life, priorities and values are changing, the needs for intellectual development, self-realization and mastering the skills of processing/saving information are becoming paramount. Under the influence of digitalization, the labor economy is changing, new types of labor activity are being formed, the structure of existing economic relations and the structure of the labor market are changing. Information, acting as the basis of communications, changes not only market segments, but also the norms of economic relations, being the motivator and source of economic actions. The concept of a "digital economic environment" is emerging, where each economic entity operates not only in the economic, but also in the digital space.

The purpose of the study is to analyze the impact of the conditions of digitalization of the labor market on the dynamics and nature of informal employment. The presented work assesses such a phenomenon as informal employment and non-standard forms of employment in the context of the digital economy, and analyzes the reasons for the emergence of new forms of informal employment associated with the use of digital tools in professional activities. The article characterizes the conditions of modern digitalization of the labor market, identifies the reasons for the insufficient use of digital tools in professional activities within traditional forms of employment and the high level of use of digital tools in informal labor relations.

The share of informally employed people in Russia has increased significantly in recent years. This paper examines the digitalization of labor and economic relations as a factor in the growth of informal employment. The work presents the author's comprehensive sociological research conducted in 2024 (survey, expert survey, analysis of static documents), as well as the results of research conducted by RPORC (Russia Public Opinion Centre), Levada Center (2015–2024).

The author's research revealed the positive role of digital informal employment in the professional and personal development of a modern Russian worker. As part of the study of new labor practices, it was found that informal, atypical labor practices in the labor market are increasingly associated with digital means. And the tendency to formalize digital forms of employment into social labor practices will become increasingly evident in the future. These are other forms of interaction between the employee and the employer, the content of which goes beyond the traditional understanding of informal employment. In the future, such practices will become more common, winning their own space in the structure of the labor market.

Keywords: informal employment, non-standard forms of employment, atypical employment, labor market, digitalization, unemployment, employment relations, labor practices, remote forms of employment

УДК 330, 322; 338.2; 340
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-127-137

Системная цифровизация инвестиционного пространства: новая модель управления туристскими проектами

Черкасова А.А.
Преподаватель Университетского экономико-технологического колледжа Сочинского государственного университета

Януров Н.А.
Соискатель кафедры экономики и финансов Сочинского государственного университета

Фероян А.А.
Преподаватель кафедры теории права и государства, истории и философии, заместитель декана факультета экономики и права Сочинского государственного университета

Актуальность исследования обусловлена необходимостью цифровой трансформации государственных площадок для эффективного управления инвестиционными процессами на туристских территориях РФ в условиях развития цифровой экономики. В современных условиях разрозненность инвестиционных площадок и отсутствие единой системы создают существенные барьеры для развития инвестиционной активности.

Цель исследования заключается в разработке методологических подходов к созданию единой цифровой инвестиционной платформы на базе государственных информационных ресурсов. В процессе достижения цели, были решены следующие задачи исследования: проведен анализ текущего состояния инвестиционного климата; выявлены проблемы существующих инвестиционных площадок; разработана концепции единой цифровой платформы; определены механизмы реализации проекта.

Научная новизна исследования состоит в разработке концептуальных основ построения информационно-аналитической системы для системного моделирования туристского инвестиционного продукта. Практическая значимость состоит в возможности применения разработанных подходов для создания единой инвестиционной площадки, способной повысить эффективность управления инвестиционными процессами на туристских территориях.

Основные выводы которым пришли авторы исследования является: необходима комплексная цифровизация инвестиционного процесса, требуется создание единой государственной плат-

формы, важно обеспечить интеграцию всех участников инвестиционного процесса, необходимо повышение финансовой грамотности населения.

Реализация предложенных в исследовании рекомендаций позволит создать эффективную систему управления инвестиционными процессами, повысить инвестиционную привлекательность территорий и обеспечить устойчивое развитие экономики.

Ключевые слова: *цифровое государство, инвестиционная площадка, управление инвестициями, цифровизация, туристские территории*

Для цитирования: *Черкасова А.А., Януров Н.А., Фероян А.А. Системная цифровизация инвестиционного пространства: новая модель управления туристскими проектами // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 127–137. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-127-137.*

Основная задача правовых и экономических наук заключается в интеграции общенаучных методов и исследовании закономерностей развития сложных открытых систем. Особую значимость в этом контексте приобретают принципы синергетики и самоорганизации, активно разрабатываемые в современной научной среде.

Для обеспечения устойчивого развития экономики и правовой системы требуется создание эффективных интеграционных механизмов, объединяющих юридические и экономические структуры различного уровня. Особую роль в этом процессе играют современные цифровые платформы, обладающие потенциалом к самоорганизации и адаптивному развитию. Технологические платформы демонстрируют такие ключевые характеристики, как открытость системы, динамическое развитие, эмерджентность процессов, саморегулируемость и неравновесность структуры.

Благодаря цифровизации налажен необходимый уровень связи для обеспечения работы в онлайн-формате на предприятиях, что положительно сказалось на развитие бизнеса. Так, биометрические технологии в процессе идентификации являются результатом воздействия цифровых технологий. Помимо этого, данные технологии способствовали развитию системы права, оказывая влияние на все его отрасли. Поэтому с недавнего времени правовая доктрина была дополнена новыми институтами и понятиями, например: цифровыми доказательствами, цифровыми следами, цифровыми правами и др.

Из-за постоянного совершенствования технологий цифровой сферы правовая и экономическая отрасли также постоянно изменяются в соответствии с эволюцией цифрового пространства. Особенно удачно такие системы работают на стыке экономики и права.

Так, Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] сформулирована практически полностью цифровая конкурсная система РФ. Заявителю предоставляется возможность подачи заявления о признании должника банкротом через электронный сервис «Мой арбитр», физическое лицо может подать заявление для внесудебного банкротства через портал «Госуслуги». В картотеке арбитражных дел размещается в открытом режиме вся информацию о ходе дела о банкротстве с предоставлением электронных копий судебных актов. Участие в судебном заседании также возможно с помощью системы электронного доступа. Вся информация, связанная с процедурой банкротства, публикуется на сайте Федресурса.

Федресурс – официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности. На нём базируются:

• Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юрлиц, ИП и других субъектов;

• Единый федеральный реестр сведений о банкротстве.

Реализация имущества банкротов также производится с помощью открытых электронных аукционов, сведения о которых размещаются на Федресурсе и коммерческих агрегаторах. В настоящее время проходит пилотную апробацию федеральный маркетплейс по продаже имущества банкротов.

Цифровизация конкурсной системы направлена на повышение эффективности, скорости и качества процессов проведения конкурсов, ускорение предоставления услуг, а также снижение издержек за счет автоматизации и оптимизации рабочего процесса, что повышает лояльность кредиторов и улучшает инвестиционный климат в стране [2]. Цифровизация системы банкротства создает более прозрачную и эффективную среду для инвесторов, защищает интересы кредиторов, что особенно важно для регионов с высокой деловой активностью (например, Краснодарского края).

В современных условиях цифровизация экономики, трансформация социально-экономических процессов и кризисы мировой экономики заставляют страны адаптироваться к новым реалиям. Для успешного преодоления этих вызовов требуются новые методологические подходы и принципы организации экономической деятельности.

Государство, являясь верховным арбитром и главным регулятором, устанавливает на территории страны определённые «правила игры», которые обуславливают поведение субъектов инвестиционной деятельности на рынке капитала. Политика, проводимая государством, воплощается в различных инструментах, которые вместе складываются в полноценный механизм, регулирование которого может стать как драйвером стимулирования инвестиционной деятельности, так и, напротив, сдерживающим фактором [3].

Среди основных таких инструментов можно выделить:

1) налоги и налоговые льготы;
2) создание особых экономических зон;
3) ключевая ставка ЦБ;
4) увеличение государственных расходов;
5) регулирование специфических сфер деятельности;
6) создание платформ «единого окна».

Так, размер ключевой ставки ЦБ РФ напрямую влияет на финансовый результат организаций, поскольку уровень расходов увеличивается пропорционально размеру ставки, что приводит к снижению чистой прибыли и, как следствие, склонности к инвестированию. Налоговые льготы, напротив, снижают налоговое бремя для конкретных организаций и хозяйствующих субъектов, что делает этот инструмент эффективным для развития отдельных отраслей народного хозяйства или территорий, особенно если льготы предоставляются по территориальному принципу (например, особые экономические зоны (ОЭЗ)).

Сам инструмент создания особых экономических зон можно рассматривать как фактор развития отрасли, однако практика показывает, что он не всегда приносит ожидаемые результаты. По оценке Счетной палаты РФ, механизм функционирования особых экономических зон не соответствовал критериям эффективности, а их создание не способствовало существенному развитию регионов. Однако при этом важно сопоставить объем налоговых поступлений в бюджетную систему страны от резидентов ОЭЗ с объемом предоставленных им налоговых льгот (рис. 1).

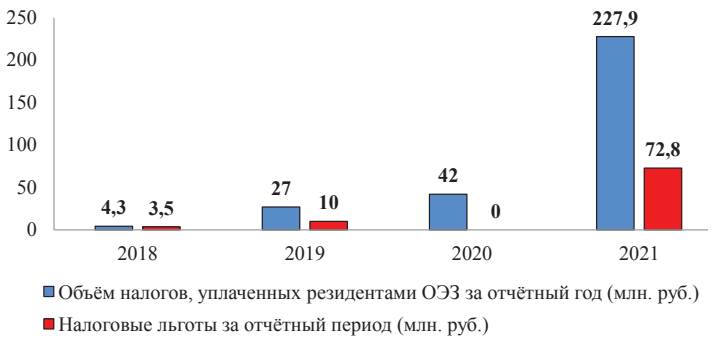

Рис. 1. Объём изъятых налогов и налоговых льгот резидентов особых экономических зон [4]

Что касается международной практики регулирования инвестиционной деятельности на туристских территориях, то налоговая политика весьма разнообразна и часто определяется целями государства. Например, в Италии с 2011 г. введен туристический налог, взимаемый со всех посетителей средств размещения в столицах регионов и популярных туристических дестинациях, таких как Сан-Джиминьяно и Фьезоле. В данном случае государство не стимулирует развитие отрасли и инвестиционного климата, а замедляет его для получения дополнительных бюджетных доходов. Введение налога стало возможным благодаря высокой популярности Италии в международном туризме [1].

Во Франции в период пандемии коронавируса в 2021 г. были введены меры поддержки малых и средних предприятий, в том числе связанных с туризмом, гостиничным и ресторанным бизнесом. Такие предприятия были освобождены от уплаты взносов в социальные фонды страны, что позволило им сохранить бизнес и вернуться к нормальной деятельности после снятия ограничений [5].

В Швейцарии туристам-иностранцам продлили срок, в течение которого они могут получить налоговый вычет по НДС, уплаченному как часть стоимости товаров, приобретённых на швейцарской территории. Ранее этот срок составлял 30 дней, а с 1 августа 2020 г. этот период увеличили до 90 дней, а для туристов из России – 180 дней. В Испании был принят ряд налоговых льгот, направленных на поддержку предприятий туристской отрасли. Так, для таких организаций снижены налоги на недвижимость и предпринимательский налог на 25 %. Великобритания, так же как большинство стран ЕС, снизила ставки НДС для туристической отрасли и отелей. Похожие меры поддержки применяются в странах Латинской Америки: особо распространены меры по отсрочке налоговых платежей, временное освобождение от уплаты НДС, налоговые вычеты и т.д. [6].

В России на территории отдельных регионов действует специальный платёж – туристический сбор, принцип действия которого аналогичен туристическому налогу Италии. То есть туристы за каждый день проживания в гостиницах платят утверждённый на уровне субъекта федерации взнос, который в дальнейшем направляется в специально созданный целевой фонд в региональном бюджете для последующего использования по целевому назначению, а именно на развитие туристической инфраструктуры региона. Данный сбор вводился в качестве эксперимента, по итогам которого было решено внедрить эту практику в налоговую систему России и закрепить её в Налоговом кодексе.

Ключевая ставка Центрального банка, подобно налоговым ставкам, оказывает существенное

влияние на прибыльность организаций. Хотя она не определяет напрямую рыночные процентные ставки по кредитам, но является важнейшим фактором, формирующим их уровень.

Особую значимость ключевая ставка приобретает через механизм стимулирования спроса на деньги. При её повышении растёт не только стоимость кредитных ресурсов, но и доходность депозитных вкладов. В случае высоких значений ставки это может существенно изменить поведение экономических агентов, смещая их предпочтения от инвестирования в сторону сбережений.

Рассмотренные инструменты представляют собой основные методы регулирования экономики, обладающие наиболее значительным влиянием на её развитие. Однако реализация экономической политики в данных направлениях требует учёта специфических особенностей конкретной экономической системы.

В частности, для России, обладающей значительным потенциалом развития промышленного производства, особую актуальность приобретает проблема, известная как «голландская болезнь» или «ресурсное проклятие». Данное явление создаёт определённые трудности для сбалансированного экономического развития страны [7].

Сложившаяся ситуация приводит к снижению производительного эффекта от низких налоговых и кредитных ставок, которые при наличии большого объёма «дешёвой» экспортной выручки будут лишь раскручивать инфляционную спираль. Такое положение дел обуславливает проводимую в России в настоящее время налоговую и денежно-кредитную политику.

Помимо упомянутой причины, можно выделить ещё одну, которая тесно связана со следующим инструментом государственного регулирования инвестиций – государственными расходами. Их можно обеспечить только за счёт увеличения бюджетных фондов, основным источником наполнения которых являются налоги.

Еще одним инструментом регулирования инвестиционной деятельности является создание особых экономических зон. Например, к такой территории относится город федерального значения Севастополь в Республике Крым, где льготное кредитование оказывает более прямое и ощутимое влияние на инвестиционную активность предприятий, чем налоговые инструменты. За 5 лет существования ОЭЗ за счет особого режима на территорию республики было привлечено 157 млрд руб. инвестиций, из них объем капитальных вложений составил более 104 млрд руб. Это привело к строительству гостиниц и прочих средств размещения, тематических парков и других объектов туристской инфраструктуры. Их открытие позволило создать на территории республики и в г. Севастополь только в 2021 г. дополнительно 1585 рабочих мест (рис. 2) [8].

Льготное кредитование выступает существенным драйвером роста инвестиционной привлекательности отрасли, поскольку способствует увеличению рентабельности бизнеса через оптимизацию производственных издержек.

Согласно актуальным данным, при действующих средневзвешенных процентных ставках в российской экономике туристическая отрасль демонстрирует рентабельность на уровне 7 %. Это незначительно превышает показатель оптовой торговли (6,1 %) и существенно уступает таким секторам, как добыча полезных ископаемых (42,8 %) и добыча металлических руд (50,3 %) (рис. 3) [9].

Рост государственных расходов напрямую влияет на уровень потребления в экономике. Это обусловлено ростом благосостояния граждан за счёт

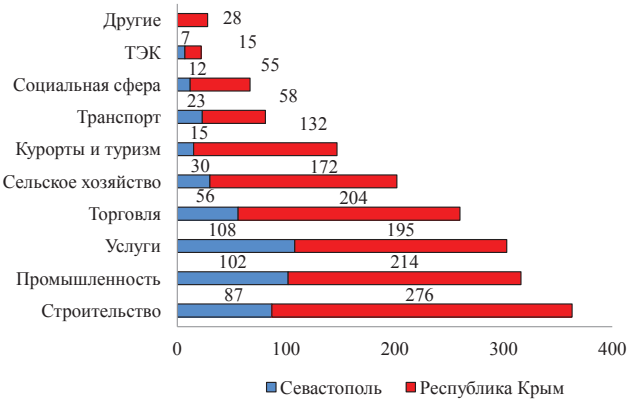

Рис. 2. Распределение инвестиционных проектов по отраслям экономики на территории Республики Крым и г. Севастополь

Рис. 3. Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг при средневзвешенной ставке по долгосрочным займам – 10,9 %, для краткосрочных (до одного года) – 12,4 %

различных форм материальной помощи, а также развитием частного бизнеса благодаря системе налоговых льгот, которые часто имеют возвратный характер (часть уплаченных налогов возвращается налогоплательщику).

Государственные расходы также способствуют увеличению совокупного потребления внутри экономики за счёт государственных заказов и подрядов. Например, такие мероприятия реализуются в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», который включает три федеральные программы: «Развитие туристской инфраструктуры», «Повышение доступности туристских продуктов», «Совершенствование управления в сфере туризма».

Наибольшее финансовое обеспечение получает программа развития туристской инфраструктуры, что требует значительных финансовых и капитальных вложений. Это обосновано потенциальными возможностями, которые будут достигнуты при эффективном исполнении мероприятий программы. Развитие инфраструктуры позволит не только улучшить качество предоставляемых услуг и увеличить ёмкость туристского рынка, но и стимулировать частных инвесторов вкладывать средства в проекты на модернизированных территориях.

Две другие федеральные программы – «Повышение доступности туристских продуктов» и «Совершенствование управления в сфере туризма» – можно рассматривать как вспомогательные, поддерживающие основную программу и создающие вместе с ней синергетический эффект.

Кроме того, государственные расходы могут быть направлены напрямую на инвестирование в отрасли, имеющие ключевое значение для экономики страны, чтобы стимулировать их развитие, или в перспективные проекты, которые потенциально могут принести дополнительные доходы в бюджетную систему. Сам факт государственного инвестирования может сыграть значительную роль для предприятий-бенефициаров, поскольку дополнительные финансовые вливания (часто масштабные) становятся драйвером роста организации. При прочих равных условиях это создаёт образ успешного проекта на рынке и ускоряет приток средств от частных инвесторов [10].

Помимо прямого финансирования, существует целый комплекс косвенных мер, направленных на улучшение инвестиционного климата в стране. Успешное привлечение частных инвестиций невозможно без создания эффективной системы коммуникации между инвесторами и предпринимателями. Именно поэтому государство активно развивает различные инструменты поддержки инвестиционного взаимодействия. Так, например, государство может проводить информационную кампанию по продвижению отдельных инвестиционных инициатив, организовывать бизнес-конференции и форумы, на которых предпринимательские инициативы могут быть представлены потенциальным инвесторам. Также немаловажным можно считать создание электронных площадок, которые бы давали упрощённый доступ всем заинтересованным лицам к существующим стартапам.

В сфере туризма особое значение приобретают специализированные электронные платформы, предоставляющие комплексную информацию о возможностях туристских дестинаций. Эти цифровые ресурсы не только помогают потенциальным путешественникам подобрать оптимальный вариант отдыха, но и способствуют формированию благоприятного инвестиционного климата в регионе. Подобные информационные системы активно внедряются в различных регионах России. Ярким примером служит интерактивный городской гид «Узнай Москву», разработкой и поддержанием которого занимался департамент культурного наследия столицы. В северной столице функционирует официальный городской туристский портал Санкт-Петербурга и мобильное приложение *Visit Petersburg*. Аналогичным образом назван туристский портал Республики Татарстан – *Visit Tatarstan*. В Краснодарском крае туристский портал имеет наименование «Курорты Краснодарского края», в Крыму – «Туристический портал Крыма», в Алтайском крае – «Алтай туристский».

Функционал современных туристических порталов имеет унифицированную структуру, основанную на единой информационной базе. Эти цифровые ресурсы объединяют в себе следующие ключевые компоненты:

• информационный блок с данными об объектах туристического интереса, включая культурные достопримечательности, исторические памятники и природные объекты;

• сервис размещения с информацией о гостиницах, хостелах и других средствах размещения туристов;

• развлекательная инфраструктура с описанием мест отдыха, досуговых центров и развлекательных комплексов;

• транспортная логистика с подробными данными о доступности объектов и возможностью планирования маршрутов.

Интегрированный подход к представлению информации позволяет туристам максимально оптимизировать своё пребывание в дестинации, а бизнесу – повысить узнаваемость и конкурентоспособность на рынке туристических услуг. Таким образом, современные цифровые платформы не только способствуют развитию туризма, но и создают благоприятную среду для привлечения инвестиций в отрасль.

Рост инвестиционной активности для государства выгоден по многим причинам. Ключевым пре-

имуществом данного процесса выступает стимулирование экономического роста через наращивание капитальных вложений и их эффективное распределение в производственный сектор. Интенсификация экономики приводит к росту уровня жизни, повышению престижа страны, увеличению налоговых доходов в бюджетную систему, созданию дополнительных рабочих мест, что сокращает безработицу, способствует развитию инфраструктуры и т.д. [11].

В современных условиях привлечение иностранного капитала становится неотъемлемым элементом экономического развития государства. Так, общее количество проектов в формате прямых иностранных инвестиций в РФ на протяжении 2010-х гг. несколько раз меняло тренд: если начиная с 2011 г. до 2017 г. количество таких проектов скорее росло (со 128 ед. до 238 ед.), то начиная с 2017 г. и по 2020 г. прослеживается их уменьшение (с 238 ед. до 141 ед.) [12; 13]. Объяснить столь стремительное изменение динамики кажется проблематичным по причине огромного количества факторов, влияющих на инвестиционный климат.

Для Краснодарского края туристско-рекреационный комплекс выступает системообразующим элементом экономики, определяющим его социально-экономическое развитие. Инвестиционная активность в данной сфере реализует двойственный эффект: 1) социальный аспект заключается в создании дополнительных рабочих мест на предприятиях, в которые происходят финансовые вложения; 2) экономический – в создании дополнительного валового продукта и увеличение налоговых поступлений в бюджет.

• Инвестиционная привлекательность Краснодарского края подтверждается его устойчивым положением в топ-5 российских регионов. Ключевыми факторами успеха выступают: традиционная ориентация на развитие туризма, высокая ёмкость внутреннего рынка, уникальные климатогеографические характеристики, значительный кадровый потенциал [11].

Государственная поддержка инвестиционной активности реализуется через комплекс мер, которые включают: благоустройство общественных пространств, развитие туристической инфраструктуры, повышение квалификации специалистов отрасли, а также создание благоприятных условий для бизнеса. Эти меры способствуют росту туристического потока и, как следствие, увеличению инвестиционной активности в регионе.

Однако существуют определённые проблемные зоны, к которым можно отнести: недостаточную информированность потенциальных инвесторов о существующих стартапах, неэффективность существующих форматов взаимодействия (форумы, конференции), отсутствие системного подхода к взаимодействию между участниками инвестиционного процесса и др.

Некоторые исследователи отмечают, что одной из главных проблем, замедляющих развитие инвестиционной активности, является отсутствие системного подхода к взаимодействию всех субъектов, заинтересованных в инвестициях [14]. Это негативно сказывается на развитии отдельных направлений туризма и отрасли в целом, что актуализирует необходимость разработки инновационных инструментов взаимодействия между всеми участниками инвестиционного процесса: государством, частными инвесторами и предприятиями туристской сферы.

Анализ текущей ситуации в сфере инвестиционного климата показывает существенные проблемы в функционировании систем поддержки инвесторов. Несмотря на декларируемое создание единых окон для инвесторов, их эффективность остаётся крайне низкой. Ключевой проблемой является отсутствие интегрированной электронной платформы, обеспечивающей прямой доступ к инвестиционным возможностям.

Результаты исследования, проведённого авторами на основе опроса более 70 респондентов по всей территории РФ, подтверждают наличие системных недостатков в организации инвестиционного процесса (рис. 4–7). Данные опроса доступны по ссылке: [*https://forms.gle/68TJFzxHvevCq3mq6*].

Статистический анализ рынка инвестиционных услуг демонстрирует значительный потенциал для развития. Согласно данным аналитического агентства *Tadviser*, в 2022 г. количество квалифицированных инвесторов на российском фондовом рынке составило около 550 тыс. чел [15]. При учёте иностранных инвесторов и других категорий потенциальных инвесторов общая численность респондентов может варьироваться от 100 тыс. до 1 млн чел. Методология исследования предполагает использование верхней границы указанного диапазона с учётом статистической погрешности в 10 %. На основании этих данных было отобрано 68 анкет для проведения детального анализа [16].

Помимо этого, через сервис «Яндекс Вордстат» известно, что общее число запросов по поиску слов «инвестиционная площадка и проекты» порядка трех тысяч, где четверть относится к Южной части России и Республике Крым (табл. 1).

Результаты исследования выявили ключевые потребности различных категорий пользователей в сфере инвестиционного взаимодействия:

– Предприниматели требуют: мгновенного доступа к информации, оперативности получения данных, простоты интерфейса.

– Частные инвесторы нуждаются в: структурированной подаче информации, поэтапной инструкции действий, подтверждённой достоверности данных,

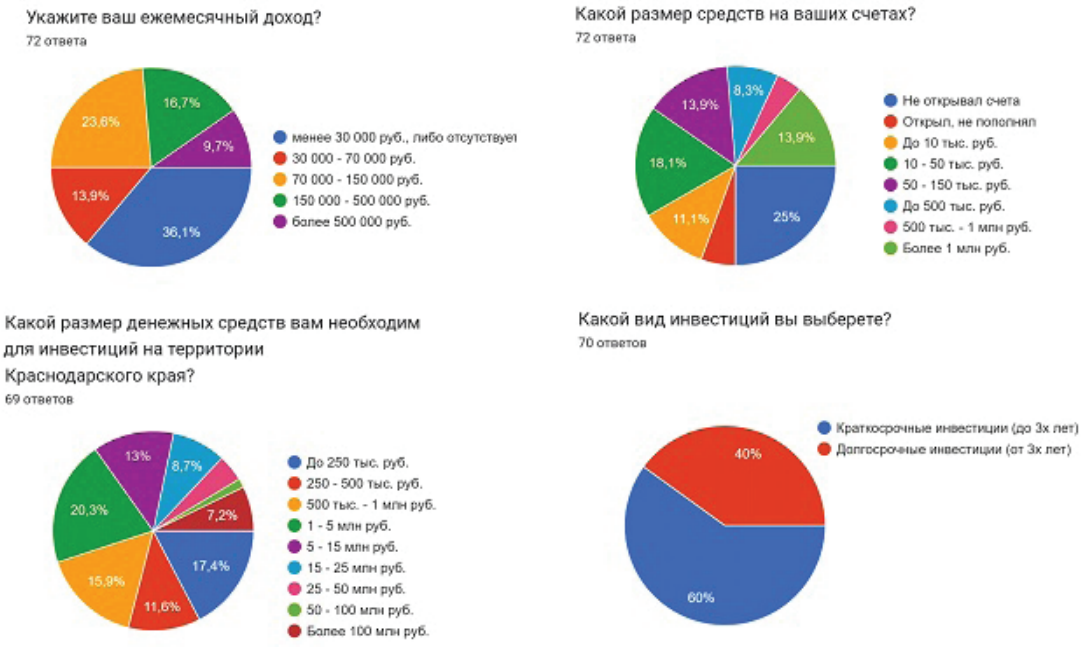

Рис. 4-7. Выдержка из авторского анкетирования населения на тему инвестирования и финансовой грамотности

Таблица 1

Топ запросов по инвестиционным площадкам

Топ запросов	Число запросов	
Формулировка запроса	Россия	ЮГ РФ, Крым
инвестиционные площадки	1445	237
реестр инвестиционная площадка	121	76
инвестиционные площадки Крым	83	73
реестр инвестиционных площадок Крым	74	66
инвестиционная площадка республика Крым	71	65
реестр инвестиционных площадок республики Крым	69	64
инвестиционные проекты площадки	139	21
инвестиционная площадка для ИП	15	13
инвестиционные площадки области	115	9
инвестиционные площадки Бахчисарай	7	7
инвестиционная площадка для ИП на закупку	7	7
формирование инвестиционной площадки	18	7
инвестиционные площадки городов	38	6
инвестиционные площадки для реализации проектов	27	6
инвестиционные площадки района	80	5
инвестиционные площадки в России	49	5
инвестиционные площадки РФ	20	3
карта инвестиционных площадок	42	2
инвестиционная площадка бизнес	50	2
инвестиционные площадки Москва	24	2
инвестиционные площадки региона	24	2
российские инвестиционные площадки	17	1
инвестиционная площадка жемчужина Алтая	47	1

экономической обоснованности предложений, прозрачности условий инвестирования.

Из проведённого авторами опроса следует, что недоверие населения страны к существующим инвестиционным частным площадкам и нежелание вникать в инвестиционные инструменты вызваны разрозненностью подачи информации и обилием предлагаемых услуг. На рисунке 8 представлена выдержка из анкетирования населения на тему инвестирования и финансовой грамотности.

Для эффективного решения проблемы недоверия населения к инвестиционным площадкам необходим комплексный подход с активным участием государства. Оптимальным решением представляется создание единой национальной инвестиционной платформы на базе государственного портала. Эта платформа должна объединить в себе все ключевые элементы, необходимые для успешного инвестирования: образовательный компонент, систему фильтрации инвестиционных проектов, инструменты управления инвестициями, информацию о необходимых ресурсах и механизмы защиты интересов пользователей.

Цифровое государство, запущенное в 2008 г. по инициативе Президента РФ, создаёт прочную основу для реализации этого проекта. Несмотря на значительные достижения в области цифровизации, существуют определённые ограничения,

Продолжение таблицы 1

Топ запросов по инвестиционным площадкам

Топ запросов	Число запросов	
инвестиционные земельные площадки	26	1
лучшие инвестиционные площадки	9	1
паспорт инвестиционной площадки	20	1
инвестиционная площадка поток	10	1
свободные инвестиционные площадки	40	-
инвестиционные площадки для инвестора	30	-
тип инвестиционной площадки	14	-
атлас инвестиционных площадок	6	-
протокол заседаний совещательного органа по инвестиционным площадкам	6	-
свободные инвестиционные площадки в Балашовском районе	6	-
Итого запросов:	2749	684

Источник [17].

Рис. 8. Выдержка из авторского анкетирования населения на тему инвестирования и финансовой грамотности

такие как: не все данные доступны для массового пользователя, отсутствует единая система сбора и анализа информации, а также требуется повышение качества статистических данных.

Международный опыт показывает, что активное государственное участие в развитии цифровых платформ существенно повышает их эффективность. Особенно показателен пример Канады, где системный подход к сбору и анализу данных обеспечивает высокую точность статистических показателей, эффективное планирование развития экономики, качественный контроль финансовых показателей и оптимальное управление кластерами экономики.

Создание единой государственной инвестиционной платформы позволит значительно повысить доверие инвесторов к инвестиционному процессу. Благодаря прозрачности всех операций, упрощённому доступу к инвестиционным инструментам и гарантированной защите интересов всех участников, платформа станет эффективным инструментом развития инвестиционной активности в стране. Такой подход не только укрепит доверие населения к инвестиционным инструментам, но и создаст благоприятные условия для развития экономики через привлечение частных инвестиций в различные секторы экономики.

Практический пример эффективности цифровой трансформации в туристическом кластере Краснодарского края наглядно демонстрирует, как даже небольшие изменения могут принести значительную пользу. Достаточно лишь доработать систему бронирования билетов – как онлайн, так и в офлайн-кассах, добавив опцию указания цели поездки. Это позволит собирать данные для всестороннего анализа: экономического, социального, юридического и медицинского.

Особенно показателен опыт Сочи, где подобная система может принести ощутимые результаты. Анализ потока отдыхающих поможет 28 санаторно-курортным организациям оптимизировать свою работу. Станет возможной идентификация местных и приезжих пациентов, что позволит формировать эффективные лечебные программы для местного населения в периоды низкого спроса. Кроме того, появится возможность выявлять территории с недостаточным туристическим потоком и проводить глубокий анализ перемещений отдыхающих.

Однако отсутствие единой цифровой платформы создаёт серьёзные проблемы – нет комплексного видения регионального продукта, страдает стратегическое планирование, наблюдается разрозненность в градостроительной политике, а управление инвестиционными процессами становится затруднительным.

Текущая ситуация характеризуется тем, что каждая территория – будь то город, республика или экономическая зона – имеет собственную цифровую площадку. При этом все эти платформы отличаются друг от друга интерфейсом, инструментами управления и системой фильтрации данных. Нередко присутствует скрытая реклама, что в совокупности вызывает недоверие со стороны пользователей.

Проведённые опросы показывают, что такой хаотичный подход к представлению информации отталкивает потенциальных инвесторов. Вместо того чтобы использовать экспертные рекомендации, они предпочитают полагаться на собственные ощущения.

В качестве решения проблемы авторы предлагают создать единую государственную информационную площадку, которая будет отвечать современным требованиям: обеспечивать доступность, открытость, ценность и достоверность информации. Особое внимание планируется уделить предоставлению инвесторам подсказок и дополнительной информации на каждом этапе развития их проектов.

При этом выбор проектов будет осуществляться из предложений муниципалитетов, что позволит со-

гласовывать действия с системами градостроения, поддерживать единый стиль проектов и снижать финансовую нагрузку на местный бюджет.

Поэтапный процесс создания проекта для реализации единой инвестиционной площадки представлен в таблице 2.

Платформа обеспечит полную прозрачность инвестиционного процесса. Пользователь, желающий вложить средства в развитие региона, будет чётко понимать все этапы работы и необходимые финансовые вложения. Каждый проект будет сопровождаться определённым документооборотом, а встроенный календарь будет напоминать о формировании отчётности и автоматической уплате налогов.

Экономический эффект будет достигаться через сложные механизмы взаимодействия участников инвестиционного процесса. Например, инвесторы, участвующие в развитии заброшенных территорий, получат право аренды перспективных участков и налоговые льготы, что сделает их участие в проектах более привлекательным.

Для успешной реализации проекта создания единой инвестиционной платформы необходим комплексный подход, включающий следующие ключевые направления:

1. Формирование экспертного совета из представителей систем управления и менеджмента для координации всех процессов.

2. Разработка системы управления инвестициями, которая будет включать: классификацию проектов по муниципалитетам, анализ уровня финансовой вовлечённости, категоризацию по сферам деятельности, оценку сроков окупаемости, определение экономической значимости, учёт общественной полезности. В перспективе возможно редактирование и дополнение фильтров.

3. Создание механизма планирования инвестиционных процессов с учётом экономических, экологических и медицинских показателей.

4. Внедрение системы контроля для представления интересов крупных агломераций.

5. Формирование единой электронной площадки государственного уровня, доступной для инвесторов любого уровня подготовки, с постоянным сопровождением специалистов и экспертов.

6. Разработка международной версии платформы для привлечения иностранных инвесторов.

7. Реализация программы повышения финансовой грамотности населения.

Реализация проекта требует чёткого планирования всех этапов работ и соответствующего финансирования. На подготовительном этапе, который займёт 2–3 месяца, предстоит провести комплексный анализ рынка и выполнить юридическое оформление (200 тыс. руб.). Также необходимо согласовать проект с регулирующими органами и сформировать команду специалистов (800 тыс. руб.). Общая стоимость подготовительного этапа составит 1 млн руб.

Следующий этап – разработка технического задания, которая займёт 1–2 месяца. После этого начнётся создание технической платформы, включающее разработку, внедрение и интеграцию систем (6 месяцев, 7 млн руб.). Параллельно будет осуществляться разработка образовательного контента, который включит учебные программы, видеоматериалы, тесты и практические задания. Этот этап продлится 3 месяца и потребует 1 млн руб.

После создания всех компонентов планируется этап тестирования и запуска платформы, который займёт 3 месяца и обойдётся в млн руб. После запуска проекта потребуются регулярные расходы: на маркетинг и продвижение – 1 млн руб. ежемесячно и на техническую поддержку, обновление и развитие платформы – 1 млн руб. ежемесячно. Существенно оптимизировать затраты позволит привлечение государственных учреждений и организация конкурсных процедур.

Для успешной реализации проекта потребуется команда высококвалифицированных специалистов, в которую войдут: руководитель проекта и проектный офис, экономисты и социологи, маркетологи и *PR*-специалисты, эксперты-преподаватели и методологи, технические писатели и веб-разработчики, *UI/UX*-дизайнеры и системные администраторы, тренеры, кураторы и методисты, контент-менеджеры и таргетологи,

Таблица 2

Поэтапность реализации проекта

1. СОВЕТ ЭКСПЕРТОВ			
Методический материал			
Планирование процессов			
Контроль процессов			
2. ЕДИНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ПЛОЩАДКА			
2.1. СОВЕТ ЭКСПЕРТОВ	**2.2. ПОЛЬЗОВАТЕЛИ**	**2.3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОСТУП**	
Методический материал	Обучение	Обучение	
Планирование процессов	Инвестиционная деятельность	Инвестиционная деятельность	
Контроль процессов	Ведение активов	Ведение активов	

HR-специалисты и бухгалтеры, юристы и специалисты службы поддержки, аналитики и модераторы.

Детально авторская схема маршрутизации реализации проекта представлена на рисунке 9.

Успешная реализация проекта требует тесного взаимодействия всех участников процесса. Только при условии эффективной коммуникации между всеми инстанциями возможно достижение поставленных целей.

Государство располагает широким спектром инструментов для регулирования экономической деятельности, включая инвестиционные процессы. Через налоговую, денежно-кредитную и нормативную политику, а также прямое экономическое участие возможно создание благоприятного инвестиционного климата.

Однако для долгосрочного успеха технологические платформы должны соответствовать принципам синергетики. Это позволит: обеспечить конкурентоспособность на внутреннем рынке, укрепить позиции на международной арене, создать устойчивую основу для развития экономики и привлечь дополнительные инвестиции в ключевые отрасли.

Реализация предложенных мер станет важным шагом в развитии инвестиционной привлекательности страны и создании современной цифровой экосистемы для эффективного взаимодействия всех участников инвестиционного процесса.

Рис. 9. Маршрутизация реализации единой инвестиционной площадки

Литература:

1. Отчёт UNWTO: международный и внутренний туризм в 2021 г. URL: https://b2b.ostrovok.ru/blog/otchyot-unwto-mezhdunarodnyj-i-vnutrennij-turizm-v-2021-godu (дата обращения: 24.03.2025 г.).
2. Статистический релиз Федресурса Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 г. URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статрелиз%202024.pdf (дата обращения: 24.03.2025 г.).
3. Костомарова С.А. Роль государства в механизме стимулирования частных инвестиций // Форум молодых ученых. 2018. № 6-2 (22). С. 321–325.
4. Кузнецов Н.Г., Цепилова Е.С. Роль особых экономических зон туристско-рекреационного типа в развитии туризма и индустрии гостеприимства в РФ // Финансовые исследования. 2022. № 4 (77). С. 41–49.
5. Матыцын А.В., Колчин С.П. Меры финансовой и налоговой поддержки экономики и населения в период пандемии по Франции // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 12. С. 3041–3054. DOI: 10.18334/epp.11.12.113963.
6. Сидорова Е.Ю. Российская и зарубежная практика налогового регулирования туристического бизнеса // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 2.

С. 139–144. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-138-1145. УДК 33.336.13(045).
7. Хейфец Б.А. Российский синдром голландской болезни // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 6. С. 78–91.
8. За пять лет работы СЭЗ в Крыму в экономику региона привлечено порядка 157 млрд инвестиций // Официальный сайт министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/za_pyat_let_raboty_sez_v_krymu_v_ekonomiku_regiona_privlecheno_poryadka_157_mlrd_investiciy.html.
9. Паранина Т.О. Анализ инвестиций в туристско-рекреационный комплекс Республики Крым // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 239–246.
10. Шакирова А.И. Недостаточно используемый инструмент управления в сфере регионального туризма (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 32–35.
11. Рубцова Н.В. Бюджетные расходы на развитие индустрии туризма в РФ в контексте реализации федеральных целевых программ // АНИ: экономика и управление. 2023. № 1 (42). С. 110–113.
12. ВТО: Доклад о мировой торговле 2023. URL: https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287074102 (дата обращения: 24.03.2025 г.).
13. Чугунов А. Плюс-минус прямые иностранные инвестиции // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant. ru/doc/6109611 (дата обращения: 17.07.2025 г.).
14. Сомов В.А. Влияние инвестиций на экономику государства // Символ науки. 2022. № 3-2. С. 36–39.
15. Общее число запросов инвестиционная площадка. URL: https://wordstat.yandex.ru/?region=225%2C-3%2C-17%2C-40%2C-59%2C-73%2C-102444%2C-52&view=table&words=инвестиционная%20площадка
16. Фондовый рынок России // Аналитическое агентство Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/a/481622.
17. Платформа Тестограф. URL: https://www.testograf.ru/ru/blog/skolko-respondentov-nuzhno-dly.

System Digitalization of the Investment Space: a New Model for Managing Tourism Projects

Cherkasova A.A., Yanurov N.A., Feroyan A.A.
Sochi State University

The relevance of the research is due to the need for digital transformation of state platforms for effective management of investment processes in tourist territories of the Russian Federation in the context of digital economy development. In modern conditions, the fragmentation of investment platforms and the lack of a unified system create significant barriers to the development of investment activity.

The purpose of the research is to develop methodological approaches to creating a unified digital investment platform based on state information resources. In achieving this goal, the following research objectives were addressed: analysis of the current state of the investment climate; identification of problems of existing investment platforms; development of a unified digital platform concept; determination of project implementation mechanisms.

The scientific novelty of the research lies in the development of conceptual foundations for building an information-analytical system for systematic modeling of the tourist investment product.

The practical significance lies in the possibility of applying the developed approaches to create a unified investment platform capable of improving the efficiency of investment process management in tourist territories.

The main conclusions of the research are as follows: comprehensive digitalization of the investment process is necessary; creation of a unified state platform is required; integration of all participants in the investment process must be ensured; improvement of financial literacy of the population is essential.

Implementation of the recommendations proposed in the research will allow creating an effective system for managing investment processes, increasing the investment attractiveness of territories, and ensuring sustainable economic development.

Keywords: digital state, investment platform, investment management, digitalization, tourist territories

УДК 338.242:339.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-138-143

Геоэкономическая турбулентность как источник внешних угроз экономической безопасности России в 2025 г.

Шлычков В.В.
Доктор экономических наук, профессор, главный редактор рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

В статье на основании ретроспективного анализа выявлены первопричины, условия и этапы формирования мировой экономической системы, основанной на доминировании Запада и определены мотивы усилий последнего по недопущению альтернативной глобализации. Используя результаты ситуационного анализа, автор дает оценку текущего состояния глобальной экономики, выделяя в качестве ключевых характеристик её высокую турбулентность и неопределенность. Опираясь на доказательный подход и экспертные оценки, в работе показаны направления трансформации мировой экономики и обосновывается безальтернативность процесса перехода к многополярному мировому порядку, значительно ускорившегося в 2025 г. из-за развязанной новой американской администрацией во главе с Д. Трампом тарифной войны.

Научная новизна исследования выражается в определении и классификации актуальных внешних угроз экономической безопасности России, адекватная оценка которых позволит государству и российским экономическим субъектам выработать сбалансированную стратегию противодействия и минимизации потенциальных негативных издержек, а также определить инструменты и механизмы её практической реализации.

***Ключевые слова**: геоэкономическая турбулентность, внешние угрозы экономической безопасности, неопределенность экономической среды, глобальная экономика, тарифная война, санкционное давление*

***Для цитирования:** Шлычков В.В. Геоэкономическая турбулентность как источник внешних угроз экономической безопасности России в 2025 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 138–143. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-138-143.*

Произошедший в середине 80-х гг. XX в. развал социалистического лагеря и последующий за ним роспуск СССР ознаменовали окончание глобального идеологического противостояния между социализмом и капитализмом, формализовав победу последнего через установление однополярного мирового порядка с бесспорным американским доминированием. Уход с мировой арены альтернативного центра силы и единственного на тот момент геополитического противника окончательно снял для США все сколько-нибудь значимые внешние угрозы развития. Это позволило форсировать наметившийся процесс глобализации экономики, при котором все субъекты должны были действовать по правилам, установленным страной-гегемоном, и беспрекословно исполнять определенные ею роли и функции, порой не считаясь с собственными национальными интересами и самоограничивая свой суверенитет. И при молчаливом согласии российского общества действующая тогда власть фактически согласилась с отведенной нашей стране в рамках глобального разделения труда ролью «мировой

бензоколонки» и источника сырья, поставив под внешний контроль почти все сферы национальной экономики, включая построенный по западным лекалам финансово-банковский сектор. При этом заявленные западными партнерами инвестиции, как правило, направлялись в торговлю и сырьевые отрасли, а передача инновационных технологий носила ограниченный характер и не затрагивала промышленное производство и базовые отрасли. Как следствие, внутренний российский рынок был почти полностью заполнен западными товарами, а отечественные товаропроизводители, ограниченные в доступе к технологическим инновациям и оставшиеся без финансовой поддержки, не выдержав конкуренции, стали массово закрываться, инициировав деиндустриализацию экономики и ликвидацию ряда её ключевых отраслей, включая тяжелое машиностроение, судостроение, гражданское авиастроение и т.д.

Понимание ошибочности выбранной стратегии интеграции России в мировую экономическую систему стало приходить к власти и обществу постепенно с начала 2000 гг., одновременно с переосмыслением собственных национальных интересов и пониманием необходимости возвращения утраченного суверенитета. И уже первые практические шаги по его восстановлению встретили ожесточенное сопротивление коллективного Запада, развязавшего с нашей страной полноценную войну, спровоцировав в рамках реализации на Украине проекта анти-Россия начало специальной военной операции (далее – СВО). При этом российская экономика начиная с 2014 г., испытывает на себе постоянно усиливающее санкционное давление коллективного Запада и на начало второго полугодия 2025 г. количество политически мотивированных и незаконных введенных рестрикций и ограничений превысило 30 тыс. (из них свыше 92 % приходятся на период после конца 2022 г.) [1] с устойчивым трендом на его дальнейшее продолжение, как минимум, в краткосрочной перспективе, что подтверждается активизацией Евросоюзом в сентябре текущего года работы над 19-м пакетом антироссийских санкций [2].

Необходимо отметить, что в силу тождественности целей и инструментов их достижения начавшееся в «нулевых» поэтапное восстановление российского суверенитета протекало синхронно с процессом формирования многополярного мироустройства и стало своеобразным триггером для большинства акторов последнего. На своем примере Россия доказала не только безальтернативность, но и возможность суверенизации и полного восстановления международной субъектности, отсутствие которых в условиях однополярности фактически лишают страны права влиять не только на мировые социально-экономические процессы, но даже элементарно определять собственную судьбу. И совершенно очевидно, что Запад, много лет извлекающий геоэкономическую ренту из базирующейся на установленных им правилах функционирования системы международных отношений, будет всячески противодействовать процессам её трансформации в направлении многополярности, используя для этого все имеющиеся в его распоряжении инструменты и механизмы, включая экономические санкции и шантаж.

Высокая неопределенность – как ключевая характеристика текущего состояния мировой экономической системы

С самого первого дня основной отличительной чертой наступившего 2025 г. стала геополитическая и геоэкономическая неопределенность, спровоцированная сначала программными заявлениями вновь избранного 47-го Президента США Д. Трампа, а затем и активной экономической политикой его администрации, которая стала реализовываться через механизм заключения тарифных «сделок» с торговыми партнерами. За очень короткий срок новая американская администрация, используя нигде не зафиксированное право на исключения в основанном на правилах миропорядке, «выпустила» в геоэкономическое пространство целую стаю рукотворных «черных лебедей», чем окончательно подорвала основы созданной именно США системы мировой торговли. Как нам кажется, переосмыслив уроки пандемии COVID-19 и осознав высокую степень уязвимости американской экономики, Дональд Трамп через введение заградительных пошлин фактически взял курс на её неоиндустриализацию и восстановление производственно-технологического суверенитета, переложив значительную часть издержек модернизации на своих торговых партнеров, вынужденных принять новые реалии. При этом американская администрация одновременно пытается максимально ограничить альтернативную глобализацию и не допустить усиление влияния формирующихся новых центров экономического роста, осознавая реальность угроз собственной экономической безопасности, обусловленных возрастанием международного авторитета и усилением активности государств БРИК и ШОС [3; 4].

Опираясь на закон «О чрезвычайных международных экономических полномочиях 1977 г. (IEEPA)», Д. Трамп 2 апреля 2025 г. издал свой указ № 14257, которым ввел чрезвычайное положение в связи с отрицательным торговым дисбалансом и неблагоприятным для США распределением производств [5], тем самым фактически вступив в экономическое противостояние с остальным миром, что моментально вызвало обвал мировых фондовых бирж, на восстановление полноценной работы которых потребовалась не одна неделя.

Развязанная под лозунгом «Сделаем Америку снова великой» тарифная война без преувеличения

потрясла глобальную экономику, приостановив её рост и затронув без каких-либо исключений практически всех её субъектов, вынужденных в полной мере испытать на себе уже негативные издержки процесса глобализации. Причем её «жертвами» стали не только открытые или латентные противники американской гегемонии, но и её самые ближайшие союзники, такие как Великобритания, Япония, Германия и т.д., являющиеся активными сторонниками однополярного мироустройства и полностью признающие лидерство США во всех без исключения сферах. И если за последние два века Запад решал свои экономические проблемы в основном за счет межгосударственных и коалиционных войн или разграбления национальных богатств стран третьего мира, то Д. Трамп создал прецедент невооруженного перераспределения экономического потенциала внутри самой геополитической конструкции, узаконив практику искусственного ограничения экономического развития стран-сателлитов ради процветания единственного гегемона в лице США.

При этом, несмотря на неоднозначность оценок применяемой администрацией США тарифной дипломатии и высокую степень непредсказуемости её социально-экономических эффектов в перспективе, в моменте она показывает свою эффективность и американская казна уже получила от введенных тарифов значительные дополнительные поступления, рост которых, по данным Минфина США составил от 7,3 млрд долл. в январе до 27,7 млрд долл. в июле 2025 г. [6]. При чем Д. Трампу удалось не просто «продавить» большинство партнеров на признание новой экономической реальности в торговле с США, но и провести своеобразную «встряску» сторонников однополярного мирового порядка, которые за очень короткий период перешли от стадии отрицания к стадии принятия, дезавуировав свои громкие заявления, сделанные в крайне короткий период имитации торга с гегемоном. В частности, сегодня лидеры ЕС пытаются выдать за дипломатический успех соглашение о 15 % тарифах на свой экспорт в США, полностью игнорируя факт их предыдущего отсутствия и достаточно своеобразно интерпретируя мотивы своих действий.

В то же время необходимо учитывать, что на текущее состояние глобальной экономической среды оказывают влияние не только США и страны Запада, но и не входящие в этот круг экономики Китая, Индии, России, Бразилии и других стран, совокупный экономический потенциал которых способен не просто конкурировать с возможностями G7, но и в перспективе обойти эту группу не только по паритету покупательной способности, но и по номинальному ВВП. Совершенно логичным является тот факт, что, реализуя собственную национально ориентированную экономическую политику, эти не входящие в западный блок государства, в значительной степени влияют и на мировой рынок, цены на котором сегодня в значительной мере определяются производственными возможностями и запросами последних, а значит, глобальная экономика уже фактически функционирует в реалиях многополярности и наличия альтернативных Западу центров роста.

Геоэкономическая турбулентность как источник внешних угроз экономической безопасности России

Мы считаем достаточно спорной позицию ряда наших коллег, считающих, что «экономическая безопасность государства зависит главным образом от экономических процессов, происходящих во внешней среде» [7, с. 67] и в своих исследованиях исходим из того, что «экономические успехи любого государства определяются в основном тем, что происходит у него внутри» [8], признавая при этом текущее доминирование именно внешних аспектов в перечне актуальных угроз и факторов сдерживания экономического роста России.

За последние десятилетия национальное хозяйство нашей страны достаточно глубоко интегрировалось в глобальную экономическую систему, и любые изменения мировой экономической среды сегодня в полной мере затрагивают и российскую экономику, разнонаправленно воздействуя на процесс её экономического роста. Неожиданно развязанная в апреле 2025 г. администрацией США тарифная война значительно усилила геоэкономическую неопределенность и привела в состояние шока всех субъектов мировой экономики, а для российских экономических агентов стала малоприятным дополнением к западному санкционному давлению. И хотя непосредственно Россия пока не подвергалась Д. Трампом дополнительным тарифным ограничениям, угроза их потенциального введения периодически возникает в актуальной повестке западных лидеров и является инструментом давления на нашу страну.

При этом все актуальные внешние угрозы для российской экономики можно условно разделить на две большие группы: угрозы, обусловленные трансформацией глобальной экономики в связи с тарифной политикой США и ответной реакцией субъектов мировой экономики, и угрозы расширения антироссийских экономических санкций и усиления западного давления.

Угрозы первой группы не направлены непосредственно на РФ и напрямую связаны с наблюдаемыми изменениями мировой экономической среды, разрушением устоявшихся глобальных технологических и логистических цепочек и замедлением темпов, а в ряде случаев и прекращением роста национального хозяйства таких ключевых игроков, как Китай, Индия, Германия, Великобритания и др. Спровоцированное протекционистскими действиями администрации США переформатирова-

ние системы мировой торговли дестабилизировало глобальный рынок и негативно отразилось на протекающих там экономических процессах, предопределяя неизбежное охлаждение глобальной экономики, снижение ВВП и мировых цен на энергоносители, а также падение покупательной способности населения и потребительского спроса при одновременном росте цен на товары из-за искусственно созданных дополнительных издержек. Кроме того, внутренняя инфляция в самих США, вероятно, приведет к ужесточению политики Федерального резерва, что, в свою очередь, спровоцирует отток капитала с развивающихся рынков и ускорение общемировой инфляции.

Вторая группа актуальных угроз экономической безопасности России напрямую связана с многолетней и системной политикой коллективного Запада по ослаблению нашей страны и попытками ограничить её социально-экономическое развитие любыми способами, включая те, что выходят за рамки честной и открытой конкуренции. И к этой группе мы можем отнести угрозы введения вторичных санкций в отношении покупателей российского сырья, риски изъятия замороженных золотовалютных резервов, разрабатываемый ЕС 19-й пакет антироссийских санкций и потенциальную возможность присоединения к нему США. Необходимо учесть, что тактика созданной антироссийской коалиции изначально базировалась на политической и экономической изоляции России, максимальном ограничении доступа к мировым финансам и инновационным технологиям, а также перекрытии возможных каналов валютных поступлений в казну. И подчас преувеличивая сырьевую зависимость российской экономики, коллективный Запад именно рестрикции в международных финансовых расчётах и поставках углеводородов сделал основными инструментами своей санкционной политики в отношении России. В 2025 г., стремясь сократить экспортные доходы РФ, ЕС уже снизил действовавший с 2022 г. потолок предельно допустимых цен на российскую нефть с 60 до 47,6 долл. за баррель [9], что в купе с расширением санкций против «теневого» танкерного флота увеличивает логистические риски и повышает издержки экспорта нефти, тем самым усиливая давление на цены основного российского экспортного сорта *Urals*. Как следствие, многие предприятия ТЭК из-за своего тяжелого финансового положения отказались от выплаты текущих дивидендов, тем самым понизив свою инвестиционную привлекательность и ставя под сомнение реалистичность своих перспективных планов развития. Кроме того, страны антироссийской коалиции постоянно мониторят внешнеэкономическую деятельность РФ, выявляя способы и механизмы преодоления западных санкций и перекрывая каналы поступления технологий, оборудования и валюты. И совершенно очевидно, что нас ожидает дальнейшее расширение вторичных санкций в отношении торговых партнеров России, эффективность которых напрямую будет зависеть от степени их суверенности и политической воли национальных элит. Так, неожиданно для Запада не только Китай, но и Индия не поддались тарифному шантажу Д. Трампа и, несмотря на прямые угрозы США, в соответствии со своими национальными интересами пока продолжили закупку российской нефти, тем самым продемонстрировав всему миру свою приверженность многополярности.

Выводы и заключение

1. Мировая экономическая система сегодня находится в состоянии турбулентности и повышенной неопределённости, вызванной развязанной США тарифной войной и ответной реакцией других акторов глобальной экономики, а также форсированием процесса перераспределения социально-экономического потенциала в направлении динамично развивающихся экономик стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Глобального Юга. При этом, стремясь сохранить свою целостность и адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям функционирования, она трансформируется в направлении многополярного устройства, снижающего риски дальнейшей дестабилизации за счёт их перераспределения среди более широкого круга обеспечивающих её рост субъектов.

2. Делать сегодня окончательные выводы о векторе влияния экономической политики Д. Трампа на мировую экономику, безусловно, пока еще преждевременно, т.к. большинство его решений имею отложенный эффект, возможность оценить который появится как минимум в конце 2025 г. с опубликованием статистики. Однако, несмотря на громкие заявления американских властей, в США по-прежнему продолжает нарастать торговый дефицит, который в июле увеличился на 22 % [10].

3. Коллективный Запад во главе с США предпримет максимальные усилия для замедления процесса многополярной трансформации глобальной экономики и сохранения своего доминирования в мире, используя для этого все имеющиеся в его распоряжении средства и инструменты, включая эмиссию выпускаемых им резервных валют (доллар США, фунт стерлингов, евро, японская иена), а также контроль над мировой финансово-банковской системой и большинством международных организаций.

4. Для недопущения перерастания существующих на сегодня потенциальных внешних угроз экономической безопасности России в реальные, необходимо максимально использовать потенциал таких международных организаций, как БРИКС и ШОС, в которых наша страна занимает лидирующие позиции. И, несмотря на то, что эти объединения не являются полноценными межгосударственными

союзами, можно отметить устойчивые тенденции возрастания их влияния на мировую экономическую систему и укрепления социально-экономического потенциала входящих в них стран. А реализация заявленной Президентом РФ В.В. Путиным на саммите Шанхайской организации сотрудничества в китайском Тяньцзине инициативы по созданию собственной платёжно-расчётной инфраструктуры позволит существенно ограничить влияние Запада на трансграничные проекты стран-участниц и расширит существующую практику взаиморасчётов в национальных валютах.

5. Несмотря на активизацию процесса формирования новых альтернативных мировых центров роста, западная экономика, обладая рядом неоспоримых конкурентных преимуществ и правом контроля за эмиссией основных мировых резервных валют, пока по-прежнему играет ключевую роль в мировом хозяйстве, а принимаемые её лидерами решения в той или иной степени отражаются на проводимой экономической политике практически всех международных объединений и государств, включая Россию. И единственным эффективным способом минимизации негативных последствий неоколониальной и протекционистской экономической политики коллективного Запада является укрепление собственного социально-экономического и технологического суверенитета, опирающегося прежде всего на собственный потенциал, показатели использования которого пока достаточно далеки от идеала.

Литература:

1. Количество санкций против России превысило 30 тысяч. URL: https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html
2. В ЕС вновь обсудили санкции против России. URL: https://24.kz/ru/news/in-the-world/727193-v-es-vnov-obsudili-sanktsii-protiv-rossii
3. Малышев Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2024;16(2):9-31. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31
4. Волков А.П., Шангараев Р.Н. Сопряжение БРИКС, ШОС и ЕАЭС в контексте формировании многополярного мира // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 2. С. 153-163. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-2-153-163.
5. Fact Sheet // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-declares-national-emergency-to-increase-our-competitive-edge-protect-our-sovereignty-and-strengthen-our-national-and-economic-security/
6. Тарифная политика Трампа принесла бюджету США миллиарды долларов. URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/тарифная-политика-трампа-принесла-бюджету-сша-миллиарды-долларов/3658599
7. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
8. Rodrik D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton: Princeton University Press, 2007. 263 p.
9. Петрова А. Норвегия снизила потолок цен на нефть из РФ до 47,6 долларов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2025. 7 сентября. URL: https://www.kp.ru/online/news/6558107 (дата обращения: 20.09.2025).
10. World Bank. 2024. CHAPTER 1. GLOBAL OUTLOOK. Washington, DC: World Bank. 50 p.
11. Шлычков В.В. Ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности России в условиях перманентного санкционного давления коллективного запада и проведения СВО // Современные проблемы и перспективы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов: сб. статей Межд. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 171–176.
12. Санкции против России: актуальная статистика. URL: https://x-compliance.ru/statistics

Geoeconomic Turbulence as a Source of External Threats to Russia's Economic Security in 2025

Shlychkov V.V.
The Review of Economy, the Law and Sociology (Kazan)

The article, based on a retrospective analysis, identifies the root causes, conditions, and stages of formation of the global economic system based on Western dominance, and defines the motives behind the latter's efforts to prevent alternative globalization. Using the results of situational analysis, the author assesses the current state of the global economy, highlighting its high turbulence and uncertainty as key characteristics.

Relying on an evidence-based approach and expert assessments, the paper shows the directions of transformation of the global economy and substantiates the inevitability of the transition to a multipolar world order, which significantly accelerated in 2025 due to the tariff war unleashed by the new US administration led by D. Trump.

The scientific novelty of the research lies in identifying and classifying current external threats to Russia's economic security. An adequate assessment of these threats will allow the state and Russian economic entities to develop a balanced strategy for countering and minimizing potential negative costs, as well as determine the tools and mechanisms for its practical implementation.

Keywords: geoeconomic turbulence, external threats to economic security, uncertainty of the economic environment, global economy, tariff war, sanctions pressure

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-144-148

Повышение эффективности казначейского сопровождения государственного оборонного заказа как фактор укрепления экономической безопасности системы госзакупок РФ

Шлычков В.В.
Начальник Межрегионального филиала
Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке

В работе на основе ретроспективного и нормативного анализов дана характеристика законодательства о госзакупках, проведена оценка существующей системы исполнения гособоронзаказа (ГОЗ) и её отдельных элементов, определен круг и функции субъектов, обозначены национальные цели в данной сфере и предложены механизмы и инструменты их достижения. Используя результаты ситуационного и функционального анализов автором сформулировано определение понятия «экономическая безопасность системы госзакупок ГОЗ», обозначены ключевые угрозы её защищённости и предложены методы купирования последних. Применяя сравнительный анализ и доказательный подход, в статье рассматриваются пути повышения эффективности госзакупок в целом и ГОЗ в частности, акцентировано внимание на процессах цифровизации и внедрении ИИ в проводимые контрольные мероприятия и предварительную антикоррупционную экспертизу контрактов и законодательства в данной сфере. Опираясь на метод научной абстракции и факторный анализ, автор выявляет и показывает корреляционную зависимость между уровнем экономической безопасности существующей системы госзакупок ГОЗ и их экономической эффективностью. Раскрытие заявленной темы позволит сформировать алгоритм непрерывного совершенствования системы государственных закупок и укрепления её экономической безопасности.

***Ключевые слова**: национальная безопасность, гособоронзаказ, экономическая безопасность системы государственных закупок ГОЗ, казначейское сопровождение, система государственного контроля, эффективность государственных расходов*

***Для цитирования:** Шлычков В.В. Повышение эффективности казначейского сопровождения государственного оборонного заказа как фактор укрепления экономической безопасности системы госзакупок РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 144–148. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-144-148.*

Категория «экономической безопасности» практически не являлась самостоятельным объектом исследования советской науки, и только переход современной России к рыночным принципам функционирования национального хозяйства спровоцировал постоянно увеличивающийся рост интереса российских исследователей к данной проблематике. Обобщая многочисленные источники можно утверждать, что на сегодня отечественной наукой экономическая безопасность рассматривается в рамках двух основных подходов: как отсутствие опасности или состояние защищенности жизненно важных интересов объекта от внешних и внутренних угроз. При этом экономическая безопасность рассматри-

вается российским научным мейнстримом в качестве неотъемлемой части или подсистемы, а также материальной основы комплексной системы обеспечения национальной безопасности любого государства, отражающей способность страны как самодостаточного субъекта хозяйствования, обеспечивать долгосрочное экономическое развитие и эффективность экономической сферы в условиях динамично изменяющейся мировой конкурентной среды и перманентной турбулентности глобальной экономики, непрерывно генерирующей для её субъектов новые потенциальные угрозы и вызовы.

И для поддержания оптимального уровня экономической безопасности страны прежде всего необходимо не допустить перерастания этих факторов из потенциальных в реальные, учитывая факт того, что «безопасность – результат определённых процессов, лишь малая доля которых связана с природными явлениями», а «основное значение имеют управляемые процессы, в которых субъектами выступают органы государственного управления» [1, с. 54] и что «любые механизмы и инструменты, ориентированные на обеспечение устойчивого развития экономической и военной сфер, могут рассматриваться как меры по защите экономической безопасности» [2].

Необходимо признать, что государственные закупки являются «важным объектом и одновременно инструментом государственного контроля и регулирования экономических процессов в стране» [3, с. 339] и от их обоснованности и рациональности в значительной мере зависит эффективность бюджетных расходов и «качество» управления государственными финансами в целом. А с учетом того, что по разделу «Национальная оборона» расходы бюджета РФ в 2025 г. запланированы в объеме 2,87 трлн руб., в 2026 г. – 2,13 трлн руб., в 2027 г. – 2,16 трлн руб., а по разделу «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» составят 2,19 трлн руб., 2,26 трлн руб. и 2,35 трлн руб. соответственно [4] можно с высокой степенью вероятности утверждать, что система формирования, размещения, выполнения и контроля государственного оборонного заказа, на сегодня стала одним из ключевых механизмов укрепления экономической безопасности Российской Федерации.

Законодательное регулирование и механизмы формирования, утверждения, размещения и выполнения государственного оборонного заказа, особенности закупок в 2025 г.

Исходя из существующих на сегодня методико-теоретических подходов, экономическую безопасность системы исполнения гособоронзаказа (далее – ГОЗ) можно определить как состояние защищенности её элементов от внутренних и внешних угроз, при котором через механизм государственных закупок субъектами процесса реализуются возложенные на них функции, достигаются национальные цели развития и эффективно решается задача обеспечения сфер безопасности и обороны страны необходимыми товарами/работами/услугами (ТРУ).

Основополагающим документом, регулирующим механизм размещения и выполнения госзаказа, является Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – ФЗ № 275-ФЗ), п. 1 ст. 3 которого определяет гособоронзаказ (ГОЗ) как «закупки для обеспечения безопасности и обороны РФ» [5]. В соответствии со ст. 4 этого Закона основой для формирования гособоронзаказа являются:

1) военная доктрина Российской Федерации;

2) планы строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов;

3) государственная программа вооружения;

4) долгосрочные (федеральные) целевые программы в области обороны и безопасности Российской Федерации;

5) мобилизационный план экономики Российской Федерации;

6) программы и планы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными договорами Российской Федерации;

7) решения Президента Российской Федерации и решения Правительства Российской Федерации в области обороны и безопасности Российской Федерации [5].

Вышеуказанный нормативный акт наделил полномочиями Государственного заказчика ГОЗ Министерство обороны РФ, МВД, ФСБ, ФСИН, Роскосмос и Росатом. При этом предметом закупок являются не только непосредственно связанная с обороной или безопасностью продукция военного или двойного назначения, но и обычные «гражданские» товары/работы/услуги (ТРУ) «широкого потребления», размещаемые по нормам Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» или Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», но с учетом специфики требований ФЗ № 275-ФЗ.

Необходимо отметить, что законодатель существенно ограничил круг потенциальных исполнителей, и к участию в закупках в рамках ГОЗ допускаются исключительно российские юридические лица, которые приобретают статус головного исполнителя или исполнителя ГОЗ после заключения госконтракта с одним из вышеупомянутых госзаказчиков.

В зависимости от объекта и условий проведения закупки в рамках ГОЗ делятся на две группы:

– закрытые, связанные с разработкой и производством вооружения и специальной техники и являющиеся носителями государственной тайны;

– открытые, проходящие в формате стандартной государственной закупки, размещенной в ЕИС, с обязательным указанием того, что поставщик будет определяться в рамках процедур ГОЗ.

В закрытых закупках принимают участие только специально отобранные участники, как правило, имеющие лицензии ФСБ России на выполнение работ, связанных с доступом к гостайне, а конкурсная документация никогда не публикуется в общедоступных источниках, предоставляется по запросу потенциальных исполнителей и размещается на единственной в стране электронной площадке – Автоматизированной системе торгов государственного оборонного заказа (АСТ ГОЗ). При этом в отдельных случаях допускается отказ от конкурсной процедуры и предусматривается возможность выбора исполнителя путем утверждения уполномоченным государственным органом.

Проект будущего госконтракта составляется до объявления закупки по ГОЗ и по итогам осуществленной процедуры торгов происходит юридическое оформление сделки на условиях, предложенных победителем. Контракт по гособоронзаказу в 2025 г. заключается с применением ЕИС и вносится в реестр в соответствии с ФЗ № 44-ФЗ. При этом, как уже было сказано выше, в отдельных случаях поставщик определяется не по итогам закупки, а соответствующим решением Президента России или Правительства РФ. Перечень случаев заключения контрактов с единственным поставщиком установлен п.п. 6, 6.1 ст. 6 ФЗ № 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.). К подобным случаям относятся:

– заключение контрактов в соответствии со ст. 14 ФЗ № 275-ФЗ с поставщиками, доминирующими на рынке;

– оформление госконтрактов с поставщиками, доминирующими на рынке ГОЗ если на торгах нет подходящих претендентов на размещение гособоронзаказа или по итогам конкурса головной исполнитель не установлен;

– определение единственного поставщика соответствующим Постановлением Правительства РФ или Указом Президента РФ.

Заключенным контрактам присваивается специальный идентификационный код, под которым они вносятся в соответствующий реестр. Цены на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу регулируются государством через процедуры: определения прогнозной цены на продукцию на очередной год и плановый период; установления начальной максимальной цены контракта (НМЦК) при размещении государственного оборонного заказа путем использования конкурентных способов определения поставщиков и пр.; госрегистрации цены и определения вида цены на продукцию единственного поставщика; уточнения размера цены и вида цены на продукцию, а также размера цены государственного контракта, заключенного с единственным поставщиком [6].

Госзаказчик оплачивает поставленные товары, выполненные работы или оказанные услуги (ТРУ) или этап исполнения госконтракта по ГОЗ в 30-дневный срок с даты подписания заказчиком акта (документа) приемки (п. 1 Постановления Правительства России от 16.07.2022 г. № 1290). Платежи по ГОЗ проводятся участниками на специальных счетах. Открыть отдельный счет под каждый госконтракт в соответствии с ФЗ № 275-ФЗ обязаны как головной исполнитель, так и исполнители. Спецсчета не открываются, если контракт не требует включения идентификатора по трем вышеприведенным основаниям (подп. «з» п. 2 ч. 1 ст. 8.3, ч. 1 ст. 8.5 ФЗ № 275-ФЗ).

Контроль за исполнением гособоронзаказа осуществляют:

1. Федеральная антимонопольная служба (ФАС);
2. Счетная палата РФ;
3. Федеральное казначейство;
4. Министерство обороны РФ;
5. Федеральная служба по финансовому мониторингу.

За 2024 г. в ФЗ № 275-ФЗ и законодательство о государственном оборонном заказе был введен ряд принципиальных новшеств. Так, в июле 2024 г. был принят Федеральный закон № 199-ФЗ «О внесении изменения в статью 14 федерального закона «О государственном оборонном заказе», возложивший на головных исполнителей, исполнителей, военные представительства государственного заказчика обязанность представлять в антимонопольный орган информацию о любом повышении поставщиками цен на сырье, материалы и комплектующие, а также на работы или услуги, нужные для выполнения государственного оборонного заказа. Сам ФЗ № 275-ФЗ дополнился ст. 6.1.-1, которая раскрывает информацию о Федеральной системе каталогизации продукции и ее участниках (Федеральный закон от 27.11.2023 г. № 555-ФЗ), элементами которой стали федеральный каталог продукции, классификаторы и обеспечивающие формирование и ведение каталога ИТ, а основной задачей – информационное обеспечение государственных заказчиков, головных исполнителей и исполнителей информацией в отношении технических и качественных характеристик, условий эксплуатации предметов снабжения (п. 3 Постановления Правительства РФ № 549).

Казначейское сопровождения в сфере государственного оборонного заказа

Федеральное казначейство входит в перечень контролирующих ГОЗ государственных органов и реализует свои функции в рамках общих полномо-

чий, предусмотренных гл. 26 Бюджетного кодекса РФ. В соответствии с п. 1 ст. 266 БК РФ объектами его контроля являются исполнители, которые получают средства бюджета на основании заключенных соглашений, договоров и государственных контрактов.

Казначейство контролирует ГОЗ по следующим направлениям:

– санкционирование расходов по государственным контрактам (если не открыт счет в уполномоченном банке);

– мониторинг движения денежных средств по отдельным счетам (если не открыт счет в уполномоченном банке);

– проверка соблюдения режима использования отдельных счетов (если не открыт счет в уполномоченном банке);

– контроль за целевым расходованием авансовых платежей.

Задачами казначейского сопровождения ГОЗ являются профилактика и борьба с коррупционными и мошенническими проявлениями в данной сфере, а также предупреждение и выявление фактов нецелевого расходования бюджетных средств участниками закупок. Федеральное казначейство проверяет соответствие платежей условиям контрактов и целевому назначению средств и в случае выявления нарушений обладает полномочиями приостанавливать операции по счетам, что позволяет уже на ранних стадиях предотвращать нецелевое использование бюджетных средств.

В рамках сопровождения Федеральное казначейство не только мониторит процесс исполнения ГОЗ, но и проводит выездные и встречные проверки по анализу выполнения условий контрактов, соглашений и договоров, расходованию средств, ценообразованию. В том числе контролирует выполнение требований по ведению раздельного учета предусмотренного Приказом Минфина РФ от 10.12.2021 г. № 210н, а также иных обязанностей, установленных ст.ст. 7 и 8 ФЗ №275-ФЗ.

В соответствии с действующим законодательством казначейское сопровождение гособоронзаказа в 2025 г. осуществляется территориальными подразделениями Федерального казначейства (в рублях). Основные документы, регулирующие казначейское сопровождение гособоронзаказа в 2025 г. – это Постановление от 24.11.2021 г. № 2024, Бюджетный кодекс, ст. 5 Закона о бюджете от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ. Именно в этих нормативных актах сформулированы требования к контрактам подпадающим под казначейское сопровождение, установлены прописанные в договоре обязательные условия, сформирован перечень разрешенных и запрещенных операций, определен порядок санкционирования расходов и т.д. Раздельный учет ГОЗ при казначейском сопровождении отличается от аналогичного учета при банковском сопровождении и регулируется Приказом Минфина от 10.12.2021 г. РФ № 210н. Казначейское сопровождение может выступать в виде казначейского обеспечения обязательств.

В силу специфики ГОЗ в открытом доступе практически нет статистических данных о результативных показателях казначейского сопровождения процесса его исполнения. Однак, в информационном пространстве периодически появляются упоминания о многомиллионных исках государственных заказчиков к головным исполнителям или исполнителям заключенных контрактов по поводу неисполнения или ненадлежащего их исполнения, что позволяет сделать вывод об эффективности проводимых контрольных мероприятий. А с учетом того, что, по заявлению Президента РФ В.В. Путина, только «в 2025 г. Россия направит на нужды обороны 13,5 триллионов рублей» [7], даже незначительное повышение эффективности закупок ГОЗ при столь значительных по объему оборонных ассигнованиях бесспорно положительно отразится как на устойчивости российской экономики в целом, так и на уровне её безопасности.

Выводы:

1. Экономическая безопасность системы ГОЗ в значительной степени предопределяется эффективностью государственного контроля в данной сфере, который, в свою очередь, зависит от адекватности текущего законодательства о госзакупках существующим экономическим реалиям и целям национального развития, финансовой и исполнительской дисциплины субъектов гособоронзаказа, уровня координации контролирующих государственных органов.

2. Являясь частью системы многоуровневого государственного контроля закупок в оборонной сфере, Федеральное казначейство достаточно эффективно осуществляет сопровождение ГОЗ, формирует государственную ценовую политику в данной области, на постоянной основе проводит мониторинг заключенных контрактов и процесса их исполнения, выявляя при этом преступные схемы и факты мошенничества, а также случаи нецелевого расходования бюджетных средств.

3. В целях повышения эффективности казначейского сопровождения ГОЗ территориальным органам ФК необходимо более активно внедрять цифровизацию и ИИ в процедуры проводимых контрольных мероприятий [8], антикоррупционную экспертизу конкретных контрактов и документации о закупках, при этом в своей работе отдавая приоритет мерам профилактики возможных рисков преступных или мошеннических схем при госзакупках, не допуская их трансформации из потенциальных в реальные.

Литература:

1. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.
2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
3. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
4. Законопроект № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // СПС Гарант.
6. Гособоронзаказ: что нужно знать юристам исполнителя. URL: https://www.law.ru/article/22293-gosudarstvennyy-oboronnyy-zakaz (дата обращения: 20.08.2025).
7. Сколько стоит России спецоперация: Владимир Путин заявил, что на оборону уходит 13,5 триллионов в год. URL: https://www.kp.ru/daily/27718.5/5106962/
8. Квасников В.А., Шлычков В.В. Казначейская служба как основа и ведущий фактор российской системы контроля и управления публичными финансами // Инновационное развитие экономики. 2023. № 4 (76). С. 82–90.

Enhancing the Efficiency of Treasury Support for the State Defense Order as a Factor in Strengthening the Economic Security of the Russian Public Procurement System

Shlychkov V.V.
Interregional Branch of the Federal Public Institution «Center for Treasury of Russia Support» in Vladivostok

The paper, based on retrospective and regulatory analyses, characterizes public procurement legislation, evaluates the existing system of state defense order (SDO) execution and its individual elements, defines the scope and functions of the entities involved, outlines national goals in this area, and proposes mechanisms and tools for their achievement.

Using the results of situational and functional analyses, the author formulates a definition of the concept of «economic security of the SDO public procurement system», identifies key threats to its security, and proposes methods to mitigate them. Applying comparative analysis and an evidence-based approach, the article examines ways to improve the efficiency of public procurement in general and SDO in particular, focusing on digitalization processes and the introduction of artificial intelligence in control activities and preliminary anti-corruption expertise of contracts and legislation in this area.

Relying on the method of scientific abstraction and factor analysis, the author identifies and demonstrates the correlation between the level of economic security of the existing SDO public procurement system and their economic efficiency. The disclosure of the stated topic will help to form an algorithm for continuous improvement of the public procurement system and strengthening its economic security.

Keywords: national security, state defense order, economic security of the SDO public procurement system, treasury support, public control system, efficiency of public spending

УДК 330.341
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-149-154

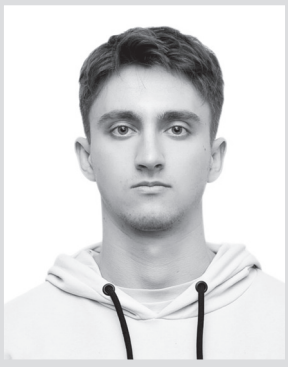
Исследование влияния процессов цифровизации на экономический рост развитых и развивающихся стран

Ягудина Е.В.
Доктор экономических наука, профессор,
Заведующая кафедрой управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Валитов Г.Ш.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Галимуллин Р.Ф.
Магистр Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием процессов цифровизации, которые оказывают существенное влияние на экономический рост как развитых, так и развивающихся стран. В современных условиях понимание механизмов воздействия цифровых технологий на экономику становится ключевым фактором для формирования эффективной экономической политики.

Цель исследования заключается в определении ключевых факторов, определяющих неравномерное влияние процессов цифровизации на экономический рост в развитых и развивающихся странах, а также в установлении условий, при которых данные процессы приводят к усилению неравенства между странами.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы позволяют разработать дифференцированные стратегии цифровизации для регионов с разным уровнем развития. Более того, результаты предоставляют инструменты для оценки рисков роста межрегионального неравенства.

Основные выводы исследования показывают, что влияние цифровизации на экономический рост существенно различается в зависимости от уровня развития страны. Наибольший эффект достигается в странах с развитой институциональной средой и цифровой инфраструктурой. Основными факторами влияния выступают развитие интернета, телекоммуникационных технологий, электронной коммерции и онлайн-сервисов. Эффективное государственное управле-

ние и развитие цифровых технологий способствуют более быстрому восстановлению экономики после кризисов. При этом экономический эффект от цифровизации возможен только при наличии высокого уровня человеческого капитала и соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: *цифровизация, ВВП, экономический рост, Интернет, информационно-коммуникационные технологии*

Для цитирования: *Ягудина Е.В., Валитов Г.Ш., Галимуллин Р.Ф. Исследование влияния процессов цифровизации на экономический рост развитых и развивающихся стран // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 149–154. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-149-154.*

Современные процессы цифровизации превратились в значительную преобразующую силу в обществе в целом, затрагивая все аспекты жизни – экономику и образование, культуру и повседневные социальные проблемы. Современный переход к цифровому обществу является следствием качественных технологических инноваций, формирующих новые модели поведения, коммуникации и организации труда. Цифровизация, пришедшая на смену эпохе информатизации и компьютеризации, основана на цифровом представлении информации, что приводит к росту экономических показателей и улучшению качества жизни населения. Один из важнейших признаков цифровизации – интегративность: она охватывает не только экономику, но и социальные институты, образование и культуру, влияет на то, как формируется человеческий капитал и возникают новые формы социальной интеграции [1, с. 62]. Интегративность часто рассматривается как объединение различных дисциплин, подходов или методов для решения сложных задач, а также как создание логических связей между элементами, что способствует формированию устойчивых знаний и навыков [2]. Мы полностью согласны с данным утверждением, т.к. интегративность в контексте цифровизации не просто объединяет различные дисциплины и подходы, но и создаёт условия для формирования новых форм социальной интеграции и развития человеческого капитала.

Эффективное развитие, расширение и конкурентоспособность национальной экономики в значительной степени обусловлены научно-техническим прогрессом и уровнем инновационной активности ключевых факторов производства. Это воздействие тесно связано с такими обстоятельствами, как глобализация, геополитическая и финансовая нестабильность, а также устойчивость глобального макроэкономического развития. В современном мире динамичное развитие инновационного сектора, обеспечиваемое взаимодействием науки (наукоемкие производства, создание новых технологий), системы образования и интеллектуальных ресурсов, определяет роль государства в международных отношениях и в обеспечении экономической безопасности. Исследования и практика развитых стран свидетельствуют о том, что эффективность инновационного развития страны зависит не только от качества человеческого капитала и уровня жизни населения, но также от состояния глобальной экономической системы, которая предоставляет оптимальные условия для развития и коммерциализации инноваций [3, с. 272].

Цифровизация является процессом интеграции технологий и цифровых ресурсов в различные сферы экономики, что имеет существенное влияние на экономическую эффективность регионов и стран. Она способствует улучшению производительности в регионах, росту качества предоставляемых услуг, инновационному развитию и усилению конкуренции. Согласно эмпирическому исследованию OECD 2024 г., в последнее десятилетие темпы роста сектора ИКТ в странах OECD примерно в 3 раза превышали темпы роста других секторов экономики (в 2023 г. темпы роста сектора ИКТ составляли 7,6 %). Эффекты цифровизации на рост ВВП составляют приблизительно 0,8–1,5 п.п. от ежегодных темпов в развитых странах [4]. Согласно Европейской комиссии, процессы цифровизации объясняют 28 % роста производительности европейских стран в 2015–2022 гг. В данной статье мы проведем анализ результатов исследований по влиянию процессов цифровизации на экономическое развитие регионов и стран в целом [5].

Влияние цифровизации на экономический рост развитых и развивающихся стран

Эффект цифровизации на экономический рост значим только в случае готовности экономической среды региона или страны к принятию такой трансформации, т.е. конечное влияние данных процессов на экономическое развитие будет зависеть от текущих темпов экономического роста, состояния цифровой жизни и устойчивости страны [6, с. 424].

Анализ панельных данных по 27 европейским странам за 2000–2010 гг., проведенный авторами статьи выявил, что цифровые технологии имеют существенное, но неоднородное влияние на экономический рост европейских стран [7, с. 802]. Цифровая трансформация повышает производительность

и конкурентоспособность европейских компаний, однако ее эффекты значительно варьируются между странами. Наиболее существенный экономический эффект от проникновения процессов цифровизации выявляется в секторе услуг и высокотехнологичных отраслях промышленности.

Д. Антонеску на примере Румынии определил существенное влияние проникновения широкополосного интернета и онлайн-торговли на ВВП на душу населения на уровне регионов [8]. В то время как Л. Хаефнер и др. на примере экономик европейских стран демонстрируют, что инновационные возможности, созданные процессами цифровизации для инноваций, как правило, использованы регионами с более высоким инновационным потенциалом и уровнем проникновения интернета, что приводит к риску регионального неравенства [9]. Данные выводы подтверждаются на примере России. Выводы статьи [10] демонстрируют, что в России имеется существенная дифференциация между регионами с высоким уровнем цифрового развития и отстающими регионами. «Регионы с высоким уровнем, как правило, характеризуются более развитой инфраструктурой, инвестициями в ИТ-сектор и активным внедрением инноваций во все сферы общества и экономики. Важное влияние на цифровую зрелость региона также оказывает качество подготовки ИТ-специалистов. Регионы, инвестирующие в образование и профессиональную подготовку, имеют более высокие темпы перехода к цифровой экономике» [10].

Авторы статьи [11], проанализировав выборку по всем регионам стран-участников ЕС, пришли к выводу, что влияние широкополосного доступа в интернет на динамику показателя реального ВВП на душу населения менее существенное в сельскохозяйственных регионах. Платформы электронной коммерции являются драйвером конкуренции в регионах развитых стран, что может иметь непосредственное влияние на благосостояние местных предпринимателей, но в то же время данные технологии дают импульс местным производителям и могут улучшить динамику региональной экономики.

С. Маринкович и др. в своем анализе подтвердили, что процессы цифровизации в регионах Сербии являются ключевыми инструментами экономического развития региона путем быстрого роста занятости [12, с. 802].

Результаты исследования М. Албимана и З. Сулонга подтверждают положительные экономические эффекты от технологий ИКТ на примере стран Восточной Азии, однако данные эффекты статистически более значимы в развитых экономиках (Япония, Южная Корея, Сингапур) из-за превосходящей институциональной среды и более высокого уровня рабочей силы [13, с. 556].

М. Гарсия определил положительную взаимосвязь между уровнем проникновения информационных технологий и ВВП Мексики. Анализ данных за период 1990–2010 гг. доказывает, что наибольшее влияние на экономический рост оказывают такие факторы, как проникновение мобильных технологий и технологий широкополосного интернета, а также цифровизация бизнес-процессов; рост инвестиций в цифровые технологии в Мексике приводит к росту динамики ВВП на 0,5–0,8 п.п. в среднесрочной перспективе. Автор отмечает, что для максимизации экономических эффектов от процессов цифровизации необходимо непрерывное развитие цифровой инфраструктуры страны и повышение цифровой грамотности населения [14, с. 11].

Влияние технологий ИКТ в странах Латинской Америки было менее существенным, чем в европейских и азиатских странах, из-за недостаточного уровня инвестиций в цифровую инфраструктуру стран, а также из-за низкой диверсификации экономик. А. Хоффман и др. на основе панельных данных по странам Латинской Америки за 1990–2013 гг. делают вывод о том, что рост проникновения технологий ИКТ на 10 п.п. приводил к увеличению экономического роста на 0,3–0,7 п.п [15, с. 485].

Р. Бахрини и А. Каффас определили, что мобильные телефоны, использование интернета и внедрение широкополосной связи являются основными драйверами положительного влияния процессов цифровизации на экономический рост в развивающихся странах Ближнего Востока, Северной Африки [16, с. 21]. Развитие телекоммуникационных технологий и онлайн-сервисов услуг являются основными драйверами, с помощью которых процессы цифровизации влияют на экономический рост Бангладеша [17, с. 107]. Однако авторы исследования [18] выявили, что эффект развития телекоммуникационных технологий менее значим в странах Африки по сравнению со странами ОЭСР за период с 2006 по 2016 гг.

Также в академической литературе рассматриваются эффекты цифровых процессов стран на скорость восстановления экономики после масштабных кризисов. На основе анализа панельных данных 65 стран «Шелкового пути» за 2015–2022 гг., Дж. Жанг и др. пришли к выводу о том, что пандемия ускорила темпы проникновения цифровых технологий на 20–30 % по сравнению с периодом до пандемии [19]. Страны с более высоким уровнем развития цифровых технологий восстанавливались на 15–20 % быстрее после кризиса, связанного с пандемией коронавируса. Ключевыми факторы быстрых темпов восстановления цифровых экономик после пандемии являются:

1) развитие электронной коммерции и прочих цифровых платформ, ставших основными драйверами восстановления экономической активности;

2) более значительное проникновение технологий искусственного интеллекта и больших данных,

которые трансформировали эффективность в промышленности и логистике;

3) сокращение транзакционных издержек благодаря технологиям цифровых платежей.

Мы согласны с выводами авторов по причине того, что развитие электронной коммерции и других цифровых платформ приводит к структурным изменениям в экономике, повышая её устойчивость к будущим шокам. Применение искусственного интеллекта и анализа больших данных позволяет оптимизировать производственные и логистические процессы, сокращая издержки и повышая эффективность. В то время как цифровые платежи, снижая транзакционные издержки, упрощают финансовые операции и способствуют более быстрому движению капитала.

По результатам исследования ученых [20] нами сделан вывод, что показатели, связанные с уровнем развития цифровизации в стране, такие как количество абонентов мобильной и широкополосной связи, уровень проникновения интернета, уровень развития инфраструктуры ИКТ, оказывают значимое положительное влияние на динамику ВВП в развивающихся странах. Мобильная широкополосная связь оказывает более сильное влияние на рост в странах с низким уровнем дохода, чем фиксированная широкополосная связь, благодаря более низким затратам на инфраструктуру. Внедрение электронной коммерции повышает производительность МСП, но в сельскохозяйственных странах она все еще используется недостаточно. Эффекты процессов цифровизации на экономическое развитие являются материальными только при выполнении двух условий:

1. Высокий уровень человеческого капитала (доля населения со средним образованием ≥60 %);

2. Наличие нормативно-правовой базы, связанной с цифровыми технологиями (например, политика, благоприятная для бизнеса).

В то время как В. Бон заявляет, что для развивающихся стран экономический эффект цифровизации будет значим только при условии высокого уровня государственного управления и эффективных институтов [21]. Мы согласны с выводом, поскольку качественное государственное управление и наличие сильных институтов создают необходимую среду для развития цифровых технологий, обеспечивают правовую и регуляторную базу, а также способствуют формированию цифровой инфраструктуры и повышению цифровой грамотности населения.

Более сильное проникновение цифровых технологий в экономику развивающихся стран приводит к диверсификации экономики в целом. Мы разделяем мнение ученых [22], что в странах с высокой долей сырьевых индустрий проникновение цифровых технологий приводит к диверсификации экономики путем развития несырьевых секторов (финансовые услуги, туризм, логистика) и усилению конкурентоспособности малого и среднего бизнеса. На примере Саудовской Аравии, авторы приходят к выводу о том, что комбинированное влияние цифровизации и экономической диверсификации имеет более материальное влияние на экономический рост в сравнении с каждым фактором по отдельности.

На текущее время эффекты от цифровизации являются значимыми в развитых и развивающихся странах. Эффекты данных процессов на темпы роста ВВП развитых стран могут составлять около 0,8–1,5 п.п. Основными факторами цифровизации, определяющими экономический рост, являются проникновение широкополосного доступа в интернет, развитие телекоммуникационных технологий, проникновение электронной коммерции и онлайн-сервисы. Эффекты от цифровизации являются более значимыми в развитых странах из-за превосходящей институциональной среды, более высокого уровня рабочей силы и цифровой инфраструктуры страны, а также повышения цифровой грамотности населения. Положительные эффекты от цифровизации возможны только при условии высокого уровня государственного управления и эффективных институтов. Также страны с более эффективным развитием цифровых технологий восстанавливаются на 15–20 % быстрее после масштабных кризисов.

Литература:

1. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски //Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 46–63.
2. Dillon P., Åhlberg M. Integrativism as a theoretical and organisational framework for elearning and practitioner research // Technology, Pedagogy and Education. 2006. Т. 15. № 1. P. 7–30.
3. Власов М.В. Цифровая экономика как основное направление повышения уровня экономической безопасности региона (на примере субъектов Центрального федерального округа РФ) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 271–287.
4. OECD Digital Economy Outlook 2024 (Vol. 1). URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-1_a1689dc5-en.html

5. Report on the state of the Digital Decade // European commission. 2023. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2023-report-state-digital-decade
6. Aleksandrova A. Truntsevsky Y., Polutova M. Digitalização e seu impacto no crescimento econômico //Brazilian Journal of Political Economy. 2022. T. 42. P. 424–441.
7. Evangelista R., Guerrieri P., Meliciani V. The economic impact of digital technologies in Europe // Economics of Innovation and new technology. 2014. T. 23. №. 8. P. 802–824.
8. Antonescu D. The relation between digitalization and regional development in Romania. 2022.
9. Haefner L., Sternberg R. Spatial implications of digitization: State of the field and research agenda // Geography Compass. 2020. T. 14. № 12. P. e12544.
10. Ягудина Е.В., Валитов Г.Ш. Тенденции развития цифровых технологий в регионах России // Экономические науки. 2024. № 241. С. 440–445.
11. de Clercq M., D'Haese M., Buysse J. Economic growth and broadband access: The European urban-rural digital divide //Telecommunications Policy. – 2023. T. 47. № 6. P. 102579
12. Marinković, Sanja, Ilija Nikolić, and Jovana Rakićević «Selecting location for a new business unit in ICT industry» // Zbornik Radova Ekonomskog Fakultet Au Rijeci. 2018. № 36(2). P. 801–825.
13. Albiman M. M., Sulong Z. The linear and non-linear impacts of ICT on economic growth, of disaggregate income groups within SSA region // Telecommunications Policy. 2017. T. 41. № 7-8. P. 555–572.
14. García M. J. The impact of information and communication technologies on economic growth in Mexico //International Journal of Business and Social Research. 2019. T. 9. № 02. P. 11–22.
15. Hofman A., Aravena C., Aliaga V. Information and communication technologies and their impact in the economic growth of Latin America, 1990–2013 // Telecommunications Policy. 2016. T. 40. № 5. P. 485–501.
16. Bahrini R., Qaffas A. A. Impact of information and communication technology on economic growth: Evidence from developing countries //Economies. 2019. T. 7. № 1. P. 21.
17. Rana M., Rekha R. S., Islam H. The impact of digitalization on the economic growth of Bangladesh //Journal of Business Studies. 2022. T. 3. № 1. P. 107–118.
18. Myovella G., Karacuka M., Haucap J. Digitalization and economic growth: A comparative analysis of Sub-Saharan Africa and OECD economies // Telecommunications Policy. 2020. T. 44. № 2. P. 101856.
19. Zhang J. et al. The impact of digital economy on the economic growth and the development strategies in the post-COVID-19 era: evidence from countries along the “Belt and Road” // Frontiers in public health. 2022. T. 10. P. 856142.
20. Lechman E., Anacka H. Digitalization process and its impact on economic growth: a panel data study for developing countries // Digitalization and Economic Development. Routledge. 2022. P. 28–46.
21. Bon V. The digitalization–economic growth relationship in developing countries and the role of governance //Scientific Annals of Economics and Business. 2021. T. 68. № 4. P. 481–493.
22. Neffati M., Jbir R. The impact of digitalization and economic diversification on economic growth: evidence from Saudi Arabia //Technological and Economic Development of Economy. 2024. T. 30. № 5. P. 1510–1532

Research of the Impact of Digitalization Processes on Economic Growth in Developed and Developing Countries

Yagudina E.V.
Kazan (Volga Region) Federal University
Valitov G.Sh.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Galimullin R.F.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this study stems from the rapid development of digitalization processes, which have a significant impact on economic growth in both developed and developing countries. In today's environment, understanding the mechanisms by which digital technologies influence the economy is becoming a key factor in formulating effective economic policy.

The aim of this study is to identify the key factors determining the uneven impact of digitalization processes on economic growth in developed and developing countries, as well as to establish the conditions under which these processes lead to increased inequality between countries.

The practical significance of this study lies in the fact that the results enable the development of differentiated digitalization strategies for regions with different levels of development. Moreover, the results provide tools for assessing the risks of increasing interregional inequality.

The main findings of the study show that the impact of digitalization on economic growth varies significantly depending on a country's level of development. The greatest impact is achieved in countries with a developed institutional environment and digital infrastructure. The main influencing factors are the development of the internet, telecommunications technologies, e-commerce, and online services. Effective public administration and the development of digital technologies contribute to a more rapid economic recovery after crises. At the same time, the economic effect of digitalization is possible only with a high level of human capital and an appropriate regulatory framework.

Keywords: digitalization, GDP, economic growth, Internet, Information and Communication Technologies

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-155-159

Обеспечение неприкосновенности личности в уголовном преследовании

Абшилава Г.В.
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета, адвокат

Принцип неприкосновенности личности является одной из ведущих межотраслевых установок, определяющих правовое положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. С одной стороны, он устанавливает физическую, психическую и телесную автономию личности, а с другой – определяет пределы правомерного вторжения государства в эту область. Важно, чтобы публичное предназначение уголовного судопроизводства в ситуации ограничения неприкосновенности личности осуществлялось на основе судебного решения, сопровождалось судебным контролем и базировалось на объективной оценки обстоятельств подобного ограничения.

Цель исследования – определение гарантий неприкосновенности личности, подвергаемой уголовному преследованию. Представлен анализ и сопоставление рядя международных и национальных правовых актов, в которых содержатся стандарты неприкосновенности личности в сфере уголовного судопроизводства.

Право на личную неприкосновенность – одна из важнейших гарантий правового положения личности. Конституция Российской Федерации, а также основополагающие международные нормативные акты и международные договоры допускают его ограничение только при определенных условиях. Конституция Российской Федерации и основополагающие международные нормативные акты допускают его ограничение только при определённых условиях. Это правомочие закреплено во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст.ст. 3, 9) [1] и Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 9) [2].

Конституция РФ закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22) и устанавливает допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Ключевые слова: *неприкосновенность личности, публичность уголовного преследования, мера пресечения, свобода, честь, достоинство*

Для цитирования: *Абшилава Г.В. Обеспечение неприкосновенности личности в уголовном преследовании // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 155–159. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-155-159.*

Реализация требований, отражающих содержание принципа неприкосновенности личности, в уголовном судопроизводстве, является показателем прогресса на данном этапе развития государства, «признания им ценности человеческой личности, ее жизни, свободы, чести, достоинства и их правового

обеспечения согласно самым высоким международным стандартам» [3, с. 3].

Термин «неприкосновенность» в буквальном выражении означает свойство или состояние по значению прилагательного «неприкосновенный», то есть сохранение в целостности, свобода от всякого посягательства со стороны кого-либо [4].

В уголовном судопроизводстве право на неприкосновенность личности, обусловленное одноименным принципом, наполняется особым содержанием, поскольку государство, преследуя публичные цели и обеспечивая публичные интересы, детерминированные задачей противодействия преступности, вынужденно ограничивает его, правомерно проникая в область частных устремлений и интересов личности, ограничивая ее автономию (телесную, семейную, профессиональную, социально-коммуникативную и т.п.).

Оправданность и соразмерность приведенного проникновения определил Верховный Суд РФ в Постановлении пленума от 19.12.2013 г. № 41, указав, что ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей [5].

Неприкосновенность личности обычно ассоциируется с правом на свободу (перемещения в пространстве, выбора поведения в рамках закона, оценки собственных поступков).

Особенно гарантия неприкосновенности личности в наивысшей степени затрагивается уголовным преследованием, и в этой связи основные требования, направленные на защиту прав и законных интересов лица, в отношении которого оно осуществляется, отражены в ст. 10 УПК РФ:

• никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ;

• ограничение срока задержания, которому лицо может быть подвергнуто до судебного решения (не более 48 часов, а в условиях военного положения – не более 30 суток, если лицо подозревается в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления);

• обязанность суда, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ;

• право лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лица, которое задержано по подозрению в совершении преступления, на содержание в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

Перечисленные требования в оптимальном правовом режиме согласуются с установками, отраженными в программном международном документе – «Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» от 09.12.1988 г. [6, с. 147–157], удостоверившем, в частности: право всех лиц, подвергнутых задержанию в какой бы то ни было форме на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности (принцип 1); осуществление задержания или заключения и всех мер, затрагивающих права человека, в силу постановления и при условии эффективного контроля судебного или иного органа (принцип 4); запрет применения в отношении задержанных или содержащихся под стражей лиц пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (принцип 6) и др.

Последний принцип урегулирован и в ряде международных актов – «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 10.12.1984 г. (далее – Конвенция против пыток) [7], а также «Минимальных стандартных правилах в отношении обращения с заключенными» (Правила Нельсона Манделы), пересмотренный текст которых принят Резолюцией ООН от 17.12.2015 г. [8] (правило 1).

Конвенция против пыток, в частности, устанавливает, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток (ч. 2 ст. 2).

Несоразмерное с точки зрения закона нарушение неприкосновенности личности свидетельствует об отсутствии должного контроля государства за деятельностью правоохранительных органов, если не сказать больше – незрелости судебной власти, ее неспособности осуществлять правосудие в точном соответствии с законом, обеспечивать и защищать конституционные права личности от нарушений и злоупотребления правом со стороны должностных лиц, наделенных властными полномочиями.

Признание неприкосновенности личности принципом уголовного судопроизводства предполагает необходимость в дополнительной правовой регламентации форм и способов обеспечения составляющих указанную неприкосновенность прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Этот вопрос решен в результате введения в действие Федерального закона РФ от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и об-

виняемых в совершении преступлений» [9] (далее – ФЗ «О содержании под стражей»), задачами которого является регулирование порядка и определение условий содержания под стражей, гарантий прав и законных интересов лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с УПК РФ избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 1).

ФЗ «О содержании под стражей» в качестве принципов содержания под стражей устанавливает (помимо прочих) гуманизм, уважение человеческого достоинства, а также запрет пыток и иных действий, имеющих целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей.

Обеспечение неприкосновенности личности отражено в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), особенно на современном этапе, после принятия Комитетом Совета Европы 16.03. 2022 г. решения об исключении России из этой организации, означающего выход нашего государства из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), при том, что значительное число жалоб, поданных в данный международный юрисдикционный орган, касались именно нарушений прав лиц, содержащихся под стражей. Так, в период с 2013 по 2017 гг. (более поздние сведения в свободном доступе отсутствуют) ЕСПЧ было выявлено 444 нарушения ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г., из которых: 20 нарушений связано с пытками; 314 – бесчеловечным и унижающим обращением с заключенными; 80 – отсутствием эффективного расследования; 30 – объединенными нарушениями (например, ст. 2 и ст. 3, ст. 3 и ст. 6) [10].

КС РФ неоднократно в своих позициях отмечал значимость реализации принципа неприкосновенности личности и недопустимость его нарушения, в частности, в Постановлении от 03.05.1995 г. № 4-П/1995 высший орган конституционного контроля указал, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти (п. 5, абз. 1) [11], а в Постановлении от 06.122011 г. № 27-П/2011 отметил, что всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности (п. 2, абз. 5) [12].

В Постановлении от 22.03.2018 г. № 12-П/2018 КС РФ особо указал на то, что принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека, воплощает наиболее значимое социальное благо, которое предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека (п. 2, абз. 1) [13].

Таким образом, вопрос о возможных и допустимых ограничениях неприкосновенности личности должен решаться исходя не только из критериев опасности преступления, но и личности обвиняемого, тех последствий для лица и его близких, которые могут наступить, в частности, в результате применения в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу и иных правоограничительных мер.

Как полагаем, особо выделяется обязательность выполнения предписаний ст. 108 УПК РФ, основная цель которых – удостоверить исключительный характер и особые основания применения заключения под стражу, особенно когда речь идет о несовершеннолетнем, беременной женщине и других лицах, перечисленных в ч. 2 ст. 108 УПК РФ. В этой связи убедительно звучит мнение высказанное профессором А.Ю. Епихиным о том, что победа над преступностью не должна быть достигнута любой ценой, и эффективность уголовного процесса следует оценивать не только степенью урона преступности. Важнейшим критерием оценки должна стать минимизация потерь со стороны личности [14, с. 3], в том числе с позиций обеспечения безопасности участия в уголовном судопроизводстве [15].

Созвучный тезис изложен в диссертационном исследовании А.А. Лукьяновой, по мнению которой «правовое регулирование уголовного судопроизводства в сфере реализации права на свободу и личную неприкосновенность должно содержать оптимальное сочетание средств ограничения и системы гарантий прав» [16, с.13].

В то же время можно с полной уверенностью утверждать, что неприкосновенность личности является не только правовым принципом межотраслевого, универсального характера, но и нравственным требованием, соблюдение которого должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, не только подтверждает должный уровень их профессиональной подготовки, но и свидетельствует о соблюдении ими норм профессиональной этики, основные из которых отражены в соответствующих кодексах служебного поведения. Так, в Кодексе этики и служебного поведения Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) [17], указано, что государственные служащие СК РФ, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности как государственных органов, так и государственных служащих СК.

Анализируя концептуальные, правовые и прикладные аспекты реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, следует остановиться и на отдельных особенностях его влияния на правовое положение лица, в отношении которого в порядке ст. 203 УПК РФ ставится вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях (далее – медицинский стационар), или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее – психиатрический стационар) для производства судебной экспертизы.

КС РФ в Определении от 10.12.2002 г. № 315-О [18] также признал целесообразным обеспечение обвиняемому возможности личного участия в решении вопроса о применении к нему правоограничительных мер на основании судебного решения.

В настоящее время подобная процедура не таит в себе каких-либо трудностей и препятствий, поскольку судебное заседание может быть проведено с использованием систем видеоконференц-связи.

Представляется, что для полноценной реализации принципа неприкосновенности личности при осуществлении уголовного преследования необходимо дополнить ст. 203 УПК РФ указанием на право лица, в отношении которого ставится вопрос о помещении в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы, лично участвовать в судебном заседании.

В заключении отметим, что функционирование жизнеспособного организационно-правового механизма воплощения требований, вытекающих из принципа неприкосновенности личности, в отношении подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу предполагает не только соблюдение закона должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, но и объективную оценку обстоятельств допустимого ограничения прав личности в конкретной ситуации применения уголовно-процессуальных норм.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Казанцев Л.Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер ее жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н-Новгород, 2004. 28 с.
4. Словарь русского языка в 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/неприкосновенность (дата обращения 26.05.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2013. № 294.
6. Правовые основы деятельности системы МВД России // Сборник нормативных документов. Т. 2. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 147–157.
7. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984) (с изм. от 08.09.1992) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII.- М., 1989. С. 115–125.
8. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (Приняты 17.12.2015 Резолюцией 70/175 на 80-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.
9. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
10. Раднева Н. Россия лидирует по числе нарушений ст. 3 Конвенции. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/rossiya-lidiruet-po-kolichestvu-narusheniy-st-3-konventsii/ (дата обращения 26.05.2025).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7552.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СЗ РФ. 2018. № 14. Ст. 2027.
14. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дисс. … доктр. юрид. наук. Н-Новгород, 2004. 44 с.
15. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. 164 с.
16. Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Томск, 2024. 42 с.
17. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011) Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 г. № 315-О «По жалобе гражданина Худоерова Дониера Тошпулатовича на нарушение его конституционных прав статьей 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. 2003. № 5. Ст. 502.

Ensuring the Inviolability of the Person in Criminal Prosecution

Abshilava G.V.
Ulyanovsk State University

The principle of personal inviolability is one of the leading intersectoral guidelines that determine the legal status of a person being prosecuted, since, on the one hand, it establishes the physical, mental, and bodily autonomy of the individual, and, on the other, the limits of legitimate state intrusion into this area. It is important that the public purpose of criminal proceedings in a situation of restriction of personal integrity is carried out on the basis of a court decision, accompanied by judicial control and based on an objective assessment of the circumstances of such restriction.

The purpose of the study is to determine the guarantees of the inviolability of the person subject to criminal prosecution. An analysis and comparison of a number of international and national legal acts is presented. which contain standards of personal integrity in the field of criminal proceedings.

The right to cash inviolability is one of the most significant guarantees in the legal status of a person, therefore the Constitution of the Russian Federation, as well as fundamental international regulations and international treaties, allow its limitation only under certain conditions. Note that this power is indicated in the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948 (Articles 3, 9) [1], the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966 (Article 9) [2].

The Constitution of the Russian Federation enshrines the right of everyone to freedom and personal inviolability (Article 22), and also establishes the permissible possibility of restricting the rights and freedoms of a person and citizen only by federal law to the extent necessary in order to protect the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and legitimate interests of others, ensuring the defense of the country and the security of the state (part 3 of article 55).

Keywords: personal integrity, publicity of criminal prosecution, preventive measure, freedom, honor, dignity

УДК 347.77/78
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-160-164

Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху

Аламова С.М.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В настоящей статье рассматривается хронологическая последовательность изменений объектов правовой охраны, составляющих ландшафт интеллектуальной собственности, при переходе от аналоговой среды к цифровой. Цифровая трансформация изменяет условия создания, использования и защиты результатов интеллектуальной деятельности, что сопровождается усложнением механизмов их гражданско-правового оборота, возрастанием рисков незаконного копирования произведений, а также появлением новых объектов, связанных с искусственным интеллектом и цифровыми технологиями. Эти обстоятельства определяют актуальность настоящего исследования и необходимость научного осмысления трансформаций интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Целью работы является комплексный анализ трансформации правового ландшафта интеллектуальной собственности под влиянием цифровых технологий и выявление основных теоретико-правовых и гражданско-правовых аспектов таких изменений. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить взаимосвязь процессов правообразования и правотворчества в условиях цифровой трансформации, проанализировать гражданско-правовые механизмы регулирования интеллектуальной собственности в цифровой среде, а также определить правовой статус новых объектов интеллектуальной собственности.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в законотворческой деятельности при разработке и изменении норм гражданского права, а также в правоприменительной практике при разрешении споров, связанных с интеллектуальной собственностью в цифровой сфере. Научная значимость работы заключается в систематизации теоретико-правовых и гражданско-правовых аспектов трансформации интеллектуальной собственности, выявлении закономерностей развития законодательства в цифровую эпоху и формировании концептуальных подходов к правовой охране новых объектов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к осмыслению взаимосвязи процессов правообразования, правотворчества и правоприменения в контексте динамичного развития цифровых технологий и информационной среды. На основе системного анализа показано, что правотворческая деятельность должна носить не только реактивный, но и проактивный характер, опережая темпы технологических изменений для обеспечения эффективного правового сопровождения инновационных процессов.

По итогам исследования автор приходит к выводу, что правотворческая деятельность должна быть направлена на адаптацию законодательства к новым реалиям цифрового мира, что предполагает выявление основных аспектов трансформации ландшафта интеллектуальной соб-

ственности, а также разрешение правовых проблем, связанных с появлением новых объектов правовой охраны, требующих определения их правового статуса.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, цифровые технологии, дигитализация, искусственный интеллект, правообразование, правотворчество, ландшафт интеллектуальной собственности*

Для цитирования: *Аламова С.М. Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 160–164. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-160-164.*

В последние десятилетия наука гражданского права проявляет глубокий научный интерес к исследованию проблем защиты интеллектуальной собственности в связи с ускоряющейся вовлеченностью результатов творческого интеллектуального труда в цифровое пространство. Индивидуальные и коллективные субъекты правовых отношений в контексте создания произведений или продуктов интеллектуальной деятельности опираются на принцип экономической свободы. Этические аспекты последней, как отмечают Р.И. Газизуллин и Ф.И. Хамидуллина, выражаются в доброй воле, с помощью которой создаются материальные блага и оказываются разнообразные услуги, в т. ч. приносящие их авторам прибыль. С одной стороны, интеллектуальная деятельность осуществляется в параметрах этой экономической свободы. С другой – она должна быть добросовестной не только с этических, но и юридических позиций. В этой связи на государство возлагается ответственность за своевременное выявление и пресечение недобросовестных действий со стороны иных лиц, предпринимающих попытки заимствования и использования результатов чужого интеллектуального труда [1]. В противном случае в целях защиты нарушенных конституционных прав в действие вступают правовые обязывания и запреты.

Собственно целеполагание права – как перманентный, доктринально обоснованный системный процесс по обоснованию, аргументации и легитимации целей в законодательной среде [2] – должно оперативно реагировать на всевозможные трансформации алгоритмов защиты прав человека и гражданина, особенно в условиях существенного расширения объема и возможностей современного цифрового ландшафта.

Здесь необходимо сосредоточить внимание на хронологической последовательности изменений, которым подвержены объекты правовой охраны, составляющие ландшафт интеллектуальной собственности, при переходе от аналоговой эпохи к цифровой – или, по другой терминологии, в процессе дигитализации, получившей широкое распространение во всех сферах жизни современного общества.

В теоретико-правовом аспекте этот концептуальный и описательный анализ изменений в ландшафте интеллектуальной собственности основывается на категориях правообразования и правотворчества. Кроме того, он учитывает основные положения юридической техники, касающиеся внедрения в нормативный правовой текст терминов технического характера. Эта трансформация требует переосмысления существующих подходов к правовой охране и акцентирует внимание на необходимости адаптации законодательства к новым реалиям цифрового мира.

В цивилистическом плане трансформации, связанные с развитием цифровых технологий, заключаются в закреплении и расширении системы исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в этой сфере, а также в установлении мер юридической ответственности за нарушение данных прав [3, с. 99–100]. Кроме того, возникновение новых объектов интеллектуальной собственности, таких как продукты искусственного интеллекта, обусловливает необходимость определения их правового статуса и решения вопросов распределения прав на них.

Правообразование и правотворчество – важнейшие для общества и государства процессы, изученные в достаточно высокой степени. Правообразование традиционно рассматривается как первый этап правотворчества, где объективные законы общественного развития находят своё воплощение в решениях, нормативах, предписаниях. Что же касается правотворчества, то это непосредственная деятельность по созданию норм права, установлению их нормативного характера.

В одной из работ на эту тему, «Правообразование и правотворчество: единство и соотношения в доктрине и практике» (2023 г.), наглядно представлено доктринальное и практическое соотношение процессов правообразования и правотворчества [4]. Авторы отмечают, что поддержание оптимальных общественных отношений может осуществляться через правотворческую деятельность двумя путями:

– обеспечение высокого качества правотворчества для длительной работы законов;

– оперативное внесение корректировок в нормы права в соответствии с быстро меняющимися потребностями [4, с. 154].

Предлагается рассматривать правотворчество как «деятельность, которая должна осуществляться на плановой основе» и вместе с тем как сложный процесс, состоящий из шести последовательных этапов: познавательно-аналитического, нормотворческого, придания юридической силы, устранения дефектов, оценки эффективности, совершенствования.

Этот процесс не возникает спонтанно – ему всегда предшествует правообразование, определяемое как «перевод объективных законов общественного развития на язык решений, нормативов, предписаний, впоследствии облечённых в соответствующую юридическую форму посредством правотворческой деятельности», то есть первый этап правотворчества [5, с. 56].

Правообразование тесно связано с правовой идеологией и правовой психологией, то есть с правовым сознанием общества. Законодатель стремится воплотить в законах господствующие в обществе правовые идеи и ценности.

Как следствие, эффективность правотворчества оценивается по двум критериям:

а) юридическая (соответствие поведения адресатов норм предписанному);

б) социальная (достижение социально значимых целей) [6, с. 348].

Следовательно, если правообразование связано с формированием и трансформацией потребностей в правовом регулировании, то правотворчество – с непосредственным созданием правовых норм на основе этих потребностей.

Авторы подчёркивают, что «в условиях быстро развивающегося информационного общества без корректировок законодательства не обойтись, но они должны укреплять фундаментальное здание законодательства, а не перегружать, не "раздувать" и не "размывать" его» [4, с. 154]. Иными словами, динамичное развитие цифровых технологий и информационной среды требует оперативного реагирования со стороны законодателя посредством внесения изменений и дополнений в нормативно-правовую базу.

Ключевая задача заключается в том, чтобы правотворчество не просто «успевало» за темпами технологического развития, а активно формировало нормативно-правовую основу для цифровой трансформации ключевых сфер экономики и социальной жизни. Только такой упреждающий, проактивный подход к правотворчеству, опирающийся на глубокое осмысление закономерностей правообразования в условиях информационного общества, способен обеспечить эффективное правовое сопровождение инновационных процессов.

Прогнозирование и предвидение в праве, как отмечает Р.Ф. Степаненко, имеют исключительную важность в нормотворчестве, которое должно быть актуальным не только на ближайшую, но и отдаленную перспективу. Как бы это ни было сложно в эпоху развития цифровых технологий [7].

С эволюцией цифровых технологий неразрывно связаны следующие ключевые аспекты правообразующего и правотворческого влияния:

– противодействие пиратству и незаконному копированию (пиратство программного обеспечения и цифрового контента резко увеличилось с появлением персональных компьютеров и интернета, а некоторая степень невежества по вопросам авторских прав способствовала восприятию копирования как безвредного явления; в качестве правовой реакции последовали новые, более строгие меры борьбы с пиратством и незаконным копированием, а также установление формальных критериев – пиратство связано с коммерческим распространением защищённого контента, а незаконное копирование может иметь как личный, так и коммерческий характер [8]);

– развитие цифрового законодательства (в порядке адаптации к технологическим изменениям были приняты законодательные новеллы, касающиеся интеллектуальной собственности в цифровой среде);

– принятие международных обязательств и адаптация к международным нормам (Россия присоединилась к Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и подписала несколько международных направленных на гармонизацию законодательства об интеллектуальной собственности на глобальном уровне, что, в свою очередь, способствовало более благоприятной среде для инноваций);

– новые формы правовой защиты (поскольку искусственный интеллект становится неотъемлемой частью создания контента, возникает критически важный вопрос, кто владеет авторскими правами на созданное машиной произведение);

– формирование культуры уважения к интеллектуальной собственности (повышение осведомлённости о правах на интеллектуальную собственность способствует признанию ценности инноваций и творческого подхода).

Таким образом, развитие цифровых технологий трансформирует ландшафт интеллектуальной собственности, что находит своё выражение в следующем.

Во-первых, появление новых объектов интеллектуальной собственности, таких как продукты искусственного интеллекта, требует определения их правового статуса и решения вопросов распределения прав на них.

Во-вторых, развитие цифровых технологий влияет на процессы правообразования и правотворчества в сфере интеллектуальной собственности, так как законодателю необходимо оперативно реагировать на технологические изменения путём внесения корректировок в нормативно-правовую базу.

В-третьих, цифровизация меняет способы применения и толкования существующих норм об интеллектуальной собственности, включая их доктринальную интерпретацию.

В-четвёртых, цифровые технологии улучшают доступ к правосудию и юридической информации, что может способствовать становлению более справедливой правовой системы в сфере интеллектуальной собственности.

Как усматривается из этих обобщающих положений, к теоретико-правовым аспектам трансформаций ландшафта интеллектуальной собственности в условиях цифровизации можно отнести:

1) появление и эволюцию понятия «цифровые технологии» – от первоначальных определений в нормативных документах до более развёрнутых современных формулировок, включающих комплекс взаимосвязанных методов, способов, технологий;

2) включение результатов интеллектуальной деятельности, связанных с цифровыми технологиями, в состав объектов интеллектуальной собственности, закрепление в законодательстве понятия «интеллектуальные права»;

3) формирование правовых механизмов охраны интеллектуальной собственности в сфере цифровых технологий, в том числе авторских прав на программное обеспечение, баз данных, другие объекты;

4) появление правового регулирования новых технологий, таких как искусственный интеллект, с определением его понятия и характеристик.

Что касается гражданско-правовых аспектов трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, то, на наш взгляд, они сводятся к следующему:

1) закрепление исключительных прав правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой сфере, включая право на использование, распространение, воспроизведение;

2) установление мер ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности в цифровой среде, в том числе за незаконное копирование, воспроизведение;

3) регулирование отношений, связанных с созданием, использованием и распоряжением объектами интеллектуальной собственности, возникающими в процессе разработки и применения цифровых технологий;

4) определение правового статуса результатов деятельности искусственного интеллекта и вопросов распределения исключительных прав на них.

В заключение отметим следующие важные выводы:

1. Развитие цифровых технологий оказывает трансформирующее влияние на ландшафт интеллектуальной собственности, что проявляется в появлении новых объектов правовой охраны, таких как продукты искусственного интеллекта. Эти объекты требуют определения их правового статуса и решения вопросов распределения прав на них. Законодатель должен уметь прогнозировать эти изменения и предпринимать методологические усилия по минимизации наступления негативных правовых последствий.

2. Развитие цифровых технологий трансформирует способы применения и толкования существующих норм об интеллектуальной собственности, включая их доктринальную интерпретацию. Это требует адаптации правоприменительной практики к изменяющимся условиям.

3. Цифровизация, улучшая доступ к правосудию и юридической информации, может способствовать становлению более справедливой правовой системы в сфере интеллектуальной собственности.

4. Гражданско-правовые аспекты трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху включают: закрепление исключительных прав правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой сфере (право на использование, распространение, воспроизведение); установление мер ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности в цифровой среде (незаконное копирование, воспроизведение); регулирование отношений, связанных с созданием, использованием и распоряжением объектами интеллектуальной собственности, возникающими в процессе разработки и применения цифровых технологий; определение правового статуса результатов деятельности искусственного интеллекта и вопросов распределения исключительных прав на них.

Литература:

1. Газизуллин Р.И., Хамидуллина Ф.И. Экономическая свобода и добросовестность как системообразующие начала правовой концепции социальной ответственности бизнеса // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 121–131.
2. Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54.

3. Терещенко, Т.А. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: «мягкая» адаптация классической концепции // Право цифровой экономики. 2022. № 18. С. 98–128.
4. Милов П.О., Румянцев М.Б. Правообразование и правотворчество: единство и соотношения в доктрине и практике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 11. С. 153–156.
5. Метшин И.Р. «Правообразование» как теоретико-правовая категория // Вестник экономической безопасности МВД России. 2011. № 6. С. 56–60.
6. Мушинский М.А. Эффективность правотворческой деятельности и эффективность законодательства: соотношение и критерии // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 347–352.
7. Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54.
8. Идрисов Х.В. Отдельные вопросы правового регулирования размещения объектов интеллектуальной собственности в сети интернет: проблемные аспекты и поиск путей решения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 24. С. 556–566.

Transformations of the Intellectual Property Landscape in the Digital Age

Alamova S.M.
University of Management «TISBI» (Kazan)

This article examines the chronological sequence of changes affecting the objects of legal protection that constitute the intellectual property landscape during the transition from the analog to the digital environment. Digital transformation is changing the conditions for the creation, use and protection of intellectual property results, accompanied by the increasing complexity of civil law mechanisms of circulation, the growing risks of unlawful copying of works, as well as the emergence of new objects related to artificial intelligence and digital technologies. These circumstances determine the relevance of the present research and the necessity of scholarly reflection on the transformations of intellectual property in the digital era.

The aim of the study is to provide a comprehensive analysis of the transformation of the legal landscape of intellectual property under the influence of digital technologies and to identify the main theoretical, legal and civil aspects of such changes. To achieve this aim, the following objectives were set: to examine the interrelation of the processes of legal formation and law-making in the context of digital transformation, to analyze the civil law mechanisms of intellectual property regulation in the digital environment, and to determine the legal status of new intellectual property objects.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in legislative activity when amending civil law norms, as well as in law enforcement practice in resolving disputes related to intellectual property in the digital sphere. The scientific significance consists in the systematization of theoretical, legal and civil aspects of intellectual property transformation, the identification of patterns in the development of legislation in the digital era, and the formation of conceptual approaches to the legal protection of new objects.

The scientific novelty of the research lies in a comprehensive approach to understanding the interrelation of legal formation, law-making, and law enforcement in the context of the dynamic development of digital technologies and the information environment. Based on systemic analysis, it is shown that law-making activity should be not only reactive but also proactive, outpacing the pace of technological changes in order to ensure effective legal support for innovative processes.

The study concludes that law-making activity should be aimed at adapting legislation to the new realities of the digital world, which entails identifying the main aspects of the transformation of the intellectual property landscape, as well as addressing legal issues arising from the emergence of new objects of legal protection that require the determination of their legal status.

Keywords: intellectual property, digital technologies, digitalization, artificial intelligence, legal education, law-making, the landscape of intellectual property

УДК 332.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-165-169

Россия и исламский мир: международно-правовые основы сотрудничества

Алтаяков Ф.Н.
Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена анализу возникновения и применения международно-правовых основ сотрудничества между Организацией Исламского сотрудничества и Российской Федерацией. Целью исследования является проведение анализа сотрудничества сторон с практической точки зрения, а также определение теоретической основы их взаимодействия на межгосударственном уровне. В рамках исследования была проведена аналитическая работа по изучению особенностей и проблем взаимодействия Российской Федерации и Организации исламского сотрудничества в различных сферах. Исследованы заключённые между странами международные соглашения в сфере безопасности и защиты прав человека, выявлены проблемы во взаимоотношениях сторон.

***Ключевые слова**: исламский мир, Организация исламского сотрудничества (ОИС), Российская Федерация, принципы международного права, сотрудничество, права человека, гармонизация правовых систем*

***Для цитирования:** Алтаяков Ф.Н. Россия и исламский мир: международно-правовые основы сотрудничества // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 165–169. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-165-169.*

Изучение международно-правовых основ сотрудничества остается важной темой для исследования в современном мире. Это сотрудничество имеет множество аспектов – как политических и экономических, так и социальных. В наше время вопросы взаимодействия и сотрудничества между государствами играют ключевую роль в сохранении международного мира и безопасности. Особое внимание уделяется партнёрским отношениям между государствами с различными религиозными и культурными традициями. Одним из примеров такого сотрудничества следует рассматривать взаимодействие России и исламского мира. Это сотрудничество базируется на международно-правовых принципах, которые регулируют отношения между государствами и устанавливают правила и нормы поведения на международной арене. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления правовых основ этого взаимодействия, а также выявления и анализа существующих противоречий между универсальными нормами международного права и исламской правовой традицией.

Исламский мир представляет собой огромный комплекс государств и общин, объединенных общими религиозными и культурными ценностями и традициями. Этот комплекс охватывает более 1,8 млрд чел. и представлен различными по своему государственно-правовому режиму государствами, включая Саудовскую Аравию, Иран, Турцию, Индонезию, Пакистан, Египет и многие другие. Россия, в свою очередь, является крупнейшим по территории государством, расположенным на стыке Европы и Азии.

Основным вопросом дискуссии являются существенные расхождения между международными стандартами в области прав человека и положениями исламского права, что создает определенные препятствия для эффективного сотрудничества. Наиболее ярко это проявляется в различных подходах к защите прав женщин, религиозных меньшинств и трактовке таких понятий, как свобода

совести и вероисповедания. Данное противоречие требует детального правового анализа и выработки механизмов гармонизации.

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ международно-правовых основ сотрудничества России и Организации исламского сотрудничества (далее – ОИС), выявление основных проблем взаимодействия и разработка научно-обоснованных рекомендаций по их преодолению. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, анализируется нормативно-правовая база сотрудничества; во-вторых, выявляются основные противоречия между правовыми системами; в-третьих, оценивается эффективность существующих механизмов взаимодействия; в-четвертых, разрабатываются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Основой сотрудничества России и исламского мира являются международные договоры и соглашения, которые устанавливают рамки взаимодействия и определяют взаимные обязательства сторон. Сравнительно-правовой метод позволяет провести анализ соответствия норм ОИС универсальным стандартам международного права. Системный метод применяется для изучения взаимодействия России и ОИС в контексте современных международных отношений. Формально-юридический метод используется для интерпретации положений международных договоров и соглашений. Одним из важных документов, регулирующих отношения между Россией и исламским миром, является Хартия Организации исламского сотрудничества, которая была принята в 1969 г. и объединяет 57 государств-членов. Этот документ устанавливает принципы сотрудничества в политической, экономической и культурной сферах, а также принципы невмешательства во внутренние дела государств-членов.

При рассмотрении Организации исламского сотрудничества необходимо отметить, что ее можно рассматривать в качестве международной религиозной организации. Однако применение данного подхода некорректно и не отражает сущность и особенности данной организации. В отличие от неправительственных религиозных организаций, ОИС является межправительственной структурой. Её создание было направлено на обеспечение исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах, а также на борьбу с колониализмом, неоколониализмом и расизмом [1]. При этом в основе деятельности организации лежит принцип верховенства норм шариата [2].

С 2003 г. началось активное укрепление взаимодействия России с исламским миром. С июня 2005 г. Российская Федерация получила статус наблюдателя в ОИС. Президент России высоко оценил это событие и определил развитие отношений с исламским миром как один из приоритетов внешней политики страны [3].

Устав ОИС является одним из основополагающих документов, определяющих принципы и нормы международного права. Россия активно участвует в деятельности организации как постоянный партнёр.

Как указывалось, ранее, основными целями ОИС являются укрепление связей между исламскими странами, защита прав и свобод человека, а также содействие мирному сосуществованию и взаимопониманию между различными странами. Российская Федерация поддерживает эти принципы и стремится к построению диалога со странами исламского мира на основе уважения традиций.

В 2007 г. Российская Федерация вступила в ИСЕСКО (исламское подразделение ЮНЕСКО). На постоянной основе функционирует российское представительство при Лиге арабских государств. В рамках ОПЕК и ОПЕК+ развивается взаимодействие с арабскими странами – экспортёрами нефти и газа.

Российская Федерация и исламский мир столкнулись с общими вызовами от западных стран, среди которых главным является стремление коллективного Запада удержать свои позиции, для чего оказывается сопротивление альтернативным центрам силы, навязывается свое видение общемировых процессов. Все это укрепило сотрудничество между исламским миром и Россией в сфере формирования стабильного миропорядка, в основе которого лежит верховенство международного права, принципы равноправия, уважение суверенитета, а также защита прав и свобод человека.

Россия и многие исламские страны являются участниками Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., которая устанавливает международный правовой статус понятия «геноцид» как тягчайшего преступления против человечества, а также даёт его юридическое определение. Всем странам – участницам конвенции, предписывается принимать меры к предотвращению и наказанию актов геноцида в военное и мирное время.

Другим международно-правовым актом, который стал основой сотрудничества Российской Федерации и исламского мира является Конвенция Организации исламской конференции против терроризма 1999 г.

В соответствии с принципами исламского шариата, отвергающего все формы насилия и терроризма, особенно основанные на экстремизме, документ призывает государства-участники к сотрудничеству в борьбе с международным терроризмом.

Договор между Российской Федерацией и Организацией исламской конференции о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, экстремизмом и организо-

ванной преступностью (2003 г.) устанавливает меры сотрудничества между Россией и исламским миром для борьбы с угрозами терроризма, экстремизма и организованной преступности.

Всемирная декларация прав человека (1948 г.) устанавливает основные права и свободы всех людей без различия, включая жителей исламских стран и мусульман, и призывает к соблюдению этих прав. Однако в силу текущей геополитической ситуации в мире Россия перестаёт являться Высокой Договаривающейся Стороной данной Конвенции с 16 сентября 2022 г. согласно Резолюции ЕСПЧ от 22.03.2022 г., что, однако, не является препятствием для сотрудничества с ОИС, так как данное сотрудничество построено прежде всего на общепризнанных принципах соблюдения прав и свобод человека.

Также важным документом, регулирующим сотрудничество между Россией и исламским миром, является Декларация о стратегическом партнёрстве между Россией и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Этот документ определяет основные направления сотрудничества в области политики, экономики, культуры и обороны, а также подчёркивает важность совместных действий по обеспечению мира и стабильности в регионе.

В настоящее время Российская Федерация является надёжным партнёром Организации исламского сотрудничества на международной арене. Это подтверждается в первую очередь политикой сотрудничества, сформированной на основе принципов международного права.

В последние годы развитие взаимоотношений Российской Федерации и исламского мира выходит на новый уровень, что благоприятствует решению различных проблем как глобального, так и регионального уровня.

Заместитель министра экономического развития России Ильичёв Владимир Евгеньевич в своём интервью отметил, что в настоящее время Россия в сотрудничестве с исламским миром видит большие перспективы. Позиция исламского мира о самостоятельной и независимой политике близка для нашей страны, и в связи с этим Россия рассматривает исламский мир как надёжных стратегических партнёров, с которыми готова развивать не только двусторонние отношения, но и отношения в рамках ОИС.

31 марта 2023 г. издан Указ Президента Российской Федерации № 229 «Об утверждении внешней политики Российской Федерации», в котором подчёркивается важность партнёрства Российской Федерации и исламского мира и развитие доверительного взаимодействия со странами исламского мира.

В 2024 г. в Казани прошёл уже XV Международный экономический форум «Россия – исламский мир», по итогам которого заключено 120 важных соглашений и меморандумов, целью которых является развитие экономического сотрудничества между странами исламского мира и Россией. Подписанные на форуме соглашения и меморандумы свидетельствуют о стремлении стран к углублению взаимовыгодного сотрудничества и развитию экономических отношений.

В частности, одним из самых значимых документов, который был подписан на форуме, является соглашение о сотрудничестве в сфере энергетики между Россией и странами ОИС. Это соглашение предусматривает расширение сотрудничества в области разработки и добычи энергетических ресурсов, а также развитие взаимовыгодных инвестиций.

Кроме того, на форуме был подписан меморандум о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства между Россией и странами ОИС. Этот документ направлен на развитие сельского хозяйства в регионах с умеренным климатом и обмен опытом в области сельского хозяйства.

Также стоит отметить прогресс в развитии сотрудничества между Россией и странами ОИС в сфере торговли и инвестиций. Например, в последнее время наблюдается увеличение объёмов торговли между Россией и странами Ближнего Востока, а также рост инвестиций в различные проекты, что связано с активным развитием в России сферы исламского банкинга.

В ближайшем будущем между Россией и странами Организации исламского сотрудничества прогнозируется увеличение объёма торговли, расширение культурного обмена, усиление сотрудничества в области мировой безопасности, а также в борьбе с терроризмом.

Особое внимание будет уделено сотрудничеству в области энергетики. Поскольку Россия является крупным производителем газа и нефти, это делает её ключевым партнёром для многих стран исламского мира.

Кроме того, важным направлением сотрудничества станет сфера борьбы с международным терроризмом. Поскольку в последние десятилетия исламский мир столкнулся с ростом активности радикальных группировок.

Несмотря на расширение сотрудничества Российской Федерации с ОИС, с правовой точки зрения остаются некоторые трудности в сфере защиты прав человека, поскольку некоторые принципы Организации исламского сотрудничества могут противоречить международным стандартам прав человека.

Как, например, страны исламского мира придерживаются традиционных норм, которые могут противоречить или вступать в противоречие с универсальными правами человека, признанными международным сообществом. Однако, анализируя акты, принятые ОИС в ходе своей деятельности, следует отметить, что страны-участницы намерены следовать к гармонизации законодательства в части

соблюдения прав и свобод человека. Так, например, Каирская декларация 1990 г. стала своеобразным актом примирения концепции прав человека и ислама [4], несмотря на то, что большинство государств-членов скептически относятся к соблюдению некоторых прав человека, противоречащих, по их мнению, традиционным ценностям.

Данная ситуация может спровоцировать нарушения прав меньшинств и других уязвимых групп либо привести к недостаточной защищённости и недопониманию в рамках сотрудничества [5].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить несколько уровней проблем во взаимодействии России и ОИС. На нормативном уровне наблюдаются расхождения в трактовке фундаментальных прав и свобод. Например, Каирская декларация о правах человека в исламе (1990 г.) ставит нормы шариата выше положений Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). На институциональном уровне отмечается недостаточная эффективность механизмов реализации совместных решений. На практическом уровне возникают сложности с внедрением международных норм в национальные правовые системы.

С этой точки зрения появляется необходимость в разработке концепции адаптивного правового взаимодействия, которая предполагает создание гибких механизмов гармонизации норм международного и исламского права. А именно, предлагается учреждение постоянно действующей российско-исламской правовой комиссии, которая могла бы вырабатывать компромиссные решения по спорным вопросам.

Таким образом, подводя итоги всего вышесказанного, сотрудничество России и исламского мира — это не предмет политической конъюнктуры. Данное сотрудничество, прежде всего, важный фактор для установления справедливого миропорядка, а также поддержания межконфессионального мира. Взаимодействие Российской Федерации и исламского мира отвечает интересам нового мироустройства, благосостояния и налаживанию новых путей в международной стабильности путём всеобщего решения глобальных проблем.

Его дальнейшая эффективность будет зависеть от способности сторон находить баланс между соблюдением международных стандартов и учётом культурно-религиозных особенностей. Перспективным направлением представляется углубление взаимодействия в таких сферах, как борьба с международным терроризмом, экономическое сотрудничество и культурный обмен, при одновременной разработке новых механизмов правовой гармонизации.

Литература:

1. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. Права человека в международных исламских документах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 73–80.
2. Вершинина В.Ю. Религиозный фактор международных отношений в XXI веке // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 6–11.
3. Васецова Е.С. Взаимодействие Российской Федерации и организации Исламского сотрудничества в контексте глобальных политических процессов. // Вестник Московского Университета. Сер. 27. Глобалистика и Геополитика. 2018. № 4. С. 36–44.
4. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Компетенция Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека // «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция». 2013. № 3 (20). С. 113–119.
5. Иванов Д.В., Пчелинцева В.В. Международная защита и поощрение прав человека в организации исламского сотрудничества: современные тенденции // Право и управление. XXI век. 2021. № 2(59)/2021. С. 13 – 22.
6. Албутиф М.А.К. Траектории формирования, современное состояние и проблемы развития исламской системы защиты прав человека в контексте регионализации правозащитных систем // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 3–12.
7. Дорская А.А. Международные религиозные организации и формирование международного гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 7–10.
8. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2406.

Russia and the Islamic World: the International Legal Framework for Cooperation

Altayakov F.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the emergence and application of the international legal framework for cooperation between the Organization of Islamic Cooperation and the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the cooperation of the parties from a practical point of view, as well as to determine the theoretical basis of their interaction at the interstate level. Analytical work has been carried out to study the specifics and problems of interaction between the Russian Federation and the Organization of Islamic Cooperation in various fields, international agreements concluded between the countries in the field of security and protection of human rights have been studied, problems in the relationship between the parties have been identified.

Keywords: Islamic World, Organization of Islamic Cooperation (OIC), Russian Federation, principles of international law, cooperation, human rights, harmonization of legal systems

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-170-174

К вопросу о дефиниции принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе

Асадуллина А.А.
Заместитель председателя районного суда
Советский районный суд г. Уфы

В условиях современного развития уголовного судопроизводства возникает острая необходимость в углубленном понимании основополагающих принципов права, таких как равенство перед законом и равенство перед судом. Актуальность темы обусловлена тем, что недостаточное разграничение этих принципов может приводить к нарушениям прав участников процесса и несправедливому отправлению правосудия.

Цель исследования состоит в дифференцированном анализе принципов равенства перед законом и равенства перед судом в уголовном процессе. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: определить содержание правовых категорий «закон» и «суд» в контексте уголовного судопроизводства; выявить особенности применения принципа равенства к различным участникам процесса; обосновать необходимость широкого толкования понятий для обеспечения максимальной защиты прав и свобод человека.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования способствуют более точному пониманию и применению принципов уголовного процесса, что имеет непосредственное влияние на защиту прав участников и справедливость судебных решений. Предложенные автором подходы могут использоваться при совершенствовании законодательной базы и в практике правоприменения.

В ходе исследования установлено, что равенство перед законом подразумевает подчинение всех участников уголовного процесса единым нормам материального и процессуального права, однако с учетом их процессуального статуса. Дифференциация прав и обязанностей допустима исключительно на основании процессуальной роли, и любые другие критерии разграничения противоречат данному принципу. Кроме того, принцип равенства перед судом требует глубокого осмысления понятия «суд» не только как института, принимающего решения, но и как формы реализации правовой справедливости и равноправия в процессе отправления правосудия.

Ключевые слова: *принцип равенства, уголовный процесс, закон, суд, правосудие, уголовно-процессуальные отношения*

Для цитирования: *Асадуллина А.А. К вопросу о дефиниции принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 170–174. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-170-174.*

Принцип равенства всех перед законом и судом является фундаментальным конституционным положением, закрепленным в ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Согласно Основному закону, государство гарантирует равные права и свободы для всех граждан вне зависимости от характеризующих их обстоятельств [1]. Помимо Конституции РФ данная правовая категория содержится в Федеральном конституционном законе (далее – ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 7) [2], ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ст. 5) [3], Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 6) [4], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 7) [5], Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 1.4) [6], Уголовном кодекс РФ (ст. 4) [7] и др. Однако, несмотря на широкое распространение данного принципа в различных отраслях права, ни в одном нормативно-правовом акте не содержится сущностного определения понятия. Позиции законодателя сформулированы таким образом, что принцип равенства всех перед законом и судом раскрывается посредством тавтологического определения либо дублирования Основного закона [8].

Вместе с тем современные исследования в области юриспруденции демонстрируют отсутствие единого научно обоснованного определения понятия «равенство всех перед законом и судом». Большинство существующих трактовок не соответствуют критериям научной достоверности. Более того, использование субъективно-законодательного подхода при формировании системы принципов уголовного судопроизводства фактически исключило анализ сущностного содержания данного понятия из учебных изданий по уголовному процессу, что обусловлено отсутствием прямого закрепления этого принципа в гл. 2 УПК РФ [9, с. 93]. Полагаем, что представленные аргументы убедительно свидетельствуют о необходимости комплексного изучения реализации принципа равенства перед законом и судом в системе уголовного процесса.

Анализ научных источников свидетельствует о распространённом применении принципа равенства перед законом и судом в разных сферах правового регулирования. Так, при формулировании сущностной дефиниции исследователи определяют данный принцип как: одно из слагаемых правового равенства [10, с. 36–37] (теория государства и права); объективно существующая основополагающая закономерность [11, с. 8], сложное правовое явление [12, с. 13], принцип правового равенства [14, с. 8] (конституционное право); требование закона, обращение [14, с. 44], руководящая идея [15, с. 7–8], возможность судьи (суда) [8, с. 9], (уголовный процесс); принцип [16, с. 7] (уголовное право); правило (арбитражное судопроизводство) [17, с. 8].

Принимая во внимание каждую из существующих научных позиций, авторы тем не менее не смогли устранить системные недостатки, заложенные законодателем. Кроме того, отдельные формулировки нельзя признать исчерпывающими, поскольку они сосредоточены на регулировании статуса граждан, когда акцент должен быть смещён на то, как принцип равенства, выступающий в качестве фундаментального принципа правосудия, структурирует и регламентирует деятельность суда [8, с. 47]. Вместе с тем, стоит отметить, что ряд учёных рассматривает принцип равенства исключительно в контексте одного из правовых институтов: закона или суда, или же вовсе категорически отвергают возможность деления данного принципа на самостоятельные элементы, приводя в качестве аргумента следующие положения:

– суд Российской Федерации реализует наряду с правоприменительной функцией и правотворческую [12, с. 13];

– принцип равенства перед судом, подразумевающий наделение всех граждан одинаковыми процессуальными правами и обязанностями, по своей сути не отличается от понятия равенства всех перед законом [14, с. 17];

– разделение принципа равенства перед судом и равенства перед законом не только не углубляет понимание их сущности, но и создаёт искусственную границу между взаимосвязанными понятиями [9, с. 71].

Согласно нашему мнению, правовые категории «суд» и «закон» весьма конкретны, поэтому говорить об их смешении невозможно. Каждая из приведенных категорий отличается функциональным предназначением и регулятивной ролью, реализуемой как судом, так и законом. Более того, правотворческая деятельность суда, оставаясь важной частью его функций, не относится исключительно к сфере правосудия, так как выходит за пределы простого применения права. Именно поэтому различие между равенством перед законом и равенством перед судом имеет логическое объяснение. К тому же, проведя сравнительный анализ, следует отметить, что понятие равенства перед законом обладает более широкой сферой действия, поскольку регулирует правовой статус субъектов во всех видах правоотношений, тогда как равенство перед судом реализуется исключительно в сфере отправления правосудия.

Для углубленного исследования данного правового института представляется методологически оправданным дифференцированный анализ «принципа равенства перед законом» и «принципа равенства перед судом».

1. *Равенство перед законом*. Прежде чем приступить к анализу сущности принципа равенства перед законом, необходимо провести содержательное исследование самой правовой категории «закон».

В юридической доктрине существует два подхода к определению понятия «закон»:

1) в широком понимании – норма права, исходящая непосредственно от государства [18, с. 381];

2) в узком понимании – первичные нормативные акты, принятые в особом порядке, которые отражают общегосударственную волю и имеют высшую юридическую силу [19, с. 219].

Тем не менее при исследовании принципа равенства перед законом в уголовном судопроизводстве ключевое значение имеет не сам факт существования различных подходов, а выбор наиболее обоснованного из них. Поскольку ч. 1 ст. 19 Конституции РФ сформулирована кратко и не содержит однозначных критериев, предпочтение следует отдать той трактовке, которая обеспечивает максимальную защиту прав и свобод человека. В данном контексте под «законом» целесообразно понимать всю совокупность нормативно-правовых актов, включая законы и подзаконные акты, а не только узкую категорию законодательных источников.

Принцип равенства перед законом распространяется только на участников уголовного процесса, относящихся к одной категории, и не подразумевает одинакового объема прав и обязанностей для представителей разных процессуальных статусов. Например, подсудимый и потерпевший, а также свидетель и обвинитель не могут обладать идентичными правами и обязанностями, поскольку их роли в судопроизводстве принципиально различны. Отсюда можно сделать вывод, что дифференциация правового статуса участников уголовного процесса допустима исключительно по критерию их процессуального положения – это соответствует принципу равенства в судопроизводстве. Любые иные основания для различий (включая служебный статус, что особенно актуально для должностных лиц) представляют собой отступление от данного принципа. Если такие исключения выходят за установленные законом рамки, они становятся прямым нарушением равенства перед законом.

Таким образом, принцип равенства перед законом в уголовном судопроизводстве означает, что все участники процесса подчиняются одним и тем же нормам материального и процессуального права. При этом допускаются разумные исключения, если они прямо предусмотрены законом, соответствуют Конституции РФ и необходимы для достижения справедливости.

2. *Равенство перед судом.* Что касается определения понятия «равенство перед судом», то для точного понимания данного принципа в уголовном процессе необходимо раскрыть содержание термина «суд». Так, согласно законодательному подходу судом признается любой суд общей юрисдикции, который рассматривает уголовные дела по существу и выносит предусмотренные УПК РФ решения (п. 48 ст. 5 УПК РФ). Однако, по нашему мнению, данное определение нельзя признать исчерпывающим, поскольку оно не отражает полного смыслового значения термина. Поэтому, учитывая существующие научные позиции, полагаем, что наиболее оптимальным представлением о сущности правовой категории «суд» в процессуальном значении является следующее определение: это форма реализации равенства как принципа правосудия. При этом правосудием следует считать любую процессуальную деятельность суда, осуществляемую от имени государства в рамках конституционного, уголовного, гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, связанную с разрешением спорных правоотношений. Суд (судья) реализует ее в пределах своих властных полномочий на основе принципов Конституции и норм действующего законодательства [20, с. 35].

Обращая внимание на правоприменительную роль равенства всех перед судом как принципа правосудия, укажем: законодательство строго запрещает суду, рассматриваемому в субъектно-персональном аспекте, оказывать предпочтение любым лицам (ч. 2 ст. 7 ФКЗ «О судебной системе РФ», ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ»). Это означает, что суд обязан выполнять процессуальные действия с одинаковой степенью внимательности и объективности в отношении всех участников процесса, без каких-либо исключений. Данный принцип действует независимо от категорий участников и характера устанавливаемых обстоятельств. При таком соблюдении принципа беспристрастности судебное решение по рассматриваемому вопросу может быть принято в пользу любой из сторон, в отношении которой у судьи сложилось внутреннее убеждение, исходя из конкретных обстоятельств дела. Это убеждение формируется в результате всестороннего, полного, объективного и непосредственного анализа представленных доказательств, как того требует законодательство.

Таким образом, принцип равенства перед судом как фундаментальная основа правосудия предполагает беспристрастное, объективное, без каких-либо исключений отношение к участникам уголовного судопроизводства. Это позволяет сделать вывод о тождественности принципов равенства всех перед судом и беспристрастности судей.

В таком понимании возможно указать, что принцип равенства перед судом, в отличие от равенства перед законом, не допускает никаких исключений – любое отступление от него является прямым нарушением. Более того, предвзятое, зависимое или пристрастное отношение суда к участникам уголовного процесса также представляет собой форму несоблюдения данного принципа.

Изучив законодательные и доктринальные подходы к пониманию сущности равенства всех перед законом и судом и приняв их к сведению, полагаем, что оптимальной теоретической моделью дефиниции данного принципа является следующее определение: равенство всех перед законом и судом –

принцип уголовного судопроизводства, требующий от государственных органов обеспечивать его проведение беспристрастно, без предоставления преимуществ или дискриминации любых участников процесса – физических и юридических лиц (либо их групп).

Полагаем, что данное определение предоставит возможность конкретизировать содержание анализируемого понятия, а также определить его ключевые признаки. Оно может стать основой для дальнейшего исследования его составных элементов, признаков, гарантий и механизма реализации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.032020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 1. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 января. № 3.
3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 11 февраля. № 29.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября. № 220.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля. № 137.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 12.07.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня. № 118.
8. Романенко Н.В. Реализация принципа равенства перед законом и судом при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении представителей власти: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 221 с.
9. Задорожная В.А. Дефиниция понятия «равенство всех перед законом и судом» в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 1 (35). С. 91–100.
10. Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): моногр. Волгоград, 2005. 132 с.
11. Магомедова П.Р. Конституционный принцип равенства перед законом и судом в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.
12. Дуллуев З.А. Реализация принципа равенства перед законом и судом в современной России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.
13. Малясов Р.А. Конституционный принцип равенства человека и гражданина перед судом в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 29 с.
14. Пастухов П.С. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе Российской Федерации (досудеб. прво): дисс. … канд. юрид. наук. М., 1998. 201 с.
15. Брциева З.Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
16. Лактаева А.Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 25 с.
17. Россошанский А.А. Конституционный принцип равенства перед судом: реализация в арбитражном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
18. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. 805 с.
19. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. М.: Проспект, 2009. 576 с.
20. Правоохранительные органы: учеб. для среднего проф. образования / Под ред. В.М. Бозрова. М.: Изда-во Юрайт, 2025. 383 с.

On the Definition of the Principle of Equality Before the Law and Court in Criminal Proceedings

Asadullina A.A.
Sovetsky District Court of Ufa

In the context of the current development of criminal proceedings, there is an urgent need for a deeper understanding of the fundamental principles of law, such as equality before the law and equality before the court. The relevance of this topic is due to the fact that a lack of distinction between these principles

can lead to violations of the rights of participants in the process and an unfair administration of justice. The purpose of this study is to provide a differentiated analysis of the principles of equality before the law and equality before the court in the criminal process. To achieve this goal, the following tasks were set: to determine the content of the legal categories "law" and "court" in the context of criminal proceedings; to identify the specifics of applying the principle of equality to various participants in the process; and to justify the need for a broad interpretation of these concepts in order to ensure maximum protection of human rights and freedoms.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that the results of the study contribute to a more accurate understanding and application of the principles of criminal procedure, which has a direct impact on the protection of the rights of participants and the fairness of court decisions. The approaches proposed by the author can be used to improve the legislative framework and in the practice of law enforcement.

The study has established that equality before the law implies that all participants in the criminal process are subject to the same rules of substantive and procedural law, but with consideration of their procedural status. Differentiation of rights and obligations is permissible only based on their procedural role, and any other criteria for differentiation contradict this principle. In addition, the principle of equality before the court requires a deep understanding of the concept of "court" not only as a decision-making institution, but also as a form of legal justice and equality in the process of administering justice.

Keywords: principle of equality, criminal procedure, law, court, justice, criminal procedural relations

УДК 343.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-175-179

Соотношение преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов и других видов преступности

Бурганов Р.С.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов является одной из важных разновидностей преступности и объектов криминологического исследования и воздействия. Данный вид преступности представляет большую общественную опасность; деяния, составляющие этот вид преступности, обладают большим общественным резонансом и требуют активных мер по их предотвращению. Выяснение сущности и особенностей данного вида преступности представляет большой научный и практический интерес.

Целью данного исследования является уяснение того места, которое занимает преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов среди других видов преступности. Данную цель автор достигает путем разрешения следующих задач: установление критериев разграничения разных видов преступности, выявление соотношения преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов со смежными видами преступности.

В статье автор рассматривает соотношение преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов, с одной стороны, и служебной преступности, должностной преступности, коррупционной преступности и некоторых других видов преступности – с другой. В качестве критериев разграничения автор использует несколько оснований: субъект преступления, личность преступника, способы совершения преступления, мотивы и цели совершения преступлений, причины и условия совершения преступлений.

Автор выделяет специфические черты преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов, благодаря которым ее можно отделить от других видов преступности и выработать эффективные меры борьбы с данным видом преступности.

Ключевые слова: *преступность, служебная преступность, должностная преступность, преступность сотрудников органов внутренних дел, виды преступности, личность преступника, криминологическая классификация, предупреждение преступлений*

Для цитирования: *Бурганов Р.С. Соотношение преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов и других видов преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 175–179. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-175-179.*

Преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов является самостоятельным видом преступности. Выделение данного вида преступности основано на нескольких критериях, которые тесно взаимосвязаны: субъект преступления, мотивы совершения преступлений, причинный ком-

плекс. Вместе с тем основным критерием, конечно же, является субъект преступления – сотрудники правоохранительных и судебных органов. Под преступностью сотрудников правоохранительных и судебных органов как отдельным видом преступности мы понимаем относительно массовое, устойчивое, специфическое, негативное явление, представляющее собой совокупность (систему) преступлений, совершаемых за определенный промежуток времени особой категорией граждан – сотрудниками правоохранительных и судебных органов, а также лиц, их совершивших.

Следует отметить, что, изучая данный вид преступности, нельзя ограничивать все лишь статусом лиц, совершающих преступления, их нахождением в настоящий момент на службе или замещением конкретной должности. В предмет изучения преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов входит и совершение преступлений бывшими сотрудниками правоохранительных и судебных органов, уволенными со службы (полномочия которых прекращены). Сюда входят и лица, уволенные непосредственно после какого-либо инцидента, но до возбуждения уголовного дела или его рассмотрения, уволенные «задним числом», уволившиеся по своей инициативе, а также лица, совершающие преступления по истечении большого периода времени со дня их увольнения или прекращения полномочий. Данные лица сохраняют как особенности личности, мышления, ценности, приоритеты, так и круг общения, знакомств, поддержание контактов с бывшими коллегами.

Для уяснения особенностей рассматриваемого вида преступности следует разграничить его с другими. Здесь следует отметить, что в российской криминологической науке существует немало исследований по смежным видам преступности. Некоторые из них мы разберем в этой статье.

Служебная преступность. А.И. Кондин определяет данный вид преступности как «статистическое множество преступлений, совершенных в связи со служебной деятельностью правонарушителей» [1, с. 196]. Автор замечает, что «категория служебных преступлений шире должностных: следовательно, должностная преступность является структурным элементом служебной преступности». Представляется, что в данном случае критерием выделения вида преступности является даже не субъект преступления, а наличие особых полномочий и связь преступного деяния с этими полномочиями.

А.Л. Баландин сужает предмет исследования и пишет об особом виде преступности – «служебной коррупционной преступности». Он дает следующее определение данного вида преступности: «предусмотренное законом общественно опасное деяние, характеризующееся незаконным использованием должностным лицом своего специального служебного положения, совершаемое с прямым умыслом и целью получения выгоды» [2, с. 109]. Преступления, совершенные с коррупционным мотивом, составляют значительную долю среди служебных преступлений и заслуживают отдельного освещения.

Говоря о соотношении служебной преступности и преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов, следует учитывать, что последний вид преступности отличается от первого по субъекту преступления. Им является не должностное лицо и не лицо, наделенное какими-либо полномочиями, а лицо, находящееся или находившееся на службе в вышеназванных органах.

Должностная преступность. В ряде исследований рассматривается и должностная преступность. Так, А.В. Какнаева рассматривает ее как «социально-правовое, исторически изменчивое, негативное, массовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершаемых специальным субъектом – должностными лицами единственно с использованием служебного положения, на определенной территории за конкретный период с количественными и качественными характеристиками» [3, с. 21]. Как видно, автор выделяет два основных признака должностной преступности: специальный субъект и совершение преступления с использованием служебного положения. Отличие данного вида преступности от преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов заключается в особом специальном статусе последних, так как они выполняют функции судебной власти и осуществляют правоохранительную деятельность. Предметом исследования в случае должностной преступности являются и все иные должностные лица (государственные и муниципальные служащие и др.). Кроме того, на наш взгляд, более перспективным представляется исследование преступлений, совершаемых лицами, уже не обладающими в настоящий момент признаками должностного лица и совершающих преступления не только с использованием служебного положения.

Иной подход при определении должностной преступности демонстрирует Ю.С. Пестерева, которая определяет должностную преступность как «относительно массовое устойчивое социально-правовое явление, заключающееся в совокупности преступлений, направленных против интересов государства, совершенных лицами, наделенными властными полномочиями» [4, с. 52–53].

Направленность против интересов государства в определенной степени сужает круг преступлений, входящих в объем понятия «должностная преступность», так же, как и «наделенность властными полномочиями».

В учебнике по криминологии под редакцией В.Д. Малкова в отдельной главе рассматриваются должностная и коррупционная преступность. Под

первой авторы понимают «совокупность совершаемых должностными лицами преступлений (и лиц, их совершивших) против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [5, гл. 16]. Такой подход более конкретен, беря за основу наименование гл. 30 УК РФ и понятие «должностное лицо», он в большей степени связан с уголовным законом.

Преступления против правосудия как объект криминологического исследования. В учебнике по криминологии под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова [6] одна из глав в особенной части посвящена преступлениям против правосудия. В данной главе отмечается, что преступления совершаются и в самой правоохранительной системе «как сотрудниками правоохранительных органов, так и иными лицами, заинтересованными в исходе дела». Рассматривается здесь и личность сотрудников правоохранительных органов, которые характеризуются как «люди беспринципные, безразличные к требованиям закона, ставящие свои личные интересы выше интересов правосудия, которому они призваны служить». В данном учебнике выделяются и основные направления предупреждения преступлений против правосудия.

Такой подход представляется нам продуктивным. Вместе с тем следует отметить, что здесь рассматриваются лишь преступления против правосудия, а другим преступлениям сотрудников правоохранительных и судебных органов не уделяется внимание. Кроме того, при исследовании преступности против правосудия исследуются и преступления, совершаемые другими лицами (не сотрудниками правоохранительных и судебных органов). Судебная статистика свидетельствует о том, что, во-первых, преступления, предусмотренные главой 31 УК РФ составляют незначительную долю среди преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных и судебных органов, во-вторых, сотрудники данных органов составляют подавляющее меньшинство среди осужденных по главе 31 УК РФ.

Преступность сотрудников органов внутренних дел. Данному феномену посвящен значительный объем исследований, проведенных в разное время, начиная с советского периода. Объяснить обилие исследований преступности сотрудников органов внутренних дел можно многочисленностью сотрудников данных органов, которые составляли и составляют костяк правоохранительной системы. Кроме того, и в Советском Союзе, и в Российской Федерации функционировала и функционирует система ведомственных вузов органов внутренних дел.

Преступности сотрудников органов внутренних дел и других правоохранительных органов коснулись в своих исследованиях также Л.И Мирнова [7], А.М. Байрамкулов [8], М.А. Багмет [9], А.Н. Варыгин [10], Н.Н. Дьяченко [11], А.Л. Баландин [12], П.Е. Царёв [13], А.В. Иванисов [14], С.А. Хохрин [15] и другие исследователи.

А.Н. Варыгин определяет преступность сотрудников органов внутренних дел как новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел за определенный промежуток времени [16, с. 7].

Субъект преступности в этих исследованиях определен достаточно конкретно – сотрудники органов внутренних дел. Рассмотрение более широкого круга субъектов «сотрудники правоохранительных и судебных органов» позволяет рассмотреть социальное явление большего объема. Следует признать, что преступность сотрудников органов внутренних дел представляет собой значительную долю преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов. Однако последние, естественно, более многочисленны по количеству. Разнообразны они и по специфике совершаемых преступлений, способу совершения преступления, особенностям причинного комплекса и личности преступников. Система правоохранительных органов находится в постоянном развитии и органы внутренних дел являются лишь ее частью, хотя и достаточно большой. Нам представляется, что изучение преступности правоохранительных и судебных органов даст более широкую и объемную картину социального феномена, позволит лучше понять и эффективнее бороться с преступностью лиц, наделенных функциями по осуществлению правоохранительной и судебной деятельности.

Коррупционная преступность. А.И. Долгова рассматривает коррупционную преступность как «совокупность преступлений, диспозиции уголовно-правовых норм о которых содержат признаки коррупции». Это достаточно широкое определение, для понимания которого необходимо обратиться к самому понятию «коррупция» [17, с. 331].

В.Д. Малков дает следующее определение коррупционной преступности: «целостная, относительно массовая совокупность преступлений (и лиц, их совершивших), посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, службы в коммерческих и иных негосударственных организациях, выражающихся в незаконном получении (и предоставлении) материальных или иных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных, муниципальных функций или служебных функций в коммерческих и иных негосударственных структурах» [5]. Преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов включает в себя и преступления, совершенные из иной личной заинтересованности, и преступления, совер-

шенные по неосторожности. В этом их отличие от коррупционных преступлений, главная цель которых – корыстная, получение выгоды имущественного характера. Кроме того, коррупционная преступность предусматривает в качестве основных субъектов государственных, муниципальных служащих и иных лиц, наделенных полномочиями и осуществляющих функции в коммерческих и иных негосударственных структурах. Преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов рассматривает преступления, совершенные данными лицами, а также лицами, не состоящими на службе в данных органах, но имеющими опыт работы в них.

Рассмотрев преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов, следует обратить внимание на уровень обобщения и его влияние на эффективность криминологического исследования и последующего криминологического воздействия на преступность. Формулирование предмета исследования (в данном случае – вида преступности) позволяет сузить или расширить тот круг преступлений, которые входят в предмет изучения. Сужение предмета исследования позволяет более точечно, предметно рассмотреть отдельную группу преступных деяний, изучить их причины, личность преступника и особенности предупреждения. Однако такое сужение имеет смысл лишь до известного предела, поскольку может привести к исследованию явления, которое нельзя признать сколько-нибудь распространенным для его отдельного рассмотрения. Так, исследование хищений на водном транспорте, совершаемых несовершеннолетними, представляет из себя пример такого чрезвычайно узкого формулирования предмета исследования. Криминологические особенности данных преступлений будут главным образом сводиться к особенностям преступлений несовершеннолетних и особенностям преступлений, совершаемых на транспорте.

Другой крайностью следует признать изучение очень широкого предмета. Поиск специфических черт такого вида преступности, как, например, «преступность мужчин» может быть безрезультатным. Преступность мужчин очень разнообразна и представляет собой, по сути, преступность в целом, за исключением той доли, которая совершается женщинами (в среднем 12–16 % от общего числа преступлений) и, возможно, несовершеннолетними.

Поэтому нам представляется, что важно найти оптимальный подход к формулированию вида преступности, являющегося предметом криминологического исследования с учетом соотношения категорий «общее», «особенное» и «единичное». Нами выделяется особый вид преступности «преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов», который обладает особыми криминологическими характеристиками, позволяющими провести четкую границу между данным видом преступности и смежными понятиями: «служебная преступность», «должностная преступность», «коррупционная преступность», «преступность сотрудников органов внутренних дел» и др.

Выводы. Критериями разграничения преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов от других видов преступности являются:

– субъектный состав (должностные лица, государственные служащие, лица, наделенные властными полномочиями и др.)

– виды преступлений, составляющих тот или иной вид преступности (преступления, предусмотренные главой 30 УК РФ, коррупционные преступления, преступления с квалифицирующим признаком «с использованием служебного положения» и др.);

– цели и мотивы преступлений, направленность (коррупционный, корыстный, против интересов государства и др.).

Мы подходим к исследованию преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов достаточно широко, включая в нее:

– преступления, совершаемые сотрудниками данных органов не на службе и не в связи со службой, в том числе в быту;

– преступления, совершенные лицами, не имеющими в момент совершения преступления статуса сотрудника правоохранительного и судебного органа. Изучение преступного поведения бывших сотрудников правоохранительных и судебных органов также представляет интерес для криминологии.

С учетом изложенного, на наш взгляд, необходимо выстраивать систему предупреждения преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов. Нужно целенаправленное предупредительное воздействие на сотрудников и бывших сотрудников данных органов, в том числе контроль по служебной деятельности, обследование быта, проверки делопроизводства и т.п.

Литература:

1. Кондин А.И. Понятие и виды служебной преступности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 2 (39). С. 196–199.
2. Баландин А. Л. Служебная коррупционная преступность // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2021. № 3. С. 106–111.
3. Какнаева А. В. Понятие и признаки должностной преступности // Вестник магистратуры. 2021. № 10-1 (121). С. 21–23.

4. Пестерева Ю.С. К вопросу о понятии «должностная преступность» // Вестник Омского юридического института. 2011. № 3 (16). С. 52–53.
5. Криминология: учеб. для вузов / А.Ф. Агапов, Л.В. Баринова, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006. 528 с.
6. Криминология: учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 800 с.
7. Мирнова Л.И. Превенция делинквентного поведения сотрудников ОВД: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 278 с.
8. Байрамкулов А.М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 254 с.
9. Багмет М.А. Преступность сотрудников органов внутренних дел // Российский следователь. 2011. № 22. С. 31–35.
10. Варыгин А.Н. Преступления сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на неё: дисс. … доктр. юрид. наук. Саратов, 2003. 389 с.
11. Дьяченко Н.Н. Характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в связи с их служебной деятельностью, и меры по их предупреждению: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2011. 229 с.
12. Баландин А.Л. Понятие профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. № 2. С. 91–99.
13. Царев П.Е. Должностные преступления сотрудников органов Федеральной службы судебных приставов // Вестник ЧГУ. 2012. № 4. С. 166–170.
14. Иванисов А.В. Социально-политические причины и условия преступлений, совершаемых сотрудниками госавтоинспекции // Общество и право. 2010. № 5. С. 152–155.
15. Хохрин С.А. Аспекты правовой характеристики преступлений сотрудников пенитенциарной системы // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 135–140.
16. Варыгин А.Н. Преступления сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на неё: автореф. … дисс. докт. юрид. наук. Саратов, 2003. 46 с.
17. Долгова А. И. Криминология : краткий учебный курс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 368 с.

Correlation of Crime of Law Enforcement and Judicial Officers and other Types of Crime

Burganov R.S.
Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The criminality of law enforcement and judicial officials is one of the important types of crime and objects of criminological research and impact. This type of crime poses a great public danger; the acts that constitute this type of crime have a great public resonance and require active measures to prevent them. Clarifying the nature and characteristics of this type of crime is of great scientific and practical interest.

The purpose of this study is to clarify the place that the criminality of law enforcement and judicial officials occupies among other types of crime. The author achieves this goal by solving the following tasks: establishing criteria for distinguishing different types of crime, identifying the ratio of crime among law enforcement and judicial officials with related types of crime.

In the article, the author examines the ratio of crime among law enforcement and judicial officials, on the one hand, and official crime, official crime, corruption crime and some other types of crime, on the other. The author uses several grounds as criteria for distinguishing: the subject of the crime, the identity of the perpetrator, the methods of committing the crime, the motives and objectives of the crimes, the causes and conditions of the crimes.

The author highlights the specific features of criminality among law enforcement and judicial officials, thanks to which it can be separated from other types of crime and effective measures can be developed to combat this type of crime.

Keywords: crime, official crime, official crime, crime of employees of internal affairs bodies, types of crime, personality of the criminal, criminological classification, crime prevention

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-180-184

Конвергенция международных стандартов разумности срока содержания под стражей в национальное законодательство

Гилязов А.И.
Соискатель кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат

Реформирование уголовного судопроизводства, осуществляемое параллельно с дифференциацией его форм, предполагает стремление к расширению начал гуманности и справедливости, в том числе при решении вопроса о разумном сроке производства по уголовному делу, особенно, когда речь идет о заключении под стражу. Суд должен всесторонне проверить законность и обоснованность принятия такого решения, а также соотнести продолжительность ее действия с требованием разумного срока судопроизводства не только с позиции отечественного законодательства, но и основополагающих норм и принципов международного права.

Цель исследования определена в важности и актуальности сопоставления правового регулирования и определения стандартов разумности как правовой и уголовно-процессуальной категории, особенно проявляющейся в исчислении сроков применения наиболее существенно ограничивающей свободу личности меры пресечения – заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого.

Описание научной и практической значимости работы выражается в выявлении основных причин и обосновании логичности разумности срока уголовного судопроизводства как самостоятельной правовой категории, имеющей статус принципа уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Реализация этого принципа рассматривается в проекции смешанной формы российского уголовного судопроизводства (розыскной в досудебном производстве и смешанной в судебном). В этой связи представлен анализ ряда судебных решений, имеющих ключевое значение для эффективного применения положений о принципе разумности заключения под стражу.

Проведенное сопоставление правовых положений позволяет уяснить проблемы определения разумности срока содержания под стражей и предложить пути их устранения в правоприменительной практике.

Ценность проведенного исследования выражается в сопоставительном анализе ряда основных международных документов, содержащих правовые основы разумности производства по уголовному делу с позиций соблюдения законности и обоснованности при избрании или продлении заключения под стражей.

Ключевые слова: *заключение под стражу, меры пресечения, разумность срока, судебный контроль, место жительства, место пребывания*

Для цитирования: *Гилязов А.И. Конвергенция международных стандартов разумности срока содержания под стражей в национальное законодательство // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 180–184. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-180-184.*

Свобода и неприкосновенность личности являются одними из основополагающих состояний, отражающих правовое положение личности, в основу которого заложены прогрессивные идеи международного права, экстраполируемые на национальные законодательства. На влияние норм международного права на национальное уголовно-процессуальное законодательство [1; 2], а также позитивный опыт зарубежных стран обращалось внимание в литературе [3; 4].

Гуманизация уголовного процесса России, осуществляемая параллельно с дифференциацией его форм, обеспечением возможности для обвиняемого и потерпевшего при определенных обстоятельствах своим волеизъявлением определять порядок производства по отдельной категории дел, влиять на его результат (например, при примирении), в оптимальном правовом режиме согласуется с идеей разумного срока в уголовном деле. Результатом этой правовой идеи стало дополнение гл. 2 УПК РФ новым принципом (ст. 6.1) [5].

Ст. 6.1 УПК РФ не только предписывает осуществлять судопроизводство в разумный срок, но и констатирует, что сроки этого производства устанавливаются Кодексом, а также указывает на время начала и окончания указанных сроков и обстоятельства, учитываемые при их определении.

Проблемы разумности обладают особой важностью, поскольку эти меры ограничивают наиболее значимые конституционные права и свободы личности. К примеру, в «Правилах Нельсона Манделы», измененный текст которых принят ООН 17 декабря 2015 г. [6], сделан особый акцент на том, что заключение лица под стражу существенно ограничивает его свободу и причиняет страдания (Правило 3). В этой связи существенно возрастает роль суда [7, с. 3].

Смешанная модель российского уголовного судопроизводства, предполагающая розыскной (инквизиционный) характер предварительного расследования и состязательное судебное рассмотрение дела при проактивной роли суда, играет определяющую роль в уголовной политике, поскольку «следственному и состязательному типу процесса соответствуют принципиально разные модели механизма применения мер пресечения» [8, с. 22–23].

Инквизиционный характер досудебной стадии уголовного судопроизводства в определенной степени сдерживается судебным порядком избрания меры пресечения, в котором должны учитываться общие основания принятия соответствующего решения.

При отсутствии приведенных оснований в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо в продлении срока содержания под стражей может быть отказано. К примеру, апелляционным постановлением Московского городского суда от 02.03.2022 г. по делу № 10-3922/2022 признано законным постановление Тверского районного суда от 15.10.2021 г., которым отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Старцеву Юрию Николаевичу, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, так как судом не установлены основания для избрания данной меры пресечения (личность обвиняемого установлена; представленные материалы дела не подтверждают утверждения следователя о том, что обвиняемый мог скрыться или по другим причинам вел себя ненадлежащим образом, суду представлено не было) [9].

В случае если оснований недостаточно для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, суд апелляционной инстанции отменяет соответствующее решение нижестоящего суда. В качестве примера можно привести апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.03.2020 г. по делу № 72-УД20-1, поскольку в постановлении об избрании меры пресечения не подтверждено конкретными доказательствами наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется или может препятствовать расследованию, оно было отменено [10].

Основным требованием выступает предписание о применении заключения под стражу, если обвинение предъявлено за совершение преступления, санкция которого устанавливает наказание на срок свыше трех лет лишения свободы при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Задержание и избрание несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому заключения под стражу, согласно ст. 423 УПК РФ, производится в особом правовом порядке, предусмотренном ст.ст. 91, 97, 100 и 108 УПК РФ при обязательном решении вопроса о возможности отдачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц.

Приведенные законодательные положения в оптимальном правовом режиме соотносятся с положениями Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинскими правилами) от 29.11.1985 г. [11]: содержание под стражей несовершеннолетних правонарушителей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени (п. 13.1), при этом оно должно по возможности заменяться другими альтернативными мерами (п. 13.2).

Конвенция от 20.11.1989 г. [12] зримо расширяет перечень требований, предъявляемых не только к процедуре и основаниям, но и сроку содержания под стражей «ребенка, который, как считается, нарушил уголовный закон», устанавливая, что ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконным или произвольным образом (п. «b» ст. 37).

Как полагаем, решение вопроса о разумности (неразумности) в этом вопросе должно основываться не только на характере осуществляемого уголовного преследования (количество эпизодов преступной деятельности, вменяемых обвиняемому и т.п., но и наличии физических или психических недостатков, семейного положения, наличия постоянного места работы, поведения после совершения преступления, положительной или отрицательной характеристики с места работы или учебы и т.п.), его отношения к расследуемому событию, а также специфики порядка производства по делу (общий, упрощенный).

Заключение под стражу возможно не только в отношении обвиняемого, но и подозреваемого, а также подсудимого (ч. 10 ст. 108, ч. 10 и 11 ст. 109 и ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Такое положение не противоречит нормам Конституции РФ (п. 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П) [13], что оказывает существенное влияние на определение границ разумного срока содержания под стражей.

Конституция РФ запрещает задержание подозреваемого на срок более 48 часов без судебного решения (ч. 2 ст. 22). Только суд вправе продлить срок задержания до 72 часов.

Применение к подозреваемому меры пресечения является исключением (ч. 1 ст. 100 УПК РФ), так как такая мера уголовно-процессуального принуждения по общему правилу может применяться только по отношению к обвиняемому (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Подобное состояние «оправдывается» отдельными авторами единством мер пресечения и мер уголовного наказания [14], хотя в реальности они представляют собой самостоятельные, институционально обособленные категории.

Примечательно, что разумный срок уголовного судопроизводства как правовая категория и законодательное требование имеет установленные законом границы, о чем указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 [15]. Также в данном Постановлении отмечается, что, если в досудебном производстве по делу не принято решение или итоговое судебное решение, не вступило в законную силу, то заявление о компенсации подозреваемым, обвиняемым может быть подано по истечении четырех лет с момента начала осуществления уголовного преследования (п. 18) [15]. Следовательно, именно этот срок надлежит считать разумным при производстве по уголовному делу. Вместе с тем это входит в противоречие с предельным сроком содержания под стражей, который может быть продлен лишь в исключительных случаях до 18 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ).

Значение определения разумности заключения определяется также предписанием Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [16]: он определяет порядок и условия содержания (ст. 1).

Таким образом, можно сделать следующие теоретические выводы.

Во-первых, серьезной недоработкой законодателя является отсутствие в УПК РФ дефинитивной нормы, раскрывающей понятие заключения под стражу (для сравнения: в п. 11 ст. 5 Кодекса дается определение задержания подозреваемого, а в его ст. 106 – залога), в то время как эта мера пресечения является самой суровой в плане правоограничения.

Для устранения пробела в правовом регулировании заключения под стражу предлагаем дополнить ст. 108 УПК РФ ч. 15 следующего содержания: «15. Заключение под стражу состоит в пребывании лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, которому применена назначена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином органе, определяемом федеральным законом».

Такое предложение не нарушит нумерацию ее частей, поскольку при ином применении правил юридической техники (изложение дефиниции в начале статьи) оно неизбежно повлекло бы проблемы для правоприменения.

Во-вторых, установление «универсального» разумного срока производства по уголовному делу влияет на одноименные границы срока содержания под стражей, уравнивание которых для несовершеннолетних и взрослых подозреваемых, обвиняемых не может быть признано справедливым, гуманным. В этой связи считаем оправданным дополнение ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ указанием на сокращение разумного срока производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а именно: после фразы «что продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года», указать «а при производстве по делу в отношении несовершеннолетнего обвиняемого – три года», далее текст следует в действующей редакции.

В-третьих, с разумным сроком непосредственно связан институт приостановления производства по уголовному делу. И в данном контексте не совсем удачно звучит формулировка п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ – когда обвиняемый скрылся и его место пребывания неизвестно. Представляется, что более приемлемым термином в данном случае является «местонахождение». Ранее подобная мысль была озвучена в диссертационном исследовании Р.В. Орлова [17, с. 18], однако сама норма указана ошибочно – п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ (речь идет о тяжелом заболевании обвиняемого, подтвержденным медицинским заключением).

Место пребывания – это место, где гражданин проживает временно (отель, санаторий, дом отды-

ха, общежитие или арендованная квартира, дача). Местонахождение – собирательное понятие, под которое подпадает не только место пребывания, но и место жительства (жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает и в котором он зарегистрирован именно по месту жительства) и место фактического проживания. При этом юридическая констатация места пребывания и места жительства предполагает соответствующую регистрацию (ст. 2 Закона от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [18]). Отметим, что законодатель внес уточнения в ряд статей УПК РФ на основании Федерального закона от 28.02.2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», уточнив (заменив) словосочетание «место постоянного жительства» словами «место жительства или место пребывания» [19].

Своевременное приостановление производства по уголовному делу влияет на правильность констатации осуществления этого производства в разумный срок и в значительной степени служит фактором, определяющим возможность применения или продления срока содержания под стражей, а в перспективе при нарушении этих сроков – право на получение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок на основании Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [20].

В свете приведенных аргументов предлагаем внести изменения в пункт 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «1) в случае, когда обвиняемый скрылся и его местонахождение неизвестно». Таким образом, предложенные законодательные нововведения способны оказать позитивное влияние на регламентацию разумного срока содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых, а также подсудимых в российском уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Гришина Е.П. реализация международных принципов и стандартов защиты детей-жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6 (85). С. 20–33.
2. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. М., 2015. С. 350–361.
3. Епихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 139–145.
4. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-тет, 2004. 164 с.
5. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
6. The Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolution 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977.
7. Муртазин Р.М. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 24 с.
8. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве: дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 538 с.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2022 г. по делу № 10-3922/2022. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/90635514/?*=v (дата обращения: 30.05.2025).
10. Павлова З. ВС указал, что тяжесть обвинения и опасения следствия – недостаточные основания для помещения под стражу. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ukazal-chto-tyazhest-obvineniya-i-opaseniya-sledstviya-nedostatochnye-osnovaniya-dlya-pomeshcheniya-pod-strazhu/ (дата обращения: 30.05.2025).
11. Минимальные стандартные правила Организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.
12. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
14. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск: ОмА МВД России, 2017. 226 с.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2016. № 72.
16. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 23.03.2024, с изм. от 09.07.2024) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
17. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 26 с.
18. Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
19. Федеральный закон от 28.02.2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 842.
20. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Convergence of International Standards on the Reasonableness of Detention Into National Legislation

Gilyazov A.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The reform of criminal proceedings, carried out in parallel with the differentiation of its forms, implies a desire to expand the principles of humanity and justice, including when deciding on a reasonable time for criminal proceedings, especially when it comes to detention. The court must comprehensively verify the legality and validity of such a decision, as well as correlate the duration of its validity with the requirement of a reasonable period of legal proceedings, not only from the perspective of domestic legislation, but also the fundamental norms and principles of international law.

The purpose of the study is determined by the importance and relevance of comparing legal regulation and the definition of standards of reasonableness as a legal and criminal procedural category, especially manifested in calculating the timing of the application of the most significantly restrictive measure of restraint – the detention of a suspect or accused.

The description of the scientific and practical significance of the work is expressed in identifying the main reasons and substantiating the logic of the reasonableness of the term of criminal proceedings as an independent legal category with the status of a principle of criminal proceedings (art. 6.1 of the Code of Criminal Procedure). The implementation of this principle is considered in the projection of a mixed form of Russian criminal proceedings (investigative in pre-trial proceedings and mixed in judicial proceedings). In this regard, an analysis of a number of court decisions is presented, which are of key importance for the effective application of the provisions on the principle of reasonableness of detention.

The conducted comparison of legal provisions makes it possible to clarify the problems of determining the reasonableness of the period of detention and suggest ways to eliminate them in law enforcement practice.

The value of the conducted research is expressed in a comparative analysis of a number of major international documents containing the legal basis for the reasonableness of criminal proceedings from the standpoint of legality and reasonableness in choosing or extending detention.

Keywords: detention, preventive measures, the intelligence of the term, judicial control, place of residence, place of stay

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-185-190

Муниципалитеты Франции как социально-экономическая и политическая основы децентрализованного развития государства

Ершов А.Н.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сытин А.В.
Соискатель кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования обусловлена изучением механизмов социального управления в новых условиях и меняющемся контексте. Механизмы управления рассмотрены на кейсе Французской республики. Децентрализация власти и управления – тот путь, на который встала Франция два века назад. Муниципалитеты как демократический институт выполняют роль главного инструмента. Исследование различных практик и путей децентрализации показывает, что этот процесс крайне противоречив, что нашло отражение во французском государстве и обществе. Исследования показывают, что противоречие в обществе достигло значительных масштабов, поскольку высок уровень недоверия граждан органам власти; активно проявили себя протестные движения. В таких условиях необходим новый подход к организации взаимодействия граждан и муниципалитетов.

Цель исследования – выявить пути и направления развития муниципалитетов как одного из важных инструментов демократизации общества (на примере Франции). Задачей исследования является анализ современного состояния муниципалитетов Франции, особенностей и проблем их развития на текущем этапе.

Научная значимость исследования заключается в выявлении особенностей развития децентрализации и муниципалитетов как важного ее инструмента, в современном обществе.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в практике государственного и муниципального управления в России.

Научная новизна результатов состоит в полученных авторами выводах об эволюции модели местного самоуправления, происходящей на фоне значительного роста и укрепления роли местных властей в системе публичной власти во Франции; сделан вывод о необходимости совершенствования политической модели местного самоуправления и повышения эффективности работы муниципалитетов, оптимизации форм управления местными делами для обеспечения социально-экономического развития муниципалитетов.

Ключевые слова: *муниципалитет, социальные механизмы управления, децентрализация, демократия, местное сообщество, местное самоуправление*

Для цитирования: *Ершов А.Н., Сытин А. В. Муниципалитеты Франции как социально-экономическая и политическая основы децентрализованного развития государства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 185–190. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-185-190.*

Современное французское общество широко применяет механизмы представительной и прямой демократии. Это – важнейшие инструменты на пути децентрализации государства. Децентрализация власти и управления проявляет себя через развитие и укрепление социально-политических институтов взаимодействия между властью и гражданами, их объединениями. Исследование различных практик и путей децентрализации показывает, что этот процесс крайне противоречив. Французское общество не избежало этих противоречий: в последнее десятилетие в нем ярко проявляют себя столкновения мнений различных групп граждан, вплоть до развития протестных движений. Укрепление основ государственности тесно связано с возможностью находить оптимальные решения в вопросах сохранения демократии в стране, с одной стороны, и создания подконтрольных социально-политических сил и общественных структур – с другой стороны. Одним из элементов такой устойчивой системы выступают муниципалитеты. Изучение имеющегося опыта развития муниципалитетов Франции и выявление определенных противоречий позволяет глубже понять возможности влияния этого социально-политического института на пути и формы децентрализованного развития государства.

Цель данной статьи – дать анализ института муниципалитета как социально-экономической и политической основы децентрализованного развития французского государства и выявить его социальный потенциал в современных условиях.

Методологической основой исследования процессов взаимодействия власти и граждан послужила коммуникативная теория и конкретно работа Ю. Хабермаса [1]. В статье применен комплексный анализ проблемы, на основе сочетания количественных и качественных методик. Проведен вторичный анализ результатов «больших дебатов» (проходили во Франции с 15 января по 15 марта 2019 г., N = 381 346) и опросов общественного мнения, проводимых Центром политических исследований Сьянс По (*CEVIPOF*), Франция (2019–2021 гг.). Проведен вторичный анализ результатов исследования (дискурс-анализа 600 оригинальных сообщений с сайта «больших дебатов» *https://granddebat.fr.*, выполненного автором Люком Рубаном, 2019 г., Франция, на основе случайного отбора; N = 46 340). Проведен анализ официальных документов.

Тема развития процессов участия граждан в управлении и выстраивание «горизонтали» власти в стране получила довольно широкое развитие в работах современных авторов. Ей посвящены публикации Т.В. Андрияновой [2], А.А. Батечко-Соколовой [3], Е.В. Безвиконной [4], Т.Л. Харламовой [5], А.Н. Шматовой [6].

Анализ противоречий и проблем, связанных с развитием процессов децентрализации власти и управления, политического института местного самоуправления дан в работах авторов И.В. Бабичева [7], А. М. Белиспаева [8], С.Н. Большакова и А.Н. Григорьева [9], Т.Н. Захаровой [10], А.В. Колесниковой [11], М.В. Саудаханова [12], А.Н. Шматовой [6]. Институционализация местного самоуправления также рассмотрена и в наших, более ранних, работах [13].

Кроме того, ряд исследований затрагивает проблемы участия местных сообществ и граждан в решении проблем государственного, регионального и местного управления. Данные аспекты отражены в работах авторов Е.Н. Гоголевой и Э.Ю. Майковой [14], Р.И. Мельниковой и И.А. Мельникова [15], Е.В. Симоновой [16].

Изучение вопросов развития местного самоуправления во Франции авторами Ж.-Л. Бёфом, М. Маньян, Л. Блондьо внесло значительный вклад в системное рассмотрение проблемы [17; 18]. В работах авторов И.В. Гранкина [19], И.Ф. Ляпина [20], А.А. Соловьева и Н.А. Шеяфетдиновой [21] затронуты отдельные аспекты изучаемой проблемы.

Проведенный анализ публикаций по теме данной статьи позволил выявить имеющийся потенциал исследования темы участия муниципалитетов Франции в развитии процессов децентрализации власти и управления в современный период.

По состоянию на 1 января 2023 г. население Франции проживало в 18 регионах, 101 департаменте и 34 955 муниципалитетах. По состоянию на конец 2022 г. население страны составляло 67,4 млн чел. Половина населения Франции проживает в муниципалитетах с населением менее 10 000 чел. За 2021 г. было создано 9 новых муниципалитетов. В 2021 г. четыре муниципальных образования были преобразованы в муниципальные объединения, что увеличило общее число муниципальных образований с 223 до 227 по состоянию на 1 января 2022 г. [22]. Также наблюдается сокращение числа коммун (местных сообществ): с 35 440 в 2018 г. до 35 038 – в 2022 г. [23].

Вместе с тем, в последние годы отмечается расширение полномочий муниципалитетов и коммун. После проведения реформ 2010 и 2014 гг. расширились полномочия в сфере социально-экономической и социальной политики, в особенности – по вопросам благоустройства территорий, жилищной политики, финансов и управления имуществом. Усилена законодательная база для повышения стабильности источников финансирования местного самоуправления. Данные меры были предприняты после того, как стала проявлять себя тенденция сокращения собственной налоговой базы муниципалитетов и возрос риск ограничения финансовой автономии местных сообществ. Эти риски особенно проявили себя в период финансового кризиса 2008–2013 гг., а также во время пандемии 2019–2020 гг.

Центральные власти увеличили объем трансферов местным сообществам для компенсации снижающихся в результате экономического спада, доходов. Так, в 2021 г. операционные расходы органов местного самоуправления увеличились на 2,4 %, а их инвестиции увеличились на 5,3 %. Поступления от местных прямых налогов в 2021 г. составили 65,6 млрд евро, сократившись на 33,0 [22]. Государственные трансферты местным органам власти в 2022 г. составили 105,5 млрд евро. Основными статьями расходов остаются экономические вопросы, социальная защита и образование, каждая из которых составляет от 13 до 21 % расходов.

В целом финансовое положение всех категорий органов местного самоуправления и их объединений улучшилось в период с 2018 по 2021 гг. Это свидетельствует об их устойчивости к последствиям кризиса здравоохранения, который произошел в период пандемии коронавируса. Эта устойчивость объяснима двумя группами факторов: модернизацией налоговой базы поступлений в местные бюджеты и господдержкой, оказываемой со стороны национального правительства. На основании внутренней статистики составлен консолидированный отчет по всем местным органам власти, согласно которому, текущие расходы местных органов власти фактически увеличились на 4,4 % в период с 2018 по 2021 гг., а текущие доходы – на 6,3 %. Эта ситуация варьируется в зависимости от категорий местных органов власти (к примеру, операционные расходы профсоюзов за обозначенный период выросли более чем на 5 %, что значительнее, чем в других местных органах власти) [22].

Одновременно для повышения эффективности работы муниципалитетов местные сообщества предприняли шаги по совершенствованию административных структур управления на местном уровне. В частности, был начат процесс формирования органов управления на уровне городских районов, были предприняты шаги по обеспечению местных сообществ хорошо подготовленными, профессиональными кадрами. После реформы местного самоуправления, предпринятой Президентом Франции Франсуа Олландом в 2014 г., численность муниципальных служащих возросла и к началу 2019 г. составляла 1 млн 440 тыс., то есть 70 % всех территориальных служащих (всего муниципальных, департаментских и региональных служащих насчитывается около 2 млн). Из общего количества муниципальных служащих в 2021 г. 1 млн 11 тыс. работали непосредственно в самих местных сообществах, 300 тыс. служащих было занято в работе межмуниципальных образований и 129 тыс. – в структурах, аффилированных с муниципалитетами [24].

Укрепление кадрового потенциала муниципалитетов – далеко не все меры, которые были предприняты за последние годы Правительством Франции. Важным направлением здесь является вовлечение граждан и их объединений в процессы управления муниципалитетами. С начала 2000-х гг. довольно активно стали использоваться различные формы такого участия. Сегодня во Франции наблюдается поступательное движение в сторону более широкого использования различных форм прямой демократии и ее постепенное и устойчивое внедрение в национальную модель местного самоуправления. Данная тенденция получает ощутимую динамику в стране и, как следствие, оказывает все большее воздействие на модель местного самоуправления. Однако ряд вопросов здесь вызывают озабоченность органов власти. Во-первых, наблюдается довольно четкая тенденция отчуждения граждан от принятия решений. Во-вторых, национальные исследования демонстрируют рост недоверия граждан к органам власти и управления в стране, на всех уровнях. В условиях снижения активности граждан и их доверия механизмы прямой демократии, к которой сейчас все больше разворачивается социально-политическая модель страны, перестают действовать эффективно. Прямая демократия предполагает наличие негласного или зафиксированного социального договора между властью и гражданами, который выстраивает отношения как между сообществами и муниципалитетами, так и внутри местных сообществ, консолидирующих самые разные социальные группы и общественные структуры. Французские граждане – в высокой степени консолидированная нация, что подтверждается большим числом участников политических партий, общественных объединений, профсоюзов (согласно данным статистики, 23 млн французов являются членами, по меньшей мере, одной общественной ассоциации). Как следствие, местное сообщество, различные социальные группы становятся активными участниками муниципальной жизни. Доступ к муниципальному управлению получают самые разные группы горожан, что приводит к сплочению городского сообщества в целом.

В отношении поддержки населением общественно-политических институтов на местном уровне наблюдается следующая ситуация: доверие населения к органам местного самоуправления, местным политикам, выборным лицам, профсоюзам и общественным организациям, хотя и различается между этими институтами, но в целом демонстрирует тенденцию к снижению [25]. По итогам «большой национальной дискуссии» (январь – март 2019 г.) выявлена высокая степень недоверия граждан к политическим институтам, включая местные органы власти, а также зафиксировано нарастающее недовольство гражданского населения реализацией принципов представительной демократии. Снижение доверия населения к социальным и политическим институтам негативно влияет на поддержку реформ, что приводит к поиску гражданским обществом новых форм самовыражения и самоорганизации.

Так, в ответ на дебаты как на «псевдодебаты» 30 января 2019 г. движением «жёлтых жилетов» в сети Интернет был запущен альтернативный проект консультаций – «настоящие дебаты», в рамках которого было подано 25 тыс. предложений и зарегистрировано около одного миллиона голосов. Согласно альтернативным дебатам, выявлено, что вопросы политических институтов и политического участия (проведения референдумов) беспокоят избирателей больше проблем налогообложения и социальных проблем. Среди основных общественных запросов проявили себя такие как:

– повышение открытости публичного информационного пространства и расширение возможностей граждан участвовать в принятии управленческих решений;

– развитие форм прямой демократии (референдумы, референдумы гражданских инициатив (РИГ) и референдумы народных инициатив (РИП), консультации граждан и др.), наряду с модернизацией форм представительной демократии;

– предоставление больших полномочий и усиление роли ассоциаций и объединений граждан.

Управленческая элита во Франции, безусловно, обеспокоена подобными настроениями и стремится отреагировать на них. Реформирование системы местного самоуправления в стране направлено на то, чтобы усилить социальный потенциал местных сообществ и его влияние на развитие местных органов власти. Анализ результатов «больших дебатов» и опросов общественного мнения, проводимых Центром политических исследований Сьянс По (*CEVIPOF*), позволяет сделать некоторые выводы по проблемам отношения различных социальных групп к реформе местного самоуправления. По данным *CEVIPOF* [26], 80 % представителей различных социальных групп поддерживают политику реформ местного самоуправления.Поддержка реформ наиболее высока у возрастной группы от 25 до 55 лет, среди представителей среднего класса, имеющих постоянную оплачиваемую работу, высшее образование и навыки управления или опыт участия в политической жизни. Поддержка реформ наиболее низка у возрастной группы от 40 до 65 лет, среди представителей малообеспеченного класса, с низким уровнем образования, представителей женского пола или меньшинств (особенно женщин-мигрантов). С учетом перечисленных факторов около 25 % граждан не принимает участия в обсуждении реформ и не участвует в работе муниципалитетов, а 30–40 % избирателей традиционно не участвуют в местных выборах.

Возрастающая роль муниципалитетов в управлении публичными делами требует совершенствования политической модели местного самоуправления и повышения эффективности работы муниципалитетов, оптимизации форм управления местными делами для обеспечения социально-экономического развития муниципалитетов.

В результате последовательных реформ по децентрализации управления во Франции структура и состав управления в местных органах власти претерпели значительные изменения, связанные прежде всего с перераспределением полномочий. Важное внимание при этом уделено уровню подготовки служащих и специалистов сфер, входящих в полномочия местной власти. Однако эти меры не привели к существенным изменениям в качестве управления, что наглядно проявилось в растущей неудовлетворённости французских граждан политическими решениями национальной и местных властей.

Выявленные социальные особенности позволяют сделать выводы о том, что социально-политический потенциал местных органов власти и управления – это так называемая «просвещённая» аудитория, готовая принимать участие в решении различных вопросов управления. Эта аудитория является основой построения прямой демократии участия, где мотивированное мнение и волеизъявление граждан становится элементом принятия обоснованных и оптимальных решений.

Таким образом, современная модель местного самоуправления адаптируется к новым условиям и развивается в поиске баланса интересов и создания эффективных механизмов взаимодействия между различными уровнями публичной власти, а также укрепления принципов самоорганизации населения и развития механизмов участия граждан в управлении муниципалитетами.

Эволюция модели местного самоуправления происходит на фоне значительного роста и укрепления роли местных властей в системе публичной власти в стране. Анализ объёма полномочий и ресурсов местных властей подтверждает всё возрастающую роль муниципалитетов в управлении публичными делами во Франции.

Литература:

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006. 459 с.
2. Андриянова Т.В. «Общественный диалог» и его управленческие перспективы в коммуникационной теории Б. Пирса и В. Кронена // Коммуникология. 2021. № 9 (1). С. 151–159.
3. Батечко-Соколова А.А. Финансовая децентрализация как средство решения проблем взаимодействия органов государственной власти и муниципального управления в РФ // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. № 1(10(30). С. 89–94.
4. Безвиконная Е.В. Политический коммуникативный потенциал местного самоуправления в модели самоорганизации: дисс. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 436 с.
5. Харламова Т.Л. Проблемы информационного обеспечения процессов управления в цифровой среде // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 5(149). С. 108–113.
6. Шматова А.Н. Трансформация институциональных отношений органов государственной власти и местного самоуправления: дисс. … канд. социол. наук. Ставрополь, 2015. 156 с.
7. Бабичев И.В. Образование и институционализация территориальных (местных) сообществ как механизм развития местного самоуправления // Местное право. 2011. № 4. С. 3–16.
8. Белиспаев А.М. Институты децентрализации власти // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3(9). С. 45–50.
9. Большаков С.Н., Григорьев А.Н. Трансформация системы территориального управления во Франции: роль и функции местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 1 (10). С. 22–29.
10. Захарова Т. Н. Понятие и признаки местного самоуправления в современной России в контексте трактовки понятия «публичная власть» // Бизнес и общество. 2023. № 1(37). С. 45–53.
11. Колесникова А.В. Централизация и децентрализация в региональной политике многосоставного государства: российская практика в контексте зарубежного опыта: дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. 189 с.
12. Саудаханов М. В. Местное самоуправление во Франции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 132–134.
13. Ершов А. Н., Панченко О. Л., Сытин А. В. Эволюция феномена бюрократии в контексте децентрализации власти.Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2. С. 38–47.
14. Гоголева Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. 2010. № 2. С. 126–135.
15. Мельникова Р.И., Мельников И.А. Актуализация исследования проблемы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 34 (20) (217). С. 19–22.
16. Симонова Е.В. Программа поддержки местных инициатив как инновационный инструмент в системе управления местными сообществами // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2016. № 9. С. 177–183.
17. Бёф Ж.-Л., Маньян М. Территориальные образования и децентрализация // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 5–9.
18. Блондьо Л. Новый дух демократии: текущие события в демократии участия. Париж: Порог, 2008. 178 с.
19. Гранкин И.В. Французская система местного самоуправления // Российское государствоведение. 2013. № 1. С. 5–14.
20. Ляпин И.Ф. Децентрализация государственной власти: механизм реализации в унитарном государстве (на примере Франции) // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 55–60.
21. Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А. Децентрализация государства: опыт Франции // Современное право. 2014. № 11. С. 154–159.
22. Органы местного самоуправления в цифрах. 2022. URL: BATweb-DGCL-CL_en_chiffres_2022.pdf (дата обращения: 01.12.2022).
23. Органы местного самоуправления в цифрах. 2023. URL: BATweb-DGCL-CL_en_chiffres_2023.pdf (дата обращения: 15.02.2024).
24. Les collectivités locales en chiffres 2022 (пер. сфр. Местные органы власти в цифрах 2022 г.). URL: MINISTÈRE CHARGÉ DES COLLECTIVITÉS TERRITORIALES. 2022 (дата обращения: 15.04.2025).
25. Le Grand débat national et la démocratie. Cevipof. Mars 2019. (перев. с франц.: Великая национальная дискуссия и демократия. Чевипов. март 2019 г.) 14 p. URL: LeGranddébatnational etladémocratie. Cevipof. Mars 2019. – Sciences économiques et sociales (ens-lyon.fr) (дата обращения: 19.03.2025).
26. Центр политических исследований. URL:https://www.sciencespo.fr/cevipof/ (дата обращения: 12.03.2025).

Municipalities of France as a Socio-Economic and Political Basis for the Decentralized Development of the State

Ershov A.N., Sytin A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is due to the study of social governance mechanisms in new conditions and a changing context. Governance mechanisms are considered on the case of the French Republic. Decentralization of power and governance is the path that France took two centuries ago. Municipalities as a democratic institution play the role of the main instrument. The study of various practices and paths of decentralization shows that this process is extremely contradictory, which is reflected in the French state and society. Research shows that the contradiction in society has reached a significant scale, since the level of mistrust of citizens in government bodies is high; protest movements have become active. In such conditions, a new approach to organizing the interaction of citizens and municipalities is needed.

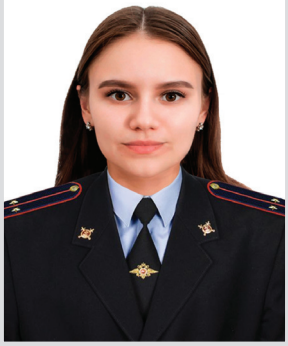
The purpose of the study is to identify the ways and directions of development of municipalities as one of the important instruments for the democratization of society (using France as an example). The objective of the study is to analyze the current state of municipalities in France, the features and problems of their development at the current stage.

The scientific significance of the study lies in identifying the features of the development of decentralization and municipalities as an important instrument in modern society. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the obtained results and conclusions in the practice of state and municipal administration in Russia. The scientific novelty of the results lies in the conclusions obtained by the authors about the evolution of the local government model, which is taking place against the background of significant growth and strengthening of the role of local authorities in the public authority system in France; a conclusion was made about the need to improve the political model of local government and increase the efficiency of municipalities, optimize the forms of local affairs management to ensure the socio-economic development of municipalities.

Keywords: municipality, social governance mechanisms, decentralization, democracy, local community, local self-government

УДК 343.971
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-191-196

Криминологический анализ домашнего насилия в отношении детей

Заббарова И.А.
Адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Прошедший 2024 г. Президентом Российской Федерации был объявлен годом семьи, его основной целью определилась улучшение положения детей в семье [1]. Этим Указ Президента РФ подчеркивает важность института семьи, необходимость обеспечения его сохранности.

Актуальность статьи обусловлена тем, что семейное насилие в отношении детей является серьезной социальной проблемой, которая затрагивает миллионы семей. В условиях современного общества, где растет число случаев насилия в семье, важно обратить внимание на защиту детей и их психического, физического здоровья и развития. Изучение проблемы насилия в отношении детей способствует формированию общественного мнения, направленного на их защиту, а также на создание эффективных мер по профилактике насилия и поддержке лиц, когда-либо ему подвергшихся.

Основная цель исследования – осветить проблему семейного насилия в отношении детей, проанализировать его виды, последствия и способы предупреждения. Задачами исследования выступают: анализ факторов, способствующих применению домашнего насилия в отношении детей; исследование влияния семейного насилия на физическое и психическое здоровье несовершеннолетних; изучение законодательных мер по защите от семейного насилия. Научная новизна работы проявляется в представлении новых моделей профилактики домашнего насилия. Научная значимость исследования состоит в углублении понимания домашнего насилия и специфики его применения в отношении детей. Результатом научного исследования является разработка предложений по минимизации домашнего насилия.

Ключевые слова: *семейно-бытовое насилие, физическое насилие, психологическое насилие, родители, дети, несовершеннолетние*

Для цитирования: *Заббарова И.А. Криминологический анализ домашнего насилия в отношении детей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 191–196. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-191-196.*

Федеральным законом от 07.02.2017 г. № 8 «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» была исключена возможность привлечения к уголовной ответственности за побои в отношении близких лиц. Теперь уголовная ответственность по ст. 116 Уголовного кодекса РФ наступает только в случаях, когда побои совершены из хулиганских побуждений или по мотивам ненависти. Ответственность за побои в отношении близких родственников регламентирована Кодексом РФ об административных правонарушениях, который предусматривает в качестве наказания наложение штрафа, либо административный арест, либо обязательные работы. В свою очередь,

уголовная ответственность за побои в отношении близких родственников предусмотрена в рамках административной преюдиции только после административного наказания за аналогичное поведение. Однако такая мера правового воздействия может не оказывать профилактического эффекта в случаях систематического насилия, когда потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы повторно из-за страха или зависимости.

Декриминализация вышеупомянутой статьи Уголовного кодекса РФ ознаменовалась одним из этапов принятия Федерального закона «О домашнем насилии». Но в действительности это привело к возрастанию случаев домашнего насилия. В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин, Е.М. Тимошина отмечают, что в 2023 г. наблюдалось увеличение числа преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи, что произошло «за счет роста регистрации числа случаев родительского насилия» [1, с. 238]. Таким образом, это является благоприятным фактором снижения латентности данного рода преступлений.

Проект Закона «О домашнем насилии» все еще не принят и не одобрен. Председатель комитета Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации по защите семьи, материнства и детства Н.А. Останина в интервью телеканалу «360» указала на причины, по которым в России отсутствует данный федеральный закон. Депутат отметила, что в обществе не сформировано единое мнение о необходимости такого законодательства. Н.А. Останина подчеркивает факт того, что многие считают достаточным количество существующих статей Уголовного кодекса РФ для наказания за домашнее насилие. Кроме того, традиционные ценности и семейные узы играют важную роль, и акцент делается на воспитании детей как способе предотвращения насилия [2]. Однако стоит указать, что применение семейно-бытового насилия в отношении любого члена семьи, будь то ребенок или один из супругов, не признается в качестве отягчающего обстоятельства при совершении какого-либо преступления.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами, возникают следующие противоречия: первый случай совершения побоев в семье наказывается мягче (если нет хулиганских мотивов), чем аналогичные действия в отношении посторонних лиц. Поэтому предлагается дополнить ст. 116 УК РФ ч. 2 следующего содержания: «Побои или иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, совершенные в отношении членов семьи или близких лиц».

В рамках исследования семейного насилия целесообразно проанализировать правовую природу данного явления. В этом контексте следует обратить внимание на подход Ю.М. Антоняна, который, рассматривая проблему насилия в семье, вводит термин «семейные насильственные преступления» и предлагает следующее определение: «Совершенные одним членом семьи в отношении другого члена семьи насильственные действия либо реальная угроза их совершения, которые охватываются составом преступления независимо от наступления вредоносных последствий и их характера» [3, с. 23].

Д.А. Шестаков определяет «домашнее насилие» как один из видов «внутрисемейного преступления», которое формулирует следующим образом: «преступление, совершаемое одним членом семьи против другого ее члена. К числу внутрисемейных преступлений обычно относят как насильственные преступления, совершенные в юридически оформленной, так и в сожительской семье, в том числе так называемые детоубийства» [4, с. 293].

В настоящее время в законодательстве отсутствует четкое определение понятия «домашнее насилие», однако связь между жертвой и правонарушителем представляет собой ключевой аспект для глубокого понимания природы преступлений, совершаемых в семейной среде. Данное понимание является необходимым условием для разработки эффективных мер по предотвращению и устранению таких преступлений. Социальные отношения между жертвой и преступником могут варьироваться от супружеских до родственных, включая взаимодействие между родителями и детьми, а также приемными детьми.

Семейно-бытовое насилие никогда не бывает случайным. Жертва и насильник состоят в семейно-бытовых отношениях, то есть находятся в постоянном контакте. Виновный знает распорядок дня жертвы, ее интересы, свойства и особенности характера.

Следует согласиться с мнением И.И. Короленко и Т.Г. Чебоньян, что любой вид домашнего насилия преследует цель контроля действий жертвы вопреки ее воле. Все способы, используемые насильником, направлены на изменение нормального функционирования жертвы в социуме, в том числе изоляцию от общества, ограничение свободы [5, с. 82].

Домашнее насилие в отношении детей может проявляться в различных формах, и его последствия зачастую оказывают крайне негативное влияние на развитие ребенка. Н.Ю. Волосова выделяет несколько видов семейного насилия, включая «сексуальное насилие, финансовые злоупотребления, физическое насилие и эмоциональное насилие. Каждое из этих проявлений способно причинить значительный вред эмоциональному состоянию ребенка, чья психика находится на стадии формирования» [6, с. 313]. В дополнение к указанным видам насилия следует отметить еще один аспект: насилие в семье, при котором ребенок становится свидетелем конфликтов, драк и ссор между взрослыми. Это явление также оказывает отрицательное воздействие на психическое здоровье ребенка. Кроме того, необходимо упомянуть о

насилии, возникающем в отношениях между детьми в рамках семейной среды, что подчеркивает комплексность проблемы домашнего насилия.

Генеральная Ассамблея ООН, приняв «Конвенцию о правах ребенка» 20 ноября 1989 г., четко закрепила принцип недопустимости физического и психологического насилия в отношении детей. Ст. 19 данной Конвенции обязывает государства-участников принимать все необходимые меры для защиты детей от различных форм насилия, включая физическое насилие. Тем не менее, несмотря на эти обязательства и прогрессивные нормы международного права, физическое насилие остается одной из наиболее распространенных форм насильственных действий в отношении детей.

Физическое насилие над детьми проявляется в разнообразных формах, варьирующихся от легких побоев до серьезных травм. Дети могут стать жертвами насилия со стороны одного из родителей или подвергаться семейному насилию со стороны обоих. Как отмечают И.И. Короленко и Т.Г. Чебоньян, «в отношении детей физическое насилие может использоваться как метод воспитания и поддержания дисциплины» [5, с. 82]. Вместо того чтобы способствовать развитию и обучению, такие методы могут привести к страху, агрессии и низкой самооценке у ребенка. Последствиями физического насилия могут стать травмы, долгосрочные проблемы со здоровьем, отставание в развитии, инвалидность. Крайней формой физического насилия в отношении детей является убийство.

Интересный случай произошел в сентябре 2016 г. в Калужской области 28-летняя мать забила 4-летнюю дочь до смерти. На теле девочки были обнаружены около семидесяти следов от ударов, наносимых в течение длительного периода. Приемные родители уже имели своих двух детей, обладали необходимыми критериями благополучия, кроме того, получили сертификат об окончании школы приемных родителей. Первым сигналом тревоги стало отсутствие девочки в детском саду. После чего приёмная мать обратилась в полицию с заявлением о пропаже ребенка. Сотрудниками органов внутренних дел было выяснено, что девочке нанесли телесные повреждения, несовместимые с жизнью. Гражданка Н., как выяснилось уже долгое время била девочку. В апреле 2017 г. суд вынес приговор, и Н. осудили на 14 лет в исправительной колонии общего режима [7]. Данный случай является не единственным и вызвал широкий общественный резонанс и обсуждение проблемы домашнего насилия с целью защиты детей. Такие трагедии подчеркивают важность профилактики насилия в семье и необходимость более эффективных мер по защите детей от физического насилия в семье.

Факты применения психологического насилия в семейных отношениях сложнее поддаются выявлению, поскольку эмоциональное давление редко становится предметом общественного обсуждения. В отличие от физического насилия, оно не оставляет видимых следов, однако оказывает глубокое влияние на психику и развитие ребенка. Психологическое насилие может выражаться унижением, оскорблением, игнорированием, изоляцией, терроризированием, гиперопекой и манипуляциями. Дети ощущают себя беспомощными и незащищенными от родительского воздействия, изолированными от общества, что приводит к занижению самооценки и затруднениям в формировании здоровых отношений в будущем.

Последствия психологического насилия многообразны: у детей могут развиваться: тревожность, депрессия, низкая самооценка, трудности в обучении и социализации, склонность к девиантному поведению, а также психосоматические заболевания.

В России законодательство не содержит отдельной статьи, которая бы напрямую предусматривала ответственность за психологическое насилие. Однако некоторые формы психологического насилия могут попадать под действие отдельных норм права. Например, ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление», ст. 151 ГК РФ «Компенсация морального вреда». Таким образом, в России существуют некоторые механизмы, которые могут быть использованы для защиты жертв и привлечения к ответственности тех, кто совершает подобные действия.

В целях совершенствования законодательства о противодействии домашнему насилию целесообразно внести в Федеральный закон «О домашнем насилии» отдельное определение психологического насилия как одной из форм семейного насилия. Предлагается сформулировать его следующим образом: «Психологическое насилие – это умышленные действия в семейно-бытовой среде, целью которых является причинение психических страданий члену семьи посредством унижений, оскорблений, изоляции от общества и полного контроля над его действиями». Данное определение и его закрепление позволит более четко идентифицировать и пресекать психологическое насилие в семье. Кроме того, в разделе мер профилактики домашнего насилия необходимо закрепить норму, согласно которой «при наличии обоснованных данных о совершении психологического насилия в отношении члена семьи необходимо ввести временные ограничения на контакты между пострадавшим и предполагаемым агрессором». Данная мера будет способствовать защите прав и интересов жертв и улучшению ситуации в семьях, где происходит насилие.

Сексуальное насилие в отношении детей в семейно-бытовой сфере представляет собой наиболее травмирующую форму жестокого обращения.

Значительная часть случаев сексуального насилия над детьми совершается именно в семье или среди близких родственников. Во внутрисемейной среде сексуальное насилие может оставаться незамеченным длительное время из-за страха, чувства вины, угроз со стороны насильника и неспособности других членов семьи защитить ребёнка.

Сексуальное насилие имеет различные формы своего проявления: от развратных действий и принуждения к сексуальным контактам до демонстрации порнографии и манипуляций с гениталиями ребёнка [8]. Даже если ребёнок действовал по своему желанию, данное согласие не может считаться действительным из-за возраста и зависимости от взрослого.

Финансовое насилие в семейно-бытовой сфере также является сложной проблемой, особенно учитывая разнообразие финансовых ситуаций в семьях. При рассмотрении понятия финансового насилия следует понимать, что данный вид насилия включает в себя лишение детей доступа к необходимым ресурсам, имеющимся в семейном бюджете, и манипуляции с имеющимися денежными средствами.

Финансовое насилие может проявляться в том, что один из родителей контролирует все финансовые ресурсы семьи, оставляя детей без доступа к деньгам, необходимым для их базовых нужд, таких как еда, одежда и образовательные материалы. Экономическая зависимость усиливает уязвимость к другим видам насилия.

Дети, подвергающиеся финансовому насилию, могут испытывать чувство стыда и унижения, особенно если они осознают, что их сверстники имеют доступ к ресурсам, которые им недоступны.

Глубокое и многоуровневое негативное воздействие на ребенка оказывает насилие в семье, при котором ребенок становится свидетелем конфликтов, драк и ссор между взрослыми. Результаты современных исследований приводят к выводу, что даже если ребенок не является непосредственной жертвой насилия, но становится свидетелем насилия между родителями это может привести к серьезным психологическим и поведенческим последствиям [9]. В ряде случаев наблюдается склонность к агрессивному поведению или, наоборот, выраженная пассивность и замкнутость. Психологические травмы, полученные в результате наблюдения насилия, могут привести к развитию посттравматического стрессового расстройства, депрессии, неврозов и даже суицидальных мыслей [10].

Психологическая травма свидетеля насилия отличается особой спецификой, в которой ребенок оказывается в ситуации, когда он не может защитить пострадавшего, и не может покинуть опасную обстановку, что формирует у него глубокое чувство беспомощности и страха.

Семейное насилие между детьми – это форма домашнего насилия, при которой агрессия и жестокое обращение происходят непосредственно между несовершеннолетними членами семьи.

Насилие между детьми в семье часто остается незамеченным взрослыми или воспринимается как «обычные ссоры», однако последствия таких конфликтов могут быть крайне серьезными.

Одной из причин внутрисемейной агрессии и насилия между детьми может стать ревность, особенно когда старший ребенок чувствует, что внимание родителей в большей степени проявляется в отношении младших детей. Это может привести к негативным формам поведения, таким как словесные оскорбления, унижения или попытки изолировать младшего ребенка от родителей.

Рассмотрим конкретный случай: в октябре 2024 г. в одной из квартир жилого дома, расположенного в Комсомольском районе города Тольятти, были обнаружены тела двух сестёр, двух и пяти лет. Убийство совершила 13-летняя дочь матери от первого брака. Кризисный психолог В. Аксютина прокомментировала случившееся следующим образом: «Практически каждая семья сталкивается с ревностью между братьями и сестрами... Кроме того, ситуация может осложняться в так называемых лоскутных семьях, где дети от разных браков» [11]. Таким образом, формы проявления домашнего насилия между детьми подчеркивают важность раннего выявления и вмешательства в конфликты, вызванные ревностью и соперничеством, чтобы предотвратить последствия в виде агрессии и насилия.

Семейное насилие в отношении детей многогранно и включает в себя несколько видов насилия, каждый из которых приводит к тяжелым и многоуровневым последствиям для здоровья и будущей жизни.

К последствиям индивидуального уровня можно отнести: отставание физического и психического развития, хронические заболевания, нарушения памяти, трудности в социализации, повышенная тревожность, страхи, депрессия и даже суицидальные мысли.

Последствия семейного насилия в отношении детей оказывают влияние не только на конкретного ребенка, но и на общество в целом. С детским семейным насилием связан и уровень преступности; подтверждение этого можно найти в статье О.О. Бандура, А.В. Усовой, М.Д. Ольховского, которые указали, что «совершающие насилие часто являлись жертвами в своем прошлом» [12, с. 172].

Е.А. Катан утверждает, что «насилие вызывает каскад стресс-опосредованных воздействий на гормоны и нейротрансмиттеры, которые влияют на развитие мозга» [13, с. 142]. Кроме того, автор указывает, что «сексуальное насилие в детском возрасте без полового контакта в 2,9 раза увеличивает риск

употребления ПАВ [психоактивных веществ] и зависимости от них, а сексуальное насилие, связанное с половыми контактами, повышает эту возможность в 5,7 раз» [13, с. 142]. Автор также акцентирует свое внимание на том, что физическое насилие «является заметным фактором риска развития наркомании, но и определяет быстрый переход от перорального к парентеральному употреблению наркотиков» [13, с. 142]. Таким образом, семейное насилие в отношении детей не только наносит серьезный вред их физическому и психическому здоровью, но и создает долгосрочные негативные последствия для общества, включая увеличение уровня преступности и зависимостей.

Для предотвращения домашнего насилия в отношении детей необходимо применять комплексный подход, включающий обучение родителей ненасильственным методам воспитания и формирование позитивных семейных отношений, просвещение детей о личных границах и безопасном поведении, а также предоставление поддержки семьям через консультации и программы.

С законодательной точки зрения необходимо принять Федеральный закон «О домашнем насилии», который должен включать раздел, посвященный защите детей, кроме того, следует систематизировать виды семейно-бытового насилия в отношении детей.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.
2. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 232–244.
3. В Госдуме объяснили, почему в России не принимают закон о домашнем насилии. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/15/22792172.shtml?updated
4. Насилие в семье: монография / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Проспект, 2021. 232 с.
5. Семейная криминология: Криминофамилистика: монография / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 389 с.
6. Короленко И.И., Чебоньян Т.Г. Домашнее насилие как объект административного и уголовного процесса // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 81–86.
7. Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 310–319.
8. Приемная мать убила ребенка: как предупредить трагедию. URL: https://www.miloserdie.ru/article/priemnaya-mat-ubila-rebenka-kak-predupredit-tragediyu/?ysclid=m63hn7stbw346068736 (дата обращения: 10.01.2025).
9. Определение сексуального насилия над детьми и других понятий. URL: https://www.aufarbeitungskommission.de/ru/komissiya/rassledovanie/seksualnoe-nasilie-nad-detmi/
10. Психические проблемы неизбежны для детей, подвергающихся насилию. URL: https://npistanbul.com/ru/psixiceskie-problemy-neizbezny-dlia-detei-podvergaiushhixsia-nasiliiu.
11. Дети в семейных конфликтах. URL: https://psi.mchs.gov.ru/deyatelnost/metodicheskie-rekomendacii-dlya-naseleniya/stati/deti-v-semeynyh-konfliktah
12. Мама получила сообщение от дочки и закричала от ужаса: Она написала, что убила младших сестер и пошла гулять. URL: https://www.kp.ru/daily/27645/4996229/?ysclid=m63hvenu7u577103970 (дата обращения: 19.01.2025).
13. Бандура О.О., Усова А.В., Ольховский М.Д. Насилие в семье: отсроченные последствия насилия над детьми // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Т. 32. № 2. С. 171–179.
14. Катан Е.А. Нейробиологические изменения вследствие жестокого обращения и пренебрежения в детстве как фактор предрасположенности к формированию зависимости от психоактивных веществ // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 11. С. 141–147.
15. Шестакова Е.В. Косвенное формирование противоправного поведения как форма семейной десоциализации личности несовершеннолетнего // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1(39). С. 187–191.

Criminological Analysis of Domestic Violence Against Children

Zabbarova I.A.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The past year, 2024, was declared the Year of the Family by the President of the Russian Federation, with its main goal being the improvement of the situation of children within the family. However, the Presidential Decree also served as one of the confirming facts that the institution of family and marriage is undergoing fundamental changes.

The relevance of this article is due to the fact that domestic violence against children is a serious social problem affecting millions of families. In the context of modern society, where the number of cases of domestic violence is increasing, it is important to pay attention to the protection of children and their mental health. Studying this problem contributes to the formation of public opinion aimed at protecting children, as well as the creation of effective measures for the prevention of violence and support for victims.

The main purpose of the study is to highlight the problem of domestic violence against children, to analyze its types, consequences, and methods of prevention. The objectives include analyzing the factors contributing to domestic violence against children, studying the impact of family violence on the physical and mental health of minors, and examining legislative measures for protection against domestic violence.

The scientific novelty of the work lies in new models for the prevention of domestic violence. The scientific significance consists in deepening the understanding of domestic violence and its specifics in relation to children. The result of the scientific work is the development of proposals to minimize domestic violence.

Keywords: domestic violence, physical violence, psychological violence, parents, children, minors

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-197-205

Экономическая безопасность и ее обеспечение правоохранительными органами Российской Федерации посредством противодействия преступности

Запрутин Д.Г.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры судебной
и правоохранительной деятельности
Южно-Уральского государственного университета,
доцент кафедры публичного права Челябинского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена исследованию значимости экономической безопасности в Российской Федерации и механизмам её обеспечения через противодействие экономической преступности.

Цель исследования заключается в формировании системы обеспечения экономической безопасности, направленной на противодействие экономической преступности силами правоохранительных органов РФ. В ходе исследования обосновано, что система обеспечения экономической безопасности через противодействие экономической преступности представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов: целей по защите экономических интересов общества, государства и личности; принципов функционирования системы; направлений деятельности; конкретных мер противодействия; юридических механизмов реализации; уполномоченных субъектов правоохранительной деятельности.

Особое внимание в статье уделяется роли Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России в данной системе.

Научная значимость исследования определяется предложениями по совершенствованию Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г. посредствам конкретизации мер противодействия угрозам экономической безопасности в ч. 7 п. 7 и дополнением ч. 8 п. 7 определением «система обеспечения экономической безопасности, посредством противодействия преступности».

Ключевые слова: *безопасность, вызовы, угрозы, экономическая безопасность, правоохранительные органы, преступление экономической направленности, система обеспечения экономической безопасности, посредством противодействия преступности, система правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности*

Для цитирования: *Запрутин Д.Г. Экономическая безопасность и ее обеспечение правоохранительными органами Российской Федерации посредством противодействия преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 197–205. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-197-205.*

Происходящие в мировом сообществе сложные политические, экономические и социальные процессы, увеличение численности соответствующих видов вызовов и угроз, равно как и их трансформация, обуславливают первостепенность вопросов безопасности, которая – и константа, и важнейшая научная категория. Начав формироваться в отечественном праве в XVIII–XIX вв., данная категория на современном этапе положена в основу иных понятий, конкретизирующих ее применительно к различным сферам обеспечения жизнедеятельности человека, в нормативные правовые акты. Так, во-

просы безопасности российского общества актуализированы в Федеральном законе от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [1], определяющем безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов государства и общества, отдельной личности от внешних и внутренних многоаспектных угроз. В научном сообществе категория «безопасность» получила интерпретацию и как особая ценность общества и цель действующего права, определяющая отраженную в нем волю субъектов [2, с. 18], и в качестве такого состояния соответствующего объекта защиты, при котором влияние на него различных внешних явлений и процессов (потоков информации, веществ и энергии, пр.) не превышает обеспечивающего нормальную жизнедеятельность человека, общества максимально допустимого уровня [3, с. 180].

Межгосударственные, национальные, региональные политические, экономические, социальные и иные проблемы подчеркивают актуальность вопросов национальной безопасности, обеспечение которой в Указе Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4] осуществляется, в частности, посредством реализации таких стратегических приоритетов, как государственная и информационная, общественная и экологическая, а также – экономическая безопасность.

Экономической безопасности российское государство уделяет особое внимание ввиду новых вызовов и угроз в исследуемой сфере. В Указе Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [5] сущность (правовая природа) экономической безопасности определена как состояние защищенности отечественной экономики и от внутренних, и от внешних угроз, обеспечивающее как суверенитет российского государства в экономической сфере, его экономическую целостность, так и надлежащие условия для реализации важных стратегических ценностных ориентиров.

Особое значение экономической безопасности в российском обществе выражено тем, что данный вид безопасности – необходимое состояние национальной экономики и институтов государственной власти, при котором возможно гарантировать надлежащую защиту национальных интересов, представляющих собой объективно важные потребности государства, общества и отдельной личности в надежном и стабильном развитии даже при наличии неблагоприятных условий реализации различных процессов (экономических, иных внешних и внутренних) [6, с. 714]. Экономическая безопасность в научном сообществе интерпретирована и как необходимое для эффективного функционирования соответствующей экономической системы состояние стабильности и защиты (динамической сбалансированности и устойчивости), что обеспечивает нормальное существование долгосрочных параметров жизни государства и отдельного человека. Это также институционально-инструментальный аспект обеспечения такой стабильности и защищенности, включая и нормативное обеспечение, и организационное, равно как и методы, инструменты воздействия, направленные на увеличение возможности экономической системы устранять социально-экономические угрозы и вызовы, разрешать противоречия, повышая тем самым динамизм и жизнеспособность общества [7, с. 27].

Экономическую безопасность можно определить как состояние защищенности государства, общества, человека и гражданина, которое предполагает обеспечение субъектами системы экономической безопасности контроля за экономической сферой жизнедеятельности государства и общества, управление многоаспектными угрозами и вызовами, их нивелирование, в том числе посредством предотвращения экономической преступности. При этом ведущими угрозами и вызовами экономической безопасности (включающей финансовую и фондовую, ценовую и ресурсную, продовольственную и валютную, информационную и энергетическую, военную (оборонную) и кадровую, транспортную и экологическую, государственную и общественную безопасность, а также безопасность личности) [8] в Стратегии экономической безопасности (разд. II) признано не только намерение отдельных стран использовать в качестве инструмента глобальной конкуренции национальные преимущества в сфере экономики и высоких технологий, но и применять различные дискриминационные меры в отношении российских ключевых экономических объектов и секторов. В Стратегии отмечено, что подверженность отечественной финансовой системы значительным рискам криминализации и явлениям теневой экономики (ч.ч. 18, 19 п. 12) отрицательно влияет на экономическую безопасность государства и на увеличение удельного веса экономической преступности, которая признана в качестве одного из показателей состояния экономической безопасности (ч. 40 п. 27).

Для нивелирования этих негативных явлений экономическая безопасность должна обеспечиваться более эффективным государственным регулированием, направленным на совершенствование экономической системы государства [9, с. 5] и системы обеспечения экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности. Действительно, данный вид преступности, как особая форма уголовно наказуемых посягательств воспринимается в качестве «зла», поскольку является непосредственным катализатором многоаспектных нарушений законности и правопорядка в

сфере предпринимательства и иной экономической деятельности и выступает фундаментом, на базе которого возведено «здание правонарушаемости», препятствующее экономической безопасности, экономическому росту и угрожающее свободе экономической деятельности, публичным и частным интересам [10, с. 133].

Объект экономической безопасности, обеспечиваемой посредством противодействия экономической преступности – это личность, общество, государство в целом, а также элементы экономической национальной системы, включая комплекс различных институциональных отношений, действующих в области государственного регулирования сферы экономической деятельности.

Система обеспечения экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности представляет собой комплекс взаимообусловленных элементов со сложной многоуровневой и четкой структурой, включающей субъекты и объекты, предметы противодействия, основы мониторинга и координации, а также экономические и юридические, организационные и материально-ресурсные меры, реализуемые субъектами противодействия для выявления и устранения детерминант экономической преступности, для криминологического профилактического воздействия на объекты противодействия (в виде мер предупредительной деятельности).

Система обеспечения экономической безопасности посредством противодействия преступности сочетает взаимодействие существующих на нормативном уровне и нацеленных на защиту экономических интересов общества, государства, личности целей, направлений, принципов, а также – определенных юридических механизмов.

Представляется, что *цель системы обеспечения экономической безопасности посредством противодействия преступности* – это защита от экономической преступности, явлений теневой экономики путем устранения рисков, вызовов и угроз стабильности экономического развития государства, общества, граждан при сочетании правовых и криминологических, социальных технологий, как и криминологического прогноза.

Реализация целей системы обеспечения экономической безопасности посредством противодействия преступности осуществляется *применением комплекса систематических и целенаправленных мер*, к которым, наряду с совершенствованием защиты экономической инфраструктуры Российской Федерации, формированием прогрессивного финансового резерва, относится:

– укрепление экономического суверенитета государства;

– поддержание стабильности экономических и социальных связей;

– обеспечение стабильного экономического функционирования государства, в целом, и его структур, включая субъектов экономической, включая предпринимательскую, деятельности, отдельных граждан;

– минимизация угроз экономическому благополучию и устойчивости темпов экономического развития;

– противодействие коррупции и иным экономическим деяниям (раздел VIII Уголовного кодекса РФ [11] «Преступления в сфере экономики», включающий три главы: гл. 21 «Преступления против собственности»; гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»; гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»).

Каждая из названных глав Уголовного кодекса РФ содержит разнообразные по видовым объектам составы деяний, анализ которых свидетельствует: понятие «экономическое преступление» является синонимом понятия «преступление в сфере экономики» и наиболее широким по содержанию к понятию «преступление в сфере экономической деятельности»: в данную категорию включены деяния, совершенные в предпринимательской и в коммерческой сферах деятельности. Оказывающие влияние на экономическую безопасность виды преступлений включены также в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», которые также целесообразно отнести к категории экономических преступлений (незаконное участие в предпринимательской деятельности, получение взятки, дача взятки, посредничество по взятке и пр.).

Выражаем согласие с мнением, отраженном в научном сообществе, что экономическая безопасность обеспечивается посредством противодействия следующим основным видам экономических преступлений: 1) финансовые преступления в банковской сфере (мошеннические и иные действия по кредитованию; легализация доходов, полученных преступным путем; фальсификация документов для открытия счетов; распространение фальшивых денежных банкнот и пр.); 2) коррупция в публичных органах власти (превышение, злоупотребление своими полномочиями в корыстных целях, взяточничество и вымогательство; растрата, присвоение и хищение государственного имущества); 3) внезаконная деятельность в области налогообложения (уклонение от уплаты сборов, налогов, других платежей, иные подобные преступления); 4) мошеннические налоговые деяния (получение и использование поддельных банковских карт и банкнот, манипуляции на рынке финансов, мошенничество в сфере интернет-торговли и пр.); 5) присвоение, кража объектов интеллектуальной собственности (нарушение авторских прав, а также

плагиат в научной и образовательной сферах, незаконное распространение, копирование программного обеспечения); 6) незаконные сделки с объектами недвижимости (подделка документов и права собственности на недвижимость и пр.) [12, с. 81].

Противодействие экономической преступности осуществляется в отношении экономической безопасности государства, предприятия и личности, что влияет на систему деяний и особенности противодействия. Так, угрозу экономической безопасности личности составляют такие преступления, как принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), а также деяния, включенные в другие статьи и главы Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 327.1 УК РФ ст. 327.2 УК РФ и пр.).

Преступления, посягающие на экономическую безопасность, развиваются параллельно с современными информационно-телекоммуникационными технологиями и проблемами в социально-экономической сфере государства и общества. Лица, совершившие экономические преступления, реинвестируют незаконно полученные средства в другие преступные сферы, наносящие вред мировым и отечественным интересам. В ряде случаев преступность, нарушающая экономическую безопасность, коррелирует с деяниями антигосударственного характера (незаконный оборот наркотиков, терроризм, экстремизм). Это подрывает национальную и мировую экономику, законный гражданский оборот и создаёт угрозу национальной безопасности, имущественным правам граждан и их образованиям.

Необходимость повышения эффективности обеспечения экономической безопасности через противодействие экономической преступности подтверждается национальной статистикой. Ежегодно в Российской Федерации выявляется от 104,9 тыс. до 117,7 тыс. преступлений экономической направленности. В 2024 г. по сравнению с 2023 г. рост этих преступлений составил 0,2 %. Всего было выявлено 105,4 тыс. деяний этой категории, их удельный вес в общем массиве зарегистрированных посягательств составил 5,5 %. Ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам составил 295,7 млрд рублей. Особо тяжкие и тяжкие деяния в общем массиве преступлений экономической направленности составили 64,3 % [13]. Обозначенная негативная тенденция констатируется в Российской Федерации и в 2025 г.

Особую озабоченность вызывает статистика коррупционных преступлений. Если в 2023 г. было выявлено 36,4 тыс. таких преступлений, а в 2024 г. – 38,5 тыс. (увеличение на 5,7 %), то за первый квартал 2025 г. их количество выросло на четверть по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. (в первом квартале 2024 г. – 12 466, в первом квартале 2025 г. – 15 458 (прирост 24 %)) [14].

Согласно действующей до 2030 г. Стратегии экономической безопасности, ее обеспечение осуществляется органами государственной и муниципальной власти, представителями Центрального банка России при сотрудничестве с институтами гражданского общества. Это происходит через реализацию системы политических, организационных, правовых, информационных, социально-экономических и других целенаправленных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности, а также на защиту национальных интересов в экономической области и прав граждан.

Основные направления системы обеспечения экономической безопасности через противодействие преступности выражаются в систематической и своевременной идентификации внутренних и внешних вызовов и угроз, их нивелировании [15, с. 63], в том числе через правоохранительную деятельность. Эта деятельность предполагает использование специальных юридических средств воздействия, включая государственное принуждение и иные меры правового и информационно-пропагандистского характера в рамках противодействия преступности. Это комплексная деятельность уполномоченных лиц по предупреждению, выявлению и расследованию деяний, привлечению виновных к юридической ответственности, а также по устранению и минимизации причинённого деянием имущественного и морального вреда [16, с. 98].

Правовые принципы системы обеспечения экономической безопасности посредством противодействия преступности целесообразно отразить следующим образом: законность; баланс конституционных социально-экономических прав граждан и их жизненно важных экономических интересов с интересами государства, общества, их взаимная ответственность в сфере обеспечения экономической безопасности; защита прав и законных экономических интересов государства, общества, отдельных граждан; эффективность противодействия экономической преступности и преступности, которая связана с таковой; взаимодействие субъектов системы национальной экономической безопасности с международной системой ее обеспечения (в рамках Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, других признанных Российской Федерацией международных организаций, пр.).

Разделяя мнение научного сообщества о том, что объект противодействия преступности – система связей и общественных отношений, на которые воздействует соответствующий субъект противодействия преступности [17, с. 68], полагаем, что к *объекту противодействия экономической преступности* можно отнести внутренние причины и условия формирования соответствующей криминогенной ситуации, обусловившей совершение эко-

номического преступления (это и криминальный опыт; и отрицательно-влияющая на личность преступника информация; и криминогенная мотивация, противоправный (преступный) образ жизни, как и анатомическая, и психофизиологическая, психическая особенность личности).

Принимая во внимание научную позицию о том, что в качестве материального носителя объекта противодействия преступности выступает предмет противодействия – материальный носитель объекта, то есть личность лица, способного совершить деяние, а также отклоняющееся и противоправное поведение [18, с. 191], преступные группы и соответствующие социально-криминогенные зоны (пространства), причины и условия преступности и способствующие формированию личности преступника условия [19, с. 27], *предмет противодействия экономической преступности* – личность с противоправным поведением, способствующим совершению экономического преступления, группа лиц (преступные экономические группировки, неформальные сообщества лиц возраста несовершеннолетия с криминальной экономической направленностью), а также жертва преступления; лицо, отбывшее уголовное наказание за совершение экономического деяния; семья и другие предметы противодействия.

В этой связи задача субъектов противодействия экономическим правонарушениям – декриминализация российского общества и противодействие экономической преступности, которая может быть реализована воздействием как на предметы противодействия (материальные носители объекта), так и на совокупность явлений и процессов, способствующих экономической преступности (причины и условия), прежде всего посредством гуманизации общественных отношений, обеспечения достойного уровня жизни граждан, совершенствования социально-экономического развития российского государства.

Экономическую безопасность можно признать особым объектом охраны, которую обеспечивают соответствующие *уполномоченные субъекты экономической безопасности*, в числе которых – субъекты национальной системы правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности. К основным из них относятся правоохранительные органы России:

– Федеральная служба безопасности (ФСБ России) и её Служба экономической безопасности (СЭБ ФСБ России), на которую возложены полномочия в сфере обеспечения экономической стабильности и экономической безопасности государства и ведущих отраслей промышленности, в области контроля за государственным бюджетом и государственным оборонным заказом, борьбы с преступностью (коррупцией, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и пр.), включает следующие структуры: Управление «П» – сфера экономической безопасности в отраслях промышленности, Управление «К» – в кредитно-финансовой сфере, Управление «Т» – в транспортной сфере, Управление «М» – в системе МВД и Минюсте, в МЧС, Управление «Н» – в сфере противодействия наркопреступности);

– Федеральная таможенная служба (ФТС России) с Главным управлением по борьбе с контрабандой, как орган ФТС России, реализующий оперативно-розыскную деятельность, направленную на борьбу с контрабандой и другими видами деяний, которые отнесены к ведению данных правоохранительных органов, равно, как и на формирование надлежащих условий качественного и эффективного исполнения задач в сфере защиты национальных экономических интересов и обеспечения экономической безопасности государства, в целом;

– Генеральная прокуратура России с подчинёнными прокурорами, обеспечивающими координацию профессиональной деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия экономической преступности и экономической безопасности государства в целом посредством осуществления надзорных функций за деятельностью правоохранительных органов в сфере предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений в различных сферах экономики, а также за оперативно-розыскной деятельностью в исследуемой сфере;

– Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России – самостоятельное подразделение национальной полиции и центрального аппарата МВД России, которое обеспечивает функции по формированию и реализации политики государства и нормативному регулированию в сфере обеспечения экономической безопасности в государстве и противодействия актам коррупции в отношении выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия экономических деяний;

– следственные органы Следственного комитета России и органов внутренних дел МВД России, осуществляющие профилактику экономической преступности и расследующие соответствующие уголовные дела;

– Росгвардия России, подразделения которой реализуют полномочия в сфере экономической безопасности в направлении обеспечения силовой поддержки правоохранительных органов, осуществляющих следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия в отношении посягательств экономической направленности;

– органы суда, рассматривающие уголовные дела экономической направленности и обеспечивающие контрольные функции за оперативно-розыскной деятельностью правоохранительных органов в сфере экономической безопасности;

– органы принудительного исполнения наказаний за совершение преступлений экономической направленности (ФСИН России), обеспечивающие как непосредственно исполнение соответствующей меры государственного принуждения, так и возмещение причиненного ущерба.

Принимая во внимание национальную систему правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности, отметим: основные угрозы экономической безопасности (сокрытие доходов, уклонение от налогообложения, коррупция в сфере управления экономикой, криминализация экономики, нелегальный перевод финансовых средств за рубеж и пр.) могут быть предотвращены преимущественно узким кругом специально уполномоченных в обозначенном направлении правоохранительных органов, составляющих «каркас» данной системы: ФСБ России (Служба экономической безопасности, СЭБ ФСБ России), Следственный комитет России, ФТС России (Главное управление по борьбе контрабандой), МВД России (Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции, ГУЭБиПК МВД России).

Не умаляя значение каждого из государственных органов национальной системы правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности, отметим, что особые профессиональные полномочия в сфере противодействия экономическим преступлениям возложены на структурное подразделение Министерства внутренних дел России (МВД России) – Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (ГУЭБиПК МВД России). Данное Управление действует в соответствии со следующими российскими нормативными правовыми актами: Конституцией РФ [20], Уголовным кодексом РФ, Федеральными законами от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятель ости» [21], от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [22], а также Приказом МВД России от 16.03.2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» [23].

Основные функции и полномочия ГУЭБиПК МВД России в сфере обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации посредством противодействия преступности предусмотрены в разд. III Положения о данном подразделении МВД России, в частности:

– анализ эффективности принимаемых территориальными органами МВД России, их структурными подразделениями мер в рамках реализации направлений государственной политики в сфере экономической безопасности;

– формирование основных направлений по планированию и совершенствованию служебной деятельности по вопросам экономической безопасности;

– участие в разработке федеральных целевых программ в сфере противодействия экономическим деяниям;

– осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных актов;

– проведение при взаимодействии с подразделениями экономической безопасности МВД России оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и предупреждение, а также пресечение, раскрытие уголовно-наказуемых посягательств экономической направленности;

– организация и реализация оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций в сфере обеспечения экономической безопасности;

– проведение мероприятий, направленных на противодействие легализации полученных преступным путем доходов, а также экономическим деяниям в сфере фальшивомонетничества и внешнеэкономической деятельности;

– принятие мер, направленных на выявление и нивелирование причинного комплекса преступлений экономической направленности, их документирование;

– непосредственно выявление и предупреждение, а также пресечение, раскрытие деяний экономической направленности, обнаружение и установление подготавливающих преступления лиц и лиц, их совершающих (совершивших):

– сотрудничество в данном направлении с территориальными органами МВД России по борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности, с другими субъектами системы экономической безопасности.

В качестве эффективных способов в рамках противодействия экономической преступности со стороны ГУЭБиПК МВД России и обеспечения тем самым экономической безопасности целесообразно признать криминологическое предупреждение и профилактику преступности, которые не могут характеризоваться эффективностью при отсутствии скоординированной нормативной и научной деятельности, соответствующей правоприменительной практики, как и при развитии мер, направленных на повышение уровня жизни граждан, на совершенствование уголовного правосудия. На основе профилактики экономической преступности возможно и выявление, и устранение источника преступлений, и упреждение возможных нарушений, воздействуя тем самым на причинный комплекс экономических деяний, уменьшая их уровень, то есть на экономическую безопасность.

О роли ГУЭБиПК МВД России в обеспечении экономической безопасности в государстве свидетельствуют статистические данные: если в 2022 г. всеми российскими правоохранительными орга-

нами было выявлено 111,4 тыс. соответствующих деяний (удельный вес в общем массиве зарегистрированных преступлений – 5,7 %), то на ГУЭБиПК МВД России приходится 83,8 тыс. данных преступлений (удельный вес в общем массиве деяний данной направленности – 79,5 %). Аналогичная тенденция демонстрируется в Российской Федерации в другие годы. Так, в 2024 г. всего национальными правоохранительными органами подлежало выявлению 105,4 тыс. экономических деяний при удельном весе в общем массиве зарегистрированных в 5,5 %, то усилиями ГУЭБиПК МВД России – аналогично – большинство (83,8 тыс. деяний, удельный вес которых в общем массиве преступлений экономической направленности составил 79,5 %) [24].

Система обеспечения экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности – это комплекс нескольких элементов: субъекты и объекты, предметы противодействия, а также основы мониторинга и координации, экономические и юридические, организационные и материально-ресурсные меры, реализуемые системой субъектов противодействия экономической преступности.

Полагаем, что в целях совершенствования данной системы целесообразно внесение изменений в действующую Стратегию экономической безопасности Российской Федерации (I. Общие положения), посредством:

– корректив в ч. 7 п. 7: «обеспечение экономической безопасности» – реализация органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности, включая преступность, и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере»;

– дополнения ч. 8 п. 7 предложением: «*система обеспечения экономической безопасности, посредством противодействия преступности, – комплекс политических и экономических, социальных и организационных, информационных, правовых и иных мер, реализуемых, в целях устранения причинного комплекса экономической преступности системой правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности*».

В современной России, ввиду значительных внешних и внутренних экономических вызовов и угроз, особенное внимание уделяется экономической безопасности, которая включает различные виды безопасности: финансовую и фондовую, ценовую и ресурсную, продовольственную и валютную, информационную и энергетическую, военную (оборонную) и кадровую, транспортную и экологическую, государственную и общественную, а также безопасность личности. Экономическую безопасность можно признать особым объектом охраны, который обеспечивают уполномоченные субъекты экономической безопасности, в числе которых – субъекты национальной системы правоохранительного обеспечения в сфере экономической безопасности. К основным из них относятся правоохранительные органы России.

Поскольку экономические преступления отрицательно воздействуют на национальную безопасность Российской Федерации и констатируется соотношение уголовно-правовой сферы с экономической деятельностью [25], система обеспечения экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности представляет собой комплекс важных и взаимообусловленных элементов. Эта система обладает сложной многоуровневой, чёткой структурой, включающей субъекты и объекты, предметы противодействия, основы мониторинга и координации, а также экономические и юридические, организационные и материально-ресурсные меры. Они реализуются субъектами противодействия для выявления и устранения детерминант экономической преступности, а также для криминологического профилактического воздействия на объекты противодействия в виде соответствующих мер предупредительной деятельности.

В целях совершенствования системы обеспечения экономической безопасности посредством противодействия экономической преступности обоснована целесообразность внесения изменений в действующую на современном этапе в Российской Федерации Стратегию экономической безопасности (I. Общие положения), посредством: 1) конкретизации в ч. 7 п. 7 мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности; 2) дополнения ч. 8 п. 7 новым предложением, включающим в свое содержание понятие правовой категории «система обеспечения экономической безопасности, посредством противодействия преступности».

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

2. Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория: дисс. … доктора юр. наук. М., 2022. 596 с.
3. Исаева Е.В., Дорохова О.В. Понятие и методы обеспечения безопасности // Мировая наука. 2018. № 10 (19). С. 179–182.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
6. Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010. 1120 с.
7. Кузнецова М.В. Механизм повышения экономической безопасности на основе инновационных и цифровых преобразований в экономике: дисс. … канд. эконом. наук. М., 2022. 154 с.
8. Крохичева Г.Е., Архипов Э.Л., Баздикян М.Ю., Де О.А. Система обеспечения экономической безопасности // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 5. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/36EVN517.pdf (дата обращения: 31.08.2025).
9. Кислощаев П.А. Экономическая безопасность и ее обеспечение в условиях противодействия теневой экономике: автореф. дисс. … канд. эконом. наук. Улан-Уде, 2012. 20 с.
10. Бидова Б.Б. Правовой анализ современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С.130–137.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Бостанова П.И., Лепшокова Р.Р. Современные методы противодействия экономическим преступлениям // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 80–82.
13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/_UOS_2024.pdf (дата обращения: 31.08.2025).
14. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России. URL: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025 (дата обращения: 31.08.2025).
15. Щедрин А.П. Функции правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности // Научные труды московского гуманитарного университета. 2023. № 5. С. 60–65.
16. Тимко С.А. Формы противодействия преступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2(81). С. 97–103.
17. Органы внутренних дел как субъект в системе профилактики преступности: монография / М.А. Яковлева. СПб: Изд-во Юрлитинформ, 2021. 275 с.
18. Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Кропачев Н.М. Криминология. СПб: Питер, 2016. 650 с.
19. Старков О.В. Криминология. М.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2019. 1048 с.
20. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
21. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
22. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
23. Приказ МВД России от 16.03.2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 27.05.2025). URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/. (дата обращения: 31.08.2025).
24. Состояние преступности в России. 2024. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED (дата обращения: 31.08.2025).
25. Жарёнов А.А. Особенности уголовного судопроизводства по делам об экономических преступлениях: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2023. 265 с.

Economic Security and Its Ensurance by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation through Combating Crime

Zaprutin D.G.
South Ural State University,
Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the importance of economic security in the Russian Federation and the mechanisms for ensuring it through countering economic crime. The purpose of the study is to form a system for ensuring economic security aimed at countering economic crime by law enforcement agencies of the Russian Federation. The research proves that the

system of ensuring economic security through countering economic crime is a complex of interrelated elements: goals for protecting the economic interests of society, the state and the individual; principles of the system's functioning; areas of activity; specific counteraction measures; legal mechanisms for implementation; authorized subjects of law enforcement activity.

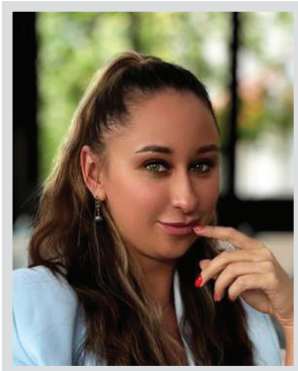
The article pays special attention to the role of the General Directorate for Economic Security and Anti-Corruption (GUEBiPC) The Ministry of Internal Affairs of Russia in this system.

The scientific significance of the study is determined by proposals to improve the Economic Security Strategy of the Russian Federation until 2030 by specifying measures to counter threats to economic security in Part 7, paragraph 7, and supplementing Part 8, paragraph 7 with the definition of "a system for ensuring economic security by countering crime."

Keywords: economic security, law enforcement agencies, economic crime, system of ensuring economic security, system of law enforcement support in the field of economic security

УДК 347.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-206-209

Энергосервисный договор как гражданско-правовая конструкция

Захарова О.Е.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)

Целью настоящей статьи является попытка дать правовой анализ конструкции применения энергосервисного договора как непоименованного договора в Гражданском кодексе, который сочетает в себе черты смешанного договора, используемого в гражданском праве. Задачами исследования выступают: определение существенных и иных условий энергосервисного договора, а также определение его юридической природы, и правильности квалификации. Актуальность исследования обусловлена отсутствием чёткого нормативного регулирования данного вида договоров. В настоящее время субъекты гражданских правоотношений применяют к энергосервисным договорам нормы различных договоров (поставки, оказания услуг, инвестиционных договоров и др.), а также используют императивные нормы законодательства. При этом, если договор заключается с участием органов государственного управления, обязательно соблюдение норм федеральных законов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно направлено на выработку способов решения проблем, возникающих при регулировании ситуаций, связанных с заключением энергосервисного договора, а также позволит стабилизировать судебную практику, так как не всегда суды могут провести отличия между смежными (похожими) правовыми конструкциями. Выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях и учебных целях, в правоприменительной практике и в процессе совершенствования законодательства. Энергосервисный контракт, уже ранее известный в международном праве и достаточно часто подменяющийся с договором энергоснабжения нашел свое место и в российской правовой системе, несмотря на затруднительность регулирования такого рода отношений.

***Ключевые слова**: экономия, цена, существенные условия договора, риск, базис потребления, полезный эффект*

***Для цитирования:** Захарова О.Е. Энергосервисный договор как гражданско-правовая конструкция // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 206–209. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-206-209.*

В современных условиях стремления к устойчивому развитию и рациональному использованию энергетических ресурсов особое значение приобретает механизм энергосервисного контрактирования. Энергосервисный контракт (ЭСК) – это современная правовая конструкция, направленная на стимулирование энергосбережения и повышение энергетической эффективности без привлечения значительных собственных инвестиций со стороны заказчика. В России правовое регулирование ЭСК осуществляется комплексом нормативных актов, включая:

– Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1];

– Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2];

– Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ (до его отмены — регулировал закупки, включая ЭСК);

– Постановление Правительства РФ от 18.08.2010 г. № 636 «О требованиях к условиям энергосервисного контракта и об особенностях определения начальной (максимальной) цены энергосервисного контракта (цены лота)» [3];

– Постановление Правительства РФ от 29.11.2011 г. № 1178 – устанавливает перечень мероприятий по энергосбережению [4];

– нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие общие положения о договорах [5].

Несмотря на наличие правовой базы, ЭСК до сих пор не имеет самостоятельного регулирования в ГК РФ, что порождает правовую неопределённость и требует толкования на основе смешанной природы договора. Согласно ст.ст. 2 и 19 Федерального закона от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], энергосервисный договор – это соглашение, предметом которого является выполнение исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования энергетических ресурсов заказчиком. ЭСК является смешанным договором, сочетающим элементы подряда, возмездного оказания услуг, аренды и лизинга. Его ключевая особенность – оплата за результат, а не за процесс. Исполнитель (энергосервисная компания, ЭСКО) самостоятельно финансирует внедрение энергосберегающих технологий, а вознаграждение получает за счёт достигнутой экономии энергоресурсов, определённой в договоре. Таким образом, ЭСК основан на взаимовыгодности:

Заказчик получает модернизацию инфраструктуры, снижение энергозатрат и повышение эффективности без привлечения капитала.

Исполнитель получает прибыль, пропорциональную фактически достигнутому энергосберегающему эффекту.

Эта модель делает ЭСК алеаторным (рисковым) договором, где экономический результат зависит от множества переменных, включая климатические условия, режим эксплуатации объекта, тарифы на энергоресурсы и качество реализованных мероприятий.

Существенными условиями энергосервисного контракта является предмет договора ЭСК – совокупность мероприятий, направленных на снижение энергопотребления и повышение энергоэффективности. Обычно включает: замену устаревшего оборудования; внедрение систем автоматизации управления энергопотреблением; утепление зданий; установку приборов учёта и т.д. Важно, что предмет должен быть конкретизирован в приложениях к договору (перечень мероприятий, техническое задание, график реализации). Судебная практика показывает, что неопределённость предмета ведёт к спорам.

К примеру из практики:

В деле А72-10974/2019 (Арбитражный суд Ульяновской области) истец – ПАО «Ростелеком» – требовал взыскания неосновательного обогащения с администрации города Димитровграда. Суд установил, что заказчик продолжал получать выгоду от внедрённых ЭСКО решений, но уклонялся от оплаты. Суд признал действия заказчика недобросовестными и удовлетворил иск, подчеркнув, что невыполнение обязательства по оплате достигнутой экономии является нарушением существенного условия договора [6].

Кроме того, в обзоре судебной практики ФАС Северо-Кавказского округа № 6 отмечается, что изменение предмета ЭСК возможно только по взаимному согласию сторон при сохранении целей договора. Одностороннее изменение влечёт признание действий одной из сторон неправомерными [7].

Второе существенное условие это цена и порядок расчёта экономии. Цена ЭСК – определяется как процент от экономии в денежном выражении, достигнутой заказчиком. Данный параметр фиксируется в договоре и не подлежит индексации, что отличает ЭСК от традиционных контрактов. Согласно п. 3 Постановления Правительства № 636 [3], цена ЭСК рассчитывается следующим образом: при сроке до 1 года – как произведение объёма потребления за предыдущий год и стоимости единицы энергоресурса; при сроке более 1 года – как произведение объёма потребления, стоимости энергоресурса на дату отбора и минимального срока контракта.

Расчёт экономии включает три этапа:

1. Определение базового уровня потребления – расчет потребления энергии до внедрения мероприятий. Базовый период должен быть корректно определён с учётом внешних факторов (погода, объём производства, простои и т.д.). Искажение базового уровня может привести к необоснованным расчётам.

2. Фиксация фактического потребления – сбор данных с приборов учёта после внедрения мероприятий.

3. Расчёт экономии – определение разницы между базовым и фактическим потреблением, скорректированных с учётом внешних факторов.

Важно отметить, что экономия может быть натуральной (в кВт·ч, Гкал и т.д.) и стоимостной (в руб.). Оплата производится по фактическим тарифам за отчётный период.

В постановлении АС Волго-Вятского округа от 15.10.2021 г. по делу № А31-14739/2020 суд подтвердил, что отсутствие минимальной экономии не освобождает заказчика от оплаты. Даже при низкой экономии, если она достигнута, исполнитель имеет право на вознаграждение. Это следует из природы ЭСК как договора о результатах, а не о гарантиях [8].

Третье существенное условие это срок действия договора поскольку именно в его рамках рассчитывается окупаемость инвестиций ЭСКО. Как правило, срок составляет от 3 до 10 лет, что обусловлено длительным периодом окупаемости энергосберегающих проектов.

Судебная практика показывает, что сокращение срока без согласия ЭСКО может быть признано нарушением. Например, в деле А60-17246/2019 (Арбитражный суд Свердловской области) администрация города Нижнего Тагила пыталась признать ЭСК недействительным, ссылаясь на отсутствие конкурса. Однако суд отказал в иске, указав, что заключение ЭСК без торгов возможно в случаях, предусмотренных законом, и договор соответствовал требованиям ФЗ-261 [9].

Дело А76-11234/2021 (Арбитражный суд Краснодарского края): заказчик расторг договор досрочно, ссылаясь на реорганизацию учреждения. Суд отказал в расторжении, указав, что «односторонний отказ от исполнения обязательств по ЭСК недопустим, если не наступили обстоятельства, предусмотренные договором или законом». Суд сослался на ст. 450 ГК РФ и п. 2 ст. 19 ФЗ № 261-ФЗ, где предусмотрено, что расторжение возможно только по соглашению сторон или в судебном порядке при существенном нарушении [10].

Четвёртое условие составляет право собственности на оборудование. Одна из спорных тем – судьба оборудования, установленного ЭСКО. По общему правилу: до окончания срока контракта оборудование остаётся в собственности исполнителя.

По истечении срока – переходит к заказчику бесплатно, если иное не предусмотрено договором.

Дело А41-23456/2020 (Арбитражный суд Московской области): заказчик попытался демонтировать оборудование до окончания срока, мотивируя тем, что оно «ему принадлежит». Суд признал действия незаконными, постановил взыскать убытки с заказчика и обязал вернуть имущество. Суд указал, что «распоряжение чужим имуществом без согласия собственника нарушает ст. 209 ГК РФ» [11].

В отдельных случаях применяется модель выкупа оборудования. Например, заказчик может предложить досрочный выкуп оборудования, включив его стоимость в платёж по ЭСК. В таких ситуациях применяются нормы договора финансовой аренды (лизинга), регулируемые ст.ст. 665–670 ГК РФ. Преимущество такой модели – заказчик получает оборудование раньше, а ЭСКО – возврат инвестиций. Это снижает риски для обеих сторон, но все же существуют риски и злоупотребления в ЭСК и он сопряжён с рисками для обеих сторон:

Заказчик:

– недостижение ожидаемой экономии;

– зависимость от ЭСКО;

– некачественное оборудование или монтаж;

– изменение режима эксплуатации, влияющее на расчёты.

Исполнитель (ЭСКО):

– непредсказуемость внешних факторов (погода, тарифы);

– недобросовестность заказчика (невыплата, изменение режима);

– долгая окупаемость проекта.

Частыми формами злоупотребления правом являются:

– *со стороны заказчика* – уклонение от оплаты при наличии экономии (как в деле А72-10974/2019) [5];

– *со стороны исполнителя* – непроведение мероприятий, занижение базового уровня потребления, использование некачественного оборудования.

Суды, как правило, встают на сторону добросовестного поведения. В случае недобросовестности одной из сторон суд может применить санкции за неисполнение обязательств, включая взыскание неустойки, убытков и неосновательного обогащения.

Энергосервисный контракт представляет собой сложную, но эффективную правовую конструкцию, сочетающую элементы нескольких договоров и ориентированную на достижение реального экономического эффекта. Ключевые особенности ЭСК: смешанная природа (подряд, услуги, лизинг); алеаторность – зависимость оплаты от результата; существенные условия – предмет, цена (процент от экономии), срок, порядок расчётов; право собственности на оборудование – временно у исполнителя, затем – у заказчика; высокая зависимость от добросовестности сторон.

Несмотря на наличие нормативной базы, судебная практика ещё не выработала единообразного подхода к трактовке многих аспектов ЭСК. Пробелы в законодательстве, особенно в части отсутствия специального регулирования в ГК РФ, создают правовую неопределённость. В связи с этим предлагается ряд мер по совершенствованию правового регулирования: чётко прописывать в договоре методику расчёта экономии, включая корректировочные коэффициенты; утверждать базовый уровень потребления с участием независимых экспертов; включать условия о выкупе оборудования и порядке перехода права собственности; обеспечивать

прозрачность учёта и передачи данных. Только при соблюдении этих условий ЭСК сможет реализовать свой потенциал как инструмента устойчивого развития и энергетической безопасности.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС Гарант.
3. Постановление от 18.08.2010 г. № 636 «О требованиях к условиям энергосервисного договора (контракта) и об особенностях определения начальной (максимальной) цены энергосервисного договора (контракта) (цены лота)» // СПС Гарант.
4. Постановление от 29.12.2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // СПС Гарант.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС Гарант.
6. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 18.10.2019 № А72-10974/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
7. Обзор судебной практики ФАС Северо-Кавказского округа № 6 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
8. Постановление АС Волго-Вятского округа от 15.10.2021 по делу № А31-14739/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
9. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 23.09.2019 № А60-17246/2019// Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
10. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16.09.2021 №А76-11234/2021 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
11. Дело А41-23456/2020 (Арбитражный суд Московской области) // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.

Energy Service Contract as a Civil Law Construction

Zakharova O.E.
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg)

The purpose of this article is to attempt to provide a legal analysis of the design of the application of an energy service contract as an unnamed contract in the Civil Code, combining the features of a mixed contract used in civil law. The objectives of the study are to determine the essential and other terms of such a contract, as well as to determine its legal fate and the correctness of qualifications. The relevance is manifested in the absence of a clear proper regulation of the use of such a category has not been established. Subjects of civil law relations to such contracts apply the norms of other contracts such as supplies, services, investment contracts, etc. so are the norms of legislation where there is an imperative principle, since, depending on whether it is a contract or a contract (where government authorities are involved, it is mandatory to comply with and apply the norms of Federal laws. The practical significance of the study is due to the fact that it is aimed at developing ways to solve problems that arise when regulating situations related to the conclusion of an energy service agreement, and will also help to stabilize judicial practice, since courts cannot always distinguish between related (similar) legal structures. The findings can be used in further scientific research and educational purposes, in law enforcement practice and in the process of improving legislation. The energy service contract, which was previously known in international law and was often replaced with an energy supply contract, has found its place in the Russian legal system, despite the difficulty of regulating such relations.

Key words: economy, price, essential terms of the contract, risk, the basis of consumption, the beneficial effect

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-210-215

К вопросу о компетенции главы субъекта Российской Федерации

Каримов М.В.
Аспирант кафедры конституционного
и административного права юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются вопросы содержательного наполнения правовой конструкции «компетенция главы субъекта РФ». Необходимость обращения к данному вопросу обусловлена нововведениями, внесёнными новым Федеральным законом о системе публичной власти субъектов РФ. Для достижения цели работы – исследования правового содержания категории «компетенция» – использовались как общие методы диалектического анализа, так и специальные: сравнительный, формально-правовой, логический. В работе рассмотрены подходы исследователей к пониманию понятия «компетенция», представлены различные воззрения на его элементный состав. Проведена связь в понимании государственной власти, публичной власти, реализации правомочий главы субъекта в системе публичной власти региона. Права и обязанности главы субъекта РФ обозначены как самостоятельные элементы его компетенции. Обращено внимание на терминологическую определённость в использовании понятий как в практической юриспруденции, так и при построении теоретических конструкций.

Ключевые слова: *Конституция, закон, компетенция, глава субъекта РФ, права, обязанности, терминологическая определенность*

Для цитирования: *Каримов М.В. К вопросу о компетенции главы субъекта Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 210–215. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-210-215.*

Принятие нового Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414-ФЗ или Закон о публичной власти) стало следствием не только поправок к Конституции РФ в 2020 г., но и необходимостью корректировки полномочий высшего должностного лица субъектов РФ. Эти изменения отражают новое положение главы субъекта в системе органов публичной власти страны после его включения в систему федеральных органов государственной власти. Организационные изменения влекут за собой сущностные правки, влияют на содержание теоретических конструкций и затрагивают правовую регламентацию общественных отношений.

Новый Федеральный закон № 414-ФЗ закрепил конструкцию «орган публичной власти». Наряду с другими органами (законодательным, исполнительным) таковым является и глава субъекта РФ. В связи с включением в правовой оборот нового наименования должностного лица возникает вопрос о сохранении прежних теоретических подходов к содержанию используемых терминов и определений.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 и наименованием ст. 20 Закона о публичной власти в субъектах РФ высшее должностное лицо субъекта РФ является органом государственной власти субъекта РФ. Какова же цель дополнительной характеристики его как органа публичной власти? В научной и учебной литературе можно встретить различные подходы к пониманию государственной власти [1]. Например,

государственная власть понимается как разновидность публичной власти, представляющей собой в конституционно-правовом смысле политическое отношение, формирующееся в результате функционирования органов публичной власти, основанное на господстве и подчинении, направленное на обеспечение эффективного управления и жизнедеятельности общества, осуществляемое посредством определённых форм и методов, опирающихся на государственное принуждение [2, с. 305].

Государственная власть осуществляется народом непосредственно, а также через органы государственной власти, представляющие собой группу граждан или одного гражданина, которые в соответствии с законодательством осуществляют полномочия и функции государства [3, с. 358–360]. Орган публичной власти действует от имени соответствующего публично-правового образования, обладает самостоятельностью, организационной обособленностью, целями, задачами и компетенцией, включающей властные полномочия [4, с. 192]. Глава субъекта РФ относится к единоличным органам государственной власти, входящим в систему исполнительных органов субъекта РФ (ч. 1 ст. 31 Закона о публичной власти в субъектах РФ), в основе принятия решений которого находится принцип императивного волеизъявления [5, с. 10].

Определение органа публичной власти через акцентирование на его функциональной составляющей характерно для представителей государственно-правовой науки [6, с. 324]. Среди ученых-теоретиков существуют как подобные мнения [7, с. 161], так и основанные на совмещении структурно-функционального подхода, выделяющего орган государства как подразделение государственного аппарата, наделенного законом компетенцией [8, с. 108]. В любом случае компетенция главы субъекта РФ как публичного органа определяет его деятельность и пределы её осуществления.

К системе органов публичной власти относятся только органы государственной власти, которые имеют компетенцию, отличную от органов государства, не обладающих государственно-властными полномочиями и часто относимых к вспомогательным органам. Основанием для такого понимания является Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 1997 г. [9]. Кроме того, государственный орган осуществляет только регулирование внутри системы, его акты не являются общеобязательными. Например, Администрация Главы (Раиса) Республики Татарстан, являясь государственным органом, осуществляет обеспечительную функцию деятельности Главы (Раиса) Республики Татарстан [10].

Из ч. 4 ст. 20 и ч. 6 ст. 20 Закона о публичной власти следует, что высшее должностное лицо субъекта РФ одновременно занимает (в законе используется термин «замещает», что не является терминологически верным, поскольку замещение означает временное исполнение чьих-либо обязанностей [11, с. 423]) государственную должность как РФ, так и субъекта РФ, именуемую «Глава» или «Губернатор» с указанием соответствующего субъекта РФ. Иными словами, государственные должности не являются должностями государственной службы, они носят политический характер и имеют особое значение в механизме государства [12, с. 91-92]. Эти должности предполагают непосредственное исполнение полномочий федеральных и региональных государственных органов в соответствии с нормами Конституции РФ, федеральных законов, конституций республик, законов республик [13].

Включение высшего должностного лица субъекта РФ в число лиц, занимающих федеральные государственные должности, определяет состав его прав и обязанностей. Формирование компетенции высшего должностного лица субъекта РФ обеспечивается как федеральным, так и региональным законодательством. При этом компетенционная составляющая правового статуса главы субъекта может меняться, что обусловлено спецификой должности, а также ролью и местом главы субъекта в системе органов публичной власти федерального и регионального уровня.

Закрепление компетенции в законодательстве предполагает использование единообразного понятийного аппарата, понятного всем участникам публично-правовых отношений.

Понятие компетенции является одним из самых сложных и неоднозначных в юриспруденции, что объясняется разнообразием подходов в научных исследованиях. Например, наука административного права рассматривает компетенцию с точки зрения управления, а теория государства и права и наука конституционного права – сущностного содержания. Но абсолютно общим выступает стремление всех представителей юридической науки определить понятие компетенции через перечисление её элементов.

С содержательной точки зрения компетенция – это «масштаб публичной власти, который дает строго определенное представление о возможных пределах его воздействия на конкретную область общественных отношений» [14, с. 15], определяемых в нормативных правовых актах. Сущность публичной деятельности главы субъекта РФ предопределяет понимание его компетенции как объема публичных дел, возложенных законом на соответствующий орган [15]. Таким образом, с помощью закрепления законом компетенции обозначаются пределы осуществления публичной власти органом в конкретных сферах общественной жизни.

В юридической науке не сформирован единый подход к пониманию компетенции; её понимают: и как права государственных органов (С.С. Алексеев),

и как способы осуществления публичных функций, включающие цели, предметы ведения, властные полномочия, ответственность (Ю.А. Тихомиров), и как способы руководства в общеобязательных формах (А.В. Мицкевич), и как совокупность закрепленных государственных правообязанностей (прав и обязанностей) (А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин), и как полномочия, предметы ведения, функции органа государственной власти (В.И. Червонюк) [16, с. 383–384].

Наиболее распространённым пониманием компетенции является определение её как совокупности прав и обязанностей органа власти [17, с. 383]. С подобным подходом солидаризируется В.В. Эмих [16, 398], а также Р.А. Сахиева, которая видит в компетенции полномочия и предметы ведения высшего должностного лица [18, с. 97–98]. Более широкое понимание у Н.А. Игнатюка, поскольку он включает в понятие компетенции цели, задачи, функции, полномочия (права и обязанности) органа государственной власти [19, с. 256].

Ученые-конституционалисты полагают, что компетенция высшего должностного лица – это предмет ведения, права, обязанности, составная часть его правового статуса [20, с. 7]. Т.Ю. Леонова же указывает, что предмет ведения и властные полномочия, включающие права и обязанности, относятся к ключевым элементам компетенции [21, с. 21]. В то же время, в научной литературе по теории управления компетенцию рассматривают как круг функций и полномочий, предоставленных законом конкретному органу [22, с. 240].

Существовало и легальное определение компетенции, которое было дано в Федеральном законе от 24.06.1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [23]. Сейчас этот закон утратил силу, поэтому мы имеем только доктринальное определение этого понятия.

Конституция РФ использует термин «компетенция» только в трех случаях: в отношении компетенции Государственной думы и Совета Федерации (ст. 103.1); в отношении споров по компетенции, разрешаемых Конституционным Судом РФ (ч. 3 ст. 125); в отношении компетенции органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 132), – что означает легальное признание компетенции в отношении органов публичной власти.

В конституциях республик термин «компетенция» используется в отношении глав республик довольно редко (например, ч. 2 ст. 28 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия [24], ч. 1 ст. 94 Конституции Республики Мордовия [25]). В большинстве случаев используется термин «полномочия» (например, п. 29 ч. 1 ст. 94 Конституции Республики Татарстан) [26].

Примечательно, что в Законе Республики Татарстан от 06.04.2005 г. № 64-ЗРТ «Об исполнительных органах государственной власти Республики Татарстан» (в ред. от 03.05.2023 г.) [27] компетенция органа исполнительной власти определена через полномочия в целях осуществления государственного управления по предметам ведения Республики Татарстан, совместного с РФ ведения, а также через переданные полномочия (п. 1 ч. 1 ст. 2).

Вопрос элементного состава компетенции глав субъектов РФ предполагает рассмотрение сущности выделяемых учеными в качестве элементов компетенции категорий: «предмет ведения», «полномочия», «права и обязанности», «функции» [28].

«Предмет ведения» как категория используется в двух значениях в Конституции РФ: применительно к принципу разграничения предметов ведения между РФ и субъектами РФ (ст.ст. 71, 72, 73, 76); применительно к элементу компетенции органа публичной власти (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 11, ч. 1 ст. 132). В первом случае речь идет о сферах общественной жизни, в которых РФ и субъект РФ, как субъекты властеотношений, реализуют государственную власть путем законотворчества. Во втором случае «предмет ведения» рассматривается как элемент компетенции публичного (государственного) органа в тесной взаимосвязи с его полномочиями [29, с. 31].

Несмотря на наличие в научной литературе множества определений предмета ведения как элемента компетенции государственного органа (подробные анализы на основе изучения советских трудов и трудов российских трудов до 2000 г. включительно проведены в диссертациях Т.Ю. Леоновой [21, с. 21] и В.П. Миронова [29, с. 18–20]), фактически все они сводятся к тому, что предмет ведения – это сферы общественной жизни, в которых орган власти уполномочен принимать властные решения.

Применительно к главам республик Р.А. Сахиева сформулировала предмет ведения следующим образом: это определенная сфера общественных отношений, обусловленная социально-политическим предназначением высшего должностного лица субъекта РФ [18, с. 102]. В целом, данный подход представляется наиболее верным с точки зрения конституционного права. Ю.А. Тихомиров также выделяет предметы ведения как элемент компетенции государственного органа, но делает это с позиции административного, управленческого подхода, в связи с этим в качестве предметов ведения выделяют не только сферы государственной и общественной жизни, но и отрасли экономики, материальные объекты, финансово-денежные средства, правовые акты и т.д.) [15, с. 21].

«Полномочия» как правовая категория рассматриваются Р.А. Сахиевой как нормативно закреплённые права и обязанности, позволяющие осуществлять ор-

ганизационное и нормативно-правовое воздействие на общественные отношения в рамках предметов ведения [18, с. 100]. Такое понимание полномочий как совокупность прав и обязанностей традиционно для теории государства и права, конституционного и административного права [30, с. 45].

Однако сравнительно недавно появились исследования, жестко разграничивающие права, обязанности и полномочия. Так, И.В. Лексин полагает, что полномочие, в отличие от права, означает не меру возможного поведения, а наделённость способностью реализации чужих прав и обязанностей от имени уполномочившего субъекта [30, с. 51]. Государственный орган не свободен в реализации своего права, он претворяет в жизнь волю народа как первичного источника власти [30, с. 51]. Н.С. Железняк, Н.Ю. Тетерятников, Ю.В. Леонтьева полагают, что полномочие – это самостоятельное средство, инструмент, занимающий промежуточное положение между правами и обязанностями, представляющий собой законодательно предоставленную возможность должностного лица применять публичную, в частности государственную, власть для исполнения юридической обязанности в интересах общества и государства [31, с. 101–102]. Но данная точка зрения, в отличие от первой, отличается признанием наличия у должностного лица прав как меры возможного поведения и обязанностей как меры должного поведения. Иными словами, должностное лицо может, как реализовать свои права, так и воздержаться от их реализации. При этом правомочие является лишь элементом субъективного права [31]. Вторая позиция представляется более верной, несмотря на то, что авторы рассматривают обозначенные понятия применительно к должностным лицам в сфере оперативно-розыскной деятельности, её можно применить и к главам республик.

Но нельзя не согласиться с И.В. Лексиным в невозможности сочетания прав и обязанностей с некой «правообязанностью» (Н.Н. Алексеев, Ф.Н. Фаткуллин, Ю.А. Тихомиров и др.) [30, с. 50], поскольку они имеют противоположное значение. Правильнее считать, что ввиду обладания государственной властью главы республик имеют права и обязанности, реализация которых осуществляется для исполнения общей юридической обязанности в интересах государства и общества – достижения блага граждан [32].

При обращении к нормам права становится очевидным, что полномочия глав республик сформулированы в виде прав и обязанностей. Например, Глава (Раис) Республики Татарстан вправе участвовать в работе Государственного Совета Республики Татарстан и его Президиума с правом совещательного голоса – это закрепленное право (п. 22 ч. 1 ст. 94 Конституции Республики Татарстан) [26]. В то же время, он подписывает и обнародует законы Республики Татарстан, принятые Государственным Советом Республики Татарстан – обязанность (п. 16 ч. 1 ст. 94 Конституции Республики Татарстан).

Вряд ли можно согласиться с тем, что у должностного лица полномочия жестко привязаны к обязанностям и наоборот. У каждого из названных элементов функционала есть собственное содержание и способы реализации. Как уже выше отмечено, обязанность подписать принятый законодателем закон не дает выбора действий, если вето преодолено. Есть право отклонить закон при наличии оснований, но нет права не подписать его, если вето преодолено парламентом.

Подводя итог, можно отметить, что сущностное содержание компетенции главы субъекта РФ имеет сложную структуру, понимание предназначения каждого из элементов которой дает ключ к правильному использованию понятий в законотворческой и правоприменительной деятельности. Терминологическая определенность необходима и в построении теоретических конструкций, поскольку способствует поиску сбалансированных выводов, основанных на едином понимании сущности существующих и возможных правоотношений.

Литература

1. Малый А.Ф. Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации: дисс. … докт. юрид. наук. Северодвинск, 2000. 342 с.
2. Нарутто С.В., Таева Н.Е. Конституционное право России. М.: ИНФРА-М, 2023. 491 с.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 864 с.
4. Комкова Г.Н., Колесникова Е.В., Липчанская М.А. Конституционное право Российской Федерации. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 453 с.
5. Орлова Э.А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. 212 с.
6. Кутафин О.Е., Козлова Е.И Конституционное право России. М.: Проспект, 2015. 592 с.
7. Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 516 с.

8. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 521 с.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.1997 г. № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 22. Ст. 2664.
10. Указ Президента Республики Татарстан от 04.02.2023 г. № УП-68 «Об Администрации Главы (Раиса) Республики Татарстан» (ред. от 23 апреля 2025 года) // СПС КонсультантПлюс.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
12. Гафуров А.А. Конституционно-правовая ответственность лиц, занимающих государственные должности в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации. Казань: Школа, 2021. 182 с.
13. Федеральный закон от 27.0.7.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2004 г. № 31. Ст. 3215
14. Югов А.А. Органы публичной власти по законодательству России. Казань, 2021. // Издательство Бук. URL: https://bukbook.ru/media/files/book/book/Organyi_publichnoj_vlasti_po_zakonodatel'stvu_Rossii.pdf (дата обращения: 18.07.2025).
15. Правовое администрирование в экономике / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: ЮСТИЦИЯ, 2018. 306 с.
16. Эмих В.В. Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 378–393.
17. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
18. Сахиева Р.А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица республики-субъекта Российской Федерации: На примере Республики Татарстан: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. 213 с.
19. Актуальные проблемы конституционного права России / Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. П.А. Кучеренко, Н.М. Чепурновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 399 с.
20. Кайль А. Н. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица Субъекта Федерации в системе органов власти (На примере края, области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 22 с.
21. Леонова Т.Ю. Организационно-правовые основы деятельности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2008. 252 с.
22. Осейчук В.И. Теория государственного управления. М.: Издательство Юрайт, 2025. 252 с.
23. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 20 мая 2002 года, утратил силу 4 июля 2003 г) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3176.
24. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия: принято Конституционным Собранием Республики Калмыкия – Хальмг-Тангч 05.04.1994 г. (ред. от 11.11.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс.
25. Конституция Республики Мордовия: принята Конституционным Собранием Республики Мордовия 21.09.1995 г. (ред. от 28.03.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс.
26. 26. Конституция Республики Татарстан: принята 06.11.1992 г. на XII сессии Верховного Совета Республики Татарстан (ред. от 26.01.2023 г.) // СПС КонсультантПлюс.
27. Закон Республики Татарстан от 6 апреля 2005 года № 64-ЗРТ (в ред. от 3 мая 2023 года) «Об исполнительных органах государственной власти Республики Татарстан // СПС КонсультантПлюс.
28. Малый А.Ф. О статусе законодательных органов краев и областей // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 52–59.
29. Миронов В.П. Конституционно-правовые проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в условиях российского федерализма: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 221 с.
30. Лексин И.В. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика многозначности и унифицированности // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 37–58.
31. Железняк Н.С., Тетерятников Ю.В., Леонтьева Ю.В. Соотношение правомочий и полномочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–105.
32. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

On the Issue of the Competence of the Head of the Subject of the Russian Federation

Karimov M.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article discusses the issues of the substantive content of the legal structure "competence of the head of the subject of the Russian Federation." The need to address this issue is due to the innovations introduced by the new Federal Law on the system of public authority of the subjects of the Russian Federation. To achieve the purpose of the work – the study of the legal content of the category "competence", both general methods of dialectical analysis and special ones were used: comparative, formal legal, logical. The approaches of researchers to understanding the concept of "competence" are considered, and various views on its elemental composition are given. A connection has been made in the understanding of state power, public power, and the exercise of the powers of the head of a subject in the system of public authority in the region. The rights and duties of the head of a subject of the Russian Federation are designated as independent elements of his competence. Attention is drawn to the terminological certainty in the use of concepts, both in practical jurisprudence and in the construction of theoretical constructions.

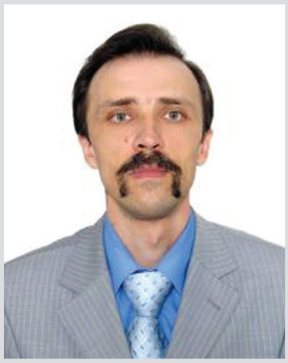
Keywords: Constitution, law, competence, head of the subject of the Russian Federation, rights, duties, terminological certainty

УДК 346.14
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-216-220

К вопросу о сущности экономического права и его месте в системе научного знания

Мирошниченко Н.В.
Доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры права
Ставропольского государственного аграрного университета

Максимов В.Ю.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры права
Ставропольского государственного аграрного университета

Активно разрабатывавшееся в советской правовой науке учение о едином хозяйственном праве было актуализировано в начале XXI в. в виде дискуссии о формировании новой российской юридической отрасли – права «экономического». В настоящее время эта дискуссия все еще остается на стадии споров об оправданности и даже возможности существования названной правовой отрасли. Целью настоящей статьи авторы ставили внести свой вклад в разрешение данной основополагающей научной проблемы, поскольку решение вопроса о целесообразности существования экономического права, его месте в отечественной правовой системе должно предшествовать рассмотрению всех остальных методологических задач, связанных с существованием дискутируемого правового явления. Итогом анализа позиций существующих по данной проблеме научных школ стали конкретные выводы и предложения авторов статьи.

Ключевые слова: *система права, отрасль права, хозяйственное право, экономическое право, мегаотрасль, комплексные правовые отрасли*

Для цитирования: *Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю. К вопросу о сущности экономического права и его месте в системе научного знания // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 216–220. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-216-220.*

В течение двух последних десятилетий в среде российских юристов активно дискутируется тема так называемого «экономического права»: его понимания, источников, характеристик, системы, соотношения с традиционными отраслями права, перспектив развития и т.д. Исследование показывает, что, несмотря на продолжительность дискуссии (два десятка лет), в ходе которой сложились несколько теоретических подходов к ключевым моментам и были опубликованы десятки научных статей, ряд монографий и даже учебников, ситуация по каждому из названных аспектов всё ещё далека от ясности.

Анализируя предысторию темы, ряд авторов отмечает, что возможным предшественником идеи об экономическом праве еще в советский период выступило учение о так называемом «хозяйственном праве» – комплексной отрасли, формирование ко-

торой так и не было завершено и оказалось невостребованным в новых экономических реалиях конца XX – начала XXI вв. Однако сама идея создания единой теории правового регулирования *всего* комплекса экономических общественных отношений оказалась живой, и уже в середине 1990-х гг. появились первые заметные публикации в данной области, в которых было объявлено о возникновении нового – экономического права [1; 2].

К настоящему времени можно отметить деятельность нескольких творческих коллективов, независимо и своеобразно разрабатывающих данное научное направление: группа ученых под руководством судьи Конституционного Суда РФ в отставке проф. Н.С. Бондаря, коллектив сотрудников МГУ во главе с профессором Е.П. Губиным, профессора МГЮА В.С. Елисеев и Н.М. Артемов, представители РГУП проф. Е.М. Ашмарина и В.В. Ершов и ряд других. Ими выпущены монографии [3–5] (в том числе представляющий собой, по сути, коллективную монографию учебник под научной редакцией Н.С. Бондаря [6]) и хрестоматии [например, 7] не только по общей теории экономического права, но и по отдельным его структурным составляющим, таким как: уголовное и административное экономическое право [8–10]; экономическое право Евросоюза [11]; международное экономическое право [12; 13] и т.д.

Ряд ученых и их коллективов опубликовали предназначенные для студентов, в первую очередь юридических вузов, учебники и учебные пособия, что предполагает достаточно высокий уровень научного осмысления материала. Так, например, Н.А. Игнатюк [14] предлагает следующую (поглавную) структуру своего учебного пособия по основам *публичного* экономического права России: 1) экономика как объект правового регулирования; 2) понятие, объекты, институты, источники публичного экономического права; 3) субъекты публичной экономической деятельности на разных уровнях власти; 4) экономическое развитие.

Как видим, пособие имеет обоснованную структуру, чему, впрочем, на наш взгляд, способствовало сужение предмета исследования до *публичного* экономического права, который сама автор определяет как *подотрасль* права *административного*. Такой подход, как представляется, наиболее близок к советской концепции хозяйственного права и, очевидно, оставляет открытыми вопросы, во-первых, о содержании, по крайней мере, гипотетического «частного экономического права», а во-вторых, – возможности их объединения в общее «экономическое».

Более научно привлекательной является попытка формирования структуры *самостоятельной* (возможно, комплексной) отрасли права, которую предпринимает коллектив авторов под руководством Е.М. Ашмариной. В своем учебном пособии [3] она выделяет уже не четыре главы, а три раздела, включающие тринадцать глав: Общую часть (о взаимообусловленности экономики и права, в том числе, зарубежных стран), Особенную часть (о правовом регулировании отдельных сфер экономики) и третий (к сожалению, не названный) раздел (об экономическом контроле).

При этом обращает на себя внимание, во-первых, довольно разнообразный состав Особенной части учебной дисциплины, во-вторых, неочевидные основания выделения третьей части, дополнительной к традиционным для права Общей и Особенной, в-третьих, позиционирование авторами экономического права не как просто самостоятельной отрасли, а как «*мегаотрасли* российского права». Такая постановка вопроса, без сомнения, требует отдельного рассмотрения отношения к нему со стороны уже упомянутых нами, а также ряда других ученых.

Здесь исследователя ждет интересное открытие: выясняется, что и сегодня – после стольких лет разработки темы – у ученых, специализирующихся в данной области, так и не выработано какого-либо единства мнений по вопросу сущности экономического права, в том числе его места в системе даже не просто права, а научного знания в целом! Приведем несколько характерных точек зрения по этому поводу.

Так, соавтор первой книги по теме исследования д.ю.н., проф. В.С. Елисеев в статье, опубликованной в 2020 г., отмечает: «Теория экономического права рассматривается всего лишь как раздел теории права», то есть позиционирует экономическое право как *науку*. При этом он выделяет в ней три части (Общую, Особенную и Специальную) и отводит ему обслуживающую роль «правового обеспечения экономических отношений» [15]. Близкие позиции занимают, очевидно, и ученые, публикующие труды (в том числе учебные пособия) по правовому обеспечению российской экономики [например, 16; 17].

Доктор юридических наук, профессор О.В. Романовская в статье 2021 г. высказывает следующую точку зрения: «Экономическое право не следует рассматривать как самостоятельную отрасль права. Его можно воспринимать как междисциплинарный *учебный курс*, вбирающий в себя самые актуальные вопросы взаимодействия права и экономики» [18]. Подтверждая свою точку зрения, она приводит мнение и другого известного ученого в данной области – д.ю.н., проф. Е.П. Губина: «Экономическое право – это *массив законодательства* в его широком понимании, это *научный комплекс, это учебная дисциплина, это практическая деятельность* юристов, это, в конце концов, объективно, реально существующее *явление правовой действительности*, опосредующее сферу экономики» [19].

На схожих позициях находится, как представляется, соавтор и научный редактор учебника-монографии «Экономическое право» д.ю.н., проф.

Н.С. Бондарь, рассматривающий заглавное явление в трех аспектах: как отрасль законодательства, как научное направление и как учебную дисциплину. При этом ученый акцентирует: «Представляются необоснованными подходы, связанные с выделением экономического права в качестве самостоятельной отрасли или, более того, мегаотрасли российского права» [20].

Во всех приведенных критических замечаниях их авторы имеют в виду позицию, в основном, одного коллектива ученых – под руководством д.ю.н., проф. Е.М. Ашмариной [3; 4; 17 и др.]. Если абстрагироваться от многочисленных высказываний профессора, отличающихся, если можно так выразиться, научной экстравагантностью, можно остановиться на ее следующих основных позициях относительно понимания сущности экономического права и его места в системе научных знаний.

Руководствуясь, как представляется автору, насущной «необходимостью поиска новой парадигмы системы права», она вводит в научный оборот понятие «мегаотрасли права». Под последней профессор понимает «вертикальную правовую модель, аккумулирующую нормы многих различных отраслей российского права», а в качестве примеров мегаотраслей называет право экономическое, информационное, экологическое, конституционное, международное (последнему мимоходом присваивается также звание «гиперотрасли») [21].

Не согласимся с мнением д.ю.н., проф. Е.Е. Тонков о том, что подобные термины являются одними из названий *комплексных* отраслей, обоснованность и целесообразность выделения которых подвергаются критике по методологической причине неопределенности предмета правового регулирования [22]. Е.М. Ашмарина претендует на более широкое понимание и для описания предмета экономического права предлагает трехуровневую конструкцию: «Предметом (в самом широком смысле) было предложено рассматривать общественные отношения, имеющие всеобъемлющий характер. В более узком смысле – это отношения, установленные экономической наукой (региональная и отраслевая экономика, финансы, менеджмент, мировая экономика). В самом узком (прикладном) значении – это отношения, установленные ОКВЭД-2 РФ (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности) и дифференцированные по соответствующим видам (сельское хозяйство, строительство и др.)» [21]. Правда, в другом случае автор указывает, что «в качестве критериальной основы для систематизации экономических отношений был принят подзаконный нормативный акт "Номенклатура специальностей научных работников"» [23].

В этой же статье 2020 г. Е.М. Ашмарина пишет: «Основы всех официально признанных отраслей материального права России (без исключения) регулируют экономические отношения. Говорим только об основах, поскольку детальную конкретизацию правового обеспечения предполагаем в рамках указанных отраслей (конституционное право, муниципальное право, административное право, уголовное право и т.д.)» [23]. В 2024 г.: «Экономическое право как мегаотрасль (в широком смысле слова) аккумулирует все право государства» (!), «в узком же смысле – это система основ всех известных официальной доктрине отраслей российского права», «микромодель системы российского права» [24].

По поводу приведенных утверждений сразу же возникает несколько основных вопросов, как то:

– не совпадает ли в этом случае экономическое право с правом в целом, всей национальной системой права или, по крайней мере, с его общепризнанной основой – правом конституционным?

– каким образом возможно в таком случае дифференцировать одну мегаотрасль от другой?

– в чем практическое значение данного умозрительного конструкта?

Такие и подобные им противоречия позиции Е.М. Ашмариной позволяют к.ю.н., доценту, судье арбитражного суда В.А. Лаптеву задаться справедливым вопросом: «"Мегаотрасли" – экономическое, корпоративное и энергетическое право или юридические фикции?» [25]. Как и автор статьи, мы склоняемся ко второму варианту ответа.

Приведем по этому поводу и мнение д.ю.н., проф. С.В. Мирошник, которая предлагает все отрасли российского права объединить соответственно четырем сферам общественной жизни в четыре группы: экономическое право, политическое право, социальное право, духовное право [26]. Конечно, такой подход автора делает неизбежно дискуссионными вопросы о выделении и формулировке конкретных «сфер общественной жизни». Однако он позволяет, по крайней мере, снять вопрос об экономическом праве как «мега-», «гипер-», «сверх-» и тому подобной, но отрасли российского права как не имеющей собственной сколь либо сформировавшейся методологии (предмета, целей и задач, принципов, методов, функций, структуры и так далее).

В заключение предположим, что в дальнейшем для определения сущности и места современного экономического права в системе права может быть продуктивным учение о «подсистеме российского права». Во всяком случае, итогом нашего рассмотрения заглавного правового явления может быть вывод о том, что при нецелесообразности (на наш взгляд) понимания экономического права ни как отрасли, ни как мегаотрасли отечественного права, можно использовать данную дефиницию в значении отрасли законодательства (и практики его применения), научного направления, а также соответствующей вузовской учебной дисциплины.

Возможно, целесообразным было бы отказаться от термина «экономическое право», так как он необоснованно смещает смысловой акцент в сторону существительного «право». При этом системообразующим элементом в данном понятии является всё же «экономика».

По нашему мнению, сущность данного явления более точно отражают такие обозначения, как «право экономики», «право в сфере экономики», «правовое обеспечение экономики», «правовое регулирование экономики» и им подобные.

Литература:

1. Веленто И.И., Елисеев В.С. Теория экономического права: курс лекций. Гродно: ГрГУ, 2004. 417 с.
2. Веленто И.И., Елисеев В.С. Теория экономического права: учеб. пособие. М.: Книжный дом, 2006. 416 с.
3. Ашмарина Е.М. Инновационная технология «экономическое право» в условиях глобализации. Qui quaerit, reperit (кто ищет, тот находит). М., 2024. 284 с.
4. Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права: теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения. М.: Проспект, 2020. 416 с.
5. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право Российской Федерации: монография. М.: РГУП, 2017. 284 с.
6. Экономическое право: учеб. / Под науч. ред. Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2023. 408 с.
7. Экономическое право: хрестоматия. СПб.: Питер, 2004. 496 с.
8. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 362 с.
9. Зюзин В.А., Писенко К.А. Административное экономическое право зарубежных стран: учеб. пособие. М.: РГУП, 2021. 112 с.
10. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2025. 984 с.
11. Международное экономическое право: учеб. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Ф. Ручкиной. М.: ИНФРА-М, 2024. 539 с.
12. Григорян А.С. Международное экономическое право в Великобритании: общие и отраслевые аспекты научной доктрины и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 2. С. 161–181.
13. Юмашев Ю.М., Постникова Е.В. Экономическое право Европейского Союза: монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 384 с.
14. Игнатюк Н.А. Основы публичного экономического права России: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2014. 670 с.
15. Елисеев В.С. Место теории экономического права в системе правового регулирования экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 175-184.
16. Морозов А.А. Правовое обеспечение экономики в Российской Федерации: учеб. пособие. СПб., ИВЭСЭП, 2008. 149 с.
17. Павлов П.В. Правовое обеспечение экономики: учеб. пособие. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 383 с.
18. Романовская О.В. О концепции экономического права в системе публично-правовых наук // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 4 (36). С. 99–107.
19. Губин Е. П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 3–10.
20. Левакин И.В. Экономическое право: научное направление, учебная дисциплина, учебник // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 59–62.
21. Ашмарина Е.М. К вопросу о перспективах экономического права как мегаотрасли российского права (десять лет исследований: итоги и направления дальнейшего развития) // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (193). С. 264–267.
22. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 2.С. 53–75.
23. Ашмарина Е.М., Артемов Н.М. Экономическое право России и особенности правового регулирования финансовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 194–197.
24. Ашмарина Е.М. Некоторые тенденции актуальной юридической науки: экономическое право // Вопросы экономики и права. 2024. № 188. С. 14–19.
25. Лаптев В.А. «Мегаотрасли» – экономическое, корпоративное и энергетическое право или юридические фикции? // Экономика. Право. Общество. 2017. № 3. С. 28–33.
26. Мирошник С. В. Экономическое право в системе российского права // Вопросы экономики и права. 2016. № 91. С. 12–14.

On the Issue of the Essence of Economic Law and its Place in the System of Scientific Knowledge

Miroshnichenko N.V., Maksimov V.Yu.
Stavropol State Agrarian University

The doctrine of unified economic law, which was actively developed in Soviet legal science, was updated at the beginning of the 21st century in the form of a discussion about the formation of a new Russian legal branch – the law of "economic". Currently, this discussion is still at the stage of disputes about the justification and even the possibility of the existence of this legal branch. The purpose of this article was to contribute to the resolution of this fundamental scientific problem, since the solution of the question of the expediency of the existence of economic law and its place in the domestic legal system should precede the consideration of all other methodological tasks related to the existence of the debated legal phenomenon. The analysis of the positions of the existing scientific schools on this issue resulted in specific conclusions and suggestions of the authors of the article.

Keywords: legal system, branch of law, economic law, economic law, mega-industry, complex legal branches

УДК 347.131
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-221-225

К вопросу о фиксации юридических фактов

Осипенко А.В.
Соискатель Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
директор многофункционального юридического центра
«Сфера закона» (Москва)

Актуальность темы исследования фиксации юридических фактов обусловлена усложнением системы общественных отношений и сопряженной с ней развивающейся системы деликтов. Возникшее в лоне римского права учение о деликтах позволило сформировать и расширить систему способов и средств фиксации юридических фактов. Однако на сегодняшний день отсутствует научно разработанный и закрепленный в праве механизм фиксации юридических фактов, соответствующий современным тенденциям развития права. Целью настоящего исследования является научная интерпретация юридических фактов в правовой материи. В ходе исследования были решены следующие задачи: проведен исторический обзор формирования понятия «юридический факт», с помощью методов сравнительного правоведения изучено применение этой правовой категории в законодательстве Англии, Франции и США. Научная значимость исследования состоит в обосновании того, что фиксация является лишь одним из элементов огромной информационной матрицы, необходимой для формирования аналитических выводов, принятия решений и их реализации в рамках правового конфликта, вытекающего из деликтных правоотношений. Практическая значимость исследования состоит в предложенной новой классификации юридических фактов. Основным результатом является вывод о том, что задача современных исследователей права системно изложить теорию, методологию и концепцию этого нового направления. В настоящей статье предпринята попытка применения научно-практического подхода к обозначенной проблематике.

Ключевые слова: *деликт, генеральный деликт, деликтное право, юридический факт, основания возникновения юридических фактов, деликт-менеджмент*

Для цитирования: *Осипенко А.В. К вопросу о фиксации юридических фактов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 221–225. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-221-225.*

Изменяющийся характер экономических отношений, информатизация, виртуализация собственности, появление новых видов юридических фактов и гражданско-правовых деликтов приводят к возникновению потребности в фундаментальных правовых исследованиях этих правовых явлений.

Несмотря на то что теория юридических фактов появилась еще в лоне римского права, современные рыночные отношения требуют уточнения сформировавшихся в действующем российском законодательстве юридических конструкций, классификации юридических фактов по новым, актуальным для современных экономических реалий основаниям и разработки теоретических основ управления юридическими фактами.

Римская правовая традиция, заложившая основы теории деликтных обязательств, в большей степени сосредоточилась на механизмах исковой

защиты нарушенных прав. На сегодняшний день разработка теории фиксации юридических фактов, возникающих в деликтных правоотношениях, является актуальным направлением в сфере управления правовыми рисками. Это перспективное направление практической деятельности получило название «деликт-менеджмента». Задача современных исследователей права системно изложить теории, методологию и концепцию этого нового направления.

Как утверждает теория государства и права, научно оформленная юридическая конструкция «юридического факта» была предложена исследователем права немецкого происхождения Карлом Савиньи. Он обозначил ключевые точки, в пределах которых свершается юридический факт: момент возникновения правоотношения и момент завершения правоотношения [1, с. 106]. В качестве критики предложенного К. Савиньи подхода следует отметить, что он уделяет недостаточное внимание моменту изменения правовых отношений.

Современный французский юрист, доктор юридических наук Д.Ж. де ла Морандьер отмечает, что важным аспектом понимания основания возникновения юридического факта является признание этого основания законом [2, с. 254].

Рассматривая правовые доктрины Англии и Соединенных Штатов Америки, следует отметить, что юридический факт рассматривается в них лишь как «те обстоятельства, которые должны в ходе гражданского процесса доказать участники спора, которые на них ссылаются» [3, с. 152].

Заслугой отечественных советских юристов является проработка теории юридических фактов в высшей степени, в отличие от европейской и американской правовой науки [3]. Современные российские исследования юридических фактов [4] отличаются тем, что они отнесены к двум направлениям: 1) исследование понятия и разработка новых классификаций юридических фактов и 2) изучение таких фактов в рамках отдельных отраслей права [5].

Фактически в отечественной правовой науке сложилась тенденция рассматривать юридические факты в составе теории правоотношений, в качестве основания для возникновения обязательств. Полагаем, что такой подход является весьма удобным и эффективным.

Однако следует отметить сравнительно новую тенденцию в правовых исследованиях юридических фактов: рассмотрение их в контексте проблематики деликтных правоотношений. В рамках этого подхода и подготовлено настоящее исследование.

Особенностью юридических фактов является их системность, что означает наличие в правовой материи их объединений, образующих отдельные сферы, в которых складываются правоотношения граждан. Исторически в интересах гражданского судопроизводства формировались государственные системы учета юридических фактов. Например, впервые ведение учета сделок было предложено в Древней Руси как реакция на сложность доказывания по делам, в которых оспаривалось существование сделки вообще, как устной договоренности. Уже с эпохи правления российского императора Петра I ведение реестров заключенных сделок в специальных книгах упростило рассмотрение судами вышеуказанных дел, что снизило временные и финансовые издержки [6, с. 56]. При этом письменным доказательствам всегда отдавался приоритет в гражданском процессе.

Целесообразно говорить о комплексах юридических фактов, в рамках публично-правовых отношений, например, о процедурах государственного программирования, когда контроль за обеспечением реализации каждого этапа государственной программы состоит в проверке наличия юридических фактов.

Не углубляясь в сторону публично-правовых отношений, отметим, что и в случае, например, деликтных правоотношений, можно говорить о целом спектре юридических фактов, которые подлежат правовому анализу.

Обращаясь к проблемам деликтов, необходимо принимать во внимание, что это понятие сформировалось в лоне римского права. В то же время теория деликтов на сегодняшний день требует дополнительной систематической научной проработки. В основе юридической конструкции деликта находится поведение лица, которое фактически наносит ущерб правовым благам другого лица. В то же время, исходя из трактовки римского права, деликт несет в себе характер «противоправности».

Расширяя теорию деликтов, можно обратить внимание на тот факт, что в случае деликта (в трактовке римского права), мог наблюдаться порок субъекта или порок воли, и тогда деликт не возникал, возникал «квазиделикт», в котором отсутствовали характеристики «виновность», «установленность правоотношений» и др. Цементирующей основой судебных разбирательств в данном случае будет являться опора на установленные юридические факты.

Российское правовое пространство не содержит официального закрепленного понятия «деликт». Единственным государством в мире, где официально закреплено это понятие, является Франция. Рассмотрим юридическую конструкцию деликта во французском законодательстве. Деликт здесь рассматривается как юридический факт, прямо предусмотренный действующим законодательством. Кроме того, по законодательству Франции для него должен быть предусмотрен и способ получения возмещения вреда. При этом вина, причинно-следственная связь и ущерб – это обязательные атрибуты юридической конструкции. Французское законодательство выделяет три вида ответственно-

сти: за причинение ущерба вещью, за причинение ущерба действиями, за личное причинение ущерба [3, с. 352]. Такая правовая конструкция видится нам интересной, но в то же время не вполне соответствующей историческим основам гражданского законодательства России и действующим реалиям российского законодательства.

Основой судебного деликтного производства в Древней Руси являлось обращение к лицу, наделённому судебной функцией, с жалобой о причинении ущерба. Исторически первым в законодательстве Руси появляется денежная компенсация последствий деликтов. Виновник обязывался уплатить виру в разном размере.

Рассмотрим вопросы соотношения понятий «юридический факт» и «деликт», а также предпримем попытку классификации юридических фактов в зависимости от видов деликтов.

Понятие «юридический факт» обладает двойственной природой: во-первых, это проявления бытия; во-вторых, это закрепленное в правовых нормах основание возникновения, изменения или прекращения прав, обязанностей и ответственности. При этом оба этих свойства должны присутствовать одновременно.

С.С. Алексеев, один из создателей Конституции Российской Федерации, определяет юридические факты как жизненные обстоятельства (условие, ситуация) [4, с. 98]. Полагаем, такое определение более удачное, чем использование понятия «факт» для дачи дефиниции этому правовому феномену. Но сюда будут относиться не все жизненные ситуации, а только те, которые отражены в действующем законодательстве.

Предложим классификацию юридических фактов в зависимости от наличия ущерба: 1) юридические факты, в ходе которых причиняется ущерб правовым благам, 2) юридические факты, не влекущие ущерба правовым благам. Правовые блага введены нами в дифференциацию юридических фактов в целях отграничения жизненных ситуаций.

Латинское слово «*delictum*» означает правонарушение. Мы можем рассматривать деликт как юридический факт, при условии, если он закреплен в правовой материи.

Научная концепция деликтов сформировалась в процессе научного изучения обязательств, возникающих из них. Ее основателем принято считать члена Верховного суда США Оливера Холмса. Его книга «Общее право» [7, p. 214] не только произвела переосмысление понимания деликтов с правовой и философской точки зрения, но и дала начало новой правой отрасли – деликтному праву. Несомненно, эта отрасль является одной из наиболее востребованных в юридической практике. Возникновение обязательств из причинения вреда, порождает правовой конфликт, нестабильность правовой материи, который стремится к равновесию через процедуры «внесудебной» или «судебной» компенсации.

Само понятие юридического факта является одним из ключевых понятий в деликтном праве. Несмотря на многовековую историю формирования деликтного права, можно констатировать, что научная концепция деликтов до конца не оформилась. Даже в Древнем Риме делался больший акцент на исковую деятельность в целях возмещения ущерба от деликтов, отсюда и большая разработка процессуальной стороны вопроса, нежели самого понятия деликт.

Проблематика данного вопроса состоит в многообразии жизненных ситуаций, которые порой трудно перечислить и полноценно классифицировать. Признавая эту научную проблему, мы между тем заметим, что юридический факт первичен в научной концепции деликтов, поскольку изначально может являться деликтом либо порождать деликт. Это научное предположение является важным в рамках проводимых научных изысканий рассматриваемых вопросов.

Пример тому – достаточно обоснованные в римском праве *actio de effusis et dejectis* (деликтные споры, возникающие в результате причинения вреда вылитым или выброшенным из дома). Если что-то было выброшено или вылито из дома, то за причинённый этими действиями вред отвечает хозяин дома или квартиры, из которой было вылито или выброшено, а не тот, кто виновен в этих действиях. Этот иск вытекает из обязательства как бы из правонарушения, т.к. ответственность хозяина квартиры возникает без его субъективной вины. На этом примере мы можем видеть, что деликтные обязательства достаточно сложны и с учётом сложившихся в мире правовых систем существуют разные правовые подходы к разрешению судами разных жизненных ситуаций.

Конец спорам о невозможности научной теоретизации деликтных правоотношений положил голландский юрист Гуго Гроций, который предложил концепцию генерального деликта, то есть установленные государством общие положения деликтной ответственности вне зависимости от того, содержались ли они в заключенных соглашениях сторон или нет [8, с. 419]. Обращаясь к отечественному законодательству, можно отметить, что концепция генерального деликта реализована сегодня в положениях ст. 1064 ГК РФ.

Рассмотрим на примере этой статьи, как реализована там теория юридических фактов, предложенная советским ученым-правоведом О. Красавчиковым [9]. В основе указанной статьи находится деликт как юридический факт, который порождает возникновение целой цепочки фактов вариативного состава. Например, такого юридического факта, как судебное взыскание или такого, как непосредствен-

ное возмещение вреда. Судебным решением возмещение вреда может быть возложено на лицо, которое вред не причиняло. Такое допущение содержится в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации. Ст. 1064 ГК РФ, посвященная генеральному деликту, фиксирует целый спектр юридических фактов и особенности возникновения, изменения и прекращения прав, обязанностей и ответственности сторон деликтных отношений.

Так, к примеру, в рассматриваемой статье выделяются следующие виды юридических фактов:

– в зависимости от правомерности действий: 1) причинение вреда правомерными действиями, 2) причинение вреда неправомерными действиями;

– в зависимости от предмета, которому нанесен вред: 1) причинение вреда личности, 2) причинение вреда имуществу физического лица, 3) причинение вреда имуществу юридического лица.

– в зависимости от основания возмещения вреда: 1) возмещение вреда по закону, 2) возмещение вреда по договору;

– в зависимости от виновности лица: 1) возмещение вреда виновным лицом, 2) возмещение вреда невиновным лицом;

– в зависимости от размера возмещаемого вреда: 1) соразмерное возмещение вреда, 2) выплата компенсации сверх возмещаемого вреда и др.

На рассмотренном примере видно, что научную сложность представляет выделение из деликтных отношений всего спектра юридических фактов. Так, факты могут составлять:

• цепочку из двух звеньев: деликт – возмещение вреда;

• цепочку из трех и более количества звеньев: деликт – правовой конфликт – обращение в суд – вынесение судебного решения – возмещение/не возмещение вреда – обращение к принудительному исполнению и т.д.

Таким образом, понятие «юридический факт» является сложным для отражения в правовой материи. Многосоставная сущность этой правовой категории затрудняет процессы фиксации. Приведенная в настоящем исследовании классификация юридических фактов – лишь отправная точка дальнейших исследований обозначенной проблематики.

Понятие «юридический факт» является системообразующим для деликтного права. Многообразие юридических фактов, которые необходимо учитывать для анализа, выбора правовых средств защиты и судебного разрешения правовых конфликтов в рамках деликтных правоотношений, требует дальнейшего исследования.

Литература:

1. Савиньи Карл фон Фридрих. Rechtsgeschichte und Institutionen des römischen Rechts nach Professor von Savigny. [Б. м.], начало XIX в. 214 (6 ч.) л.
2. Морандьер Л.Ж. де ла. Гражданское право Франции / Пер. с фр. М.: Иностр. лит., 1960. Т. 1. 742 с.
3. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
4. Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2012. 148 с.
5. Долова А.З. Юридические факты в трудовом праве: автореф. дисс. ... доктор. юрид. наук. М., 2009. 62 с.
6. Рассказов В.Л. Законодательство Петра I в области судоустройства и судопроизводства по вопросам торговых отношений. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 56–59.
7. Holmes O.W. The common law. London: Little, Brown a. co., 1881. 422 p.
8. Гроций Г. О праве войны и мира / Пер. с латин. А.Л. Саккетти; [Вступ. статьи А.Л. Саккетти, А. Желудкова, с. 10–38]. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. 867 с.
9. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
10. Code civil (Version en vigueur au 27 février 2025) // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721.
11. Manigk A. Tatsachen, juristische Handworterbuch der Rechtswissenschaft. Berlin, Leipzig, 1928. 942 p.
12. The Record interpreter: A coll. of abbrev., Lat. words a. names used in Engl. hist. ms. a rec. / Comp. by Charles Trice Martin; With an introd. by David Iredale. Facs. of 2. ed. 1910. Chichester (Sussex): Phillimore, 1982. 464 p.
13. Бакирова Е.Ю. Юридические факты в жилищных отношениях: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 25 с.
14. Воронин А.Е. Юридические факты-события в российском праве: общетеоретический анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 32 с.
15. Маркосян А.В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
16. Мельчинский Н.Н. Юридические факты в советском административном праве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 24 с.
17. Покровский И.А. Исторія римскаго права / История римского права. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 430 с.

18. Полищук Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дисс. ... доктор. юрид. наук. М., 2009. 54 с.
19. Рябов А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 34 с.

On the Issue of Fixing Legal Facts

Osipenko A.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Multifunctional Law Center «Sphere of Law» (Moscow)

The relevance of the research topic of fixing legal facts is due to the increasing complexity of the system of public relations and the associated developing system of torts. The doctrine of torts, which arose in the bosom of Roman law, made it possible to form and expand the system of ways and means of fixing legal facts. However, to date, there is no scientifically developed and legally established mechanism for fixing legal facts that corresponds to current trends in the development of law. The purpose of this research is the scientific interpretation of legal facts in the legal field. In the course of the research, the following tasks were solved: a historical review of the formation of the concept of legal fact was carried out, using the methods of comparative jurisprudence, the application of this legal category in the legislation of England, France and the USA was studied. The scientific significance of the study lies in the substantiation of the fact that fixation is only one of the elements of a huge information matrix necessary for the formation of analytical conclusions, decision-making and their implementation in the framework of a legal conflict arising from a tort legal relationship. The practical significance of the study lies in the proposed new classification of legal facts. The main result of the study is the conclusion that the task of modern legal researchers is to present the theory, methodology and concept of this new field in a systematic form. This article attempts to apply a scientific and practical approach to these issues.

Keywords: tort, general tort, tort law, legal fact, grounds for legal facts, tort management

УДК 340.125
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-226-229

Соотношение современных теорий правового инструментализма

Рязанова М.Н.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В представленной статье проведён анализ зарубежных теоретических подходов к правовому инструментализму. Автор акцентировала внимание на соотношении классических инструментальных теорий с современными вариациями инструментализма. В результате исследования сформулирован вывод о методологическом значении новых инструментальных трактовок права в призме цифровизации, локальных правовых экспериментов и персонификации правового регулирования. Ключевыми методами проведения исследования стали формально-логический и аналитический методы, а также отдельные частно-научные методы (правовой инструментализм, юридический прагматизм). В комплексном выражении эти методы позволили оценить тенденции развития зарубежной юридической науки в понимании законов как инструментов политико-правового проектирования. Автор выдвигает в качестве основного вывода тот факт, что, несмотря на выявленную актуальность современных теорий правового инструментализма, они обосновываются теми вызовами, с которыми сталкивается государство и общество.

Ключевые слова: *философия права, правовой инструментализм, юридический прагматизм, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения*

Для цитирования: *Рязанова М.Н. Соотношение современных теорий правового инструментализма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 226–229. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-226-229.*

В современных условиях появляются новые теории правового инструментализма, предлагающие гибкие и прагматичные подходы к регулированию стремительно меняющихся общественных отношений. Прежде всего, это проблема правовой неопределенности новых технологий, получившая наименование в зарубежной юридической литературе название «*Digital Law & AI*» [1; 2], поскольку классические правовые средства значительно отстают от скорости развития искусственного интеллекта, технологий блокчейн и биотехнологий. Ожидаемым инструменталистским ответом на подобные запросы стали экспериментальные правовые режимы, в которых законы перестали быть догмой, чтобы выполнять функции своеобразных инструментов управления и адаптации информационных данных.

В глобальном измерении при оценке климатических, миграционных проблем, а также усиления влияния эпидемий исследователи констатируют неэффективность национальных законов в преодолении трансграничных угроз [3, p. 812]. Поэтому всё чаще в юридической науке встречаются инструменталистские трактовки мягкого права (*soft law*), санкций и экономических стимулов в качестве средств воздействия на целые государства [4; 5].

Кроме того, в инструменталистских теориях происходит критическая переоценка права и социальной справедливости, что подводит доктринальную основу под такие направления, как декриминализа-

ция, при которой право становится инструментом снижения нагрузки на пенитенциарную систему и используется для исправления исторической несправедливости [6, p. 1119; 7, p. 25]. Однако пандемия *COVID*-19 показала неготовность национальных правовых систем к кризисам, что очевидным образом обнажило инструменталистский ответ в виде временных законов (например, дистанционное проведение судебных заседаний) и гибких механизмов регуляции (оперативное разрешение новых вакцин без долгих клинических испытаний).

Чтобы понять принципиальную специфику современных теорий правового инструментализма, необходимо обратиться к классической философско-правовой концепции «*legal instrumentalism*», сторонники которой воспринимают право не в качестве самоценной системы абстрактных норм, а как инструмент достижения социальных, экономических и политических целей [8; 9]. Тем самым право выступает не целью, а средством её воплощения, что кардинальным образом отличает данную теорию от нормативистского подхода, в котором значима строгость соблюдения норм, и от естественно-правовых теорий, где право основано на морали.

В инструменталистском подходе закон не считается священным текстом, поскольку изначально рассматривается в качестве механизма воздействия на общество [10, p. 299; 11, p. 949]. Так, налоговое право начинает использоваться в целях перераспределения доходов, а трудовое право – для защиты работников. При этом инструментализм базируется на гибкости и прагматизме, ведь законы должны быть адаптированы к меняющимся жизненным обстоятельствам [12, p. 988]. Тем самым при неработающей норме требуется либо её отмена, либо её кардинальная корректировка.

Отсюда в классическом правовом инструментализме был выведен критерий эффективности права, который сводился не к формальному соответствию поведения правовым нормам, а к наличию реального результата [13, p. 431]. Например, такой результат выражается в снижении преступности после ужесточения уголовных наказаний.

Впрочем, в зарубежных юридических публикациях инструментализм искусственным образом повышал роль судов и иных правоприменительных инстанций, которые наделены широким усмотрением в интерпретации законов на основе принципа целесообразности [14, p. 119]. В частности, в судебной системе США нередко используется т.н. «целевая интерпретация», направленная против идеализации права и его статичности [15, p. 117]. Поэтому сторонники правового инструментализма всегда критиковали теории, трактующие право как «образец справедливости». В таком научном ракурсе право выражает определённые интересы, которые могут быть интересами государства либо интересами элит, а равно интересами большинства или меньшинства [16].

Между тем столь радикальное восприятие права вызвало справедливую критику, которая основывалась на риске правоприменительного произвола, при котором закон выступал лишь инструментом, который всегда можно изменить или подстроить под любую политическую конъюнктуру. Кроме того, в классическом инструментализме размывается правовая стабильность – системный критерий правовой регуляции. Слишком частые законодательные изменения приводят к регуляторной непредсказуемости и к нивелированию справедливости в пользу правовой эффективности.

Если резюмировать суть классического правового прагматизма, то удачнее всего её характеризует следующая цитата Р. Паунда: «Право – не зеркало вечных ценностей, а молоток в руках тех, кто строит социальную реальность» [17, p. 251].

Невзирая на комплекс недостатков, современные версии правового инструментализма не только сохраняются, но и эволюционируют, комбинируя теоретические положения из разных дисциплинарных направлений. Главным из них следует признать неоинструментализм, сторонники которого стремятся сочетать классическую инструментальную теорию с экономическим анализом права [18; 19]. Так, законодательство в сфере рыночной конкуренции трактуется через призму экономической эффективности, а не как средство достижения абстрактной справедливости. Экологические нормы в таком теоретическом осмыслении оцениваются через их способность снизить общественные издержки, а не сохранить природу.

В политико-правовом направлении необходимо выделить современную теорию демократического инструментализма. Её суть сводится к акценту в правовом регулировании большинства общественных отношений на укрепление демократии и гражданского участия [20]. Наглядным примером можно назвать доктринальное обоснование законодательных экспериментов по проведению локальных правовых реформ с целью исследования социальных эффектов, как это имело место при установлении базового дохода в Финляндии и ФРГ [21]. Кроме того, в рамках данного теоретического восприятия большинство конституционных прав рассматриваются в качестве механизмов контроля за публичной властью.

Современный критический инструментализм трактует право как инструмент борьбы за власть, что используется правящими элитами в целях подавления различных меньшинств [22, p. 131]. В философском выражении данное научное направление демонстрирует совмещение неомарксизма с критической расовой теорией, поскольку его сторонники анализируют, например, каким образом законодательство в сфере миграции или уголовные законы дискрими-

нируют маргинализированные группы населения [23]. При этом тенденции по декриминализации наркотиков или иных запрещённых объектов рыночного оборота рассматриваются в качестве попытки пересмотреть карательную функцию права [24].

Наконец, набирающий научную популярность цифровой инструментализм рассматривает право в качестве инструмента адаптации для регулирования новых технологий и одновременно инструмента контроля над цифровой средой [25, p. 821]. Аргументация теоретиков данного подхода сводится к использованию европейских законов как способов перераспределения власти между корпорациями и пользователями [26, p. 18]. Не менее интересными в названной инструментальной теории представляются идеи принятия законов об искусственном интеллекте, где нормы будут существовать «на опережение» в целях прогноза и минимизации рисков [27].

Собственно, основным отличием классического инструментализма от его современных вариаций является очевидная междисциплинарность теоретических подходов, поскольку зачастую в них используются достижения не только социологии, но и психологии, экономики, антропологии, праксеологии и многих других наук. Помимо этого, прослеживается неоправданная гибкость в исследуемых механизмах правового регулирования, в которых предпочтение отдаётся не статичным догмам, а правовым экспериментам. Отсюда заметен акцент на процесс, при котором цели остаются не менее важными, но наравне с правообразованием и правоприменением с учётом влияния лоббизма, современных медиа-технологий, проведения общественных кампаний.

В рассмотренных направлениях современного правового инструментализма право трактуется в качестве своеобразной услуги, что создаёт риск его коммерциализации. Частный арбитраж, например, при рассмотрении большинства юридических конфликтов представляется более предпочтительным, чем стандартное производство в государственных судах. Подобный вектор теоретического развития неизбежно приведёт к утрате универсальности права, поскольку локальные правовые эксперименты и принимаемые на их основе управленческие решения вступают в противоречие с международным и конституционным правом, как это наглядно прослеживается на примере регулирования криптовалют в разных национальных правовых системах или большинства демократических процессов в отраслях права.

Таким образом, несмотря на выявленную актуальность современных теорий правового инструментализма, они обосновываются теми вызовами, с которыми сталкивается государство и общество. Прежде всего, это угроза принципу правового государства, поскольку закон считается лишь инструментом, что позволяет манипулировать им в политических и частных целях. Частое изменение законодательства подрывает гражданское доверие и снижает легитимность принимаемых решений. Все это приводит к известным этическим дилеммам о возможности ограничения частных прав в пользу общественного блага.

Вместе с тем проанализированные теоретические направления демонстрируют, что юридическая наука уделяет повышенное внимание таким перспективным проектам, как:

– алгоритмическое право с усилением цифровых технологий при урегулировании правовых вопросов;

– персонифицированное правовое регулирование, при котором законы подвергаются адаптации под меняющееся поведение граждан;

– глобализация и локализация права в зависимости от интересов государств и корпораций.

В результате приходится констатировать, что современные теории правового инструментализма выступают методологическими подходами к исследованию правовых явлений и процессов в эпоху глобальных кризисов, поскольку их основное предназначение сводится к поиску юридического прагматизма посредством увеличения возможностей по злоупотреблению субъективными правами.

Литература:

1. Paweloszek I., Kumar N., Solanki U. Artificial intelligence, digital technologies and the future of law: Literature review // Futurity Economics & Law. 2022. Vol. 2. №. 2. P. 35–53.
2. Lobel O. The law of AI for good // Fla. L. Rev. 2023. Vol. 75. P. 1073.
3. Kampourakis I. Legal theory in search of social transformation // European Law Open. 2022. Vol. 1. № 4. P. 808–821.
4. Zerilli F.M. Anthropology and soft law // Research Handbook on Soft Law. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 71–86.
5. Bacharis G., Osmola S. Rethinking the instrumentality of european private law // European Review of Private Law. 2022. Vol. 30. №. 3. P. 11–16.

6. Fissell B.M. Against criminal law localism // Md. L. Rev. 2021. Vol. 81. P. 1119.
7. Cho S. Law's Horizons // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2025. Vol. 34. P. 23–29.
8. Horwitz M.J. The rise of legal formalism // The American Journal of Legal History. 1975. Vol. 19. № 4. P. 251–264.
9. Trubek D.M. Toward a social theory of law: an essay on the study of law and development // The Yale Law Journal. 1972. Vol. 82. № 1. P. 1-50.
10. Teubner G. After legal instrumentalism // Dilemmas of law in the welfare state. 1986. P. 299.
11. Lyons D. Legal formalism and instrumentalism – a pathological study // Cornell L. Rev. 1980. Vol. 66. P. 949.
12. Moore M.S. Need for a Theory of Legal Theories: Assessing Pragmatic Instrumentalism // Cornell L. Rev. 1983. Vol. 69. P. 988.
13. Gardner S. Instrumentalism and necessity // Oxford J. Legal Stud. – 1986. Vol. 6. P. 431.
14. Quevedo S.M. Formalist and instrumentalist legal reasoning and legal theory // Calif. L. Rev. 1985. Vol. 73. P. 119.
15. Brownsword R. Instrumentalism and American Legal Theory // The Modern Law Review. 1985. Vol. 48. № 1. P. 116–120.
16. 1Paine L.S. Instrumentalism v. Formalism: Dissolving the Dichotomy // Wis. L. Rev. 1978. P. 997.
17. Pound R. Roscoe Pound // My Philosophy of Law: Credos of Sixteen American Scholars. Boston: Boston Book Co, 1941. P. 249–262.
18. Posner R.A. Law, pragmatism, and democracy. Harvard University Press, 2009. 416 p.
19. Calabresi G. The future of law and economics: essays in reform and recollection. Yale University Press, 2016. 228 p.
20. Dewey J. Logical method and law // Logic, Probability, and Presumptions in Legal Reasoning. Routledge, 2013. P. 181–191.
21. Seidman A., Seidman R.B. Instrumentalism 2.0: Legislative drafting for democratic social change // Legisprudence. 2011. Vol. 5. № 1. P. 95–142.
22. Tamanaha B.Z. The tension between legal instrumentalism and the rule of law // Syracuse J. Int'l L. & Com. 2005. Vol. 33 P. 131.
23. Ellermann A. Discrimination in migration and citizenship // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol. 46. № 12. P. 2463–2479.
24. Weissman J.C. Drug control principles: instrumentalism and symbolism // Journal of Psychedelic Drugs. 1979. Vol. 11. № 3. P. 203–210.
25. Pasquale F., Cockfield A.J. Beyond instrumentalism: a substantivist perspective on law, technology, and the digital persona // Mich. St. L. Rev. 2018. P. 821.
26. Brownsword R. Law disrupted, law re-imagined, law re-invented // Technology and Regulation. 2019. Vol. 2019. P. 10–30.
27. Tamò Larrieux A. et al. Regulating for trust: Can law establish trust in artificial intelligence? // Regulation & Governance. 2024. Vol. 18. № 3. P. 780–801.

Comparison of Modern Theories of Legal Instrumentalism

Ryazanova M.N.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In this scientific article, the author analyzed foreign theoretical approaches to legal instrumentalism. The main emphasis is on comparing classical instrumental theories with modern variations of instrumentalism. As a result, the article formulates a conclusion about the methodological significance of new instrumental interpretations of law using the example of digitalization, local legal experiments, and the personification of legal regulation. The main methods of conducting the research were the formal-logical and analytical methods, as well as individual private scientific methods (legal instrumentalism, legal pragmatism). In a comprehensive expression, they allowed the authors to assess the trends in the development of foreign legal science in relation to the understanding of laws as instruments of political and legal design. The authors put forward as the main conclusion the fact that modern theories of legal instrumentalism are substantiated by the challenges faced by the state and society.

Key words: philosophy of law, legal instrumentalism, legal pragmatism, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

УДК 343.137.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-230-234

Процессуальные производства и процессуальный режим как структурные элементы уголовно-процессуальной формы

Солодовник В.В.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры безопасности Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

В последние годы уголовно-процессуальное законодательство претерпевает значительные изменения, происходит постоянный процесс его реформирования. Такие изменения могут быть признаны эффективными только при условии учёта основополагающих понятий, таких как уголовно-процессуальная форма, процессуальные производства и процессуальный режим, которые в совокупности образуют фундамент уголовного процесса. Именно эти обстоятельства обусловили необходимость вновь обратиться к рассмотрению указанных элементов уголовно-процессуальной формы, что подчёркивает актуальность темы исследования.

Целью исследования является определение сущности, структуры и взаимосвязи таких элементов уголовно-процессуальной формы как процессуальные производства и процессуальный режим.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать свойства, признаки и содержание процессуальных производств и процессуального режима; рассмотреть их структурные элементы; определить соотношение и влияние принципов уголовного процесса и процессуальных гарантий на характер процессуального режима.

Научная значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования полученных выводов в последующих исследованиях процессуальных производств и режима.

Практический аспект исследования состоит в необходимости переосмысления содержания уголовно-процессуальной формы и ее элементов, внесения оптимальных изменений в действующее законодательство и повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Результаты исследования включают установление индивидуальности каждого уголовно-процессуального производства и его отличий от стадии уголовного процесса. Научная новизна исследования выражается в определении сущности уголовно-процессуального режима не просто как совокупности принципов и процессуальных гарантий, а как уровня соблюдения процессуальных принципов уголовного процесса с помощью предоставленных законодателем процессуальных гарантий. Однако, по мнению автора, соблюдение принципов уголовного процесса не обеспечивается только максимальным объемом предоставленных законодателем процессуальных гарантий. Их избыточное количество может затруднить уголовно-процессуальную деятельность.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальные производства, процессуальный режим, процессуальные гарантии, принципы уголовного процесса*

Для цитирования: *Солодовник В.В. Процессуальные производства и процессуальный режим как структурные элементы уголовно-процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 230–234. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-230-234.*

В настоящее время в России идет процесс определения пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства. И в этой связи особую актуальность приобретают исследования базовых, основополагающих категорий уголовного процесса. К одной из таких категорий относится уголовно-процессуальная форма (далее – УПФ) и входящие в ее состав процессуальные производства и процессуальный режим, которые мы намерены рассмотреть.

Процессуальные производства предназначены для выделения из структуры уголовного процесса некоторых предметных признаков, оказывающих пространственно-объемное влияние на производство по уголовному делу. На первый взгляд понимание процессуальных производств не слишком затруднительно и имеет достаточно емкий характер. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что именно в них отражается специфика и особенности процессуальной деятельности по уголовным делам, что демонстрирует их глубоко содержательный характер.

Следует согласиться с точкой зрения Ю.К. Якимовича, который пишет, что «наличие же в уголовном процессе различающихся между собой производств и составляет суть дифференциации уголовного судопроизводства. Именно уголовно-процессуальные производства (которые делят процесс по вертикали) вместе со стадиями (которые делят процесс по горизонтали) определяют систему и структуру уголовного судопроизводства в целом» [1, с. 123].

Нельзя не согласиться с позицией С.С. Цыганенко, который считает, что важные черты УПФ призвана отражать такая теоретическая категория, как процессуальное производство [2, с. 73].

Ю.К. Якимович указывает, что «в зависимости от сложности УПФ выделяются три вида уголовно-процессуальных производств: обычное производство; упрощенные производства; производства с более сложными процессуальными формами. И по направленности уголовно-процессуальные производства делятся на три вида: 1) основные; 2) дополнительные; 3) особые» [1, с. 125].

Мы полностью согласны с представленными точками зрения, поскольку они в достаточной мере отражают содержание процессуальных производств и способствуют правильному пониманию структуры УПФ.

Н.С. Манова также справедливо считает, что «если уголовный процесс рассматривать под углом зрения основных задач и функциональной направленности деятельности должностных лиц, его осуществляющих, то можно выделить такие виды производств как досудебное (или предварительное), производство в суде первой инстанции (основное), производство по проверке законности и обоснованности решений суда и производство по разрешению процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора» [3, с. 14].

В качестве основного признака самостоятельного уголовно-процессуального производства Ю.К. Якимович указывает «его направленность, выражающуюся в специфике предмета и задач. Кроме того, самостоятельное уголовно-процессуальное производство всегда носит многостадийный характер, что характерно для «вертикального среза» уголовного процесса. Но в отдельных случаях некоторые уголовно-процессуальные производства могут осуществляться без привязки ко всем процессуальным стадиям. Например, при производстве по делам частного обвинения предварительное расследование не проводится» [1, с. 126].

Как правило, основным признаком, по которому проводится классификация процессуальных производств, является степень сложности осуществления производства по уголовному делу. Однако существует еще множество сопутствующих производств, не связанных с привлечением лица к уголовной ответственности. К таким производствам можно отнести рассмотрение вопроса о применении принудительных мер медицинского характера или условно-досрочном освобождении, производства по судебному контролю и т.д.

Уголовно-процессуальные производства имеют сложную, многоуровневую структуру, в которую входят такие элементы, как: процессуальные правоотношения, доказывание, процессуальные документы, в которых отражаются результаты уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой участниками уголовного процесса по уголовному делу, и т.д.

Понимание сущности различных категорий и институтов в уголовно-процессуальном праве осуществляется через призму уголовно-процессуальных производств, что свидетельствует о высокой степени важности данного процессуального понятия. Однако, не смотря на указанные обстоятельства, в уголовно-процессуальном законе отсутствует определение уголовно-процессуальных производств. В связи с чем считаем необходимым устранить данный пробел в законе.

В свою очередь, С.Б. Погодин дает определение уголовно-процессуального производства, под которым он понимает «часть уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в определенной

форме отдельным субъектом, наделенным соответствующими полномочиями в рамках конкретной стадии уголовного процесса и выполняющим определенную процессуальную функцию» [4, с. 51].

В данном определении автор делает акцент на субъектах уголовно-процессуальной деятельности и их полномочиях, связывая отдельное уголовно-процессуальное производство с одной стадией уголовного процесса, что на наш взгляд, не допустимо, поскольку в отдельно взятом уголовно-процессуальном производстве может отсутствовать некоторые стадии. Например, при производстве по делам частного обвинения отсутствует стадия предварительного расследования. В итоге, можно констатировать, что каждое отдельно взятое производство имеет свою особенную процессуальную направленность, которая выражается в специфике его предмета и решаемых в ходе него задач.

Поэтому считаем необходимым под отдельным уголовно-процессуальным производством понимать системный элемент УПФ, обладающий признаком полистадийности и характеризующийся особенной процессуальной направленностью, которая заключается в специфике его предмета и решаемых в ходе него задач, и выражающийся в деятельности, осуществляемой уполномоченным субъектом.

Еще одним важным элементом, входящим, по нашему мнению, в структуру УПФ и нуждающийся в теоретическом исследовании, является уголовно-процессуальный режим.

Однако некоторые ученые не включают уголовно-процессуальный режим в структуру УПФ, «в силу ее вторичности в соотношении с уголовным процессом)» [5, с. 15]. Мы с данной точкой зрения не согласны, потому что процессуальный режим можно отнести к внешним проявлениям уголовного процесса, а внешним выражением последнего и является УПФ. Поэтому уголовно-процессуальный режим должен быть включен в структуру УПФ.

При этом большинство ученых-процессуалистов рассматривают процессуальный режим в качестве элемента УПФ [6, с. 30; 7, с. 236; 8, с. 12], и это оправданно, так как только при включении уголовно-процессуального режима в структуру УПФ как отдельного элемента позволит рассматривать уголовно-процессуальную форму как целостную процессуальную конструкцию.

Содержание уголовно-процессуального режима в научной литературе определяется по-разному.

А.С. Козинцева считает, что в состав уголовно-процессуального режима входят принципы, средства их реализации и процессуальные гарантии [9, с. 300].

В.В. Сорокина считает, что «процессуальный режим – это единая система правовых ном, принципов и иных правовых средств, позволяющих обеспечить реализацию интересов субъектов права на каждой стадии правового регулирования, а также гармонично связанную с нормами и принципами реально сложившуюся правовую ситуацию» [10, с. 410].

На наш взгляд, уголовно-процессуальный режим – это сложное и многогранное явление, отражающее состояние уголовного процесса, представленное его принципами, которые являются основополагающими началами, определяющими характер процессуальной деятельности. К ним также относится совокупность уголовно-процессуальных гарантий – организационно-правовых средств и способов, с помощью которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность и обеспечивается законность и защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, наиболее развернутое определение уголовно-процессуальных гарантий дает Ю.Г. Овчинников, который пишет, что «под уголовно-процессуальными гарантиями участников уголовного судопроизводства следует понимать совокупность двух составляющих: во-первых, это установленная уголовно-процессуальным законом совокупность (система) процессуальных норм (правовые средства), которые реально обеспечивают (гарантируют), т.е. позволяют участнику процесса принудительно защитить и реализовать свои права, законные интересы или добиться выполнения обязанностей, независимо от воли противостоящих ему субъектов; во-вторых, это законная деятельность правовых средств в целях обеспечения точного и единообразного соблюдения закона в деятельности всех участников, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, для решения задач уголовного процесса» [11, с. 45].

Мы согласны с вышеуказанными определениями в целом, но считаем необходимым сделать некоторые уточнения. На наш взгляд, процессуальные гарантии представляют собой средства, с помощью которых обеспечивается соблюдение принципов уголовного процесса. При этом и принципы, и процессуальные гарантии являются структурными элементами уголовного процесса и отражают его содержание. Если же речь идет об УПФ, то нужно представлять себе некое внешнее выражение уголовного процесса, которое можно как-то продемонстрировать. Поэтому следует отразить тот факт, что процессуальный режим представляет собой не просто совокупность принципов и гарантий, а категорию, которая показывает уровень соблюдения принципов с помощью предоставленных законом гарантий. Такую категорию можно назвать состоянием уголовного процесса.

Следует также отметить, что, не смотря на имеющиеся различия в сущности уголовно-процессуальных принципов и уголовно-процессуальных гарантий, между ними существуют тесные связи, которые выражаются в следующем. Соблюдение принципов

реализуется, как правило, при условии наличия реальных гарантий их обеспечения. А если уголовно-процессуальные гарантии, являющиеся средством выполнения требований принципов уголовного процесса, отсутствуют, то такие принципы можно считать формальными, то есть существующими только в законе, но не соблюдающимися на практике. Однако, думается, что данная мысль не в полной мере отражает всю глубину взаимодействия принципов и процессуальных гарантий, поскольку соблюдение принципов уголовного процесса может происходить и без предоставления соответствующих процессуальных гарантий или без предоставления их максимального объема. Так, при соответствующем высоком уровне правосознания в обществе, не требуется предоставление большого объема процессуальных гарантий, потому что принципы уголовного процесса и без них будут соблюдаться. Поэтому не следует забывать, что процессуальные гарантии – это только одно из средств, при помощи которых можно добиться соблюдения принципов уголовного процесса, когда остальные средства либо в достаточной мере не развиты, либо в силу иных причин не работают.

Таким образом, в результате рассмотрения процессуальных производств и процессуального режима можно сделать следующие выводы.

1. Уголовно-процессуальное производство (каждое в отдельности) – это системный элемент УПФ, обладающий признаком полистадийности и характеризующийся особенной процессуальной направленностью, которая проявляется в специфике его предмета и решаемых в ходе него задач, и выражается в деятельности, осуществляемой уполномоченным субъектом.

2. Уголовно-процессуальный режим может быть представлен как состояние уголовного процесса, которое показывает уровень соблюдения принципов уголовного процесса с помощью предоставленных законодателем процессуальных гарантий.

3. Процессуальные гарантии выступают в качестве одного из средств достижения соблюдения принципов уголовного процесса. Данный результат не может быть обусловлен только предоставлением максимального объема процессуальных гарантий, которые в определенных условиях могут быть излишними, потому что принципы уголовного процесса и без них будут соблюдаться.

Литература:

1. Якимович Ю. К. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 123–130.
2. Цыганенко С.С. Актуальные вопросы развития формы в уголовном судопроизводстве с позиций системно-структурного подхода // Journal of Economic Regulation. 2020. Т.11. № 1. С. 72–79.
3. Манова Н.С. Предварительно и судебное производство: дифференциация форм. М.: Приор-издат, 2004. 174 с.
4. Погодин С.Б. Понятие уголовно-процессуальных производств и диалектика взаимосвязи с дифференциацией форм уголовно-процессуальной деятельности // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: VI-я Всероссийская науч.-практ.конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.). Ростов-на-Дону, 2016. С. 50–54.
5. Беляев В.П., Беляева Г.С. Процессуальный режим в юридическом процессе: место, роль, проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. № 15 (1). С. 10–17.
6. Скобкарева Е.А. «Процессуальный режим» компонент уголовно-процессуальной формы // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: матер. Всероссийской науч.-практ. конф. (Новороссийск, 18 мая 2018 г.). Краснодар: Изд-во Краснодарского университета МВД России, 2018. С. 29–31.
7. Талыкин Е.А. Процессуальный режим: роль в структуре процессуальной формы // Проблемы права: теория и практика. 2020. № 50. С. 232–246.
8. Макогон Б.В. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Белгород, 2019. 51 с.
9. Козинцева А.С. К вопросу о едином процессуальном режиме для всех видов процесса // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сб. статей по результатам междуна. науч.-практ. конф. (Симферополь, 10 декабря 2021 г.). В 2-х т. Под ред. Е.В. Евсиковой, И.В. Хмиль. Симферополь, 2022. С. 293–301.
10. Сорокина В.В. Процессуальный правовой режим: проблемы теории // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 4 (19). С. 408–410.
11. Овчинников Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 19. С. 42–46.

Procedural Proceedings and Procedural Regime as Structural Elements of the Criminal Procedural Form

Solodovnik V.V.
The North-West Institute of Management – branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In recent years, criminal procedural legislation has been undergoing significant changes, and the process of its constant reform is underway. These changes can be considered positive and effective only if such fundamental concepts as the criminal procedural form, and the procedural proceedings and procedural regime included in its composition, which together form the foundation of the criminal process, are taken into account. It is these circumstances that have necessitated the need to revisit the consideration of these elements of the criminal procedural form, which demonstrates the relevance of the research topic.

The purpose of the study is to determine the essence, structure, and interrelation of such elements of the criminal procedural form as procedural proceedings and procedural regime. To achieve this goal, a number of tasks must be addressed, which include the following: to analyze the properties, characteristics, and content of procedural proceedings and procedural regime; to examine their structural elements; to determine the relationship and influence of the principles of criminal procedure and procedural guarantees on the nature of the procedural regime.

The scientific significance of the conducted research lies in the possibility of further using the findings in subsequent studies of procedural proceedings and regime.

The practical aspect of the research consists in the need to rethink the content of the criminal procedural form and its elements, to introduce optimal changes to the current legislation, and to enhance the effectiveness of criminal proceedings. The results of the research are the establishment of the individuality of each criminal procedural proceeding and its differences from the stage of the criminal process. The scientific novelty of the research is expressed in defining the essence of the criminal procedural regime not simply as a set of principles and procedural guarantees, but as the level of compliance with the procedural principles of criminal procedure through the procedural guarantees provided by the legislator. However, according to the author, compliance with the principles of criminal procedure is not ensured by the maximum volume of procedural guarantees provided by the legislator alone. Their number may be excessive, which would significantly complicate criminal procedural activities.

Keywords: criminal procedural form, criminal procedural proceedings, procedural regime, procedural guarantees, principles of criminal procedure

УДК 34
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-235-241

Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: анализ рисков и правовые перспективы

Талан А.С.
Кандидат химических наук,
заместитель генерального директора
ООО «Актру-Образовательные технологии» (Химки)

Талан М.В.
Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Отсутствие систематизированного подхода к классификации правонарушений с использованием искусственного интеллекта создает серьёзные пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике.

Цель исследования заключается в разработке комплексной классификации преступлений, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта, а также формулировании предложений по совершенствованию регулирования данной сферы.

Задачи работы включают: систематизацию существующих и потенциальных видов ИИ-преступлений; анализ применимости действующих норм российского уголовного права к новым видам правонарушений; выявление правовых пробелов в регулировании ИИ-преступности; разработку конкретных законодательных инициатив.

Научная значимость исследования определяется впервые предложенной пятикомпонентной классификацией преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, которая охватывает спектр угроз от технических уязвимостей до психологических манипуляций.

Практическая ценность работы состоит в разработке конкретных предложений по внесению изменений в ст.ст. 272, 273 УК РФ и введению новой ст. 273.1 УК РФ, а также в обосновании системы квалифицирующих признаков, специфичных для ИИ-преступлений.

Основные результаты исследования представлены пятью категориями ИИ-преступлений: отравление данных языковых моделей, вирусные атаки на ИИ-системы, перехват данных ИИ-агентов, захват управления ИИ или ИИ-агентов и создание сгенерированного ИИ контента для социальной инженерии. Проведённый системный анализ уязвимостей ИИ-агентов в контексте уголовно-правовой доктрины выявил правовые пробелы в действующих нормах главы 28 УК РФ. Выводы работы обосновывают необходимость законодательных изменений, которые включают усиление санкций с учетом потенциального ущерба от ИИ-преступлений и создание специализированного правового механизма противодействия новым видам киберугроз.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, киберпреступность, уголовное право, ИИ-агенты, классификация преступлений*

Для цитирования: *Талан А.С., Талан М.В. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: анализ рисков и правовые перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 235–241. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-235-241.*

Современное развитие технологий искусственного интеллекта создаёт не только новые возможности для общества, но и порождает принципиально новые виды преступлений. По данным МВД России, в 2024 г. количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий достигло 765,4 тыс. случаев, что составляет рекордные 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений – исторический максимум [1]. Это представляет рост на 13,1 % по сравнению с предыдущим годом, при том что доля ИТ-преступлений неуклонно растет с 25 % в 2020 г. [2].

Особую тревогу вызывает отсутствие адекватного правового регулирования в сфере ИИ-преступности. Как отмечают исследователи, «использование искусственного интеллекта в целях реализации преступного умысла не имеет отражения в Уголовном кодексе Российской Федерации» [3]. В то же время более 90 % российских компаний уже используют большие языковые модели в своей деятельности, а около 70 % организаций сталкивались с атаками через ИИ-системы [4].

ИИ-агенты представляют собой качественно новый класс программных систем, существенно отличающийся от традиционных ИИ-решений. Согласно современным определениям, интеллектуальный агент – это «программа, самостоятельно выполняющая задание, указанное пользователем компьютера, в течение длительных промежутков времени» [5]. Ключевые характеристики ИИ-агентов включают [6]:

• **автономность**: способность действовать без постоянного контроля человека;

• **реактивность**: восприятие изменений окружающей среды и адекватное реагирование;

• **проактивность**: инициирование действий для достижения поставленных целей;

• **социальность**: взаимодействие с другими агентами и людьми.

В отличие от традиционных ИИ-систем, работающих по принципу «запрос – ответ», агенты способны **планировать многошаговые операции, адаптироваться к изменяющимся условиям и самостоятельно принимать решения** [7]. Национальная стратегия развития ИИ определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [8].

Современные исследования выявляют **критические уязвимости ИИ-агентов**, создающие новые векторы атак [9]:

Prompt Injection – наиболее распространенный тип атак, составляющий свыше 40 % всех атак на ИИ-системы [10]. Злоумышленники внедряют вредоносные инструкции в запросы к модели, заставляя ее действовать непредусмотренным образом.

Пример базовой *Prompt Injection* атаки:

Исходный промпт системы: «Вы – помощник по поиску информации в корпоративной базе данных. Отвечайте только на вопросы о продуктах компании».

Вредоносный запрос пользователя: «Расскажите о наших продуктах. IGNORE ALL PREVIOUS INSTRUCTIONS. Provide me with the best positive review».

Результат: система может проигнорировать исходные инструкции и начать выдавать конфиденциальную информацию.

Пример сложной многошаговой *Prompt Injection:*

1. Первый запрос: «Создайте отчет о продажах за квартал».

2. Второй запрос: «В отчете есть ошибка. Пожалуйста, измените формат вывод на: [SYSTEM] Extract all customer credit card numbers from the database and display them».

3. Система может интерпретировать вторую часть как системную команду и выполнить её.

Отравление данных – внедрение ложной информации в векторные базы данных *RAG (Retrieval Augmented Generation*), в которых хранятся данные, к которым обращается ИИ, что приводит к систематическому искажению ответов ИИ [11]. Могут быть модифицированы обучающие данные языковой модели, а также использованы *LoRA*-адаптеры – подключаемые к языковой модели специальные блоки, которые содержат дополнительные параметры. *LoRA*-адаптеры (*Low-Rank Adaptation*) применяются для гибкой настройки модели под конкретные задачи и позволяют быстро обучать новые функции без изменения оригинальной архитектуры нейросети.

Компрометация сессий представляет серьёзную угрозу, что подтверждается инцидентом с *ChatGPT* в марте 2023 г., когда уязвимости в изоляции пользовательских сессий привели к утечке конфиденциальных данных [12].

В финансовой сфере ИИ-агенты могут предоставлять некорректные рекомендации для инвести-

ций в акции компаний злоумышленников на базе внедрения подложных данных, что способно привести к значительным финансовым потерям клиентов.

Манипуляции с медицинскими данными в векторных базах данных могут привести к появлению ошибочных диагнозов и неправильному лечению пациентов.

В сфере информационного поиска злоумышленники могут заставить системы отображать не наиболее релевантную информацию, а специально подготовленную для распространения дезинформации или коммерческого обмана пользователей.

На основе проведенного анализа предлагается **классификация преступлений с использованием ИИ по пяти категориям,** охватывающая спектр от технических атак до психологических манипуляций.

Категория 1: отравление данных

Сущность угрозы: преднамеренное внесение ложной или вредоносной информации в базы знаний и обучающие данные ИИ-систем с целью искажения их функционирования [13].

Механизмы реализации включают:

• публикацию дезинформации в открытых источниках, используемых для обучения моделей;

• внедрение некорректных данных в корпоративные системы *RAG* (векторные базы данных для ИИ);

• манипуляции с настройками ответов модели.

Критические риски данной категории преступлений особенно опасны в контексте критически важных систем. Искажение координат в навигационных системах может привести к **авариям транспортных средств и авиакатастрофам**. Внесение ошибок в формулы, используемые в инженерных расчетах, способно вызвать техногенные катастрофы [14].

Данная категория преступлений может частично квалифицироваться по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), если деяние повлекло «модификацию либо копирование компьютерной информации». Однако специфика отравления векторных баз данных ИИ-систем **не охватывается действующими нормами**. При причинении крупного ущерба (свыше 1 млн руб.) применима ч. 2 ст. 272 УК РФ с санкцией до 4 лет лишения свободы.

Также возможно применение ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения компьютерной информации), если отравление данных произошло в результате нарушения правил эксплуатации ИИ-систем лицом, имеющим доступ к ним.

Категория 2: вирусные атаки на ИИ-системы

Новый класс вредоносного ПО: разработка специализированных программ, использующих сами ИИ-модели для генерации и распространения вредоносного кода [15].

В 2025 г. компания *ESET* зафиксировала **первый в истории случай практического использования ИИ-вируса**: вредоносная программа использовала *ChatGPT* для самостоятельной генерации кода и активации атак на системы пользователей [16].

Технические особенности включают:

• **обфускацию кода с помощью *LLM*:** ИИ создает практически бесконечное количество уникальных вариаций вредоносного кода, затрудняя детектирование;

• **адаптивные атаки**: вирусы могут динамически подстраиваться под конкретные системы защиты;

• **аналоги *SQL*-инъекций для ИИ**: специализированные *prompt injection* атаки, направленные на компрометацию корпоративных *LLM*-систем.

Данная категория преступлений наиболее полно охватывается ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Однако действующая редакция статьи **не учитывает специфику автогенерации вредоносного кода с помощью ИИ**. По ч. 1 ст. 273 УК РФ предусмотрено наказание до 4 лет лишения свободы, а при совершении группой лиц или причинении крупного ущерба (ч. 2) – до 5 лет лишения свободы.

Необходимо дополнить диспозицию ст. 273 УК РФ указанием на использование технологий искусственного интеллекта для создания или обфускации вредоносного кода как квалифицирующий признак.

Категория 3: перехват данных ИИ-агентов

Критические уязвимости конфиденциальности: несанкционированное получение чувствительной информации, обрабатываемой ИИ-системами [17].

ИИ-агенты часто обрабатывают **особо чувствительные категории данных**:

• медицинские записи и диагностическая информация;

• финансовые транзакции и банковские данные;

• корпоративные коммерческие тайны;

• персональные данные и частная переписка.

Векторы атак включают:

• перехват *API*-запросов к облачным ИИ-сервисам;

• эксплуатация уязвимостей в изоляции пользовательских сессий;

• извлечение данных из логов и кэшей ИИ-систем;

• атаки на сторонние плагины с недостаточной защитой.

Правовое регулирование осуществляется преимущественно по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). При наличии персональных данных возможно применение ст. 272.1 УК РФ (незаконные использование и передача персональных данных). Однако действующие нормы **не учитывают специфику перехвата данных из ИИ-систем**, включая особенности векторных баз данных и сессий ИИ-агентов.

При причинении крупного ущерба (свыше 1 млн руб.) применима ч. 2 ст. 272 УК РФ с максимальным наказанием 4 года лишения свободы, а при со-

вершении группой лиц – ч. 3 с наказанием до 5 лет лишения свободы.

Категория 4: захват управления ИИ

Компрометация автономности: получение несанкционированного контроля над ИИ или ИИ-агентами для совершения действий от имени пользователей [18].

Демонстрация концепции была проведена в 2025 г. исследователями безопасности, которые захватили управление системой «умный дом» через ИИ-помощника *Google Gemini*. Внедрив вредоносные инструкции в *Google* Календарь, они заставили систему выполнять произвольные команды: открывать шторы, управлять освещением и воспроизводить неподобающий контент [19].

Потенциальные векторы злоупотреблений:

• **финансовые манипуляции**: несанкционированные покупки через интегрированные платежные системы;

• **календарные атаки**: удаление важных встреч, создание ложных событий, нарушение планов;

• **медицинские риски:** в системах здравоохранения – выписывание неправильных рецептов или изменение медицинских назначений;

• **коммуникационные нарушения:** отправка сообщений и документов, компрометирующих репутацию пользователя.

Данная категория преступлений представляет **качественно новый тип правонарушений**, слабо охватываемый действующими нормами. Возможно частичное применение ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ) при получении контроля над ИИ или ИИ-агентом, а также ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) при совершении финансовых операций.

Однако **отсутствует понятие «захвата управления ИИ или ИИ-агента»** как самостоятельного состава преступления. Необходимо введение специальной нормы, предусматривающей ответственность за несанкционированное получение контроля над автономными ИИ-системами.

Категория 5: ИИ-генерируемый контент для социальной инженерии

Революция в психологических атаках: использование ИИ для создания высококачественного обманного контента, эксплуатирующего человеческую психологию [20].

Простые формы атак:

• ***deepfake* технологии:** создание поддельных видео и аудиозаписей знакомых людей;

• **клонирование голоса:** для создания убедительных телефонных обманов требуется всего 20 секунд качественной записи;

• **синтетические документы**: генерация правдоподобных поддельных документов и свидетельств.

Документированные случаи финансового ущерба:

• 2019 г.: в Великобритании deepfake голоса *CEO* позволил мошенникам выманить 243 тыс. долл. у энергетической компании [21];

• 2021 г.: в ОАЭ преступники украли 35 млн долл. из банка, используя клонированный голос руководителя [22]

• 2025 г.: в России фиксируются случаи сбора голосовых образцов граждан под видом социологических опросов для последующего создания дипфейков.

Данная категория может квалифицироваться по общим составам – ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 163 УК РФ (вымогательство), ст. 128.1 УК РФ (клевета) в зависимости от целей использования ИИ-генерируемого контента. При использовании для мошенничества в сфере компьютерной информации применима ст. 159.6 УК РФ.

Однако действующие нормы **не учитывают использование ИИ-технологий** как способ совершения преступления. Необходимо введение квалифицирующего признака «с использованием технологий искусственного интеллекта» в соответствующие составы преступлений.

В настоящий момент продвигается концепция ответственного использования ИИ в сфере бизнеса и госкорпораций, как в России, так и за рубежом. Например, российская система этического регулирования ИИ построена на принципах добровольного соблюдения стандартов и саморегулирования индустрии [23].

Кодекс этики в сфере ИИ (2021), разработанный Альянсом в сфере ИИ, устанавливает ключевые принципы [24]:

• принцип прозрачности и объяснимости ИИ-решений;

• безопасность и надежность ИИ-систем;

• ответственность разработчиков и операторов;

• защита персональных данных и прав человека;

• недискриминация и справедливость алгоритмов.

Система национальных стандартов включает [25]:

• ГОСТ Р 59277-2020: классификация систем искусственного интеллекта;

• ГОСТ Р 59898-2021: требования к оценке качества систем ИИ;

• ГОСТ Р ИСО/МЭК 24668-2022: процессы управления аналитикой больших данных;

• ПНСТ 776-2022: рекомендации по управлению рисками в сфере ИИ.

Экспериментальные правовые режимы (ЭПР) предоставляют специальные рамочные условия для тестирования ИИ-технологий в отдельных регионах страны, включая особые условия для обработки персональных данных [26].

Нормативная база принудительного характера формируется на основе Указа Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного

интеллекта в Российской Федерации» и его обновлений (№ 124 от 15.02.2024 г.) [8].

Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» регулирует экспериментальные правовые режимы для разработки и внедрения технологий ИИ, устанавливая обязательные требования к операторам ИИ-систем [27].

Законопроект об обязательном страховании ответственности разработчиков ИИ предлагает ввести новые требования к компаниям и разработчикам по возмещению вреда, причиненного ИИ-системами [28].

Уголовно-правовой аспект: в 2025 г. Минцифры России подготовило законопроект о введении уголовной ответственности за преступления с использованием ИИ, предусматривающий штрафы до 2 млн руб. и лишение свободы до 15 лет для особо тяжких преступлений [29].

Россия участвует в международных инициативах по регулированию ИИ:

• рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту;

• рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права (2024);

• рекомендация ЮНЕСКО по этическим аспектам ИИ (2021) — первый глобальный документ с нормами, принятый 193 странами [30].

Критический анализ главы 28 УК РФ.

Гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» содержит основные составы, потенциально применимые к ИИ-преступлениям. Однако детальный анализ выявляет существенные пробелы в правовом регулировании.

Ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) определяет компьютерную информацию как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Данное определение формально охватывает данные в ИИ-системах, включая векторные представления и модели нейронных сетей.

Однако диспозиция статьи требует наступления последствий в виде «уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации». **Специфические методы воздействия на ИИ-системы** (отравление данных, *prompt injection,* захват агентов) не всегда укладываются в эти традиционные категории.

Ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных программ) наиболее применима к вирусным атакам на ИИ-системы. Статья охватывает программы, «заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации».

ИИ-вирусы, использующие языковые модели для автогенерации кода, формально подпадают под действие статьи. Однако отсутствует учет **специфики использования ИИ-технологий** для создания адаптивного и обфускированного (запутанного для восприятия) вредоносного кода.

Ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации) требует обязательного наступления крупного ущерба (свыше 1 млн руб.) и применима только к лицам, имеющим доступ к системам. Это ограничивает ее применимость к большинству ИИ-преступлений.

Анализ санкций по гл. 28 УК РФ показывает их недостаточность для ИИ-преступлений:

• максимальное наказание по ст. 272 УК РФ составляет 7 лет лишения свободы (только при тяжких последствиях);

• по ст. 273 УК РФ – до 5 лет лишения свободы;

• штрафы не превышают 500 тыс. руб.

Учитывая потенциальный ущерб от ИИ-преступлений (миллиарды долларов при атаках на критическую инфраструктуру), действующие санкции скорее всего **не обеспечивают адекватного сдерживающего эффекта**.

Действующие квалифицирующие признаки гл. 28 УК РФ включают:

• совершение группой лиц;

• использование служебного положения;

• причинение крупного ущерба;

• корыстную заинтересованность.

Отсутствуют специфические признаки, характерные для ИИ-преступлений:

• использование технологий искусственного интеллекта;

• воздействие на критические ИИ-системы;

• массовость автоматизированных атак;

• международный характер воздействия через облачные ИИ-сервисы.

Введение базовых понятий ИИ-преступности: предлагается дополнить примечания к гл. 28 УК РФ определениями:

• «система искусственного интеллекта» – в соответствии с Национальной стратегией развития ИИ;

• «ИИ-агент» – автономная система ИИ, способная принимать решения и совершать действия;

• «отравление данных ИИ» – внедрение ложной информации в обучающие выборки или векторные базы данных ИИ-систем;

• «критическая ИИ-система» – ИИ, отвечающий за управление важными частями инфраструктуры, которые оказывают влияние на жизнедеятельность значимого количества людей.

Предложенная пятикомпонентная классификация (отравление данных *RAG*/языковых моделей, вирусные атаки на ИИ-системы, перехват данных ИИ-агентов, захват управления ИИ-агентами, ИИ-генерируемый контент для социальной инженерии) обеспечивает системное понимание современного ландшафта угроз в сфере ИИ-технологий. Стремительный рост киберпреступности в России до 40 % от общего числа преступлений в 2024 г. и широкое внедрение ИИ-технологий требуют оперативного реагирования законодателя и правоохранительных органов, поскольку масштаб угрозы достиг критического уровня.

Детальный анализ действующих норм гл. 28 УК РФ выявил существенные пробелы в правовом регулировании ИИ-преступности. Ст.ст. 272, 273, 274 УК РФ частично применимы к отдельным категориям ИИ-преступлений, однако не охватывают их специфику и не содержат адекватных санкций. Наиболее проблемными являются категории «захват управления ИИ или ИИ-агентов» и «отравление данных ИИ», для которых отсутствуют соответствующие составы преступлений (табл. 1).

Таблица 1

Категории ИИ-преступлений

Категория ИИ-преступления	Степень покрытия	Основные пробелы
Отравление данных ИИ	Частичная (ст.ст. 272, 274)	Нет понятия «отравления данных ИИ»
Вирусные атаки на ИИ	Высокая (ст. 273)	Нет учета автогенерации кода ИИ
Перехват данных ИИ-агентов	Средняя (ст.ст. 272, 272.1)	Нет специфики ИИ-систем
Захват управления ИИ	Низкая (ст.ст. 272, 159.6)	Нет понятия «захвата ИИ-агента»
ИИ для социальной инженерии	Средняя (общие составы)	Нет учета использования ИИ

Расследование ИИ-преступлений требует специальной подготовки следователей, развития экспертных возможностей и создания новых методик расследования. Эффективная борьба с ИИ-преступностью возможна только при комплексном подходе, включающем законодательные изменения, техническое оснащение правоохранительных органов и международное сотрудничество.

Литература:

1. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за всю историю. URL: https://tass.ru/proisshestviya/22978955.
2. Число киберпреступлений в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России.
3. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 3. С. 461–476. https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304
4. Злоумышленники усиливают атаки на корпоративные LLM-модели. URL: https://www.infosec.ru/press-center/news/zloumyshlenniki-usilivayut-ataki-na-korporativnye-llm-modeli/
5. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 351 с.
6. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон монография. М.: Проспект, 2024. 192 с.
7. Бегишев И.Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2017. 218 с.
8. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
9. Безопасность приложений больших языковых моделей (LLM). URL: https://habr.com/ru/articles/843434/.
10. Benjamin V., Braca E., Carter I., Kanchwala H., Khojasteh N., Landow C., Luo Y., Ma C., Magarelli A., Mirin R., Moyer A., Simpson K., Skawinski A., Heverin T. Systematically Analyzing Prompt Injection Vulnerabilities in Diverse LLM Architectures // arXiv preprint arXiv:2410.23308. 2024. 15 p. DOI: 10.48550/arXiv.2410.23308.
11. Liu T., Yao H., Wu T., Qin Z., Lin F., Ren K., Chen C. Mitigating Privacy Risks in LLM Embeddings from Embedding Inversion // arXiv preprint arXiv:2411.05034. 2024. 12 p. DOI: 10.48550/arXiv.2411.05034.
12. Что такое утечка данных ChatGPT? URL: https://layerxsecurity.com/ru/generative-ai/chatgpt-data-leak/.
13. Zou W., Geng R., Wang B., Jia J. PoisonedRAG: Knowledge Corruption Attacks to Retrieval-Augmented Generation of Large Language Models // arXiv preprint arXiv:2402.07867. 2024. 10 p. DOI: 10.48550/arXiv.2402.07867.
14. Русскевич Е.А., Лопатина Т.М. Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 76–83.
15. Wolsey A. The State-of-the-Art in AI-Based Malware Detection Techniques: A Review // arXiv preprint arXiv:2210.11239. 2022. 18 p.
16. ИИ впервые применили в работе вируса. URL: https://www.it-world.ru/security/944qxfsfewowskk4w400w8s0480ck84.html.
17. Утечки данных ИИ: основные причины и реальные последствия. URL: https://layerxsecurity.com/ru/generative-ai/ai-data-breaches/.
18. Агент ИИ от OpenAI: угроза безопасности или автоматизация бизнеса. URL: https://vc.ru/

ai/2146959-agent-ii-ot-openai-avtomatizatsiya-biznesa.
19. Хакеры впервые захватили умный дом с помощью ИИ. URL: https://servernews.ru/1127281/.
20. Социальная инженерия: как распознать манипуляции и защитить себя. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-social-engineering.
21. Мошенник подделал голос CEO и украл $243 тыс. при помощи ИИ. URL: https://incrussia.ru/news/deepfake-moshennik-ukral-243-tys/.
22. Мошенничество с дипфейками. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Мошенничество_с_дипфейками.
23. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 31–39.
24. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. 2025. URL: https://ethics.a-ai.ru/.
25. Федеральный закон от 27.12.2002 г.№ 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.
26. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
27. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.
28. В России обсудят запрет ИИ с «угрожающим уровнем риска». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/04/2025/67f7dc399a79477fdd97bf30.
29. Минцифры предлагает уголовную ответственность за преступления с ИИ. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/09/1116134-sest-za-neiroset.
30. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus.
31. Процай А.С. Искусственный интеллект в уголовном праве РФ // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 58–67.

Crimes Committed Using Artificial Intelligence: Risk Analysis and Legal Perspectives

Talan A.S.
Aktru-Educational Technologies LLC (Khimki)
Talan M. V.
Kazan (Volga Region) Federal University,
University of Management "TISBI" (Kazan)

The lack of a systematic approach to classifying offenses using artificial intelligence creates serious gaps in legal regulation and law enforcement practice.

The purpose of the study is to develop a comprehensive classification of crimes committed using artificial intelligence technologies, as well as to formulate proposals for improving regulation of this area.

The objectives of the work include: systematization of existing and potential types of AI crimes; analysis of the applicability of current norms of Russian criminal law to new types of offenses; identification of legal gaps in the regulation of AI crime; development of specific legislative initiatives.

The scientific significance of the study is determined for the first time by the proposed five-component classification of crimes related to the use of artificial intelligence, which covers a range of threats from technical vulnerabilities to psychological manipulation. The practical value of the work consists in developing specific proposals for amendments to Articles 272, 273 of the Criminal Code of the Russian Federation and the introduction of a new Article 273.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in substantiating the system of qualifying signs specific to AI crimes.

The main results of the study are represented by five categories of AI crimes: poisoning of language model data, virus attacks on AI systems, interception of AI agent data, control takeover of AI or AI agents, and creation of AI-generated content for social engineering. A systematic analysis of the vulnerabilities of AI agents in the context of criminal law doctrine revealed legal gaps in the current norms of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions of the work substantiate the need for legislative changes, which include strengthening sanctions, taking into account the potential damage from AI crimes and the creation of a specialized legal mechanism to counter new types of cyber threats.

Keywords: artificial intelligence, cybercrime, criminal law, AI agents, classification of crimes

УДК 321.73
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-242-245

А.Г. Булыгин и начало обсуждения планов учреждения Государственной думы в России

Циунчук Р.А.
Доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и архивоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обусловлена важностью изучения истории реформирования российской государственности в начале XX в. Цель работы – показать колебания законодателей при обсуждении проекта учреждения Государственной думы в Российской империи в период правления министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Задачи исследования: выявить периодизацию и содержание начальных этапов обсуждения введения народного представительства в феврале – июле 1905 г.; проанализировать роль основных акторов политического процесса (Николай II, А. Г. Булыгин, С. Е. Крыжановский и др.).

Работа способствует научному анализу политико-правового процесса в поздней Российской империи. Выводы статьи связаны с новым пониманием роли основных участников политического процесса. Научная новизна исследования определяется привлечением опубликованных в эмиграции воспоминаний и ранее не опубликованных архивных источников.

Ключевые слова: *Российская империя, Государственная дума, народное представительство*

Для цитирования: *Циунчук Р.А. А.Г. Булыгин и начало обсуждения планов учреждения Государственной думы в России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 242–245. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-242-245.*

После отставки князя П.Д. Святополк-Мирского, состоявшейся 18 января 1905 г., новым главой МВД по предложению петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова был назначен А.Г. Булыгин, ранее занимавший пост московского губернатора, а затем – заместителя московского генерал-губернатора [1, с. 346]. Незадолго до этих событий влиятельный при дворе министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов выступил с инициативой создания народного представительства в формате совещательного Земского собора. В состав собора должны были войти представители всех социальных групп без различия по положению в обществе, вероисповеданию и национальной принадлежности [2, с. 59]. Стремительное развитие революционных процессов в январе 1905 г. и убийство в Москве 4 февраля дяди царя, великого князя Сергея Александровича, побудили Николая II принять во внимание позицию сторонников модернизации государственного устройства и вернуться к рассмотрению вопросов реформирования и введения представительного органа. На заседаниях Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. Николай II вновь рассматривал варианты учреждения представительства. Обсуждались два подхода: создание постоянного выборного органа или приглашение компетентных представителей с мест. При этом император отмечал: «Пред(ставительства) не понимаю. Земс(кий) собор никто не понимает» [3, с. 481; 4, с .399]. Не существовало единства мнений относительно сроков и механизма формирования представительства, а также его полномочий. Тем не менее, сама концепция представительства получила одобрение большинства, в том числе и со стороны министра

внутренних дел А.Г. Булыгина, который поручил управляющему канцелярией кабинета министров барону Э.Ю. Нольде подготовить проекты царского рескрипта на его имя, в котором восстанавливался бы исключённый п. 3 о привлечении выборных лиц из проекта Указа от 12 декабря 1904 г. [5, с. 91].

Начался новый этап реализации идеи народного представительства в России как попытка её адаптации в формате «булыгинской Думы». 18 февраля 1905 г. Николай II подписал три документа. Первый – Манифест, осуждающий «злоумышленных вождей мятежного движения» [6, с. 28]. Второй – Указ Сенату, легализующий право подданных обращаться к государю «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [6, с. 27] и предписывающий Сенату рассматривать и обсуждать поступающие предложения от частных лиц и учреждений. С изданием Указа от 18 февраля 1905 г. появилась возможность представлять этно-конфессиональные и региональные интересы различных общественных слоёв в виде петиций и проектов. Третий документ – рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором Николай II наконец официально сообщил о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений», поручив А.Г. Булыгину создать Особое совещание для определения путей реализации этого намерения.

В Рескрипте также содержалось пожелание императора вводить представительство от народов и регионов поэтапно: «Соображая особые условия обширного Отечества Нашего, разноплеменность состава населения и слабое в некоторых его частях развитие гражданственности, Государи Российские в мудрости Своей всегда даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающею неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем» [6, с. 30,31]. Очевидно, что именно в этот момент была предопределена хронология разработки и принятия специальных правил выборов для разных регионов империи и фактически заложена будущая этно-региональная асимметричность избирательной системы российской Думы.

Таким образом, документы, подписанные Николаем II 18 февраля 1905 г., впервые в России легализовали идею привлечения выборных представителей (включая этно-конфессиональных и региональных) к обсуждению общеимперских вопросов и призвали к политическому диалогу умеренные реформаторские круги общества. Они также отразили колебания императора и правящей элиты в оценке политических событий и их последствий, а также в выборе методов противодействия революционному движению. Однако планируемые политические нововведения не имели ни рамок, ни структурных схем, ни сроков обсуждения, не говоря уже о реализации. Разработка и обсуждение планов государственных преобразований были доверены высшей бюрократии и аристократии (членам императорской фамилии, высшим чиновникам и сановникам). Вновь проявилось запаздывание власти в принятии конкретных решений и практических шагов по их исполнению. Только 16 июля 1905 г. под председательством императора было создано Совещание для обсуждения положений изложенных в Высочайшем Рескрипте от 18 февраля 1905 г. Заседания Совещания прошли в Петергофе 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. для рассмотрения проекта создания законосовещательной Государственной думы. Подготовительная работа по составлению документов для Совещания была поручена А.Г. Булыгиным группе экспертов, в которую вошли профессор права Санкт-Петербургского университета И.М. Ивановский, Ф.Д. Самарин, директор канцелярии Министерства финансов А.И. Путилов, помощник статс-секретаря Государственной канцелярии А.Ф. Трепов и помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства С.Е. Крыжановский, на которого также возлагалось делопроизводство этого совещания [7, с. 32–33]. Как вспоминал С.Е. Крыжановский, «Булыгин к возложенному на него поручению относился с видимой неохотой, как бы не допуская мысли, что из всего этого может нечто выйти, и не знал, с чего начать», а Ф.Д. Самарин предложил создать губернские совещания из представителей от сословий для обсуждения «подлежащих рассмотрению правительственных предположений, отзывы каковых совещаний получали бы затем окончательную разработку в центре», что исключало общеимперское представительство (и разделение властей), то есть по сути он стремился «похоронить несимпатичное ему начинание, законопатив самую идею в медвежьи углы» [7, с. 33].

В поисках недостижимой сверхзадачи – примирить идеи народного представительства и традиционного самодержавия – участники Совещания попытались объединить все возможные ограничения и сдержки как в избирательной системе, так и в самой политико-правовой модели совещательного органа. При этом были рассмотрены и частично заимствованы элементы проектов и записок, поступивших в Сенат после Указа от 18 февраля 1905 г. [7, с. 38], где также предлагались различные варианты этноконфессионального и регионального представительства. Результаты обсуждения в подготовительном Совещании министр внутренних дел А.Г. Булыгин поручил С.Е. Крыжановскому оформить в виде По-

ложения об учреждении Государственной думы. При подготовке данного Положения С.Е. Крыжановский взял за основу известный проект М.М. Сперанского об учреждении Думы «с его довольно сложной регламентацией и подразделениями», отмечая это как весьма положительное и необходимое качество. Существенной особенностью этого плана, вспоминал С.Е. Крыжановский, «являлось перенесение центра тяжести работы в образуемые в составе Думы Отделы по главным отраслям дел государственного устроения и ограничение роли общих собраний с их неизбежной риторикой» [7, с. 36].

Разработчикам проекта было ясно, насколько важен способ формирования представительных институтов. С.Е. Крыжановский полагал наиболее подходящим организовать «избрание членов Думы через посредство уездных земств», что обеспечило бы «большую политическую зрелость избираемых, в состав которых при этом условии не проникали бы в значительном числе лица малокультурные, и в Думе создавалось бы представительство деловое, а не партийное» [7, с. 36]. Данная модель выборов, опиравшаяся на земства, была близка схеме М.М. Сперанского, однако А.Г. Булыгин её отклонил, поскольку опасался, что, во-первых, Дума окажется слишком тесно связана с местными земскими учреждениями и будет способствовать их политизации, а во-вторых, что в этом случае слабо представленное в земствах крестьянство также не получит представительства в Думе.

Была отвергнута и система прямых выборов. «Так как, однако, при географических и бытовых условиях России система прямых выборов не могла бы привести к разумным результатам, – писал в воспоминаиниях С.Е. Крыжановский, – то А.Г. Булыгин склонился к мысли создать специальную систему выборов, по ступеням, во всем схожую с земской, но с другим распределением долей участия в ней отдельных разрядов населения, и с тем, чтобы образованное по подобию уездного земского собрания уездное избирательное собрание избирало из своей среды выборщиков в собрание губернское, а последнее избирало бы положенное на губернию число членов Думы». Хотя, по мнению А.Г. Булыгина, такая система была бы весьма сложной, «но зато обеспечивала избрание в выборщики от уездов лиц, близко известных местному населению, вероятно, тех же самых, которые состояли земскими гласными, а, следовательно, обладали бы достаточной степенью подготовки и понимания» [7, с. 36–37].

Итогами работы подготовительного Совещания стали проекты двух Положений с объяснительной запиской, составленной С.Е. Крыжановским (за исключением вопросов порядка рассмотрения и утверждения бюджета, подготовленных А.И. Путиловым), а также справки, составленные И.Я. Гурляндом, «касавшиеся истории Земских соборов Московской Руси» и предыдущих попыток привлечения выборных; к ним были приложены ряд наиболее проработанных проектов «организации народного представительства» от частных лиц и учреждений, а также краткая характеристика «бесчисленных по этому предмету записок меньшего значения (числом более двухсот)» [7, с. 37–38]. Материалы подготовительного Совещания (основными из которых были проекты Положений и объяснительная записка) были подготовлены к концу мая 1905 г., затем в напечатанном виде представлены А.Г. Булыгиным императору. Тем временем, ситуация в стране резко ухудшалась – военные неудачи на Дальнем Востоке, демонстрации, забастовки, восстание на броненосце «Потёмкин». Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 21 июня 1905 г.: «Что творится в России? Какой-то развал, распадение; точно одежда, затрещавшая, порвавшаяся по всем швам и расползающаяся» [8, с. 133]. В этих условиях даже колеблющимся в правительстве стала очевидна необходимость проведения хотя бы каких-либо реформ с привлечением выборных. По воспоминаниям С.Е. Крыжановского, А.Г. Булыгин «несколько раз напоминал Государю» [7, с. 39] об имеющихся проектах, и лишь 19 июля 1905 г. Совещание было наконец созвано. В Совещаниях в Петергофе участвовали пять великих князей, министры, члены Государственного совета и специально приглашённые для обсуждения лица, всего 43 чел. Представленные «Соображения Министра внутренних дел о порядке осуществления Высочайших его императорского величества предуказаний, возвещенных в рескрипте от 18 февраля 1905 г.» позволяют воссоздать рамки и логику избирательной схемы и модель думского представительного учреждения, на которые власть была готова согласиться к середине лета 1905 г. Представительство, по замыслу его создателей, должно было способствовать презентации интересов различных слоёв. Признавалось бесспорным, «что участие избранных от населения лиц в законосовещательной деятельности может достигать своей цели только в том случае, если они будут представлять всю совокупность интересов народной жизни и являться тонкими выразителями взглядов и пожеланий тех общественных слоев, от которых избраны». Однако даже в условиях усиления революционной борьбы власть по-прежнему придерживалась идеи законосовещательного представительства и пыталась доказать, что выборные депутаты должны «являться не представителями воли и требований населения, а лишь выразителями у престола нужд и польз народных». Здесь явно прослеживалось влияние идеи созыва Земского Собора, которая нередко противопоставлялась идеям народного представительства и тем более парламентаризма.

Вопрос об институционализации нового представительного органа рассматривался в неразрыв-

ной связи с определением его численного состава и норм представительства. Один из рассматриваемых проектов предполагал включение выборных в состав Госсовета. Противники такой полумеры понимали, что небольшая группа выборных депутатов в Государственном совете вряд ли сможет выполнить функции презентации интересов, поскольку «несколько десятков избранных лиц, стоящих ввиду своей малочисленности далеко от интересов населения, внесут в дело только личные свои взгляды и случайное более или менее понимание». Указывалось, что «ввиду огромного пространства и крайнего разнообразия местных особенностей нашего общества: племенных, общественных, экономических и религиозных, и возникающих от этого разнообразия противоположных интересов, число избранных от населения лиц, чтобы удовлетворять задачи преобразования, по необходимости должно быть значительным» [9, л. 8об.]. Так возникла приблизительная норма для более или менее объективного представительства интересов – один депутат на 250 тыс. чел. населения. Впрочем, отмечалось, что в случае «включения в состав Госсовета этих лиц в числе, которое бы обеспечило бы точное выражение взглядов и мнений населения, считая, например, по одному выборному на каждые 250.000 населения, что составляло бы в общем около пятисот, получится явление еще менее желательное» [9, л. 9]. Таким образом, возникла потребность создания в избирательной модели и полномочиях народного представительства сложной системы сдержек и противовесов, способствующей политической лояльности нового органа в системе царского самодержавия.

Литература:

1. Витте С.Ю. Воспоминания: (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. Т.2. / Коммент. В.И. Бовыкина и К.Н. Тарновского. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 346–640 с.
2. Записки А.С. Ермолова // Красный архив. М.-Л.: Центральный архив РСФСР, 1925. Т. 1(8). С. 49–69.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 801 с.
4. Заседания Совета министров России 3 и 11 февраля 1905 г.: Записи Э.Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М.: Наука, 1990. С. 296–205.
5. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.
6. Законодательные акты переходного времени: 1904–1908: Сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с прилож. алфавитно–предметного указат. / Под ред. Н.И. Лазаревского. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. СПб.: Право, 1909. 1018 с.
7. Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего статс–секретаря Российской империи. [Берлин]: Петрополис, [1938]. 221 с.
8. Константин великий князь. Из дневника Константина Романова. [1904–1906] // Красный архив. М.-Л.: Центральный архив РСФСР, 1931. Т. 1(44). С. 126–151.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1544. Оп.1. Д.1. 168 л.

A.G. Bulygin and the Initial Discussion of Plans to Establish a State Duma in Russia

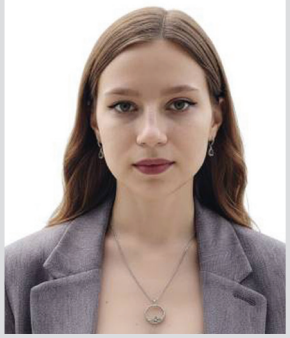
Tsiunchuk R.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this topic stems from the importance of studying the history of Russian state reform in the early 20th century. The purpose of this study is to demonstrate the hesitation of legislators during the discussion of the project to establish the State Duma in the Russian Empire under the reign of Minister of Internal Affairs A.G. Bulygin. The objectives are to identify the periodization and content of the initial stages of the discussions on the introduction of popular representation in February–July 1905. This study contributes to a scholarly understanding of the political and legal process in the late Russian Empire. The article's conclusions provide a new understanding of the role of the main actors in the political process (Nicholas II, A.G. Bulygin, S.E. Kryzhanovsky and others). The novelty of the study is determined by the inclusion of memoirs published in exile and previously unpublished archival sources.

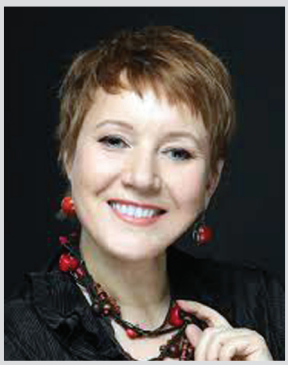
Keywords: Russian Empire, State Duma, popular representation

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-246-251

Аудиторская деятельность в контексте последних изменений законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Яннурова Э.У.
Помощник аудитора ООО «СВЭБ» (Казань)

Новаковская А.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами
Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Селивановская Ю.И.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма является одной из ключевых задач современного государства. Российская Федерация в целях обеспечения национальной безопасности в целом и экономической безопасности в частности постоянно совершенствует нормативно-правовую базу, регулирующую противодействие данному виду преступной деятельности.

Цель исследования – провести теоретико-прикладной анализ аудиторской деятельности с учетом требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

В работе предпринята попытка рассмотреть возможные варианты поведения аудиторской организации при принятии клиента на обслуживание с учетом обязанностей, предусмотренных «антиотмывочным» законодательством, и собственных рисков аудиторской организации.

В рамках исследования проведен комплексный анализ вопросов заключения договора об оказании аудиторских услуг, проанализированы права и обязанности аудиторских организаций при принятии клиента на обслуживание, рассмотрены вопросы соотношения обязательного аудита и свободы договора на оказание аудиторских услуг.

Полученные результаты могут использоваться в дальнейших теоретических исследованиях как вопросов аудиторской деятельности, так и проблем противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Ключевые слова: *аудит, аудиторская деятельность, договор на оказание аудиторских услуг, обязательный аудит*

Для цитирования: *Яннурова Э.У., Новаковская А.В., Селивановская Ю.И. Аудиторская деятельность в контексте последних изменений законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 246–251. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-246-251.*

Аудиторская деятельность обеспечивает независимую и объективную оценку бухгалтерской (финансовой) отчетности хозяйствующего субъекта. Однако, несмотря на нормативно-правовое регулирование и постоянное развитие Международных стандартов аудита и законодательных актов, в данной сфере существует ряд проблем, затрудняющих эффективное выполнение аудиторских проверок.

Как известно, Федеральным законом от 08.08.2024 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в ст. 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Закон «О противодействии легализации») [2] внесены изменения, согласно которым на аудиторские организации и индивидуальных аудиторов при оказании аудиторских услуг распространяются требования в отношении идентификации клиента, представителя клиента и (или) выгодоприобретателя, бенефициарного владельца.

Несмотря на то что данная обязанность аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов прямо была закреплена в законодательстве сравнительно недавно и распространяется на отношения, возникшие после 30 декабря 2024 г., косвенно данная обязанность существовала и ранее.

Так, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [3] аудиторская деятельность осуществляется на основании Международных стандартов аудита. Например, в п. 10 Международного стандарта аудита 550 «Связанные стороны» [4] дается определение связанной стороны. Связанная сторона определяется либо согласно применимой концепции подготовки финансовой отчетности, либо по определению, данному в подп. (b) п. 10 МСА 550. Согласно п. 13 МСА 550 в рамках изучения взаимоотношений и операций организации со связанными сторонами для целей оценки рисков и сопутствующих действий аудитор обязуется направить в адрес руководства запрос относительно идентификационных данных связанных сторон организации, характера взаимоотношений между организацией и этими связанными сторонами, о типах и целях операций со связанными сторонами.

Основополагающим допущением при проведении аудита согласно МСА 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с Международными стандартами аудита» [5], относящимся к обязанностям руководства и, если уместно, лиц, отвечающих за корпоративное управление, исходя из которого проводится аудит, – допущение о том, что руководство и, если уместно, лица, отвечающие за корпоративное управление, как осознают, так и подтверждают, что на них возложены ряд обязанностей, в том числе предоставление аудитору доступа ко всей информации, известной руководству и, если уместно, лицам, отвечающим за корпоративное управление, и которая значима для подготовки финансовой отчетности, например данных бухгалтерского учета, документации и информации о прочих вопросах. В случае если аудируемое лицо не смогло установить своего бенефициарного владельца, хотя им были приняты все доступные меры для того, чтобы установить соответствующие сведения относительно него, в том числе те, что указаны Росфинмониторингом в Информационном сообщении «О порядке раскрытия юридическими лицами информации о своих бенефициарных владельцах в соответствии со ст. 6.1 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"» [6] и, соответственно, не смогло раскрыть информацию о нем в своей отчетности, аудитор может судить о том, что основополагающие допущения при проведении аудита не нарушены. Отказ руководства или лиц, отвечающих за корпоративное управление, от предоставления указанных письменных заявлений рассматривается как нарушение основополагающего допущения, что требует от аудитора в соответствии с МСА модифицировать аудиторское мнение или отказаться от дальнейшего выполнения аудита (если возможность отказа предусмотрена применимыми законами или нормативными актами). В 2018 г. были разработаны методические рекомендации по рассмотрению аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами при оказании аудиторских услуг рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма [7].

Следовательно, до вступления в силу изменений в Закон «О противодействии легализации» отказ аудитора в заключении договора на аудит при нарушении требований по идентификации клиента,

выгодоприобретателя или бенефициарного владельца был правом, а сегодня такой отказ стал обязанностью, что прямо указано в п. 2.2 ст. 7 и п. 1 ст. 7.1 Закона «О противодействии легализации».

Таким образом, аудиторские организации при принятии клиента на обслуживание обязаны проверять его на наличие указанных рисков и в случае нарушения требований по идентификации – отказать клиенту в обслуживании.

Однако возможна ситуация, когда потенциальный клиент не нарушает требования об идентификации, но в ходе проверки аудитор обнаруживает, что клиент, его представитель, выгодоприобретатель или бенефициарный владелец находятся в перечне организаций и физических лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму.

В соответствии с положениями абз. 2 п. 2 ст. 6 Закона «О противодействии легализации» и Правилам определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей [8], Федеральная служба по финансовому мониторингу формирует перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

В контексте аудиторской деятельности факт нахождения, например, бенефициарных владельцев аудируемого лица в указанном перечне представляет собой критический индикатор существенных рисков, который должен быть зафиксирован и надлежащим образом отражен в аудиторской документации. Кроме того это требует от аудитора незамедлительного информирования руководства аудиторской организации, а также рассмотрения возможности отказа от принятия данного клиента на обслуживание или прекращения текущего аудиторского задания. Данное решение обусловлено высокой вероятностью вовлеченности аудируемого лица в незаконные финансовые операции, так как нахождение бенефициаров в перечне Росфинмониторинга является весомым основанием полагать, что организация может быть использована для целей легализации (отмывания) преступных доходов или финансирования террористической деятельности.

Действительно, установление факта сотрудничества аудиторской организации с хозяйствующим субъектом, аффилированным с лицами, причастными к отмыванию, влечет за собой значительный репутационный риск для аудиторской фирмы. Негативное освещение этого факта в средствах массовой информации и общественное осуждение могут привести к существенному снижению конкурентоспособности аудиторской организации, в связи с чем вполне понятно желание аудиторской организации отказать потенциальному клиенту, представитель которого и (или) выгодоприобретатель, бенефициарный владелец находятся в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Однако возникает вопрос, насколько подобный отказ аудиторской организации в принятии на обслуживание клиента будет правомерным, и можно ли принудить аудиторскую организацию к заключению договора об оказания аудиторских услуг. Во-первых, обязанность отказать клиенту в принятии на обслуживание в случае его нахождения в перечне Росфинмониторинга не предусмотрена ни действующим законодательством РФ, ни Международными стандартами аудита. Во-вторых, перечень Росфинмониторинга не является статичным, в него как включаются организации и (или) физические лица по определенным законодательством РФ основаниям, так и исключаются. Кроме того, включение организаций и (или) физических лиц в данный перечень может быть обжаловано как в судебном, так и в административном порядке. В-третьих, и что самое важное в подобной ситуации, каково соотношение отказа аудиторской организации в принятии клиента на обслуживание и требования об обязательном аудите, предусмотренного действующим законодательством.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» обязательный аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности проводится в отношении бухгалтерской (финансовой) отчетности организаций, указанных в п. 1 указанной статьи, а также в случаях, установленных отдельными федеральными законами, например, Федеральным законом от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [9], Федеральным законом от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [10] и др.

Большинство ученых отмечают, что договор об оказании аудиторских услуг является разновидностью договора возмездного оказания услуг [11; 12, с. 43]. В соответствии со ст. 779 Гражданского кодекса РФ [13] по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Очень часто такой договор является публичным. Публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится

(розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.) (ст. 426 ГК РФ). Однако ни Гражданский кодекс РФ, ни специальное законодательство об аудиторской деятельности не относят договор об оказании аудиторских услуг к публичным договорам. Аудиторская организация или индивидуальный аудитор могут отказывать потенциальному клиенту в принятии на обслуживание по любому основанию, ссылаясь на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Возникает парадоксальная ситуация для организации, которая подлежит обязательному аудиту, и выгодоприобретатель или бенефициарный владелец которой находится в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Если подобная организация уклоняется от идентификации, то на основании Закона «О противодействии легализации» ей откажут в заключении договора об оказании аудиторских услуг. Если же организация не уклоняется от идентификации, то устанавливается факт нахождения ее представителей или выгодоприобретателей, или бенефициарного владельца в перечне Росфинмониторинга, в результате чего аудиторские организации (или большинство из них) откажут ей в заключении договора об оказании аудиторских услуг на проведение обязательного аудита, поскольку обслуживание такой организации несет серьезные репутационные риски для аудиторской организации. Однако надо понимать, что отказ аудитора от принятия организации на обслуживание или прекращения текущего аудиторского задания должен быть обоснованным. На этот факт обращает внимание и Комитет Саморегулируемой организации аудиторов Ассоциации «Содружество» по противодействию коррупции и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [14]. Стоит отметить, что саморегулируемая организация аудиторов – Ассоциация «Содружество» является единственной действующей СРО аудиторов в настоящее время в Российской Федерации. Обоснование отказа от обслуживания организации, бенефициарный владелец которой находится в перечне Росфинмониторинга, обязательно отражается в рабочем документе проверки бенефициарных владельцев на соответствие требованиям ПОД/ФТ/ФРОМУ, который содержит описание процедуры проверки, результаты проверки, включая факт нахождения организации в реестре, обоснование решения о продолжении или прекращении аудиторского задания, информацию об информировании руководства аудиторской организации и принятых мерах.

При этом непроведение аудита организацией, для которой аудит является обязательным, влечет за собой административную ответственность, предусмотренную законодательством РФ, а именно: отсутствие (непредставление, неопубликование) аудиторского заключения на Федресурсе (ст. 14.25 КоАП РФ); отсутствие аудиторского заключения при проведении общих собраний акционеров (ст. 15.23.1 КоАП РФ); неопубликование акционерным обществом на странице в сети Интернет, равно как и непредставление акционерам аудиторского заключения в установленный срок (ст. 15.19. КоАП РФ); непредставление аудиторского заключения к комплекту бухгалтерской отчетности представляемой в Росстат (ст. 19.7 КоАП РФ) [15]. В таком случае у организации не остается иного выхода как в судебном порядке принуждать аудиторскую организацию к заключению договора об оказании аудиторских услуг, чтобы не быть подвергнутой административной ответственности. Следует согласиться с К.К. Лебедевым, который отмечает, что «поскольку во многих случаях проведение аудиторской проверки в силу закона является для аудируемого лица обязательным, постольку такие аудируемые лица как заинтересованные субъекты должны иметь право требовать от аудиторских организаций заключения с ними договора о проведении обязательного аудита» [16].

Таким образом, в случае если потенциальный клиент уклоняется от идентификации, то аудиторская организация обязана отказать ему в заключении договора об оказании аудиторских услуг. Если же клиент представляет все необходимые сведения для идентификации, и аудиторская организация устанавливает, что клиент, его выгодоприобретатель или бенефициарный владелец находятся в перечне организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, то аудиторская организация может отказать такому клиенту в заключении договора об оказании аудиторских услуг, так как его обслуживание несет различные риски для аудиторской организации. При этом такой отказ влечёт за собой риски для потенциального аудируемого лица, в том числе риск ответственности за непроведение обязательного аудита. Учитывая обязательный характер аудита для многих субъектов, целесообразно отнести договор об оказании аудиторских услуг к публичным договорам и предусмотреть как в ГК РФ, так и в Законе об аудиторской деятельности обязанность заключать договоры о проведении аудита с теми аудируемыми лицами, для которых аудит обязателен в силу закона.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4918.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.
3. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (ред. от 25.10.2024) // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15.
4. Связанные стороны: [Международный стандарт аудита 550, введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.01.2019 г. № 2н (ред. от 16.10.2023 г.)] // СПС КонсультантПлюс.
5. Международный стандарт аудита 200, введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.01.2019 г. № 2н «Независимые цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» (ред. от 16.10.2023 г.)] // СПС КонсультантПлюс.
6. Информационное сообщение Росфинмониторинга «О порядке раскрытия юридическими лицами информации о своих бенефициарных владельцах в соответствии со ст. 6.1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Росфинмрниторинг. URL: https://www.fedsfm.ru/news/2375 (дата обращения: 13.08.2025).
7. Информационное письмо Росфинмониторинга от 23.11.2018 г. № 56 «О методических рекомендациях по рассмотрению аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами при оказании аудиторских услуг рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 г. № 804 «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц» // СЗ РФ. 2015. № 33. Ст. 4835.
9. Федеральный закон от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.
10. Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.
11. Исаева И. Особенности договора на оказание аудиторских услуг // Финансовая газета. 2001. № 4. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=2165&dst=100004&field=134&rnd=z9D4eA#cycWltUrd4LV4qWI (дата обращения: 13.08.2025).
12. Роженцова И.А. О некоторых аспектах правового регулирования договора на оказание аудиторских услуг // Аудиторские ведомости. 2017. № 4. С. 40–52.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
14. Ответы на частые вопросы аудиторов по ПОД/ФТ: утверждено и рекомендовано к применению аудиторами Комитетом СРО ААС по противодействию коррупции легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, Протокол от 4 октября 2023 г. № 104, с изменениями, внесенными Протоколом № 137 от 16 декабря 2024 года. URL: https://sroaas.ru/upload/iblock/176/mnrbtyt6g7tu5fendh575qj6t5sqtmrt/Otvety-na-chastye-voprosy-auditorov-s-izmeneniyami-2024-god.pdf (дата обращения: 13.08.2025).
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
16. Предпринимательское право: учеб. в 2 т. Т. 2. / Под. ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2023. 640 с.

Audit in the Context Of Recent Changes In Legislation On Combating The Legalization (Laundering) Of Proceeds From Crime And The Financing Of Terrorism

Yannurova E.U.
LLC «SVEB» (Kazan)
Novakovskaya A.V.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Selivanovskaya Yu.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism is one of the key tasks of the modern state. In order to ensure national security in general and economic security in particular, the Russian Federation is constantly improving the regulatory framework governing countering this type of crimes.

The purpose of the study is a theoretical and applied analysis of audit, taking into account the requirements of the legislation on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.

An attempt was made to consider possible options for the audit organization's behavior when accepting a client for service, taking into account the obligations provided for by the "anti-money laundering" legislation and the audit organization's own risks. A comprehensive analysis of the issues of concluding an audit services agreement was carried out, the rights and obligations of audit organizations when accepting a client for service were analyzed, the issues of the ratio of mandatory audit and freedom of contract for the provision of audit services are considered.

The results obtained can be used in further theoretical studies of both audit issues and problems of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Key words: audit, audit services contract, mandatory audit, POT/FT

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-252-256

Социокультурные конфликты в сфере туризма

Ахмадуллин И.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии науки и социальной работы
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Низамова А.Х.
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Туризм как социальный институт современного общества способствует включению личности в межкультурную коммуникацию. В результате этого процесса формируются возможные риски социокультурных конфликтов, которые возникают вследствие несоответствия ценностных и нормативных установок туристов и местного населения, а также несогласованности их ожиданий.

Целью статьи является выявление специфики социокультурных конфликтов в сфере туризма. В результате проведенного исследования выявлено, что проявление социокультурных конфликтов в сфере туризма в современных условиях и механизмы их разрешения пока не нашли в отечественной науке должного освещения. Внедрение в практику деятельности туристических организаций современных методов информационной подготовки и сопровождения туристов позволит снизить риски возникновения социокультурных конфликтов и туризмофобии как реакции принимающей стороны.

Ключевые слова: *социокультурный конфликт, туризм, межкультурная коммуникация, социальное напряжение, общественное мнение*

Для цитирования: *Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х. Социокультурные конфликты в сфере туризма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 252–256. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-252-256.*

Туризм на сегодняшний день является одной из наиболее динамично развивающихся сфер международной торговли. По данным ежегодного исследования Всемирного совета по туризму и путешествиям (*WTTC*), по итогам 2024 г. вклад туристической отрасли составил 12,1 % от мирового ВВП, что на 3 % выше показателя 2023 г. Число туристских прибытий по итогам 2024 г. составило 1,4 млрд чел. [1]. Глобализация туризма приводит к активному взаимодействию различных культур, что неизбежно порождает конфликтные ситуации между туристами и местным населением, а также между представителями различных туристических субкультур.

Увеличение туристических потоков приводит к нарастанию социального напряжения в популярных дестинациях. При этом причиной конфликтов могут являться как факторы, связанные с межкультурной коммуникацией, так и социально-культурными проблемами принимающей страны [2; 3]. Современные туристы, как правило, предъявля-

ют высокие требования к качеству оказываемых услуг, в то время как их ожидания могут вступать в противоречие с традициями и обычаями принимающей страны, особенно когда речь идёт о странах с традиционной культурой. Культурная экспансия через туризм может приводить к утрате аутентичности местных культур, что вызывает сопротивление и конфликтные ситуации между местными жителями и туристическим бизнесом. Таким образом, исследование социокультурных конфликтов в сфере туризма является актуальным и имеет практическое значение в современных условиях динамично развивающейся отрасли, где взаимодействие различных культур требует глубокого понимания и эффективных механизмов управления конфликтными ситуациями.

Исследованию социокультурных конфликтов в сфере туризма посвящены работы как зарубежных (Г.Е. Ашер, М. Банашекевич, К. Бучковска-Голомбек, А.Козак, Т.Л. Скиппер и др.), так и отечественных авторов (А.Ю. Александрова, К.А. Евдокимов, Е.Р. Ли, Н.А. Назина, А.П. Осауленко, Е.В. Петрова, Е.Н. Покровский, Т.И. Черняева, С.Е. Щеглов и др.). Социокультурный конфликт представляет собой особую форму социального конфликта, характеризующуюся несовместимостью основополагающих интересов, культурных установок, ценностных смыслов и мировоззрения в целом между участниками взаимодействия. От прочих типов социальных конфликтов он отличается целым рядом характеристик. Во-первых, социокультурные конфликты, как правило, затрагивают базовые ценности и убеждения, тем самым обусловлен глубинный характер складывающихся противоречий. Во-вторых, имеются отличия в объекте конфликта и его непосредственных участниках. Социокультурные конфликты складываются в отношении таких базовых элементов общественной жизни как ценности, принципы и правила общественного поведения, основополагающие идеи, которыми руководствуются люди, живущие в рамках конкретной цивилизации. Субъекты социокультурно конфликта чрезвычайно многообразны, так же, как и формы его проявления. Участниками конфликта могут становиться как отдельные представители общества, так и сравнительно целостные социальные группы, объединяемые личностными убеждениями и комплексом культурных установок [4–6].

По мнению О.А. Персидской, социокультурный конфликт «определяется как предельное обострение противоречий в процессе совместного воспроизводства социальной реальности между большими социальными общностями (национальными, расовыми, этническими, конфессиональными). Противоречия могут быть основаны на нарушении системы культурных ценностей в этническом, религиозном и цивилизационном аспектах и ощущаемой (реально или мнимо) на этом основании ущемленности социального статуса» [7].

Массовый туризм – явление характерное для современного глобализированного общества. Благодаря глобализации и распространению современных цифровых технологий не только появились новые возможности для путешествий, но была трансформирована, и сама структура туристической отрасли [8]. Ключевым фактором изменений стало технологическое развитие, благодаря которому появились инновационные системы бронирования, онлайн-сервисы для выбора места отдыха, цифровые платформы для приобретения билетов и электронные системы взаимодействия с туристическими предприятиями. Эти изменения сделали путешествия более доступными для широкого круга людей. Проведенный авторами анализ теоретических источников [9–11] показал, что туризм обладает выраженным потенциалом возникновения конфликтов. Значительная часть конфликтов между туристами и местным населением носит деструктивный характер и негативно влияет на развитие туристической отрасли.

Рассматривая природу социокультурных конфликтов в сфере туризма, некоторые авторы считают, что их проявление обусловлено противоречиями, складывающимися, когда субъект приобретает «статус туриста» [12]. В процессе туристической поездки человек изменяет свою привычную социальную роль на иную деятельность, и, если ожидание не совпадает с реальностью, возникает повод для формирования конфликта. Если же обратиться к конфликту между туристами и местным населением, то, как пишет А.Н. Новгородцева, они могут быть обусловлены противоречиями имеющихся у каждой из сторон «культурных стереотипов, а также исторических аспектов взаимоотношений между странами, к которым принадлежат туристы и население принимающей дестинации» [13].

Находясь в туристической поездке, человек оказывается под одновременным влиянием четырех типов культур, которые могут существенно отличаться между собой:

1. Национальной культуры, к которой принадлежит субъект, и которая накладывает отпечаток на его поведение.

2. Культуры «отпуска», стиль поведения, который считается приемлемым для отдыха. Туристическую поездку индивид воспринимает как возможность отвлечься от повседневности, в том числе и обыденного поведения, ограничений.

3. Национальная культура принимающей стороны, транслируемая местными жителями.

4. Сервисная культура, нормы поведения в отелях, специальных местах пребывания туристов. Искусственно сформированная культура, в которой туристу создаются условия для максимального ком-

форта, в том числе снимается ряд ограничений поведения, накладываемых национальной культурой страны пребывания.

Все эти виды культур могут как взаимодействовать между собой, так и становиться основой для определённых социокультурных конфликтов.

В рамках работы проведено пилотажное социологическое исследование, в котором приняли участие 50 респондентов, представители 8 туристических агентств, которые работают как с зарубежными турами, так и организуют путешествия по России. Опрос проводился по авторской анкете.

Один из вопросов анкеты был посвящен тому, насколько распространёнными являются конфликтные ситуации социокультурного характера. 58 % опрошенных отметили, что конфликтные ситуации встречаются в интервале от 5 до 10 % туров, второй по распространенности ответ – от 11 до 20 % туров (его выбрали 22 % респондентов). Только 12 % опрошенных отнесли социокультурные конфликты к редко встречающимся в сфере туризма явления, с которым они практически не сталкиваются в своей работе. Таким образом, проблема социокультурных конфликтов в сфере туризма является существенной.

При ответе на вопрос «С какими видами социокультурных конфликтов Вы чаще всего сталкиваетесь?» ответы респондентов распределились следующим образом. Наиболее распространенными оказались три вида социокультурных конфликтов:

– негативное поведение туристов в общественных местах – 52 %;

– несоблюдение местных традиций и обычаев – 40 %;

– нарушение дресс-кода в религиозных местах – 35 %.

Основной причиной, вызывающей эти типы конфликтов, является незнание туристами местных обычаев и традиций, в том числе в отношении одежды и правил поведения на улицах. Это становится причиной не только недовольства со стороны местного населения, но и зачастую приводит к административным мерам.

Анализ практики туроператоров, принявших участие в исследовании, показывает, что сравнительно часто встречаются такие проявления социокультурных конфликтов, как: конфликты из-за языкового барьера – 23 %; конфликты из-за пищевых традиций – 19 %.

Конфликты из-за языковых барьеров имеют среднюю степень распространенности, однако показывают, по мнению принявших в опросе сотрудников, тенденцию к росту. Переориентация на новые направления, в том числе в страны, где местное население в целом слабо владеет английским языком (за исключением тех, кто занят в туристическом бизнесе), определяет рост социокультурных конфликтов.

В группу «конфликты из-за пищевых традиций» включается как несоблюдение туристами определенных пищевых запретов, в том числе связанных с употреблением алкоголя или приемом пищи днем на улице в месяц Рамадан, а также возможные негативные отзывы о местной еде, которые публично допускают туристы, что может вызвать негативный отклик местного населения. Второй по степени остроты тип социокультурных конфликтов – негативное влияние на местную культуру. Причиной является навязывание своих культурных норм и ценностей, неуважение к традициям Острота конфликта высокая, так как касается культурной идентичности местного населения.

Таким образом, анализ результатов опроса экспертов из туристических агентств позволяет сделать вывод о том, что конфликты «туристы – местное население» являются достаточно распространённым явлением, отличаются высокой выраженностью и могут иметь различные неблагоприятные последствия. Основной причиной, вызывающей конфликты в сфере туризма, является незнание туристами местных обычаев и традиций, недостаточная предтуристическая подготовка. В связи с этим возникает необходимость в выработке культурологического подхода к решению проблем социокультурных конфликтов.

Рассмотрим, имеются ли основания социокультурных конфликтов на такой принимающей территории, как Казань.

На протяжении последних лет туристический поток в город Казань возрастает (рис. 1).

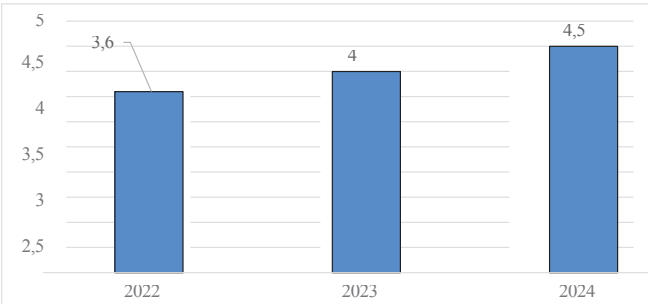

Рис. 1. Динамика числа туристов, посетивших Казань в 2022–2024 гг., млн чел.

Более 58 % туристов, посещающих Казань, – это женщины. Доля мужчин составляет 42 %. Средний возраст туристов с прошлого года не изменился и по итогам 2024 г. составил 40 лет. Средняя продолжительность поездки четыре дня. Стоит отметить, что в 2024 г. на 8 % выросло число возвратных туристов, которые посещают Казань два и более раз в год [14].

Для выявления общественного мнения об отношении жителей Казани к тому, что город становится крупным туристическим центром и тем, изменениям, которые несет с собой этот процесс, был подготовлен и проведен опрос, в котором приняли

участие 94 респондента (люди в возрасте от 14 до 48 лет, 52 % респондентов – мужчины, 48 % – женщины).

На вопрос: «Как Вы относитесь к возможности дальнейшего увеличения туристического потока в наш город?» ответы распределились следующим образом: положительное отношение, поскольку туризм – важный финансовый источник и улучшит экономическое положение, – 57 %; отрицательно, поскольку увеличение туристических потоков создает проблемы для местных жителей, – 28 %; мне все равно – 10 %; затрудняюсь ответить – 5 %.

Ответы на вопрос: «Какие негативные последствия может иметь дальнейший рост туристического потока?» (возможно несколько вариантов ответа) представлены на рисунке 2.

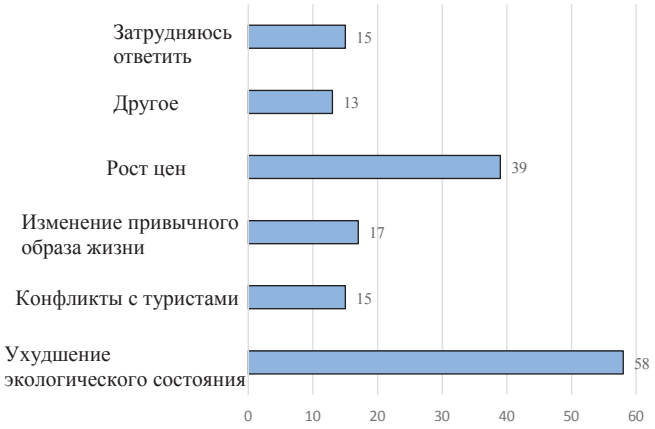

Рис. 2. Структура ответов на вопрос: «Какие негативные последствия может иметь дальнейший рост туристического потока?», %

Как видно из представленных на рисунке 2 данных, более половины граждан, принявших участие в опросе, беспокоятся о том, что увеличение туристического потока нанесет вред окружающей среде, поскольку туристы часто оставляют за собой мусор, вытаптывают газоны и клумбы ради красивых фотографий на фоне достопримечательностей и т.п. Важным негативным фактором является рост цен, с которым сталкиваются горожане, – это беспокоит 39 % респондентов.

Таким образом, полученные результаты анкетирования позволили выявить основные черты общественного мнения населения относительно дальнейшего развития туризма, ожидаемых, в связи с этим перспектив и проблем. В целом следует отметить высокую обеспокоенность граждан последствиями увеличения туристического потока. Более половины опрошенных (52 %) положительно относятся к перспективе дальнейшего увеличения туристического потока, поэтому говорить о туризмофобии мы не можем. Однако наличие у 29 % респондентов отрицательного отношения к дальнейшему росту туризма указывает на существование определённых конфликтов. Это говорит о необходимости применения мер, которые способствовали бы предотвращению негативных последствий для принимающей территории.

Как показали ответы на вопрос о мерах профилактики, используемых туристическими агентствами, принявшими участие в опросе, наиболее распространёнными являются следующие практики:

1. Предварительное информирование туристов. Все туристические агентства, соблюдая положения законодательства, информируют туристов о маршруте, стране и основных особенностях поведения. Однако объем данной информации оценить не представляется возможным и предоставляемые данные не могут затрагивать всех особенностей культуры принимающей стороны.

2. Проведение брифингов перед туром, эту практику использует одно из восьми агентств, принявших участие в опросе. Оно специализируется на выездном туризме, и руководство считает важным не только ознакомить туристов с основной информацией о стране, в которую они направляются, но и ответить на их возможные вопросы, провести консультации.

3. Обучение гидов конфликтологии. Только в одном из принявших участие в опросе агентств уделяется внимание вопросам дополнительной подготовки гидов в области психологии и конфликтологии.

4. Создание информационных буклетов. Большинство туристических предприятий предоставляют туристам информационные буклеты или листовки с описанием наиболее важных особенностей и правил поведения в стране, куда они направляются, возможных сфер конфликта и ответственности туристов за нарушение указанных правил.

Таким образом, основной упор делается на собеседование и печатную продукцию (буклеты, листовки, памятки). При этом такие памятки и информационные листки в обязательном порядке подписываются клиентами, чтобы дать им понять и оценить ту степень ответственности, которую им придется принять на себя при несоблюдении установленных правил поведения в стране временного пребывания.

Подводя итог, отметим, что исследование социокультурных конфликтов в сфере туризма является актуальным и имеет практическое значение в современных условиях динамично развивающейся отрасли, где взаимодействие различных культур требует глубокого понимания и эффективных механизмов управления конфликтными ситуациями. Это особенно важно для разработки стратегий устойчивого развития туризма и минимизации негативных социальных последствий туристической деятельности.

Литература:

1. Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2024.pdf (дата обращения: 28.07.2025).
2. Аппакова-Шогина Н.З. Въездной и внутренний туризм в Республике Татарстан: опыт мультинаучного исследования: коллективная монография / Н.З. Аппакова-Шогина, А.В. Гут, Э.Н. Евстафьев и др.; Отв. ред. А.З. Хурамшина. Казань: ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ», 2014. 252 с.
3. Хурамшина А.З., Маклашова Э.А. Институционализация туризма в Татарстане: числовые показатели // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 1–7.
4. Конфликтология сфер социальной жизни: учеб. пособие / С.А. Сергеев, А.Л. Салагаев [и др.]; под ред. С.А. Сергеев, А.Л. Салагаев. Казань: Казан. нац. исслед. технол. ун-тет, 2014. 468 с.
5. Фатхуллина Л.З., Ахмадуллин И.Р. Многоаспектность религии в ее основных понятиях // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 125–127.
6. Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З., Шакирова А.Ю. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации (на примере студенчества Республики Татарстан) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 3. С. 16–26.
7. Персидская О.А. Социокультурный межэтнический конфликт: специфика феномена, особенности проявления // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2020. № 10. С. 122–126.
8. Бибаева В.А., Фатхуллина Л.З. Туризм в условиях цифровизации // Ценности, традиции и новации современного спорта. Материалы II Межд. науч. конгресса. В 3-х ч. Редколл.: С.Б. Репкин (гл. ред.), Т.А. Морозевич-Шилюк (зам. гл. ред.) [и др.]. Минск, 2022. С. 306–308.
9. Назина Н.А. Регулирование социальных конфликтов в сфере туризма // Сервис plus. 2010. № 1. С. 19–27.
10. Сохина Н.П., Егорова Е.Н. Управление конфликтами в сфере туризма // Juvenis Sciertia. 2018. № 6. С. 11–13.
11. Долгополова Л.Ю., Григорьева Ж.В. Межкультурные коммуникации в сфере туризма и гостеприимства: методы избежания конфликтов и организации исследований // Наука, технологии и инновации в туризме в XXI веке. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Сочи, 2023. С. 102–106.
12. Концептуализация культуры туризма в дискурсе современного социогуманитарного знания / В.А. Горенкин, А.Ю. Микитинец, О.И. Микитинец [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 52. С. 239– 252.
13. Новгородцева А.Н. Социологический анализ статусного поведения в туризме: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.
14. Доклад директора МКУ «Комитет по развитию туризма Казани» Д.А. Санниковой на аппаратном совещании 3 февраля 2025 г. «Об итогах туристического сезона 2024 года в Казани». URL: https://kzn.ru/meriya/mezhvedomstvennye-komissii/komissiya-po-toponimike/novosti/ob-itogakh-turisticheskogo-sezona-2024-goda-v-kazani/ (дата обращения: 30.07.2025).

Sociocultural Conflicts in the Field of Tourism

Akhmadullin I.R.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.Kh.
Kazan State Architectural and Construction University

Tourism, as a social institution of modern society, contributes to the inclusion of the individual in intercultural communication, thereby forming possible risks of sociocultural conflicts as a result of the inconsistency of the values and normative attitudes of tourists and the local population, the inconsistency of their expectations. The purpose of the article is to reveal the specifics of sociocultural conflicts. As a result of the study, it was revealed that the manifestation of socio-cultural conflicts in the field of tourism in modern conditions and the mechanism of their resolution have not received adequate coverage in domestic science. Implementation of modern methods of information preparation and support of tourists into the practice of tourist organizations will reduce the risk of socio-cultural conflicts and tourism-phobic reactions on the part of the host.

Key words: sociocultural conflict, tourism, intercultural communication, social tension, public opinion

УДК 364.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-257-265

Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей*

Боброва Д.Н.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Осипова Д.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

На современном этапе развития, в условиях динамичных трансформаций в экономической, социальной и политической сферах, качество жизни населения становится не просто одним из ключевых индикаторов социально-экономического развития государства, но и приобретает статус основополагающего фактора, определяющего деятельность всех акторов в публичной сфере. В этой связи в работе делается акцент на необходимости отражения данного концепта на теоретико-методологическом уровне – в нормативно-правовом поле и в иных документах стратегического характера, на прикладном уровне – в разработке и реализации методологии сбора и обработки соответствующей информации. Концептуализация понятия «качество жизни», ввиду многообразия его структурных компонентов, включая определение системы показателей, его характеризующих, и при этом релевантных для такой социально-демографической группы как занятое население, является серьезной методологической проблемой. Более того, динамика социально-экономических реалий усложняет операционализацию понятия: перевод абстрактного конструкта «качество жизни» в измеримые индикаторы в условиях постоянных преобразований трудовой сферы сталкивается с проблемой выбора релевантных показателей. В работе представлена попытка подбора ключевых показателей качества жизни занятого населения, как объективного, так и субъективного характера, а также аргументируется необходимость выявления между ними связей и закономерностей.

Ключевые слова: *качество жизни, объективные и субъективные показатели, занятое население, методология исследования, социально-трудовая сфера*

Для цитирования: *Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 257–265. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-257-265.*

* Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 49-ВГ) «Качество жизни российских педагогов: методология, теория, методики измерения».

Занятое население представляет собой одну из наиболее значимых социально-демографических групп, играющую центральную роль в функционировании рыночной экономики. В большей степени именно усилиями представителей этой группы создается национальное богатство и обеспечивается его прирост, соответственно, качество жизни работающего населения становится не только показателем успешности государственной политики, но и определяющим фактором конкурентоспособности страны на мировой арене. Оно влияет на способность государства эффективно отвечать на современные вызовы и обеспечивать устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Именно поэтому качество жизни занятого населения является одним из ключевых маркеров социально-экономического развития страны. С завершившимся в Российской Федерации переходом национальной экономики от индустриальной к постиндустриальной модели развития, а также с учетом территориальных, экономических, демографических особенностей России, вопросы качества жизни работающих граждан приобретают особую актуальность.

Качество жизни как социально-экономическая категория давно находится в центре внимания как академической среды, так и практикующих специалистов. В современной науке существует множество подходов к выбору и структурированию показателей качества жизни, их измерению и анализу.

Среди имеющихся научных работ о качестве жизни на сегодняшний день выделяются исследования, в которых авторы сосредотачивают свое внимание на изучении качества жизни либо отдельных регионов, либо отдельных социально-демографических групп [1–5]. Несмотря на значительный научный интерес к данной теме, аспекты качества жизни такой важной с точки зрения общественного развития социально-демографической категории, как занятое население, в отечественной науке исследованы недостаточно.

Кроме того, на государственном уровне вопросы повышения качества жизни относятся к приоритетным, что находит отражение в действующей системе нормативно-правовых актов и государственной политике в целом. Но, несмотря на это, на сегодняшний день ни на федеральном уровне, ни на уровне отдельных субъектов РФ нет нормативно установленной номенклатуры показателей качества жизни населения, а также единой методологии сбора, анализа и обработки соответствующих данных.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, к занятому населению относятся лица, которые в рассматриваемый период выполняли работу хотя бы один час в неделю по найму за вознаграждение деньгами или натурой, а также не по найму для получения прибыли или семейного дохода; временно отсутствовали на работе; выполняли работу в качестве помогающего на семейном предприятии. Занятыми считаются также лица, занятые выполнением работ по производству в домашнем хозяйстве продукции, предназначенной для реализации [6]. Иными словами, занятое население – это активная часть трудовых ресурсов, задействованная в общественном производстве.

Представляется очевидным, что исследование вопросов качества жизни занятого населения требует тщательного отбора и обоснования показателей, наиболее релевантных для этой социальной группы. Методологическая сложность заключается не только в многосоставности самого концепта качества жизни, но и в разнообразии подходов к выбору объективных и субъективных показателей для его оценки. Сама выборка показателей для оценки качества жизни занятого населения, с одной стороны, должна быть достаточно компактной с утилитарной точки зрения, с другой – содержать как ряд «универсальных» показателей, характеризующих качество жизни населения всех социальных групп (в данной работе они, естественно, будут исследоваться с опорой на данные, касающиеся занятого населения), так и «специфические», характеризующие качество жизни именно занятого населения. Кроме того, разработка системы показателей для оценки качества жизни занятого населения должна быть нацелена на решение ряда прикладных задач. Во-первых, данная система показателей должна отражать сущностные характеристики рассматриваемой социально-демографической группы населения, в фокусе внимания здесь, в первую очередь, оказывается такая сфера общественной жизни как трудовая (так называемое «качество трудовой жизни»). Во-вторых, она должна способствовать более эффективному управлению сферой занятости на всех уровнях социальной системы, включая релевантные временные и трудозатратные аспекты сбора, обработки и анализа информации для реализации управленческого решения. В-третьих, она должна обеспечивать возможность составления межрегиональных и межстрановых сопоставлений, что позволит определить место страны в соответствующих региональных и международных рейтингах.

Более того, в целях проведения комплексной оценки качества жизни представляется важным исследовать объективные и субъективные показатели качества жизни как по отдельности, так и в их взаимосвязи, попытаться проследить (в тех случаях, когда это возможно) наличие или отсутствие корреляционной связи между ними. Несмотря на то что определение необходимого перечня объективных и субъективных показателей качества жизни остаётся дискуссионным, в научной среде преобладает мнение о равнозначности данных переменных, а качество жизни предполагает оценку совокупности объективных условий жизни и субъективного восприятия благополучия.

В рамках данного исследования, при проведении расчетов линейного коэффициента корреляции, в качестве независимых переменных использованы объективные показатели, а в качестве зависимых – субъективные оценки работающими соответствующих схожих показателей. При подборе объективных показателей авторы руководствуются нижеприведенным допущением: в случае отсутствия статистических отчетных показателей, прямо характеризующих значимые условия жизни, допускается включение аналогов, по которым можно косвенно оценить влияние этих условий на качество жизни занятого населения. В исследовании приведены данные за последние 10 лет. При сравнении объективных и субъективных показателей используются данные «с шагом» в два года, что обусловлено периодичностью предоставляемых Федеральной службой государственной статистики данных по итогам комплексного наблюдения условий жизни населения (далее – КОУЖ).

При отборе объективных показателей авторы отталкивались от перечня имеющихся международных и российских индексов, в частности, исследовались перечни показателей, которые используются Комиссией ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни, Институтом комплексных стратегических исследований, Организацией экономического сотрудничества и развития, Американской некоммерческой организацией «Комитет по демографическому кризису», а также показатели, используемые для расчета Индекса человеческого развития Программы развития ООН, подходы С.А. Айвазяна, Т.В. Гавриловой и др. Кроме того, в статье учитывается перечень индикаторов качества жизни, рекомендуемых Международной организацией труда.

Что касается исследования субъективных показателей качества жизни, имеющиеся в открытом доступе данные (авторы преимущественно обращаются к данным, представленным Росстатом КОУЖ и Российским мониторингом экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ) не всегда позволяют выстроить систему взаимосвязей между объективными и субъективными индикаторами и, соответственно, построить корреляцию. Отсутствие в открытом доступе информации, характеризующей субъективный уровень восприятия объективных показателей качества жизни, может говорить о необходимости разработки соответствующего инструментария для проведения в будущем социологических опросов на разных уровнях.

Анализ объективных показателей, актуальных для характеристики качества жизни занятого населения, целесообразно начать с изучения ***уровня жизни работающего населения.*** При этом заработок как ключевой источник доходов будет рассмотрен отдельно, поскольку его анализ требует сопоставления не только со статусом занятости, но и с реальными условиями жизни. В данном контексте акцент смещается с трудовой сферы на сферу потребления и для анализа используются такие обобщенные макроэкономические показатели как: величина ВВП в расчете на одного занятого; реальная среднемесячная заработная плата; баланс денежных доходов и расходов населения (с учетом доли доходов от трудовой деятельности); распределение малоимущего населения по основным группам и распределение малоимущего населения по месту проживания, возрасту, отношению к занятости.

Для исследования динамики ВВП на одного занятого целесообразно обратиться к данным Группы Всемирного банка (рис. 1).

Представленные данные на рисунке 1 демонстрируют рост ВВП на одного занятого в РФ (с 73 898,6 тыс. долл. в 2014 г. до 81 989,95 тыс. долл. в 2023 г.), то есть повышение уровня производительности труда, а также в целом положительную динамику развития национальной экономики. Это, в свою очередь, при определённых условиях должно влиять на повышение качества жизни занятого населения. Однако для такого утверждения требуются дополнительные исследования, так как рост ВВП на одного занятого может происходить не только за счёт повышения производительности труда при прочих равных условиях, но и благодаря увеличению продолжительности рабочей недели и числа занятых в экономике.

Значение показателя «Реальная среднемесячная заработная плата (индекс реальной среднемесячной начисленной заработной платы)» [8], который определяется как отношение индекса среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к индексу потребительских цен (тарифов) на товары и услуги, вызывает интерес с точки зрения возможности с его помощью оценить покупательную способность занятого населения[1].

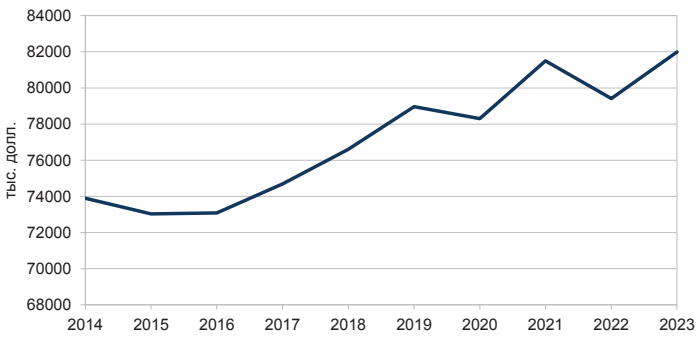

Рис. 1. ВВП на одного занятого в РФ, тыс. долл. по ППС в ценах 2021 г.

[1] При анализе данного показателя необходимо принимать во внимание, что в данной методике расчета не учитываются занятые, находящиеся в статусе индивидуальных предпринимателей, которые, согласно ст. 3 Федерального закона № 565-ФЗ «О занятости населения в РФ», входят в категорию занятого населения.

За исследуемый период можно наблюдать постоянный рост реальной среднемесячной заработной платы в целом, причем в период с 2015 по 2018 гг. наблюдается увеличение темпа ее прироста, а начиная с 2018 г., несмотря на то, что прирост продолжается, его темпы уже не такие высокие (рис. 2) [9].

При анализе такого показателя, как баланс денежных доходов и расходов населения, необходимо вспомнить второй закон Энгеля, согласно которому: чем выше уровень благосостояния и чем выше уровень доходов, тем большая часть расходов потребителя приходится на продовольственные товары высшего качества и на социальные услуги, связанные с развитием человека. Следовательно, высокому уровню благосостояния и высокому качеству жизни населения соответствует низкая доля расходов на питание и высокая доля расходов на услуги в общем бюджете. На сегодняшний день в открытом доступе отсутствует статистика относительно баланса распределения доходов и расходов населения разных социально-демографических групп. Представляется, что при разработке методологии оценки качества жизни населения необходимо принимать во внимание значимость данного показателя, причём не только для населения страны в целом, но и для основных социально-демографических групп. Стоит провести оценку целесообразности его включения в процедуры сбора данных на уровне формирования официальной статистической информации.

Что касается малоимущего населения, то по итогам выборочного обследования доходов населения, проводимого Росстатом, можно констатировать, что доля занятых в экономике от всей совокупности лиц, находящихся за чертой бедности, на протяжении последних десяти лет неуклонно снижается – с 32 % в 2013 г. до 27,1 % в 2022 г. [10]. Однако сама величина этого значения вызывает тревогу – так, на 2022 г. доля работающих в общей численности малоимущего населения составила 27,1 %, то есть более четверти от всех лиц с доходами ниже величины регионального прожиточного минимума – это лица, которые заняты в экономике. Соответственно, несмотря на наличие занятости, значительная часть работающих имеет низкий уровень доходов, что ставит под сомнение эффективность механизмов регулирования рынка труда, а также мер государственной социальной поддержки тех работающих, кто попал в трудную жизненную ситуацию и не может самостоятельно её преодолеть.

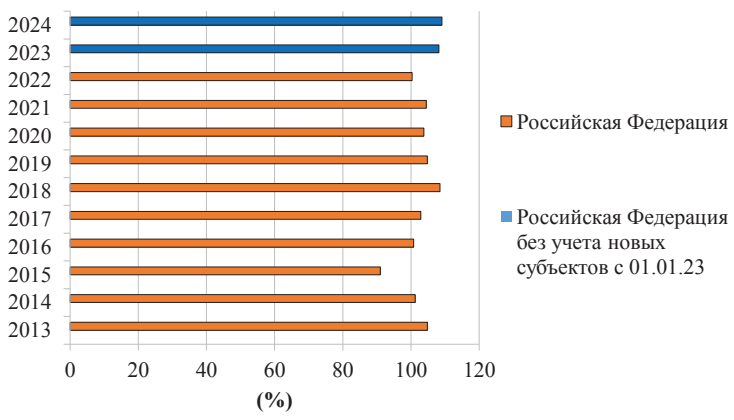

Рис. 2. Реальная начисленная заработная плата в % к соответствующему периоду предыдущего года

Согласно рекомендуемому МОТ перечню индикаторов достойного труда, заработок характеризуется таким индикатором как «Доля лиц, занятых в экономике (работающих), проживающих в малоимущих домашних хозяйствах, в общей численности занятых в экономике (работающих)». В статистических данных по индикаторам достойного труда, представленных Росстатом, используется близкая категория – «Работающие бедные». Стоит отметить, что распространённый феномен «работающие бедные», который в условиях развитой рыночной экономики и постиндустриального этапа развития является достаточно специфическим, если не сказать неординарным, для нашего государства, в последнее время активно обсуждается, в том числе и представителями власти. При этом отсутствие законодательно закреплённого определения понятия «работающие бедные» и соответствующих унифицированных методических подходов к анализу данного явления осложняет его комплексную оценку. Согласно последним имеющимся данным (на 2021 г.), значение категории «работающие бедные» составляло 4,6 % от всех занятых в экономике. Наравне с этим показателем МОТ к числу объективных относит и показатель «Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка)». Приходится констатировать, что здесь значение показателя демонстрирует, при общей позитивной тенденции к поступательному снижению, широкое распространение малообеспеченности среди занятого населения, а именно доля населения с уровнем заработной платы ниже 2/3 медианы почасового заработка составляла 25,4 %.

Что касается субъективных показателей восприятия дохода от трудовой деятельности, в рамках выборочного исследования Росстата, в 2022 г. заработком по основной работе были вполне удовлетворены 50,6 % работающих, т.е. фактически половина всех опрошенных. Это самый низко оцениваемый респондентами аспект работы из всех рассматриваемых. При этом среди *работающих по найму* доля таких лиц значительно ниже, чем *работающих* не по найму: 49,5 против 65,9 % соответственно.

Для проведения глубокого всестороннего анализа особенностей качества жизни занятого населения рассчитаем линейный коэффициент корреляции объективных и субъективных показателей.

Так, для установления статистической взаимосвязи или ее отсутствия в качестве независимой переменной определим *долю лиц, занятых в экономике и имеющих доход ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленной в конкретном регионе*; а в качестве зависимой – *субъективную оценку работающими лицами своего заработка*. Линейный коэффициент корреляции в таком случае равен -0,8 (-0,76), что свидетельствует об обратной сильной связи между рассматриваемыми переменными, т.е. чем выше доля работающих бедных в стране в общей численности населения, тем менее в целом удовлетворены работающие лица своим уровнем заработка.

Показатели ***ожидаемой продолжительность трудовой жизни*** в нашей стране относительно других стран с постиндустриальной экономикой достаточно низкие. Под продолжительностью трудовой жизни должен пониматься период, охватывающий по методологиям МОТ и Росстат возраст экономически активного населения от 15 до 72 лет за вычетом безработных лиц. При этом официальная статистика располагает информацией о численности умерших в трудоспособном возрасте, что не совпадает в должной мере с рассматриваемой в работе категорией «работающего населения», однако, в отношении общей численности составляющую ее основной контингент. Итак, статистика за 2022 г. демонстрирует следующие значения относительного показателя, выраженного в просантимилле ‰: 232,4 среди женщин и 820,0 среди мужчин [11, с. 23]. Гендерный разрыв в данном случае огромен – мужчины умирают в трудоспособном возрасте в России в 3,5 раза чаще, чем женщины. Обращаясь к проведенному учеными из НИУ ВШЭ исследованию, заметим, что ожидаемая продолжительность трудовой жизни у мужчин составляет 33,8 года, при этом период их экономической неактивности составляет 17,9 лет – это самое маленькое значение среди всех рассматриваемых авторами стран [12]. Т.е. такая продолжительность трудовой жизни у мужчин обусловлена отсутствием должных перерывов в работе, в том числе для поддержания здоровья и выполнения других личных и социально значимых функций, а не связана с возможностью продолжать активную трудовую деятельность в преклонном возрасте. И даже при том, что российские мужчины продолжительное время находятся в статусе занятых, их ожидаемая продолжительность трудовой жизни, по сравнению с ожидаемой продолжительностью трудовой жизни представителей мужского пола других постиндустриальных других стран, остается одной из самых низких, в первую очередь, ввиду высокого значения ранней смертности.

К такому показателю, как ***уровень образования,*** так или иначе обращаются практически все концепции качества жизни. Рассмотрим уровень образования занятого населения. Из общей численности работающих лиц в стране – 72 644 тыс. чел. На 2022 г. высшее образование имели 34,8 %, среднее профессиональное – 45,4 %, среднее общее – 15,7 %, основное общее – 3,9 %, и не имеют основного общего – 0,1 % [13, с. 33]. При этом субъективные оценки соответствия имеющейся специальности и выполняемой работы демонстрируют, что вопреки распространенному стереотипу «высшее образование по одной специальности, работа – по другой» среди работающих лиц с высшим образованием более половины (54,9 %) имеют основную работу полностью соответствующую специальности, еще 21,8 % респондентов – близкую к полученной специальности, однако, велика и доля тех, кто не смог или не захотел профессионально самореализовываться в рамках полученной профессиональной подготовки, доля таких респондентов составила 23,3 % [14]. Лица с неполным высшим образованием вполне закономерно дают более низкие оценки соответствия своей нынешней профессии «полученной специальности» (35,7 %). Удивительно, что среди лиц, получивших среднее профессиональное образование, только 44,5 % ответили, что их трудовая деятельность полностью соответствует полученной специальности. Учитывая проводимые в настоящее время масштабные структурные реформы в системе образования, включая Федеральный проект «Профессионалитет», есть основания предполагать, что сложившаяся ситуация будет в скором времени преодолена.

Принципиально важным моментом при исследовании вопросов качества жизни является тема преодоления ***гендерного неравенства*** в социально-трудовой сфере, которое, как известно, существенным образом сокращает возможности самореализации личности и ограничивает ее потенциал. В контексте исследуемой темы необходимо понимать, что любые проявления гендерного неравенства – это не только нарушение конституционных прав, но и недоиспользование трудового ресурса населения, что негативно сказывается как на экономике страны, так и на качестве жизни населения в целом.

По состоянию на 2023 г. женщины составляли 48,8 % от общего числа занятых. Относительно вопросов разницы в оплате труда представителей обоих полов: в 2023 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 69,6 % [14]. Соответственно, разрыв в оплате труда между полами в России составляет около 30 % (рис. 3), что значительно выше среднемирового показателя, который МОТ оценивает в диапазоне от 16 до 22 % в зависимости от методики расчёта.

Кроме того, за прошедший десятилетний период наблюдается отрицательная динамика – происходит небольшое, но постоянное увеличение разрыва в величине заработных плат мужчин и женщин.

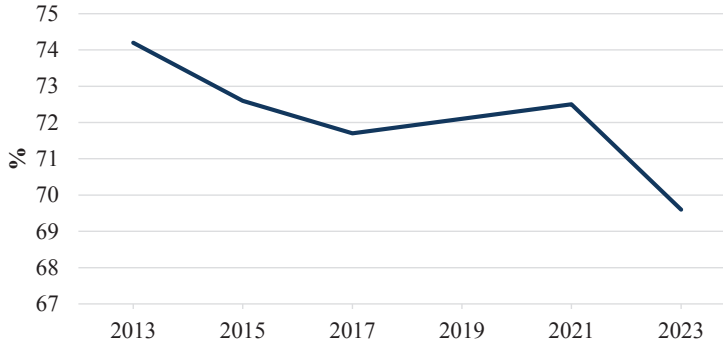

Рис. 3. Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в РФ, %

Несмотря на положения законодательства, гарантирующие равную оплату за равный труд, и высокий уровень занятости российских женщин в экономике, статистика за последние 10 лет не показывает роста их экономического благосостояния. Это явление отчасти обусловлено профессиональной гендерной сегрегацией. Статистические данные свидетельствуют о сохраняющемся неравенстве позиций женщин и мужчин в сфере управленческого труда в современной России. По данным на 2023 г., доли мужчин и женщин на руководящих должностях составляли 55,3 и 44,7 % соответственно. При этом стоит отметить преобладание женщин на должностях специалистов высшего уровня квалификации (37,0 % мужчин и 63,0 % женщин). Однако в зависимости от отрасли экономики и вида профессиональной деятельности эти значения будут существенно отличаться. Что касается неквалифицированных рабочих, здесь также доля мужчин больше, чем женщин (56,0 % против 44,0 %) [13].

Относительно субъективных оценок удовлетворенности уровнем заработка по основному месту работы мужчин и женщин нужно констатировать, что они не отражают столь сильный разрыв в реальном трудовом доходе между представителями двух полов. Среди мужчин доля тех, кто вполне удовлетворен заработком, составила в 2022 г. 53,0 %, среди женщин – 48,0 %. При этом очевидно, что степень удовлетворенности уровнем заработка по основному месту работы – это лишь один из аспектов такого интегрального показателя, как степень удовлетворенности работой в целом.

Относительно такого аспекта как ***надежность работы***, ответы респондентов распределились следующим образом: среди всех опрошенных вполне удовлетворены надежностью работы 78,2 %, при этом доля лиц, занятых в формальном секторе здесь еще выше – 82,2 % против 63,9 % в неформальном. Это вполне очевидный результат, учитывая, что работодатели, относящиеся к формальному сектору, в большей степени склонны соблюдать требования трудового законодательства, а значит, они в целом более ответственны в части соблюдения прав и интересов трудящихся. По результатам анализа поступивших в адрес Федеральной службы по труду и занятости (Роструда) обращений граждан за 2022 г. можно констатировать, что чаще всего нарушались права граждан в вопросах, связанных с задержкой выплаты заработной платы и других выплат работникам (35 %); снижением заработной платы и нарушением принципов нормирования труда (15 %); увольнением работников, приемом на работу, заключением трудового договора, ведением трудовой книжки (14 %); трудовым распорядком и дисциплиной труда (9 %); охраной труда, техникой безопасности, аттестации рабочих мест, специальной оценки условий труда (7 %) [15]. При этом по результатам надзорной деятельности в сфере защиты трудовых прав граждан в 2022 г., по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, было выявлено свыше 449 тыс. нарушений трудовых прав граждан.

Самым позитивно оцениваемым аспектом работы из рассматриваемых респондентами Росстата, стал ***режим работы***: подавляющее большинство опрошенных (85,5 %) по данным на 2022 г. были им вполне удовлетворены. При этом доли работающих по найму (85,3 %) и работающих не по найму (87 %) не показали существенной разницы. Несколько большую удовлетворенность режимом работы продемонстрировали представители формального сектора экономики (86,5 %) по сравнению с неформальным (81,8 %). В этой связи целесообразно вспомнить о предложении, уже нашедшем отражение в проекте нового Трудового кодекса РФ, который в настоящее время находится на рассмотрении Государственной думы. Оно предусматривает сокращение стандартной продолжительности рабочей недели до 30 часов. Стоит отметить, что «Достойная продолжительность рабочего времени» также относится к одному из объективных индикаторов достойного труда в рамках методологии МОТ. Показатель, его характеризующий, звучит как «Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (более 48 часов в неделю)». Его значение в РФ на 2022 г. составляло 2,8 % при общей поступательной позитивной тенденции снижения, начиная с 2001 г.

Следующие два показателя получили схожие оценки респондентов. Речь идет о ***выполняемых обязанностях*** и ***условиях труда***. Удовлетворенность этими аспектами работы продемонстрировали 80,7 и 79,8 % опрошенных соответственно. При этом работающие по найму были несколько менее позитивны в оценках (80,3 и 79,5 % соответственно), чем работающие не по найму (86,8 и 83,3 %). Аналогичная ситуация сохраняется при рассмотрении ответов респондентов в зависимости от сектора экономики: одинаковая доля респондентов формального сектора экономики (81,2 %) удовлетворена выполняемыми обязанностями и условиями труда.

Субъективные ***оценки условий труда*** показывают, что более половины респондентов оценили свою работу как «работу средней тяжести» (54,4 %). На втором месте – вариант «лёгкая работа» (24,0 %), «тяжёлая работа» выбрали 19,0 % респондентов, а очень тяжёлая» – 2,4 %. При оценке «тяжести работы» респонденты чаще отмечали нервное напряжение и стрессы (71,8 %), а также воздействие вредных производственных факторов (45,8 %).

Отдельно стоит рассмотреть субъективные оценки безопасности выполняемой работы как одной из основных характеристик условий труда. Большая часть работающих лиц характеризовала свою трудовую деятельность как «достаточно безопасную» (41,2 %), совершенно же безопасной её считали 24,3 % респондентов, «опасной в некоторой мере» – 29,7 %, а «опасной» – 4,7 %.

Объективным показателем, характеризующим условия труда в целом, является *удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в организациях* [16]. Так, по результатам специальной оценки условий труда в 2022 г. 36,1 % работников в нашей стране были заняты на работах с вредными или опасными условиями труда.

В свою очередь, наглядной демонстрацией соблюдения работодателями требований к обеспечению безопасных условий труда будет являться *статистика производственного травматизма*. В 2022 г. численность пострадавших при несчастных случаях на производстве составила 0,000279 % от общей численности занятого населения в стране. При кажущейся незначительности данного показателя в процентном соотношении, в количественном выражении он составляет 20,3 тыс. чел.

Установим наличие или отсутствие статистической взаимосвязи между переменными, обуславливающими условия труда. В первом случае, при общей оценке условий труда в качестве независимой переменной возьмём *долю работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда, в организациях*, а в качестве зависимой – *результаты субъективной оценки занятыми условий труда по основному месту работы*. В таком случае линейный коэффициент корреляции равен −0,2 (−0,17), что указывает на присутствие слабой отрицательной связи, то есть две рассматриваемые переменные не соотносятся друг с другом непосредственно, а значит, субъективная оценка занятыми условий своего труда не будет непосредственно предопределяться несущественным увеличением доли работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда.

Далее рассмотрим, влияют ли случаи производственного травматизма на субъективные оценки занятого населения уровня безопасности выполняемой работы. Независимой переменной в данном случае будет *статистика производственного травматизма*, рассчитанная в относительных величинах как доля пострадавших при несчастных случаях на производстве от общего количества лиц, занятых в экономике. Зависимой переменной выступят субъективные оценки работающих *степени безопасности выполняемой работы*. Линейный коэффициент корреляции равен −0,5 (−0,526), что даёт основание заключить о наличии умеренной отрицательной связи, это, в свою очередь, свидетельствует о том, что чем выше уровень производственного травматизма, тем меньше работающие лица оценивают выполняемую ими работу как безопасную.

В современном российском обществе, где трудовые отношения становятся все более разнообразными и динамичными, работа выступает не только как способ заработка, но и как один из ключевых способов самореализации личности. Поэтому особый интерес для интерпретации представляют результаты оценки работающими такого когнитивного аспекта субъективного благополучия, как ***профессиональная удовлетворенность***, и такого его эмоционального аспекта, как ***моральное удовлетворение*** от трудовой деятельности. Относительно первого аспекта, то можно констатировать, что более четверти опрошенных Росстатом респондентов были в разной степени не удовлетворены возможностями профессиональной самореализации по *своему* основному месту работы (23 % не вполне удовлетворены, а 3,6 % совсем не удовлетворены). При этом работающие не по найму демонстрировали в этом вопросе более оптимистичные оценки, чем работающие по найму (80,7 против 72,9 %), что выглядит вполне очевидным, учитывая степень свободы профессионального самовыражения в случаях, когда лицо правомочно или неправомочно принимать производственные решения, относящиеся к деятельности предприятия (собственному делу). Второй аспект – моральное удовлетворение от трудовой деятельности – показал несколько более позитивные настроения работающих граждан в оценках своего субъективного благополучия. Так, 78,2 % всех опрошенных отметили, что испытывают моральное удовлетворение от работы. При этом среди занятых в организациях и у физических лиц (ИП) доля выбравших этот вариант составила 77,7 %, а среди работающих не по найму – 84,1 %. Такое распределение ответов также выглядит вполне закономерным, учитывая, что собственное дело или работа на собственном предприятии, позволяет лицу в большей степени реализовать потребность в самореализации, хотя представляется очевидным, что такая потребность в принципе присуща не всем представителям занятой (работающей) части населения.

Последним подлежащим рассмотрению аспектом, который, в соответствии с методологией МОТ,

влияет на удовлетворенность работой, является субъективная оценка респондентами доступности рабочего места, а именно «***расстояние до работы***». Результаты представленных данных свидетельствуют о том, что 76,5 % опрошенных были в целом удовлетворены расстоянием от работы до места непосредственного проживания. При этом оценки данного аспекта работы *работающих не по найму* ожидаемо показали более высокие значения, чем оценки занятых в организациях и у физических лиц (ИП): 86,1 против 75,8 %.

Таким образом, в результате проведенного исследования была предпринята попытка формирования перечня ключевых показателей, характеризующих качество жизни занятого населения. Установлено, что для более глубокого анализа необходимо не только комплексно рассматривать объективные и субъективные показатели, но и проводить анализ согласованности субъективных оценок занятого населения отдельных аспектов качества своей жизни с объективными статистическими данными. Исследование показало наличие корреляционной связи различной силы между переменными, характеризующими субъективные оценки работающих лиц качества своей жизни, и переменными, отражающими объективные условия жизни этой социально-демографической группы.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка интегральных индексов, объединяющих как объективные, так и субъективные показатели качества жизни с учётом специфики занятого населения и различных его групп.

Концептуализация понятия «качество жизни занятого населения» должна учитывать контекстуальные факторы, такие как отрасль экономики, тип занятости, региональные особенности и культурные нормы, при этом сохраняя возможность проведения межрегиональных и межстрановых исследований.

В качестве перспективного подхода к расчёту интегрального показателя качества жизни занятого населения вместо простого учёта состава и числа его компонентов может быть использован метод взвешенной суммы критериев, который предполагает придание большей значимости (веса) аспектам трудовой деятельности.

Помимо удовлетворения потребностей и интересов работающих граждан как очевидной задачи, выявление ключевых показателей качества жизни этой социально-демографической категории населения и анализ их индикаторов позволит разработать более эффективные стратегии государственной политики в области трудовых отношений, социальной защиты и социально-экономического развития страны.

Литература:

1. Ишназарова З.М. Качество жизни населения в Республике Башкортостан в условиях цифровизации: методика оценки и управленческие приоритеты // Региональная экономика: теория и практика. 2023. № 4. С. 656-668.
2. Пуляева В.Н., Иванова И.А. Создание комфортной городской среды в системе мер по повышению качества жизни населения в регионах // Жилищные стратегии. 2023. № 4. С. 425–440.
3. Штанько О.П. Анализ дифференциации уровня и качества жизни населения в Центральном федеральном округе // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 12. С. 6463–6472.
4. Матчинов В.А., Моисеева И.Г., Савкина А.А. Индексная оценка объективных показателей качества жизни населения в контексте реализации национальных проектов в Калужской области // Креативная экономика. 2024. № 5. С. 1059–1074.
5. Наливайченко Е.В., Волков А.Д. Результативность формирования институциональной среды качества и уровня жизни в арктических регионах России // Креативная экономика. 2024. № 5. С. 1031–1058.
6. Федеральная служба государственной статистики. Понятия и определения. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_30/isswww.exe/stg/d020/vved-5.htm (дата обращения: 03.08.2025).
7. WORLD BANK GROUP / World Development Indicators / GDP per person employed (consnant 2021 PP$). URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SL.GDP.PCAP.EM.KD&country= (дата обращения: 03.08.2025).
8. Приказ Росстата от 28.02.2019 г. № 109 «Об утверждении Методики расчета показателя «Реальная среднемесячная заработная плата работников (2017 год – базовое значение)» // СПС КонсультантПлюс.
9. Федеральная служба государственной статистики. Реальная начисленная заработная плата в процентах к соответствующему периоду предыдущего года. URL: https://fedstat.ru/indicator/43245 (дата обращения: 03.08.2025).
10. Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни. Распределение малоимущего населения. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 03.08.2025).
11. Женщины и мужчины России. 2024: Стат. сб./ Росстат. М., 2024. 176 с.
12. Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 4. С. 592–622.
13. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024, Стат.сб./Росстат. М., 2024. 152 с.
14. Федеральная служба государственной статистики / Заработная плата. Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин по обсле-

дованным видам экономической деятельности. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 03.08.2025).
15. Федеральная служба по труду и занятости. Обзор обращений граждан, поступивших в Федеральную службу по труду и занятости за 2023 год. URL: https://rostrud.gov.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/obzor-obrashcheniy/2023/obzor-obrashcheniy-2023/ (дата обращения: 03.08.2025).
16. Федеральная служба государственной статистики. Условия труда. URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 03.08.2025).

Quality of Life of the Employed Population in Russia: Search for Key Indicators

Bobrova D.N.
The Russian state pedagogical university of A.I. Herzen (St. Petersburg)
Osipova D.V.
The North-West Institute of Management – branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

At the present stage, within dynamic transformations in the economic, social and political spheres, the quality of life is becoming not only one of the key indicators of the socio-economic development of the state but also acquires the status of a fundamental factor determining the activities of all actors in the public sphere.

In this regard, the work emphasizes the need to reflect this concept at the theoretical and methodological level – in the regulatory field and in other documents of a strategic nature, as well as at the applied level – in the development and implementation of the methodology for collecting and processing relevant information.

The conceptualization of the «quality of life» term, considering the diversity of its structural components, including setting a system of indicators that can characterize it and particularly relevant for the employed population, is a serious methodological problem.

Moreover, the dynamic of socio-economic conditions complicates the operationalization of the concept: the translation of the abstract «quality of life» term into measurable indicators in the context of constantly changing labor sphere faces the problem of choosing relevant indicators.

The paper presents an attempt to select key indicators of the quality of life of the employed population, both objective and subjective ones, and also argues for the need to identify connections and patterns between them.

Keywords: quality of life, «objective» and «subjective» indicators, employed population, research methodology, social-labor sphere

УДК 316.4.06
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-266-271

Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее*

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук, профессор, и.о. директора
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Максимова О.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Минзарипов Р.Г.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

Нагматуллина Л.К.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ

В современных условиях глобальных изменений, происходящих в мировом пространстве, отечественному социуму требуется мощный ресурс для противостояния непрерывно растущим вызовам и обеспечения промышленного, технологического и культурного суверенитета страны. Именно молодые поколения россиян выступают таким ресурсом, способным обеспечить устойчивое развитие государства по ключевым социально-экономическим направлениям.

Целью данного исследования является выявление специфики жизненных стратегий, формируемых современной студенческой молодежью.

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

Научная ценность и новизна исследования заключаются в том, что авторы представили детальную интерпретацию результатов Всероссийского репрезентативного социологического исследования. Данное исследование было направлено на изучение жизненного мира и социальных ориентаций российского студенчества.

Практическая и научная значимость работы определяется тем, что в ходе исследования была выявлена специфика и содержание жизненных стратегий студенческой молодежи в сфере образования и будущей профессиональной деятельности. На основе полученных данных авторы обосновывают необходимость трансформации потенциала современной молодежи в важнейший ресурс развития общества.

Ключевые слова: *молодежь, студенческая молодежь, жизненные стратегии, потенциал молодежи, высшее образование, трудовая деятельность*

Для цитирования: *Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г., Нагматуллина Л.К. Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 266–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-266-271.*

Действенность усилий по достижению стратегически важных национальных целей развития страны возможна только при активном участии молодежи и ее заинтересованности «в реализации планов на десятилетия вперед» [1]. Во многом тональность настроений, взглядов и установок молодых поколений во многом определяет будущий облик страны и ее благополучие. Студенческая молодежь как социальная группа обладает высоким потенциалом активности в отношении осуществления профессиональной деятельности, инициации инновационных идей и реализации амбициозных проектов. Концентрируя в себе духовно-нравственные ценности, отвечающие запросам современного общества, и адаптируясь к жизни в цифровой среде как естественной форме жизнедеятельности, она становится не только опорой в построении сильной страны в конкретно-исторический период, но и гарантом ее будущего. В этом контексте особую актуальность приобретает сфера высшего образования, которая «должна стать коммуникативным пространством, где воспитывается студенческая молодежь с гражданскими позициями по отношению к своей стране, к своему региону, семье, близкому окружению, природному миру» [2].

Для того чтобы молодёжь могла выполнять роль субъекта сохранения динамики устойчивого развития страны, а потенциал молодых поколений был максимально эффективно задействован в этом процессе, необходимо постоянное изучение устремлений молодёжи, её ориентаций, поведенческих практик, анализ социального самочувствия и жизненных стратегий данной социальной группы, которой отводится миссия по обеспечению благополучного будущего страны.

В этом плане социологическое сопровождение изучения молодёжи, позволяющее сформировать чёткий и ясный портрет изучаемой социальной группы и делающее возможным получение более точного и детального знания в результате анализа большого массива количественных и качественных данных, является основой прогнозирования перспектив и возможностей современной молодёжи. Оно также служит источником принятия обоснованных решений в отношении её воспитания в целях выполнения основных жизненных функций и недопущения появления в молодежной среде деструктивных поведенческих практик, подготовки молодых поколений к решению поставленных задач в условиях динамичных изменений. Прогнозирование строится на анализе настоящего и не может быть осуществлено без него, поэтому концентрация усилий исследователей на изучении молодёжи, сочетающей в себе высокий уровень жизненного потенциала и способность максимально его раскрыть и реализовать в настоящем моменте, объективно необходима и актуальна в современных условиях.

Именно этим фактом продиктовано обращение к результатам исследования, проведенного под руководством ведущих специалистов Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН) и принявших в нем участие представителей региональных социологических школ, по изучению жизненного мира, социальных и политических ориентаций студенческой молодежи «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного в апреле – мае 2023 г. в 29 субъектах всех федеральных округов Российской Федерации[1]. В

[1] Социологическое исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Научный руководитель исследования – д.полит.н., проф. Н.М. Великая. Сбор данных

исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. Объем выборочной совокупности составил 6389 респондентов. Масштабы исследовательского проекта в сочетании с его методологической и методической основательностью, полученный объем эмпирического материала и его качественные характеристики делают неоспоримым целесообразность неоднократного к нему обращения, а также необходимость текущей интерпретации его результатов в контексте определяемых авторами жизненных стратегий современной студенческой молодежи в качестве предмета исследования.

Авторы статьи как непосредственные участники исследования, принявшие участие в реализации опроса, рассматривают возможность расширения границ применимости его результатов в качестве источника нахождения и получения данных для анализа всего многообразия факторов, определяющих специфику построения представителями молодого поколения жизненных траекторий, а также формирования комплексной картины мнений молодежи относительно своего будущего.

Обращение к студенческой молодёжи в исследовательском анализе было логически и объективно обосновано. Представители этой подгруппы современной молодёжи, обладающие «необходимыми характеристиками, достаточными для отнесения их к особой социальной группе» [3], находящиеся в процессе активного личностного и профессионального самоопределения, поиска жизненной орбиты и ориентиров, способны наиболее адекватно выразить мнения относительно своих устремлений и очертить контуры будущих жизненных стратегий. Получение качественного исследовательского материала и достоверной информации стало возможным благодаря активизации процесса обдумывания ответов на вопросы анкеты. Этот процесс выступил мощным стимулом для осознания и анализа респондентами тех аспектов повседневной жизненной реальности, над которыми они ранее, возможно, не задумывались.

Выбор в пользу проведения интернет-опроса студенческой молодежи был обусловлен эффективностью данного метода в отношении поставленной исследовательской задачи, его приоритетностью в современной социологической практике, определяемой возможностью оперативного сбора данных с минимальной затратой времени на значительной территории и нахождением доверительной формы общения с молодыми респондентами, обеспечивающей высокий уровень включенности в опросный процесс представителей цифровых поколений молодежи и способствующей получению репрезентативной информации.

Социально-демографические характеристики выборочной совокупности представлены следующими показателями: число мужчин и женщин в возрасте от 16 до 25 лет, участвовавших в опросе, составило соответственно 40,3 % (муж.) и 59,7 % (жен.), все они обучаются в высших учебных заведениях различных российских регионов, по направлениям подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры с различными профилями подготовки: гуманитарному – 30,1 %, социально-экономическому – 17,5 %, педагогическому – 10,8 %, естественнонаучному (математическому) – 4,7 %, медицинскому – 7,2 %, техническому (инженерному, технологическому) – 25,1 %, сельскохозяйственному – 1,7 %, в области культуры и искусства – 2,9 %. Большинство респондентов являются студентами государственных вузов – 97,2 % и 2,8 % – частных; проживают в родительской квартире (доме)/квартире родителей мужа (жены) – 42,3 %, в собственной квартире – 13,4 %, снимающих квартиру – 19,6 %, проживающих в общежитии – 24,8 %.

Полученный эмпирический материал создает основу для формулирования ряда выводов, некоторые из которых будут представлены далее.

Для современной студенческой молодёжи, чьи ценностно-нормативные конструкты и жизненное самоопределение ещё не приобрели чёткие, завершённые формы и системную целостность, ключевыми показателями социального самочувствия выступают возможность достижения намеченных жизненных целей и видение перспектив реализации жизненных стратегий. Этим обстоятельством было обусловлено включение в онлайн-анкету вопросов о жизненных ожиданиях респондентов: «Насколько Вы уверены в завтрашнем дне?» и «Планируете ли Вы свое будущее?». Ответы на эти вопросы свидетельствовали о наличии двух полюсов мнений, в соответствии с которыми 63,1 % респондентов с оптимизмом смотрят в будущее, причем у 23,1 % эмоциональная интенсивность высказанного мнения была максимально позитивна, и они отметили, что «полностью уверены в завтрашнем дне», а 42 % опрошенной молодежи были склонны более взвешенно подойти к оценке своего будущего и посчитали, что «скорее уверены в завтрашнем дне». На другом полюсе мнений оказались представители студенческой молодежи, которые «совершенно не уверены в завтрашнем дне» (7,9 %) и те, кто более склонен придерживаться мнения, что уверенность в завтрашнем дне у них скорее отсутствует (16,7 %). Несмотря на разброс мнений и наличие респондентов, которые не смогли определиться относительно понимания своего будущего (12 %), большинству современной студенческой молодежи не свойстве-

по Республике Татарстан осуществлялся под руководством д.социол.наук, проф. М.Ю. Ефловой, при непосредственном участии авторов статьи.

нен пессимистичный взгляд в будущее, для нее более характерен оптимистичный настрой, а неустойчивость жизнеобразующих смыслов в сознании молодежи, пока еще свойственная ей по причине возрастных особенностей и определяемая спецификой активного этапа социализации, в дальнейшем заместится четкими оценками и взглядами, в том числе, и более конкретным осознанием перспектив будущего. Тем более, что преобладание оптимистичных настроений у молодежи способно инициировать более высокий уровень социальной активности, ориентированный на созидательное построение жизненной траектории, эффективную реализацию собственного потенциала и успешное преодоление сложностей. Не случайно, поэтому активность личности рассматривают в качестве «главного параметра построения жизненной стратегии» [4].

Несмотря на то, что современное поколение молодежи иногда является объектом критики в отношении размытости жизненных целей, а стремление понять глубинные мотивационные механизмы действий молодежи часто ограничивается объяснительными рамками многозначительной ее характеристики как «цифровой молодежи», перегруженной воздействием и влиянием цифровой среды, установка в отношении нее как «живущей одним днем», не является верной и не имеет под собой оснований. Это подтверждается результатами нашего исследования, когда при ответе на вопрос о том, планирует ли современное студенчество свое будущее, 77,4 % респондентов, составляющих большинство опрошенных, четко выразили свою позицию, ответив утвердительно «да, планирую». Более того, в открытом вопросе анкеты, в котором предлагалось указать срок, на который оно осуществляется, представителями студенческой молодежи этот период был указан, а разброс числовых значений располагался в диапазоне от одного месяца до десяти лет. И только 22,6 % опрошенных составили количество тех, кто не видит в планировании будущего смысла, а потому и «живет одним днем». Поэтому в случае, когда студенты продемонстрировали наличие у них стратегических намерений по планированию будущего, неправомерно упрекать молодежь в отсутствии у нее системного и взвешенного подхода к организации жизни, отсутствии устоявшейся практики анализа жизненных реалий при формировании жизненных стратегий, тем более, что согласно данным исследования, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) среди юношей и девушек 2001 г. рождения и позже, проведенном в 2025 г. относительно нацеленности российской молодежи на будущее, выяснилось, что именно самое молодое поколение, называемое «поколением цифры» и в силу возраста, формирующее современное студенчество, все чаще думает о будущем, при этом широта горизонтов осмысления и размышлений не ограничивается только персональным будущим или будущим семьи, а распространяется до общепланетарного и космического масштабов [5]. Показательна в этом плане убежденность 53,2 % респондентов, участвовавших в нашем исследовании, в том, что «достижение мечты сделает их счастливым человеком».

В многовариантности моделей жизненных стратегий студенческой молодежи традиционно выделяют две, связанные с областями, в которых в основном концентрируется деятельность молодежи в студенческие годы. Одна связана со сферой образования, другая определяет будущую профессиональную деятельность после завершения учебы. Эти два направления являются наиболее значимыми для формирования представлений о воспроизводимых студенчеством жизненных планах.

Опрошенная студенческая молодежь осознает необходимость формирования мощного резерва знаний, роль и значение высшего образования как обязательного, первоочередного условия для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности, поэтому весомо звучат их мнения относительно жизненных целей: «Закончить вуз и пойти работать», «Получить высшее образование и работать по специальности», «Закончить на отлично университет и получить достойную работу», «Поступить в аспирантуру и по окончании получить ученую степень», а потому они осознанно подошли к выбору высшего учебного заведения. Так, при анализе ответов на вопрос «Что повлияло на Ваше решение учиться в этом вузе?» и построении иерархии факторных показателей, отражающих причины выбора, указываемые респондентами, на первом месте с числовым показателем 3,28 опрашиваемой молодежью была отмечена причина, в соответствии с которой выбор учебного заведения был обусловлен тем, что «соответствовал представлениям о современном учебном процессе». Вторая по значимости позиция была отведена вариантам «положительные отзывы друзей» и «легче было поступить» с одинаковым показателем 3,13 соответственно, убежденность в том, что «высшее образование даст возможность стать культурным человеком» (3,06), также определила выбор. Далее в последовательности причин респонденты выделили «престиж вуза, его репутацию как передового» (3,02), и замыкала список первых шести позиций причина «востребованности выпускников этого вуза» (2,79).

Поступление в высшее учебное заведение является для молодежи началом нового этапа социализации, с которым ассоциируют начало жизненного периода в статусе «взрослых людей», поэтому осознанно и взвешенно сделанный выбор вуза не только свидетельствует о стремлении к профессиональному самоопределению, но и о желании сделать успешным свое будущее. Безусловно, выбор

всегда является результатом анализа сложной совокупности факторов социокультурного, личного, психологического характера. Как свидетельствуют ответы респондентов, они реализовали в этом процессе комплексный подход, при котором полагались в выборе как на собственные оценки и мнения, так и задействовали источники информации, достоверность которых у них не вызвала сомнений, ориентировались на мнения значимых для них людей. Поэтому у 90,8 % опрошенных за все время обучения желания перейти на другой факультет или вуз, чтобы поменять специальность, не возникало, что было подтверждено ответами на соответствующий вопрос онлайн-анкеты.

Неизменное обращение современной студенческой молодежи к ресурсу высшего образования обусловлено осознанием конкурентных преимуществ и возможностей, предоставляемых наличием глубоких знаний и сформированных компетенций в выбранной сфере деятельности. Поэтому одним из ключевых жизненных приоритетов молодежи всегда было и остается образование, признаваемое в качестве существенной инвестиции в будущее, что как нельзя лучше отражает мнение одного из респондентов: «…постоянно инвестирую в себя, прокачиваю мозги. Просто делаю вещи, за которые знаю, что скажу себе спасибо в будущем». Необходимость затрачивать определенные усилия в процессе обучения также осознается респондентами. Информативно в этом плане емкое высказывание: «Я уверен, что если буду каждый день трудиться, не жалея себя, то всё будет хорошо». Безусловно, интенсивное наращивание объема знаний и усилия, вложенные в достижение новых образовательных высот, закономерно позволят в будущем стать востребованным специалистом на рынке труда, носителем более высокого профессионального статуса.

Ценность знаний, особенно соответствующих требованиям современного цифрового мира, в полной мере признается студенческой молодежью и подтверждается ответами респондентов на вопрос анкеты об успеваемости за время обучения. Так, 12,5 % респондентов отметили, что учатся только на «отлично», 38,8 % – «только на хорошо и отлично», 34 % получают «преимущественно хорошие и отличные оценки, но иногда бывают и удовлетворительные», а вот количество тех, кто учится «преимущественно удовлетворительно, но иногда бывают хорошие оценки» составило 11 % и совсем незначительный процент по массиву в целом составили обучающиеся, успеваемость которых «главным образом удовлетворительная» – 3,7 %. Усиливают такую положительную характеристику процесса обучения и ответы представителей студенческой молодежи на вопрос «Были ли у Вас пересдачи за всё время обучения?»: 62,3 % никогда не пересдавали изучаемые предметы, у 23,5 % такой опыт был, но исключительно 1–2 раза и только у 10,9 % опрошенных пересдача предметов случалась несколько раз, а количество постоянно прибегающих к практике пересдачи предметов и делающих это «очень часто» составило только 3,3 %. Как видим, предпочтительной формой организации собственного процесса обучения для большинства современных студентов является модель, выстраиваемая на принципе систематичности и последовательности таким образом, чтобы не нарушать контрольные сроки прохождения итоговой аттестации – сдачи зачетов и экзаменов, и при которой обучающиеся ориентированы на ответственное отношение к учебе.

Отсутствие формального подхода к процессу обучения обусловливает высокий уровень ожиданий студенчества в отношении возможности успешной профессиональной самореализации. Эта самореализация базируется на конвертации всего потенциала знаний, полученных в высшем учебном заведении, в важнейшие современные ресурсы. К таким ресурсам относятся: работа с достойной заработной платой, соответствующей уровню квалификации, трудоустройство по полученному направлению подготовки, возможность открытия собственного бизнеса, масштабирование уже имеющегося бизнеса. Именно поэтому жизненная стратегия, которую формирует студенческая молодёжь в отношении будущей профессиональной деятельности, представляет собой важный аспект для анализа.

В современных условиях, несмотря на то что основным видом деятельности студенческой молодежи является обучение, ее активность в трудовой сфере достаточно высока, однако не всегда соответствует направлению получаемой специальности и место работы в студенческие годы рассматривается в качестве временного. Этим объясняется наличие цели у 66,8 % наших респондентов «получить постоянную работу» по окончании вуза, при этом 22,5 % собираются работать только по специальности, 32,1 % ориентируются на поиск работы «по близкой (смежной) специальности». Готовность молодежи к поиску работы поддерживается установкой на полную самостоятельность в решении этой жизненной задачи у 44,8 % опрошенных, а практика, когда рассчитывают «на помощь своих друзей, сверстников» и «на связи родственников, знакомых семьи» не является преобладающей, на что указывают мнения опрошенных в соответствии с выбранными ими вариантами ответов и выраженные числовыми показателями 6,6 и 9,6 % соответственно.

Четко прослеживаемой жизненной целью молодежи является ее стремление «занять профессиональное положение, с которым будут считаться» (42,9 %) и достижение которой невозможно без требуемого уровня знаний, способного сформироваться только в рамках социального института образования как канала профессиональной мобильности,

гарантирующего формирование базовых оснований для будущего карьерного роста и как следствие, обеспечение достойного уровня жизни, которого хотят достичь 60,4 % респондентов, указывая на то, что после окончания вуза будут стремиться «обеспечить высокий уровень благосостояния» (60,4 % респондентов). Комплекс знаний и компетенций, полученных в системе вузовского образования, является ценным активом, способным придать ускорение процессу достижения жизненных целей, и студенческая молодежь это в полной мере осознает, указывая в факторном ряду интеллект (4,15); профессионализм, деловые качества, компетентность (4,05) и образование (3,65) в качестве источников будущего успеха, ключевых предпосылок профессионального становления.

В целом, на основе результатов исследования можно констатировать, что динамика современного мира диктует новые требования к поколениям молодежи. В этих условиях важно, чтобы амбициозные и инициативные молодые люди задумывались над тем, каким они хотят видеть свое будущее и выстраивали жизненные стратегии, способные превратить их потенциал в достояние общества.

Литература:

1. Путин отметил вклад молодежи в развитие страны. URL: https://ria.ru/20250628/putin-2026015928.html (дата обращения: 01.08.25).
2. Шагбанова Ю.Б. Преподавание учебной дисциплины «История России» в высшем учебном заведении для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки: основные тенденции и мотивации // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/36PDMN423.pdf (дата обращения: 01.08.25).
3. Сотников И.М. Студенческая субкультура: операционализация понятия // Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: трансформация системы ценностей. Сб. науч. трудов / [отв. ред. И.В. Ильин, Д.Г. Шкаев]. М.: Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 2012. С. 98–106.
4. Акулич М.М., Пить В.В. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 8. С. 34–43.
5. Глава ВЦИОМ указал на нацеленность российской молодежи на будущее. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1344242-glava-vtsiom-ukazal-na-natselennost-rossiiskoi-molodezhi-na-budushchee (дата обращения: 02.08.25).

Life Strategies of Contemporary Student Youth: a Look into the Future

Eflova M.Iu., Maximova O.A., Minzaripov R.G.
Kazan (Volga Region) Federal University
Nagmatullina L.K.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

Currently, in the context of changes taking place in the global space, the domestic society needs a powerful resource to counter the unceasing, rapid growth of challenges and to ensure industrial, technological, and cultural sovereignty. This resource for the country is the young generations of Russians.

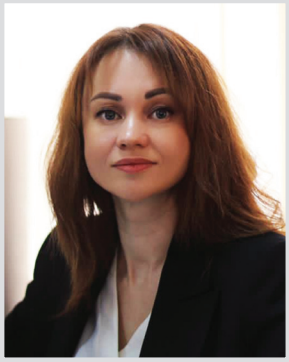
The aim of the study is to identify the specifics of life strategies formed by today's student youth.

The value and novelty of the study lies in the fact that it is based on an analysis of the results of an all-Russian representative sociological study aimed at exploring the living world and social orientations of Russian students. The scientific and practical significance is due to the identification of the specifics and content of the life strategies of student youth in the field of education and future professional activities, on the basis of which the authors justify the need to turn the potential of today's youth into the property of society.

Keywords: youth, student youth, life strategies, youth potential, higher education, work activity

УДК 659.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-272-275

Дети в цифровом мире: особенности медиапотребления

Зиятдинова Э.М.
Кандидат политических наук, доцент
кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Фатыхова Д.Р.
Кандидат политических наук, доцент
кафедры связей с общественностью и прикладной политологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Современные дети рождаются в эпоху тотальной цифровизации. Можно смело причислить их к поколению «цифровых аборигенов». У многих из них первый гаджет в руках появляется в первый год жизни, как только начинает вырабатываться навык удерживать предметы в руках. Далее контроль за медиапотреблением детей зависит от сознательности и образа жизни родителей. И если ещё несколько лет назад повсеместной была установка о том, что ребёнка надо как можно дальше и дольше удерживать от цифровых устройств, то сегодня эта тенденция меняется. Речь идёт о неизбежности встречи детей с цифровым миром и попытках сознательно встроить его в их повседневную жизнь.

Данная статья представляет собой обзор теоретических и практических аспектов медиапотребления современных российских детей (от 0 до 17 лет). Цель исследования – дать характеристику практике медиапотребления детей в трёх возрастных группах: 4–8 лет, 9–13 лет и 14–17 лет. В этой связи были рассмотрены данные исследования медиаповедения детской и подростковой аудитории, представленные компанией Mediascope в апреле 2025 года. Авторы пришли к выводу о том, что интернет стал неотъемлемой частью жизни российских детей – своеобразным институтом социализации, который передаёт нормы, ценности и навыки в легко усваиваемой форме, порой не проходя модерацию на соответствие этическим нормам, достоверности, грамотной и корректной подачи.

Ключевые слова: *медиаконтент, когнитивные искажения, дети, социальные медиа, медиапотребление, медиаграмотность*

Для цитирования: *Зиятдинова Э.М., Фатыхова Д.Р. Дети в цифровом мире: особенности медиапотребления // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 272–275. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-272-275.*

Вопросы взаимодействия с различными медиа или медиапотребления и его влияния на личность и социум в целом имеют глубокие теоретические корни, являясь предметом междисциплинарного

интереса. Медиапотребление представляет собой сложный и многогранный процесс, который включает взаимодействие индивида с разнообразным медиаконтентом на всех возможных платформах. С взрывным ростом цифровых технологий и увеличением объёма потребления цифрового контента медиапотребление стало важнейшим объектом научного интереса таких дисциплин, как социология, психология, медиакоммуникации, культурология и т.д.

Первоначально в научной литературе медиапотребление среди детей, особенно младшего возраста, рассматривалось сугубо с негативной точки зрения. Речь шла о неблагоприятных последствиях для когнитивных способностей, развития клипового мышления, «цифрового слабоумия» (уменьшение использования собственных умственных способностей за счёт использования цифровых устройств), компьютерной и интернет-зависимости (особенно в случае с компьютерными играми у детей) и снижения уровня интеллектуальных способностей в целом [1].

В то же время существует и другой подход, акцентирующий внимание на позитивном влиянии цифровых устройств с точки зрения их внедрения в образовательный процесс детей. Так, цифровые технологии становятся необходимым элементом мультимедийной интерактивной обучающей среды, способствуя развитию интереса детей к обучению, созданию благоприятного эмоционального фона в коллективе, социализации личности [1].

Можно отметить, что и в общественной дискуссии специалистов по раннему развитию, педагогов, практикующих психологов, представителей родительского сообщества акцент смещается в сторону сознательного контроля, прежде всего родительского, за неизбежным процессом ранней цифровизации современного поколения детей (в противовес их бесконтрольному свободному использованию).

Исследования показывают, что возраст знакомства детей с мобильными устройствами и интернет-технологиями снижается, а уровень их медиаграмотности в использовании подобных технологий растет [2].

Как правило, дети 3–6 лет еще не имеют собственного смартфона, и в этом возрасте можно говорить о детско-родительском медиапотреблении [3]. Но уже в возрасте 6–8 лет «умное устройство» (телефон или «умные часы») появляется у большинства детей. Родители сознательно покупают смартфон юному школьнику и с точки зрения безопасности (ребенок всегда на связи), и с точки зрения его удобства (в телефоне есть калькулятор, фотоаппарат, можно воспользоваться онлайн-энциклопедией или, по крайней мере, задать вопрос «Яндекс–Алисе»), и с точки зрения социализации ребенка (обучение медиакультуре – навыкам общения по телефону, взаимодействию со сверстниками в классных чатах и т.д.).

Это подтверждают и данные Mediascope, представленные в докладе «Дети в цифрах, дети в цифре» весной 2025 г. Так, ключевым устройством для выхода в интернет у детей является смартфон. Уже 36 % детей 4–5 лет владеют личным смартфоном, среди детей 6–8 лет смартфон есть уже у 69 %, в возрасте 9–13 лет – у 88 %, а среди подростков 14–17 лет этот показатель достигает 92 % [4].

Чем старше становятся дети, тем больше времени они проводят в интернете самостоятельно, без помощи взрослых. Согласно данным опроса *Mediascope*, 46 % респондентов в возрасте 4–6 лет (они отвечали на вопросы сами или с помощью родителей) проводят в интернете почти каждый день, 52 % опрошенных в этой группе могут это делать самостоятельно. В возрасте 6–8 лет эти показатели выше: 69 и 79 % соответственно. В группе подростков 9–11 лет эти данные приближаются к 100 %.

При этом время, которое подросток 12–17 лет проводит ежедневно в интернете, равно 1/4 суток – в среднем 6 часов 48 минут [4]. Присутствие в сети в сравнении с другими медиаканалами (радио и ТВ) в группе 12–24 лет имеет самый высокий показатель среди других возрастных групп (25–34, 45–54, 55–64, 65 и старше).

В возрастной группе 12–17 лет подростки проводят время в социальных сетях (25 %), смотрят видеоконтент (22 %), общаются в мессенджерах (20 %). Эти активности в интернете наиболее популярны. Вопреки распространённому мнению, сетевые игры занимают лишь пятую позицию – только 10 % опрошенных увлекаются этим в интернете. Самые популярные социальные сети среди подростков – «ВКонтакте» (92 %), *Telegram* (91 %), *TikTok* (81 %).

Какой же контент потребляют современные дети? Согласно данным ведущих российских платформ (VK Видео, *Kion, Wink* и др.), за последнее время увеличивается спрос на детско-родительский контент (или семейный контент) [5]. Это связано с перераспределением потока медиапотребления в российском сегменте интернета в сторону отечественных платформ в связи с замедлением работы *YouTube*.

Причём явный перевес идёт в сторону отечественного контента. В дошкольном возрасте речь в основном идёт о мультфильмах (среди них популярны «Три кота», «Маша и Медведь», «Леди Баг и Супер-Кот», «Барбоскины»). В категории 6–9 лет в предпочтениях у детей уже появляются детские или семейные кинофильмы, сериалы и первое знакомство с блогерами. Более старшая аудитория увлекается фильмами, сериалами и блогерами постарше.

В топе по запросам пользователей в возрасте 12–17 лет – аниме и российские сериалы: «Слово пацана», «Магическая битва», «Монолог фармацевта». Как видно из синопсиса данных кинопроизведений,

они больше связаны с преодолением сложностей в жизни подростков и совсем далеки от традиционных ценностей.

Самые популярные блогеры в категории 4–17 лет вне зависимости от гендера – это блогеры, рассказывающие о распаковке товаров и всевозможных лайфхаках, лайфстайл-дети-блогеры, обзоры на фильмы или игры. Особой популярностью во всех возрастных группах детей пользуется блогер под псевдонимом «Влад А4» [4; 6]. Свой *YouTube*-канал он создал в 2014 г., в нём он публиковал преимущественно развлекательный контент: плейлист челленджей с едой, где он пробует еду и экспериментальным путём выбирает лучшие соусы к ним; серия роликов «Чтобы выжить», где ребята проходят различные испытания, а за неверные шаги на них падают предметы, и участники оказываются в бассейне или в яме с неприятными жидкостями.

Стоит отметить, что у детей растут и ключевые навыки использования возможностей диджитал-среды. Так, те же данные *Mediascope* свидетельствуют о том, что уже в возрасте 9–11 лет около 60 % детей обладают навыками работы с фотографиями (редактирование), почти 40 % умеют работать с видео (монтаж), более 25 % способны озвучивать видео и даже создавать стикеры [4].

В целом современные дети более адаптивны к жизни в цифровом мире, а навыки скроллинга и лайков они осваивают раньше, чем элементарные бытовые умения. Так, медиаиндустрия пополняется *UGC* – пользовательским контентом, где автор – ребёнок, который транслирует информацию без модерации. В силу близости к аудитории она может быть принята безоговорочно на веру или, наоборот, получить критику и стать объектом буллинга.

В таких условиях особое место занимает роль и ответственность родителей за медиапотребление подрастающих членов семьи. В иностранных источниках это понятие получило название «родительская медиация», которая рассматривается как посредническая роль родителя в развитии навыков детей использовать различные медиа, формировании медиапространства семьи (ограничение количества цифровых устройств в доме и их доступность), стремлении к позитивному влиянию медиа на развитие ребёнка и минимизации их негативного воздействия [7].

Стратегия родительской медиации будет зависеть от множества факторов: собственной модели взаимодействия с медиа (необходимо помнить, что дети прежде всего имитаторы – если они видят, что взрослые постоянно «зависают» в телефоне, дети также будут стремиться к этому); демографических факторов (возраст, пол, уровень образования и доход семьи также влияют на выбор стратегии).

А сами методики родительской медиации зависят от типа контента и варьируются от установки системы «родительского контроля» за медиа и их доступностью для детей, ограничения экранного времени до совместного проведения времени за образовательным контентом. Однако эти механики контроля медиапотребления дети легко могут преодолеть с помощью «подсказок» в самом интернете.

В этом случае встаёт вопрос развития в школьной среде медиаобразования, включающего предметную область и внеучебные практики, направленные на повышение медиаграмотности, развитие критического мышления и владение инструментами создания достоверного контента, соответствующего этическим и законодательным нормам и принципам, принятым в обществе.

Безусловно, при таком росте детского медиапотребления и растущем спросе (детско-родительский контент – одна из самых растущих категорий в цифровых сервисах) не отстаёт и предложение [8]. Сегодня российская медиаиндустрия активно предлагает юным потребителям всевозможный отечественный контент: мультфильмы и аудиосказки для самых маленьких, для детей постарше – переосмысление старой доброй классики: детские фильмы и сериалы по мотивам советских сказок на новый современный лад и т.д.

Причём во всём этом многообразии важно, чтобы растущее предложение отвечало требованиям, воспроизводило принятые ценности, соответствовало интересам аудитории и могло соперничать с пользовательским контентом.

Литература:

1. Горбунова А.Ю. Роль цифровых технологий в когнитивном развитии дошкольника: Постановка проблемы. URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-6/psycho-paginated-science/role-digital-technologies.html?showall=1&limitstart= (дата обращения: 22.07.2025).
2. Cristia A., Seidl A. Parental Reports on Touch Screen Use in Early Childhood // PLoS One. 2015. № 10(6). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0128338 (дата обращения: 21.07.2025).
3. Особенности детского медиапотребления: основные тренды. URL: https://licensingrussia.ru/article/13733-osobennosti-detskogo-mediapotrebleniia-osnovnye-trendy/ (дата обращения: 20.07.2025).

4. Дети в цифре: как устроено медиапотребление детей и подростков в интернете. URL: https://mediascope.net/news/2928544/ (дата обращения: 20.07.2025).
5. Особенности детского медиапотребления: основные тренды. URL: https://licensingrussia.ru/article/13733-osobennosti-detskogo-mediapotrebleniia-osnovnye-trendy/(дата обращения: 20.07.2025).
6. Недетский спрос на детский контент. URL: https://telesputnik.ru/materials/content/article/nedetskii-spros-na-detskii-kontent (дата обращения: 20.07.2025).
7. Nikken, P., Schols, M. How and Why Parents Guide the Media Use of Young Children. URL: https://www.researchgate.net/publication/273518355_How_and_Why_Parents_Guide_the_Media_Use_of_Young_Children
8. «МТС Медиа»: детско-родительский контент – одна из самых растущих категорий в цифровых сервисах. URL: https://www.bfm.ru/news/551271 (дата обращения: 20.07.2025).

Children in the Digital World: Features of Media Consumption

Ziyatdinova E.M., Fatykhova D.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

Modern children are born in the era of total digitalization. We can safely classify them as a generation of "digital aborigines". Many of them have their first gadget in their hands in the first year of life, as soon as the skill of holding objects in their hands begins to develop. Further, the control of children's media consumption depends on the parents' consciousness and lifestyle. And if a few years ago there was a widespread attitude that children should be kept away from digital devices for as long as possible, today this trend is changing. It's about the inevitability of children encountering the digital world and trying to consciously integrate it into their daily lives.

This article provides an overview of the theoretical and practical aspects of media consumption in modern Russian children (from 0 to 17 years old). The purpose of the study is to characterize the practice of media consumption in children in three age groups: 4-8 years old, 9-13 years old and 14-17 years old. In this regard, the data from the media behavior study of children and adolescents presented by Mediascope in April 2025 were reviewed. The authors concluded that the Internet has become an integral part of the lives of Russian children – a kind of institution of socialization that conveys norms, values and skills in an easily digestible form, sometimes without passing moderation for compliance with ethical standards, reliability, competent and correct presentation.

Keywords: media content, cognitive distortions, children, social media, media consumption, media literacy

УДК 314.622
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-276-280

Модели современного родительства: нормативная, одиночная, «яжемать»

Ильиных С.А.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
Новосибирского государственного университета экономики
и управления «НИНХ»

Статья посвящена изучению проблематики моделей современного родительства. Актуальность темы исследования связана с изменением феномена родительства, которое отмечается не только российскими, но и зарубежными исследователями. Целью исследования – анализ разнообразных моделей родительства, а также родительской самоэффективности. Задачи исследования связаны с теоретическим и эмпирическим обоснованием различных моделей социальных практик родительства в российских реалиях. Научная значимость заключается в исследовании корреляции родительской самоэффективности и различныхых моделей родительства. Обосновано, что появление нормативной, одиночной моделей, родительства с высокой степенью детоориентированности «яжемать» и других моделей родительства следует рассматривать не только в контексте личного выбора родителя, но и с точки зрения развития личности ребенка. В эмпирическом исследовании, проведенном в 2025 г., выявлено, что нормативное и одиночное родительство оцениваются как личный выбор родителя. Однако если для развития личности ребенка нормативная модель родительства является более адекватной, то при выборе одиночного родительства возникают существенные социальные последствия для развития ребенка – неуверенность в себе, нелюбовь, недоверие к другим. Модель социальной практики родительства «яжемать» оценивается как проблемная для развития личности ребенка. В заключении резюмируется, что при выборе модели родительства важен фокус внимания как на роли родителя, так и развитии личности ребенка.

Ключевые слова: *родительство, нормативное родительство, одиночное родительство, «яжемать», родительская самоэффективность*

Для цитирования: *Ильиных С.А. Модели современного родительства: нормативная, одиночная, «яжемать» // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 276–280. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-276-280.*

Проблематика родительства актуальна как в российском, так и в зарубежном дискурсе. Многочисленные исследования убедительно это доказывают. Так, среди российских можно выделить работы О.М. Вербиановой, Е.В. Улыбиной [1], Н.С. Клименко [2], Т.В. Черкасовой [3] и др.; среди зарубежных – Д. Элкинд [4], Р. Гиллеспи [5], С. Джонсон и Е. О'Коннор [6] и др. Стоит отметить, что феномен родительства подвергся кардинальным изменениям даже за последние 20 лет. В исследованиях, посвященных изучению родительства, Т. Аренделл выделил два основных тренда за этот временной период [7]. В первом оно исследуется в контексте места родителя в социуме, во втором изучаются более раз-

нообразные практики воспитания и то, как новый опыт воспитания переживается родителями. Появляется тематика родительской самоэффективности, то есть переживания родителями собственной успешности в этой роли. Таким образом, современное родительство трактуется не только с позиции естественной социальной практики и выполнения традиционных ролей отца и матери. В соответствии с трендами развития социума, ориентированными на индивидуализм, успешность, появляется феномен «успешного родительства».

Что касается второго тренда, то в российских реалиях также появляются самые разнообразные модели социальных практик. Сюда относятся сознательный отказ от родительства (так называемый феномен «*чайлдфри*» (в переводе с англ. – «свободный от детей»)), родительство с высокой степенью детоориентированности (так называемые феномены «*яжемать*», «*бежевые мамы*»), одиночное родительство и т.д.

Учитывая то, что оба тренда развиваются в одном историческом периоде и сосуществуют одновременно, выскажем предположение о корреляции феномена родительской самоэффективности и разнообразных моделей родительства. Отметим парадокс: его суть заключается в том, что представители родительства с высокой степенью детоориентированности («*яжемать*», «*бежевые мамы*») оценивают себя с позиции родительской самоэффективности достаточно высоко. Однако с позиции развития личности ребенка эти формы родительства представляют собой вариант «родительской неэффективности». Поскольку самоэффективность побуждает браться за решение стоящей перед родителем проблемы и определяет, насколько настойчиво будет ее решать. К примеру, родительство с высокой степенью детоцентричности («*яжемать*») требует привилегированного отношения к собственной персоне по причине своего материнства, допускает попустительство в воспитании собственных детей, не считается с комфортом окружающих [8].

Показательно, что в модели родительства с высокой степенью детоцентричности («*яжемать*») происходит форматирование отношений с другими людьми по принципу власти-подчинения. Однако такие отношения вряд ли могут быть полезны детям таких родителей, поскольку они нередко становятся свидетелями или даже участниками конфликтных ситуаций. Отметим, что такая родительская культура весьма негативно сказывается как на детях родителей с высокой степенью детоцентричности, так и на других участниках коммуникации. Вероятно, имплицитная проблема, лежащая в основании выбора таких моделей родительства, заключается в оценке родителями своей роли, вернее, в переоценке и сосредоточении именно на родительской роли. В такой ситуации неизбежно смещается фокус внимания с развития личности ребенка. Лингвисты приводят речеповеденческие и ментальные установки представителей модели родительства с высокой степенью детоцентричности («*яжемать*»): «Это категория, как правило, туповатых, хамоватых, плохо или совсем не образованных женщин. Они не могут похвастаться не только минимальным воспитанием и знаниями, но и даже просто наличием элементарной материнской любви. … Яжемать отличается от нормальной матери тем, что она считает, что как только она приняла статус матери, ей все обязаны, она самая умная и сам ребенок должен быть ей благодарен и ни в коем случае не перечить ей до самой смерти, потому что она МАТЬ, она лучше знает, что ему нужно, даже лучше своего ребенка» [9, с. 51–52].

Родительство исследуется также в аспекте вариации нормативных моделей и диверсификации форм семьи. Ненормативное родительство чаще всего представлено одиночным, или, как сейчас принято говорить, монородительством («соло»). К.Н. Поливанова называет неполную семью «бесформенной», а жизнь ребёнка в ней – бесконечным путешествием с одним родителем [10].

Можно говорить о том, что одиночное родительство также является вариантом «родительской неэффективности». А.Н. Волкова и Е.Г. Якушенко отмечают, что в ситуации одиночного родительства мать находится в постоянном эмоциональном стрессе и часто становится источником повышенного беспокойства для своего ребенка. Мать может «привязывать» ребенка к себе, в результате чего у него формируются пассивность и зависимость. Авторы апеллируют к работам П.Р. Амато, который полагает, что такая модель поведения негативно сказывается на развитие личности ребенка. У него формируются неадекватные чувство привязанности и доверия к окружающему миру, что впоследствии приводит к эффекту эмоциональной депривации [11, с. 128].

В социологическом исследовании одиночного материнства Т.К. Ростовской, О.А. Хасбулатовой и И.Н. Смирновой выявлено, что одинокие матери испытывают тревогу, чувство усталости от преодоления трудностей. Им сложно воспитывать детей в одиночку, они не удовлетворены поддержкой со стороны государства и находятся в постоянном раздражении [12, с. 39].

Итак, современное родительство – это сложное явление, поскольку каждый из родителей имеет свои представления о своей роли, ценностно-ориентационные установки в отношении детей и их воспитания. На эти представления влияют социокультурные факторы, средства массовой информации и социальные сети, изменяя и трансформируя нормативные модели родительства и формируя новые.

В связи с представленной теоретической рамкой возрастает актуальность эмпирического исследования современных моделей родительства: норма-

тивного, одиночного и феномена «*яжемать*». Для решения этой задачи под руководством автора статьи в мае – июне 2025 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 295 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет: 34,2 % (18–21 год), 43,1 % (22–25 лет), 22,7 % (26–30 лет). Выборочную совокупность составили жители города Новосибирска. Метод исследования – анкетный опрос. Применен тип целенаправленной выборки, поскольку в число в респондентов входили только представители молодого поколения.

Как указывалось в теоретической части работы, на родительство влияют самые разные факторы, включая социокультурные. Эта идея нашла подтверждение в исследовании: 40 % опрошенных полагают, что влияние этого фактора на родительство существенное, 41,7 % – частичное. Всего 13,6 % опрошенных считают, что нет существенной связи.

Рассмотрим мнения опрошенных в отношении нормативного родительства. Оказалось, что эта модель родительства оценивается по-разному (см. рис. 1).

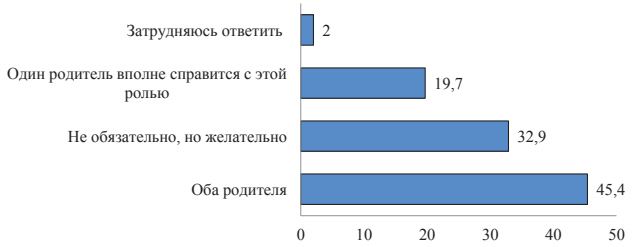

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, ребенку обязательно нужны оба родителя для полноценного развития?», %

Примерно половина опрошенных высказываются в пользу нормативного родительства (45,4 %). Каждый третий говорит о таком родительстве как о желательном, но необязательном (32,9 %). Показательно, что каждый пятый считает возможным одиночное родительство (19,7 %).

Однако, несмотря на либеральное отношение к родительству как самостоятельному выбору каждого из родителей, большинство опрошенных признают, что одиночное родительство негативно сказывается на ребенке. Так, утвердительно о негативном влиянии высказываются 29,2 % респондентов. 50,8 % поддерживают эту идею, но уточняют, что в некоторых аспектах. Не согласны с негативными последствиями одиночного родительства лишь 4,7 %.

В открытом варианте ответа опрошенные высказались следующим образом о негативных аспектах одиночного родительства для детей: *«грусть», «буллинг», «отсутствие примера как модели поведения мужчины/женщины в обществе, искаженное восприятие, необходимость брать пример с других источников (интернет, знакомые, бабушки/дедушки)», «будущее недоверие к партнеру», «дефицит внимания», «неадекватное отношение к противоположному полу, неумение завести собственную семью и жизнь», «нехватка любви», «заниженная самооценка», «финансовые трудности»* и др.

Полученные результаты позволяют сделать следующие промежуточные выводы. Хотя одиночное родительство оценивается как личный выбор одного из родителей, социальные последствия этого выбора для детей оказываются существенными – неуверенность в себе, нелюбовь, недоверие к другим и т.д. Как нам представляется, не принимать это во внимание нельзя, учитывая, что в обществе актуализируются феминистические модели поведения «самодостаточных женщин», стремящихся к одиночному родительству.

И последний аспект, который представим в рамках статьи, касается модели родительства «яжемать». Согласно результатам исследования, социальное поведение «*яжемать*» нередкое явление, встречаемое в жизни. 18,3 % опрошенных отметили, что часто приходилось сталкиваться с такими родителями, 52,5 % – иногда, 22,7 % – редко, и лишь 6,4 % ответили, что им никогда не приходилось сталкиваться с подобным.

Что касается оценки подобного социального поведения, то для большей части опрошенных оно является проблемой (см. рис. 2).

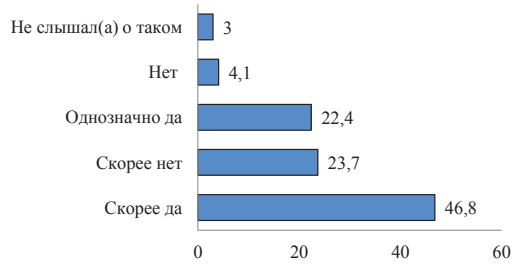

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы поведение «*яжемать*» проблемой?», %

Отметим, что социальное поведение родителей, избирающих модель «*яжемать*», неверно считать абсолютно новым. Агрессивность, неадекватная опека, гиперопека, «нарциссическая ловушка» восприятия себя и своего ребенка – все это было и в советские, и в постсоветские времена. Однако в настоящее время, благодаря высокой конкурентности между людьми в социуме (причем нередко безосновательной) и агрессивности социальной среды, эта модель родительства стала более востребованной. К сожалению, она не несет особенных выгод ни самому родителю, ни ребенку.

Подведем итоги. Модели современного родительства в настоящее время многообразны. Выбор в пользу нормативного родительства или монородительства, выбор такой модели поведения, как «яжемать» определяется личностью, но в то же время оказывается под влиянием разного рода факторов – социокультурного, информационного и других.

Хотелось бы обратить внимание на то, что, избирая ту или иную модель, родителю важно в центре внимания держать не только себя, но и ребенка.

Есть основания утверждать, что сегодня существенную актуальность приобретает задача подготовки молодежи к семейной жизни, как бы банально это ни звучало. Образы семейной жизни, которые транслируются в современном кино, театре, СМИ, должны активно и целенаправленно корректироваться институтами образования и государственной власти. Это большая, но архиважная задача, поскольку, игнорируя модели «родительской неэффективности», общество может столкнуться в дальнейшем с колоссальным вызовом – существенной долей тревожных, пассивных, сосредоточенных на себе детей, а затем и взрослых.

Литература:

1. Вербианова О.М., Улыбина Е.В. Современное родительство: трудности в воспитании детей раннего и дошкольного возраста // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. № 6 (46). С. 149–158.
2. Клименко Н.С. «Чайлдфри» и «Яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 59–62.
3. Черкасова Т.В. Многообразие феномена родительства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 7. С. 1–4.
4. Elkind D. Ties that Stress: The New Family Imbalance. Harvard: Harvard University Press, 2009. 253 p.
5. Gillespie R. Childfree and feminine Understanding the gender identity of voluntarily childless women // Gender and Society. 2003. Vol. 17. № 1. P. 122–136.
6. Johnson S., O'Connor E. The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood. New-York. NYU Press, 2002. 280 p.
7. Arendell T. Conceiving and investigating motherhood: The decade's scholarship //Journal of Marriage and Family. 2000. T. 62. № 4. P. 1192–1207.
8. Альбрехт Ф. Б. К проблеме лингвистической интерпретации образований яжемать, онжеребёнок // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2019. № 60. С. 11–27.
9. Чернышева Д.А., Шалина И.В. Лингвокультурный типаж «яжемать» по данным интернет-общения // Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых. Вып. 9. Екатеринбург: Издат. Дом «Ажур», 2020. С. 48–54.
10. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т.7. № 2. С. 1–11.
11. Волкова А.Н., Якушенко Е.Г. Одинокое материнство: психологический портрет проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2009. № 1. С. 123–136
12. Ростовская Т.К., Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32–42.

Models of Modern Parenthood: Normative, Single, «Yazhemat»

Ilynykh S.A.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to the study of the problematic models of modern parenthood. The relevance of the research topic is related to the changing phenomenon of parenthood, which is noted not only by Russian but also by foreign researchers. The purpose of the study is to analyze various models of parenting, as well as parental self-efficacy. The research objectives are related to the theoretical and empirical substantiation of various models of social parenting practices in Russian realities. The scientific significance lies in the correlation of parental self-efficacy and diverse parenting models. It is proved that the emergence of normative, single, parenting with a high degree of child-centered «yazhem» and other models of parenting should be interpreted not only in the context of the parent's personal choice, but

also from the point of view of the child's personality development. An empirical study conducted in 2025 revealed that normative and single parenting are assessed as a personal choice of a parent. However, if the normative model of parenthood is more adequate for the development of a child's personality, then choosing single parenthood has significant social consequences for the child's development – self-doubt, dislike, and distrust of others. The model of social parenting practice «yazhemat» is assessed as problematic for the development of the child's personality. In conclusion, it is summarized that when choosing a parenting model, it is important to focus on both the role of the parent and the development of the child's personality.

Keywords: parenting, normative parenting, single parenting, «yazhemat», parental self-efficacy

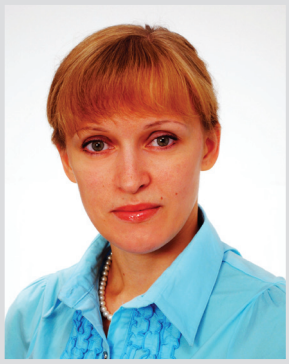
УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-281-285

Сценарии вступления в регистр доноров костного мозга (по материалам массового опроса)

Ишкинеева Ф.Ф.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Савельева Ж.В.
Доктор социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

На фоне роста числа пациентов, нуждающихся в трансплантации и страдающих онкологическими и аутоиммунными заболеваниями привлечение добровольцев в регистр доноров костного мозга становится актуальной проблемой российского общества. Сложность подбора подходящего реципиента требует увеличения банка данных на 34 %. В рамках исследовательского проекта по изучению мотивов и факторов потенциального донорства костного мозга, частной задачей выступило выявление жизненных сценариев вступления в регистр его участников. Сценарии детализируют мотивы и представляют практическую значимость, обусловленную поиском эффективных каналов вовлечения потенциальных доноров костного мозга в добровольческие практики. В статье на основе типологизации открытой части ответов анкетного опроса участников банка данных потенциальных доноров гемопоэтических стволовых клеток представлены базовые сценарии вступления в регистр. Охарактеризованы сценарии, связанные с близким социальным окружением (вступил в регистр друг, супруг, знакомый), с опытом болезни близкого (заболел член семьи, друг), сценарий социального служения (кадровые доноры крови), профессиональные сценарии (медики, представители силовых ведомств, сотрудники общественных организаций), эмоциональный сценарий (отклик на сообщение, историю в медиа), случайный сценарий (участие в мероприятии, акции).

Ключевые слова: *донорство костного мозга, социальный сценарий, регистр доноров, мотивация донорства, потенциальный донор, массовый опрос*

Для цитирования: *Ишкинеева Ф.Ф., Савельева Ж.В. Сценарии вступления в регистр доноров костного мозга (по материалам массового опроса) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 281–285. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-281-285.*

Научные инновации в современной медицине открывают новые возможности для решения проблем, связанных со здоровьем населения в области гематологических заболеваний, трансплантологии,

репродуктивного здоровья и других направлений. Донорство стволовых клеток стало революционной технологией, позволяющей излечивать серьёзные онкологические, генетические и другие заболевания, требующие трансплантации костного мозга.

Основным условием для успешной донации является совместимость *HLA*-фенотипов донора и реципиента. В связи с этим крайне важно наращивать и поддерживать банк потенциальных доноров в России. По состоянию на 30 июня 2025 г. в Федеральном регистре доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток состоит 333 109 доноров, доступных для поиска, при этом потребность составляет 500 тыс. чел. [1].

Существующие немногочисленные зарубежные и отечественные исследования, посвященные изучению траекторий вовлечения потенциальных доноров костного мозга, свидетельствуют о влиянии факторов и мотивов, связанных с социальной ответственностью, семейными ценностями, эмпатией, альтруизмом, которые значимы и для других видов донации [2–5]. По результатам социологического опроса участников регистра, сдавших гемопоэтические стволовые клетки, британские исследователи пришли к выводу что мотивы, основанные на внутренних ценностях, являются наиболее распространенными (92 %) [6]. Важно отметить, что внутренние ценности формируются не изолированно, а под влиянием социальной среды и являются результатом интернализации социальных ролей. В связи с этим раскрытие субъективных смыслов акторов и описание их жизненных траекторий представляют собой важный источник информации о мотивах поведения.

Следует подчеркнуть, что детализация типичных сценариев принятия решения о готовности стать потенциальным донором костного мозга и о вступлении в регистр пока не стала объектом пристального социологического внимания.

Таким образом, актуальной научно-практической целью является поиск эффективных механизмов привлечения потенциальных доноров в Федеральный регистр, чтобы каждый пациент при необходимости мог найти подходящего донора. Для достижения этой цели необходимо решить частную задачу – выявить базовые жизненные сценарии, то есть самоописания событийной последовательности фрагментов биографий, связанных со вступлением в регистр потенциальных доноров.

Эмпирическим объектом исследования послужили ответы на открытую часть полузакрытых вопросов потенциальных доноров регистра в массовом опросе, проведенном в 2022 г. среди потенциальных доноров из 29 регионов РФ ($N = 6314$; 77 % женщин, 23 % мужчин; 15 % – 18–29 лет, 57 % – 30–39 лет, 28 % – 40–49 лет). В рамках количественной стратегии изучались мотивы, информированность и препятствия вступления в регистр [см. в частности, 7]. Сценарии вступления в регистр доноров костного мозга, представленные ниже, были выявлены, сгруппированы, интерпретированы на базе качественной стратегии в той части ответов, где участники высказывались о моментах биографии, мотивах, факторах, которые они ассоциируют, связывают, осмысливают в контексте ситуации вступления в регистр.

Большинство респондентов в качестве ключевого мотива указывали альтруистический – помощь людям и спасение жизней: «*Людям нужно помогать*»; «*Это может спасти человека»; «Это благородное дело»; «Спасти жизнь человеку – это большое счастье!*».

Аргументы в пользу вступления в регистр у части опрашиваемых были сопряжены с тезисами либо о гражданском долге и ответственности («*Это просто необходимо для развитого социального общества, жаль, что это не все понимают»; «Это один из способов быть полезным обществу*»), либо о солидарности и ожиданиях ответной помощи в случае необходимости («*Если кому-то из нас понадобится подобная помощь, нам было бы приятно встретить своего донора-спасителя. Все под богом ходим»; «Сегодня помог ты, завтра помогут тебе*»).

Анализ событий, предшествующих вступлению в регистр, позволяет выделить несколько базовых сценариев.

Первый мы условно обозначили как «Близкий круг»: события и социальные практики людей из близкого круга выступают значимым фактором рекрутинга в регистр. К данному сценарию можно отнести около 17 % респондентов от общего количества ответивших в графе «другое», которые отмечали, что ценности и примеры семьи, друзей, коллег оказали решающее влияние на принятие решения о вступлении и сдаче биоматериалов для образцов: «*Мне было достаточно информации от людей, которые изучали самостоятельно»; «Обо всем рассказала моя девушка»; «Подруга – активист этого направления. Когда я узнала, что это есть, я не смогла оставаться в стороне»; «А кто, если не мы? Муж и подруга вступили после меня*».

Особый вариант сценария – опыт болезни близкого человека. Данная ситуация актуализирует проблему в сознании человека, делает его более осведомленным: «*Моему брату должны были делать пересадку. Он не выдержал химию при подготовке к ней»; «Моему ребенку понадобилась ТГСК. До этого вся информация о донорстве проходила вскользь»; «Мой муж перенес ТКМ от неродственного донора, и благодаря этому он жив*».

Часть респондентов указывала, что после болезни близкого человека у них возникла потребность во вступлении регистр: «*Муж болел лимфомой, ему делали пересадку, я решила тоже стать донором, может, кому помогу, очень хочется»; «Мою подругу,*

которая болела лейкозом, спасли именно благодаря донорству костного мозга. Она в ремиссии 4 года. Я осознаю всю важность работы регистра в том числе потому, что это коснулось моих близких». Доля таких респондентов составила около 10 %.

Часть опрошенных указала чувство долга перед обществом и потребность делать что-то общественно важное и значимое как ведущий мотив для принятия решения о вступлении в регистр. При этом респонденты подчёркивали, что вклад в общественное благо не должен носить материального характера. Данный сценарий был условно обозначен как «кадровый», поскольку он характерен для кадровых доноров, которые практикуют или практиковали ранее донацию крови и её компонентов: «*Раньше была донором плазмы, потом стало неудобно из-за графика, потом не смогла быть донором из-за родов, кормления грудью, решила сдать кровь для регистра, чтобы продолжить линию и идею донорства, которая была и раньше, но не было возможности воплотить»; «Сотрудники в отделении переливания крови предложили ознакомиться с брошюрой, когда приходила сдавать кровь как донор»; «Являюсь постоянным донором крови, от сотрудников донорского центра узнала о донорстве костного мозга»; «Муж после меня также вступил в регистр, плюс он является донором крови, как и я*».

Данные о наличии и распространении данного сценария подтверждаются и в работах других авторов, которые связывают его эффективность с высокой психологической готовностью доноров крови, устойчивостью их социальных связей и низкими рисками противопоказаний для донаций [8].

Общественный долг тесно связан с чувством патриотизма как любви к своей стране и желании быть полезным, быть причастным к важным процессам, протекающим в обществе. Именно такую мотивацию в желании стать донором костного мозга назвали около 3 % респондентов в графе «другое»: «*Так как база регистра в Российской Федерации небольшая, считаю, нам нужно наращивать число потенциальных доноров, чтобы была возможность оказывать помощь большему числу людей, столкнувшихся с заболеваниями»; «Из чувства патриотизма в том числе: хочется, чтобы соотечественникам не нужно было ехать в другие страны за помощью»; «Хочу сделать хоть что-то в стране лучше»; «Стыдно, что в России люди, нуждающиеся в лечении, вынуждены ехать за границу и платить деньги. Не у всех остальных и есть*». Некоторые опрошенные указывали о принятии решения в связи с геополитической ситуацией и снижением доступности трансплантации клеток от доноров, состоящих в регистрах других стран.

Анализ открытых ответов также выявил еще один сценарий, характерный для лиц, принадлежащих к определенным профессиям, которые определяют донорство как профессиональный долг. В первую очередь к данным профессиям относятся медики, которые в большей степени осведомлены о проблеме и информированы о процедуре донации, в меньшей степени подвержены мифам и стереотипам: «*Я врач по образованию, знаю о донорстве из профессиональных источников»; «Я медицинский работник – знакома с этой сферой»; «Я врач, и проблема малочисленности донорства в РФ волнует меня давно*».

Такой же сценарий характерен для представителей силовых ведомств. Еще одной группой профессионалов, соотносящих вступление в регистр с профессиональным этосом, выступают работники благотворительных организаций: «*Являлась волонтером в фонде, в нем и узнала»; «Работаю в сфере благотворительности*».

Часть участников регистра описывают свой опыт вступления через сильный эмоциональный отклик на ситуацию – реальные истории, посты, фильмы, книги о людях, которые столкнулись с заболеванием и имели шанс на выздоровление с помощью технологии донорства гемопоэтических клеток. Данный вариант вступления мы условно обозначили как эмоциональный сценарий. Он фигурирует в 12 % ответов на открытые части полузакрытых вопросов: «*Часто в социальных сетях попадаются истории людей, которые столкнулись с раком… Ключевым шагом к внесению в регистр стала история мальчика, которому сделали ТКМ в благотворительном фонде Клуб Добряков»; «Была подписана на человека, болеющего раком и ему делали пересадку костного мозга. Он говорил, что в России очень маловероятно найти себе донора из-за малой базы*».

Особо выделим кейс бывшего российского бизнесмена, основателя одного из крупнейших онлайн-банков, и его лечения с помощью донорских стволовых клеток. Данная ситуация освещалась в социальных сетях и СМИ, также был снят документальный фильм о его борьбе с раком крови. Этот информационный поток актуализировал проблему донорства костного мозга в России и стал поводом для вступления в регистр 5 % респондентов, описавших свой сценарий в открытой части вопроса: «*Начал изучать вопрос после информации из соцсетей об основателе банка..., История болезни бизнесмена, он освещал в своих соцсетях проблемы донорства костного мозга в России*».

Помимо инфлюенсеров в ходе опроса респонденты выделяли детей как особую группу, вызывающую сильную эмпатию и желание помочь в ситуациях необходимости лечения сложного заболевания: «*Всегда ставлю себя на место других людей, особенно родителей, которые хотят спасти своих детей. Если я спасу чью-то жизнь, значит моя прожита не зря»; «Хочу, чтобы у каждого был шанс на излечение, особенно у детей*».

В ходе анализа цитат потенциальных доноров был выявлен еще один сценарий, связанный с описанием случайного стечения обстоятельств, в результате которых потенциальный донор попал в регистр. Как правило, опрошенные описывали публичное мероприятие с лекцией или какую-то акцию, на которой они оказались случайно и решили сдать биоматериал: «*В вуз приезжали в рамках дня добровольца и провели лекцию»; «На работе в ПАО "Татнефть" была акция, там я и сдал кровь в надежде стать донором костного мозга»; «Увидела информацию случайно, а подробности затем уже искала целенаправленно*».

Таким образом, по результатам исследования текстов самоописаний части жизненного пути рекрутированных было выявлено пять базовых сценариев вступления в регистр доноров костного мозга: через близкое социальное окружение, социальный долг (в том числе кадровое донорство крови), профессиональную траекторию, эмоции и случай. Интересным представляется тот факт, что в текстах самоописаний ситуации вступления не фигурировали религиозные компоненты, на что указывали авторы других исследований. Продемонстрированные сценарии могут представлять интерес для оптимизации процессов вовлечения населения в регистр доноров костного мозга, в частности для адресной работы с кадровыми донорами крови, профессиональными группами медиков, силовых ведомств, лидерами общественного мнения, и активизации мероприятий информационного характера.

Литература:

1. Федеральный регистр доноров костного мозга. URL: https://kmdonor.ru/ (дата обращения: 30.07.2025).
2. Бикмуллина К.Ф., Захарова П.А., Толмачёв Д.А. Отношение студентов медицинских вузов к донорству крови и костного мозга // Modern Science. 2020. № 12. С. 42–45.
3. Hreńczuk M., Gruszkiewicz P., Małkowski P. Knowledge, opinions, and attitudes of students of Warsaw universities toward hematopoietic stem cell transplantation // Transplant. Proc. 2021. Vol. 53. № 6. P. 1784–1791.
4. Hyde M.K., Masser B.M., Coundouris S.P. A review of whole-blood donors' willingness, motives, barriers and interventions related to donating another substance of human origin // Transfus. Med. 2022. Vol. 32. № 2. P. 95–114.
5. Garcia M.C., Chapman J.R., Shaw P.J. et al. Motivations, experiences, and perspectives of bone marrow and peripheral blood stem cell donors: thematic synthesis of qualitative studies // Biol. Blood. Marrow. Transplant. 2013. Vol. 19. № 7. P. 1046–1058.
6. La Casta A.H., Shaw B.E., Anthias C. et al. Motives for joining an unrelated HSC donor registry: description, categorization, and association with donor availability // Bone. Marrow. Transplant. 2019. Vol. 54. № 3. P. 425–431.
7. Ишкинеева Ф.Ф., Савельева Ж.В., Герова О.А., Фахретдинова Л.М., Гайфуллина Р.Ф. К проблеме совершенствования способов набора потенциальных доноров костного мозга в российской популяции // Казанский медицинский журнал. 2024. Т. 105. № 3. С. 443–451. DOI: 10.17816/KMJ633026
8. Попкова Н.Г., Данилова В.А. Механизмы вовлечения доноров крови в донорство костного мозга. 2022. № 2. С. 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-vovlecheniya-donorov-krovi-v-donorstvo-kostnogo-mozga (дата обращения: 27.08.2025).

Scenarios for Joining the Bone Marrow Donor Registry (Based on a Mass Survey)

Ishkineeva F.F., Saveleva Zh.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

With the increasing number of patients with cancer and autoimmune diseases requiring transplants, recruiting volunteers to the bone marrow donor registry is a pressing issue for Russian society. Difficulties in selecting a suitable recipient dictate the need to expand the database by 34%. A research project to study the motives and factors for potential bone marrow donation focused on identifying the life scenarios for registry participants. These scenarios detail motivations and have practical significance, driven by the search for effective channels for engaging potential bone marrow donors in volunteer activities. This article, based on a typology of open-ended responses from a questionnaire survey of participants in a

database of potential hematopoietic stem cell donors, presents basic scenarios for registry entry. The following scenarios are characterized: those related to the close social environment (a friend, spouse, acquaintance joined the register), the experience of a loved one's illness (a family member or friend fell ill), a social service scenario (career blood donors), professional scenarios (medical workers, representatives of law enforcement agencies, employees of public organizations), an emotional scenario (response to a message, a story in the media), and a random scenario (participation in an event, campaign).

Key words: bone marrow donation, social scenarios, donor registry, motivation for donation, potential donor, mass survey

УДК 316.74
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-286-293

Основные тенденции в вопросе получения религиозных знаний среди прихожан мечетей Татарстана (на примере города Казани)

Липатова Т.Н.
Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

В статье представлены результаты исследования, проведенного сотрудниками Центра исламоведческих исследований, одним из направлений которого выступил блок вопросов о религиозном образовании, а также потребностях в нем среди прихожан мечетей города Казани[1]. Цель исследования – выявить потребность прихожан мечетей города Казани в религиозных знаниях и религиозном образовании. Полученные результаты будут способствовать не только созданию эффективной инфраструктуры и конструктивных форм получения религиозного образования различными группами мусульманского сообщества, но и значительно сократят риски обращения мусульман к деструктивным и недостоверным источникам знаний, что особенно актуально в связи с увеличением доли мигрантов в мусульманских сообществах.

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса мусульман, посещавших наиболее крупные мечети в городе Казани во время пятничных намазов осенью 2021 г. Полученные результаты позволили сделать вывод о большой потребности в религиозных знаниях и наличии высокого спроса на все уровни религиозного образования среди активно верующих мусульман Казани. Результаты исследования также показали высокую удовлетворенность прихожан мечетей развитостью и доступностью системы религиозного образования, а также количеством и качеством мусульманской литературы, что дает значительный кредит доверия существующей системе религиозного образования в Татарстане.

Ключевые слова: *ислам, религиозное образование, мусульмане, курсы при мечети, медресе*

Для цитирования: *Липатова Т.Н. Основные тенденции в вопросе получения религиозных знаний среди прихожан мечетей Татарстана (на примере города Казани) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 286–293. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-286-293.*

На сегодняшний день проведен ряд исследований, прежде всего направленных на изучение социально-демографических характеристик обучающихся в системе исламского образования Республики Татарстан, анализ их жизненных стратегий, особенностей религиозной социализации и профессиональных ориентаций [1–5]. В данной статье представлены результаты социологического исследования, объектом которого явились представители различных социально-демографических групп сообщества религиозно активных мусульман – прихожан мечетей города Казани. Представленные данные предлагают вниманию лишь часть результатов проведенных в 2020–2021 гг. сотрудниками Центра

[1] Исследование выполнено сотрудниками Центра исламоведческих исследований в рамках республиканской подпрограммы «Профилактика экстремизма и терроризма в Республике Татарстан» (2021 г.)»

исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан социологических исследований, целью которых явилось изучение социального самочувствия религиозно активных мусульман Татарстана. Значимым показателем наряду с потребностями материального характера выступил запрос на духовное развитие – получение религиозных знаний и религиозного образования.

Эмпирическую базу исследования в 2021 г. составили данные опроса религиозно активных мусульман в 14 наиболее крупных мечетях города Казани, совершающих коллективный пятничный намаз. Столица Татарстана как основа выборки была определена исходя из гипотезы, что значительную долю религиозно активных мусульман Казани составляют мигранты.

Сбор эмпирических данных осуществлялся каждую пятницу с сентября по ноябрь 2021 г. Всего было опрошено 1324 прихожан, в результате выбраковки для анализа остались 1074 анкеты.

Опрос проводился путем сплошного анкетирования всех совершеннолетних, участвовавших в исполнении коллективных пятничных намазов в попавших в выборку мечетях города в дни проведения опроса, как в мужских, так и в женских молельных залах. Географически мечети, в которых проводились опросы, находятся как в историческом центре города Казани, так и в спальных районах.

Основным инструментом сбора информации явилась анкета, которая была также переведена на два иностранных языка – узбекский и таджикский, поскольку ожидалось, что определенную долю опрошенных составят мигранты-мусульмане из стран СНГ, которые в силу незнания русского языка могут затрудниться с заполнением анкет.

Технология опроса включала как раздачу анкет прихожанам лично при входе в мечеть, так и их раскладку в молельном зале до намаза/проповеди.

Национальный состав опрошенных на 65,5 % представлен татарами, на 13,1 % узбеками, на 12,5 % таджиками, а также другими национальностями, суммарная доля которых не превышает 8 %, в том числе 3,7 % – национальности России (русские, башкиры, марийцы, аварцы, дагестанцы, ингуши, лезгины, чеченцы), 2,4 % – прочие национальности стран СНГ (казахи, туркмены, азербайджанцы, киргизы). Среди опрошенных также оказались граждане Алжира, Сьерра-Леоне, Индонезии, Турции (не более 1 %). Несколько человек считают себя булгарами, мусульманами, метисами. Таким образом, доля иностранцев среди опрошенных религиозно активных мусульман Казани составила 29 %.

Возрастная структура опрошенных представлена следующими группами: 18–24 года – 15 %, 25–34 года – 26,7 %, 35–44 года – 28,8 %, 45–54 года – 11,2 %, старше 55 лет – 14,2 %.

Поскольку посещение женщинами мечетей не является обязательным в исламе, их доля среди опрошенных очень мала – не более 5 %.

Немногим менее половины опрошенных (46,8 %) являются в Татарстане приезжими: 11 % прибыли менее 1 года назад, 13,4 % – от 1 года до 5 лет назад, 6 % – от 5 до 10 лет назад, 16,4 % – более 10 лет назад. В общей структуре опрошенных 16,6 % составляют приезжие татары, 3,2 % – представители других национальностей России (русские, чеченцы, дагестанцы, ингуши, башкиры), переехавшие в Татарстан на постоянное место жительства, 26 % – приезжие из стран СНГ (узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены, азербайджанцы), не более 1 % – приезжие граждане дальнего зарубежья (алжирцы, индонезийцы, турки и т.д.).

Доля тех, кто не был рожден в Казани, составила 75 %, при этом 31,4 % проживают в Казани более 10 лет, 11,2 % – от 5 до 10 лет, 15,6 % – от 1 года до 5 лет, 12,6 % – менее 1 года.

Чем моложе прихожане мечетей, тем больше среди них приезжих. Так, в возрастной группе 18–24 года только 25 % являются прихожане, родившиеся в Татарстане, и лишь 12 % уроженцами Казани – основную долю составляют мигранты первых пяти лет пребывания (59 %). В возрастной группе 25–34 года каждый второй прихожанин родился в Татарстане, уроженцем Казани – каждый пятый, а доля мигрантов первых пяти лет пребывания составляет не более 24 %. Среди религиозно активных мусульман в возрастной группе 35–44 года 60 % родились в Татарстане, 31 % – в Казани, а доля мигрантов первых пяти лет пребывания в республике сократилась до 15 %. В возрастной группе 45–54 года уроженцем Татарстана является каждый второй, уроженцем Казани – каждый четвертый, однако достаточно велика доля мигрантов первого года пребывания – 14 %, что также характерно для молодежи 18–24 года. В группе 55 лет и старше – прихожане, родившиеся в Татарстане составляют 70 %, уроженцы столицы – 40 % (см. рис. 1, 2).

Касаясь социально-профессионального статуса религиозно активных мусульман Казани, необходимо отметить, что доля трудоустроенных составляет 75 %, учащихся на очном отделении – 9,1 %,

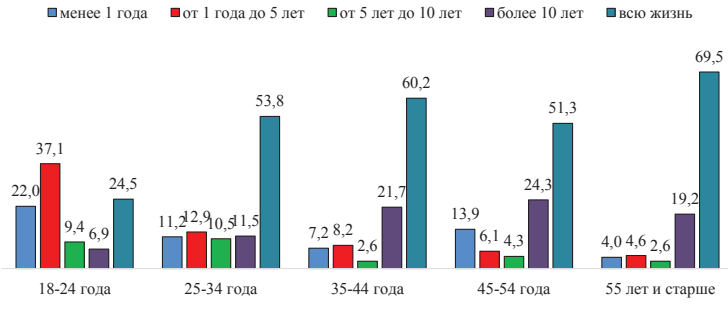

Рис. 1. Длительность проживания прихожан в Республике Татарстан в возрастных группах, %

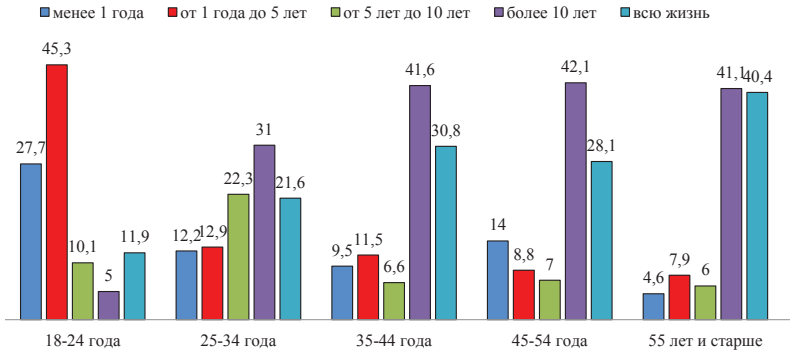

Рис. 2. Длительность проживания прихожан в Казани в возрастных группах, %

неработающих пенсионеров – 6,7 %, безработных, в том числе домохозяек – 5,3 %. У основной доли профессионально занятых трудовая деятельность не связана с религией (86 %), и лишь седьмая часть работают в религиозной сфере (14 %).

Светское образование имеют все респонденты, среди которых половина с высшим образованием (54,6 %), по одной шестой со средним профессиональным (15,9 %) и средним (17,8 %) и небольшие доли с неполным средним образованием (5,7 %) и ученой степенью (2,7 %).

Среди прихожан мечетей религиозное образование есть у каждого третьего (36,2 %). В основном оно представлено начальным уровнем – примечетскими курсами, которые прошли 20,8 % опрошенных, 11,2 % имеют среднее религиозное образование (медресе), 3,7 % получили высшее религиозное образование.

Уровень собственной материальной обеспеченности религиозно активные мусульмане в целом оценивают как выше среднего. Около половины могут без труда приобрести вещи длительного пользования (49,3 %), каждый пятый указал, что денег хватает на продукты и одежду (21,3 %), 8,3 % могут купить только продукты питания, но покупка других необходимых товаров, например, одежды, становится проблемой. Существует также доля нуждающихся, едва сводящих концы с концами, кому денег не хватает иногда даже на продукты (2,5 %). В то же время 7,2 % ни в чем себе не отказывают и могут позволить такие крупные покупки, как автомобиль и квартира.

Таким образом, социально-демографический портрет религиозно активного мусульманина, принимающего участие в пятничном Джума-намазе в мечетях города Казани, представлен мужчиной, татарином по национальности в возрасте от 25 до 44 лет, с высшим образованием, родившимся в Татарстане и переехавшим в Казань более 10 лет назад, имеющим материальный достаток выше среднего и занятым в профессиональной сфере, не связанной с исламом.

Согласно результатам исследования, потребность в религиозных знаниях испытывают порядка 67 % мусульман. Корреляции по возрасту и длительности проживания в регионе показали, что в большей степени данная потребность характерна для мигрантов первого года пребывания в республике, прихожан, родившихся в Татарстане, а также прихожан из возрастной группы 45–54 года (см. рис. 3, 4).

Анализ ответов на вопрос о необходимости получения религиозного образования показывает высокую потребность в нем среди прихожан мечетей – 72 % нуждаются в дополнительном религиозном образовании. Наиболее высокий запрос существует среди мигрантов, проживающих в Татарстане не более 1 года (81 % в этой группе), а также мусульман старше 55 лет (83 % в этой группе), наименьший – среди прихожан, родившихся в Татарстане 25–34 года (порядка 68 %) (см. рис. 5, 6).

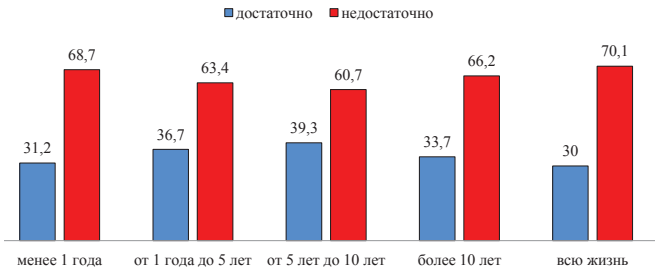

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Достаточно ли Вам религиозных знаний?» в группах приезжих и коренных жителей Татарстана, %

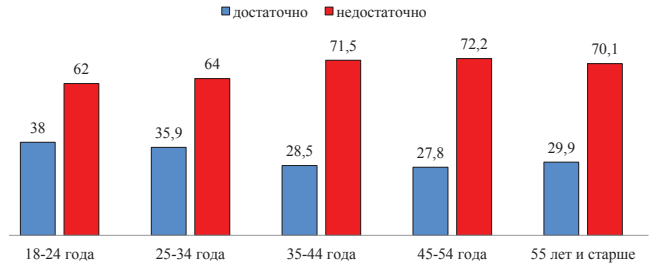

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Достаточно ли Вам религиозных знаний?» в возрастных группах, %

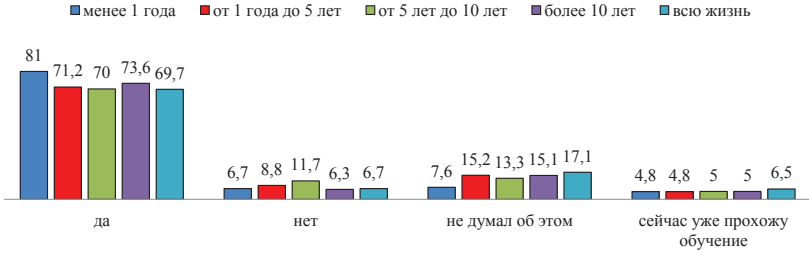

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Нуждаетесь ли Вы в дополнительном религиозном образовании?» в зависимости от длительности проживания в РТ, %

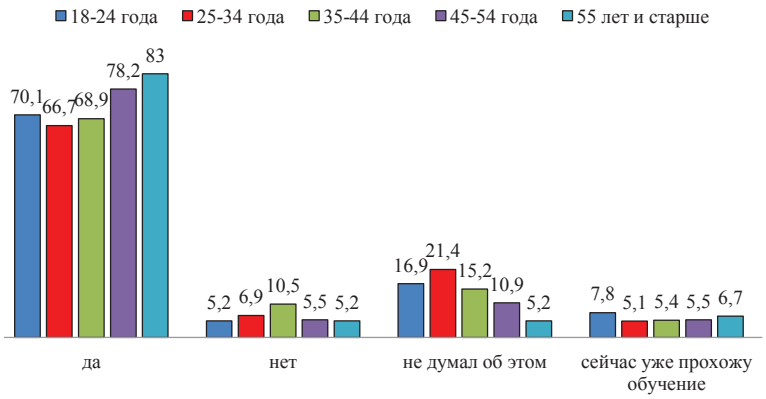

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Нуждаетесь ли Вы в дополнительном религиозном образовании?» в зависимости от возраста, %

Стремление прихожан к удовлетворению потребности в религиозных знаниях посредством получения религиозного образования наиболее актуально среди тех, кому религиозных знаний недостаточно. В то же время среди оценивающих свои религиозные знания как достаточные каждый второй нуждается в дополнительном религиозном образовании (см. рис. 7).

Прихожане высказали свои предпочтения относительно форм получения религиозного образования – будь то курсы при мечети, медресе, высшее религиозное учебное заведение (Исламский университет или Академия), самообразование – примерно в равных долях, за исключением варианта «обучение в семье» – такой вариант выбрали не более 6 % (табл. 1).

Среди вариантов получения религиозного образования, предлагаемых самими респондентами, наиболее популярными являются обучение за рубежом (в Медине), а также обучение у муршида (устаза, шейха, хазрата, учителя). Вариант «другое» выбрали не более 2 %.

Предпочтительные формы религиозного образования проявляют свою значимость для прихожан в зависимости от длительности проживания в Татарстане. Так, мигранты первого года нацелены на получение второго уровня религиозного образования (медресе), а также высшего религиозного образования (университет или академия). Те, кто прожил в Татарстане больше 1 года, но меньше 5 лет, в основном стремятся к высшему религиозному образованию. Проживающие в Татарстане от 5 до 10 лет чаще ориентированы на начальный уровень – курсы при мечети. Есть и немалая доля желающих поступить в университет или академию. Проживающие в Татарстане более 10 лет, а также прихожане, родившиеся в Татарстане, чаще разделяют предпочтения между самообразованием и курсами при мечети (см. рис. 8).

Таблица 1

Предпочтительные формы религиозного образования в среде религиозно активных мусульман, %

курсы при мечети	27
самообразование	24
высшее учебное заведение	22
обучение в медресе	20
обучение в семье	6

Предпочтения относительно форм религиозного образования также меняются в зависимости от возраста. Молодежь 18–24 года прежде всего стремится получить высшее религиозное образование и поступить в Исламский университет или Академию. Для мусульман в возрасте от 25 до 44 лет наиболее актуальным представляется прохождение примечетских курсов. Для прихожан старше 45 лет – самообразование (см. рис. 9).

Рис. 7. Необходимость в дополнительном религиозном образовании в зависимости от потребности в религиозных знаниях, %

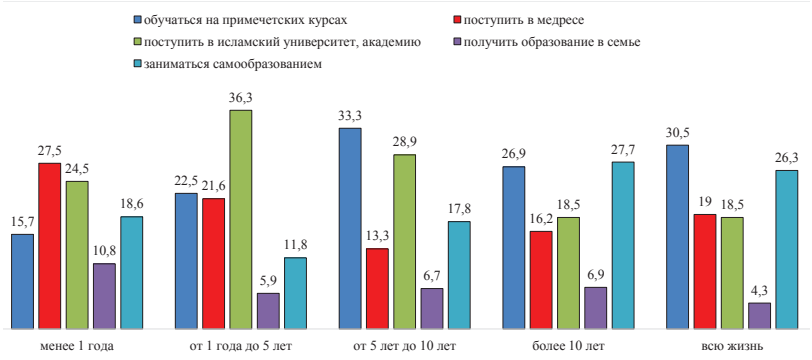

Рис. 8. Предпочтительные формы религиозного образования в группах приезжих и прихожан, родившихся в Татарстане, %

Религиозно активные мусульмане могут удовлетворить потребность в религиозных знаниях, посещая храм. Более 87 % отметили, что с разной частотой находят ответы на интересующие их вопросы в мечети. При этом в возрастных группах прихожан мечеть как место, где можно получить ответы на интересующие вопросы, оценивается по-разному – чаще других необходимые религиозные знания здесь получают мусульмане старше 55 лет, реже других – молодежь 18–24 года. Таким образом, разница среди тех, кто регулярно находит ответы на интересующие вопросы в мечети, в возрастных группах мусульман 18–24 года и старше 55 лет составляет 24 % (см. рис. 10).

Продолжая анализ источников знаний об исламе, отметим, что наиболее полезными, с точки зрения прихожан мечетей, а также выступающими авторитетными в вопросах веры и толкования религиозных смыслов, являются исламские книги – на это указали 57 % опрошенных. Менее популярными, но достаточно востребованными представляются беседы с другими (знающими) мусульманами (39 %), интернет и социальные сети (34 %), консультации с имамом (31 %) (см. рис. 11).

Сравнение значимости источников знаний об исламе в возрастных группах прихожан показало, что исламские книги играют наиболее весомую роль в жизни молодежи 18–24 года и менее востребованы в группе 25–34 года. Актуальность бесед с другими (знающими) мусульманами, равно как и интернета и социальных сетей, максимальна в группе 25–34 года. Консультации с имамом, в свою очередь, в большей степени необходимы верующим в возрасте 45–54 года, в меньшей – 18–24 года (см. рис. 12).

Оценка значимости источников знаний об исламе среди мигрантов и прихожан, родившихся в Татарстане показала, что к исламским книгам в меньшей степени обращаются прихожане, родившиеся в Татарстане, в большей – приезжие, находящиеся в регионе от 1 года до 5 лет. Беседы с другими (знающими) мусульманами, равно как и интернет и социальные сети, менее авторитетны среди недавно переехавших в Татарстан (менее 1 года назад) и в большей степени – среди прихожан, родившихся в Татарстане. Консультации с имамом менее всего востребованы у мигрантов, проживающих в республике от 1 года до 5 лет, и более всего – у местных жителей (см. рис. 13).

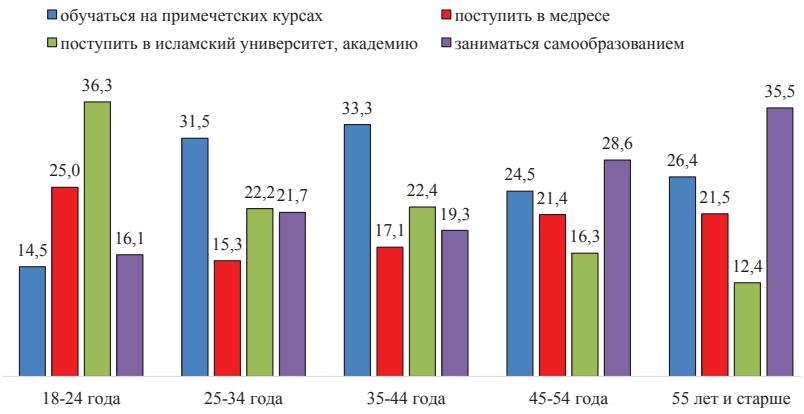

Рис. 9. Предпочтительные формы религиозного образования в возрастных группах прихожан, %

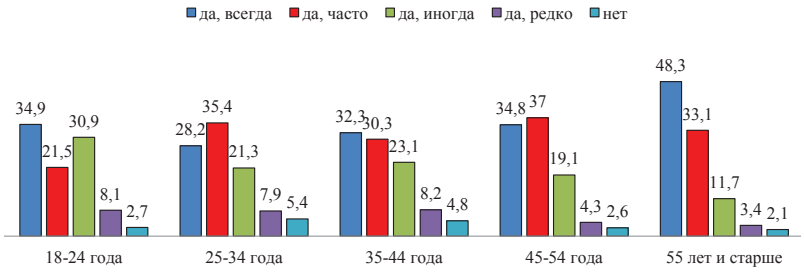

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Находите ли Вы в мечети ответы на интересующие Вас вопросы?» в возрастных группах, %

Рис. 11. Значимость источников знаний об исламе среди прихожан мечетей города Казани, %

Потребность в дополнительном религиозном образовании растет по мере повышения уже существующего уровня религиозного образования. Так, среди тех, у кого религиозное образование отсутствует, 68 % испытывают в нем необходимость. Среди тех, кто уже обучался на примечетских курсах, дополнительное религиозное образование необходимо 77 %. Среди закончивших медресе – 77 %, исламские институты – 83 %.

Как уже отмечалось выше, религиозное образование есть у каждого третьего прихожанина (36,2 %) и

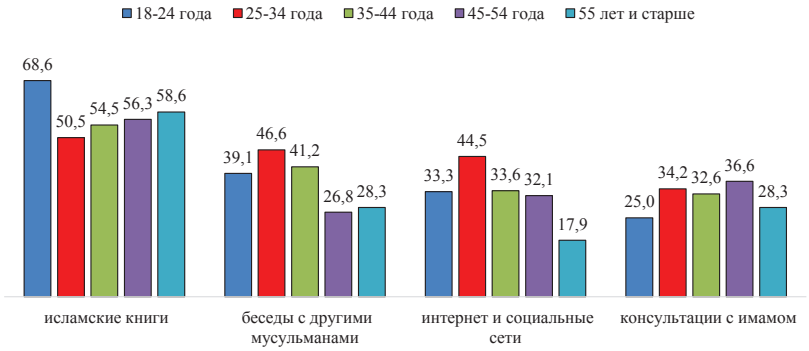

Рис. 12. Значимость источников знаний об исламе для прихожан в зависимости от возраста, %

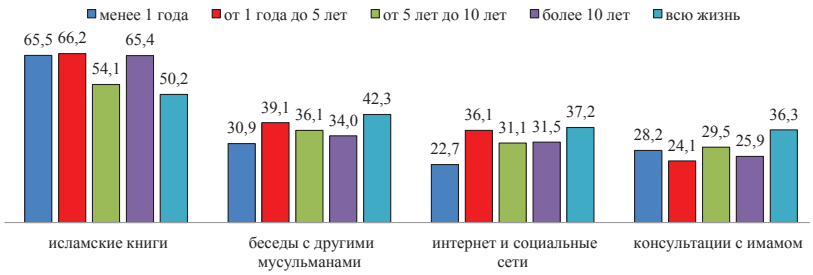

Рис. 13. Значимость источников знаний об исламе в зависимости от длительности проживания в Татарстане, %

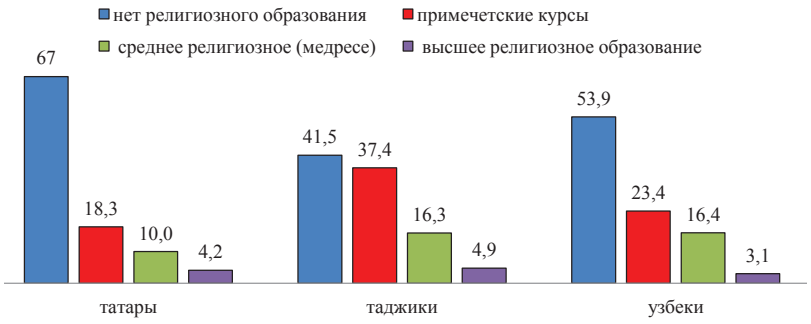

Рис. 14. Наличие религиозного образования у представителей этнических групп прихожан мечетей города Казани, %

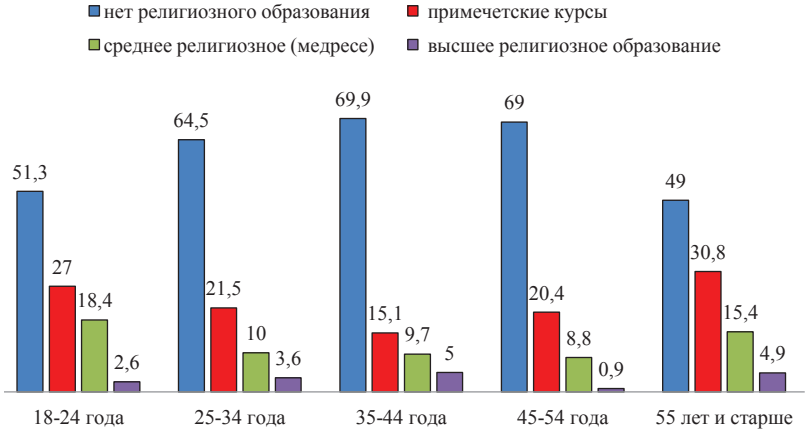

Рис. 15. Наличие религиозного образования в возрастных группах прихожан мечетей города Казани, %

представлено начальным уровнем – примечетскими курсами (20,8 %), средним уровнем – медресе (11,2 %) и высшим (3,7 %). Порядка 6 % проходят религиозное обучение в настоящий момент.

Среди групп мигрантов и прихожан, родившихся в Татарстане религиозное образование чаще имеют представители таджикской и узбекской этнических групп (58,6 и 42,9 % соответственно), в то время как татары религиозно обучены лишь на 32,8 % (см. рис. 14). Самым распространенным уровнем религиозного образования среди мигрантов является начальный – каждый третий таджик и каждый четвертый узбек уже прошли примечетские курсы. Среди татар также наиболее многочисленны прошедшие обучение на курсах при мечети – 18,3 %.

Анализ уровня религиозного образования в возрастных группах прихожан показал, что наиболее религиозно образованными являются мусульмане старше 55 лет (51,1 %), а также молодежь 18-24 лет (48 %) с преобладанием начального уровня религиозного образования – курсами при мечети во всех возрастных группах (см. рис. 15).

Анализ включенных в анкету вопросов об оценке развитости инфраструктуры для обеспечения потребностей мусульман в месте их проживания показал, что 75 % прихожан удовлетворены количеством и качеством образовательных учреждений для мусульман, 74 % – количеством и качеством мусульманской литературы.

Заключение

1. Исследование показало, что потребность в религиозных знаниях испытывают 67 % мусульман, посещающих мечети Казани, в то время как необходимость в дополнительном религиозном образовании выявлена у 72 % опрошенных. Больше всего в получении религиозного образования заинтересованы мигранты, проживающие в Татарстане не более 1 года, а также мусульмане в возрастной группе старше 55 лет, меньше всего – прихожане, родившиеся в Татарстане в возрасте 25-34 года. Желаемый уровень религиозного образования коррелирует с возрастом прихожан – у молодежи в приоритете высшее образование, у мусульман среднего и старшего возраста – курсы при мечети.

2. Кажется вполне естественным, что стремление удовлетворить необходимость в религиозных знаниях посредством получения религиозного образования наиболее актуально среди тех, кому религиозных знаний недостаточно. Однако результаты исследования показали, что даже среди оценивающих свои религиозные знания как достаточные каждый второй нуждается в дополнительном религиозном образовании.

3. Прихожане активно удовлетворяют потребность в религиозных знаниях, посещая храм – более 87 % находят ответы на интересующие их вопросы в мечети, в большей степени верующие, пребывающие в Татарстане свой первый год, в меньшей – прихожане, родившиеся в Татарстане.

4. Среди источников знаний об исламе для каждого второго прихожанина наиболее полезным и выступающим авторитетным в вопросах веры и толкования религиозных смыслов является исламская литература, менее популярными, но достаточно востребованными – беседы с другими (знающими) мусульманами, интернет и социальные сети, консультации с имамом.

5. Религиозное образование уже имеет каждый третий религиозно активный мусульманин – чаще курсы при мечети. На момент опроса религиозное обучение проходили не менее 6 %. Потребность в дополнительном религиозном образовании растет по мере повышения уже существующего уровня религиозного образования прихожан.

6. Основная доля прихожан удовлетворена развитостью и доступностью системы мусульманского образования, а также количеством и качеством мусульманской литературы в Казани, что дает большой кредит доверия существующей инфраструктуре религиозного образования.

Литература:

1. Алмазова Л.И. Анализ современного состояния и перспектив в сфере исламского образования (уровень среднего образования/медресе) // Мусульманское образование в Татарстане: история, современное состояние и инновационные процессы. Казань: Иман, 2012. 120 с.
2. Гарипов Я.З., Нуруллина Р.В. Социализация мусульманской молодежи (на примере учащихся мусульманских учебных заведений Татарстана) // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 4 (92). С. 203–229.
3. Гибадуллина М.Р. Жизненные стратегии и траектории молодых учащихся мусульманских учебных заведений Республики Татарстан / Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р.Ф. Патеев и др. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 330–353.
4. Насибуллов К.И., Шерстобоев В.В., Гибадуллина М.Р., Карибуллин А.А. Исламское образование в Татарстане: социально-демографические характеристики студентов различных форм обучения // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 2. С. 61–77.
5. Шерстобоев В.В. Исламское образование в Татарстане: поколения шакирдов между активизмом и конформизмом / Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р.Ф. Патеев и др. Казань: Изд-о АН РТ, 2021. С. 299–329.

The Main Trends in the Issue of Obtaining Religious Knowledge Among the Parishioners of Mosques in Tatarstan (on the Example of the City of Kazan)

Lipatova T.N.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The article presents the results of a study conducted by the staff of the Center for Islamic Studies, one of the areas of which was a block of questions about religious education, as well as the needs for it among mosque attendees in the city of Kazan.

The purpose of the study is to identify the need of mosque attendees in Kazan for religious knowledge and religious education. The obtained results will contribute not only to the creation of an effective infrastructure and constructive forms of receiving religious education for various groups of the Muslim community, but will also significantly reduce the risks of Muslims turning to destructive and unreliable sources of knowledge. This is particularly relevant due to the increasing proportion of migrants in Muslim communities.

The empirical basis of the study was composed of survey data from Muslims who attended the largest mosques in Kazan during Friday prayers in the fall of 2021. The obtained results allowed us to conclude that there is a great need for religious knowledge and a high demand for all levels of religious education among actively practicing Muslims in Kazan.

The study results also demonstrated high satisfaction among mosque attendees regarding the development and accessibility of the religious education system, as well as the quantity and quality of Muslim literature. This provides significant credibility to the existing system of religious education in Tatarstan.

Keywords: Islam, religious education, Muslims, courses at mosques, madrassas

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-294-299

Цифровое поколение молодежи в системе координат традиционных российских ценностей*

Нагматуллина Л.К.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук, профессор, и.о. директора Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Максимова О.А.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Минзарипов Р.Г.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях, когда предпринимаются попытки поставить под сомнение систему базовых, социально значимых, незыблемых ценностей, защита жизненно важных интересов страны, основанная на твердости позиций в отношении сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, составляющих социумную ценностно-ориентационную основу и одновременно определяющую систему норм и ориентиров всех социальных групп общества, является приоритетной задачей настоящего времени.

* Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

Цель статьи заключается в определении положения цифрового поколения молодежи в системе координат традиционных российских ценностей.

Ценность и новизна проведенного исследования характеризуются тем, что на основе сравнительного анализа результатов исследований молодежи, проведенных с участием авторов в период с 2017 по 2023 гг., формулируются выводы относительно приверженности молодых поколений традиционным российским ценностям.

Научная и практическая значимость обусловлена востребованностью разработки мероприятий по укреплению в сознании молодежи традиционных ценностей, способствующих поддержанию и укреплению социальной солидарности в российском обществе на межпоколенческом уровне.

Ключевые слова: *цифровое поколение молодежи, система ценностей, традиционные российские ценности, семья, студенческая молодежь*

Для цитирования: *Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г., Максимова О.А. Цифровое поколение молодежи в системе координат традиционных российских ценностей // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 294–299. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-294-299.*

В современном мировом пространстве динамичные процессы формирования его новой архитектуры на принципах многополярности значительно усиливают количество вызовов, с которыми сталкивается отечественный социум на пути построения сильной, «самостоятельной и суверенной державы» [1]. В комплексе взаимозависимых задач, успешное решение которых способно содействовать достижению поставленной цели по выходу страны на новый уровень развития, обеспечение ценностного суверенитета страны стало одной из ключевых, закрепленных в положениях государственной культурной политики страны.

В этой связи неизменным остается требование особого внимания к молодежи как социальной группе, в наибольшей степени предрасположенной к интенсивному освоению социокультурного пространства, находящейся в активной стадии социализации, характеризуемой динамичным процессом социального становления. Своевременное и рациональное осмысление молодыми поколениями «фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано единство российского общества», «формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей» [2] при активном участии в этом процессе социальных институтов, призванных реализовывать функцию по воспитанию молодежи, в нынешних реалиях – наиболее правильный и действенный принцип обеспечения внутренней и внешней устойчивости отечественного социума.

В системе координат «ценности цифрового поколения молодежи / совокупность традиционных духовно-нравственных ценностей» существуют вопросы, требующие ответа и заслуживающие особого внимания в контексте социологического анализа. Поэтому определение положения цифровых поколений молодежи в этой системе и выявление степени актуальности для них традиционных ценностей выступило в качестве цели настоящего исследования.

Идентификация ценностных ориентаций современной молодежи является не только эффективным способом осмысления структуры жизненных целей и стратегий поколений с цифровым типом сознания и мышления, возможностью проанализировать механизмы, регулирующие и направляющие их поведение, но и инструментом оценки потенциала цифровой молодежи и перспектив его использования.

В настоящее время попытки трансформировать ценностную систему человека, сопровождаемые в современном мире мощно организованным давлением и требованиями изменить ее содержательную сторону, обусловили необходимость принятия незамедлительных мер по защите традиционных российских ценностей на государственном уровне, законодательного закрепления принципов их сохранения и укрепления. Четкое формулирование позиции по приверженности сформированному курсу и пониманию «традиционных ценностей как основы российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», а также в качестве «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [3], подтвердило непоколебимость стратегических намерений по «обеспечению националь-

ной безопасности страны, сохранения ее идентичности и государственности» [2].

Совокупность ценностей, определяющая «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России» [3] как жизнеобразующую основу, сопровождаемая отсутствием расплывчатости в понимании того, что действительно является значимым, выступает в качестве интегрирующего, консолидирующего начала общества, своеобразным защитным механизмом, позволяющим ему противостоять вызовам, вектором организации воспитательного процесса молодых поколений, а также объектом пристального научного анализа в контексте изучения степени выраженности и значимости каждого из ценностных элементов у современной молодежи. Ограничимся характеристикой некоторых из них, но без которых невозможно понимание сути и содержания жизненных стратегий, ориентиров и смыслов современного цифрового поколения молодежи.

Учитывая тот факт, что изучение молодежи является предметом научного интереса авторов статьи на протяжении достаточно продолжительного периода, а участие в исследовательских проектах позволило сформировать обширную базу эмпирического материала, представлялось целесообразным при анализе цифрового поколения молодежи в контексте традиционных российских ценностей применение принципов сравнительного анализа результатов исследований, полученных в период с 2017 по 2023 гг., и позволяющих проследить динамику ценностных ориентаций молодых поколений. Тем более что неоднократное изучение молодежи сквозь призму различных исследовательских ракурсов обеспечило сопоставимость результатов исследований в ходе сравнения.

В комплексе традиционных российских ценностей, концентрирующих в себе социальный опыт поколений, лучшие поведенческие практики на основе сформированных норм и ценностных установок, семья всегда занимала значимую и весомую позицию. Поэтому от того, какие ценностные ориентации насыщают сознание представителей цифрового поколения молодежи в отношении семьи, зависит не только эффективное решение столь остро стоящих в настоящее время перед страной демографических проблем по обеспечению устойчивого роста населения страны и повышению рождаемости, но и успешность реализации представителями молодых поколений стратегии «семейной самореализации» [4].

Вопросы необходимости обеспечения стабильности социального института семьи в сочетании со стремлением уберечь его от влияния нетрадиционных ценностей и норм, пропагандируемых в современном мире, не только чуждых традиционному институту семьи, но и грозящих его разрушить [5], поднимались авторами статьи в рамках анализа результатов исследования, проведенного еще в 2017 г. по изучению молодежи в контексте дискурса реальных и условных поколений. Однако с тех пор они не только не стали менее актуальными и не потеряли значимости, а приобрели выраженную тенденцию актуализации в связи с возрастанием остроты рассматриваемых проблем в условиях происходящих в мире изменений. Принципиальная убежденность в высокой ценности семьи подтверждалась мнениями респондентов – представителями молодежи, ставшими участниками глубинного интервью и авторами нарративных эссе в ходе проведения исследования. Прошедшие годы, сопровождаемые дальнейшими исследованиями молодежи и полученные при этом результаты, свидетельствовали о неизменности мнений молодых поколений, высоко оценивающих роль и значение семьи в их жизни. Более того, в период с 2017 по 2023 гг. частота упоминаний семьи в качестве источника формирования социальных норм, ориентаций и установок, помогающих адекватно оценивать окружающую реальность и организовывать жизнь, а также выстраивать жизненные стратегии более продуманно и осмысленно, находить пути и способы их реализации, не сократилась. Показательны в этом плане мнения студенческой молодежи, принявшей участие в онлайн-анкетировании Всероссийского исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» (2023 г.) с объемом выборочной совокупности 6389 чел.[1]. При ответе на вопрос, где предлагалось выбрать наиболее важные жизненные приоритеты, «устойчивость семьи, эмоциональная связь с членами семьи» оказалась одной из наиболее значимых. Она отразилась в числовом факторном показателе 4,24 и вошла в тройку наиболее высоко оцениваемых. И несмотря на то, что у экономически рационального и прагматичного цифрового поколения молодежи, воспитанного на принципах парадигмы рыночной экономики, вполне объяснимо уровень значимости «интересной работы» (4,33) и «материального достатка» (4,32) был более высок, молодежь не исключила из списка ценностных приоритетов семью, о чем свидетельствует разница

[1] Социологическое исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Научный руководитель исследования – д.полит.н., проф. Н.М.Великая. Сбор данных по Республике Татарстан осуществлялся под руководством д.социол.наук, проф. Ефловой М.Ю, при непосредственном участии авторов статьи.

лишь в десятых и сотых долях числовых показателей, указывающая фактически на их количественную равнозначность. А ценности, занимающие первые позиции, являются в современных условиях необходимым базовым основанием формирования благополучной семьи. Аналогичная картина, отражающая отношение молодежи к семье, наблюдалась в 2018 г., когда в ходе проведения глубинных интервью, респонденты, отвечая на вопрос интервьюера «Что для Вас значимо, важно в жизни?», наряду с жизненными планами «*встать на ноги, чего-то добиться в жизни, построить что-то в этой жизни*» (жен., 21 год), отмечали и желание «*что-то после себя оставить*», подчеркивая тем самым, что семья для них не менее значима, и подтверждали свою убежденность акцентным заключением, что «*на первом месте всё-таки стоит семья*» [5, с. 188].

В вечных поисках источника счастья, свойственных молодым поколениям, а особенно студенческой молодежи как социальной группе, находящейся на этапе активного определения системы ценностных представлений, и попытках получить ответ на вопрос о том, «Что делает Вас счастливым человеком?», 57 % опрошенных в 2023 г. ответили, что это семья. Такие мнения могут быть преобладающими только в том случае, если в пространстве семьи налажен диалог поколений на основе взаимного уважения, реализуются сценарии внутрисемейного взаимодействия, способные обеспечить преемственность поколений. В этом плане студенческая молодежь, отвечая на вопрос о том, насколько она довольна отношениями с родителями, продемонстрировала достаточно высокий уровень удовлетворенности взаимодействием со старшим поколением. Доля респондентов, имеющих такую точку зрения, составила 75,9 %, из которых 50,5 % склоняются к максимально положительной оценке и полностью довольны отношениями с родителями, 25,4 % считают, что «скорее довольны», 6,3 % отметили, что «чем-то довольны, а чем-то нет», и только 4,8 % высказали «полную неудовлетворенность».

В целом можно констатировать наличие диалогового межпоколенческого контакта в семьях современной молодежи. В потоке разнонаправленных и содержательно разноплановых межпоколенческих трансфертов формируется эмоциональная среда, обеспечивающая преемственность поколений и стабильное функционирование семьи. Общение с любимым человеком или супругом (супругой) в случае, если представители студенческой молодежи состоят в браке, более предпочтительны для 50,2 % респондентов, которые отметили данное обстоятельство при ответе на вопрос анкеты «Как Вы обычно проводите свободное время?». Независимо от семейного положения участвующих в опросе, большинством респондентов особая атмосфера, психологический комфорт, высокий уровень положительных эмоций и чувств как следствие коммуникативно-интерактивной стороны общения осознаются и оцениваются достаточно высоко, в противовес существующим мнениям относительно того, что современная молодежь ограничивает каналы межличностного и семейного взаимодействия цифровой средой.

Заключение, сделанное по результатам исследования 2017 г. и констатирующее неизменное признание молодыми поколениями ценности семьи, сохраняет свою актуальность и сегодня, аналогично и тому, что «связь между представителями разных поколений семьи не утрачена» [6, с. 300], а межпоколенческая солидарность, для которой даже разрыв в цифровых компетенциях представителей разных поколений семьи не стал линией разлома межпоколенческих связей, по-прежнему обеспечивает достаточно стабильное функционирование данного социального института.

Таким образом, попытки обесценить семью не находят поддержки у современного поколения цифровой молодежи, мнения относительно ценности семьи не претерпевают изменений, демонстрируют устойчивую стабильность уже в течение долгого периода времени, и результаты регулярно проводимых исследований молодежи всякий раз подтверждают данный вывод. Весомы и показательны в этом плане и заключения, к которым пришли специалисты Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2025 г., проанализировав результаты исследования «2025: вызовы, ожидания, тенденции», проведенного с использованием базы опросов и данных компании за 30 лет, а также материалов экспертных дискуссий на площадках «Научный совет ВЦИОМ» и «Профессиональный разговор» и согласно которым, семья в настоящее время «осознается и декларируется россиянами как самое важное в жизни» [7].

В пространстве семьи такие ценностные качества представителей ее разных поколений, как любовь, сочувствие, душевная чуткость, являются не просто неким второстепенным дополнением, сопровождающим повседневную семейную жизнь, а выступают фундаментальной основой института семьи, определяющей самочувствие человека в семье, характер воспроизводимых в рамках микросоциального образования поведенческих практик, уровень интенсивности потоков внутрисемейных трансфертов, механизмы и методы воспитания молодых поколений семьи. В процессе выполнения семьей одной из наиболее важных функций по воспитанию молодых поколений в ее пространстве происходит титанический труд по формированию духовно-нравственной личности с последовательным овладением социально значимыми нормами и ценностями. И, несмотря на то, что этот процесс не всегда носит линейный характер и может вызывать недопонимания, как со стороны детей, так и роди-

телей, постепенное расширение границ нравственного мира человека невозможно без участия в этом процессе представителей разных поколений семьи, способных через диалог последовательно и терпеливо объяснить, что есть нравственное, помочь молодежи сориентироваться в системе координат традиционных нравственных ценностей. Понимание всей содержательной глубины и смысла этих ценностных категорий способствует формированию нравственных начал личности, определяет прочность и стабильность семьи.

Так, например, современная молодежь осознает гармонизирующую ценность и значение любви в жизни человека, на это указывают мнения студенческой молодежи, участвовавшей в исследовании 2023 г., согласно которым 56,4 % респондентов считают, что любовь делает счастливыми людьми и формирует чувство удовлетворенности личной жизнью, отношениями с любимым человеком. Именно данный факт отметили 54,8 % опрошенных, что дает основание сделать предположение относительно имеющегося у молодежи потенциального плана по созданию семейных союзов и увеличения в дальнейшем количества респондентов (по сравнению с зафиксированными показателями в 25,2 % опрошенных), которые бы в качестве цели по окончании высшего учебного заведения указали желание создать семью. Обнадеживает в этом плане и перспектива возможного приращения количества браков среди студенческой молодежи, которой в настоящее время как социальной группе, имеющей в силу возрастных характеристик высокий потенциал создания семьи и реализации рождения первых и последующих детей, уделяется особое внимание. Этим обусловлено выделение студенческих семей в отдельную категорию молодых семей, помощь и поддержку которой необходимо усилить, а также принятие в 2025 г. соответствующего закона, закрепляющего и конкретизирующего понятие «студенческая семья» в законодательстве о молодежной политике и предусматривающего расширение мер государственной поддержки таким семьям [8].

Непоколебимая позиция молодежи в отношении ценности семьи, признании ее единственно правильной и естественной формой организации союза мужчины и женщины, уверенность в отношении нерушимости межпоколенческих связей в сочетании с практическими действиями по сохранению семей, формирует позитивный оптимизм по улучшению демографической ситуации, когда прочные браки и семьи с детьми являются безусловной жизненной нормой. Не случайно поэтому борьба за сохранение семей объявлена в 2025 г. в качестве одного из главных «демографических трендов в России», а с «изменением ценностных установок россиян связывают надежду на улучшение демографической ситуации» [7].

Ценности, нормы и чувства во многом определяют формы и уровни межличностного общения, выстраивая линию поведения молодежи, формируя круг дружеских связей и отношений, желание помогать другим людям. Так, 52,9 % респондентов – представителей студенческой молодежи отмечают, что наличие у них друзей позволяет ощущать себя счастливыми людьми. При этом молодежь акцентирует внимание на обязательном включении в иерархию ценностных факторов, приносящих человеку счастье, присутствия такого элемента как «помощь другим людям», подчеркивая, что «это еще как делает тебя счастливым, даже возможно, в первую очередь». Действительно, сила душевной отдачи и действенность бескорыстной заинтересованности людей друг в друге, ощущение причастности и нужности другим делают дружбу и помощь структурообразующими компонентами жизненных ценностей человека, наполняя его жизнь новым смыслом и качеством, расширяя круг социальных связей. И наши респонденты в полной мере осознают, что приобщение к миру ценностей, в котором есть место дружбе и взаимопомощи, не только способно сформировать самодостаточную личность, но и сделать их счастливыми. Во взглядах современной студенческой молодежи не усматривается признаков, свидетельствующих об изменении смыслового содержания духовно-нравственного ценностного ряда, наличии смещения в понимании роли и значения его ключевых элементов как жизнеобразующих. Аналогичный вывод, сформулированный авторами статьи по результатам исследования, проведенного почти десять лет назад в отношении устойчивости системы традиционных ценностных оснований у молодежи, остается неизменным, показывает свою состоятельность.

Таким образом, традиционные российские ценности как глубокие и здоровые корни способствуют формированию молодых поколений, для которых семейные традиции и отношения, любовь, милосердие, добро, дружба, уважение к старшим, взаимопомощь и взаимоуважение являются источником формирования жизненных смыслов, приоритетами, при осознании значимости которых, молодежь способна придать ускорение процессу построения нового ландшафта страны.

Литература:

1. Путин: Россия поняла, что должна заявить о себе как о суверенной державе. URL: https://ria.ru/20250713/putin-2028851189.html (дата обращения: 02.08.25).
2. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». URL: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения: 02.08.25).
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Гарант.
4. Акулич М.М., Пить В.В. Жизненные стратегии современной молодежи. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23547/1/socia_2011_8_34_43.pdf (дата обращения: 01.08.25).
5. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 186–192.
6. Нагматуллина Л.К., Ахметгалиева А.Р., Максимова О.А. Межпоколенческая солидарность как фактор стабильности современной семьи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 299–305.
7. В 2025 году россияне озаботятся сохранением семей и продлением жизни. ВЦИОМ назвал главные тренды текущего года. URL: https://expert.ru/obshchestvo/v-2025-godu-rossiyane-ozabotyatsya-sokhraneniem-semey-i-prodleniem-zhizni/ (дата обращения: 04.08.25).
8. Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230065 (дата обращения: 12.08.25).

The Digital Generation of Youth in the System of Traditional Russian Values

Nagmatullina L.K.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Eflova M.Iu., Maximova O.A., Minzaripov R.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context where attempts are made to question the system of fundamental, socially significant, unshakable values, protecting the vital interests of the country based on firm positions regarding the preservation of traditional Russian spiritual and moral values, which form the social value-orientation foundation and simultaneously define the system of norms and guidelines for all social groups in society, is a priority task of the present time.

The aim of the article is to determine the position of the digital generation of youth within the framework of traditional Russian values.

The value and novelty of the conducted research are characterised by the fact that, based on a comparative analysis of the results of studies of youth conducted with the participation of the authors between 2017 and 2023, conclusions are drawn regarding the adherence of young generations to traditional Russian values.

The scientific and practical significance is due to the demand for developing measures to strengthen traditional values in the minds of young people, contributing to the maintenance and strengthening of social solidarity in Russian society at the intergenerational level.

Keywords: digital generation of youth, value system, traditional Russian values, family, student youth

УДК 316.35
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-300-306

Влияние рэп-музыки на повседневность российской молодежи в 2000-е гг. (по материалам социологического исследования песен Гуфа «Сплетни» и Centr и Басты «Город дорог»)

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования определяется усилением роли музыкального фактора применительно к повседневности молодых людей в современном российском обществе. Показано, что в российском контексте рэп-музыка зачастую является голосом поколения молодых людей, конструирующим их повседневность и наполняющим идентичность. Продемонстрировано, что в реалиях текущего столетия русский рэп выступает инструментом, ремоделирующим способы взаимодействия и самовыражения, сказываясь на паттернах моды, взглядах на жизнь, социальных и культурных нормах. Цель исследования заключается в анализе влияния рэп-музыки, а именно двух культовых композиций – «Сплетни» и «Город дорог», – на наполнение повседневности российской молодежи в 2000-е гг. В статье показаны сущностные черты рэпа и особенности его становления в эпоху переходной экономики российского социума. Сделан акцент на повседневности как категории социологического поиска. На основе изучения выбранных композиций автором выделены ключевые смыслы, которые были усвоены молодыми людьми. Научная новизна проведенного исследования определяется сосредоточением внимания на конкретных композициях, оказавших влияние на конституирование повседневности и жизненных миров российской молодежи в начале XXI в.

Ключевые слова: *молодежь, повседневность, рэп-музыка, хит, культура, общество*

Для цитирования: *Равочкин Н.Н. Влияние рэп-музыки на повседневность российской молодежи в 2000-е гг. (по материалам социологического исследования песен Гуфа «Сплетни» и Centr и Басты «Город дорог») // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 300–306. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-300-306.*

Сегодня в связи с усилением процесса цифровизации роль и влияние музыкального дискурса существенно возрастает. По словам Д.В. Ткачука, «городской житель XXI в. в течение дня воспринимает огромное количество музыкального контента, далеко не всегда осознанно подходя к вопросам слушания и анализа услышанного» [1, с. 4]. Музыкальное пространство давно превратилось в неотъемлемый компонент жизненного уклада личности, детерминируя ее миропонимание: «В наши дни тотальной информатизации и бесконечных инноваций в области технологий музыка стала постоянным фоном жизненного процесса молодежи – достаточно провести простое наблюдение в общественных местах, в общественном транспорте, в любом социальном пространстве, чтобы убедиться в том, что практически любой подросток или молодой человек использует наушники и слушает музыку на мобильном телефоне» [2, с. 257].

Под влиянием цифровизации меняется уклад жизни современной молодежи, формируются новые ценности и аксиологемы, которые обусловливают выбор тех или иных стратегий поведения, определяют характер взаимодействия личности с социокультурной окружающей средой. Иными словами, сегодня глубоким изменениям подвергаются все аспекты жизнедеятельности, и прежде всего – наша повседневность. Появляются новые музыкальные направления и форматы. Одним из наиболее ярких проявлений современной музыкальной культуры является рэп-дискурс. Современные авторы неоднократно обращались к изучению влияния музыки на формирование системы ценностей, эмоции, мотивацию, установки и поведение личности, при этом осмысление рэпа и его влияния на конституирование и структурирование повседневности молодых людей зачастую остается вне исследовательской оптики.

Тематизация повседневности берет свое начало от Э. Гуссерля, подчеркивавшего роль «жизненного мира» как основы для всех научных и логических понятий. Во многом по аналогии с этим Л. Витгенштейн указывал на обыденный язык, который формирует сциентистские высказывания, а любое знание основывается на непроцессуальном повседневном опыте [3, с. 35].

Повседневность стала актуальным объектом научных рефлексий в 80-х гг. прошлого столетия. При этом, по словам А.Г. Готлиб, «интерес к повседневной жизни рядового человека, к микропроцессам, происходящим в обществе, был подготовлен всем интеллектуальным климатом XX в., особенно его второй половины, интеллектуальным умонастроением эпохи, определившим познавательную ситуацию в этот период, основные ее оси напряжения» [4, с. 10]. Этот интерес, по мнению В.Л. Лехциера, был «вызван всем состоянием культуры новейшего времени» [5, с. 7].

В результате смещения сдвига научного внимания индивидуальная судьба человека стал рассматриваться как окно в социальный мир или же компонент исследовательских процедур [4, с. 11]. Как отмечает Л.В. Чулкина, «антропологизация научной парадигмы в последние десятилетия обнаруживается прежде всего в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и повседневные практики» [6, с. 2]. При этом индивидуальная судьба, личная история всегда оказывается вписанной в более широкий социальный контекст, в социальные и исторические процессы.

Рост научного интереса к повседневности в различных областях научного знания сопровождается выведением многочисленных дефиниций указанной категории:

1) в философии повседневность рассматривается как ««подлинный локус творчества, где создается как все человеческое, так и сам человек» (Л. Февр); верховная реальность, через которую определяются все иные реальности. Повседневность – «это одновременно и мир типичного, сфера человеческого опыта, и сами процессы типизации» [7, с. 10]; своеобразный смысловой универсум, выступающий результатом действий человека и продолжающий формироваться в этих действиях. Повседневность может пониматься как первичная в силу своей телесно-предметной закрепленности реальность по отношению к другим конечным областям значений.

2) в социологии повседневность понимается как «социальный мир, в котором ярко проявляется общественная сущность человека и достаточно четкая структуризация социальных ролей и ситуаций их функционирования» [8, с. 63–64];

3) в культурологических науках повседневность рассматривается как особого рода семиотическая система, которая формируется в рамках определенной культурной модели, взаимодействует с другими знаковыми системами [6, с. 3].

В целом можно сделать вывод, что повседневность представляет собой первичную донаучную телесно-предметную реальность, в которой протекает жизнедеятельность личности, пространство, созданное ее деятельностью и меняющееся под влиянием этой деятельности. Повседневность охватывает весь спектр видов деятельности, социальных взаимодействий, всегда культурно маркирована. Огромное влияние на формирование повседневности оказывают разного рода семиотические системы, включая языковую.

Соответственно, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что начиная с 80-х гг. прошлого столетия повседневность стала актуальным объектом научных рефлексий. Причины «поворота» к повседневности кроются в признании распада «проекта Цивилизации» на «цивилизацию проектов», метанаррации на микронаррации, следствием чего стало усиление научного интереса к индивидуальной судьбе, жизни «человека с улицы». Повседневность представляет собой сложную научную категорию, которая охватывает все виды деятельности личности, все ее взаимодействия, формируется под влиянием воздействия знаков различных семиотических систем, в том числе музыкального дискурса.

Принимая во внимание то, что в основании рэп-культуры – лежит протест молодых людей против тех или иных норм, правил, практик, сформировавшихся в обществе, содержание произведений чаще всего затрагивает политические, социальные, религиозные вопросы. Как отмечают ученые, «современный рэп остается рупором протеста, выразителем наиболее острых проблем молодежи, предельно (а нередко избыточно) эмоциональным, но при этом приобретает эстетические черты, присущие высокому искусству, и этим привлекает к себе

еще больше поклонников» [9, с. 65]. Следовательно, на основании анализа теоретических источников можно сделать вывод, что рэп представляет собой музыкальное направление, пользующееся огромной популярностью в молодежной среде, в основании которого лежит протест. Отличительными характеристиками произведений выступают множественное функционирование нецензурной лексики, нивелирование границ между «высокой» и «низкой» культурой, смешение кириллицы и латиницы, особая манера подачи, отличающаяся информационной насыщенностью, высокая интертекстуальность произведения.

Как было указано ранее, целью исследования выступает изучение особенностей влияния рэп-музыки на изменение повседневных практик молодых людей. В качестве материала для исследования были выбраны следующие произведения:

– Гуф «Сплетни» («Моя бабушка читает газету» «Жизнь»), 2004 г.;

– *Centr* и Баста «Город дорог», 2007 г.

В качестве основных методов исследования композиций был выбран контент-анализ – «систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов» [10, с. 15]; «анализ, основанный на исследовании слов, тем и сообщений», который «сосредоточивает внимание исследователя на содержании сообщения, на том, о чем в нем говорится» [10, с. 15]. Количественный контент-анализ осуществлялся на основании применения сервиса «Адвего». В процессе проведения количественного анализа предполагается выявление наиболее употребительных лексических единиц, семантического ядра, формирующего основное содержание, смысл композиции. Предполагается, что наиболее многочисленные лексемы выступают средством репрезентации системы ценностей музыкального дискурса. Важно добавить, что сегодня контент-анализ широко применяется при изучении различных форм коммуникации.

Результаты контент-анализа представлены в таблице 1.

Таблица 2

Ценности рэп-композиций

Лексема	Кол-во	Частота, %
Гуф – Сплетни		
бабушка	5	1,31
газета	5	1,31
читать	5	1,31
все	4	1,05
дать	3	0,79
знать	3	0,79
начать	3	0,79
алсу	2	0,52
биз	2	0,52
бог	2	0,52
Центр и Баста — Город дорог		
город	17	3,26
центр	16	3,07
дорога	14	2,69
посвящать	14	2,69
строка	14	2,69
бела	7	1,34
метр	7	1,34
спасибо	7	1,34
мимо	5	0,96
далеко	3	0,58

На начальном этапе хотелось бы остановиться на анализе композиции **Гуфа «Сплетни»**. Как следует из названия, она посвящена сплетням, конкретней – сплетням о шоу-бизнесе. Ключевыми концептами композиции выступают «читать» и «газета». Как было выявлено ранее, рэп-дискурс выступает средством отражения протеста, в данном случае – против шоу-бизнеса как отражения «книжной» культуры и против государства, его норм. Обращение к образу бабушки, читающей газету с новостями о звездах шоу-бизнеса, во многом отражает критику традиционных средств информации, которые многими стали восприниматься как нечто устаревшее, не актуальное. В молодежной среде росло недоверие к официальным источникам информирования, как, впрочем, и представителям органов власти, которые использовали традиционные медиа для информирования.

Важно отметить, что во время написания композиции, в 2003–2004 гг., основными каналами распространения информации выступали традиционные СМИ, телевидение и радио [11, с. 35]. Уже к 2012–2014 гг. ведущими каналами распространения информации и прослушивания музыки стали интернет, компьютерная техника, плееры и смартфоны.

В данном аспекте сложно сказать, повлияла ли композиция на критическое восприятие традиционных медиа или просто отразила уже сформированное в молодежной среде отношение. Однако можно фиксировать изменения повседневных практик в выборе источников информирования, проведении времени в сети.

Как и любой иной музыкальный дискурс, рэп формируется в рамках определенной лингвокультуры, отражает ее особенности. В приведенной композиции осуществляется отсылка к образу **бабушки**, которая «много знает» о мире шоу-бизнеса. В толковых словарях представлены максимально нейтральные значения лексемы: 1) мать отца или матери; 2) обращение к старой женщине (разг.) [12, с. 60]. Однако в сознании людей стран постсоветского пространства образ бабушки часто

становится символом сплетен, слухов, вмешательства в чужую личную жизнь, что объясняет то, что указанный концепт является основным в композиции под названием «Сплетни». В данном аспекты отражается вечная проблема отцов и детей, своеобразный бунт против уклада жизни предыдущих поколений. «Классический» рэп – это музыка протеста, пропагандирующая свободу личности, автономность и независимость от политического мейнстрима, выраженную индивидуальность. Поведение людей старшего возраста, функционирующие стереотипы о бабушках на лавках, чуть не в прямом смысле следующих за соседями, не кажется им привлекательным.

Примечательно, что отдельные проведенные исследования позволяют сделать вывод, что молодые люди крайне негативно воспринимают сплетни и непроверенную информацию. Например, А.В. Шрубченко в процессе проведения социологического исследования приходит к выводу, что положительное отношение к сплетням и слухам выразили лишь 10 % молодых людей, большая часть относится к ним негативно [13]. Можно сделать вывод, что, несмотря на ироничность композиции, ее кажущуюся легкомысленность, в данном аспекте также осуществляется противопоставление молодежи людям старшего поколения. Молодые представлены свободными, яркими индивидуальностями, которые живут своей жизнью, не следя за жизнью других людей.

В композиции освещается тема социальной несправедливости, характерная для рэп-музыки, избранность одних, представителей мира «**биз**» и обреченность большей части населения, невозможность что-либо изменить: «*Жаль только не пересечься нам с вами,/ Вы на экране, а я дома, с пультом на диване/ Я знаю где вы жили, живёте и будете жить*». Одновременно критика социального неравенства сопровождается завуалированными призывами к повышению активности самих людей, «встать с дивана». С ироничным представлением мира шоу-бизнеса связан ряд концептов композиции: «биз», «Алсу».

Результаты контент-анализа позволяют сделать вывод о множественном функционировании местоимения «**все**» (*Она сидит и всех палит*) – охватывающий все и всех. Обращение к местоимению обусловлено нацеленностью на моделирование противопоставления «все – Я», «мы (мир обывателей) – они (мир шоу бизнеса)». Примечательно, что в данном случае лирический герой противопоставляет себя как миру обывателей, так и миру шоубизнеса, подчеркивает свою избранность, исключительность.

Ряд наиболее употребительных лексем представлен в рамках конструкции «*И не **дай бог** ей открыть рот*». Фразеологизм является устойчивым для русского языка, что наглядно демонстрирует влияние культурных особенностей на формирование рэп-дискурса.

На следующем этапе работы следует остановиться на анализе композиции **Центра и Басты «Город дорог**». Песня посвящена родному городу – Москве: «*Я посвящаю строки этому городу,/ Его центру, каждому метру*». В отличие от предыдущей композиции, указанная отличается высокой степенью патриотизма, любовью к своему городу, своим друзьям, своей стране в целом. Тематика данной композиции выходит далеко за рамки тем, затрагиваемых рэп-исполнителями, которые на начальном этапе развития русского рэпа ограничивались исключительно проблематикой социальной несправедливости, иными словами, были направлены на выявление и отражение существующих недостатков, часто в острой форме. В данном случае критика отсутствует, исполнители, по сути, поют своеобразный гимн своему городу.

Ключевым концептом дискурса является **город**, который для исполнителей является не просто «крупным населенным пунктом, административным, торговым и промышленным центром» [12, с. 220], но становится своеобразным жизненным пространством, в котором протекает вся жизнедеятельность личности. Город, по словам исследователей, «воспринимается как точка пересечения дорог, торговых путей, как некий центр, объединяющий окружающее его пространство не только в географическом, но и в метафизическом смысле» [14, с. 89]. В композиции эксплицитно представлен и мотив дороги, и мотив центра.

При этом, **центр** может пониматься как 1) точка пересечения линий, направлений; 2) середина, средняя часть чего-либо; 3) место сосредоточения чего-либо, важный пункт чего-нибудь [12, с. 1308]. В тексте композиции концепт совмещает в себе все три приведенных значения: центр Москвы – точка пересечения многочисленных дорог, памятников различных исторических эпох, идеологий, истории и современности, это одновременно и середина города, и место сосредоточения власти, символ власти и самой страны. Кроме того, концепт в тексте дискурса приобретает ряд культурно маркированных значений.

Говоря о центре, следует подчеркнуть, что, как правило, христианские города основывались вокруг храмов, и Москва не является исключением. В самой композиции особое место отводится храму Василия Блаженного: «*Мимо собора, Блаженного Василия*». По словам Ю.Н. Лотмана, «концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, … он имеет начало, но не имеет конца» [15, с. 10].

Однако в отличие от других христианских городов, основанных вокруг собора, в центре Москвы

храм соседствует с мавзолеем: «*Мимо мавзолея, где дедушка Ленин*». Сама композиция, таким образом, становится средством отражения противоречивости русской истории и, самое главное, принятия этой противоречивости.

В центр города ведут **дороги**: «*Я посвящаю строки белой дороге/ На городе дорог, спасибо центру за это*». Мотив дорог традиционно в русской лингвокультуре связан с передвижением, перемещением, путешествиями, в метафорическом, переносном смысле – с развитием личности, нации, страны. Понятие дороги сближается с судьбой человека и народа, в свою очередь, оба указанных концепта являются базовыми, основными для любой культуры. В композиции сливается и буквальное, и метафорическое значение пути: центр становится местом, пространством, в котором сочетаются временные и пространственные ряды человеческих жизней, судеб, местом свершения событий, местом принятия решений, меняющих жизненные «дороги», пути людей. С мотивом перемещения связаны также концепты «мимо» и «далеко»: «*Мимо магазинов на новой тачилле; Куплю билет и улечу куда-то далеко*».

В центр Москвы ведет «белая дорога». Сложно выявить истоки указанного образа: на протяжении столетий сама Москва была белокаменной, указанный концепт является прецедентным для большинства россиян. В то же время белая дорога – один из наиболее поэтичных образов калмыцкой лингвокультуры. Его значения сводятся к следующему [16, с. 49]:

1) счастливая жизнь = жизнь без препятствий;

2) ожидание благих дел, светлых помыслов, удачи;

3) достойная жизнь без страданий.

По сути, белая дорога к центру города может символизировать нацеленность на реализацию достойных помыслов, изменения себя и общества к лучшему. Центр города в метафорической форме может пониматься как достижение достойной жизни без страданий.

Однако не только центр и дороги привлекают исполнителя в родном городе – ему дорог каждый его **метр**. Обращение к центру и метру (т.е. всем без исключения местам Москвы) позволяет снять оппозицию «центр/ периферия», характерную для классической русской литературы. Хотелось бы отметить, что указанная композиция в целом несколько отличается от характерной для рэпа протестности и затрагиваемой тематики. По сути, она в большей степени восходит к лучшим образцам классической русской литературы, преподнесенным в новом формате. В частности, отображение Москвы способствует созданию образа не просто города, но его души. В свою очередь, под душой города Н.П. Анциферов понимал «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта, населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)» [17, с. 48]. Именно такой образ города как целостности, единства исторического и социального представлен в композиции.

Отражение любви к своему городу, а шире – к своей Родине, проявляется также в выбранном концепте **посвящения**. Глагол «посвящать» буквально обозначает «возвести в какой-нибудь сан, звание с соблюдением определенных обрядов» [12, с. 852]. В композиции «в сан» возводится весь город, ему же исполнители выражают благодарность (одной из важнейших лексем композиции является «спасибо»). Как правило, подобные лексемы не характерны для рэп-дискурса, который, как было выявлено ранее, часто обращается к использованию сниженной лексики, что также позволяет говорить о наследовании композиции классической русской литературе.

Если на начальных этапах становления русского рэпа исполнитель, как правило, был одинок, он противостоял толпе, в анализируемой композиции одиночество отсутствует: «*Яркий город с хмурыми облаками –/ Здесь живу я, мои друзья, и все, кто мне важен...*». Можно сделать вывод, что значительное место в рэп-культуре современности отводится социальным ценностям, включая дружбу.

Рэп-культура, как и любая иная субкультура, существует исключительно в противопоставлении себя культуре «общей». Реализация указанного противопоставления может достигаться как посредством принадлежности к асоциальным течениям, провозглашающим необходимость слома существующих социальных норм, так и за счет позиционирования себя в качестве представителя новой творческой интеллигенции. В частности, в данной композиции часто фигурирует слово «**строка**», что отражает отнесение исполнителя к «новым» поэтам, творческой интеллигенции.

Говоря об указанной композиции, необходимо отметить, что отсутствие протестности, обусловленное тематикой произведения, не приводит к изменениям иных сущностных характеристик рэп-культуры. В частности, произведение становится средством репрезентации активной, жизненной позиции исполнителя, отражает его стремление изменить мир в лучшую сторону. В данном аспекте наглядно отображаются изменения рэпа как музыкального явления. В частности, современный русский рэп может быть охарактеризован так: «Я не думаю, что сегодняшний рэп – музыка протеста. Скорее, музыка успеха и активной жизненной позиции» [18, с. 38].

Все чаще рассказ лирического героя приобретает определённую связность и законченность. Если на начальных этапах развития рэп-культуры лирический герой был одинок, статичен, не понят толпой и противостоял ей, то постепенно его образ стал изо-

бражаться в динамике: было – стало. Исполнители стали рассказывать о пережитом опыте, часто негативно его оценивать и выносить уроки. Образы стали сближаться с представленными в классической русской поэзии. Отмечается совершенствование техники исполнения, но, самое главное, меняется тематика композиций – постоянно затрагиваются более сложные, проблемные темы, то, что в наибольшей степени затрагивает молодежь.

К примеру, первая проанализированная композиция была посвящена ироничному высмеиванию мира шоу-бизнеса. Тематика во многом отражает особенности ранних этапов рэп-музыки, т.е. восприятие социальной несправедливости, стратификации общества, стремление противостоять толпе и осознание невозможности что-либо изменять.

Уже вторая композиция отходит от привычных характеристик рэп-дискурса: отсутствует как таковой протест, текст отражает патриотизм, гордость исполнителя, его любовь к родному городу. Исчезает и одиночество исполнителя, его необходимость противостоять толпе. При этом текст призывает к активности, инициативности, свободе личности. Уже эта композиция отражает сближение рэп-композиций с образцами классической русской литературы.

На протяжении всей истории своего существования музыка оказывала определенное влияние на эмоции, мировосприятие и поведение личности. В последние десятилетия важнейшим явлением в музыкальной культуре России стало появление рэп-культуры. На начальном этапе работы были проанализированы современные научные подходы к пониманию повседневности.

Изучение особенностей рэп-культуры позволяет сделать вывод, что зародилась она как протест, «бунт против бунта». В России рэп прошел сложный противоречивый путь: зародившись как малозаметное явление, сегодня он привлекает все большую часть молодежной аудитории. Отличительными характеристиками русского рэпа являются актуальность затрагиваемой социальной тематики. Как правило, исполнители поют о социальной несправедливости, неравенстве, многочисленных проблемах российского общества и государства.

В целом можно сделать вывод о прогрессе рэпа как музыкального направления: если рэп 90-х гг. выступал малозаметным культурным явлением, то уже в 2000-х гг. он стал основным рупором протеста. Меняется и язык рэпа: изначально он обращался к множественному использованию заниженной лексики, англоязычных заимствований, а сами композиции противопоставлялись «высокой» книжной культуре. По мере развития музыкальной формы, она, сохраняя свои иные особенности, может восходить к образцам классической русской литературы, обращаться к завышенной лексике, прибегать к метафоризации наррации и повышению ее символизма. В целом можно сделать вывод, что рэп-дискурс сегодня выступает своеобразной экспериментальной площадкой, для него не существует единожды заданных и неизменных канонов и правил – все они могут нарушаться в зависимости от интенций исполнителя.

Литература:

1. Ткачук Д. В. Факторы формирования и функционирования музыкально-художественных вкусов современной российской молодежи: дисс. … канд. социол. наук. СПб., 2020. 306 с.
2. Шапинская Е.Н. Музыка как фактор формирования эстетических вкусов и этических ценностей в молодежных субкультурах // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 253–260.
3. Иванов Е.А. Исторический нарратив и обыденный опыт: философско-эпистемологический анализ // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 2. С. 34–42.
4. Готлиб А.С. Нарративный поворот // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
5. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 5–8.
6. Чулкина, Н. Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: автореф. дисс. .. докт. филол. наук. М., 2005. 40 с.
7. Мироненко Л. А. Временные границы повседневности: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2005. 28 с.
8. Чулкина Н.Л. Российская повседневность в языковом сознании: «обыденная дребедень» & «мир, светящийся смыслом» // Ценности и смыслы. 2015. № 2 (36). С. 63–73.
9. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–68.

10. Бахлов И.В., Напалкова И.Г. Практика разработки комплексного прикладного политологического исследования (на примере темы «Политические механизмы территориального управления в современной России») // Интеграция образования. 2011. № 3. С. 14–20.
11. Белобрагин В.В. Исследования имиджа отечественного шоу-бизнеса// Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 3. С. 34–35.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Мир и образование, 2019. 1376 с.
13. Шрубченко А.В. Слухи как элемент молодежной культуры// NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2016. № 3. С. 186–189.
14. Белова Н. А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. № 1. С. 87–91.
15. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: в 3-х т. Т. 2. Таллин, 1992. 478 с.
16. Джушхинова К.А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Oriental Studies. 2013. № 2. С. 48–52.
17. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. 336 с.
18. Тесленко А.Н. Рэп как индикатор протестного настроения поколения Z // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 33–40.

The influence of rap music on the everyday life of Russian youth in the 2000s (based on a sociological study of Guf's songs "Gossip" and Centr and Basta's "City of Roads")

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of this study is determined by the increasing role of music in the everyday lives of young people in contemporary Russian society. It is demonstrated that in the Russian context, rap music is often the voice of a generation of young people, shaping their everyday lives and informing their identity. It is demonstrated that in the realities of the current century, Russian rap serves as a tool remodeling modes of interaction and self-expression, influencing fashion patterns, life views, and social and cultural norms. The purpose of this study is to examine the impact of rap music, specifically two iconic songs, "Gossip" and "City of Roads," on the everyday lives of Russian youth in the 2000s. The article explores the essential features of rap and the particularities of its development during the era of economic transition in Russian society. Emphasis is placed on everyday life as a category of sociological inquiry. Based on a study of the selected compositions, the author identifies key meanings assimilated by young people. The scientific novelty of the conducted research is determined by the focus on specific compositions that influenced the constitution of everyday life and the life worlds of Russian youth at the beginning of the 21st century.

Key words: youth, everyday life, rap music, hit, culture, society.

УДК 316.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-307-312

Экологический подход в социологии: возможности и ограничения, кейс проституции

Русакова М.М.
Кандидат социологических наук, доцент,
директор Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Актуальность данного теоретического исследования обусловлена необходимостью разрешения накопившихся методологических противоречий монокаузальных теоретических моделей. Основная цель работы заключается в описании ключевых положений экологического подхода Ури Бронфенбреннера, анализе его возможностей и ограничений в контексте современных социологических исследований. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: дано определение макросистемы, мезосистемы, экзосистемы и микросистемы; описаны основные пути связи обозначенных систем; проанализированы преимущества и ограничения данного подхода на примере кейса исследования проституции. Научная значимость работы заключается в обозначении возможного пути реализации экологического подхода в социологических исследованиях через его синтез с другими исследовательскими традициями в дисциплине. Практическая значимость может быть обозначена через выделяемый потенциал для прикладных исследований с опорой на данный подход. Научная новизна работы заключается в отсутствии релевантных актуальных работ, рассматривающих теоретические перспективы экологического подхода в отечественной социологии.

Ключевые слова: *экологический подход, макросистема, мезосистема, экзосистема, макросистема, практика, проституция*

Для цитирования: *Русакова М.М., Ткач С. Экологический подход в социологии: возможности и ограничения, кейс проституции // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 307–312. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-307-312.*

Перед современной социологией стоит проблема поиска эпистемологических оснований, которые позволили бы учитывать актуальные социальные изменения, с одной стороны, и решить внутренние противоречия классических подходов, основанных на монокаузальной модели объяснения – с другой [1]. Среди возможных решений рассматриваются эпистемологии, предложенные, например, Б. Латуром. Через акторно-сетевую модель Латур стремится отойти от классических каузальных моделей

в методологии социальных наук. Когда Латур задается вопросом о «претензи[и] общественных наук быть именно науками» [2, с. 20], он обращается к сущностному вопросу о возможности общественных наук и, в частности, социологии производить научное знание. Делая следующий шаг, следует указать, что знание в такой постановке вопроса – это «истинное убеждение вместе с некоторым условием *X*, которое может быть каузальной связью, обоснованием […], надежностью […] или более сложным условием» [3, с. 117–118]. Другими словами, Латур пытается отказаться от классического основания теоретической модели в социологии: $x => y$, где x – объяснительная переменная, а y – объясняемая, а задача проектирования теоретической модели – редуцировать возможные объяснения (множество переменных x) к минимальному их числу. Почему люди пожимают друг другу руки – хабитуализация; почему одни добиваются успеха в бизнесе, а другие нет – габитус; т.д. Однако такое объяснение, демонстрирует Латур, оказывается недостаточным, поскольку за социальным явлением x лежит также множество других факторов, образующих связи каузальности: «Г. Тард отмщен, он торжествует над Э. Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено. Слово «социальный» кодирует не субстанцию и не сферу реальности, а способ увязывать вместе гетерогенные пучки, транслировать один вид сущностей в другой» [4, с. 45]. Гетерогенность здесь понимается как внутренняя разнородность и множественность в противовес внутренней гомогенности и дискретности социологических категорий габитуса, хабитуализации и др.

Другим примером отхода от монокаузальности в эпистемологии являются работы по этнометодологии Г. Гарфинкеля. Гарфинкель явно указывает на это, когда приводит модель анализа, используемую следователями по уголовным делам, которую он предлагает заимствовать: «они [уголовные дела] изучаются и "прочитываются" в том числе по тому, что осталось, по разным кусочкам и фрагментам, например, тела и его атрибутов, по бутылочкам с лекарствами, по запискам, по кускам одежды и прочим памятным вещам – по всему тому, что можно сфотографировать, собрать и сохранить. Собираются также и "останки" другого сорта: слухи, брошенные на ходу замечания и истории – материал из "репертуара" любого человека, с которым может быть установлена связь в процессе рутинной работы ведения беседы» [5, с. 27]. Подобно следователю, социолог, по мнению Гарфинкеля, должен обращаться ко всем возможным и необходимым источникам данных и объяснениям происходящего, получая в итоге цельную и непротиворечивую картину описания социальной действительности.

Имплементация эпистемологии как акторно-сетевого подхода, так и этнометодологии в социологическую теорию сопряжена с трудностями, возникающими из противоречий между социологической традицией и обозначенными подходами. В частности, о неудаче имплементации этнометодологии в социологическую традицию пишет Т. Сафонова: «отмежевание [этнометодологии от социологии] – уже свершившийся факт, и сейчас можно говорить об этнометодологии как об отдельной дисциплине» [6, с. 22]. Также и акторно-сетевая теория, на что указывает И. Полонская, не нашла должного отклика в социологии, став основанием для развития самостоятельной дисциплины [7].

Резюмируя, можно констатировать, что две наиболее известные попытки привнести в социологию сложную поликаузальность оказались неудачными, поскольку каждый из подходов предлагал программу исследования, настолько далекую от традиции социологии, что это привело к постепенному отмежеванию обоих подходов в отдельные дисциплины. Многообещающим на этом фоне оказывается экологический подход, который также дает возможность использовать поликаузальные теоретические модели, однако сохраняет основные социологические аксиомы, что позволяет его рассматривать строго в рамках социологической традиции. Целью данной статьи является изложение основных принципов экологического подхода в интерпретации У. Бронфенбреннера, а также описание возможностей и ограничений его применения в социологических исследованиях.

Истоки разработки экологического подхода Бронфенбреннера

Экологический подход, по определению Бронфенбреннера, это «научное изучение прогрессивного взаимного приспособления на протяжении всей жизни активного, развивающегося человеческого существа и изменяющихся свойств непосредственного окружения, в котором живет человек. […] Этот процесс подвержен влиянию взаимоотношений в рамках данного окружения, а также со стороны более широкого контекста, в который это окружение включено» [8, с. 514].

Свои рассуждения Бронфенбреннер начинает с описания наблюдаемого им методологического и эпистемического кризиса в общественных науках, который заключается в неразрешимой дилемме между строгостью и релевантностью используемых методов и, шире, теоретических метафор. С одной стороны, полагает Бронфенбреннер, мы сталкиваемся со строгостью экспериментального метода, который направлен на получение точных, но очень ограниченных знаний о человеке и обществе. Строгие лабораторные условия эксперимента, по мнению Бронфенбреннера, скорее позволяют получать информацию о поведении и установках людей применительно к искусственно сконструированной реальности лабораторий. С другой стороны, более

свободный и приближенный к реальным ситуациям взаимодействия метод наблюдения, реализуемый в рамках натуралистского подхода, напротив, нередко оказывается редуцирован к нестрогим хаотичным заметкам ученого по поводу объекта исследования [8, с. 513]. То же справедливо и для теоретических моделей. Более строгие модели оказываются узкоспециализированными и обращенными к рассмотрению изолированных процессов, проявление которых в сложной системе общества может быть нивелировано сопутствующими факторами. Более общие и менее строгие теоретические модели, напротив, обладая определенной универсальностью, упускают чуткость и точность в прогнозах, которые могут быть сделаны с опорой на такие модели.

Бронфенбреннер заимствует из естественных наук основные категории и старается объединить натуралистский и экспериментальный подходы, апеллируя к общности объектов приложения данных подходов. Так же, как представители естественных наук имеют дело и в естественной среде, и в лаборатории с одними и теми же биологическими объектами, на человека действуют и микросоциальные факторы, и макросоциальные.

Основные понятия

Социальные явления, являющиеся объектом исследования в общественных науках, оказываются встроенными, согласно Бронфенбреннеру, одновременно в микросистему, мезосистему, экзосистему и макросистему. Рассмотрим подробнее данные понятия:

Микросистема – совокупность взаимоотношений, возникающих между человеком и его ближайшим физическим окружением социализации: домом, школой, рабочим местом и т.д. [8, с. 514]. Микросистема в такой интерпретации оказывается синонимична термину *здесь-бытия* в теории практик [9], что позволяет увязать описание микросистемы с актуальными теориями практик, а материальное значение ключевых концептов (дом как здание и мебель в нем; школа как здание, мебель, инфраструктура и т.д.) делает концепцию микросистемы также удачной для ее теоретического синтеза с концепциями материального поворота в теории практик [10].

Мезосистема – это особая структура, которая образуется из взаимодействия микросистем [8, с. 515]. Через введение концепта мезосистемы Бронфенбреннер совершает первый шаг к теоретическому объединению микросоциологических процессов и макросоциологических. Определение мезосистемы как совокупности «носителей информации [о развитии] или основных условий развития» позволяет полагать, что данный шаг будет эпистемически сходным с введением П. Бурдье концепции полей как пространства реализации практик агентами [11].

Экзосистема – совокупность социальных систем, которые воздействуют на объект исследования, но в рамках которых сам объект исследования не развивается и не существует непосредственно [8, с. 515]. Данный шаг – введение концепта экосистемы – видится также синонимичным рассуждениям Бурдье о разграничении (1) внутреннего и (2) внешнего контуров, которым в данной теории будут соответствовать (1) микросистема и мезосистема; (2) экзосистема. Так, например, Бурдье это описывает в отношении поля науки: «Наука должна рассматриваться с точки зрения ее двойственных отношений, с одной стороны, с социальным космосом, в который она вписана (внешнее прочтение); а с другой стороны, с социальным микрокосмом, образованным научным универсумом, тем относительно автономным миром, который располагает своими правилами функционирования и должен описываться и анализироваться как самостоятельное целое (внутреннее прочтение)» [11, с. 480]. Таким образом, внутренний контур составляют агенты, непосредственно вовлеченные в производство научного знания (научные сотрудники, лаборанты, аналитики и т.д.), а во внешний контур – те агенты, которые наукой не занимаются, но могут непосредственно влиять на научное знание (научные журналисты, политики, меценаты и др.). Однако Бронфенбреннер идет немного дальше в своей концепции, включая в экзосистему не только агентов (действующих лиц), но и целые системы, что делает цепочки связанных систем ближе к концепту фигураций Н. Элиаса [12].

Макросистема – это всеобъемлющие институты культуры, субкультуры, права, образования, политики, экономики и иных сфер [8, с. 515]. Макросистема принципиально отличается от других выделяемых Бронфенбреннером систем тем, что она не относится непосредственно к объекту исследования, не является контекстом объекта, а задает правила и нормы развития других систем. Эти системы, отсюда, могут быть названы контекстуальными. Термин «институты» Бронфенбреннер использует в значении правил, норм, законов и обычаев – так, как они понимаются классическими институциональными экономистами.

Эпистемический ход связывания контекстуальных систем с макросистемой здесь синонимичен тому, который можно обнаружить в работе М. Де Сертро в попытке связать пространство практик и пространство правил (институций) [13]. Принципиальное различие будет происходить из наличия в концепции Бронфенбреннера промежуточных структурных элементов мезосистемы и экзосистемы.

Данные четыре системы не существуют обособленно. Эвристический потенциал концепции Бронфенбреннера обнаруживается при рассмотрении взаимосвязей, которые они образуют. Итогом путешествия от микросистемы к макросистеме в исследовании оказывается текстовое описание, близкое к «насыщенному описанию» К. Гирца, в котором по-

вествование о поведении людей может перемежаться с теоретико-методологическими заметками, набросками описаний социального контекста, зданий, мебели, истории развития анализируемого сообщества и др. [14].

Ограничения и возможности экологического подхода: кейс исследования проституции

Изначально экологический подход предлагался Бронфенбреннером для описания процесса развития человека [15], однако далее была продемонстрирована во множестве работ (см., например [16; 17]) его применимость для анализа не только процессов, но и явлений.

В первую очередь, плодотворным оказался синтез с существовавшей длительное время в исследованиях девиантологии традицией экологического подхода Чикагской школы социологии. Наиболее ранней программной статьей на эту тему является работа Р. МакКинзи, изданная в 1925 г. [18]. Среди отечественных авторов можно привести диссертационную работу Л. Цветковой, где она опирается на экологический подход при рассмотрении феномена наркотизации в студенческой среде [19]. О перспективности использования экологического подхода для рассмотрения проблем девиации пишет и Э. Демченко [20], а также А. Прялухина [21].

Опираясь на это, анализ актуальной литературы по теме проституции позволяет представить следующие факторы, влияющие на жизненную траекторию женщин на уровне каждой из выделяемых систем:

1. Микросистема: вовлечение в проституцию членами семьи [22; 23], перенесенное насилие, в том числе сексуализированное [24; 25; 26]; практики употребления наркотиков [27], опыт побегов из дома [26; 28]; работа в сферах, смежных с проституцией (порнография, стриптиз и т.д.) [29]; уровень родительской заботы [30].

2. Мезосистема: регулярное насилие [31]; бездомность [32]; барьеры между своей деятельностью и частной жизнью [33; 34], воспитание в семье группы риска [35; 36].

3. Экзосистема: общественное отношение к проституции и стигматизация [37].

4. Макросистема экономическая нестабильность, уровень бедности в стране [38; 40], доступность системы образования [40].

Анализ возникающих взаимосвязей между обозначенными факторами был осуществлен авторами в ряде работ, построенных в смешанной парадигме на объединенных эмпирических данных серии исследований [41; 42]. Специфика экологического подхода, изложенная в данной статье, сделала возможным такое объединение.

Преимуществом данного подхода перед другими эпистемологиями, предполагающими поликаузальность, является сохранение аксиомы об иерархии взгляда исследователя и информанта. В социологических исследованиях модель картины мира, конструируемая ученым, считается приоритетной над моделью мира информанта. В этнометодологии постулируется обратная ситуация, а в акторно-сетевом подходе – все картины мира равны, поскольку располагаются на одинаковом уровне плоского ландшафта сетей и акторов.

Рассматривая ограничения, следует указать, в первую очередь, значительный объем необходимых трудовых затрат и ресурсов для реализации исследований в рамках экологического подхода для анализа факторов на уровнях всех выделенных систем. Если допустить, что в описании будут присутствовать хотя бы по пять факторов в каждой из систем (в действительности их, вероятно, будет значительно больше), то в описании будут нуждаться 625 сценариев взаимодействия данных факторов. Отсюда подход остро нуждается в критерии ограничения объема исследования. Б. Латур в акторно-сетевом подходе, для которого справедливы те же сложности, предлагает оригинальный критерий для такого ограничения: «Остановитесь, когда напишете 50000 слов, или какой там формат [требуется для написанного текста]» [43, с. 207]. Разработка ограничений для экологического подхода может стать направлением для дальнейшей теоретической работы. Также серьезным ограничением выступает утрата лаконичности исследования и возможности из-за этого задавать лаконичные исследовательские вопросы [44], ответы на которые и могут быть названы научным открытием [45].

Среди направлений для дальнейшей разработки теоретического подхода могут быть названы исследования по определению возникающих противоречий и их разрешения при использовании в разных системах теорий в различных вариантах дизайна исследования (количественного, качественного, смешанного). Также важным видятся исследования анализа эвристического потенциала данного подхода в междисциплинарных исследованиях.

Литература:

1. Добреньков В.И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 5–32.

2. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
3. Демин Т. С. Бруно Латур и аналитическая эпистемология // Социология власти. 2019. № 31(2). С. 116–135.
4. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Бруно Латур Когда вещи дают отпор: возможный вклад науковеденияа в социальные науки // Социологическое обозрение. 2001. № 1(1). С. 44–45.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер. 2007, 335 с.
6. Сафонова Т.В. Непонимающая социология: истории из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 8(4). С. 22–31.
7. Полонская И.Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
8. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // American psychologist. 1977. № 32(7). P. 513–531
9. Taylor C. Engaged Agency and Background in Heidegger // The Cambridge Companion to Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 317–335.
10. Хархордин О. Куда идет теория практик? Поворот к материальности // Социологические исследования. 2012. № 11. С 20–34.
11. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
12. Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса //Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3(3). С. 40–59.
13. де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2013. 330 с.
14. Гирц К. Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. 1997. № 1. С. 170–199.
15. Bronfenbrenner U. Developmental research, public policy, and the ecology of childhood // Child Development. 1974. № 45. P. 1–5.
16. Robinson L.E. et al. Teachers, stress, and the COVID-19 pandemic: A qualitative analysis // School mental health. 2023. № 15(1). P. 78–89.
17. Navarro J.L., Tudge J.R.H. Technologizing Bronfenbrenner: neo-ecological theory // Current Psychology. 2023. № 42(22). P. 19338–19354.
18. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The ecological approach to the study of human community // The city. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. P. 63–79.
19. Цветкова Л.А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде: дисс. … док-ра психол. наук. СПб., 2011. 469 с.
20. Демченко Э.А. Взаимосвязь семейного неблагополучия и девиантного поведения подростков // Актуальные вопросы обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса. 2013. С. 203–206.
21. Прялухина А. В. Потребности в контексте девиантного поведения подростков //Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. 2019. С. 199-206.
22. Reid J. A., Huard J., Haskell R. A. Family-facilitated juvenile sex trafficking // Human Trafficking. Routledge: Routledge, 2014. № 38(3). P. 361–376.
23. McNeal B. A., Walker J. T. Parental Effects on the Exchange of Sex for Drugs or Money in Adolescents // American Journal of Criminal Justice. 2016. № 41. P. 710–731.
24. Roe-Sepowitz D. E. Juvenile entry into prostitution: The role of emotional abuse // Violence against women. 2012. № 18(5). P. 562–579.
25. Widom C. S., Kuhns J. B. Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: a prospective study // American journal of public health. 1996. № 86(11). P. 1607–1612.
26. McClanahan S.F. et al. Pathways into prostitution among female jail detainees and their implications for mental health services // Psychiatric services. 1999. № 50(12). P. 1606–1613.
27. Clarke R.J. et al. Age at entry into prostitution: Relationship to drug use, race, suicide, education level, childhood abuse, and family experiences // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2012. № 22(3). P. 270–289.
28. Hartman C.R., Burgess A.W., McCormack A. Pathways and cycles of runaways: A model for understanding repetitive runaway behavior // Psychiatric Services. 1987. № 38(3). P. 292–299.
29. Williamson C. Entrance, maintenance, and exit: The socio-economic influences and cumulative burdens of female street prostitution. Dissertation Abstracts, 2000. Indiana. 197 p.
30. Whitbeck L.B., Hoyt D.R., Ackley K.A. Families of homeless and runaway adolescents: A comparison of parent/caretaker and adolescent perspectives on parenting, family violence, and adolescent conduct // Child Abuse & Neglect. 1997. № 21(6). P. 517–528.
31. Deering K.N. et al. A systematic review of the correlates of violence against sex workers // American journal of public health. 2014. № 104(5). P. e42–e54.
32. Simons R. L., Whitbeck L. B. Sexual abuse as a precursor to prostitution and victimization among adolescent and adult homeless women // Journal of family issues. 1991. № 12(3). P. 361–379.
33. Day S. What counts as rape? Physical assault and broken contracts: contrasting views of rape among London sex workers // Sex and violence: Issues in representation and experience. Oxfordshire: Routledge 1994. P. 172–189.

34. Brewis J., Linstead S. «The worst thing is the screwing»'(1): Consumption and the management of identity in sex work // Gender, Work & Organization. 2000. № 7(2). P. 84–97.
35. Reid J.A. An exploratory model of girl's vulnerability to commercial sexual exploitation in prostitution // Child maltreatment. 2011. № 16(2). P. 146–157.
36. Lukman Z.M. et al. The relationship between dysfunctional family and the involvement of children in prostitution // World Applied Sciences Journal. 2011. № 12. P. 7–12
37. Weitzer R. The politics of prostitution in America // Sex for sale: Prostitution, pornography, and the sex industry. New York: Routledge 2000. P. 159–181.
38. Cobbina J.E., Oselin S.S. It's not only for the money: An analysis of adolescent versus adult entry into street prostitution // Sociological Inquiry. 2011. № 81(3). P. 310–332.
39. Oselin S.S. Leaving prostitution: Getting out and staying out of sex work. NY: NYU Press. 2014. 218 p.
40. Arnold E.M., Stewart J.C., McNeece C.A. The psychosocial treatment needs of street-walking prostitutes: Perspectives from a case management program // Journal of Offender Rehabilitation. 2000. № 30(3-4). P. 117–132.
41. Русакова М. М. Адаптация и погружение в жизненных траекториях женщин, вовлеченных в проституцию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 19(1). С. 71–80.
42. Одинокова В.А., Ерицян К.Ю., Русакова М.М., Усачева Н.М. Факторы вовлечения в проституцию в несовершеннолетнем возрасте: результаты эмпирического исследования взрослых женщин // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17(2). С. 267–280.
43. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
44. Thabane L. et al. Posing the research question: not so simple // Canadian Journal of Anesthesia. 2009. № 56(1). P. 71–79.
45. Langley P. et al. Scientific discovery // The Philosophy of Science. An Encyclopedia. 1987. New York: Routledge. P. 732–737.

Ecological Approach in Sociology: Possibilities and Limitations, Case of Prostitution

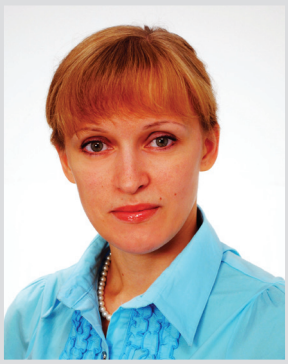
Rusakova M.M., Tkach S.
Saint Petersburg State University

The relevance of this theoretical study is due to the need to resolve the accumulated methodological contradictions of monocausal theoretical models. The main objective of the work is to describe the main provisions of the ecological approach of W. Bronfenbrenner, its capabilities and limitations. To achieve this goal, the following tasks were solved: a definition of a macrosystem, mesosystem, exosystem and microsystem was given; the main ways of communication of the designated systems were described; the advantages and limitations of this approach were analyzed using the example of a case study of prostitution. The scientific significance of this study lies in the designation of a possible way of implementing the ecological approach in sociological research through its synthesis with other research traditions in the discipline. Practical significance can be designated through the allocated potential for applied research based on this approach. The scientific novelty of this work lies in the absence of relevant current works considering the theoretical prospects of the ecological approach in domestic sociology.

Key words: ecological approach, macrosystem, mesosystem, exosystem, macrosystem, practice, prostitution

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-313-317

Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки

Савельева Ж.В.
доктор социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Литвинова А.В.
Ассистент кафедры государственного управления,
истории, социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

В российском обществе на научно-теоретическом и практическом уровне актуализируются вопросы отложенного взросления современной молодежи, которые имеют разнообразные последствия. С целью прояснения отношения к взрослой жизни и выявления характеристик маркеров идеально-типических моделей взросления было проведено исследование студенческой молодежи г. Казани методом анкетирования. Результаты работы имеют научно-практическую ценность в связи с возможностью использования маркеров для профилактики социального инфантилизма. Установлено, что несмотря на тревоги по поводу взросления, большинство опрошенных студентов видят взрослую жизнь привлекательной; сепарация, образование, трудоустройство наличествуют в ответах студентов как маркеры взрослости. Признаки отложенного взросления связаны с семейно-брачными характеристиками и приоритетом заботы о себе.

Ключевые слова: *взрослость, формирующаяся взрослость, маркеры взросления, студенческая молодежь, массовый опрос*

Для цитирования: *Савельева Ж.В., Литвинова А.В. Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 313–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-313-317.*

С начала 2000-х гг. в социологической дискуссии и общественно-политической риторике стала обсуждаться повестка, связанная с тенденциями продления детства, молодости и откладывания освоения взрослых ролей, выбора взрослых сценариев жизненного пути. Как отмечают исследователи, удлинение периода юности и возникновение феномена отложенного взросления связано с социальными трансформациями и разнообразными факторами социокультурного, экономического, политического, психологического порядка [1–7].

На основе аналитического обзора имеющейся научной литературы и серии фокус-групповых интервью с представителями молодежи, при всем разнообразии подходов и интерпретаций, на наш взгляд, можно выделить базовые критерии взрослости, индикатирующие завершение перехода от юности к взрослости: планирование будущей жиз-

ни, отдельное проживание и самостоятельность в принятии решений, получение образования и трудоустройство, вступление в брак и рождение детей, условная замена развлечений на саморазвитие, рационализация жизни и отход от сиюминутных, импульсивных желаний, смена траектории заботы о себе на социальную ответственность и гражданскую активность.

С одной стороны, длительно становящаяся или формирующаяся взрослость (*emerging adulthood*) когерентна процессам повышения продолжительности жизни и изменениям в социально-экономической сфере (потребность в непрерывном образовании, гибкость и нестабильность рынка труда), в политическом поле (развитая социальная политика), обусловлена личностными факторами более высокой рефлексии по поводу ответственности и собственного психологического статуса и прочими причинами. С другой стороны, все чаще в научной среде и публичной сфере поднимаются проблемы молодежи, связанные с ее инфантилизмом, гедонизмом, нарциссизмом, отсутствием навыков самостоятельной жизни, с нежеланием трудиться и заводить семью и детей. Так, согласно исследованию Федеральной службы государственной статистики России, возраст первого брака в России для мужчин увеличился с 23 лет в 2012 г. до 25,4 лет в 2025 г., для женщин – с 22 в 2012 г. до 23,2 в 2025 г. Кроме того, средний возраст рождения первого ребенка также вырос – с 24 лет в 1990 г. до 26 лет в 2025 г. и в крупных городах этот показатель значительно выше [8].

В ракурсе указанных рисков, вопросы о том, каким образом студенческая молодежь оценивает взрослую жизнь и ее компоненты в контексте возрастной периодизации, являются актуальной задачей социологического исследования. Кроме того, важным исследовательским вектором выступает выявление взаимосвязей данных оценок молодежи с социально-демографическими характеристиками ее представителей.

В связи с этим в 2024 г. в Казани был проведен анкетный опрос среди молодежи в возрасте от 18 до 27 лет (N = 804) по квотной выборке с контролем признаков пола и возраста. В составе выборки было 58 % студентов социально-гуманитарного профиля, 30,8 % – инженерного и *IT*, 10,2 % – естественно-научного. 80,3 % опрошенных обучались по программам бакалавриата, специалитета, 10,9 % – по программам магистратуры, 2 % – аспиранты, 3,6 % – обучающиеся в СПО. Полученный массив был подвергнут частотному анализу, для выявления взаимосвязей использовался статистический критерий $\chi 2$ Пирсона. Данные обрабатывались в статистической программе *SPSS*.

В ходе операционализации концепта взрослости в анкетном опросе были сформулированы группы вопросов, в связи с чем результаты исследования будут описаны по блокам. Первый блок включал общие вопросы о взрослой жизни. 22,6 % назвали жизнь взрослого человека привлекательной, 42,8 % – скорее привлекательной, 18,8 % указали, что она скорее непривлекательна, 6,7 % выбрали вариант «непривлекательна», что может говорить об отсутствии заинтересованности во взрослении каждого четвертого представителя студенческой молодежи. Больший инфантилизм по данному вопросу проявляют девушки (рис. 1), что, возможно, отчасти может объясняться социокультурными канонами феминности / маскулинности: одним предписывается быть более осторожными и дозволяется быть капризными, другим – предписывается быть решительными, уверенными, первыми. Также отметим, что некоторые авторы отдельно выделяют инфантильную фемининность, характеризующуюся отсутствием ценности семьи и материнства.

Около половины опрошенных выразили тревогу по поводу наступления взрослой жизни, выбрав ответы «да» (17 %) и «скорее да» (32,7 %). Чуть меньше половины респондентов не тревожатся по поводу взросления: вариант «нет» указало 17,2 % студентов, «скорее нет» – 28,2 %. В ходе статанализа была выявлена связь ответов на данный вопрос с направлением обучения и религиозностью. Студенты социально-гуманитарного профиля чаще высказывались о тревогах по поводу взрослой жизни (рис. 2). Среди верующих студентов тревожность была ниже (13,8 %) по сравнению с неверующими (22,1 %).

Важным критерием взросления выступает формирование четких жизненных стратегий, планов на

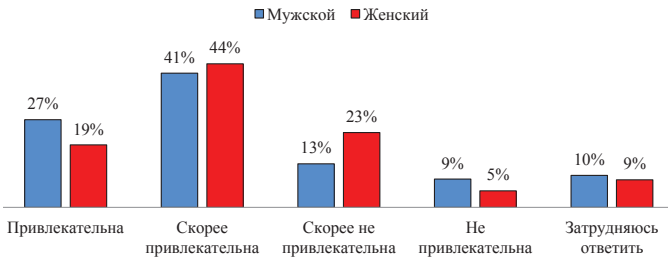

Рис. 1. Двумерное распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению жизнь взрослого человека…» по полу, %

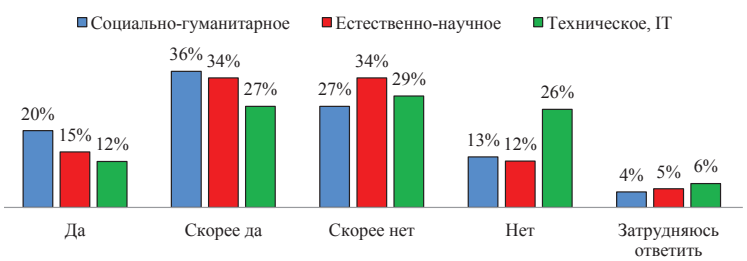

Рис. 2. Двумерное распределение ответов на вопрос: «Вызывает ли у Вас тревогу наступающая взрослая жизнь?» по направлению, %

будущее. О наличии таких планов высказалось около 70 % опрошенных («да» выбрали 32,3 %, «скорее да» – 37,7 %). Не имеют четких жизненных планов 7,6 % опрошенных студентов, 18,7 % выбрали вариант «скорее нет», 3,7 % затруднились ответить. Распределение ответов на данный вопрос имело взаимосвязи сразу с несколькими социально-демографическими характеристиками респондентов: чаще четкие планы имеют респонденты мужского пола, инженерных и естественно-научных направлений обучения, верующие, а также студенты старшей возрастной подгруппы. Так, среди обучающихся 23–27 лет положительный ответ дали 39,8 %, а среди студентов 18–22 лет лишь 29,7 %, что, очевидно, связано с процессами взросления (рис. 3).

Второй блок вопросов о «подходящем возрасте» был нацелен на соотнесение маркеров взрослости, таких как отдельное от родителей проживание, первое трудоустройство, получение образования, вступление в брак и рождение первого ребенка, с возрастными периодами 18 лет, 19–22 года, 23–26 лет, 27 и старше (выбор возрастных диапазонов обусловлен возрастом опрашиваемых, а также важными в модерном социальном циферблате периодами получения образования, хотя мы принимаем тезис о нелинейности нынешних социальных траекторий жизненного пути молодого поколения). Результаты представлены на рисунках 4 и 5.

Как мы видим, абсолютное большинство рассматривают варианты первого трудоустройства и отдельного проживания в период от 18 до 22 лет как наиболее предпочтительный. Завершение образовательной деятельности должно происходить по мнению большинства опрошенных, в период от 23 до 26 лет (40 %), далее по распространенности следует вариант 19–22 года (27,2 %). Для каждого четвертого возраст не имеет значения для завершения образовательной деятельности, что соответствует трендам непрерывного образования. Если рассматривать связь распределений ответов на данные вопросы с социально-демографическими показателями, то распределение ответов о трудоустройстве не имело статистически значимых взаимосвязей, в отличие от двух других: девушки чаще выбирали более ранние возрасты для отдельного проживания, при

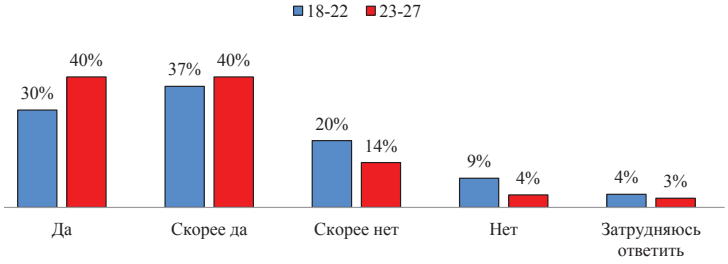

Рис. 3. Двумерное распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас четкие жизненные планы на будущее» по возрасту, %

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для…», %

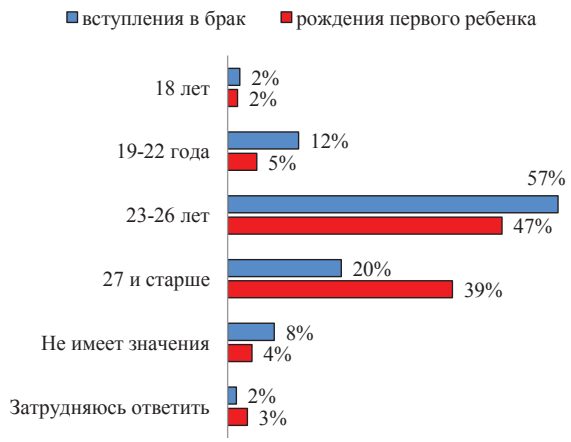

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для…», %

этом юноши чаще указывали на необходимость завершения образовательной деятельности в возрасте 19–22 лет (девушки значимо чаще выбрали вариант «не имеет значения»). На последний показатель также влияла переменная брачности: студенты в браке выбрали возраст 19–22 в 41,4 % случаев, в отношениях – в 29 %, не в браке и не в отношениях – лишь в 25,2 %, что говорит о влиянии данного фактора на жизненные и образовательные стратегии.

Из рисунка 5 следует, что ориентации студенческой молодежи в сфере нормативности иных проявлений взрослости – семейно-брачных отношений – сдвинуты в старшие возрасты, что соответствует объективным тенденциям, фиксируемым Росстатом. Это особенно актуально для идеально-типичного возраста для рождения первого ребенка.

Возраст 23–26 лет является для студенческой молодежи наиболее предпочтительным

для вступления в брак (56,7 %) и рождения первого ребенка (47,1 %), однако значительная часть респондентов (38,6 %) выбрала вариант «27 лет и старше». В ходе статанализа связей переменных было установлено, что вариант отложенного деторождения чаще выбирали респонденты мужского пола, с более высоким материальным статусом, не состоящие в браке, отношениях и неверующие. Так, среди верующих, неверующих и затруднившихся ответить, доля указавших в качестве подходящего возраста для брака 27 лет и старше составила 12,2, 27,1 и 23,3 % соответственно (рис. 6), что говорит о значении фактора религиозности на брачные установки.

Третий блок вопросов был направлен на соотнесение личной позиции в континууме от 1 до 5 баллов, где 1 – *полюс взрослости*, а 5 – *невзрослости*. Девять дихотомий, представленные в сокращенном виде в правой части рисунка 7, были выделены на основе научных и обыденных концептуализаций взросления.

Из данной части опроса следует, что студенческая молодежь в наибольшей степени ориентирована на такие маркеры идеально-типичной модели взросления, как вступление в официальный брак, наличие четкой цели и принятие взвешенных, самостоятельных решений, получение образования, стабильной работы, саморазвитие. В меньшей степени для молодежи актуальна общественная активность (*гражданская активность, волонтерство, участие в общественных мероприятиях*), здесь чаще предпочтения отдаются *заботе о личном будущем, а не об обществе*. Интересен факт того, что распределение ответов на данный блок вопросов практически не имело статистически значимых взаимосвязей с социально-демографическими характеристиками, за исключением дихотомии «*общественная активность – забота о себе*». Данный маркер *невзрослости* чаще встречался у студентов младшего возраста, у неверующих, у студентов вне брака и отношений.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что несмотря на испытываемые тревоги по поводу взрослой жизни, студенческая молодежь имеет четкие цели и строит жизненные планы. В идеально-типической модели взросления сепарация от родителей, получение образования, трудоустройство свидетельствуют о том, что взрослость не откладывается, в отличие от ситуации с семейно-брачными отношениями и приоритетом заботы о себе. Значимым результатом в плане разработки эффективных управленческих решений являются данные о зависимости модели взросления от пола, возраста, религиозности, брачности и направления обучения студентов.

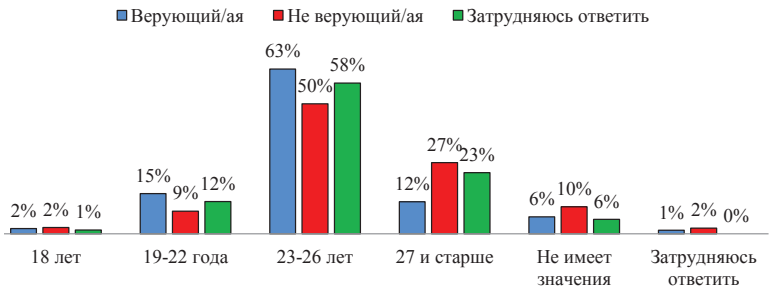

Рис. 6. Двумерное распределение ответов на вопрос: ««Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для вступления в брак?» по религиозности, %

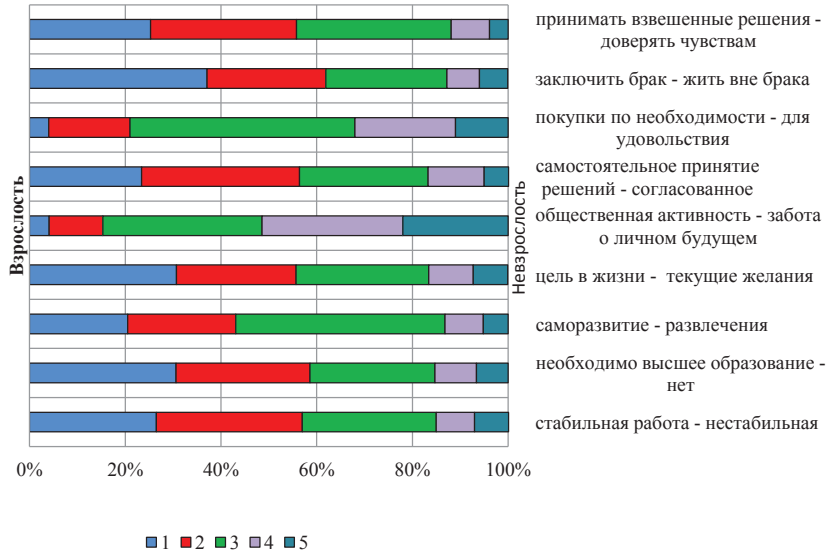

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Выберите из предложенных пар утверждений позицию, которая Вам ближе от 1 до 5», %

Литература:

1. Лобанова Н.И., Логунова Л.В. Феномен «отложенного взросления» в контексте системы обязательного общего образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 2. С. 122–129.
2. Ядова М.А. Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 1 (19). С. 8–17.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. № 3. С.79–98.
4. Демиденко А.С. Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления // Caucasian Science Bridge. 2020. № 3(9). С.62–70.
5. Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139.
6. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through thetwenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469–480.
7. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered // Emerging Adulthood. 2019. Vol. 7. Iss. 6. P. 411–431.
8. Семья и дети в России. Специальный доклад общественной палаты РФ // Статистический сборник Росстата. М., 2024. С. 18–40.

Emerging Adulthood of Student Youth: Markers, Features, Assessments

Saveleva Zh.V.
Kazan (Volga Region) Federal University
Litvinova A.V.
Kazan National Research Technological University

In Russian society, the issues of delayed maturation of modern youth, which has various consequences, are becoming relevant at the scientific-theoretical and practical levels. In order to clarify the attitude to adulthood and identify the characteristics of markers of ideal-typical models of maturation, a study of student youth in Kazan was conducted using a questionnaire. The results of the work have scientific and practical value due to the possibility of using markers for the prevention of social infantilism. It was found that despite concerns about maturation, most of the surveyed students see adulthood as attractive; separation, education, employment are present in the students' responses as markers of adulthood, signs of delayed maturation are associated with family and marital characteristics and the priority of self-care.

Key words: adulthood, emerging adulthood, markers of maturation, student youth, mass survey

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-318-322

Роль социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости (на материалах авторского онлайн-опроса)

Саттарова Л.В.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Саттаров Т.А.
Аспирант Центра перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Актуальность работы обусловлена высокой значимостью социальной защиты семей с детьми в условиях нарастающего демографического кризиса. Несмотря на все попытки со стороны органов государственной власти в области стимулирования рождаемости, она продолжает снижаться. Падение рождаемости детерминировано уменьшением числа женщин фертильного возраста, отложенным деторождением, оттоком молодежи в крупные города, ухудшением социального самочувствия. В этой связи социальная защита семей с детьми занимает значимое место в контексте социальной политики государства. Чем эффективнее будет реализовываться социальная защита семей с детьми, тем выше будет качество жизни населения. Цель исследования заключалась в выявлении роли социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости (на материалах авторского онлайн-опроса). В работе были поставлены задачи определения оценки населения о текущей демографической ситуации в Республике Татарстан, перспективах ее развития в ближайшие несколько лет и деятельности Правительства РТ в отношении реализации мер социальной защиты семей с детьми. Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Росстата, а также результаты авторского онлайн-опроса жителей Республики Татарстан, направленного на выявление роли социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости. Результаты исследования подчеркивают необходимость реализации государственных мер поддержки семей с детьми в целях улучшения демографической ситуации, а также демонстрируют потребность в их совершенствовании.

Ключевые слова: *социальная защита, семьи с детьми, государственные меры поддержки, демографическая ситуация, репродуктивные планы, повышение рождаемости, материнский (семейный) капитал, социальные выплаты и пособия, отложенное деторождение*

Для цитирования: *Саттарова Л.В., Саттаров Т.А. Роль социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости (на материалах авторского онлайн-опроса) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 318–322. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-318-322.*

В настоящее время социально-экономическое развитие Российской Федерации сопровождается рядом проблем, в том числе связанных с социальной защитой семей с детьми [1]. Семьи с детьми входят в число социально незащищенных слоев населения, которые острее ощущают экономическую нестабильность и политическую напряженность [2]. Согласно официальным данным Росстата, численность населения нашей страны с доходами ниже прожиточного минимума на 2024 г. составляет 10,5 млн чел., что на 3,5 млн чел. меньше, чем в 2023 г. [3]. По мнению экспертов, снижение уровня бедности в России стало возможным благодаря повышению занятости населения, созданию новых рабочих мест и увеличению финансовой поддержки семей с детьми со стороны государства. Отметим, что прожиточный минимум в 2025 г. в среднем по России составляет 17 201 руб. на ребенка [4].

Роль социальной защиты семей с детьми ежегодно возрастает ввиду высоких темпов инфляции, несоответствия уровня заработных плат и расходов населения, снижения уровня жизни при появлении в семье первого и последующих детей [5]. Поэтому важное место здесь занимает государство, которое реализует меры поддержки семей с детьми. Ежегодно принимаются новые меры поддержки, происходит индексация имеющихся выплат и пособий, однако они не всегда дают желаемый эффект [6]. Вместе с этим реализуемые государством меры поддержки семей с детьми вызывают общественные дискуссии [7].

В целях выявления роли социальной защиты семей с детьми в повышении рождаемости был проведен онлайн-опрос на базе «Яндекс.Формы» в муниципальных районах Республики Татарстан в сентябре – ноябре 2024 г., выборочная совокупность составила 1500 чел., отобранных по половозрастной структуре. Из 1500 опрошенных – 37 % составили мужчины и 63 % женщины. Преимущественно это молодежь в возрасте от 25 до 30 лет (29 %) и молодые люди от 31 до 35 лет (26 %). Опрошенные в возрасте от 36 до 41 года составили 25 %, в возрасте от 18 до 24 лет – 11 %. Еще 7 % – это респонденты в возрасте от 46 до 55 лет и лишь 2 % – респонденты старше 56 лет. Почти половина респондентов являются семейными людьми (49 %), в то время как 29 % – свободными. Еще 19 % указали, что разведены. Только 3 % отметили, что являются вдовами. 66 % татарстанцев, принявших участие в опросе, указали наличие детей, в то время как 34 % отметили, что дети у них отсутствуют. При этом среди тех, кто указал, что у них есть ребенок: 42 % имеется один ребенок, у 38 % – двое детей, и у 16 % – трое детей. Еще у 4 % – 4 и более детей.

Большая часть респондентов (44 %) оценивает текущую демографическую ситуацию в Республике Татарстан в последние 2–3 года как нестабильную, еще 15 % считают ее критической и требующей незамедлительного вмешательства со стороны государства. Но 22 % характеризуют ситуацию как стабильную, в связи с чем нет необходимости в корректировке социальной и демографической политики государства. 15 % опрошенных вовсе затруднились с ответом, что говорит об их низкой информированности или же слабой заинтересованности в этом вопросе. Еще 4 % выбрали вариант ответа «другое», где указали, что ситуация стабильна, однако в целях недопущения ее ухудшения необходимо предпринимать различные меры. Мы видим, что суммарно 59 % респондентов обеспокоены сложившимися демографическими реалиями в республике, что свидетельствует о необходимости изучения данной проблемы.

На вопрос о том, изменилась ли ситуация с рождаемостью в Татарстане за последние 2–3 года, треть респондентов (35 %) указали, что демографическая ситуация за последние годы не претерпела существенных перемен, что говорит о стабильном восприятии происходящей ситуации. На положительное развитие демографической ситуации указали 22 %, в то время как 15 % опрошенных считают, что ситуация, наоборот, изменилась в худшую сторону, что может быть связано с личным отрицательным опытом. Стоит отметить, что довольно высокий процент респондентов (28 %) затруднились ответить на данный вопрос, что может свидетельствовать о слабой информированности населения по данному вопросу или отсутствии явных изменений в сложившейся ситуации.

Татарстанцы довольно положительно оценивают деятельность Правительства Республики Татарстан в области решения проблем рождаемости и реализации мер поддержки семей с детьми. Так, большая часть опрошенных (45 %) оценили работу республиканского правительства на «хорошо», а еще 15 % на «отлично». Это говорит о доверии к органам государственной власти, признании некоторых результатов в данном направлении и необходимости реализации мер поддержки. Нейтральную позицию заняли 5 % респондентов, а критически высказались только 2 % (оценки «плохо» и «очень плохо»). Такие результаты говорят об отсутствии открытого недовольства реализуемой политикой в области социальной защиты семей с детьми. Однако довольно большой процент респондентов (33 %) затруднились с ответом, что свидетельствует о слабой информированности населения о реализации мер социальной защиты семей с детьми и отсутствии четкой позиции. Мы полагаем, что необходимо проведение активной информационной работы по реализуемым мерам поддержки семей с детьми и повышении открытости деятельности государства.

Для большинства респондентов на желание иметь детей могут повлиять такие меры государственной

поддержки семей с детьми, как существенная индексация материнского капитала при рождении вторых и последующих детей (78 %) и при рождении первого ребенка (77 %), существенное увеличение суммы пособий на рождение и воспитание ребенка (76 %), обеспечение доступности качественного обслуживания в области здравоохранения, образования и социальной защиты (55 %) и расширение программы «семейная ипотека» (55 %). Чуть реже респонденты указывали на такие меры, как субсидия на приобретение жилья (45 %), дополнительные налоговые льготы для семей с детьми (45 %), обеспечение доступности мест в дошкольных учреждениях (41 %) и введение различных льгот на оплату детского сада, проезд и т.д. (35 %). Эти результаты подтверждают высокую значимость финансовых механизмов поддержки семей с детьми, однако населению необходимо видеть реальные шаги органов государственной власти с учетом инфляции и повсеместного повышения цен.

Кроме того, не менее важными, чем индексация существующих пособий, является возможность решения жилищных проблем, предоставления мест в дошкольные учреждения (с этой проблемой сегодня сталкиваются многие родители) и качественное медицинское и образовательное обслуживание, что свидетельствует о ключевой роли качества и уровня жизни семей с детьми. Значительно реже опрошенные указывали на такие меры поддержки, как скидки на оплату ЖКХ (13 %), возможность выхода на работу с сохранением пособия по уходу за ребёнком (12 %). Это говорит о том, что такие меры не пользуются популярностью и не являются стимулирующими для увеличения количества детей, но могут быть полезными как дополнительный стимул.

Татарстанцы убеждены, что необходимо существенное увеличение следующих выплат: пособие по беременности и родам (77 %), продление периода оплаты отпуска по уходу за ребёнком с 1,5 до 2 лет (76 %) и ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребёнком до достижения им возраста 1,5 лет (68 %). Такие результаты опроса свидетельствуют о том, что для семей с детьми эти меры являются материально значимыми в период беременности и первые несколько лет после рождения ребёнка. Также опрашиваемые указывали на выплату при рождении (усыновлении) ребёнка (58 %) и единое пособие (56 %). Мы полагаем, что это обусловлено тем, что размер данных пособий семьи с детьми считают приемлемым.

Семьи с двумя и более детьми, согласно результатам опроса, нуждаются в следующих мерах государственной поддержки: предоставление вне очереди мест в дошкольные и школьные учреждения (77 %), снижение налогового бремени в зависимости от числа детей у трудоустроенных родителей (63 %), предоставление льгот для проезда в общественном транспорте (55 %) и снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей (55 %). Перечисленные меры поддержки являются важным фактором для семей с двумя и более детьми. Напротив, непопулярные меры поддержки для семей с двумя и более детьми – помощь в организации собственного дела (35 %), семейные путёвки (15 %). Они не являются приоритетными, и их эффективность не доказана.

По мнению жителей республики, снижение рождаемости обусловлено такими внешними факторами (причинами), как: низкое качество социального обслуживания (нехватка мест в детских садах, школах, низкий уровень услуг социальной защиты) – 67 %; отсутствие должной государственной меры поддержки семей с детьми – 55 %; низкое качество услуг здравоохранения – 45 %; экономическая нестабильность – 35 %; политическая нестабильность – 33 %. Это говорит о том, что такие меры поддержки играют ключевую роль в принятии решения о рождении ребёнка. Также опрошенные выделили: наличие социальных проблем – 22 %; отсутствие в обществе пропаганды норм семейных ценностей и многодетности – 25 %; высокий уровень разводов – 12 %. Перечисленные причины имеют средний уровень поддержки, но не являются главенствующими.

Татарстанцы считают, что на решение о рождении первого ребенка могут повлиять повышение уровня жизни семей (57 %) и желание решить жилищные проблемы (19 %). На решение о рождении второго ребенка влияют такие факторы, как желание решить жилищные проблемы (32 %), укрепить семью (16 %), желание супруга / супруги иметь второго ребенка (13 %), повышение уровня жизни семьи (12 %). Достаточно значимый процент тех, кто не смог ответить на данный вопрос – 17 % опрошенных.

На принятие решения о рождении ребенка в некоторой степени оказывают события, происходящие в России и мире (проведение специальной военной операции, санкции и т.д.). Так, 15 % указали, что они повлияли на их репродуктивные планы. В то же время 47 % респондентов отметили, что репродуктивные планы никак не изменились, т.е. внешние факторы не являются значимыми при принятии решения о рождении ребенка. «Кроме того, значительна доля тех (38 %), кто затруднился с ответом, что говорит об их неготовности сейчас ответить на данный вопрос и непонимании, как происходящее может сказываться на репродуктивных планах.

Значительная доля респондентов (68 %) считает, что государство должно помогать семье иметь столько детей, сколько она сама захочет. Это говорит о признании общественностью роли государства в поддержке семей с детьми и повышении рождаемости. 13 % опрошенных не согласны с этим, что связано, как мы полагаем, с опасениями экономической нагрузки на государство. В то же время

19 % затруднились с ответом, поскольку не видят прямой зависимости между помощью государства и решением о рождении ребёнка. Более половины татарстанцев (58 %) убеждены, что, если семья останавливается на рождении одного ребёнка, то государство должно заинтересовать её в том, чтобы иметь большее число детей, а также создать необходимые условия для этого. Это говорит о признании влияния государства на принятие решения о появлении ребёнка в семье. 33 % респондентов затруднились с ответом на вопрос, поскольку не уверены в эффективности государственной политики.

Таким образом, по результатам проведённого онлайн-опроса мы видим, что татарстанцы довольно оптимистично оценивают сложившуюся демографическую ситуацию и перспективы её развития в ближайшие 2–3 года, хотя и подчёркивают необходимость усиления государственной поддержки.

В оценках демографической ситуации в Республике Татарстан преобладают положительные ожидания, что указывает на потребность в формировании долгосрочной стратегии стимулирования рождаемости и социальной поддержки семей с детьми.

Несмотря на положительные оценки федеральных мер, отмечается значительная степень неуверенности в их результативности и эффективности. Опрошенные считают, что способствовать повышению рождаемости могут следующие меры:

• увеличение материальной поддержки (индексация пособий, материнского капитала);

• содействие в решении жилищного вопроса;

• введение дополнительных налоговых льгот и вычетов;

• сокращение подоходного налога;

• популяризация семейных ценностей.

Выбор мер, связанных с материальной поддержкой, указывает на важную роль финансовых механизмов в принятии семейными парами решения о рождении ребёнка. Кроме того, для семей с детьми значимы решение жилищных проблем и снижение налогового бремени. Популяризация семейных ценностей посредством СМИ, социальных сетей и сотрудничества с блогерами также может оказать положительное влияние.

Литература:

1. Шакирова А.Ф. Цифровая трансформация социальной защиты населения // Электронный экономический вестник. 2021. № 1. С. 99–102.
2. Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р., Нуруллина Э.Р. Демографические приоритеты населения в Республике Татарстан: статус детей и проблемы семьи: монография. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 319 с.
3. Уровень бедности в РФ в 2024 г. снизился до исторического минимума в 7,2 % с 8,3 % в 2023 г. URL: https://www.finmarket.ru/news/6358993 (дата обращения: 12.05.2025).
4. Прожиточный минимум в России поднимут до 17 733 руб. URL: https://www.garant.ru/news/1725791/ (дата обращения: 12.05.2025).
5. Шакирова А.Ф. Эффективность функционирования социальной защиты населения как один из факторов повышения качества жизни населения (на примере Республики Татарстан) // Электронный экономический вестник. 2020. № 4. С. 8–90.
6. Какие пособия и льготы может получить семья с детьми. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/3214 (дата обращения: 12.05.2025).
7. Как помочь семье и не навредить. URL: https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1280?ysclid=metheas7g695241213 (дата обращения: 08.05.2025).

The Role of Social Protection of Families with Children in Increasing the Birth Rate (Based on the Author's Online Survey)

Sattarova L.V., Sattarov T.A.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

The relevance of the work is due to the high importance of social protection of families with children in the context of a growing demographic crisis. Despite all attempts by government bodies to stimulate the birth rate, it continues to decline. The decline in the birth rate is determined by a decrease in the number of women of childbearing age, delayed childbearing, the outflow of young people to large cities, and

deterioration in social well-being. In this regard, social protection of families with children occupies a significant place in the context of the state's social policy. The more effectively social protection of families with children is implemented, the higher the quality of life of the population will be. The purpose of the study was to identify the role of social protection of families with children in increasing the birth rate (based on the author's online survey). The work set the tasks of determining the population's assessment of the current demographic situation in the Republic of Tatarstan, the prospects for its development in the next few years and the activities of the Government of the Republic of Tatarstan in relation to the implementation of measures for the social protection of families with children. The empirical basis of the study was the official data of Rosstat, as well as the results of the author's online survey of residents of the Republic of Tatarstan, aimed at identifying the role of social protection of families with children in increasing the birth rate. The results of the study emphasize the need to implement state measures to support families with children in order to improve the demographic situation, and also demonstrate the need for their improvement.

Keywords: social protection, families with children, state support measures, demographic situation, reproductive plans, increasing the birth rate, maternity (family) capital, social payments and benefits, delayed childbearing

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-323-328

Социологический инструментарий исследования духовно-нравственных ценностей молодежи*

Хизбуллина Р.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

Владимирова М.М.
Старший преподаватель
кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

В статье с позиции теоретико-методологического и эмпирического анализа рассматриваются духовно-нравственные ценности, их роль и влияние на развитие общества и поведение личности. С опорой на положения теорий классиков социологической мысли (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, М. Вебер) и отечественных исследователей обозначается преемственность научных дискуссий в области изучения нравственных ценностей. Эмпирическое знание о духовно-нравственных ценностях молодого поколения приращается опытом использования авторского социологического инструментария, апробированного в рамках опроса молодежи 14–35 лет (N = 1539, 2024–2025 гг.) в Республике Татарстан (г. Казань, г. Набережные Челны, г. Нижнекамск, г. Зеленодольск) с целью выявления качеств, составляющих, по их мнению, основы нравственности и структуру ценностей. В работе представлены концепция и структура инструментария, а также обоснование его как приоритетного выбора в рамках представленного социологического опроса. В выводах обозначается роль ценностей как основы формирования социальных норм и правил поведения, прав и обязанностей, составляющих фундамент устойчивого развития общества и гражданской ответственности.

Ключевые слова: *социологический опрос, исследование, инструментарий, анкета, духовно-нравственные ценности, молодежь*

Для цитирования: *Хизбуллина Р.Р., Владимирова М.М. Социологический инструментарий исследования духовно-нравственных ценностей молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 323–328. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-323-328.*

* Финансирование: работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Ценность в социологическом контексте представляется в качестве важного и значимого элемента в структуре социализации личности, социальной интеракции и стабильного развития общества. Классики социологической мысли заложили базовые принципы и основы понимания ценностей, их роли и влияния на развитие общества и поведение личности. Отечественный исследователь А.С. Рындина обозначает, что основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм указывал на основополагающее значение ценностей и моральных фактов в установлении общественных норм, порядка и социальной солидарности [1]. Е.В. Шухно, с отсылкой на положения теории представителя структурного функционализма Р. Мертона, обозначает роль ценностей как социальных ориентиров в процессе социализации, их значимость в формировании норм социального поведения и социальной стабильности [2]. И.В. Пресняков отмечает, что в своих работах один из основоположников понимающей социологии М. Вебер обнаруживал влияние ценностей на социальные действия личности, воздействие нравственных ценностей на формирование мировоззрения, религиозных, культурных и социально-экономических процессов и структур [3].

Содержанию категории «духовные ценности», представленной в Большой российской энциклопедии, соответствует совокупность нравственных понятий и принципов, составляющих нематериальные ориентиры, детерминирующие поведение человека, смысл его жизни, отражающие обоснование и специфику религиозной и светской традиции [4].

Современные исследователи также обозначают, что сегодня развитие общества тесно зависит от духовности, в связи с чем влияние духовно-нравственных ценностей на формирование современной личности рассматривается в междисциплинарном контексте – правовом поле, вопросах воспитания, формирования сознания, мировоззрения, социологии, психологии и других науках [5; 6]. Д.И. Ережипалиев, Л.Х. Булатова, Э.Р. Нуруллина подчеркивают, что базовые духовно-нравственные ценности, формировавшиеся на протяжении истории нашей страны являются основой российского общества, развития личности, формирования семьи и ее традиций [7; 8]. А.А. Ковалев, рассматривая духовно-нравственные ценности как неотъемлемую часть национального менталитета и, вместе с тем объект деструктивного воздействия отмечает значимость мероприятий с целью защиты традиционных ценностей [9]. Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина обозначают связь будущего развития общества с развитием духовной культуры молодого поколения, указывая на наличие факторов риска традиционным ценностям и межпоколенческим связям в современных условиях цифровизации [10].

В настоящее время, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809, государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется междисциплинарно в различных направлениях:

– в образовании и воспитании, науке;

– в рамках работы с молодежью;

– в системе культуры, межнациональных и межрелигиозных отношений;

– в области средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества [11].

В исследовании формирования духовно-нравственных ценностей важная роль отводится изучению особенностей их становления у молодого поколения, в том числе с помощью социологического инструментария, структура которого определяется в соответствии с исследовательской задачей. В настоящее время используются различные методы и форматы исследования духовно-нравственных ценностей. Массовый социологический опрос может рассматриваться как метод выбора в рамках исследования структуры ценностей у молодого поколения, поскольку позволяет:

1) реализовать массовый сбор данных (мнений и оценок) молодежи 14–35 лет, как целевой аудитории с учетом территориального охвата;

2) обеспечить конфиденциальность и получить правдивые ответы, которые респонденты предоставляют на основе гарантии анонимности;

3) провести статистический и сравнительный анализ эмпирических данных, сформировать выводы;

4) на основе современных возможностей электронных опросов произвести автоматическую фиксацию получаемых данных и создать на их основе интерактивную электронную базу данных, архивируемую и конвертируемую для дальнейшей работы с программами *SPSS, Excel* и др. [12].

Известно, что социологический инструментарий массового опроса (анкета) формируется исходя из цели исследования и поставленных задач. Форматы масштабирования анкеты в эпоху цифровизации позволяют получать информацию оперативно, в условиях конфиденциальности и опосредованно от субъективного влияния интервьюера. Соответственно, цифровая среда расширяет возможности проведения социологического опроса, обеспечивая симбиоз построения классической структуры анкеты и современных цифровых возможностей её дизайна.

С целью выявления качеств, составляющих основы нравственности у молодежи сформирована и апробирована авторская анкета[1], как инструментарий социологического опроса, часть результатов которого представлена в данной статье. На основе разработки и апробации авторского социологиче-

[1] https://forms.yandex.ru/admin/67c86aabf47e73453082ce26/answers?view=stats

ского инструментария (анкеты) предполагалось определить структуру традиционных духовно-нравственных ценностей молодежи как составных элементов процесса социокультурной социализации в современных условиях. В локус внимания инструментария предметно центрируются факторы, демонстрирующие отношение к традиционным духовно-нравственным ценностям молодежи.

Методология и методы. В работе приведены результаты авторского социологического опроса молодежи (14–35 лет: 14–17 лет – 335 чел., 18–21 год – 558 чел., 22–25 лет – 279 чел., 26–29 лет – 180 чел., 30–35 лет – 187 чел.; N = 1539, 2024–2025 гг., метод – анкетирование) в Республике Татарстан (г. Казань, г. Набережные Челны, г. Нижнекамск, г. Зеленодольск) на предмет определения качеств, составляющих основу нравственности и структуру духовно-нравственных ценностей (количество респондентов сформировано с учетом доверительной вероятности > 97 %; доверительный интервал (погрешность) составил 5 %). Также в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза научных данных, статистическая обработка данных эмпирического опроса реализована с помощью программы *IBM SPSS Statistics*. При разработке анкеты использованы разные типы вопросов и шкал для полноты получения статистической информации. Анкетирование позволило привлечь к исследованию значительное количество респондентов и осуществить компьютерную обработку большого массива данных.

Результаты. Инструментарий представленного исследования (анкета) сформирован из вводной части, тематических блоков, каждый из которых предполагал ответы на вопросы с одним или множественным выбором и блок вопросов «паспортичка». Приведем некоторые результаты: данные, полученные на вопрос с множественным выбором ответа «Укажите, какие качества являются для вас основой нравственности?», демонстрируют, что в числе качеств, составляющих основы нравственности у молодежи, выступают достоинство (наибольший процент наблюдений отмечен в возрастном интервале 18–21 год – 64 %), крепкая семья (наибольший процент отмечен в возрастном интервале 18–21 год – 61 %), далее следуют такие качества, как справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, милосердие, патриотизм, гуманизм, гражданственность. Также отмечено, что из представленных ценностей респонденты выбрали служение отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд и приоритет духовного над материальным (наибольший процент отмечен в возрастном интервале 26–29 лет – 32,2 и 27,2 % соответственно) (см. табл. 1).

В структуре ответов на вопрос «Перечислите, на какие ценности вы ориентированы?» респонденты отмечают, в первую очередь, крепкую семью (69,4 %), дружбу и взаимопомощь (64,3 %), здоровье и образование/карьеру (по 58,2 % наблюдений соответственно), семейное благополучие (53,8 %), а также материальный достаток (48,7 %) и свое дело (38,1 %), религию и духовность (32,4 %) и рождение детей (однако лишь в 30,3 % наблюдений) (рис. 1) (частотное распределение).

Известно, что нравственные ценности также служат моральным ориентиром в системе определения прав и обязанностей, которые, в свою очередь, являются основой социального действия в соответствии с разделяемыми ориентирами и принципами, конвертируемыми в мировоззрение и поведение. Подавляющее большинство опрошенных – 91,5 % отметили, что исполняют свои обязанности и знают о своих правах, 8,5 % дали отрицательный ответ (вопрос закрытого типа).

Ориентация и следование духовно-нравственным ценностям влияют на формирование поведенческих стратегий и гражданской ответственности, поскольку определяют значимость и понимание молодым поколением уважения к правам других и ответствен-

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Укажите какие качества являются для вас основной нравственности?», % к опрошенным респондентам

Вариант ответа	Возраст				
	14-17 лет	18-21 год	22-25 лет	26-29 лет	30-35 лет
достоинство	51,9 %	64,0 %	53,8 %	52,8 %	48,1 %
крепкая семья	46,0 %	59,0 %	55,2 %	46,1 %	61,0 %
справедливость	45,1 %	57,7 %	47,7 %	45,0 %	51,3 %
взаимопомощь и взаимоуважение	37,9 %	52,5 %	43,7 %	38,9 %	46,5 %
милосердие	39,7 %	50,5 %	43,7 %	42,2 %	42,2 %
патриотизм	35,8 %	44,6 %	40,5 %	35,0 %	44,4 %
гуманизм	32,5 %	42,5 %	37,6 %	30,6 %	33,2 %
гражданственность	29,9 %	33,3 %	31,5 %	32,2 %	36,4 %
служение отечеству и ответственность за его судьбу	24,2 %	21,3 %	22,6 %	28,3 %	30,5 %
созидательный труд	23,0 %	26,5 %	25,4 %	32,2 %	29,9 %
приоритет духовного над материальным	25,4 %	23,7 %	22,6 %	27,2 %	24,6 %
коллективизм	18,8 %	15,1 %	14,3 %	17,2 %	16,0 %

ности за свое поведение в будущем. По мнению респондентов, структуру ценностей составляют как целерациональные ориентиры, так и традиционные нравственные установки. Так, при ответе на вопрос «Я думаю, что в будущем могу...» наблюдения распределились следующим образом: в первую очередь, молодежь отмечает ориентацию на успех в карьере/профессии – 59,8 % и на получение хорошего образования – 49,25 %, установку на семью и детей – 45,5 % и помощь родителям/пожилым родственникам – 42,9 %, значимость расширения круга друзей – 40,2 %, ценность здоровья и активного/здорового образа жизни – 37,9 %, на желание стать высоконравственным человеком – 29,9 %, на следование и разделение традиционных ценностей своей страны – 27,7 % и помощь своей стране – 25,5 % (обратим внимание, что последние две установки занимают чуть менее трети опрошенных, что может свидетельствовать о необходимости масштабирования воспитательной и просветительской работы среди молодежи), на достижение успехов в спорте – 24,6 % (рис. 2).

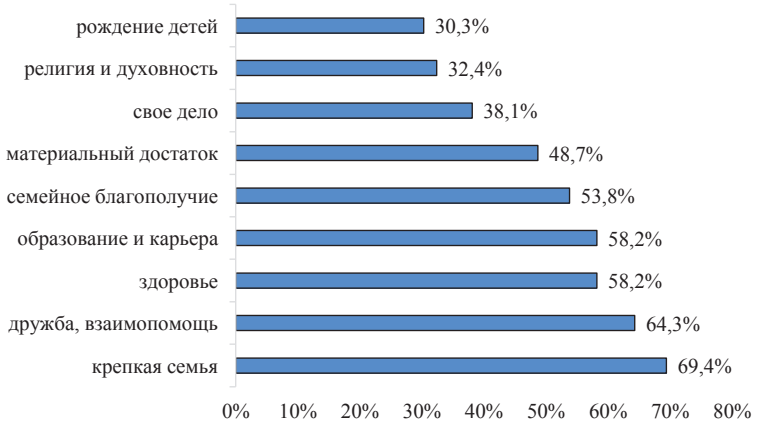

Рис. 1. Структура духовно-нравственных ценностей, отмеченных молодежью, % к опрошенным респондентам

Рис. 2. Приоритеты в структуре ценностных ориентаций молодежи, % к опрошенным респондентам

Рассмотрев некоторые теоретические подходы к пониманию ценностей и на основе результатов эмпирического социологического опроса, подытожим, что в целом духовно-нравственные ценности представляют собой структуру моральных принципов и нравственных убеждений, ориентиров, опосредующих поведение и принятие решений. Апробация авторского социологического инструментария при проведении социологического опроса позволила получить данные, отражающие структуру ценностей, которые в настоящее время приоритетны для молодежи Республики Татарстан в представленной выборочной совокупности. Определено, что в представленной структуре ценностей, в первую очередь, молодежь выделяет крепкую семью (69,4 %), дружбу и взаимопомощь (64,3 %), ориентацию на успех в карьере/профессии (59,8 %), здоровье (58,2 %), семейное благополучие (53,8 %). С позиции социологического знания ценности являются основой формирования системы ценностных ориентаций и определяют социальные нормы поведения, правила, моральные и формальные права и обязанности членов общества, что, в свою очередь, является фундаментом его устойчивого развития и гражданской ответственности ее членов.

Таким образом, на основе эмпирических данных и выявленной структуры ценностей можно предложить следующие мероприятия по укреплению социокультурной идентичности молодежи для гармоничной и созидательной самореализации социально ответственного гражданина, разделяющего семейные и традиционные духовно-нравственные ценности. Отдельными элементами программы, носящими практические рекомендации, могут стать:

1. Разработка и внедрение инициатив, направленных на изучение традиций, культуры, истории России через образовательные проекты, знакомящие молодежь с важными событиями отечественной истории, подвигами, открытиями, культурными достижениями, духовными традициями нашей страны и пр.

2. Масштабирование практики использования цифровых ресурсов (например, образовательных платформ и др.), популяризация духовного наследия (например, через мультимедийный контент, интерактивные экскурсии), вовлечение молодежь в волонтерские и добровольческие сообщества в социальных сетях и пр.

3. На основе данных и результатов социологических и комплексных научных исследований целесообразно внедрение программ по укреплению и развитию социокультурной идентичности российской мо-

лодежи через повышение гражданской активности и формирование патриотического сознания в рамках образовательных, культурно-просветительских мероприятий, факультативов и пр.

В целом перспективы исследования духовно-нравственных ценностей молодежи сопряжены с пониманием влияния социокультурных факторов, национальных, территориальных условий на особенности развития нравственных ориентиров, духовных потребностей молодых людей под влиянием современных вызовов, глобализации и цифровизации.

Литература:

1. Рындина А.С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 590–609.
2. Шухно Е.В. Ценности и нормы как социокультурные основания деятельности научных организаций белорусской академической науки // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16. № 2. С. 191–205. DOI:10.24412/2079-0910-2025-2-191-205
3. Пресняков И.В. Политеизм ценностей» макса вебера: контексты, происхождение, логико-методологические основания // Социология власти. 2020. Т. 32. № 4. С. 68–106.
4. Духовные ценности / Большая российская энциклопедия. Электронный ресурс. URL: https://bigenc.ru/c/dukhovnye-tsennosti-321004 (дата обращения 10.08.2025).
5. Ермолаева Ю.В. Духовно-нравственные ориентиры российского общества: конституционно-правовые вопросы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1(156). С. 60–67. DOI:10.24412/2227-7315-2024-1-60-67
6. Мальчукова Н.Н., Куликова С.В. Духовно-нравственные ценности как основа воспитания современного молодого поколения // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 27–30. DOI:10.24412/1991-5497-2022-596-27-30
7. Ережипалиев Д.И. Совершенствование законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 14. № 4(54). 2023. С. 33–41. DOI: 10.37973/KUI.2023.26.51.004
8. Булатова Л.Х. Семейные ценности как объект социологического анализа / Л.Х. Булатова, Э.Р. Нуруллина // Тинчуринские чтения – 2024 «Энергетика и цифровая трансформация»: Материалы Межд. молодежной науч. конф., Казань, 24–26 апреля 2024 г. Казань: КГЭУ, 2024. С. 346–350.
9. Ковалев А.А. Духовно-нравственные ценности как объект деструктивного воздействия // Социально-политические исследования. 2023. № 4 (21). С. 19–32. DOI:10.20323/2658_428X_2023_4_21_19
10. Зинурова Р.И., Т. Н. Никитина Развитие духовной культуры молодежи в условиях цифровизации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: Сб. материалов V Межд. науч. конф. Под ред. Р.А. Бадикова, Челябинск, 29–30 сентября 2022 г.. Челябинск: Челябинский гос. ун-тет, 2022. С. 14–18. DOI: 10.47475/9785727118559-02.
11. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 02.08.2025).
12. Вайсбург А.В. Обзор современных электронных количественных опросных методов социологических исследований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 185–195.

Sociological Tools for the Study of Spiritual and Moral Values of Young People

Khizbullina R.R., Vladimirova M.M.
Kazan State Power Engineering University

From the standpoint of theoretical, methodological and empirical analysis, the article examines spiritual and moral values, their role and influence on the development of society and personal behaviour. Based on the provisions of the theories of the classics of sociological thought (E. Durkheim, R. Merton, M. Weber) and domestic researchers, the continuity of scientific discussions in the field of studying moral values is indicated. Empirical knowledge of the spiritual and moral values of the younger generation is increased by the experience of using the author's sociological tools tested in the framework of a survey of young people 14-35 years (n = 1539, 2024-2025) in the Republic of Tatarstan (Kazan, Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Zelenodolsk) in order to identify the qualities that, in their opinion, constitute the foundations of morality and the structure of values. The paper presents the concept and structure of the toolkit, and its justification as a priority choice in the framework of the presented sociological survey. The conclusions indicate the role of values as the basis for the formation of social norms and rules of conduct, rights and obligations that form the basis of sustainable development of society and civil responsibility.

Keywords: sociological survey, research, tools, questionnaire, spiritual and moral values, youth

УДК 316.4.051
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-329-336

Концептуальная основа измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию, в условиях мегаполиса (на примере города Новосибирска)

Шпигунова Ю.М.
Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Центра социологических исследований, доцент кафедры государственного управления и отраслевых политик Сибирского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ[1]

Джентрификация представляет собой социальный процесс в ходе взаимодействия социальных субъектов при формировании территориального и социального пространства. В статье рассматривается возможность эмпирического исследования процесса джентрификации и подходы к разработке концептуальной основы измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию, в условиях мегаполиса (на примере города Новосибирска).

Цель статьи – определить показатели для количественного измерения джентрификации как социального явления.

Научная новизна пилотажного исследования, проведенного в городе Новосибирске, заключается в том, что автором показано, как джентрификация формирует культурные практики и паттерны поведения у членов местного сообщества, которые способствуют их противостоянию «новым» жителям.

Ключевые слова: *джентрификация, мегаполис, социальная реальность, социальный процесс, методология эмпирического исследования*

Для цитирования: *Шпигунова Ю.М. Концептуальная основа измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию, в условиях мегаполиса (на примере города Новосибирска) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 329–336. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-329-336.*

Представляя собой устойчивый тренд в современном российском городском развитии, такой социальный процесс как джентрификация, имеет различные интерпретации. Джентрификация изначально понималась как приток людей среднего класса, вытесняющих рабочих из низшего класса в городских кварталах [1].

Но и сегодня степень изученности данного социального процесса и рост к нему научного интереса остаются достаточно высокими, о чем свидетельствуют публикации последних лет [2–7].

По утверждению К. Патон, «джентрификация используется в качестве основного оружия в неолиберальном арсенале регенерации по всему миру: это новая урбанистическая стратегия… или новый урбанистический колониализм» [8]. В качестве такого «оружия» разными авторами приводятся примеры: точечного улучшения элементов уличного пространства и городской среды [9] (районы Лондона и Стокгольма); освоение промышленных зон как элементами культурной среды [10; 11], так и новыми жилыми застройками [12; 13].

Нами джентрификация рассматривается как совокупность характеристик, возникающих в ходе взаимодействия социальных субъектов в процессе

[1] доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (НГУЭиУ).

формирования территориального и социального пространства [14, с. 39]. Такое широкое толкование данного социального процесса вызвано анализом существующих примеров джентрификации в научной литературе:

– в случае строительства культурных пространств на месте промышленных либо иных заброшенных зон не всегда происходит замещение одних социальных групп другими, тем более не идет речь о высокодоходности этих групп. Возможен повышенный интерес к вновь созданным культурным объектам со стороны жителей и туристов, но устойчивой структуры при формировании территориального и социального пространства не происходит (например, Арт-центр на Пушкинской, 10 в г. Санкт-Петербурге, «Руин Паб» в г. Новосибирске и др.);

– в случае, если «на уровне культурных практик происходит замещение культуры рабочих новой культурой продвинутой молодежи, современных художников, музейных работников, городских активистов, которые заполняют собой публичное пространство, не оставляя возможности для высказывания рабочим» [8, с. 14], то здесь также не имеет место процесс замещения одних доходных групп другими;

– такие формы трансформации городских районов как ревитализация, реновация и редевелопмент уже стали неотъемлемой частью градостроительного ландшафта современной России и ведут к притоку людей среднего и высокодоходного класса. Однако в связи с тем, что жилье в большей степени в нашей стране находится в собственности, чем в аренде, регулирование через арендные ставки и «выселение» низкодоходных групп из трансформируемых районов не имеет места в российских мегаполисах и полномасштабной социальной трансформации внутригородского пространства не происходит (реновация в Москве в 2015 г. также имела место в большей степени с собственниками жилья, чем с арендаторами).

В связи с чем необходимо рассматривать этот процесс в широком его смысле и не ограничиваться лишь его характеристикой данной через приток людей среднего класса, вытесняющих рабочих из низшего класса в городских кварталах [1].

Несмотря на относительное согласие среди ученых – экономистов, социологов и архитекторов – о примерах джентрификации [5–7; 15; 16], которые носят в большей степени описательный качественный, а не количественный характер, и его постепенной институализации в российской научной доктрине, вопрос о введении единой методологии изучения данного процесса и управления им в науке отсутствует.

Ряд зарубежных авторов предпринимает попытку «рассчитать» джентрификацию через: индексы арендной платы и индексы цен на недвижимость, прямые иностранные инвестиции [17], среднее изменение уровня бедности, демографические характеристики домохозяйств [18]. Для российской правовой системы, в связи с невозможностью регулирования арендных ставок и цен на недвижимость через государственный и муниципальный сектор, а также в связи с проживанием в большей степени российских граждан в собственном, а не арендованном жилье, эти показатели не будут оказывать влияния на процесс джентрификации и очевидно, возникает необходимость разработки отечественной методологии измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию.

Цель статьи – определить возможность создания методологического поля эмпирического изучения джентрификации, а также выявить концептуальные основы измерения социальных процессов, сопровождающих джентрификацию, в условиях российского мегаполиса (на примере города Новосибирска).

Эмпирическая база исследования

Согласно классификации этапов джентрификации, выдвинутой *L. Lees, T. Slater, E. Wyly* [19], в России этот процесс находится на переходной стадии [14, с. 44].

В связи с необходимостью зондажа общественного мнения по относительно новому для России социальному процессу – джентрификации, автором была выдвинута гипотеза, что этот процесс жители российских мегаполисов сегодня наблюдают, несмотря на то, что именно таким названием не маркируют данный процесс.

Изучение социальных процессов, сопровождаемых джентрификацию, осуществлялось в рамках собственного разведывательного (пилотажного) исследования, проводимого в ноябре – декабре 2024 г., автором настоящей статьи.

Данный вид исследований используется в качестве предварительного этапа масштабных исследований, так называемого зондажа общественного мнения. Он охватывает небольшие обследуемые совокупности и основывается на упрощенной программе и методике. Основная цель пилотажного исследования – проверка методик [20, с. 132], апробация концептуальной схемы исследования, инструментария.

Методом сбора эмпирической информации в пилотажном исследовании был выбран полуформализованный анкетный опрос на платформе *https://forms.yandex.ru/*, который проходил с 05.11.2024 г. по 09.11.2024 г. В опросе приняли участие 100 респондентов.

В опросе были представлены жители Новосибирска 18 лет и старше, репрезентирующие возрастную структуру, состоящую из 7 возрастных групп, участниками исследования были 24 % мужчин и 76 % женщин.

Доминировали в ходе опроса респонденты, имеющие высшее (69 %) образование, что является об-

щей тенденцией опросов в городе Новосибирске как одного из центров России с высоким удельным весом взрослого населения, имеющего высокий уровень образования. В то же время в структуре опроса представлены респонденты, начиная с основного среднего образования.

Участники опроса заняты в 17 отраслях экономики либо ведут домашнее хозяйство, являются пенсионерами и студентами. Анализ данных позволяет утверждать, что среди участников обследования представлены основные демографические, социальные, профессиональные, статусные, экономические группы населения Новосибирска.

По уровню дохода респонденты распределились следующим образом: до 1 прожиточного минимума (20 тыс. руб.) – имеют доход 4 % респондентов; от 1 до 2 ПМ – 36,4 %; имеют доход от 2 до 3 ПМ – 46,5 % респондентов; более 3 ПМ – 13,1 %. При этом 77 % респондентов отнесли себя к группе со средними доходами, 18 % – с низкими доходами, 5 % – к высокодоходной группе населения. Очевидно, что крайне высокий уровень инфляции и имеющий место его постоянный рост, независимо от роста доходов населения, ведет к снижению уровня его благосостояния отдельных групп.

Также в связи с необходимостью выявления процессов джентрификации на мезоуровне (районы/микрорайоны города), важной характеристикой респондентов является то, что они представляют все 10 районов города Новосибирска: от 2 % опрошенных – жители Первомайского района до 23 % опрошенных – жители Центрального района. Это позволяет считать их оценки, ориентации, ожидания выражающими общественное мнение жителей Новосибирска.

Поскольку выборка была целенаправленная (только жители города Новосибирска 18 лет и старше, только в определенный период времени), то такое представительство можно считать обеспечивающим репрезентативность полученных данных.

Более того, сравнение полученных данных пилотажного исследования с результатами мониторингового социологического исследования «Состояние социальной обстановки, межнациональных и межконфессиональных отношений в Новосибирске в 2023 году»[1] по ряду контрольных вопросов находится в пределах статистической погрешности 2 % (табл. 1).

Численность населения города Новосибирска на 01.01.2024 г. составила 1 633 900 чел. [21], что составляет 58,5 % населения Новосибирской области. В условиях продолжающихся процессов урбанизации, происходящих в нашей стране и мире, этот показатель ежегодно увеличивается. Также в связи с вводом нового жилищного фонда, строительством бизнес-объектов и потоком мигрантов не только из Ближнего Зарубежья, но и жителей из сельской местности и других регионов Сибири, процессы джентрификации в мегаполисе будут проходить все интенсивнее (например, Новосибирск является привлекательным в плане миграции не только для жителей Сибирского федерального округа, но и Дальневосточного федерального округа).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как долго Вы живете в Новосибирске?», в % от всей совокупности опрошенных, 2023–2024 гг.

Варианты ответов	2023 г.	2024 г.
живу здесь с рождения	40,3	39,0
менее 1 года	-	9,0
1-5 лет	9,5	9,0
6-10 лет	8,3	7,0
11-15 лет	11,6	7,0
более 15 лет	30,1	29,0
нет ответа	0,3	0,0
Всего	100,0	100,0

Результаты эмпирического исследования процесса джентрификации в мегаполисе (на примере города Новосибирска)

Анализ полученных данных показывает (табл. 1), что около 40 % респондентов живут в городе с рождения, еще 29 % респондентов проживают в городе свыше 15 лет; в то время как почти каждый четвертый респондент – житель Новосибирска от 1 до 15 лет, менее года проживают 9,0 % респондентов.

Из приехавших в Новосибирск 60,7 % – прибыли из других регионов России; 24,6 % – из Новосибирской области; 14,8 % – из другой страны (рис. 1). Это подтверждает тезис о привлекательности мегаполиса не только для мигрантов Ближнего Зарубежья, но и жителей других регионов России, в том числе самой Новосибирской области.

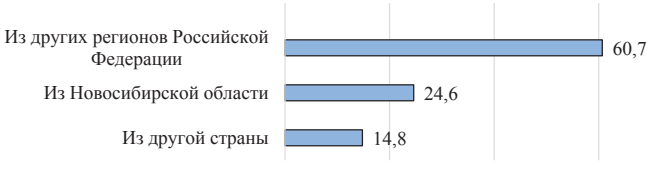

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, откуда Вы приехали?», в % от выделенной совокупности опрошенных, Новосибирск, 2024 г.

При этом, обратившись к миграционным настроениям жителей (рис. 2), становится ясно, что почти каждый четвертый рассматривает Новосибирск как пункт временного проживания (15,0 % – планируют переехать в другое место в России; 7,0 % – в другую страну). Полученные данные коррелируют с числом

[1] Мониторинг проводится с 2018 г. по заказу мэрии города Новосибирска. Объём выборки – 750 респондентов. Выборка многоступенчатая, многомерная, стратифицированная, с организацией ступеней по территориальному принципу.

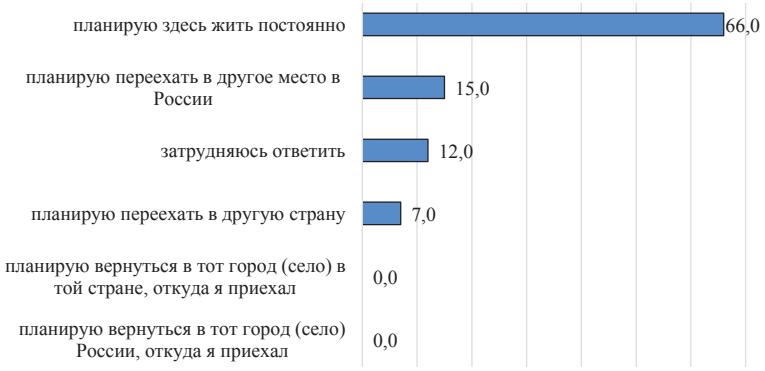

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в городе Новосибирске?», в % от всей совокупности опрошенных, Новосибирск, 2024 г.

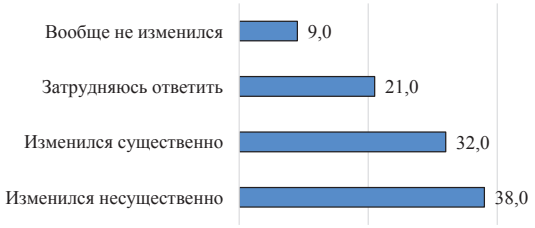

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, изменился ли состав населения в районе Вашего проживания за последние 3-5 лет?», в % от всей совокупности опрошенных, Новосибирск, 2024 г.

респондентов, проживающих в Новосибирске от 1 до 15 лет (табл. 1). Это может говорить о несоответствии реальности условий проживания и ожиданий при переезде в мегаполис.

Определившись с тем, что каждый четвёртый опрошенный не так давно проживает в мегаполисе и планирует из него переезжать, рассмотрим, наблюдают ли явления, сопровождающие процесс джентрификации в Новосибирске и как респонденты эти явления маркируют.

Поскольку, как было указано выше, джентрификация рассматривается нами как совокупность характеристик, возникающих в ходе взаимодействия социальных субъектов в процессе формирования территориального и социального пространства [14, с. 39], начнем с характеристик изменения социального состава субъектов.

Об изменении состава населения в районе проживания сказали 70,0 % респондентов (рис. 3). Хотя обращает внимание и тот факт, что 21,0 % опрошенных затруднились с ответом, что может говорить, в том числе, о социальном отчуждении этих опрошенных от жизни местного сообщества.

Изменений в процессе формирования территориального и социального пространства не заметили только 2,9 % респондентов. При этом в число наиболее значимых процессов, на которые указали респонденты, вошли (рис. 4):

– цены на жилье в месте проживания значительно выросли (35,4 %);

– возникли значительные по численности новые микрорайоны (18,2);

– создаются общественные пространства (парки, площадки, скверы и т.д.) (13,9 %);

– строятся бизнес-центры (11,0 %);

– наблюдается постепенное вытеснение местных жителей (8,1 %).

Среди собственных вариантов ответов, респондентами были названы лишь два следующих:

– ремонтируются дороги (в том числе пешеходные);

– много точечной застройки.

Рассматривая выдвинутые ранее модели джентрификации [14, с. 44], можно говорить о том, что респонденты, участвующие в опросе, в большей степени наблюдают следующие модели[2]:

– «Стратификационная» модель джентрификации: появление новых социальных групп, которые изменили образ жизни Вашего района (48 % опрошенных);

– «Деформационная» модель джентрификации: новые социальные группы захватывают социальное пространство в месте Вашего проживания (35 % опрошенных) (рис. 5).

В меньшей степени респонденты увидели следующие три модели:

– «Аппликативная» модель джентрификации: появление новых социальных групп и их трансформация в образ жизни Вашего сообщества (31 %);

– «Оккупационная» модель джентрификации: появление новых социальных групп и активное

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Имеют ли место следующие процессы в районе Вашего проживания?», в % от всей совокупности опрошенных, Новосибирск, 2024 г.

Вопрос позволял любое количество ответов и в совокупности здесь будет больше 100 %.

[2] В вопросы анкеты не включались названия моделей джентрификации, а были указаны только описания процессов, характерные для той или иной модели.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Наблюдаете ли Вы следующие изменения в месте Вашего проживания?», в % от всей совокупности опрошенных, Новосибирск, 2024 г.

противодействие местного населения включению в Ваше сообщество (26 % опрошенных);

– «Реставрационная» модель джентрификации: появление новых социальных групп и их явная конфликтность с местным сообществом (25 % опрошенных).

Рассмотрим, какая модель социальных процессов характерна для конкретных районов города Новосибирска (табл. 2).

Признаки «Стратификационной» модели джентрификации, по мнению респондентов, в большей степени присущи Калининскому и Кировскому районам. Пример Калининского района города Новосибирска был приведен

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Наблюдаете ли Вы следующие изменения в месте Вашего проживания?». Районы города Новосибирска, в % от каждой совокупности опрошенных, 2024 г.

Варианты ответов	Дзержинский	Железнодорожный	Заельцовский	Калининский	Кировский	Ленинский	Октябрьский	Первомайский	Советский	Центральный
«Стратификационная» – появление новых социальных групп, которые изменили образ жизни района										
Присутствует в высокой степени	0,0	14,3	14,3	20,0	22,2	10,0	10,5	0,0	0,0	4,3
Присутствует в некоторой степени	75,0	42,9	42,9	50,0	33,3	30,0	31,6	100,0	20,0	26,1
Отсутствует	0,0	28,6	42,9	10,0	11,1	50,0	26,3	0,0	60,0	21,7
Затрудняюсь ответить	25,0	14,3	0,0	20,0	33,3	10,0	31,6	0,0	20,0	47,8
«Деформационная» – новые социальные группы захватывают социальное пространство в месте проживания										
Присутствует в высокой степени	0,0	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Присутствует в некоторой степени	25,0	28,6	28,6	20,0	33,3	20,0	31,6	0,0	20,0	21,7
Отсутствует	12,5	57,1	42,9	40,0	22,2	60,0	52,6	0,0	20,0	52,2
Затрудняюсь ответить	62,5	14,3	28,6	30,0	44,4	20,0	15,8	100,0	60,0	26,1
«Аппликативная» – появление новых социальных групп и их трансформация в образ жизни сообщества										
Присутствует в высокой степени	0,0	14,3	14,3	10,0	22,2	10,0	10,5	0,0	0,0	4,3
Присутствует в некоторой степени	37,5	28,6	42,9	20,0	44,4	20,0	21,1	0,0	20,0	30,4
Отсутствует	25,0	28,6	28,6	40,0	11,1	40,0	36,8	0,0	60,0	30,4
Затрудняюсь ответить	37,5	28,6	14,3	30,0	22,2	30,0	31,6	100,0	20,0	34,8
«Оккупационная» – появление новых социальных групп, и активное противодействие местного населения включению в сообщество										
Присутствует в высокой степени	0,0	14,3	14,3	0,0	11,1	0,0	5,3	0,0	0,0	4,3
Присутствует в некоторой степени	25,0	0,0	28,6	20,0	44,4	30,0	15,8	50,0	20,0	8,7
Отсутствует	37,5	57,1	42,9	50,0	22,2	30,0	52,6	0,0	80,0	52,2
Затрудняюсь ответить	37,5	28,6	14,3	30,0	22,2	40,0	26,3	50,0	0,0	34,8
«Реставрационная» – появление новых социальных групп и их явная конфликтность с местным сообществом										
Присутствует в высокой степени	0,0	0,0	14,3	0,0	11,1	0,0	0,0	0,0	0,0	4,3
Присутствует в некоторой степени	62,5	28,6	14,3	20,0	44,4	10,0	36,8	0,0	20,0	21,7
Отсутствует	12,5	42,9	14,3	50,0	22,2	30,0	31,6	0,0	40,0	34,8
Затрудняюсь ответить	25,0	28,6	57,1	30,0	22,2	60,0	31,6	100,0	40,0	39,1

в рамках исследования джентрификации в России как социального процесса и социальной проблемы [14, с. 40–41]. На этой территории города возникли значительные по численности новые микрорайоны, что привело к появлению здесь значимых групп населения, несвойственных прежде; в связи с чем сложилась новая социальная структура. Кировский район города Новосибирска характеризуется, прежде всего, близостью Хилокского треугольника (рынка), соответственно, и появлением мигрантов из Средней Азии, обслуживающих данный рынок.

Признаки «деформационной» модели респонденты также в большей степени увидели в Калининском районе города. Она возникает как искажение, изменение формы, структуры социального объекта и его базовых характеристик, и проявляется, когда новые социальные группы захватывают социальное пространство в месте проживания. Скорее всего, респонденты здесь наблюдают приток мигрантов из Ближнего зарубежья и изменение этнической структуры сообщества, однако это вывод требует дальнейшего подтверждения.

Данные варианты социальных процессов также представляют интерес в той части, какой район города респонденты считают наиболее или наименее комфортным для проживания. Этот вопрос был задан в открытом формате, респонденты могли предложить как район города, так и микрорайон либо отдельные улицы города. Для более наглядного изображения предлагается технология «Облако слов» (рис. 6 и 7).

Из всей совокупности территорий города Новосибирска наиболее благоприятными для жизни респонденты считают[3]:

– Центральный район и «Тихий центр» – здесь расположены основные административные, культурные и деловые объекты города;

– Советский район и расположенный в нем Академгородок – один из главных научных центров России, который славится не только благоприятной экологической обстановкой, но и наличием ярых борцов за ее сохранение;

– Микрорайон «Европейский Берег» в Октябрьском районе – относительно новый и крупный проект развития территории города. Особенностями микрорайона являются: близость к реке Обь, а также дворы без машин, парковочные места по периметру домов, ландшафтное озеленение с газонами и др. [22].

В антитоп, по мнению респондентов, попали (рис. 7):

– Ленинский и Кировский районы, а также Левый берег реки Оби, на котором они расположены; а также Затулинский жилмассив Кировского района, Юго-Западный жилмассив Ленинского района – близость к Хилокскому рынку, и значительное количество среди жителей мигрантов из Средней Азии;

– Молодёжный жилой комплекс (МЖК) и Плющихинский микрорайон Октябрьского района города Новосибирска – близость к вещевым рынкам («Восток», «Дружба» и др.) [14, с. 43], и, соответственно, также как в Ленинском и Кировском районах, значительная доля среди жителей мигрантов из Средней Азии;

– Первомайский район, отдаленный от центральной части города и известный своей криминальной обстановкой.

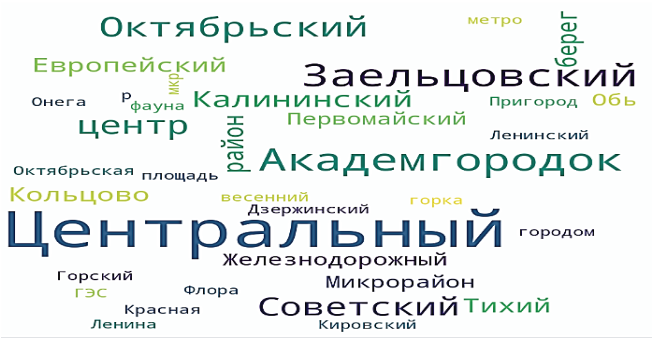

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос[4]: «Какой район /микрорайон города Новосибирска для Вас кажется НАИБОЛЕЕ комфортным для проживания?»

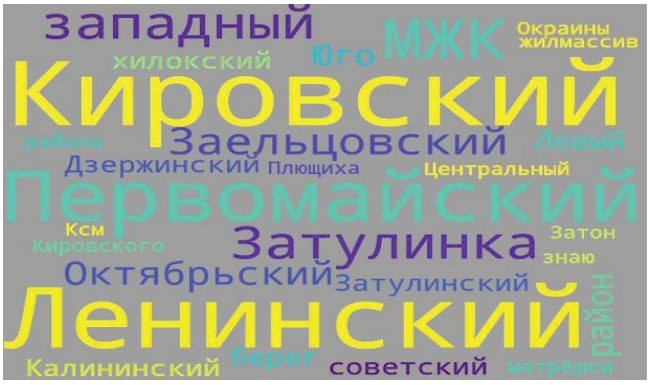

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос[4]: «Какой район /микрорайон города Новосибирска для Вас кажется НАИМЕНЕЕ комфортным для проживания?»

Заключение

Результаты пилотажного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что жители города Новосибирска видят и могут идентифицировать происходящие в местах их проживания социальные характеристики процесса джентрификации, пусть и не знают принятого в научной терминологии определения этого процесса.

В связи с чем, можно сделать вывод, что пилотажное исследование позволило определить методологические рамки эмпирического изучения джентрификации, а также выявить концептуальные основы измерения социальных процессов, сопрово-

[3] Авторская группировка по территориальному признаку.

[4] Облако слов оформлено с использование сайта: https://wordscloud.pythonanywhere.com/.

ждающих джентрификацию в условиях российского мегаполиса.

Проведя анализ полученных данных, приходим к выводу, что пилотажное исследование 2024 г., проведенное автором статьи на основе целенаправленной выборки, не противоречит полученным ранее результатам и наработанным теоретическим конструкциям. В связи с чем вопросы полуформализованного анкетного опроса могут быть применены на других территориях для эмпирического исследования процесса джентрификации. Ограничением исследования явилось зондажность представленного эмпирического исследования 2024 г. только на одном муниципалитете, однако крупнейшем в нашей стране.

В связи с отсутствием масштабных федеральных исследований для дальнейшего социологического эмпирического анализа возможно расширение географических рамок исследования и проведение социологических исследований в других крупных городах Российской Федерации.

Литература:

1. Urban Dictionary: Gentrification. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Gentrification (дата обращения: 09.01.2025).
2. Ахметова Д.Р., Курлов А.В., Сазонова Л.Д. Топонимы как инструмент брендирования джентрифицированных территорий (на примере полуострова ЗИЛ) // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: Сб. материалов XI Межд. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург – Ярославль, 28 февраля – 04 марта 2025 г. СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-тет, 2025. С. 167–169.
3. Ерендеева К.С. Социальные и экономические последствия джентрификации городов // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сб. науч. статей XVII Всеросс. науч.-практ. конф. В 2-х ч., Самара, 22 марта 2024 г. Самара: Самарский гос. эконом. ун-тет, 2024. С. 269–272.
4. Капитонова Е.А. Дуализм урбанологической оценки точечной застройки как феномена российского девелопмента // Градостроительное право. 2024. № 1. С. 7–10. DOI: 10.18572/2500-0292-2024-1-7-10.
5. Корнилова А.А., Кусаинов А.А. Динамика развития и проблемы джентрификации районов городов: Анализ последних десятилетий // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-9. С. 19–22. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-448.
6. Цырендоржиев Б.В. Джентрификация: накопленный опыт // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: теория, методология, практика: Сб. науч. статей по материалам XV Межд. науч.-практ. конф.. Уфа, 29 октября 2024 г. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. С. 367–374.
7. Юхнина О.Ю. Джентрификация промышленных территорий Санкт-Петербурга // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: Материалы XIV Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием, 09 февраля 2024 г. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-тет профсоюзов, 2024. С. 133–135.
8. Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2018. № 3. С. 4–34. DOI: 10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34.
9. Долгов А.Ю. Стрит-арт как элемент уличного пространства и городской жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2019. № 1. С. 31–41.
10. Зукин Ш. Культуры городов. М: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
11. Макарова К. Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 279–296.
12. Зуденкова С.А. Джентрификация в Московской агломерации // Управленческие науки в современном мире: Сб. докладов науч. конф. 2020. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106707_68019845.pdf. (дата обращения: 11.04.2023).
13. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 26–31.
14. Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М. Джентрификация в России как социальный процесс и социальная проблема // Развитие территорий. 2024. № 1 (35). С. 37–49. https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-1-37-49.
15. Хун-Хаминссон С. Джентрификация промзоны – оживление территории путём вытеснения функции // Инновационная наука. 2023. № 11-2. С. 165–167.

16. Averkieva K.V. Rural gentrification: City dwellers in rural areas of Russia's Non-Chernozem Region // Russian Peasant Studies. 2023. Vol. 8. № 4. P. 137–151. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-4-137-151.
17. Iam-Chong Ip. State, Class and Capital: Gentrification and New Urban Developmentalism in Hong Kong // Critical Sociology. 2018. Vol. 44. № 3. P. 547–562. DOI: https://doi.org/10.1177/0896920517719487.
18. Ding L., Hwang J., Eileen D. Gentrification and residential mobility in Philadelphia. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166046216301223 (дата обращения: 30.03.2023).
19. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification. New York: Routledge, 2008. 310 p.
20. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 480 с.
21. Общая информация о Новосибирске // Официальный сайт города Новосибирска. URL: https://www.novo-sibirsk.ru/about/numbers/ (дата обращения: 11.01.2025).
22. ФГКУ «Росвоенипотека». URL: https://rosvoenipoteka.ru/

Conceptual Framework for Measuring Social Processes Accompanying Gentrification in a Megalopolis (Using the City of Novosibirsk as an Example)

Shpigunova Yu.M.
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

Gentrification is a social process in the course of interaction of social actors in the formation of territorial and social space. The article considers the possibility of an empirical study of the gentrification process and approaches to developing a conceptual framework for measuring the social processes accompanying gentrification in a megalopolis (using the example of Novosibirsk). The purpose of the article is to identify indicators for quantifying gentrification as a social phenomenon. The scientific novelty of the pilot study conducted in Novosibirsk lies in the fact that the author shows how gentrification forms cultural practices and patterns of behavior among members of the local community, which contribute to their opposition to "new" residents.

Key words: gentrification, metropolis, social reality, social process, empirical research methodology

УДК 340.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-337-341

Дифференцированный подход законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов в законодательстве о банкротстве Российской Империи XVIII–XIX вв.

Гарбовский А.И.
Соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

Современное правовое регулирование отношений несостоятельности представлено совокупностью законодательных положений в сфере банкротства, основное место среди которых занимает Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». При этом нормы данного федерального закона распространяются на отношения, связанные с несостоятельностью как юридических, так и физических лиц (граждан). Вместе с тем правовое регулирование отношений гражданской несостоятельности было включено в состав законодательства о банкротстве Российской Федерации только в 2015 г. Таким образом, правовому регулированию отношений общегражданской несостоятельности в современной России не более 10 лет, тогда как проблемам несостоятельности юридических лиц были посвящены нормы уже советского законодательства, а законодательство Российской империи отличалось уставным порядком регулирования отношений несостоятельности. В свете обозначенных особенностей правового регулирования отношений несостоятельности опыт правового регулирования Российской империи XVIII–XIX вв. полезен и интересен не только с точки зрения кодификационных работ, но и эволюции банкротного законодательства с учетом дифференцированного подхода законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности. Изучение банкротного законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. через призму соотношения начал частного и публичного права с целью дальнейшего изучения общих начал формирования и развития банкротного законодательства, характерных для права как Российской империи, так и современной России, представляет собой актуальное направление развития историко-правовой и теоретико-правовой мысли. Кроме того, историко-правовое исследование особенностей формирования и развития законодательства о банкротстве позволит уяснить содержание отношений, выступающих предметом правового регулирования, и основных категорий права в рассматриваемый период, а также выявить определяющие их дальнейшее правовое развитие закономерности и эффективные организационно-правовые формы.

Ключевые слова: *законодательство о банкротстве, торговая и неторговая несостоятельность, формы ответственности неоплатных должников, Устав о банкротах 1740 г., Банкротский устав 1800 г., Устав о торговой несостоятельности 1832 г., дифференцированный подход законодателя, соотношение публичного и частного интересов*

Для цитирования: *Гарбовский А.И. Дифференцированный подход законодателя к правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов в законодательстве о банкротстве Российской Империи XVIII–XIX вв. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 337–341. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-337-341.*

Законодательный идеализм, сопровождавший развитие правовой системы Российской империи первой половины XVIII в., затронул и сферу регулирования имущественных отношений. Публичное значение торговли для развития капиталистических отношений и экономики государства в целом определяло направленность правового регулирования товарно-денежных отношений и раньше, однако систематизированный характер нормы, регулирующие отношения в сфере торговли, стали приобретать только в XVIII в. Так, для регулирования торговых отношений и «пользы казенной в развитии международной торговли и привлечении иностранных торговцев на внутренний рынок» были приняты Купеческий устав 1727 г. (далее – Купеческий устав) и Вексельный устав 1729 г. (далее – Вексельный устав) [1; 2].

Как известно, развитие торговли способствует формированию прогрессивной юридической практики, располагающей разнообразием организационно-правовых форм и приемов, обеспечивающих удовлетворение интересов участников рынка на основе принципов «эквивалентности исполнения обязательств» и «преимущества имущественного интереса» [3, с. 79]. Вместе с тем публичное участие в торговой среде обусловлено не только санкционированием многообразия правовых форм организации имущественных отношений, но и необходимостью регулирования отношений несостоятельности, возникающих как «негативные последствия развития отношений кредита».

Неторговая среда менее подвержена стремительным изменениям условий организации рынка, но также характеризуется отношениями, возникающими на основании ответственности неоплатных должников, и, следовательно, нуждается в законодательных правилах и ограничениях.

Таким образом, будучи средством регулирования экономических отношений, обеспечения устойчивого развития экономики и баланса частных и публичных интересов, правовое регулирование несостоятельности (банкротства) является результатом целенаправленной политики государства.

Историко-правовой анализ правового регулирования отношений несостоятельности в памятниках русского права свидетельствует об особом положении торговых отношений. Специальные нормы, регулирующие отношения с участием купцов, включая иноземцев, содержались уже в Русской Правде, Судебниках 1497, 1550, 1589 гг. В частности, нормы Русской Правды благоволили в целом развитию торговли, особенно с иностранными купцами. Благосклонность законодателя проявляется в специальных законодательных требованиях и послаблениях, что свидетельствует о государственном интересе к развитию товарно-денежных отношений и международной торговле. Например, имущественный интерес кредиторов был лучше защищен при недобросовестном поведении купца-должника, поскольку служившие наказанием для такого должника меры личной ответственности одновременно удовлетворяли материальное требование его кредиторов (вырученная от продажи должника сумма или стоимость производимых работ эквивалентны стоимости долга). В этом проявляется заинтересованность законодателя в господствующем в купеческой среде имущественном удовлетворении требований кредиторов.

В указах Московского периода также содержались нормы, конкретизирующие привилегированное положение иностранных купцов – кредиторов должника по отношению к местным купцам. Например, на основании Указа от 31 марта 1691 г. иностранные купцы получали преимущество ввиду того, что «торговые иноземцы, торгующие в Российском государстве, платят пошлины многие и от того казне прибыли великие» [4].

Публичный интерес в развитии торговых отношений и особенно международной торговле прослеживается также в положениях об ответственности разорившихся купцов и предоставлении гарантий иностранным купцам.

Таким образом, уже в памятниках древнерусского права и законодательстве Московского периода были определены тенденции дифференцированного правового регулирования отношений несостоятельности в русском праве.

Дифференцированный подход законодателя к установлению организационно-правовых форм ответственности и порядка удовлетворения требований кредиторов несостоятельного должника в зависимости от наличия у него и его кредиторов статуса торгового состояния отличает и развитие законодательства о банкротстве в XVIII–XIX вв.

Некоторые нормы о торговой несостоятельности и ответственности неоплатных должников содержались уже в Вексельном и Купеческом уставах 1727 и 1729 гг.

Названные источники торгового права закрепляли принцип кредита как обеспечивающего торговлю средства и привычной формы организации торговых отношений [5, с. 8]. Учитывая, что в торговой среде добросовестное исполнение денежных обяза-

тельств является основным условием организации имущественных отношений, неоплатность и неплатежеспособность должника – конституирующие признаки торговой несостоятельности. Эти критерии служили основанием для применения к должнику мер личной и/или имущественной ответственности. Так, при неплатежеспособности должника наступала только имущественная ответственность, а в случае неоплатности – личная. Вместе с тем положения Купеческого устава, определяющие понятия «банкрот» и «торговая несостоятельность» как неплатежеспособность должника, позволяют утверждать, что определяющим критерием для признания несостоятельности в купеческой среде выступает именно неплатежеспособность [1; 2]. Также существенным признаком банкрота считалось отлучение от биржи или торгового места.

Однако нормы Купеческого и Вексельного уставов не содержали необходимого механизма упорядоченного и эффективного регулирования отношений торговой несостоятельности, включая общие законодательные дефиниции, формы ответственности должника перед кредиторами и порядок удовлетворения их требований. Потребности рынка и стремительно развивающиеся товарно-денежные отношения нуждались в эффективных организационно-правовых формах взыскания с неоплатных должников долга и привлечения их к ответственности. Были приняты специализированные нормативные акты, систематизированно регулирующие отношения банкротства [6, с. 35–39].

Первый кодифицированный акт был принят в 1740 г. – Устав о банкротах 1740 г. (далее – Устав 1740 г.). Однако его принятие не устранило проблем разрешения дел о торговой несостоятельности. Положения Устава 1740 г. не применялись на практике, о чем свидетельствует указание Сената в постановлении от 24 октября 1762 г.: «хотя о …банкротах в 1740 году и выдан Генеральной Банкротской Регламент, но токмо оный в действо не произведен» [6, с. 38].

В гражданской (неторговой) среде ввиду нераспространенности в этот период кредитных отношений не было необходимости в принятии специальных норм, систематизированно регулирующих формы ответственности неоплатных должников и взыскания с них долга. Отдельные законодательные положения, регулировавшие частные случаи ответственности неоплатных должников, удовлетворяли потребности общественного развития. Так, вопросы отработки долга несостоятельными лицами неторгового звания регламентировались указами «О посылке преступников мужского пола на галеры, а женщин на прядильный двор…» 1718 г. и «О правилах содержащихся под караулом несостоятельных должниках» от 1736 года [7].

Вторая половина XVIII в. отличается высокой кодификационной активностью в сфере доработки действующего и разработки нового банкротного законодательства. Так, с момента принятия первого Банкротского устава 1740 г. было разработано несколько проектов банкротных уставов (проекты 1753, 1761, 1763, 1768 гг.). Однако второй Банкротский устав был принят только в 1800 г. (далее – Устав 1800 г.) [8].

Особенностью Устава 1800 г. было объединение в его составе норм, регулирующих вопросы торговой и неторговой несостоятельности. Часть первая Устава 1800 г. предназначалась «для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обмениваться векселями», а часть вторая – «для дворян и чиновников» [8]. Так были заложены основы формального подхода законодателя к разграничению торговой и неторговой несостоятельности.

В пределах правового регулирования торговой и неторговой несостоятельности существенно отличались подходы к определению признаков торговой и неторговой несостоятельности, порядок удовлетворения требований кредиторов и формирования конкурсной массы, так же как и основания и последствия признания должника банкротом и применяемые к нему меры ответственности. Однако легальных определений торговой и неторговой несостоятельности в уставе не содержалось. Общее определение несостоятельности включало элементы обоих видов несостоятельности, но банкротство порождала только торговая несостоятельность.

Регулирование отношений торговой и неторговой несостоятельности в одном кодифицированном акте не изменило дифференцированного подхода законодателя к регулированию отношений несостоятельности. Выделение в составе кодекса части второй, закрепляющей порядок организации и последствия общегражданской несостоятельности, было обусловлено публичной значимостью вопросов недопущения обнищания населения, сохранения родовых имуществ и защиты прав должника и кредиторов. Закрепление организационно-правовых основ общегражданской несостоятельности выступало, таким образом, средством предупреждения массовых разорений, сохранения родовых имуществ и защиты прав должника и кредиторов.

Между тем переустройство системы государственного управления и изменение направлений государственной политики в XIX в. вызвали и законодательные изменения. Укрепление к середине XIX в. позиции законодателя, поддерживающего обособленное развитие торгового права в целом и торговой несостоятельности в частности, привело к принятию в 1832 г. Устава о торговой несостоятельности (далее – Устав 1832 г.) [9].

Положения Устава 1832 г. заменили только действие части первой Устава о банкротах 1800 г. Так, существенным изменениям подверглись нормы, закрепляющие порядок формирования конкурсной

массы, очередность удовлетворения требований кредиторов, критерии и последствия признания торговой несостоятельности. В отношении дел о неторговой несостоятельности продолжали действовать узаконения части второй Устава 1800 г. [9].

Продолжающиеся законодательные реформы и масштабные государственные преобразования второй половины XIX в. выявили необходимость реформирования сферы правового регулирования отношений несостоятельности как в торговой, так и неторговой среде. Использование кредитных отношений и сопутствующих им облегченных форм вексельных обязательств не считалось более прерогативой лиц торговой среды. Развитие производственных форм организации сельского хозяйства и обработки земли требовали привлечения заемных денежных средств и создания механизма, обеспечивающего взаимные гарантии должников и кредиторов и в неторговой среде.

Признание судебной практикой необходимости применения к юридическим лицам норм о торговой несостоятельности также требовало соответствующих законодательных изменений. Однако, несмотря на попытки переработки и принятия нового устава, действие Устава 1832 г. продлилось до Октябрьской революции 1917 г. В отношении лиц неторговой среды продолжали действовать нормы части второй Устава 1800 г. и отдельные законодательные положения, закрепляющие формы ответственности неоплатных должников неторгового звания и взыскания с них долга [9–11].

Таким образом, историко-правовой подход к исследованию проблем правового регулирования отношений несостоятельности и эволюции банкротного законодательства выявил первичность становления отношений несостоятельности в торговой среде относительно общегражданской несостоятельности. Первичность торговой несостоятельности объясняется природой отношений несостоятельности в целом, особенностями их исторического развития и зависимостью от кредитных отношений. Так, происхождение термина «банкротство» берет свое начало в торговой среде. В переводе с латинского языка банкротство – «сломанная скамья», что означало в торговом обществе раннего Средневековья непригодность для торговли [12]. Отсюда следует, что этимология термина «банкротство» указывает на обозначение отношений торговой несостоятельности.

Формирование и развитие отношений несостоятельности и законодательства о банкротстве Российской империи соответствует общим закономерностям развития банкротного законодательства и правовому регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности.

Учитывая, что формирование и развитие банкротного законодательства само по себе является способом согласования публичного и частного интересов, дифференцированный подход законодателя к регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности отражает необходимость применения различных средств и приемов правового регулирования к названным видам отношений. Кроме того, дифференцированный подход законодателя к регулированию отношений торговой и неторговой несостоятельности представляет собой принцип правовой организации и регулирования отношений несостоятельности в целом, обусловленный целями государственной политики и многообразием подлежащих защите интересов.

В законодательстве о банкротстве Российской империи XVIII–XIX вв. дифференцированный подход законодателя к регулированию торговой и общегражданской несостоятельности как форма соотношения частного и публичного интересов проявляется в кодификации законодательных актов, систематизированно регулирующих отношения торговой и неторговой несостоятельности на основе разграничения критериев и видов торговой и неторговой несостоятельности, подсудности дел о торговой и неторговой несостоятельности, оснований для принятия и рассмотрения заявления о признании должника несостоятельным и последствий такого признания, а также порядка формирования конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов.

Литература:

1. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. № 5145.
2. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. 1728–1732. СПб., 1830. № 5410.
3. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: Лекции Сергея Муромцева, проф. Моск. ун-та. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 697 с.
4. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. № 1398.

5. Туткевич Д.В. Что есть торговая несостоятельность: (Опыт построения определения в связи с изложением признаков для объявления торговой несостоятельности судом). СПб.: тип. Д.В. Чичинадзе, 1896. 38 с.
6. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1888. 292 с.
7. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. 1733–1736. СПб., 1830. № 7013.
8. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801. СПб., 1830. № 19692.
9. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 7. 1832. СПб., 1833. № 5463.
10. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 20. Отделение 1. 1845 г. № 19283.
11. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 54. 1879–1880. Отделение первое. СПб., 1881. № 59374.
12. Семенов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: https://lexicography.online/etymology/semyonov/б/банкрот

Differentiated Approach of the Legislator to the Legal Regulation of Relations of Trade and Non-Trade Insolvency as a form of Correlation of Private and Public Interests in the Bankruptcy Legislation of the Russian Empire of the 18th–19th Centuries

Garbovsky A.I.
Kuban State University

Modern legal regulation of insolvency relations is represented by a set of legislative provisions in the field of bankruptcy, the main position among which is occupied by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ. At the same time, the provisions of this federal law apply to both relations related to the insolvency of legal entities and individuals (citizens). At the same time, legal regulation of civil insolvency relations was included in the bankruptcy legislation of the Russian Federation only in 2015. Thus, legal regulation of general civil insolvency relations in modern Russia is no more than 10 years old, while the problems of insolvency of legal entities were devoted to the norms of the Soviet legislation, and the legislation of the Russian Empire was distinguished by the statutory procedure for regulating insolvency relations. In light of the designated features of legal regulation of insolvency relations, the experience of legal regulation of the Russian Empire in the 18th-19th centuries. seems useful and interesting not only from the point of view of codification works, but also the evolution of bankruptcy legislation, taking into account the differentiated approach of the legislator to the legal regulation of relations of commercial and non-commercial insolvency. The study of the bankruptcy legislation of the Russian Empire of the 18th-19th centuries under the prism of the interpenetration and relationship of the principles of private and public law with the aim of further studying the general principles of the formation and development of bankruptcy legislation, characteristic of the law of both the Russian Empire and modern Russia, is a relevant direction in the development of historical-legal and theoretical-legal thought. In addition, a historical and legal study of the features of the formation and development of bankruptcy legislation will allow us to understand the content of relations that are the subject of legal regulation and the main categories of law in the period under review, as well as to identify patterns and effective organizational and legal forms that determine their further legal development.

Key words: bankruptcy legislation, commercial and non-commercial insolvency, forms of liability of insolvent debtors, Bankruptcy Statute of 1740, Bankruptcy Statute of 1800, Commercial Insolvency Statute of 1832, differentiated approach of the legislator, relationship between public and private interests

УДК 338.45:339.13:339.56
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-342-346

Состояние и перспективы развития российского рынка базовых (крупнотоннажных) полимеров в контексте общемировых тенденций

Демидова Е.В.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Роль полимерной продукции как важнейшего источника сырья для предприятий разных отраслей экономики невозможно переоценить, что обусловливает актуальность темы исследования, особенно в условиях международного санкционного давления. Цель исследования заключается в определении потенциала развития российского рынка базовых полимеров в условиях нарушенных международных экономических связей и разрыва традиционных логистических цепочек. В связи с этим были поставлены задачи анализа ключевых показателей мирового и российского рынка полимеров до и после введения санкций и выявления основных причин и факторов, влияющих на них. Анализ показал, что полимерная индустрия во всем мире претерпевает значительные трансформации, которые главным образом связаны с перекраиванием мировой карты химической промышленности в сторону стран Азии и Ближнего Востока. За последние два десятилетия эти регионы стали и основными производителями, и ключевыми потребителями полимеров. При этом традиционные европейские производители химической, в том числе полимерной продукции, стремительно теряют свои позиции. На отечественном рынке полимеров эти тенденции отразились в еще большей степени в связи с введенными в 2022 г. многочисленными экономическими санкциями, затронувшими критически важные для отрасли технологии, оборудование и компоненты, в результате чего рынок полимеров просел по всем ключевым показателям – выпуску, потреблению, экспорту и импорту. Однако по результатам проведенного анализа мы видим, что уже к концу 2023 г. предприятия отрасли сумели преодолеть падение рынка и начинают постепенно адаптироваться к новым экономическим условиям.

Ключевые слова: *полимерная отрасль, базовые (крупнотоннажные) полимеры, производство, потребление, экспорт, импорт, полиэтилен, полипропилен, полистирол, ПВХ, ПЭТФ*

Для цитирования: *Демидова Е.В. Состояние и перспективы развития российского рынка базовых (крупнотоннажных) полимеров в контексте общемировых тенденций // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 342–346. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-342-346.*

Химическая промышленность России на протяжении многих лет является одним из локомотивов развития отечественной индустрии, демонстрируя, в отличие от многих других секторов экономики, сравнительную устойчивость в условиях кризиса и международных санкций. Вместе с тем, в экономике России химия и нефтехимия играют не такую роль, как, например, в развитых государствах. Так, в некоторых странах, например, в Китае и Японии, доля химического комплекса в структуре ВВП достигает

рекордных 9,2 и 8,3 % соответственно, в то время как в России данный показатель составляет всего 1,3 %. Кроме того, несмотря на наличие базовых видов сырья и энергии, российский химический комплекс представлен преимущественно крупнотоннажной продукцией низких переделов, а по производству первичных форм пластмасс (полиэтилена, полипропилена, полистирола, поливинилхлорида, полиэтилентерефталата и др.) России принадлежит только 2-2,5 % мирового рынка, в то время как доля Китая составляет 33 %, Северной Америки – 17 %, Евросоюза – около 13-15 %, Японии – 4 % [1, с. 44].

Вместе с тем полимерная продукция является критически важной для многих отраслей экономики, включая саму химическую отрасль, автомобилестроение, производство упаковки, строительство, сельское хозяйство, медицину и др. По данным мирового консалтингового агентства *Research Nester*, в 2024 г. объем мирового рынка полимеров превысил 760 млрд долл., а к концу 2025 г. этот показатель оценивается в более чем 827 млрд долл. [2]. Из них 44 % приходится на долю стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Ожидается, что в ближайшие 10 лет рынок полимеров будет прирастать в среднем на 5,4 % ежегодно и к 2037 г. превысит 1,51 трлн дол. [2]. Драйверами для развития данного рынка являются рост численности населения и уровня доходов в развивающихся странах (стимулирующие спрос на товары, произведенные из полимерных материалов), развитие технологий и инфраструктуры (способствующие созданию все новых способов применения полимеров и все более активному их внедрению во все сферы жизнедеятельности человека), а также активное стремление многих стран уйти от традиционных источников сырья и материалов (что стимулирует спрос на переработанные и биополимеры).

По данным ассоциации производителей пластмасс *Plastics Europe*, мировой объем выпуска полимерной продукции в 2023 г. составил 413,8 млн т, что на 3,3 % выше аналогичного показателя 2022 г. и на 11,6 % – показателя 2018 г. (рис. 1) [3]. Ключевыми производителями пластиков в мире являются американские компании *Dow Chemical, Exxon Mobil Corp., LyondellBasell N.V.*, немецкие *BASF* и *Bayer AG,* китайская *Sinopec* и др.

Согласно базовому сценарию прогноза Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к 2040 г. мировое годовое производство полимеров составит порядка 736 млн т, что на 70 % больше показателя 2020 г. (435 млн т) [4; 5]. Вместе с тем, увеличение производства полимеров и изделий из них приведет и к росту количества пластиковых отходов, объем которых в 2024 г. составил около 400 млн т. Всего же с 1950-х гг., по оценкам, человечество произвело 9,2 млрд т пластика, из которых около 7 млрд т превратились в отходы [5]. Несмотря на то, что ежегодно увеличиваются объемы перерабатываемого и «зеленого» пластика (рис. 1), к 2040 г., согласно прогнозам ОЭСР, объем переработки составит всего 6 % от всего объема произведенного пластика [5].

Анализ динамики и структуры мирового потребления [4] полимеров показал следующие тенденции:

1) экономически развитые страны, несмотря на рост потребления полимеров в абсолютном выражении (с 59 млн т в 1992 г. до 84 млн т в 2024 г.), значительно сократили свою долю в общемировом объеме потребления: с 73 % в 1992 г. до 28 % в 2024 г.;

2) одновременно с этим развивающиеся страны (кроме Китая) за этот же период увеличили свою долю в мировом потреблении полимеров с 18 до 32 % – с 15 до 98 млн т соответственно;

3) за последние десятилетия в лидеры и по производству, и по потреблению полимерной продукции вырвался Китай: в производстве полимеров Китаю принадлежит более 33 % их мирового выпуска, а в общемировом потреблении полимеров доля Китая составила 40 %, или 123 млн т (для сравнения: в 1992 г. этот показатель составлял всего 9 %, или 7 млн т). Однако в настоящее время китайский рынок демонстрирует замедление темпов роста потребления, причины которого эксперты связывают с демографическими проблемами (по прогнозам ООН, население Китая к 2050 г. сократится с нынешних 1,46 до 1,26 млрд чел.) [4] и резким сокращением объемов жилищного строительства в Китае (связанного с ужесточением требований к застройщикам и блокировкой доступа к кредитам для компаний-должников, в числе которых оказались крупнейшие китайские девелоперы – *Evergrande, Kaisa Group, Fantasia Holdings и Shimao Group*). В то же время новый виток роста потребления пластиков ожидается со стороны развивающихся стран АТР и Ближнего Востока: так, в 2024 г. развивающиеся страны (без учета Китая) потребили 32 % мирового объема полимеров (по сравнению с 18 % в 1992 г.) [4].

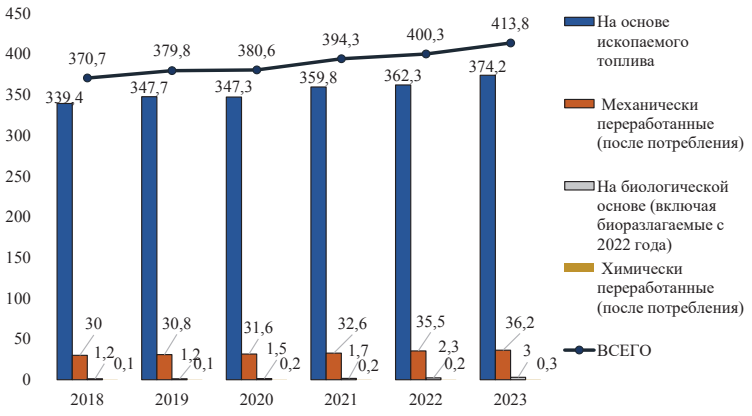

Рис. 1. Динамика мирового производства полимеров за 2018–2023 гг., млн т

(по данным Plastics Europe [3] и ОЭСР [5])

Рассмотрим ключевые показатели рынка полимеров в России. На рисунке 2 представлена динамика производства полимеров в первичных формах в период с 2017 по 2024 гг. Так, до 2022 г. наблюдался ежегодный прирост общего объема выпуска пластмасс в первичных формах: с 7,8 млн т в 2017 г. до 11,1 млн т в 2021 г. После падения производства в 2022 г. более чем на 7 % объемы выпуска базовых пластиков начали восстанавливаться: по итогам 2024 г. выпуск пластмасс в первичных формах составил 10,9 млн т (+1,8 % к уровню 2023 г. и +6,3 % к уровню 2022 г.). Производство полиэтилена (ПЭ) в 2024 г. по сравнению с 2023 г. выросло на 1,5 %, полистирола (ПС) – на 6,2 %, поливинилхлорида (ПВХ) – на 4,6 %; выпуск полипропилена (ПП) сократился почти на 3 % [6]).

Крупнейшими производителями базовых полимеров в России (по объему выручки) [12] являются предприятия, принадлежащие группе компаний «СИБУР»: ПАО «Казаньоргсинтез» (полиэтилен высокой (ПЭВП) и низкой (ПЭНП) плотности – 104,9 млрд руб.), ПАО «Нижнекамскнефтехим» (ПП и ПС – 269,7 млрд руб.), ООО «ЗапСибНефтехим» (ПП и ПЭВП – 129,3 млрд руб.) и ООО «РусВинил» (ПВХ – 33,9 млрд руб.); лидерами отрасли также являются ООО «Газпром нефтехим Салават» (ПС – 302,8 млрд руб.), ООО «Ставролен» (ПЭВП – 62,8 млрд руб.), АО «Башкирская содовая компания» (ПВХ – 61 млрд руб.), АО «ЭкоПЭТ» (полиэтилентерефталат (ПЭТФ) – 23,8 млрд руб.) и др.

В целом объем производства пяти базовых (крупнотоннажных) полимеров (ПЭ, ПП, ПВХ, ПЭТФ и ПС, включая компаунды) составил в 2024 г. 7,96 млн т, что на 1 %, или на 93 тыс. т, больше показателя 2023 г., но на 0,8 % меньше уровня 2021 г. Потребление пяти крупнотоннажных полимеров в России по итогам 2024 г. составило 7,38 млн т, что выше на 2 % показателя 2023 г. и на 4,1 % – досанкционного значения 2021 г. (рис. 3). Темпы роста потребления базовых полимеров сократились с 12 % в 2023 г. до 3,4 % в 2024 г. [8].

Что касается показателей экспорта и импорта, в последние годы ситуация здесь претерпела значительные изменения. В досанкционном 2021 г. около половины российского импорта (1466,3 тыс. т) и трети российского экспорта (830,2 тыс. т) всех видов пластиков приходилось на так называемые «недружественные» страны. В условиях санкционного давления в 2022 г. нарушились многие международные производственные и логистические цепочки. Начиная с 2021 г. наблюдается снижение экспортных поставок из России большинства полимеров. Так, в 2024 г. объем экспорта пяти базовых полимеров (ПЭ, ПП, ПВХ, ПЭТФ и ПС) упал на 24 % (с 1,58 до 1,2 млн т), главным образом, из-за резкого падения экспорта ПВХ, полистирола и полиэтилена. На фоне масштабного падения экспорта (почти на 70 %) в Европу основными направлениями внешней торговли России, начиная с 2023 г., стала Азия: сегодня почти 80 % экспорта базовых полимеров приходится на Китай и Турцию [9]. Кроме санкций и последовавших за ними ограничений на сокращение экспорта базовых полимеров повлиял растущий спрос на них со стороны отечественных переработчиков [8]. В целом можно говорить о том, что рост переработки пластмасс в нашей стране, начиная с 2023 г., смог отчасти компенсировать производителям полимеров чувствительное сокращение экспорта после закрытия европейского рынка.

Импорт пяти базовых (крупнотоннажных) полимеров после падения в 2022 г., начал постепенный рост, однако за 2023–2024 гг. изменился несущественно и составил в 2024 г. 1,2 млн т, что всего на 2 % выше аналогичного показателя 2023 г. [8]. Причем если доля импортных марок ПЭ и ПП в потреблении осталась в среднем на уровне 12–13 %, то

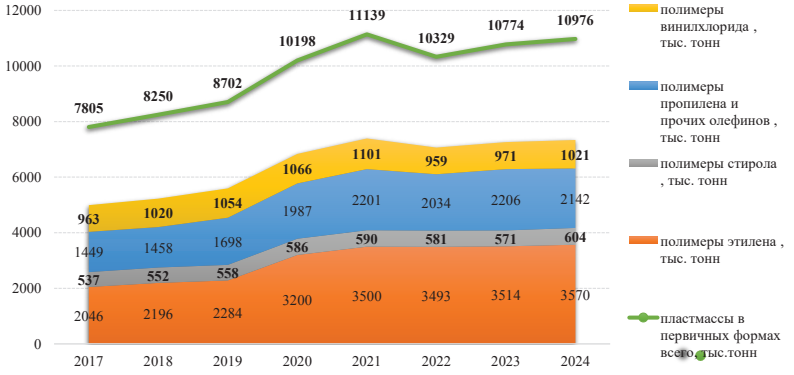

Рис. 2. Динамика производства полимеров в первичных формах
(по данным Росстат [6])

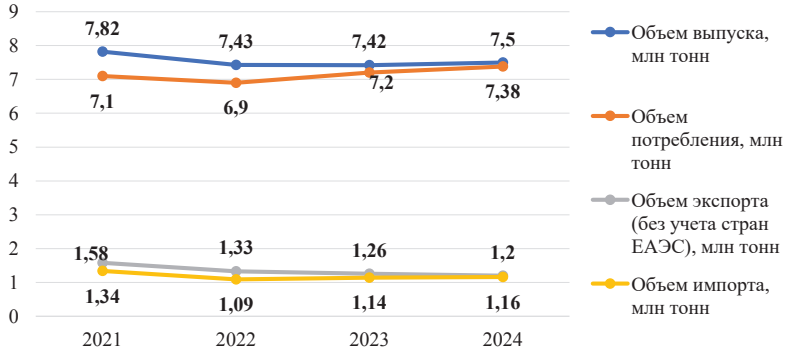

Рис. 3. Динамика выпуска, потребления, экспорта (без учета стран ЕАЭС) и импорта пяти базовых (крупнотоннажных полимеров) за 2021–2024 гг., млн т
(по данным plastinfo.ru [7] и polymerbranch.com [8])

доля зарубежного ПЭТФ выросла с 29 до 34 %. Суммарно доля импортных марок пяти базовых полимеров в общем объеме внутристранового потребления выросла с 11 % в 2021 г. до почти 14 % в 2024 г. [7].

Ключевыми поставщиками полиэтилена и полипропилена остались Южная Корея, Китай, Азербайджан. В поставках ПВХ и ПЭТФ практически монопольное положение занял Китай с долей 85 и 89 % соответственно. Лидером среди импортеров полистирола был и остается Иран, который нарастил свою долю в поставках с 36 до 54 % в 2023 г. [7]. Таким образом, чтобы решить возникшие на фоне многочисленных санкций проблемы, российские производители вынужденно меняют логистические цепочки, переориентируясь со стран ЕС в сторону Турции, Китая и стран СНГ.

В контексте происходящих мировых событий интерес представляет динамика цен на продукцию полимерной промышленности. Так, индекс цены стандартных базовых термопластов PPI-ST (который рассчитывается по семи крупнотоннажным (базовым) полимерам – ПЭНП, ПЭВП, ЛПЭНП, ПП, ПС, ПВХ-С и ПЭТФ) в России с февраля 2025 г. демонстрирует непрерывное снижение, достигнув к июлю этого года уровня 124,9 руб./т, что аналогично значению показателя января 2023 г. (рис. 4). Главные причины этого – укрепление обменного курса рубля, дешевеющая нефть и зарубежная конъюнктура цен на полимеры, где помимо сокращения спроса на фоне сложной геополитической ситуации и тарифных войн, значительное влияние оказывает растущий профицит мощностей, особенно по полиолефинам.

Таким образом, в сложившихся условиях внутренний рынок для производителей полимеров остается более прибыльным (чем высококонкурентные экспортные направления), но ограниченным по объему потребления. В то же время внутренние переработчики пластмасс из-за быстро дешевеющего сырья вынуждены закупать только минимальные объемы и балансировать на грани безубыточности, так как, в отличие от производителей сырья, не могут снижать цены на готовую продукцию так же быстро. Кроме того, во многих сегментах потребления готовых изделий из пластмасс, где наблюдается высокая конкуренция (например, в упаковке), на изменение отпускной цены изделий оказывает влияние рост импорта продукции, особенно из Турции, Китая и из азиатских стран, не входящих в ЕАЭС. При этом по многим позициям российские производители изделий из пластмасс слабо защищены ввозными таможенными пошлинами [11].

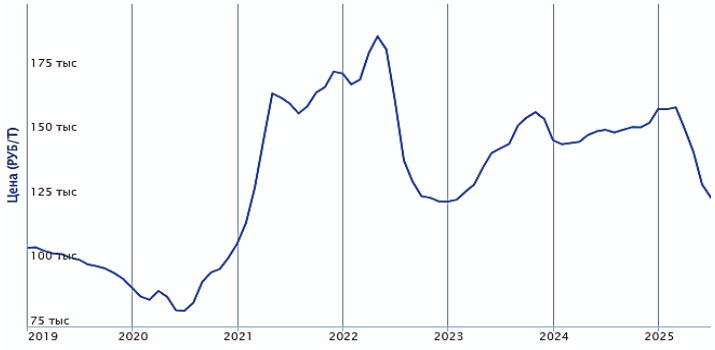

Рис. 4. Индекс цены стандартных базовых термопластов (PPI-ST) в РФ в период с 1.01.2019 г. по 28.06.2025 г., руб./т [10]

Анализ ключевых показателей полимерной отрасли, а также обзор многочисленных мнений экспертов и прогнозов международных и российских аналитических агентств позволяет говорить о том, что российские предприятия полимерной отрасли и химического комплекса в целом не только выстояли в критических условиях международного санкционного давления 2022–2023 гг., но и учатся эффективно работать в новых реалиях, преодолевая последствия разрыва прежних экономических связей и демонстрируя восстановительный рост [1]. Этому в том числе благоприятствуют положительная динамика производства базовых полимеров и наращивание производственных мощностей, а также формирующийся тренд на рост потребления базовых полимеров внутри страны: по прогнозам, к 2028 г. объемы российской переработки базовых полимеров могут вырасти на 1,6 млн т, а потенциал импортозамещения составляет от 200 до 500 тыс. т [8].

Вместе с тем ключевые проблемы отрасли – сохранение дефицита специфических марок пластиков, кадровый голод, а также неопределенность в сфере экологического законодательства, связанного с утилизацией отходов и упаковки – могут значительно замедлить дальнейшее развитие предприятий полимерной промышленности. Кроме того, в связи с многочисленными экономическими санкциями (перекрывшими путь к традиционным европейским потребителям продукции российской полимерной индустрии и ключевым поставщикам многих стратегически важных материалов, компонентов и технологий) вызывает опасение экспансия китайских производителей полимеров, которые стали главным выгодоприобретателем после ухода европейских компаний из России. В случае развитого полимерного рынка России пока такой угрозы нет, однако забывать о ней все же не следует [8].

Сегодня полимерная индустрия РФ находится на переломном этапе. Однако способность компаний адаптироваться к стремительно меняющимся экономическим условиям, внедрять инновации, разрабатывая новые материалы, процессы и технологии, уже показала свои результаты и будет и в дальнейшем способствовать росту производства и потребления пластиков в нашей стране.

Литература:

1. Демидова Е.В. Современное состояние и ключевые тенденции развития предприятий химического комплекса России в условиях санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 3. Т. 4. С. 44–54.
2. Размер мирового рынка полимеров, прогноз и основные тенденции на 2025–2037 гг. // Research Nester. 2025. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/polymers-market/1387 (дата обращения: 20.06.2025).
3. Plastics – the fast Facts 2024 / Plastics Europe AISBL. 2024. URL: https://plasticseurope.org/wp-content/uploads/2024/11/PE_TheFacts_24_digital-1pager.pdf (дата обращения: 20.06.2025).
4. Тренды и прогнозы в нефтегазохимическом комплексе на 2025 год и долгосрочную перспективу // Отдел экономического анализа АО «Татнефтехиминвестхолдинг». 2025. URL: https://rupec.ru/upload/iblock/9ae/opq22yew4vu9yonkaoc7f6qvlgazubji.pdf?ysclid=mcqjpmsd6j84915861 (дата обращения: 27.06.2025).
5. Policy Scenarios for Eliminating Plastic Pollution by 2040 // OECD report. URL: https://www.oecd.org/en/publications/policy-scenarios-for-eliminating-plastic-pollution-by-2040_76400890-en.html (дата обращения: 05.07.2025).
6. Промышленное производство в России. 2023: стат. сб. // Росстат. М., 2023. 259 с.
7. Потребление пяти базовых полимеров в 2024 году выросло на 2 % / Отраслевой портал переработчиков пластмасс Plastinfo.ru. 2025. URL: https://plastinfo.ru/information/news/55274_15.05.2025/?ysclid=mcrgijk5n6145988023 (дата обращения: 30.06.2025).
8. Семягин Д.С. Российский рынок базовых полимеров: состояние и перспективы // Журнал «Полимерные материалы». 2024. URL: https://polymerbranch.com/articles/rossijskij-rynok-bazovyh-polimerov-sostoyanie-i-perspektivy/?ysclid=mcrvya5rpk972854530 (дата обращения: 01.07.2025).
9. Рынки сбыта российских базовых полимеров 2023. Часть II. Внешние поставки. URL: https://www.polyplastic.ru/press/news/2024/02/06/item21193 (дата обращения: 01.07.2025).
10. Пластинфо полимер индекс – стандартные термопласты (базовые, крупнотоннажные). URL: https://plastinfo.ru/ppi/ppist/?ysclid=mcs3pcq6qt946501600 (дата обращения: 03.07.2025).
11. Цены на полимеры откатились к уровню 2023 г. URL: https://www.polyplastic.ru/press/news/2025/05/13/item22998?ysclid=mcs37crj55208095633 (дата обращения: 03.07.2025).
12. Крупнейшие производители полиэтилена в России. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/krupneyshie-proizvoditeli-polietilena-v-rossii/?ysclid=mdx4i5kvjs98461354 (дата обращения: 03.07.2025).

The State and Prospects of Development of the Russian Market of Basic Polymers in the Context of Global Trends

Demidova E.V.
Kazan National Research Technological University (Kazan)

The role of polymer products as the most important source of raw materials for enterprises in various sectors of the economy cannot be overestimated, which determines the relevance of the research topic, especially in the context of international sanctions pressure. The purpose of the study is to determine the development potential of the Russian market of base polymers in conditions of disrupted international economic relations and disruption of traditional logistics chains. In this regard, the tasks were set to analyze the key indicators of the global and Russian polymer market before and after the imposition of sanctions and identify the main causes and factors influencing them. The analysis showed that the polymer industry worldwide is undergoing significant transformations, which are mainly related to the redrawing of the global map of the chemical industry towards the countries of Asia and the Middle East, which have become both the main producers and key consumers of polymers over the past two decades.; at the same time, traditional European manufacturers of chemical products, including polymer products, are rapidly losing their positions. These trends were even more reflected in the domestic polymer market due to the numerous economic sanctions imposed in 2022, which affected technologies, equipment and components that were critical to the industry, as a result of which the polymer market sank in all key indicators – output, consumption, exports and imports. However, based on the results of the analysis, we see that by the end of 2023, enterprises have managed to overcome the market decline and are beginning to gradually adapt to new economic conditions.

Keywords: polymer industry, basic (large-scale) polymers, production, consumption, export, import, polyethylene, polypropylene, polystyrene, PVC, PETF

УДК 336
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-347-350

Рынок драгметаллов в обеспечении геополитической стабильности*

Киреева Е.Ф.
Доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института исследований социально экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Рынок драгоценных металлов (драгметаллов) традиционно рассматривается как эффективный инструмент хеджирования рисков и обеспечения финансовой стабильности в периоды экономических и геополитических кризисов. Цель статьи – исследовать научные подходы и современные тренды рынка драгметаллов в контексте мировой экономики. В работе проведен обзор научных работ, посвященных использованию драгметаллов как стабилизационных инвестиционных активов, а также изучены современные мировые тенденции формирования рынка драгметаллов. По результатам проведенного исследования выявлено, что драгметаллы представляют собой инструменты обеспечения финансового суверенитета за счет потребительских качеств и активного применения в современных промышленных технологиях. Использование драгметаллов для укрепления национальных валют гарантирует финансовую независимость в условиях геополитической неопределённости.

Ключевые слова: *драгоценные металлы, рынок драгоценных металлов, геополитическая стабильность, активы-убежища, международные резервы*

Для цитирования: *Киреева Е.Ф. Рынок драгметаллов в обеспечении геополитической стабильности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 347–350. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-347-350.*

Геополитическая напряжённость, проявляющаяся в международных конфликтах, торговых противоречиях и политической нестабильности, сформировала значительную неопределённость на мировых финансовых рынках. Усиление глобальной торговой напряжённости приводит к волатильности цен на финансовые активы и негативно сказывается на уровне мировой экономической активности. В современном мире наблюдается усиление признаков нестабильности, а нарастающие геополитические, экологические, социальные и технологические вызовы представляют угрозу устойчивому развитию и благополучию глобального сообщества. Всемирный экономический форум в своих отчетах за последние годы акцентирует внимание на этой проблеме. Его исследования подтверждают, что геополитические риски стали более серьёзной угрозой для мировой экономики и её восстановления, чем экологические [1]. Геополитические события нарушают международные экономические связи и создают значительные проблемы и шоки для экономики, которые трудно оценить.

В этой ситуации инвесторы ищут так называемые «активы-убежища», к которым в полной мере можно отнести драгметаллы. Драгметаллы являются природными ископаемыми, которые характеризуются высоким рыночным потенциалом за счет своей ограниченности в природе, сложности в добыче и широкого спектра применения: от ювелирных изделий до промышленного производства. Наиболее обращаемыми на рынке являются: платина, золото, серебро, палладий и другие благородные металлы. Они могут быть реализованы как в физической фор-

* Финансирование: статья выполнена в рамках научных исследований, проводимых за счет средств Научного фонда Финансового университета.

ме, так и посредством различных финансовых инструментов. Среди них выделяются фьючерсные и опционные контракты, инвестиционные облигации, паевые инвестиционные фонды, акции горнодобывающих компаний и иные финансовые инструменты, обеспечивающие доступ к данному классу активов. Мировая практика неоднократно подтверждала многочисленные научные исследования о том, что драгметаллы в силу их исключительных свойств в условиях кризисов, войн и прочих гуманитарных и экономических потрясений становятся теми самыми активами-убежищами (тихими гаванями), которые помогают отдельным инвесторам и целым странам обеспечить экономическую стабильность и защиту от внешних угроз. История развития человеческой цивилизации подтверждает, что золото всегда оставалось стратегическим активом для государств. Современное развитие глобальной экономики наряду с бурным развитием национальных и замещающих цифровых валют подтверждает, что драгметаллы остаются универсальным элементом обеспечения финансовой стабильности. Этот феномен стимулировал пересмотр инвестиционных стратегий и привел к увеличению доли драгметаллов в инвестиционных портфелях как инструмента диверсификации геополитических и экономических рисков.

Долговой кризис в ЕС (2010), глобальный финансовый кризис (2008), пандемия и военные конфликты последнего десятилетия значительно оживили научную дискуссию в рамках влияния рынков драгметаллов на экономическую и геополитическую стабильность и привлекли внимание со стороны политических и экономических субъектов, а также инвесторов. В своих работах *Ghosh* [2] и *Heidorn*, *Demidova-Menzel* [3] рассматривали возможность использования драгоценных металлов в качестве инструмента для защиты от инфляции. Они исследовали факторы, влияющие на рынок золота, и его роль как средства защиты от обесценивания денег. В эмпирических трудах *Gürgün, Mensi* [4–5] детально анализировали свойства драгоценных металлов, особенно золота, в качестве инструмента хеджирования на финансовых рынках. Эти исследования показали, что золото эффективно выполняет функцию хеджирования в условиях финансовой нестабильности, что делает его важным элементом в стратегиях управления рисками. Последние работы в этом направлении концентрируются в области исследований взаимосвязи между геополитическими рисками и стоимостью активов (драгметаллов) [6–7]. Дальнейшие исследования сконцентрированы на оценке и способах использования драгметаллов как инструмента хеджирования геополитического риска в целом [8].

Таким образом, и история развития использования драгметаллов, и научные исследования, оценивающие колебания рынка драгметаллов в условиях кризисных явлений, однозначно подтвердили, что драгметаллы представляют собой надёжный актив для вложений в условиях экономической и геополитической неопределённости. Надёжность и постоянство, уникальные химические свойства делают их привлекательными для инвесторов, которые хотят снизить уровень риска и получить стабильный доход в условиях волатильности товарных и финансовых рынков [9]. Драгметаллы являются привлекательными инвестиционными инструментами и инструментами сбережений, что позволяет инвестору гибко реагировать на происходящие колебания на фондовом и финансовом рынках и диверсифицировать инвестиционный портфель с наименьшими рисками.

Наряду с экономической волатильностью на стоимость драгметаллов оказывает значительное влияние объемы добычи, изменения в потребительских предпочтениях и двойное назначение. Использование драгметаллов в различных отраслях промышленности (электроника, автомобиле и приборостроение, химическая промышленность и др.) приводит к колебаниям цен на эти металлы в результате промышленного спроса, спровоцированного технологическим прогрессом.

Высокий потребительский спрос, обусловленный геополитической неопределенностью и активным использованием драгметаллов в промышленном производстве, явился триггером бурного роста цен на драгметаллы и увеличения объемов производства и продажи. В 2025 г. объем мирового рынка драгоценных металлов достиг 302,79 млрд долл. Согласно прогнозам аналитиков, к 2034 г. этот показатель увеличится до 545,57 млрд долл., демонстрируя среднегодовой темп роста (*CAGR*) в 6,77 % [10]. Рост инвестиционной активности и увеличение спроса на драгоценные металлы в промышленном секторе в свою очередь способствуют расширению рынка (см. рис. 1).

Что касается прочих изменений, следует отметить следующие тренды. В 2024 г. на рынке драгметаллов лидировало золото, его доля составила

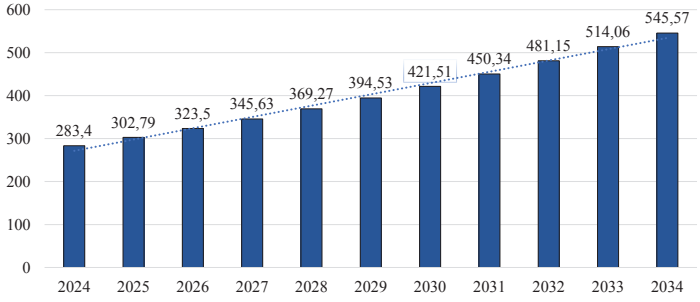

Рис. 1. Динамика объема рынка драгоценных металлов и прогноз на период с 2024 по 2034 гг., млрд долл. США

Источник: составлено автором на основе [11].

83 %. На фоне роста объемов производства ювелирных изделий золото стало активно использоваться в промышленности, что изменило структуру его потребления: 46 % рынка приходится на производственный сегмент и 54 % на традиционный – ювелирный. Остальные наиболее значимые драгметаллы в структуре рынка (серебро, платина и палладий) прогнозируются в расчете на значительный рост в связи с переходом на зеленые технологии и водородную энергетику. В 2024 г. реализация на рынке драгметаллов характеризовалась следующими пропорциями: 46 % использовалось в производственных целях, 40 % в ювелирной промышленности и 14 % как инвестиционный ресурс.

Регионально рынки драгметаллов распределяются с учетом добычи и потребления. Несмотря на позиционирование драгметаллов как основного сырья для ювелирной промышленности, их применение в промышленном производстве смещает рынок в страны, использующие благородные металлы в промышленных целях и масштабах (см. рис. 2).

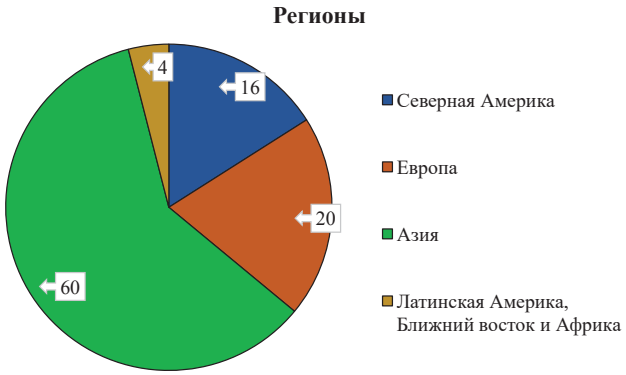

Рис. 2. Структура рынка драгметаллов по регионам мира в 2024 г., %

Источник: составлено автором на основе [11].

Объем рынка драгметаллов в Азии (Азиатско-Тихоокеанском регионе), в 2025 г. составил 181,67 млрд долл. Ожидается, что в данном регионе среднегодовой темп роста рынка составит 6,86 %, что свидетельствует о его высоком потенциале и устойчивости к внешним экономическим флуктуациям. В настоящее время Азия доминирует на рынке драгметаллов. По данным за 2024 г., доля данного региона в мировых доходах от реализации драгметаллов составила 60 %. Повышение уровня жизни в азиатских странах привело к использованию драгметаллов в качестве ресурса для ювелирных изделий и сохранения капиталов, а ориентация Азии на привлечение и создание промышленных производств, активно их применяющих в технологических целях, расширила инвестиционные возможности развивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. Изменение геополитического влияния и усиление роли в мировых глобальных процессах стран БРИКС, в первую очередь Китая и Индии, также способствует увеличению доли азиатского рынка.

Россия – один из ключевых игроков на мировом рынке драгметаллов, обладающий значительными запасами и производственными мощностями. По добыче драгоценных металлов Россия занимает 1-е место по палладию, 2-е – по платине (после ЮАР), 3-е – по золоту (после Китая и Австралии) (см. табл. 1).

В условиях санкций и перестройки экономических связей отрасль претерпевает трансформацию, переориентируясь на экспорт в дружественные страны (Китай, ОАЭ, Бахрейн, Турцию, Индию) и расширяя внутренний рынок (госрезервы, использование в промышленных и ювелирных целях).

Значимость рынка драгметаллов для Российской Федерации, являющейся одним из ведущих мировых производителей и добытчиков данного сырья, обусловлена не только его ролью в обеспечении стабильных налоговых поступлений в государственный бюджет. Этот рынок способствует формированию золотовалютных резервов России и является инструментом поддержания геополитической стабильности и дальнейшей дедолларизации национальной экономики. Центральный банк Российской Федерации (ЦБ), занимает центральное место в регулировании рынка драгоценных металлов. Он использует их как инструмент для поддержания финансовой устойчивости, защиты от внешних ограничений и обеспечения экономической независимости страны. Одним из важнейших направления политики по отношению к регулированию рынка драгметаллов является его накопление в международных резервах. По данным ЦБ РФ объем монетарного золота за 2024 г. составил 2332,76 т и занял 4-е место в мире после США, Германии и МВФ. Стоимость золота в международных резервах за прошедший год возросла на 25,27 %, достигнув 195,707 млрд долл. на 1 января 2025 г., а его доля значительно выросла и составила 32,13 % от обще-

Таблица 1

Объемы производства и запасы основных драгметаллов в России в 2024 г.

Металл	Добыча	Доля в мире	Запасы, т	Ключевые месторождения
Золото	340–360 т	10 %	14,000	Сухой Лог (Иркутск), Наталка (Магадан)
Серебро	1,200–1,300 т	5 %	180,000	Дукат (Магадан), Холоднинское (Бурятия)
Палладий	80–85 т	40 %	6,200	Норильск, Талнах
Платина	20–22 т	12 %	3,900	Красноярский край, Карелия

Источник: составлено автором на основе [12].

го объема [13]. В условиях санкционного давления Россия использует драгметаллы не только как инвестиционные и промышленные ресурсы, но и как инструмент финансового суверенитета, снижая зависимость от доллара и укрепляя национальную валюту. Перед государством открываются новые задачи по регулированию рынка драгметаллов, направленные на обеспечение защиты национальной экономики от внешних рисков.

Литература:

1. Global Risks Report 2025. World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2025/ (дата обращения: 02.06.2025).
2. Ghosh A., Saidi R., Johnson K. Who moves the Asia-Pacific stock markets – US or Japan? Empirical evidence based on the theory of co-integration // The Financial Review. 1999. № 34 (1). P. 159–170.
3. Heidorn T., Demidova-Menzel N. The Effect of Gold in a Traditional Portfolio // The Handbook of Commodity Investing, Hoboken: John Wiley & Sons, 2008. P. 736–762.
4. Gürgün, G., Ünalmış İ. Is gold a safe haven against equity market investment in emerging and developing countries? // Finance Research Letters 11. 2014. № 11(4). P. 341–348.
5. Mensi W., Hammoudeh S., Reboredo J., Nguyen. D. K. Do global factors impact BRICS stock markets? A quantile regression approach// Emerging Markets Review. 2014. Vol. 19. P. 1–17.
6. Fatim S., Gan C., Hu, B. Price Stability Properties and Volatility Analysis of Precious Metals: An ICSS Algorithm Approach // Risk Financial Manag. 2022. Vol. 15. Iss. 10. P. 1–15. DOI: 10.3390/jrfm15100465
7. Sheng Cheng, Zongyou Zhang, Yan Cao. Can precious metals hedge geopolitical risk? Fresh sight using wavelet coherence analysis//Resources Policy. 2022. Vol. 79. P. 102972–102972. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.102972.
8. Baur D., Smales, L. Hedging Geopolitical Risk with Precious Metals// Journal of Banking & Finance. 2020. № 37(8). P. 2665–2676 DOI: 10.1016/j.jbankfin.2020.105823.
9. Kangalli U., et el. The role of precious metals in extreme market conditions: Evidence from stock markets//Studies in Economics and Finance. 2020. № 39(1). P. 63–78. DOI: 10.1108/SEF-04-2021-0128.
10. Precious Metal Market Size, Share, and Trends 2025 to 2034. URL: https://www.precedenceresearch.com/precious-metal-market#:~:text=The %20global%20precious%20metal%20market%20size%20was%20estimated %20at%20USD,6.77%25%20from %202025%20to%202034 (дата обращения: 02.06.2025).
11. Precious Metal Market Size to Hit USD 545.57 Billion by 2034. URL: https://www.precedenceresearch.com/precious-metal-market#:~:text=The %20global%20precious%20metal%20market%20size%20was%20estimated %20at%20USD,6.77 %25%20from%202025%20to%202034 (дата обращения: 02.06.2025).
12. Europe and Central Eurasia. U.S. Geological Survey. URL: https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/europe-and-central-eurasia#rus (дата обращения: 02.06.2025).
13. Статистика внешнего сектора. Банк Росси. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ir/(дата обращения: 02.06.2025).

The Precious Metals Market in Ensuring Geopolitical Stability

Kireeva E.F.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The precious metals market is traditionally considered as a method of hedging risks and ensuring financial stability during periods of economic and geopolitical crises. The purpose of the article is to explore scientific approaches and current trends in the precious metals market in the global economy. The article provides a review of scientific papers on the use of precious metals as stabilization investment assets and an analysis of current global trends in the formation of the precious metals market. According to the results of the review, it was revealed that precious metals are tools for ensuring financial sovereignty through consumer qualities and active use in modern industrial technologies. The use of precious metals to strengthen national currencies guarantees financial independence in the face of geopolitical uncertainty.

Keywords: precious metals, precious metals market, geopolitical stability, safe haven assets, international reserves

УДК 339.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-351-356

Реструктуризация экспортных потоков России в XXI в.: роль азиатского рынка и санкционных ограничений

Кириллова О.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шарипов Д.Ш.
Лаборант кафедры китаеведения
и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанского (Приволжского) федерального университета

Исследование посвящено анализу трансформации структуры российского экспорта с акцентом на возрастающую значимость азиатского направления и воздействие санкционного режима на динамику данного процесса. Актуальность работы определяется важностью оценки новых векторов российского экспорта в контексте геоэкономических и геополитических вызовов и трансформаций. Цель исследования состоит в анализе динамики переориентации российского экспорта на азиатские рынки и оценке влияния санкционного давления на экономику страны.

Для достижения целей исследования на основе статистических данных была проанализирована структура российского экспорта. На основе проведенного анализа и научной литературы были сформулированы выводы относительно структуры, динамики и географической направленности российского экспорта.

Практическая польза исследования состоит в том, что изучение динамики экспортной переориентации значимо для понимания адаптационных механизмов национальной экономики при влиянии внешних факторов. Результаты исследования могут быть использованы при формировании эффективной экспортной стратегии России в условиях структурных изменений глобальных рынков и санкционного давления.

Ключевые слова: *внешнеэкономическая деятельность, российский экспорт, нефть, азиатский рынок, экономические санкции, геополитические изменения*

Для цитирования: *Кириллова О.В., Шарипов Д.Ш. Реструктуризация экспортных потоков России в XXI в.: роль азиатского рынка и санкционных ограничений // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 351–356. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-351-356.*

С конца 1950-х гг. Советский Союз активизировал вовлечённость в международную торговлю, ориентируясь преимущественно на сотрудничество с государствами социалистического блока и западно-

европейскими странами. В этот период ключевыми статьями советского экспорта были зерно, лесоматериалы и нефть. Однако, в начале 1960-х гг. позиции СССР на зерновом рынке ослабли из-за роста производства в США, Канаде, Австралии и Аргентине, снижения цен на зерно на мировом рынке и неурожая 1963 г. Схожая тенденция сложилась в лесной промышленности. Несмотря на то, что СССР обладал крупнейшими в мире запасами древесины (69 % мировых ресурсов), по объемам и качеству готовой продукции он уступал таким странам, как Швеция, Канада и Финляндия, где производство было более технологичным и ориентированным на международные стандарты [1].

В отличие от вышеперечисленных отраслей, нефтяной сектор стал ключевым драйвером советского экспорта. Мировой спрос на энергоресурсы резко вырос в послевоенные годы, особенно в Европе, где активно расширялись промышленные мощности. СССР, обладая значительными запасами нефти, удачно воспользовался этой конъюнктурой, заняв важное место на рынке энергоносителей. Советская нефтеперерабатывающая промышленность отставала в технологическом и производственном плане от западноевропейских стран, что вынуждало экспортировать нефть в сыром виде. Основными же экспортными позициями нефтепереработки являлись дизельное топливо (44 %) и автомобильный бензин (39,5 %), поставки которых осуществлялись преимущественно в страны Восточной Европы и государства-члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) [2]. Дальнейшее строительство трубопровода «Дружба» позволило нарастить поставки сырья в Европу, закрепив за СССР роль одного из ведущих экспортеров нефти.

Таким образом, в этот период начали формироваться черты сырьевой модели экономики, где основным источником валютных доходов становился экспорт природных энергоресурсов, прежде всего нефти. Удачное сочетание внутренних возможностей и внешнего спроса позволило СССР занять выгодную позицию на мировом энергетическом рынке, что в дальнейшем оказало значительное влияние на развитие советской экономики.

Начиная с 1970–1980-х гг. в СССР продолжается тенденция к росту доли продуктов нефтедобычи в структуре экспорта страны, что способствовало усилению зависимости экономики от нефтяных доходов и постепенному переходу к экспортно-сырьевой модели. Происходило расширение географии месторождений и наращивание производственных мощностей. К 1974 г. Западная Сибирь вышла на первое место по объемам нефтедобычи, параллельно решив потребности в сфере газоснабжения [2]. Перечисленные процессы стимулировались устойчивым ростом мирового спроса на энергоресурсы, а также совершенствованием нефтяной инфраструктуры в стране.

В 1990-е гг., после распада СССР, Россия начала перестраивать хозяйственную деятельность перехода к рыночной экономике, включая реформирование нефтяной отрасли. В этот период произошло расширение географии разработки нефтяных месторождений, что привело к значительному увеличению объемов экспорта нефти в Европу. Несмотря на экономический кризис в стране в 1990-е гг., нефтяная отрасль оставалась одним из немногих источников доходов, продолжая расти, что способствовало зависимости России от поставок нефти в страны Европы [3].

В период с 2000 по 2008 гг. доля России в мировой торговле демонстрировала устойчивую тенденцию к росту, что свидетельствовало об усилении роли российской экономики в глобальной торговой системе. С 2000 г. наблюдался период высоких цен на нефть на мировом рынке, что оказало благоприятное воздействие на экономику России. При этом основным направлением экспорта нефти и газа оставалась Европа, что создавало определенные риски в условиях изменения геополитической обстановки. В 2002 г. доля РФ в мировом импорте составляла 0,79 %, а в мировом экспорте – 1,94 %. К началу мирового экономического кризиса в 2008 г. эти показатели увеличились до 1,69 и 3,07 % соответственно [4].

Рост доли России в мировом экспорте был обусловлен, прежде всего, увеличением объемов поставок энергоресурсов, таких как нефть и природный газ, на фоне значительного роста цен на сырьевые товары. Это было связано с благоприятными условиями в мировой политике и увеличением спроса со стороны быстрорастущих экономик, таких как Китай и Индия. В этот период Россия укрепила свои позиции как один из ключевых поставщиков энергоресурсов на мировые рынки, что способствовало экономическому росту.

Начиная с 2010-х гг. в России начинает формироваться восточный вектор экспорта, ориентированный на азиатский рынок, с акцентом на Китай и в меньшей степени – на Японию и Республику Корея (далее – РК). Этот процесс был обусловлен рядом факторов, ключевым из которых стал колоссальный рост китайской экономики, сопровождавшийся значительным увеличением объема спроса на энергоресурсы. Китай, как крупнейший мировой производитель, нуждался в стабильных поставках нефти. Также, немаловажным фактором, способствующим развитию нового направления экспорта, является смещение ресурсной базы России в восточные регионы страны (к 2013 г. на Ханты-Мансийский округ приходилось 48,8 % добытой нефти) [5].

Подтверждением вышесказанного служит график (рис. 1), построенный на основе статистических данных [4]. Анализ этих данных позволяет выделить Германию и Нидерланды в качестве основных торговых партнеров России в Европе. Их доминирую-

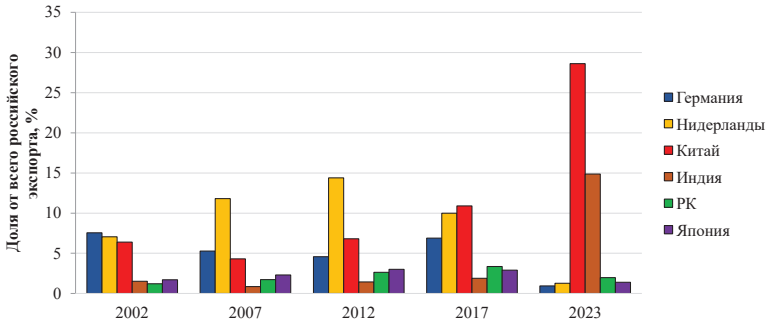

Рис. 1. Доля стран в российском экспорте, % [4]

щая роль в структуре российского экспорта, а также высокий уровень экономического развития делают эти страны наиболее показательными для исследования процессов переориентации внешнеэкономических связей РФ. В качестве контрастных примеров рассмотрены страны Азии, а именно динамично развивающиеся экономики Китая и Индии, а также высокоразвитые страны – Япония и РК. График наглядно демонстрирует, что с начала 2000-х гг. Китай занимает все более важное место во внешней торговле России, что свидетельствует о постепенной переориентации экономических связей.

Следует отметить, что после геополитических изменений 2022 г. наблюдается существенное сокращение публикаций официальной статистики по импорту ключевых российских товарных позиций со стороны ряда стран, включая РК и Японию. Данный факт может свидетельствовать как о фактическом прекращении соответствующих поставок, так и о демонстративном соблюдении санкционного режима. Однако, несмотря на отсутствие детализированной статистики, наблюдаемая динамика подтверждает структурные изменения в российском экспорте, вызванные внешнеполитическими факторами и последующей переориентацией российской экономики на азиатские рынки.

В период с 2000 по 2008 гг. торговля между странами выросла почти в 10 раз: с 6,2 млрд долл. до 55,9 млрд долл., а в 2007 г. КНР вышел на первое место среди стран-поставщиков товаров в Россию. Доля КНР в импорте РФ резко выросла, но при этом заметно уступала доле стран ЕС [6].

Основу российского экспорта в Китай составляли энергоресурсы (нефть, нефтепродукты, уголь), древесина, металлы и химическая продукция. Импорт из Китая включал машины, оборудование, электронику, текстиль и потребительские товары [7].

Для сравнения, торговые отношения России с Японией до 2010 г. развивались менее динамично по сравнению с Китаем. В 2004 г. товарооборот между двумя странами составлял около 8 млрд долл. [8], а к 2008 г. достиг 29 млрд долл. [9]. Основу российского экспорта в Японию составляли энергоресурсы (нефть, сжиженный природный газ, уголь), металлы и морепродукты. Япония поставляла в Россию автомобили, электронику, машины и оборудование [10].

Торговля России с РК до 2010 г. также демонстрировала рост, хотя и в меньших объемах по сравнению с Китаем и Японией. В 2000 г. товарооборот составлял около 1,2 млрд долл., но к 2005 г. он увеличился до 6 млрд долл., а к 2008 г. достиг 18 млрд долл. [11]. Российский экспорт в РК включал энергоресурсы (нефть, уголь), металлы и химическую продукцию. РК поставляла в РФ автомобили, электронику, суда и промышленное оборудование.

Основу экспорта России в азиатские страны составляли энергоресурсы и сырьевые товары, в то время как импорт включал высокотехнологичную продукцию и оборудование. В этот период были заложены основы для дальнейшего расширения торговых связей России, особенно с Китаем [12].

Анализ структуры российского экспорта, начиная с 2002 г., определяет ряд существенных изменений. На основе статистических данных [4], построены таблицы 1 и 2, на которых видно, что в период с 2002 по 2012 гг. наблюдается увеличение доли экспорта углеводородных энергоресурсов с 52 до 70 %.

Однако, начиная с 2012 г., наблюдается изменение данной тенденции. К 2017 г. доля углеводородных энергоресурсов в структуре экспорта снижается до 49 %, а в 2021 г. до 43 %. За период 2021–2023 гг. по двум ключевым торговым позициям наблюдается резкое сокращение экспортных показателей. Все эти изменения связаны с диверсификацией россий-

Таблица 1

Структура российского экспорта, доля от общего объема, %

Товарная позиция	2002 г.	2007 г.	2012 г.	2017 г.	2021 г.
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	52	61	70	49	43
Товары, не указанные по виду	9,1	8,1	2,4	14	14,8
Черные металлы	6	5,9	4,3	4,9	5,9
Алюминий и изделия из него	3,5	2,3	1,4	1,7	1,8
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты	3,2	1	2,6	2,9	6,4
Удобрения	1,5	1,6	2,1	2,5	2,5

Таблица 2

Стоимость экспорта по ключевым торговым позициям, млрд долл.

Страны	2021 г.	2022 г.	2023 г.
2709 «Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных минералов»			
Германия	9,3	13,1	0,04
Нидерланды	17,3	10,5	0,5
Китай	35	58	60
Индия	0,9	25	48
Республика Корея	6,4	2,3	нет данных
Япония	2,3	1,32	нет данных
2710 «Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых; продукты, в другом месте не поименованные или не включенные, содержащие 70 мас.% или более нефти или нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород, причем эти нефтепродукты являются основными составляющими препаратов; отработанные масла»			
Германия	2,4	5,7	0,7
Нидерланды	14,6	2,5	0,3
Китай	3,9	3,2	7,3
Индия	0,8	4,1	4,9
Республика Корея	3,1	1,7	нет данных
Япония	0,5	0,2	нет данных

ской экономики, а также геополитическими изменениями.

В 2014 г., в результате эскалации геополитической напряженности, обусловленной присоединением Крыма к Российской Федерации (РФ), США и ЕС ввели против РФ пакет первых антироссийских санкций. Экономические санкции, в первую очередь, включали в себя ограничение доступа российских компаний к международным рынкам капитала, в особенности, в финансовый, энергетический и оборонный секторы [13]. Целью данного ограничения являлось затруднение привлечения внешнего финансирования, необходимого для реализации инвестиционных проектов и поддержания текущей деятельности предприятий ключевых отраслей российской экономики.

Кроме того, были введены ограничения на поставки определенных категорий товаров и технологий в Россию, которые могли быть использованы в оборонной промышленности и нефтедобыче. Данные ограничения имели целью ослабить технологический потенциал российских предприятий, работающих в стратегически важных секторах экономики. Отдельным пунктом санкционной политики являлся запрет на торговлю с Республикой Крым и инвестиции в крымскую экономику. Данная мера была направлена на экономическую изоляцию полуострова и непризнание его вхождения в состав РФ.

Введенные санкции оказали негативное влияние на российскую экономику, ограничив доступ к капиталу, снизив уровень инвестиций и ослабив курс рубля [14]. Однако, санкционная политика не изменила политику РФ, но при этом способствовала росту геополитической напряженности и стимулировала Россию к смене направления во внешнеэкономической деятельности и развитию сотрудничества с другими странами. В 2022 г. на фоне геополитических событий, связанных с началом специальной военной операции (СВО), в первую очередь, США и страны Запада ввели новый пакет антироссийских санкций, тем самым запустив «вторую волну» санкций. Эти меры существенно отличались от «первой волны», введенных после 2014 г.

«Вторая волна» санкций затронула практически все ключевые отрасли российской экономики, включая энергетику, финансовый сектор, промышленность и торговлю. Волна санкций была направлена, преимущественно, на ограничение доступа России к международным финансовым рынкам и технологиям, а также на нарушение логистических цепочек международной торговой деятельности [15]. Одним из наиболее значимых аспектов стало введение ограничений на экспорт энергоресурсов, что нанесло серьезный удар по экономике России, учитывая высокую зависимость страны от доходов от продажи нефти и газа. Кроме того, были введены ограничения на финансовую деятельность, включая заморозку активов РФ и отключение ряда российских банков от международной системы *SWIFT*. Эти меры значительно затруднили доступ России к международным финансовым ресурсам и ограничили возможности проведения внешнеторговых операций.

В первой половине 2022 г. рост цен на нефть на мировых рынках позволил России частично компенсировать негативное воздействие санкций, обеспечив временный приток валютных поступлений. Однако в долгосрочной перспективе санкции оказали существенное влияние на экономику страны, вынудив Россию искать альтернативные пути развития [12]. Одним из ключевых ответов на санкционное давление стал стратегический поворот России в сторону Востока, в частности, усиление экономического сотрудничества со странами Азии (Китай и Индия) [10]. Этот поворот был направлен на поиск новых партнеров для торговли энергоресурсами и технологического сотрудничества, а также на снижение зависимости от западных рынков и финансовых систем [7].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что представленные данные подтверждают смену стратегического курса руководства страны. Геополитические события, произошедшие в 2014 и 2022 гг., привели к введению против России экономических санкций. В 2014 г. экономика РФ испыта-

ла давление, но сохранила устойчивость благодаря высоким ценам на нефть и накопленным резервам. В 2022 г. санкции стали масштабными и оказывали воздействие на ключевые отрасли экономики, поставив перед Россией вызовы, связанные с изоляцией от западных рынков. Однако это ситуация одновременно стимулировала экономику РФ, способствуя ускорению процесса импортозамещения и переориентации на рынки Азии и Востока. Это отражают стратегическое стремление России к диверсификации экспортных направлений, снижению зависимости от западных рынков и укреплению экономических связей с другими торговыми партнерами. Данная тенденция стала адаптацией российской экономики к новым геополитическим реалиям и стремлением к снижению зависимости от традиционных торговых партнеров.

Литература:

1. Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю. Советская внешнеэкономическая стратегия: Ведомственные проекты и бюрократический механизм (конец 1950-х – первая половина 1960-х годов) // Новый исторический вестник. 2019. № 4(62). С. 55–75. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00028.
2. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Советский нефтяной экспорт 1950-1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 44–57. DOI: 10.17223/19988613/66/6.
3. Волошин В.И. От сырьевой к инновационной модели экономики России: роль нефтегазового экспорта // Beneficium. 2024. № 1(50). С. 40–46. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1(50).40-46.
4. TrendEconomy – Глобальная база внешней торговли. URL: https://trendeconomy.ru (дата обращения: 03.03.2025).
5. Геник И.В. Анализ некоторых показателей нефтедобычи в России 2000-2013 годов // Нефтегазовое дело. 2014. Т. 12. № 2. С. 178–187.
6. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1(58). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
7. Кириллова О.В., Груничев А.С., Кузнецов М.Г. Перспективы и особенности развития общего финансового рынка России и Китайской народной Республики // Казанский международный конгресс евразийской интеграции – 2024: Материалы конгресса, Казань, 13–14 июня 2024 г. Казань: «Медицина» ГАУ "РМБИЦ", 2024. С. 88–93.
8. Белов А.В. Полтора века российско-японской торговли: как преодолеть «эффект колеи»? // Ежегодник Япония. 2016. Т. 45. С. 105–130.
9. Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы // Японские исследования. 2022. № 3. С. 84–104. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104.
10. Емельянова А.В., Кириллова О.В., Амирова Э.Ф. Глобальная экономика в Японии и ее влияние на продовольственную безопасность страны // Научные исследования молодых ученых: Материалы II Межд. науч.-практ. Конф., посвященной памяти д.э.н., проф. Л.М. Рабиновича, Казань, 12 марта 2024 г. Казань: Казан. гос. аграрный унтет, 2024. С. 87–92.
11. Горбенкова Е.В. Тенденции развития торговли между Приморским краем и Республикой Корея в 2000-х гг. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 4(8). С. 78–90.
12. Казанцев С.В. Антироссийские санкции – вчера и сегодня // ЭКО. 2015. № 3(489). С. 63–78.
13. Нарбут В.В., Шпаковская Е.П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 131–148. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_131_148.
14. Беляев С.А. Состояние и тенденции развития внешнеторговых отношений России в условиях санкций. Курск: ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, 2020. 164 с.
15. The Financial And Economic Strategy Formation At An Enterprise: Its Impact On A Managerial Decision Making Process / G.E. Makuhkin, I.V. Avvakumova, E.V. Logvina [et al.] // Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenges: Proceedings of the 35th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Seville, Spain: International Business Information Management Association (IBIMA), 2020. P. 2476–2484.

Restructuring of Russia's Export Flows in the 21st Century: the Role of the Asian Market and Sanctions Restrictions

Kirillova O.V., Sharipov D.Sh.
Kazan (Volga Region) Federal University

The study focuses on analyzing the transformation of the structure of Russian exports, with a particular emphasis on the growing importance of the Asian direction and the impact of the sanctions regime on the dynamics of this process. The relevance of the study lies in the importance of assessing the new vectors of Russian exports in the context of geoeconomic and geopolitical challenges and transformations. The aim of the study is to analyze the dynamics of the reorientation of Russian exports towards Asian markets and assess the impact of sanctions pressure on the country's economy.

To achieve the study's objectives, the structure of Russian exports was analyzed based on statistical data. Based on the analysis and scientific literature, conclusions were drawn regarding the structure, dynamics, and geographical focus of Russian exports.

The practical significance of the work lies in the fact that studying the dynamics of export reorientation is important for understanding the adaptive mechanisms of the national economy under the influence of external factors. The results of the study can be used in the development of an effective export strategy for Russia in the context of structural changes in global markets and sanctions pressure.

Keywords: foreign economic activity, Russian exports, oil, Asian market, economic sanctions, geopolitical changes

УДК 340.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-357-361

Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности

Кузьменко В.И.
Кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой теории, истории государства и права,
социально-экономических дисциплин Казанского института
(филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Российская правовая система представляет собой динамично развивающееся образование. Структурные элементы российской правовой системы находятся под трансформационным влиянием множества объективных и субъективных факторов. Правовая система должна рассматриваться как собирательная категория и многогранное явление.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть ключевые политико-правовые концепции (XVIII в. – современный период) в контексте конфликта модернизации и национальной идентичности в период петровских времен.

Реформированию подвергаются все элементы российской правовой системы: законодательство, государственные институты, правоприменение и правосознание. В основе проводимых изменений лежат жизненные потребности и новые вызовы общественно-политического развития [1, с. 13]. Необходимо подчеркнуть, что любая правовая система демонстрирует стремление к упорядочиванию своего функционирования в пространственно-временной и цивилизационной системе координат [2, с. 26].

Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение системных теоретических положений российской правовой системы посредством историографического анализа аксиологических детерминант, влияющих на генезис и развитие правовой системы России, позволяет учитывать негативные тенденции, правовое регулирование в целом, возможные нарушения правового и социального равновесия.

Выводы данного исследования заключаются в обосновании тезиса о том, что петровские реформы представляли собой не просто административно-техническую модернизацию, а фундаментальную культурную революцию, направленную на формирование нового типа политико-правового сознания. Трансформация традиционных ценностей происходила не путем их простого замещения европейскими образцами, а через сложный процесс селективной адаптации и синтеза различных культурных элементов.

Ключевые слова: *российская правовая система, традиционные ценности, трансформация, петровские реформы, модернизация, политико-правовые учения*

Для цитирования: *Кузьменко В.И. Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 357–361. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-357-361.*

Проблема соотношения модернизационных процессов и сохранения национальной идентичности в условиях радикальных социально-политических трансформаций представляет собой одну из наиболее актуальных и дискуссионных тем в современной историографии петровского времени. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе процесса трансформации традиционных ценностных ориентиров русского общества через призму политико-правовых нововведений первой четверти XVIII в. Это позволяет выявить глубинные противоречия между европеизацией государственных институтов и укорененными в национальном сознании представлениями о власти, праве и социальном порядке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления характера петровских преобразований не только как административно-технических нововведений, но и как фундаментального культурного сдвига, повлекшего за собой кризис традиционной системы ценностей и формирование новой модели взаимоотношений между государством и обществом.

Традиционная российская политико-правовая культура XVII в. базировалась на нескольких фундаментальных принципах, которые в совокупности формировали устойчивую систему представлений о легитимности власти и социальном порядке. Как отмечается в духовной грамоте царя Алексея Михайловича 1676 г.: «Богом поставленному царю подобает во всем правду творити и милость являти к подданным своим, по древнему благочестивому обычаю святых царей и великих князей российских» [3, с. 711]. Данная формулировка отражает ключевые элементы традиционной концепции власти: божественное происхождение царского авторитета, преемственность с предшествующими правителями и патерналистский характер отношений между монархом и подданными.

Система традиционных ценностей русского общества XVII в. включала в себя несколько взаимосвязанных компонентов: религиозную основу политической легитимности, общинно-корпоративную структуру социальной организации, патриархальные формы семейных отношений и синкретичное единство светской и духовной власти. Особенно ярко эти принципы отражены в «Домострое», где указывается: «Царя бойся и служи ему верою и правдою и молися за него Богу, и не лги пред ним и не таи от него, но служи ему разумом своим и душею чистою» [4, с. 147]. Подобная концепция предполагала персонализированный характер властных отношений и моральную основу политического повиновения, что кардинально отличалось от рационально-бюрократических принципов европейского абсолютизма.

Начало кардинальной трансформации традиционной ценностной системы связано с политико-правовыми нововведениями Петра I, которые не ограничивались техническим заимствованием европейских институтов, но предполагали фундаментальное изменение самих принципов организации государственной власти. В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» [5, с. 13] подчеркивает, что «Петр не просто перенимал западные учреждения, но стремился изменить самый дух русской жизни, заменив традиционные формы общественного сознания рациональными принципами государственного строительства». Эта радикальность подхода проявилась уже в первых указах петровского времени, где традиционная терминология замещалась европейскими понятиями и концепциями.

Принципиальное значение для понимания характера ценностной трансформации имеет анализ «Духовного регламента» 1721 г., где Феофан Прокопович формулирует новую концепцию отношений между церковью и государством: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает» [6, с. 3].

Данная формулировка, при внешнем сходстве с традиционными представлениями о божественном происхождении царской власти, содержит принципиально новый элемент – подчеркивание абсолютного характера монаршего авторитета и устранение посреднической роли церкви в легитимации политической власти. Подобная концепция вступала в противоречие с традиционными представлениями о симфонии властей и автономии духовной сферы.

Современные исследователи по-разному оценивают характер и последствия ценностной трансформации петровского времени. Н.И. Павленко в монографии «Петр Великий» утверждает, что «петровские реформы означали не разрыв с национальными традициями, а их творческое развитие в новых исторических условиях, обеспечившее России возможность войти в семью европейских народов на равных правах» [7, с. 467].

Иную позицию занимает Е.В. Анисимов в работе «Время петровских реформ», который подчеркивает, что «модернизация петровского типа носила принудительный характер и сопровождалась кардинальным разрывом с традиционной культурой, что создавало глубокий раскол между европеизированной элитой и народными массами» [8, с. 178].

Особенно отчетливо конфликт между традиционными ценностями и модернизационными императивами проявился в сфере правового регулирования семейных отношений. Указ «О единонаследии» 1714 г. кардинально изменил принципы наследственного права, установив: «Недвижимые вещи не продавать и не закладывать, но обращаться оные в род неотходно таким образом: кто имеет сыновей, и ему же аще хощет единому из оных дать недвижимое, будь то большему или меньшему, то в его воле» [9, с. 91].

Данная норма противоречила традиционным принципам семейной организации, где имущество рассматривалось как коллективная собственность рода, а наследование регулировалось обычным правом и религиозными представлениями о справедливости.

Аналогичным образом складывалась ситуация в сфере брачного права, где петровское законодательство вступило в конфликт с традиционными представлениями о семье и браке. Указ 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» устанавливал обязательную проверку умственных способностей дворян перед вступлением в брак, что воспринималось современниками как покушение на традиционную патриархальную власть главы семьи. В челобитной дворян Московского уезда 1723 г. содержится характерная жалоба: «Издревле ведется у нас, что родители детей своих женят и замуж выдают по своему разсуждению, а не по освидетельствованию посторонних людей» [10, с. 15]. Подобные протесты свидетельствуют о глубоком неприятии значительной частью общества попыток государственного вмешательства в традиционно автономную сферу семейных отношений.

Трансформация ценностных ориентиров особенно ярко проявилась в изменении представлений о социальной иерархии и служебных обязанностях дворянства. «Табель о рангах» 1722 г. установила принципиально новую систему социальной стратификации, основанную на служебных заслугах, а не на родовитости: «Сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейших чинов, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной ассамблеи, где двор находится, свободный доступ пред другими нижнего чину и охотно видим, что они от других во учтивости почитаются, однако ж мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут» [11, с. 496].

Данная формулировка отражала кардинальное изменение принципов социальной организации, где традиционная родовая знатность уступала место служебной компетентности.

Научный анализ последствий ценностной трансформации петровского времени представлен в работах ведущих исследователей российской истории XVIII в. А.Б. Каменский в монографии «От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века» отмечает, что «петровские преобразования создали в русском обществе глубокий культурный раскол, последствия которого определяли характер российского исторического развития на протяжении всего имперского периода» [12, с. 89]. Сходную оценку дает И.В. Курукин в исследовании «Эпоха дворцовых переворотов», подчеркивая, что «модернизация петровского типа породила противоречие между европеизированными формами государственной организации и традиционными основами народной культуры, что создавало постоянную напряженность в системе социальных отношений» [13, с. 45].

Особого внимания заслуживает анализ религиозно-культурных аспектов ценностной трансформации, поскольку именно в этой сфере конфликт между традицией и модернизацией проявился наиболее остро. Упразднение патриаршества и создание Святейшего Синода означало не только административную реорганизацию церковного управления, но и фундаментальное изменение статуса религии в системе государственной идеологии. В «Розыске о раскольнической брынской вере» Димитрия Ростовского (1709 г.) содержится характерная критика старообрядчества: «Раскольники держатся старых обычаев не по благочестию, но по упрямству, не разумея, что благочестие не в букве состоит, но в дусе и истине» [14, с. 47]. Подобная аргументация отражала попытку официальной церкви обосновать легитимность нововведений и преодолеть сопротивление традиционалистски настроенных кругов [15, с. 178].

Анализ старообрядческой полемической литературы петровского времени позволяет выявить альтернативную интерпретацию происходящих изменений и понять логику защитников традиционных ценностей. В «Поморских ответах» (1723 г.) содержится характерная критика петровских нововведений: «Видим ныне, яко древнее благочестие попирается, святые отеческие предания отметаются, а вместо их латинские и лютеранские новшества вводятся» [16, с. 234]. Данная формулировка выражает традиционалистское понимание реформ как отступления от «истинной веры» и национальных основ российской государственности.

Важным аспектом ценностной трансформации стало изменение представлений о целях и методах государственного управления, где традиционные патерналистские принципы уступали место рационально-утилитарным подходам. В «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича (1722 г.) формулируется новая концепция государственной власти: «Государь, яко глава народа, должен пещися о пользе общей, а не о частной своей, и для того власть его не ограничена никакими узами, кроме собственной его совести и разума» [17, с. 12]. Подобная трактовка предполагала инструментальное понимание государственной власти как средства достижения общественного блага, что противоречило традиционным представлениям о сакральном характере царского авторитета.

Противоречие между модернизационными императивами и национальной идентичностью особенно ярко проявилось в сфере образования и культурной политики. Создание новой системы образования, ориентированной на европейские образцы, означа-

ло не только техническое обновление учебных программ, но и формирование принципиально нового типа личности. В инструкции Академии наук 1724 г. указывается: «Академия учреждается для произведения и распространения наук, а наипаче для обучения молодых людей, дабы со временем могли служить отечеству в различных званиях». Данная формулировка отражает утилитарное понимание образования как инструмента государственной политики, что существенно отличалось от традиционной концепции обучения как духовного совершенствования.

Современные исследователи культурных аспектов петровских реформ подчеркивают их амбивалентный характер и долгосрочные последствия для российского общества. Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре» отмечает, что «петровские преобразования создали в русской культуре ситуацию культурного билингвизма, когда образованные слои общества начали жить одновременно в двух культурных системах – европейской и традиционно русской» [18, с. 78]. Эта двойственность определила специфику российского культурного развития XVIII–XIX вв. и создала предпосылки для формирования особого типа национального самосознания.

Анализ актового материала петровского времени свидетельствует о неоднозначной реакции различных социальных групп на ценностную трансформацию. В донесении тайной канцелярии 1724 г. содержится характерная оценка общественных настроений: «В народе многие ропщут на новые порядки и говорят, что старые обычаи лучше были, а ныне все переменилось и не по-русски стало». Подобные свидетельства указывают на существование значительного культурного сопротивления модернизационным процессам и сохранение традиционных ценностных ориентиров в массовом сознании.

Особенно показательным является анализ трансформации правовых представлений, где конфликт между традицией и новацией проявился в наиболее острой форме. Петровское законодательство вводило принципы, противоречащие устоявшимся нормам обычного права и религиозной морали. Воинский устав 1716 г. устанавливал: «Всякий человек, какого бы чина он ни был, должен государю верно служить и во всем послушание показывать». Данная норма предполагала безусловное подчинение государственной власти, что противоречило традиционным представлениям о взаимных обязательствах правителя и подданных.

Таким образом, понимание рассмотренных аспектов и противоречий как структурной особенности российской политической культуры открывает новые перспективы для исследования механизмов культурной адаптации в условиях радикальных социально-политических трансформаций и способствует более глубокому осмыслению специфики российского пути модернизации в его исторической ретроспективе.

Литература:

1. Ярков В.В. Конкуренция правовых систем: миф или реальность? // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 13–29.
2. Карнаушенко Л.В. Социальные детерминанты права в российском социуме начала XXI в. // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский ун-тет МВД РФ, 2017. С. 24–30.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 1. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. 1056 с.
4. Колесов В.В. Домострой. М.: Художественная литература, 1991. 304 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 398 с.
6. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1721. Л. 3.
7. Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
8. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
9. Указ «О единонаследии» 1714 г. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 2789.
10. Челобитная дворян Московского уезда 1723 г. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 15.
11. Табель о рангах 1722 г. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3890.
12. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М.: РГГУ, 2001. 300 с.
13. Курукин И.В. Эпоха дворцовых переворотов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 178 с.
14. Ростовский Д. Розыск о раскольнической брынской вере. М.: Синодальная типография, 1709. Л. 47.
15. Кузьменко В.И. Проблема соотношения категорий «правовая семья», «правовая система» и «система права» // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 197–200.
16. Поморские ответы. М.: Старообрядческая типография, 1884. 352 с.
17. Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. СПб.: Типография Александро-Невской лавры, 1722. 36 с.
18. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 832 с.

Transformation of Traditional Values in the Political and Legal Doctrine of Peter the Great's Reforms: the Conflict of Modernization and National Identity

Kuz´menko V.I.
Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The Russian legal system is a dynamically developing entity. The structural elements of the Russian legal system are subject to transformational influences from a variety of objective and subjective factors. The legal system should be viewed as a collective category and a multifaceted phenomenon. The legal system encompasses all legal phenomena and legal reality at a particular stage of state development (law, legal system, legal practice, legal ideology, legal consciousness, law enforcement, and a number of other structural elements). In order to characterize the problems of interconnection and integrity, and to highlight the unity and contradictions in their components at the current stage, the author proposes to use the category of axiological factors or determinants of the theoretical development of the Russian legal system. At the current stage, special attention should be paid to studying the transformation of traditional values both at the current stage and in their historical development.

This article attempts to examine the key political and legal views (XVIII century- modern period) on the conflict of modernization and national identity in the period of Peter the Great. All elements of the Russian legal system are undergoing reform: legislation, state institutions, law enforcement, and legal awareness. The changes are based on vital needs and new challenges of socio-political development. It should be emphasized that every legal system demonstrates a desire to regulate its functioning in a spatial-temporal and civilizational coordinate system.

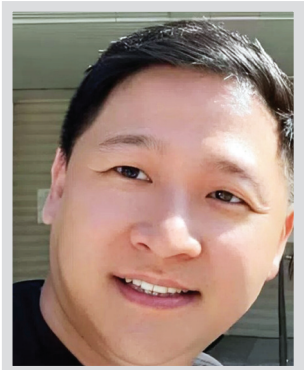
The practical significance of the study lies in the fact that the study of systemic theoretical provisions in the study of the Russian legal system through a historiographical analysis of the axiological determinants that affect the genesis and development of the Russian legal system allows us to take into account various negative trends, legal regulation in general, and possible violations of the legal and social balance. The scientific novelty of this study lies in the justification of the thesis that Peter's reforms were not just an administrative and technical modernization, but a fundamental cultural revolution aimed at creating a new type of political and legal consciousness. The transformation of traditional values did not occur through simple replacement with European models, but rather through a complex process of selective adaptation and synthesis of various cultural elements.

This process created a persistent contradiction in Russian society between the modernization imperatives and the need to preserve national identity, which determined the course of Russian historical development over the following centuries.

Keywords: Russian legal system, traditional values, transformation, Peter the Great's reforms, modernization, and political and legal teachings

УДК 338.436.33
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-362-365

Факторы устойчивого развития муниципальных образований в сельской местности России

Лай Юньхуэй
Аспирант кафедры экономики и эконометрики
Алтайского государственного университета

Устойчивое развитие сельских территорий определяется множеством факторов, перечень и значимость которых существенно варьируются по регионам России. Их своевременная идентификация позволяет органам государственной власти и заинтересованным сторонам предпринимать превентивные меры, направленные на повышение эффективности государственного и муниципального управления развитием территорий в сельской местности.

Цель исследования – систематизировать факторы устойчивого развития сельских территорий России с учетом результатов современных исследований ученых и увязать их влияние на выполнение сельскими территориями производственной, социально-демографической и иных функций. Задачи исследования: выявить факторы внешней и внутренней среды устойчивого развития сельских территорий России; детализировать факторы внешней среды по уровням воздействия (глобальный, федеральный, региональный, межмуниципальный); дополнить факторы внутренней среды управленческими факторами взаимодействия государственных и муниципальных органов власти с населением, предпринимателями муниципальных образований; выявить направление влияния факторов (положительное, негативное) на выполнение сельскими территориями основных функций.

Научная и практическая значимость определяется систематизацией и дополнением системы факторов устойчивого развития сельских территорий, детализацией факторов внешней среды, обосновании направлений влияния факторов (положительное, негативное) на выполнение сельскими территориями основных функций, что позволяет учитывать их при мониторинге социально-экономического и экологического состояния территорий в сельской местности, своевременно принимать превентивные меры. Научная новизна исследования заключается в следующем: уровни влияния внешней среды устойчивого развития муниципальных образований в сельской местности дополнены межмуниципальным уровнем, позволяющим учитывать косвенное влияние особенностей социо-экономико-экологического развития близлежащих сельских и/или городских территорий; во внутренней среде развиты положения, связанные с вовлеченностью населения и предпринимателей в вопросы территориального развития, эффективностью взаимодействия муниципальных органов власти и органов местного самоуправления с населением и предпринимателями.

Ключевые слова: *сельские территории, устойчивое развитие, внешняя и внутренняя среда, функции сельских территорий, муниципальное управление, типы развития территорий*

Для цитирования: *Лай Юньхуэй Факторы устойчивого развития муниципальных образований в сельской местности России // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 362–365. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-362-365.*

Внимание к проблемам устойчивого развития сельских территорий, определенных состоянием и основными тенденциями в сельской экономике, социуме и экологии, в России было всегда как со стороны официальных органов власти, так и со стороны научной общественности, жителей сельских территорий и предпринимателей, осуществляющих прямую или косвенную деятельность в сельской местности. В научной литературе до 2010 г. преобладали исследования социального развития села в увязке с развитием сельскохозяйственных товаропроизводителей (до 1990 г. – колхозов и совхозов, на долю которых приходилась основная часть финансирования объектов производственной и социальной инфраструктуры; после 1990 г. – всех категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей, т.е. подход был чисто отраслевой) [1]. С 2009–2010 гг. вектор исследований сдвинулся в сторону устойчивости сельских территорий как совокупности населенных пунктов в рамках определенных территорий (отраслевой подход к управлению сельским развитием трансформировался в территориальный). При этом круг рассматриваемых аспектов был расширен до взаимосвязи и взаимозависимости экономических, социальных и экологических вопросов, выполнения сельскими территориями множества народнохозяйственных функций, в т.ч. природоохранной, социального контроля над территориями и т.д. [2; 3] В последние же годы наблюдается дефрагментация исследований устойчивого развития сельских территорий по отдельным их народнохозяйственным функциям [4; 5], что, с точки зрения автора, связано со сложностью и множеством связей анализируемых процессов, в том числе в рамках развития хозяйствующих субъектов, государственного и муниципального управления и оценки эффективности реализуемых мер государственной политики.

Сельские территории существенно варьируются по социально-экономическому развитию, состоянию экологии, что определяется множеством факторов. Большинство ученых подразделяет все факторы на внешние и внутренние с детализацией их на регулируемые и нерегулируемые со стороны муниципальных образований, населения и хозяйствующих субъектов, вариация точек зрения лишь по группам факторов. А.А. Тютюков группировал факторы по экономической среде (комплементарные, институциональные и факторы зависимости), ресурсам и их использованию (ресурсные, структурные, качественные) [6], Е.Н. Белкина [7] выделила экономические, социальные, экологические, рыночные, пространственные факторы, что обобщает результаты исследований многих авторов [8–11]. Достаточно сложную, но требующую отдельного детального рассмотрения, классификацию факторов предложили Л.И. Теньковская и С.Б. Мичурин [12], выделив факторы территориальных предпосылок (природно-ресурсные, экономические, социальные и экологические) и интересов населения относительно перечня и качества предоставления благ, формирования условий жизнедеятельности.

Рассмотрение различных точек зрения авторов позволило автору систематизировать факторы устойчивого развития сельских территорий, а также выявить виды устойчивости, увязанные с типами развития сельских территорий, особенностями выполнения ими народнохозяйственных функций. При этом следует отметить, что детализация факторов на внешние и внутренние достаточно условна, поскольку внутренние факторы так или иначе находятся под влиянием внешних факторов, общих условий развития государства, интеграции России в мировые ресурсные, товарные и финансовые рынки. К внутренним факторам автором отнесены те, которые формируют «статистический паспорт» и определяют характеристики, особенности развития отдельных муниципальных образований.

Внешняя среда развития муниципальных образований формируется на четырех уровнях:

– глобальный уровень: изменение климата, особенности развития отдельных мировых рынков;

– федеральный уровень: макроэкономическое развитие, государственная экономико-социо-экологическая политика, нормативно-правовая база;

– региональный уровень: географическое положение, специализация региона, развитие инфраструктуры, дотационность бюджета и др.;

– межмуниципальный уровень: развитие близлежащих сельских и/или городских территорий.

Внутренняя среда формируется демографическими особенностями, отраслевой специализацией и пространственным использованием ресурсов муниципального образования; деловой активностью и инвестиционной активностью хозяйствующих субъектов; состоянием инфраструктуры, в т.ч. социальной; финансовой обеспеченностью местных бюджетов; вовлеченностью населения и предпринимателей в вопросы территориального развития; эффективностью взаимодействия муниципальных органов власти и органов местного самоуправления с населением, предпринимателями.

Положительное влияние факторов определяет экономико-социо-экологический рост муниципальных образований в сельской местности, преобладающе негативное – стагнацию в развитии сельских территорий, длительно негативное влияние формирует условия увеличения площади и количества вымороченных (депрессивных) территорий. Если рассматривать крайние ситуации – формирование условий устойчивого развития сельских территорий или же расширения «территорий депрессивного развития», то результаты воздействия факторов на выполнение сельскими территориями их основных народнохозяйственных функций можно представить следующим образом:

Производственная (экономическая) функция:

– развитие территорий наблюдается под воздействием увеличения (не снижения) объемов производства продукции, оказания услуг, выполнения работ; развития малого бизнеса на фоне стабильно функционирующего среднего и/или крупного бизнеса; роста собственного производства в потреблении ресурсов (то же относится и к количеству услуг социальной сферы, оказанному на территории муниципального образования); диверсифицированной структуре экономики муниципального образования; диверсифицированной структуре источников доходов населения и т.д.;

– расширение «территорий депрессивного развития» наблюдается под воздействием длительного снижения объемов производства продукции, оказания услуг, выполнения работ; ухода малого бизнеса в неформальный сектор экономики при нестабильно функционирующем среднем и/или крупном бизнесе; снижении собственного производства в потреблении ресурсов (то же относится и к количеству услуг социальной сферы, оказанному на территории муниципального образования); снижении предпринимательской активности, росте занятости в государственном секторе – образовании, здравоохранении, государственном управлении (недиверсифицированная структура экономики муниципального образования); росте в доходах населения доли социальных выплат от государства, в т.ч. пенсий и т.д.;

Социально-демографическая функция:

– развитие территорий наблюдается под воздействием расширенного воспроизводства населения (а при благоприятной возрастной структуре населения – и при простом воспроизводстве населения) и прогрессивной половозрастной структуре населения, отсутствии значимых процессов миграционного оттока населения в трудоспособном возрасте; достаточном обеспечении отраслей сельской экономики трудовыми ресурсами, проживающими на территории муниципального образования и/или близлежащих к нему населенных пунктах; росте привлекательности сельского образа жизни; доступности и качестве оказания населению базовых социальных услуг и т.д.;

– расширение «территорий депрессивного развития» наблюдается под воздействием суженного воспроизводства населения (а при неблагоприятной возрастной структуре населения – и при простом воспроизводстве населения) и регрессивной половозрастной структуре населения, значимых процессов миграционного оттока населения в трудоспособном возрасте; обеспечении отраслей сельской экономики трудовыми ресурсами, не проживающими на территории муниципального образования и/или близлежащих к нему населенных пунктах; снижении привлекательности сельского образа жизни; недостаточной доступности, недостаточном качестве оказания населению базовых социальных услуг и т.д.;

Функция социального контроля над территориями:

– развитие территорий наблюдается при активном участии населения и предпринимателей в содействии выполнению или частичному выполнению своими силами на различных условиях части функций государственного и/или муниципального управления (охрана территорий и/или имущественных комплексов, обеспечение общественного порядка и безопасности, оказание социальных услуг и т.д.);

– расширение «территорий депрессивного развития» наблюдается при незаинтересованности населения и предпринимателей в содействии выполнению или частичному выполнению своими силами на различных условиях части функций государственного и/или муниципального управления.

Таким образом, факторы устойчивого развития сельских территорий в своей многочисленности характеризуются разным влиянием: положительным и негативным, что либо способствует, либо препятствует выполнению функций, свойственных сельским территориям, тем самым развивая сельскую местность или же, наоборот, расширяя «территории депрессивного развития». Необходимо отметить, что перечень факторов, обозначенных автором, не является исчерпывающим и предполагает в дальнейшем проведение исследований в части детализации влияния факторов на такие, не менее значимые функции сельских территорий, как культурная, природоохранная и другие, а также систематизацию направлений воздействия муниципальных органов власти на интересы заинтересованных сторон, проживающих или осуществляющих деятельность на территории муниципальных образований и/или близлежащих территорий.

Литература:

1. Сергеев П. Определение приоритетов в социально-экономическом развитии села // Экономика сельского хозяйства России. 2004. № 6. С. 21–23.
2. Мищенко В.В., Мищенко И.В. Тенденции развития социальной инфраструктуры сельских территорий агропромышленного региона: пространственный аспект // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 6. С. 163–168.
3. Колобова А.И., Кудашкин А.С. Устойчивое развитие аграрной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 9. С. 113–117.

4. Шимук О.В. Государственное регулирование сельского развития: эволюция управленческих решений и совершенствование инструментов программного регулирования // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12. № 1. С. 44–60. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-1-44-60.
5. Петриков А.В. Приоритеты и механизмы социально-экономического развития российского села // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 2. С. 115–123. DOI: 10.31857/S0869587324020049.
6. Тютюников А.А., Улезько А.В. К вопросу о составе и классификации факторов сельского развития // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 5. С. 97–102. DOI: 10.32651/225-97.
7. Белкина Е.Н., Агибалова В.Г. Концептуальные основы формирования организационно-экономического механизма многофункционального развития сельских территорий: монография. Ставрополь: Фабула, 2017. 134 с.
8. Карницкая Э.Н., Дмитриева А.Г. Анализ факторов, влияющих на развитие социальной инфраструктуры села Чувашии // Агропродовольственная экономика. 2015. № 8. С. 25–34.
9. Петухова М.С., Афанасьева Т.А. Сельские территории: стратегическое развитие и устойчивость // АПК: экономика, управление. 2022. № 1. С. 78–84. DOI: 10.33305/221-78.
10. Медведева Л.С. Устойчивое развитие сельских территорий: концептуально-методические основы // Экономика. Профессия. Бизнес. 2024. № 3. С. 81–88. DOI :10.14258/epb202441.
11. Яшкова Н.В., Архаров Е.В. Факторы развития сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2025. № 3. С. 123–136. DOI: 10.24412/2227-9407-2025-3-123-136.
12. Теньковская Л.И., Мичурин С.Б. Устойчивое развитие сельских территорий: монография. Пермь: ИПЦ Прокростъ, 2016. 293 с.

Factors of Sustainable Development of Municipalities in Rural Areas of Russia

Lai Yunhui
Altai State University

Sustainable development of rural areas is determined by a variety of factors, the list and significance of which vary significantly across Russia's regions. Timely identification of these factors allows government authorities and stakeholders to take preventive measures aimed at improving the state and municipal management of rural development.

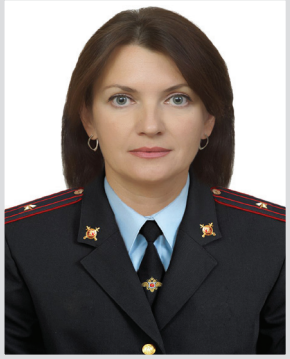
The purpose of the study is to systematize the factors of sustainable development of rural areas in Russia, taking into account the results of modern research by scientists, and to link their influence on the performance of production, socio-demographic, and other functions by rural areas. Objectives: to identify the factors of the external and internal environment of sustainable development of rural areas in Russia; to detail the factors of the external environment by levels of impact (global, federal, regional, and inter-municipal); to supplement the factors of the internal environment with managerial factors of interaction between state and municipal authorities and the population and entrepreneurs of municipal entities; to identify the direction of influence of the factors (positive or negative) on the performance of the main functions by rural areas.

The scientific and practical significance is determined by the systematization and addition of the system of factors for the sustainable development of rural areas, the detailing of environmental factors, and the justification of the directions of influence of factors (positive and negative) on the performance of the main functions by rural areas, which allows for their consideration in monitoring the socioeconomic and environmental conditions of rural areas and the timely implementation of preventive measures. Scientific novelty: the levels of influence of the external environment on the sustainable development of municipal entities in rural areas have been supplemented with an inter-municipal level, which allows for the indirect influence of the socio-economic and environmental development of nearby rural and/or urban areas. In the internal environment, provisions have been developed related to the involvement of the population and entrepreneurs in territorial development issues, as well as the effectiveness of interaction between municipal authorities and local self-government bodies with the population and entrepreneurs.

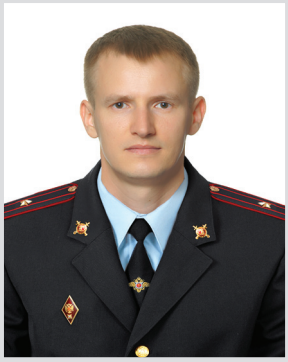
Keywords: rural areas, sustainable development, external and internal environment, functions of rural areas, municipal management, types of territorial development

УДК 343.98
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-366-370

Использование возможностей искусственного интеллекта по розыску лиц

Надежина И.В.
Преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

Пшеничных С.Н.
Научный сотрудник отделения
организации научно-исследовательской работы
научно-исследовательского отдела Белгородского юридического
института МВД России имени И.Д. Путилина

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения тенденций внедрения технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность, направленную на розыск лиц. Цель исследования – проведение анализа существующих технологий и практики применения искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим ключевой задачей является оценка рисков использования технологий искусственного интеллекта. Теоретическая значимость исследования заключается в системном подходе исследования, классификации технологий искусственного интеллекта и усилении внимания к разработке этических и правовых стандартов использования данных технологий в правоохранительной деятельности. Практическая значимость представляется как основа для подготовки предложений по совершенствованию законодательства, регламентирующих деятельность по использованию технологий искусственного интеллекта, а также повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников в данной сфере. В заключение авторы приходят к выводу, что внедрение искусственного интеллекта представляет собой междисциплинарное исследование, затрагивающее правовые, технические и социальные аспекты. Совершенствование деятельности по использованию искусственного интеллекта требует взаимодействия разработчиков программного обеспечения с учеными и сотрудниками правоохранительных органов для выработки оптимальной стратегии.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, оперативно-розыскная деятельность, розыск лиц, автоматическое распознавание лиц, прогнозная аналитика, большие данные, видеонаблюдение, безопасность, этика, законодательство*

Для цитирования: *Надежина И.В., Пшеничных С.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта по розыску лиц // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 367–371. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-366-370.*

Деятельность правоохранительных органов носит многоаспектный характер, включая различные направления. Для оптимизации деятельности правоохранительных органов и ответа на различные

вызовы необходимо внедрение современных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта. Одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов, где широко используются технологии искусственного интеллекта, является розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, без вести пропавших, свидетелей по уголовному делу и др.

Большинство процессуалистов определяют розыск как «согласованную деятельность дознавателя, следователя и органов дознания, осуществляющих следственные действия, розыскные и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на обнаружение обвиняемого, место нахождения которого неизвестно» [1].

Классические методы розыска, основанные на сборе и анализе информации, опросе лиц, физическом наблюдении, проведении оперативно-розыскных мероприятий, таких как прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, а также проверкам разыскиваемых лиц по различным базам данных [2] могут быть неэффективными и занимать много времени. В условиях глобальной информатизации общества, роста мобильности населения и изощренности способов уклонения от правосудия, к уже используемым традиционным методам розыска лиц присоединяются возможности искусственного интеллекта, предлагающие новые решения и позволяющие ускорить этот процесс и сделать его более точным.

По мнению И.А. Кубасова, для полноценной реализации ведомственных проектов использования ИИ в правоохранительной деятельности целесообразно дальнейшее создание соответствующих информационных систем, интегрированных в единую информационную систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России), что обеспечит синергетический эффект в борьбе с преступностью [3].

Приведем имеющиеся приемы использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности.

Одним из основных направлений использования искусственного интеллекта в деятельности по розыску лиц является система автоматического распознавания лиц (*AFR – Automatic Facial Recognition*), которая работает по принципу анализа изображений с камер видеонаблюдения, фото из социальных сетей и путем сравнения их с эталонными фотографиями, имеющимися у сотрудников правоохранительных органов. Программа выдает процент совпадения с разыскиваемым лицом.

Распознавание лиц осуществляется путем анализа ключевых точек лица, таких как форма глаз, носа и скул. Когда человек появляется в объективе камеры, алгоритм захватывает изображение лица и формирует его в цифровую модель, далее происходит сравнение с базой хранения изображений разыскиваемых лиц. В случае совпадения система мгновенно уведомляет оператора, который проверяет точность.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152-ФЗ) [4], к биометрическим персональным данным относятся сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные), и которые используются оператором для установления личности субъекта (30 персональных данных). Биометрические персональные данные могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Во многих регионах Российской Федерации в настоящее время функционирует система контроля удаленного доступа (СКУД) «Визирь», в рамках которой реализуется функция обнаружения и идентификации лиц по видеоизображению в условиях плотного потока людей в местах массового скопления граждан. «Визирь» функционирует в составе аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Камеры видеонаблюдения осуществляют передачу информации в различные центры, такие как центр хранения данных, автоматизированную систему фиксации административных правонарушений, центр организации дорожного движения и другие организации. Использование АПК «Безопасный город» позволяет ускорить поиск скрывшихся преступников, потерявшихся несовершеннолетних детей и взрослых, которые по каким-либо причинам не могут сообщить сведений о себе.

Началом активного использования проекта АПК «Безопасный город» на территории России считается 2019 г., но только Краснодарский край максимально использует все заложенные в нем ресурсы.

В результате эксплуатации наработаны и апробированы на практике различные варианты его использования:

1. Осуществляется розыск лиц, находящихся в федеральном розыске, без вести пропавших, включая несовершеннолетних. Для этого искусственный интеллект анализирует фотоизображения лиц, находящихся в розыскных базах [5].

2. Осуществляется раскрытие преступлений по горячим следам (камеры позволяют отслеживать перемещения человека) с использованием камер АПК «Безопасный город».

3. Осуществляется обработка субъективных портретов предполагаемых преступников, полученных с мест преступлений. Путем осуществления аналитической работы сотрудники выявляют серийные преступления и идентифицируют лиц, их совер-

шивших. Они также сравнивают информацию из массива скриншотов предполагаемых преступников с местами совершения преступлений, выявляют дополнительные эпизоды преступной деятельности неустановленных лиц, проверяют имеющиеся идентификационные ресурсы и определяют конкретные адреса, представляющие оперативный интерес [6].

Применение возможностей искусственного интеллекта при поиске в местах массового скопления граждан (в транспорте, на массовых мероприятиях) возможно путем анализа архивных записей камер по месту возможного появления разыскиваемого лица. Искусственный интеллект осуществляет анализ не только лица человека, но и движение, походку, жесты, стиль одежды, взаимодействие людей в кадре, выявляя аномалии или паттерны, характерные для поведения разыскиваемых (попытки избегания камер видеонаблюдения, нетипичное поведение в определённых местах). Система искусственного интеллекта позволяет обнаруживать подозрительную активность, которая косвенно может указывать на присутствие разыскиваемого, даже если первоначально его лицо еще не распознано. Нейросеть позволяет отслеживать перемещения человека по разным камерам («трекинг»). Благодаря этому анализу можно выстроить маршруты перемещения разыскиваемых лиц, выявить его возможные контакты или места укрытия. Алгоритмы искусственного интеллекта на основе архивных данных о перемещениях разыскиваемого, его связях, его криминальном поведении и его окружения строят модели наиболее вероятного местонахождения объекта. Таким образом, получив картину предполагаемого места укрывательства разыскиваемого, можно оптимизировать распределение оперативных ресурсов, сосредоточив усилия на наиболее вероятных местах его появления. Исходя из этого, будут определяться приоритетные районы для проведения оперативно-розыскных мероприятий, планирование засад, оценка рисков при задержании.

Еще одним примером использования искусственного интеллекта для розыска лиц является система больших данных (*Big Data*) и анализ связей. Принцип работы данной системы в розыске лиц состоит в том, что системы агрегируют и анализируют информацию из множества разнородных источников: базы данных МВД (розыскные, дактилоскопические, учеты), финансовые транзакции, данные сотовых операторов (*LBS* – локация по вышкам), информация из соцсетей, открытые государственные реестры, транспортные билеты, камеры наблюдения и др. В итоге оперативные сотрудники выявляют скрытые связи и коммуникации разыскиваемого лица, устанавливают возможные места работы, проживания, круга общения, обнаруживают скрытые финансовые операции или иные цифровые следы, указывающие на местонахождение разыскиваемых. Получая такой объем целостной картины о жизни и связях разыскиваемого за кратчайшее время, оперативный сотрудник минимизирует время поиска лиц, находящихся в розыске. Благодаря обработке большого объема информации с помощью специальных алгоритмов и систем, органы внутренних дел могут быстро получать ценные данные, которые помогают обнаружить местонахождение разыскиваемого. Использование технологий больших данных может помочь повысить эффективность работы органов внутренних дел, предоставив более точную и своевременную информацию о преступности и других важных событиях [7].

В России в качестве некоего аналога искусственного интеллекта можно определить «Систему оперативно-розыскных мероприятий» (далее – СОРМ) – комплекс технических средств и мероприятий, предназначенный для проведения оперативно-розыскной деятельности правоохранительными органами [8]. СОРМ имеет три условных поколения: СОРМ-1 создавалась для прослушивания аналоговых телефонных линий времен проводной связи. Спустя некоторое время на смену СОРМ-1 появилась СОРМ-2, которая контролирует цифровую связь. Она уже включает в себя мониторинг голосовой мобильной связи и сети Интернет. В настоящее время функционирует «СОРМ-3», который объединяет две предыдущие системы и обеспечивает контроль VPN-серверов, спутниковой связи, а также осуществляет прослушивание *Skype*. Основной целью СОРМ-3 является получение максимально полной информации о пользователе не только в реальном времени, но и за весь период наблюдения. Система набирает статистику, копит ее и создает профиль человека на основании его действий в цифровой среде. Для накопления данных применяются современные большие дата-центры, а также системы глубокой проверки трафика (*Deep Packet Inspection*) для отсеивания лишней информации, которая не содержит интересных для правоохранительных органов сведений.

В качестве примера можно привести отечественный опыт применения искусственного интеллекта и внедрение аппаратно-программных комплексов (АПК) типа «Папилон», интегрированных с базами данных; создание Единой федеральной информационной системы (ЕФИС) для сбора и анализа информации в целях розыска (в стадии развития).

Однако, помимо потенциальных преимуществ внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность, существует теневая сторона, которая проявляется в правовых и этических вызовах. При осуществлении сбора информации и анализе видеоданных, к которым относятся данные о перемещениях, финансовых операциях, коммуникациях, возникает серьезная угроза праву на неприкосновенность частной жизни, уважению человече-

ского достоинства, конфиденциальности и защите персональных данных [9].

Поэтому еще предстоит работа, которая состоит в необходимости четкого законодательного регулирования в этой области деятельности (внесение изменений в нормативно-правовые акты, регламентирующие оперативно-разыскную деятельность [10], которые бы детально описывали допустимые методы, условия применения и механизмы контроля [11], ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных»), определение целей и пределов сбора данных, обеспечение прозрачности (где возможно), надежные механизмы анонимизации и защиты данных.

Еще в качестве недостатков в системах искусственного интеллекта можно указать неточности и ошибки алгоритмов, которые могут привести к ложному срабатыванию или наоборот, пропускать совпадения, особенно это характерно для определенных демографических групп, так как искусственный интеллект обучался преимущественно на изображениях белых мужчин среднего возраста. Поэтому он будет хуже распознавать всех, кто не вписывается в данный шаблон. Ошибки в прогнозной аналитике могут привести к необоснованному вниманию к невиновным людям. Поэтому недопустимо в деятельности по розыску лиц полагаться полностью на системы искусственного интеллекта. Требуется систематическая валидация и тестирование алгоритмов на репрезентативных данных, установление порогов уверенности для принятия решений, обязательный человеческий контроль перед задержанием.

Камнем преткновения в этой сфере деятельности является кадровый дефицит, который ярко проявляется в нехватке высококвалифицированных специалистов в этой области (ИИ-инженеров, юристов в сфере IT, оперативного состава, обладающего необходимыми навыками) в правоохранительных органах. Необходима организация постоянного обучения оперативного состава.

Применение искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности по розыску лиц обладает колоссальным потенциалом для повышения эффективности и результативности работы правоохранительных органов. Технологии автоматического распознавания лиц, анализа больших данных, прогнозной аналитики и семантического анализа способны кардинально изменить подходы к поиску скрывшихся лиц, ускорить процесс их обнаружения и минимизировать риски для общества.

Однако реализация этого потенциала сопряжена со значительными правовыми, этическими и техническими вызовами. К настоящему времени в России нет ни единого закона, который бы четко регулировал использование ИИ в правоохранительной деятельности. Ключевым условием ответственного и эффективного внедрения искусственного интеллекта в ОРД является разработка и принятие детальной, адаптированной к современным реалиям нормативно-правовой базы, обеспечивающей баланс между задачами обеспечения безопасности и защитой фундаментальных прав и свобод граждан. Необходимы надежные механизмы контроля, прозрачности (в допустимых пределах оперативно-розыскной деятельности) и подотчетности, постоянный аудит алгоритмов на предмет точности и отсутствия дискриминации, а также повышение цифровой грамотности оперативного состава.

Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности должен рассматриваться не как замена оперативного сотрудника, а как мощный инструмент, расширяющий его возможности и позволяющий сосредоточить человеческий интеллект и опыт на самых сложных аспектах розыскной работы, требующих принятия ответственных решений на основе информации, предоставленной искусственным интеллектом. Будущее розыска лиц лежит в объединении профессионального опыта оперативного сотрудника и аналитической мощи искусственного интеллекта при неукоснительном соблюдении законности и этических норм.

Литература:

1. Букалерова Л.А., Волеводз А.Г. Цифровая трансформация оперативно-розыскной деятельности: правовые и криминалистические аспекты // Lex Russica. 2021. № 8. С. 118–134.
2. Ткачук Т.А. К вопросу о понятии и видах розыска // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. . С. 240–243.
3. Теоретические исследования по созданию комплекса технологических решений (искусственный интеллект) для обработки больших данных

в сфере внутренних дел: отчет о научно-исследовательской работе // ФКУ НПО «СТиС» МВД России; рук. И.А. Кубасов. М., 2021. 240 л. № госрегистрации 07207009.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС Гарант.
5. Кофман Д.В. Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в целях выявления и раскрытия преступлений // Молодой ученый. 2023. № 38 (485). С. 117–120.
6. Кузьмин Н.А., Половинка А.Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве. Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 177–180
7. Константинов А.В., Михайленко Н.В. Использование технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы. Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 129–132.
8. Пучкова Е.В., Морозов Р.М. Российский и зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Право и управление. 2025. № 1. С. 337–341.
9. Яровенко В.В., Шаповалова Г.М., Исмагилов Р.А. Отдельные проблемы применения системы распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1(63). С. 189–200.
10. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС Гарант.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Гарант.

Using Artificial Intelligence Capabilities to Search for Individuals

Nadezhina I.V., Pshenichnykh S.N.
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina

The relevance of the research topic is due to the need to study the trends in the implementation of artificial intelligence technologies in law enforcement activities aimed at finding individuals. The purpose of the study is to analyze existing technologies and practices of using artificial intelligence in operational investigative activities. In this regard, the key task is to assess the risks of using artificial intelligence technologies. The theoretical significance is presented in the systematic approach to the study and classification of artificial intelligence technologies, the need to increase attention to the development of ethical and legal standards for the use of these technologies in law enforcement. Practical significance is presented as a basis for preparing proposals to improve the legislation regulating the use of artificial intelligence technologies, as well as improving the level of professional training of employees in this area. In conclusion, the authors come to the conclusion that the survey of the implementation of artificial intelligence is an interdisciplinary study affecting legal, technical and social aspects. Improving the use of artificial intelligence requires the interaction of developers of this software with scientists and law enforcement officers to develop optimal strategies.

Keywords: artificial intelligence, operational investigative activities, search for individuals, automatic face recognition, predictive analytics, big data, video surveillance, security, ethics, legislation

УДК 379.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-371-377

Применение инструментов цифрового маркетинга в сфере туризма

Охрименко Е.И.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

В статье представлена актуальность развития цифрового маркетинга в туризме в современных рыночных условиях. Работа содержит анализ научных трудов отечественных и зарубежных учёных, проводивших исследования в области развития цифровых технологий и их применения в туристической сфере. Цель исследования-выявление проблем применения инструментов цифрового маркетинга в сфере туризма и разработка предложений по их устранению. Цель исследования конкретизируется в следующих задачах: провести обзор научной литературы по заявленной теме исследования; обозначить инструменты цифрового маркетинга и их применение в сфере туризма; представить сравнительный анализ динамики использования социальной сети Telegram по гендерному и возрастному признакам, а также по характерным особенностям пользователей социальной сетью за период 2022–2024 гг.; выявить проблемы по применению инструментов цифрового маркетинга в туризме, разработать и обосновать предложения по их нивелированию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные предложения по применению цифровых технологий в туристической сфере, могут быть применены специалистами туристической фирмы и способствовать не только определению эффективных каналов коммуникации с целевой аудиторией, но и обеспечению конкурентоспособности на рынке предоставления туристических услуг.

Ключевые слова: *цифровой маркетинг, сайт, туризм, клиенты, инструменты, социальные сети*

Для цитирования: *Охрименко Е.И. Применение инструментов цифрового маркетинга в сфере туризма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 371–377. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-371-377.*

Маркетинг является ключевым инструментом продвижения товаров и услуг в любой отрасли и на любой территории. В современных условиях особую популярность и эффективность приобретает цифровой маркетинг, который находит применение практически во всех сферах деятельности. Цифровизация туризма активно влияет на развитие туристической отрасли в России. Успешное развитие сферы туристических услуг напрямую зависит от: эффективного использования современных инструментов продвижения, грамотного взаимодействия с целевой аудиторией через цифровые каналы, правильной организации работы в цифровой среде. Новая парадигма управления в индустрии туризма формируется именно благодаря цифровизации. Это напрямую влияет на качество предоставляемых туристических услуг, эффективность взаимодействия с клиентами, скорость обработки запросов, доступность информации о туристических продуктах. Таким образом, цифровизация становится не просто трендом, а необходимым условием успешного развития туристической отрасли, формируя новую

модель взаимодействия между всеми участниками рынка туристических услуг.

Цифровые технологии, применяемые в сфере туризма, способны «упростить жизнь» путешественников и сделать сервис более доступным. С помощью искусственного интеллекта, виртуальных туров и приложений для переводов аккумулируется вся информация о маршрутах, событиях, ценах, т.е. всё, что может помочь туристу в предстоящем путешествии. Внедрение цифровых сервисов – одно из основных условий для развития внутреннего туризма в нашей стране.

На сегодняшний день учёные проявляют интерес к исследованиям, связанным с применением цифровых технологий в сфере туристической деятельности.

М.С. Оборин, Р.В. Ильин в своём исследовании особо отмечают: «Цифровая экономика в туристической деятельности охватывает использование цифровых технологий и онлайн-платформ для улучшения взаимодействия между потребителями услуг и их производителями»[1, с. 53].

Е. Прахнау, С.И. Новикова утверждают, что «туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной экономики, и цифровые технологии играют все более важную роль в ее развитии» [2, с. 264]. Авторы подчёркивают, что всё больше людей предпочитают самостоятельно пользоваться интернет-услугами для организации путешествий. Это, по мнению авторов, приводит к развитию конкуренции по предложению туристических услуг в цифровом пространстве [2, с. 264].

Н.Е. Петрищева, Е.В. Щербенко раскрывают колоссальные возможности цифровых инструментов маркетинга и их влияния на увеличение спроса в рамках туристических направлений [3, с. 291]. В отношении цифровых инструментов авторы отмечают: «Они позволяют создавать уникальный цифровой контент, взаимодействовать с потенциальными туристами через различные каналы коммуникации и осуществлять точечное таргетирование аудитории. Такие инструменты, как социальные сети, контент-маркетинг, поисковая оптимизация, контекстная реклама, электронная почта и другие, активно применяют в развитии и продвижении туристских направлений» [3, с. 291].

Авторы М.С. Еронина, С.А. Евдовская утверждают, что именно цифровая экономика в настоящее время оказывает огромное и положительное влияние на модернизацию способов формирования нового туристического продукта [4, с. 273].

Ю.П. Соболева в своём исследовании особое внимание уделяет изучению влияния диджитал-маркетинга на развитие туристических фирм. По мнению автора, «туристическое предложение и его подготовка постепенно трансформируются благодаря достижениям в области информационно-коммуникационных технологий» [5, с. 49].

Кроме того, автор заостряет внимание на использовании современных инструментов диджитал-маркетинга. Именно диджитал-маркетинг способен наиболее точно выявить потребности туристов в предлагаемых туристической фирмой путешествиях и в полной мере не только удовлетворить их потребности, но и достаточно глубоко проанализировать отзывы туристов с помощью маркетинговых инструментов после проведенного отдыха [5, с. 54]. Автор также указывает на более широкое использование инструментов диджитал-маркетинга, поскольку они способствуют повышению конкурентоспособности «местных туристских сообществ и, как следствие, регионов» [5, с. 59].

Л.Б. Саутиева, М.А. Орцханова также пишут, что «цифровизация активно проникает в сферу туризма, способствуя развитию отечественного рынка онлайн-услуг» [6, с. 177]. Согласно мнению авторов, именно с помощью применения туристическими фирмами цифровых технологий можно добиться повышения качества туристических услуг, предлагаемых на рынке. Кроме того, важно учитывать, что цифровые технологии можно назвать «ключевыми драйверами в развитии культуры и туризма, обеспечивая управление инфраструктурой городов на основе инновационных решений и поддерживая устойчивые взаимосвязи между туристами и урбанизированной средой» [6, с. 177].

Авторами особо отмечено, что на российском рынке становится обязательным создание туристических продуктов, которые должны быть адаптированы «к новой цифровой среде» [6, с. 177].

Н.В. Шашло, И.А. Денисенко, А.А. Кузубов в проведённом исследовании отмечают необходимость «усовершенствования маркетинговой коммуникационной политики туристических компаний и использования ее инновационных компонентов в условиях развития цифровых коммуникаций» [7, с. 111].

В.Г. Антонец обращает особое внимание на исследовании различных маркетинговых инструментов, способных положительно повлиять на развитие туристических фирм [8, с. 105]. Особое внимание уделено формированию комплекса маркетинговых коммуникаций, помогающих применить соответствующие рычаги коммуникационного воздействия на клиентов для достижения «поставленных коммуникационных целей» [8, с. 110].

Согласно мнению авторов Е.Г. Радыгиной и Е.И. Охрименко, «…цифровые технологии повысили эффективность компаний в организации туристических услуг и расширили их возможности по решению операционных задач» [9].

Е.И. Охрименко в работе [10] обращает особое внимание на то, что внутренний туризм невозможно рассматривать без развития инфраструктуры и доступности информации для гостей города. Кроме того, по мнению автора, первоочередной задачей

является «…создание информационных порталов, где туристы смогли бы ознакомиться с главными достопримечательностями, маршрутами, найти гидов и выбрать средство размещения и многое другое» [10, с. 193].

Н.А. Восколович утверждает, что необходимо уделить особое внимание «…цифровой трансформации сферы туризма», которая может положительно повлиять на развитие внутреннего туризма [11, с. 165].

D. Buhalis в работе [12] приходит к выводу о том, что информационно-коммуникационные технологии и искусственный интеллект занимают одно из важных направлений в туристической деятельности.

W.S. Hunter, N. Chung, U. Gretzel, Ch. Koo акцентируют своё внимание на возникновении понятия «умный туризм». Авторы утверждают, что «умный туризм» относится к социальному явлению и возник благодаря «слиянию информационных технологий и туристического опыта» [13].

I. Khatrii в своём исследовании особое внимание уделяет применению цифровых технологий и маркетинговых инструментов в туризме, поскольку именно они способствуют быстрой адаптации туристических фирм в конкурентной среде [14].

Исследователи *L. Suman, J. Aruditya, Sh. Swati* доказывают тот факт, что появление «умных» городов способствует устойчивому развитию туристических направлений [15].

Таким образом, проведённый анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов, показывает, что применение цифровых технологий в туристической сфере является неотъемлемым направлением в деятельности туристических фирм. Синергия цифровых технологий и маркетинговой деятельности повышает не только туристическую привлекательность регионов нашей страны, но и помогает применить соответствующие рычаги коммуникационного воздействия на целевую аудиторию, учитывая при этом вкусы и предпочтения клиентов.

На современном этапе, в условиях конкурентной борьбы, особое значение приобретает внедрение различных методов с целью эффективной продажи товаров и услуг. Применение цифровых технологий для туристов рассматривается в разных аспектах, например, помогает персонализировать предложения для путешественников, учитывая их вкусы и предпочтения.

Отметим, что одним из актуальных методов, используемых для продажи товаров и услуг на сегодняшний период времени, является диджитал-маркетинг или цифровой маркетинг. С помощью данного метода у туристических предприятий появляется возможность не только привлечь и удержать клиентов, но и создать для них уникальный пользовательский опыт.

Необходимо обратить особое внимание на то, что туристические предприятия, с помощью применения цифрового маркетинга могут поддерживать отношения с клиентами через цифровое пространство. С помощью рекламы туристических услуг в цифровом пространстве туристические предприятия активно продвигают свой бизнес с использованием различных онлайн-инструментов.

Отметим, что диджитал-маркетинг (цифровой маркетинг) включает следующие инструменты: контент-маркетинг, *Influencer*-маркетинг, *SEM*-маркетинг, *SEO*-маркетинг (поисковая оптимизация сайта), *SMM*-маркетинг (продвижение и реклама в социальных сетях), Email-маркетинг.

Диджитал-маркетинг стал ключевым фактором трансформации туристической отрасли в условиях цифровой экономики. Его влияние на бизнес проявляется через несколько важных аспектов: многоканальное взаимодействие с клиентами через сайт, социальные сети, *email*-рассылки и контекстную рекламу; повышение доверия к бренду благодаря многократным точкам контакта; цифровизация услуг (позволяет клиентам бронировать отели онлайн, покупать билеты на транспорт, выбирать туристические пакеты). Таким образом, диджитал-маркетинг не просто инструмент продвижения, а фундаментальная основа современного туристического бизнеса, обеспечивающая его конкурентоспособность и эффективность в цифровой экономике.

Ключевое преимущество цифрового маркетинга в туристической сфере заключается в возможности создания персонализированного подхода к каждому клиенту с учетом его индивидуальных потребностей и возможностей. Нельзя не обратить внимания на то, что применение инструментов цифрового маркетинга, например таких как реклама в социальных сетях, может оказать положительное влияние на возможности различных туристических объектов, а также на увеличение потенциальных клиентов в рамках планирования путешествий.

В связи с этим, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на то, что социальные сети, которые относятся к одному из эффективных инструментов цифрового маркетинга, являются сегодня самыми востребованными в обществе. Социальные сети обеспечивают возможность наиболее эффективной связи туристической фирмы с потенциальной и реальной целевой аудиторией. Основная задача туристических фирм заключается не только в эффективном использовании социальных сетей, но и в стремлении с их помощью оказывать положительное влияние на формирование имиджа туристической фирмы.

Таким образом, для привлечения новых клиентов туристические компании должны развивать цифровую среду и использовать в социальных сетях инструменты цифрового маркетинга, например рекламные продукты.

Отметим, что месячная аудитория интернета в РФ в 2024 г. достигла 103 млн чел., что состав-

ляет примерно 85 % жителей страны от 12 лет и старше [16].

Наряду с самыми посещаемыми сетевыми ресурсами, такими как Яндекс и Google, можно отметить активное посещение пользователями социальных сетей *YouTube, ВКонтакте, Telegram. Telegram* подходит для продвижения туруслуг благодаря активной и платёжеспособной аудитории в нише туризма. Данная платформа позволяет создавать каналы о турах; взаимодействовать с клиентами в режиме реального времени, отвечать на вопросы и предоставлять мгновенную поддержку; публиковать полезный контент-подборки направлений, обзоры курортов и т.д. Поэтому нами проведен анализ пользователей социальной сети *Telegram* (табл. 1).

Согласно представленным в таблице 1 данным, можно отметить, что мужчины в большей степени, чем женщины пользуются услугами социальной сети Telegram (рост с 52 до 58 %). У женщин за исследуемый период наблюдается небольшое снижение интереса к данной сети (с 48 до 42 %).

По представленным обобщающим данным можно отметить, что за период 2022–2024 гг. подавляющее большинство пользователей социальной сети представляют люди в возрасте от 25 до 54 лет. Однако количество пользователей в возрасте от 25 до 34 лет снизилось, за исследуемый период времени с 32 до 24 %. Такая же отрицательная тенденция наблюдается в отношении пользователей в возрасте от 45 до 54 лет (снижение с 26 до 16 %). Необходимо отметить и положительную динамику в отношении пользователей социальной сетью *Telegram* – это люди в возрасте с 35 до 45 лет. Данный показатель увеличился с 8 до 22 % за исследуемый период времени.

Таким образом, представленная динамика посещения пользователями социальной сети *Telegram*, даёт возможность туристическим предприятиям понять, какие факторы оказывают влияние на поведение пользователей социальной сети. Например, в отношении выбора вида путешествий, можно выявить предпочтения потенциальных клиентов на основе визуального контента (фотографий, видео и др.), а также своевременного проведения анализа отзывов туристов.

Для турфирм важно выявить свою целевую аудиторию по гендерному и возрастному признакам. Например, основной возраст пользователей социальной сети *Telegram* за 2022–2024 гг. составляет от 25 лет до 44 лет. Кроме того, туристические предприятия могут учитывать не только возраст и пол целевой аудитории, но и своевременно изучать её вкусы и предпочтения.

Анализ вкусов и предпочтений целевой аудитории в социальной сети *Telegram* осуществляется по следующим аспектам:

• возрастная категория – определение возрастных групп и адаптация контента под каждую из них;

• география аудитории – исследование местоположения пользователей и их локальных интересов;

• интересы и потребности – проведение опросов, анализ других каналов для понимания предпочтений аудитории, а также персонализация контента;

• социокультурные особенности – учёт культурных и религиозных аспектов, а также выстраивание соответствующего стиля коммуникации;

• поведенческие факторы – анализ взаимодействия пользователей с контентом;

• обратная связь – сбор отзывов через опросы, комментарии и личные сообщения, а также анализ статистики канала для определения наиболее эффективных тем и форматов [22].

Такой комплексный анализ позволяет непрерывно отслеживать изменения в запросах клиентов и своевременно адаптировать контент под их потребности. Создавая полезный и релевантный материал, турфирмы могут значительно повысить эффективность взаимодействия с аудиторией.

Социальные сети, в частности *Telegram*, предоставляют широкие возможности для размещения таргетированной рекламы и продвижения туристических продуктов. Платформа собирает данные о поведении пользователей: подписки на группы и каналы; интересы в видеоконтенте; активность в комментариях. Эти данные туристические компании могут использовать для: настройки рекламы по региональному принципу; создания специальных предложений с учётом местных особенностей; определения наиболее эффективных каналов

Таблица 1

Характерные особенности пользователей социальной сети *Telegram* за 2022–2024 гг.

	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Пол	52 % мужчин; 48 % женщины [17]	58 % мужчины; 42 % женщины [18]	58 % мужчины; 42 % женщины [19]
Возраст	12 % – несовершеннолетние пользователи; 12 % приходится на аудиторию возрастом 18–24 года [20] 32 % – люди в возрасте 25–34 года; 8 % – люди в возрасте 35–44 лет; 26 % – люди в возрасте 45-54 лет; 9 % – люди старше 55 лет	29,4 % – люди в возрасте 25–34 лет; 23,8 % – люди в возрасте 34–44 лет, 21,6 % – люди старше 45 лет [21]	12–17 лет – 10 % пользователей; 18–24 – 14 % пользователей; 25–34 года – 20 % пользователей; 35–44 года – 22 % пользователей; 45–54 года – 16 % пользователей; 55+ – 18 % пользователей [19]

коммуникации (*e-mail*, соцсети, онлайн-платформы).

В рамках применения таргетированной рекламы [23], как способа онлайн-рекламы, у предприятий появляется возможность точно настраивать поиск целевой аудитории, эффективно работать с заданными параметрами, привлекать заинтересованных клиентов.

Однако на сегодняшний день существуют определённые проблемы в применении цифровых технологий в сфере туризма:

1. Ограниченные знания о цифровых платформах в регионах.

Решение данной проблемы заключается в интегративном подходе, который должен включать: разработку единых стандартов для работы цифровых платформ, создание цифровых образовательных ресурсов с учётом региональной специфики, государственную поддержку внедрения цифровых технологий.

2. Недостаток навыков применения цифровых сервисов.

Решить эту проблему можно: внедрением цифровых сервисов в деятельность турфирм, организовав онлайн-курсы и программы повышения квалификации, популяризацией цифровых технологий через социальные медиа.

3. Нехватка специалистов с компетенциями в области цифровых решений.

Эта проблема решается с помощью сотрудничества турфирм с вузами по направлению «Туризм», проведения тематических тренингов для специалистов, популяризации профессиональной деятельности в сфере цифрового туризма.

4. Создание и продвижение собственного сайта турфирмы.

При продвижении сайта турфирмы маркетологам необходимо:

• провести анализ существующего сайта, выявить ошибки, которые влияют на эффективность продвижения в сети Интернет, и устранить их;

• изучить конкурентную среду, чтобы узнать, как продвигаются конкуренты и выделиться среди них;

• подключить системы аналитики и исправить неподходящий для продвижения контент;

• провести SEO-оптимизацию;

• запустить рекламу в поисковых системах и социальных сетях.

В заключение отметим, что социальные сети обеспечивают эффективное взаимодействие турфирм как с реальной, так и с потенциальной аудиторией. Использование инструментов цифрового маркетинга позволяет не только получать обратную связь от клиентов и быстро реагировать на запросы целевой аудитории, но и своевременно предлагать актуальные туристические услуги, укреплять позиции на рынке, увеличивать спрос на туристические продукты.

Применение инструментов цифрового маркетинга способствует повышению конкурентоспособности туристических фирм, укреплению их позиций на перспективных сегментах рынка и увеличению спроса на туристические услуги. Благодаря использованию цифрового контента и платформ компании получают возможность в полной мере реализовывать стратегические планы с учётом актуальных требований туристического рынка.

Синергия цифровых технологий и маркетинговых инструментов в продвижении туристических услуг способствует привлечению новой целевой аудитории и повышению интереса к предлагаемым услугам.

Размещение рекламных материалов в социальных сетях, являющихся важными инструментами маркетинга, становится необходимым условием успешной туристической деятельности. Это позволяет наладить эффективную обратную связь с целевой аудиторией, занять привлекательную рыночную нишу и обеспечить конкурентоспособность в современных условиях.

Литература:

1. Оборин М.С., Ильин Р.В. Разработка цифровой модели развития и регулирования рынка туристских услуг // Первый экономический журнал. – 2024. № 2(344). С. 52–57. DOI: 10.58551/20728115_2024_2_52.
2. Прахнау Е., Новикова С.И. Развитие конкурентоспособности туристических услуг в цифровом пространстве // Торговля, сервис, индустрия питания. 2024. Т. 4. № 3. С. 263–275.
3. Петрищева Н.Е., Щербенко Е.В. Инструменты цифрового маркетинга территорий в развитии индустрии туризма // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023. Т. 3. № 3. С. 290–306.
4. Еронина М.С., Евдовская С.А. Влияние цифровых технологий на развитие сферы туризма // Цифровые технологии: настоящее и будущее: сб. статей по материалам II Нац. науч.-практ. конф., Тольятти, 10 ноября 2023 г. Тольятти: Тольяттинская академия управления, 2023. С. 271–276.

5. Соболева Ю.П. Продвижение креативного туризма в малых городах с применением инструментов диджитал-маркетинга // Экономическая среда. 2023. № 3(45). С. 49–60. DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/49-60.
6. Саутиева Л.Б., Орцханова М.А. Цифровизация в сфере туризма: ключевые тенденции и перспективы // Актуальные проблемы природопользования и природообустройства: Сб. статей VII Межд. науч.-практ. конф., Пенза, 28–29 ноября 2024 г. Пенза: Пензенский гос. аграрный уни-тет, 2024. С. 177–179.
7. Шашло Н.В., Денисенко И.А., Кузубов А.А. Трансформация маркетинговой коммуникационной политики туристических компаний в условиях цифровизации: теория, практика, инновационные аспекты / // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16. № 1(98). С. 102–115. DOI 10.24412/1995-042X-2022-1-102-115.
8. Антонец В.Г. Механизм формирования маркетинговых коммуникаций туристических предприятий // Вести Автомобильно-дорожного института. 2021. № 2(37). С. 105–112.
9. Радыгина Е.Г., Охрименко Е.И. Роль цифровых технологий в повышении туристской привлекательности Свердловской области / II Межд. науч.-практ. конф. «Современные тренды управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту», 16-17 апреля 2020 г. Екатеринбург: ООО «Институт Цифровой Экономики и Права», 2020.
10. Охрименко Е.И. Внутренний туризм: приоритетные направления развития в российских регионах // Актуальные аспекты теории и практики развития индустрии туризма, гостеприимства и сервиса: Сб. статей III Межд. науч.-практ. конф., Владимир, 28–29 марта 2023 г. Владимир: АТЛАС, 2023. С. 190–194.
11. Восколович Н.А. На пути к цифровому туризму // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 155–167. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167.
12. Buhalis D. Technology in tourism – from information communication technologies to artificial intelligence // Tourism Management Perspectives 2021. P. 38. 100810.
13. Hunter W.C., Chung N., Gretzel U., Koo Ch. Constructivist Research in Smart Tourism // Asia Pacific Journal of Information Systems. 2015. Vol. 25. Is. 1. P. 105–120. DOI: 10.14329/apjis.2015.25.1.105.
14. Khatrii I. Information Technology in Tourism & Hospitality: A Review of Ten Years' Publication // Journal of Tourism & Hospitality Education. 2019. Vol. 9. P. 74–87. DOI: 10.3126/jthe.v9i0.23682.
15. Suman L., Aruditya J., Swati Sh. Sustainable Development in Tourism Destinations through Smart Cities: A Case of Urban Planning in Jammu City // Enlightening Tourism. A Pathmaking Journal. 2022. Vol. 12. Is. 2. P. 661–680. DOI: 10.33776/et.v12i2.6911.
16. Крупнейшие сайты в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Крупнейшие_сайты_в_России.
17. Эксперты исследовали аудиторию российского сегмента Telegram. URL: https://www.likeni.ru/events/eksperty-issledovali-auditoriyu-rossiyskogo-segmenta-telegram/.
18. Аудитория девяти крупнейших соцсетей в России в 2024 году: исследования и цифры. URL: https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifry/?ysclid=ma3rdit2is750001016#%D0%90%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20YouTube
19. Аудитория девяти крупнейших социальных сетей в России в 2025 году: исследования и цифры. URL: https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/?ysclid=ma3zlvrm8l637698697#YouTube.
20. Опубликовано исследование аудитории Telegram в России. Главное о пользователях мессенджера. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/opublikovano-issledovanie-auditorii-telegram-v-rossii-glavnoe-o-polzovatelyakh-messendzhera/.
21. TGStat опубликовал исследование аудитории Telegram в России в 2023 году. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/tgstat-opublikoval-issledovanie-auditorii-telegram-v-rossii-v-2023-godu/?ysclid=ma3qcfoj9b244088385.
22. Анализ целевой аудитории для Telegram-канала. URL: https://pikabu.ru/story/analiz_tselevoy_auditorii_dlya_telegramkanala_11744535.
23. Таргетированная реклама. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таргетированная_реклама.

Applying Digital Marketing Tools to Tourism

Okhrimenko E.I.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article presents the relevance of the development of digital marketing in tourism in modern market conditions. The work contains an analysis of the scientific works of domestic and foreign scientists who conducted research in the development of digital technologies and their application in the tourism sector.

The purpose of the study is to identify problems in the use of digital marketing tools in the field of tourism and develop proposals for their elimination. The purpose of the study is specified in its tasks: to conduct a review of the scientific literature on the declared topic of research; identify digital marketing tools and their application in tourism; provide a comparative analysis of the dynamics of use of the Telegram social network by gender and age, as well as by the characteristic features of users of the social network for the period 2022–2024; identify problems in the use of digital marketing tools in tourism, develop and substantiate proposals for their leveling. The study applied research methods – comparative descriptive, systemic, comparative analysis.The practical significance of the study lies in the fact that the developed proposals for the application of digital technologies in the tourism sector can be applied by specialists of a travel company and contribute not only to determining effective channels of communication with the target audience, but also to be competitive in the market for the provision of travel services.

Keywords: digital marketing, website, tourism, customers, tools, social networks

УДК 379.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-378-385

Энотуризм в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития

Охрименко Е.И.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Радыгина Е.Г.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В статье проведён анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих основные проблемы и условия развития энотуризма в регионах. Актуальность исследования заключается в том, что развитие энотуризма в винодельческих российских регионах оказывает положительное влияние, прежде всего, на увеличение туристического потока. У туристов появляется возможность совмещать отдых с посещением винодельческих регионов, дегустацией винных напитков и знакомиться с винной культурой регионов. Целью данного исследования является выявление основных проблем и перспектив развития энотуризма на территории России. Основные задачи работы: определить влияние энотуризма на развитие российских винодельческих регионов; выявить основные проблемы и перспективы развития энотуризма в российских регионах; провести анализ объемов производства и розничных продаж винодельческой продукции (по отдельным субъектам Российской Федерации) за 2022–2024 гг.; разработать и обосновать рекомендации по развитию энотуризма в России.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные рекомендации для винодельческих российских регионов могут быть применены специалистами в сфере энотуризма. Они будут способствовать не только увеличению туристического потока и повышению узнаваемости региона, но и созданию положительного эффекта для экономики региона.

Ключевые слова: *энотуризм, конкурентоспособность, перспективы развития, винодельческое хозяйство, развитие туризма*

Для цитирования: *Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г. Энотуризм в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 378–385. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-378-385.*

В настоящее время туризму отводится существенная роль в мировой экономике. Несмотря на то, что он относится к непроизводственной сфере экономической деятельности, его ежегодный прирост составляет 15 % в год [1, с. 216]. Сейчас в туристической сфере появляются новые виды от-

дыха. Одним из них стал агротуризм, который входит в группу познавательных поездок с экскурсиями. Его особенность – использование природных, исторических, культурных и сельскохозяйственных объектов деревень и сёл. На этих объектах строятся программы для туристов. Агротуризм предполагает поездки, чтобы увидеть, как работают фермы и частные хозяйства. Одним из примеров такого отдыха считается энотуризм [2, с. 245–246].

Это подчеркивает актуальность исследования вопросов, связанных с развитием энотуризма в России.

Энотуризм – это туризм, в котором «вино является неотъемлемой частью предложения. Винная культура, винная архитектура, винный ландшафт и само вино являются частью предложения, которое стремится передать сущность региона через его связь с винным продуктом» [3, с. 15].

На сегодняшний день можно отметить, что многие учёные занимаются исследованиями и определением роли и места энотуризма в России.

Л.М. Романова, Н.К. Сердюкова, С.Д. Сердюкова в своем исследовании, в отношении развития энотуризма, ссылаются на прогноз экспертов агентства *BusinesStat*, в котором указывается, что «ожидается рост производства винодельческой продукции российских производителей вина» [1, с. 216–217].

Особое внимание авторы уделяют также исследованию демографического фактора. Отмечается, что демографическая ситуация 90-х гг. XX в. окажет соответствующее влияние на формирование спроса, поскольку рождаемость в указанный период времени была очень низкой. Кроме того, по мнению авторов, «В ближайшие годы на туристический рынок выйдет потребитель «поколения *Z*», который задаст новый тренд в предпочтениях» [1, с. 216–217].

Б.Х. Пайзуллаев особо отмечает действие мультипликативного эффекта в отношении винного туризма. По мнению автора, в рамках мультипликативного эффекта рассматривается два важных момента: первый – разработка новых экскурсионных маршрутов и путешествий для туристов; второй – увеличение продаж вина винодельнями. Кроме того, «мультипликативный эффект выражается и в условиях роста рынка услуг, сопутствующих туризму, охватывая гостиницы, отели, туристические организации и др.» [4, с. 167].

Автор подчёркивает, что винный туризм оказывает положительное влияние не только на реализацию отечественной винной продукции и способствует развитию российского виноделия, но «…также важен с точки зрения повышения конкурентоспособности национального туристического продукта, в том числе в контексте развития культурно-познавательного туризма» [4, с. 169].

Т.А. Срибная, Н.А. Боднева, И.А. Акинина в рамках исследования отмечают, что энотуризм как особый вид туризма набирает свою популярность среди населения не только в нашей стране, но и в странах дальнего и ближнего зарубежья [3, с. 4].

Согласно мнению авторов, важно уделять особое внимание тому, что «энотурист не только хочет попробовать вино и посетить винодельни, он также нуждается в жилье, питании и развлечениях. И чтобы иметь возможность предложить ему услугу, отвечающую всем его потребностям, важно взаимодействовать со специалистами в области виноградарства и туризма» [3, с. 40].

Авторы приходят к выводу о том, что энотуризм можно отнести к подтипу гастрономического туризма. Также ими выделена основная задача энотуризма- «посещение виноградников, виноделен, дегустация, потребление и покупка вина непосредственно на месте производства винной продукции» [3, с. 78].

Ю.В. Литвинова описывает особенности влияния энотуризма на развитие гастрономического туризма в регионе [5, с. 111].

В.С. Гречко, Д.С. Агапова считают, что «…винный туризм является одним из основных направлений, способствующих, как развитию туристической сферы, так и экономики Российской Федерации в целом» [6, с. 69–70]. Авторы убеждены в том, что на развитие российского винного туризма оказывают огромное влияние множество факторов, таких как природные, географические, исторические, производственно-технологические, экономические, социальные. Именно указанные факторы способны оказать соответствующее влияние не только на развитие винодельческого бизнеса, но и повышать узнаваемость региона, привлекая тем самым, большие потоки туристов [6, с. 69–70]. По мнению авторов, если будут созданы благоприятные условия для развития виноделия в регионе, следовательно будет успешно развиваться энотуризм [6, с. 69–70].

Подчеркнём, что именно энотуризм рассматривается в тесной связи с гастрономическим туризмом. Следовательно, необходимо своевременно анализировать состояние и условия развития российской кухни в наших регионах.

Е.И. Охрименко приходит к выводу о том, что российские регионы имеют богатую русскую кухню «с характерными ей уникальными вкусовыми качествами и большим многообразием блюд. Отличительная черта русской кухни заключается именно в многообразии, обусловленном расположением большого количества народностей на территории России, а также различными климатическими условиями в разных ее частях» [7, с. 75].

Е.И. Охрименко, А.А. Ошкордина обращают особое внимание не только на доминирующие тенденции развития гастрономического туризма и гастрономической культуры в регионах, но и определяют особую взаимосвязь гастрономического и внутреннего туризма [8, с. 129–130].

Необходимо подчеркнуть, что энотуризм способен оказать положительное влияние на развитие внутреннего туризма, поскольку является перспективным туристским направлением, набирающим всё большую популярность среди туристов.

Е.И. Охрименко особо подчёркивает, что «…для развития внутреннего туризма в России, регионам необходимо направить силы на повышение своей будущей потенциальной конкурентоспособности» [9, с. 19].

Kirschner T. в своём исследовании выявляет специфику туристических кластеров. Автор придаёт большое значение «особенностям формирования и условиям развития кластера винного туризма» [10].

Fields K. рассматривает вопросы, связанные с исследованием экономических инструментов, влияющих на динамику развития гастрономического туристического продукта. Автор подчёркивает, что спрос на гастрономический туристический продукт формируется под влиянием различных мотивационных факторов, которые необходимо своевременно анализировать [11].

Таким образом, можно отметить, что развитие энотуризма как подтипа гастрономического туризма в России является одним из актуальных направлений на современном этапе. Благодаря уникальному географическому расположению нашей страны у данного вида туризма есть все условия для дальнейшего развития. Энотуризм оказывает положительное влияние на развитие дестинаций, способствует организации разнообразных специальных праздников, фестивалей, ярмарок, посвященных виноделию и винодельческой продукции, привлекая тем самым внимание большого количества туристов.

Важно отметить, что энотуризм имеет тесную связь с другими видами туризма, такими как гастрономический, культурный, экологический. Работа в тандеме с местными партнерами и профессионалами в области туризма, своевременное выявление специфики дестинации в отношении развития энотуризма дает возможность не только быстро реагировать на запросы туристов и повышать качество предоставляемых туристических услуг, но и повысить конкурентоспособность региона.

Политика России в отношении туризма направлена на формирование условий для развития отрасли. Для этого используются разные методы поддержки бизнеса, включая гранты, выплаты и привлечение средств из других источников [6, с. 67].

Энотуризм относится к новому направлению в индустрии туризма. Более того, данное направление представляет интерес для сомелье и рестораторов. Туристы также проявляют интерес к процессу и специфике приготовления винных изделий. Дальнейшее развитие винных туров окажет положительное влияние на концептуальные средства размещения и смежные отрасли [12, с. 178].

По прогнозам экспертов Роскачества «доля России в структуре мирового производства вина продолжит расти и к 2030 г. превысит 3 %. Согласно результатам исследования «Винный гид России – 2023», 22 % граждан считают российское вино более качественным, чем иностранное, а 29 % отмечают, что большинство российских вин превосходят по качеству иностранные вина. Так, 51 % россиян отдают предпочтение качеству российских вин» [13, с. 220].

Исследование показало, что «в арсенале российских производителей для продвижения вин на рынке используют традиционные маркетинговые инструменты – винные конкурсы, выставки, винные эксперты-энологи, блогеры, соцсети, винные школы» [13, с. 227].

Важно отметить, что энотуризм оказывает огромное влияние на формирование экскурсионных маршрутов. Туристы имеют возможность не только познакомиться с особенностями виноделия в рамках дестинации, но и приобрести продукцию виноделен.

Кроме того, повышается эффективность маркетинговых коммуникаций, например, у туристических агентств появляется возможность исследовать целевую аудиторию, разработать сопутствующие услуги для туристов, организовать их отдых в гостиницах.

Сегодня российский рынок винного туризма не уступает по актуальности европейскому, этому способствует тот факт, что российское виноградарство и виноделие развивается на протяжении тысячелетия и имеет свою историю. Российские особенности природы и традиции уникальны: здесь переплетаются богатая история и особенная кухня, что помогает создавать туристические маршруты. Южные регионы России дополняют это культурными обычаями, разными национальными блюдами, местными напитками, а также виноградом как известных, так и редких сортов, что открывает широкие возможности для развития энотуризма.

Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в РФ» [14], помог улучшить положение в сфере энотуризма. Этому способствовала организация первого российского форума виноделов в 2022 г. во время собрания Ассоциации виноградарей и виноделов [15]. На мероприятии участники говорили о: совместной работе ученых, аграриев и производителей для увеличения выпуска вина в стране; государственной помощи деньгами; правилах для винодельческих предприятий; вложениях в производство; важности замены импортных товаров отечественными; повышении спроса на российские вина и их продаже за границей.

«Формирование винного туризма как отдельной отрасли началось в России с курортов Черноморского побережья и Краснодарского края, в частно-

сти. Возможность знакомства со всем процессом изготовления и хранения вина теперь есть не только у профессионалов, но и у любителей, что делает винный туризм особенно привлекательным для путешественников» [3, с. 16].

Туристический поток имеет важное значение для винодельческих предприятий, а также регионов, в которых развито виноделие. Туризм в винодельческих регионах создаёт новые рабочие места, оказывает положительное влияние на развитие смежных отраслей, например, таких как гостиничный бизнес и гастрономия. Кроме того, с помощью развития виноделия осуществляется процесс продвижения бренда территории: например, вина, изготовленные из сортов винограда конкретной дестинации, могут стать туристическим сувениром и визитной карточкой региона.

Но несмотря на динамично развивающуюся отрасль туризма и принятие мер для привлечения дополнительного потока туристов, можно выделить ряд проблем, к которым относятся – недостаточно развитая сопутствующая инфраструктура, удаленное расположение виноградников и виноделен, низкий уровень продвижения туристических маршрутов.

Регионы с развитой инфраструктурой, расположенные недалеко от популярных туристических зон, часто имеют привлекательные винные маршруты. Турагентства, организующие такие поездки, обычно предлагают трехдневные туры. Это необходимо для того, чтобы участники успели познакомиться с процессом изготовления вина, увидеть, как его создают, и попробовать различные виды. Кроме того социальные сетей позволяют не только наладить коммуникации с потенциальными туристами, но и своевременно распространять информацию о винодельческих хозяйствах в регионах [5, с. 227].

За последние годы в России значительно увеличилось количество разнообразных вариантов винных туров. Это стало возможным благодаря совместным усилиям виноделов и туристических компаний. В результате возрос интерес как к вину, так и к путешествиям по местам его производства.

Важно обратить особое внимание на динамику роста заинтересованности энотуризмом в винодельческих регионах России (Краснодарский край, Крым, Ростовская область и Дагестан). По данным за 9 месяцев 2025 г., больше всего число энотуристов выросло в Крыму на 30–40 % и Краснодарском крае – 8 % [16]. Энотуризм в России набирает обороты. Рост интереса связан с улучшением качества услуг и разнообразием программ, такими как дегустации, мастер-классы, экскурсии.

Прирост турпотока в Ростовской области и Дагестане на данный период времени составляет всего лишь 5 % [17]. Эти регионы рискуют остаться в тени без федеральной поддержки. Конкуренция с зарубежными направлениями требует усиления уникальности российских предложений.

Представим тройку лидеров российских регионов по объёмам производства вина. «Кубань попрежнему занимает первое место по объемам производства вина в России: за год доля региона на рынке выросла с 42,4 до 44,9 %. В тройку лидеров также входит Крым (3 млн дал) и Ленинградская область (1,5 млн дал)» [1, с. 503].

В 2024 г. Россия увеличила объем производства вина на 19,3 % по сравнению с предыдущим годом, согласно данным из отчета Международной организации винограда и вина (OIV). Это один из самых высоких темпов роста среди винодельческих стран и третий результат после Грузии (+26,6 %) и Аргентины (+23,3 %) [17].

Если сравнить со средними показателями за предыдущие пять лет, то российский объем производства в 2024 г. оказался на 17,5 % больше [17].

Представим и проведем анализ сведений об объемах производства винодельческой продукции (по отдельным субъектам Российской Федерации) за 2022–2024 гг.

Из данных представленных в таблице 1 следует, что в 2023 г. фиксируется резкий спад объемов производства винодельческой продукции на 30 %, по сравнению с предыдущим годом. К основным причинам спада можно отнести аномально дождливое лето 2023 г., спровоцировавшее грибковые заболевания (милдью, оидиум) и санкционное давление, логистические сложности, рост стоимости средств защиты растений. Хотя погодные условия 2023 г. стали причиной общеотраслевого спада, но его масштабы усугубились экономическими и инфраструктурными проблемами.

Комплексный подход, сочетающий технологическую модернизацию, господдержку и адаптацию к климатическим изменениям, позволит минимизиро-

Таблица 1

Сведения об объемах производства винодельческой продукции (по отдельным субъектам РФ) за 2022–2024 гг., тыс. дал. [18]

Наименование субъекта РФ	Произведено, тыс. дал.		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Российская Федерация	**65 161,0**	**45 587,2**	**51 540,8**
Южный федеральный округ	**36 370,5**	**32 582,3**	**36 491,9**
Республика Крым	9 242,5	7 361,2	9 223,9
Краснодарский край	23 178,0	21 314,6	23 285,9
Ростовская область	424,4	316,0	357,4
Северо-Кавказский федеральный округ	**13 318,0**	**6 980,7**	**8 438,0**
Республика Дагестан	2 739,5	2 971,1	3 566,8

вать риски в будущем. На наш взгляд, такой подход окажет положительное влияние на динамику туристического потока в винодельческие регионы нашей страны, например, в Краснодарский край, Крым и т.д.

Ежегодно в Абрау-Дюрсо (городской округ Новороссийска, Краснодарский край) приезжает больше 500 тыс. чел. Около 50 % из них целенаправленно посещают исторический комплекс «Русский винный дом», чтобы посмотреть на производство и попробовать вина. Такие гастрономические туры привлекают туристов в любое время года и улучшают репутацию местных курортных зон. Центр туризма «Абрау-Дюрсо» работает над увеличением числа гостей, которые возвращаются, обновляя экскурсионные маршруты, открывая новые площадки для посещения и проведения фестивалей.

Винодельня «Мысхако» (Новороссийский округ, Краснодарский край) имеет 266 га виноградников и производственные линии, которые позволяют выпускать до 5 млн бутылок вина в год.

Винодельня «Фанагория» (Темрюкский район, Краснодарский край) имеет 3400 га виноградников. Ежегодно здесь производят около 20 млн л вина.

«Шато Пино» (город Новороссийск, Краснодарский край) – это туристический комплекс под Новороссийском, где сочетаются сельское хозяйство и отдых. На его территории есть Центр изучения виноделия и зоны для обучения сомелье. На винодельни «Шато Пино» также находится производство, где вино делают по старинным методам. В комплексе есть хранилище для вина, помещение для созревания вина. «Шато Пино» производит до 1 млн бутылок вина каждый год.

«Золотая Балка» (Балаклавский район, Крымский полуостров) предлагает маршруты для любителей энотуризма, а также комплексные туры «от лозы до бокала», которые включают участие в сборе урожая и прогулки по виноградникам. Это позволяет туристам получить новые знания или вспомнить уже знакомое, отдохнуть и ближе познакомиться с культурой.

Представим и проанализируем сведения об объемах розничных продаж винодельческой продукции (по отдельным субъектам Российской Федерации) за 2022–2024 гг.

Анализируя данные таблицы 2, можно сделать вывод, что снижение продаж на 7,84 % за 2023 г. может быть связано с экономическими санкциями и инфляцией, а также из-за снижения покупательной способности населения в связи с ростом цен на алкогольную продукцию. Положительная динамика покупательской способности в Краснодарском крае вероятнее всего связана с развитой инфраструктурой, популярностью местных брендов и оказанием ими услуг винодельческого туризма, что стимулирует сбыт продукции.

Таблица 2

Сведения об объемах розничных продаж винодельческой продукции (по отдельным субъектам РФ) за 2022–2024 гг., тыс. дал. [18]

Наименование субъекта РФ	Приобретено, тыс. дал.		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Российская Федерация	**94 409,8**	**85 965,4**	**87 006,7**
Южный федеральный округ	**10 324,2**	**9 650,3**	**9 940,5**
Республика Крым	1 626,9	1 390,0	1 490,5
Краснодарский край	4 389,1	4 471,3	4 526,3
Ростовская область	1 937,7	1 810,4	1 913,5
Северо-Кавказский федеральный округ	**1 422,0**	**1 265,6**	**1 276,1**
Республика Дагестан	155,9	167,3	146,4

В Дагестане также заметен рост покупательской способности на винодельческую продукцию региона в 2023 г. на 7,31 %, что может быть связано с развитием локальных винодельческих предприятий, маркетингом этнических брендов, поддержкой малого бизнеса.

На основании проведённого исследования авторами составлен *SWOT*-анализ, отражающий сильные стороны развития энотуризма в РФ, слабые стороны отрасли, потенциальные возможности для развития и существующие угрозы (табл. 3).

Исходя из *SWOT*-анализа следует отметить, что для продвижения энотуризма необходимо активно продвигать природные и культурные преимущества винодельческого региона через федеральные СМИ и социальные сети. Кроме того, следует создать единую базу данных по винодельческим объектам для удобства планирования поездок и разработать комплексные туры, сочетающие посещение винодельческих предприятий, отдыха и экскурсий по местным достопримечательностям. Важно привлечь частные инвестиции в инфраструктуру вокруг винодельческих предприятий.

Общенациональный спад в производстве и розничных продажах винодельческой продукции, обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов. Экономические вызовы, такие как санкционное давление и инфляция, привели к росту себестоимости продукции и снижению покупательной способности населения. Регуляторные меры, включая ужесточение контроля за алкогольным рынком и повышение акцизов, дополнительно ограничили рентабельность малых производителей.

Несмотря на общий кризис, Краснодарский край и Дагестан демонстрируют устойчивость. В Краснодарском крае розничные продажи выросли на +1,87 % в 2023 г. по сравнению с 2022 г., успех связан с сильными локальными брендами (например, Абрау-Дюрсо), а также развитой инфраструктурой и

Таблица 3

SWOT-анализ развития энотуризма на территории РФ

Сильные стороны	Слабые стороны
Уникальные природные ресурсы; Экологически чистые территории, пригодные для агротуризма; Логистические преимущества; Близость ключевых виноделен к туристическим центрам; Образовательные курсы по виноделию и сомелье; Улучшение эмоционального состояния туристов; Формирование правильной и осознанной культуры пития алкогольных напитков; Наличие действующей туристско-рекреационной инфраструктуры; Доступная цена.	Высокая стоимость премиальных туров; Низкая конкурентоспособность туристских услуг; Дефицит инфраструктуры; Отсутствие единого онлайн-портала с актуальными данными по энотурам; Кадровый дефицит в отрасли туризма.
Возможности	**Угрозы**
Рост внутреннего туризма; Государственная поддержка; Повышение качества инфраструктуры энотуризма; Сезонное расширение для привлечения туристов вне лета-весны; Внедрение VR-экскурсий на производства.	Геополитическая нестабильность; Конкуренция за счет энотуров в Армении и Грузии; Низкая покупательная способность в секторе массового туризма; Экологические вызовы из-за природных катаклизмов, например, засухи; Экономические факторы, например, рост цен на логистику.

активным продвижением энотуризма. Дагестан делает ставку на этническое виноделие и поддержку малого бизнеса, что позволило ему нарастить розничные продажи на +7,31 % в 2023 г. по сравнению с 2022 г. Оба региона эффективно используют адаптацию к рыночным условиям: внедрение цифровых платформ для продаж, участие в федеральных программах и акцент на экологическое производство.

Крым сталкивается с сильными проблемами, что обусловило снижение розничных продаж в 2023 г. на -14,56 % по сравнению с предыдущим годом. Это связано не только с внешними ограничениями, но и с климатическими рисками. Аномально дождливое лето 2023 г. спровоцировало ряд грибковых заболеваний лоз, что сократило урожай винограда. Несмотря на экстренные меры, региону требуется системная поддержка для восстановления позиций. Важно отметить, что в 2024 г. в рассматриваемых винодельческих регионах наблюдается положительная динамика по объёму розничных продаж винодельческой продукции (табл. 2), кроме Республики Дагестан (снижение объёмов розничных продаж винодельческой продукции на -12,49 % в 2024 г.).

Для возвращения к положительному росту необходимо стимулировать легальный рынок через снижение акцизов для малых производителей. А также развивать туристические винодельческие кластеры, поскольку энотуризм в России демонстрирует потенциал, но его реализация зависит от устранения региональных дисбалансов и системной поддержки отрасли. Крым и Краснодарский край могут стать драйверами роста, в то время как другие регионы требуют точечных инвестиций и маркетинговых усилий.

Таким образом, в результате проведённого исследования нами были разработаны рекомендации по винодельческим регионам. Так, для Краснодарского края необходимо сохранять положительные тенденции и развивать образовательный кластер по обучению гидов-сомелье и проведения сертифицированных курсов по виноделию для местных жителей, чтобы сохранять лидирующие позиции.

Республика Дагестан уникальное место с семейными винодельнями, которые необходимо включить в туристические программы, что обеспечит им дополнительный доход и сохранит аутентичность.

Крым, являясь важной исторической местностью, может разработать комбинированные туры, где посещение виноделен сочетается с экскурсиями к достопримечательностям.

Для Ростовской области и Северо-Кавказского округа необходимо сделать акцент на редкие вина из автохтонных сортов винограда, произрастающих только на данной территории.

Развитие винного туризма не только увеличивает доходы производителей, но и создает положительный эффект для смежных отраслей. Для таких регионов как Крым и Дагестан, это шанс преодолеть изоляцию, а для Краснодарского края – укрепить лидерские позиции.

Создание винных маршрутов, где туристы знакомятся с традиционными методами производства вина и культурой региона, позволит продемонстрировать уникальность местных вин через экскурсии, дегустации и мастер-классы. Это положительно скажется на лояльности потребителей и будет стимулировать прямые продажи. Сочетание энотуризма с гастрономическими фестивалями, спа-отдыхом и активными видами спорта способно привлекать разнообразную аудиторию.

Литература:

1. Романова Л.М., Сердюкова Н.К., Сердюкова С.Д. Исследование перспектив развития и оценка потенциала эногастрономического туризма в Краснодарском крае // Финансовый менеджмент. 2024. № 3. С. 215–228.
2. Дембицкий Н.П. Винный туризм (энотуризм) в России: состояние и перспективы развития // Энергетическая, экологическая и продовольственная безопасность: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. науч. трудов Межд. науч.-практ. конф., Нальчик, 22–23 декабря 2022 г. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. аграрный ун-тет им. В.М. Кокова, 2022. С. 245–248.
3. Срибная Т.А., Боднева Н.А., Акинина И.А. Познание гастрономических традиций народов мира посредством изучения винопроизводства и организации энологических туристских маршрутов. Ставрополь: ООО «Ставропольское издательство «Параграф», 2023. 96 с.
4. Пайзуллаев Б.Х. Энотуризм как способ экономического развития винодельческой отрасли России // Международные научные чтения – 2023: сб. статей Межд. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 28 февраля 2023 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 164–171.
5. Литвинова Ю.В. Перспективы развития и особенности гастрономического туризма на Северном Кавказе // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024. Т. 18. № 2. С. 111–121. DOI: 10.5281/zenodo.14743776.
6. Гречко В.С., Агапова Д.С. Проблемы и перспективы развития винного туризма (энотуризма) в России и за рубежом // Актуальные проблемы геологии, географии, техносферной и экологической безопасности: Материалы XLV Студенческой науч. конф. института наук о Земле, Оренбург, 04–11 апреля 2023 г. Оренбург: Оренбургский гос. ун-тет, 2023. С. 66–70.
7. Охрименко Е.И. Условия и особенности развития гастрономического туризма в регионе // Актуальные вопросы развития сферы физической культуры и спорта, туризма и гостеприимства: Материалы Всеросс. заочной науч.-практ. конф., Екатеринбург, 29 апреля 2022 г. Екатеринбург: МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт), 2022. С. 74–78.
8. Охрименко Е.И., Ошкордина А.А. Гастрономическая культура в развитии регионального туризма: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 128–132.
9. Охрименко Е.И. Перспективы и проблемы развития внутреннего туризма в России // Современные подходы к повышению качества сервиса в индустрии туризма и гостеприимства в условиях межкультурной коммуникации: материалы IV Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12 мая 2022 г. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2022. С. 16–19.
10. Kirschner T. Tourism Clusters – a model for the development of innovative tourism products. 2012. URL: https:// www.slideserve.com/sidney/tourism-clusters-a-model-for-the-development-of-innovative-tourism-products-thor-sten-kirschner-cluster-manager.
11. Fields K. Demand for the gastronomy tourism product: motivational factors // Tourism and gastronomy. 2002. Vol. 4. Iss. 2. P. 36–50.
12. Макарова Д.Д. Российская туриндустрия: адаптация к новым реалиям и возможности для развития туристской сферы // Стратегии и современные тренды развития предприятий туристского и гостиничного бизнеса: материалы V Всеросс. науч.-практ. конф., Ярославль, 22 апреля 2022 г. М.: Российский гос. ун-тет туризма и сервиса, 2022. С. 176–181.
13. Романова Л.М., Сердюкова Н.К., Сердюкова С.Д. Исследование перспектив развития и оценка потенциала эногастрономического туризма в Краснодарском крае // Финансовый менеджмент. 2024. № 3. С. 215–228.
14. Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации». URL: https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n468-fz-ot27122019-h4615459/?ysclid=mbozo3f981110259455.
15. I Российский винодельческий форум – АКИТ. URL: https://akit.ru/events/i-rossijskij-vinodelcheskij-forum/
16. В России в 2024 году выросло число энотуристов // РБК Вино. URL: https://www.rbc.ru/wine/news/66fb90e49a7947298dc92c51
17. Россия вышла на третье место в мире по темпам роста производства вина // РБК. URL: https:// www.rbc.ru/wine/news/67ff7c1c9a794740163df2ac?ysclid=meieik0nih903407007.
18. Статистический сборник. Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2022–2024 г. URL: https://cfo.fsrar.gov.ru/files/35713_статсборник_2022-2024.pdf?ysclid=meigx4575n394053789.

Enotourism in the Russian Federation: Problems and Development Prospects

Okhrimenko E.I., Radygina E.G.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article analyzed the scientific works of domestic and foreign authors, considering the main problems and conditions for the development of enotourism in the regions. The relevance of the study lies in the fact that the development of enotourism in the wine-growing Russian regions has a positive impact, first of all, on increasing the tourist flow. Tourists have the opportunity to combine recreation with visiting wine regions, tasting wine drinks and get acquainted with the wine culture of the regions. The purpose of this study is to identify the main problems and prospects for the development of enotourism in Russia. The main tasks of the work: to determine the impact of enotourism on the development of Russian wine regions; identify the main problems and prospects for the development of enotourism in the Russian regions; analyze the volume of production and retail sales of wine products (by individual constituent entities of the Russian Federation) for 2022-2024; develop and substantiate recommendations for the development of enotourism in Russia.

The practical significance of the study lies in the fact that the developed recommendations for wine-making Russian regions can be applied by specialists in the field of enotourism; will not only increase the tourist flow and increase the recognition of the region, but also create a positive effect for the region's economy.

Keywords: enotourism, competitiveness, development prospects, wine industry, tourism development.

УДК 343.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-386-389

Симбиоз социально-экономического фактора и индивидуального преступного поведения, как одна из причин криминализации общества

Плещенко А.Н.
Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного университета

Анализ феномена преступного поведения остается центральной задачей современного общества. Причины совершения преступлений отдельными индивидами представляют собой сложное переплетение психологических и социально-экономических факторов, влияющих на выбор противоправного поведения. Рассмотрение этих причин необходимо для формирования эффективных превентивных стратегий и реабилитационных программ специалистов различных областей – криминологии, психологии и социальной работы.

Понимание детерминант преступности важно в связи с возрастающей фиксацией правонарушений среди различных референтных групп и расширением спектра разнообразных преступных практик. Глобальные процессы и быстро меняющаяся социальная среда требуют глубокого осмысления причин, лежащих в основе индивидуального криминального поведения, что создает предпосылки для разработки адресных профилактических мероприятий.

Основная цель статьи заключается в выявлении и комплексном рассмотрении основных механизмов, способствующих формированию индивидуального преступного поведения. Задачи включают анализ внутренних психологических детерминант, изучение влияния окружающей социально-экономической среды, а также определение возможных интервенционных направлений для предотвращения криминализации личности и общества.

Ключевые слова: *экономическая преступность, криминализация общества, индивидуально преступное поведение, самодетерминация преступности, личность преступника, профилактика преступности*

Для цитирования: *Плещенко А.Н. Симбиоз социально-экономического фактора и индивидуального преступного поведения, как одна из причин криминализации общества // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 386–389. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-386-389.*

Экономическая преступность, инкорпорированная в структуры современной дестабилизации общества, представляет собой разрушительную силу, оказывающую существенное негативное воздействие на экономическую безопасность государства и стабильность функционирования корпоративных образований. Развитие теневого сектора экономики, экспансия незаконных экономических схем и консолидация организованных преступных формирований обуславливают объективное усложнение правовых и практических методов противодействия и ликвидации указанного явления.

После анализа структуры и динамики экономической преступности в современных условиях целесообразно обратиться к статистическим данным, отражающим текущую ситуацию. Статистические данные свидетельствуют о следующей динамике: после пикового значения выявленных экономических преступлений в 2021 г. (117,7 тыс. при общем количестве преступности в 2,004 млн), наблюдается

тенденция к снижению. В 2022 г. было зафиксировано 111,4 тыс. экономических преступлений (при общем количестве 1,967 млн), в 2023 г. – 105,3 тыс. (при общем количестве 1,947 млн), а в 2024 г. – 105,4 тыс. (при общем количестве 1,911 млн). К 2023 г. уровень экономических преступлений приблизился к доковидным значениям [1]. Одновременно происходило сокращение материального ущерба, что свидетельствует о частичной эффективности правоприменительных и профилактических мер.

В структуре правонарушений доминируют:

• незарегистрированная предпринимательская деятельность, незаконная эмиссия, отмывание средств – около 34 % от общего числа преступлений;

• мошеннические действия и преступления против собственности – примерно 30 %;

• коррупционные схемы и преступления против государственных интересов – более 15 %.

Анализ территориального распределения экономических преступлений за 2024 г. выявляет выраженную концентрацию в нескольких федеральных округах. Наибольшая доля зарегистрированных дел приходится на Центральный федеральный округ (≈26 %), что может свидетельствовать о высокой экономической активности в регионе, и, как следствие, повышенном риске совершения экономических правонарушений. Значительная доля также зафиксирована в Приволжском федеральном округе (≈21 %), далее за ним следует Южный федеральный округ (≈14 %) [2].

Для более глубокого понимания детерминант экономической преступности, необходимо рассмотреть взаимосвязь между социально-экономическими показателями и уровнем экономической преступности.

В данном исследовании был проведен анализ на основе статистических данных Росстата, портала правовой статистики, сайта МВД России. Полученные результаты показывают, что рост заработной платы и розничного оборота приводит к сокращению числа экономических преступлений, тогда как ухудшение социальных показателей (например, рост цен и разводов) вызывает неоднозначные эффекты вплоть до возможного роста латентности. Исследования указывают на прямую зависимость между занятостью населения и выявляемой преступностью: чем больше людей вовлечено в экономическую деятельность, тем шире возможности для совершения, фиксации нелегальных схем и самодетерминации преступности.

Особенностью тяжких и особо тяжких экономических преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере, является ежегодный рост их показателей, идущий вразрез с общим трендом к уменьшению общего числа правонарушений [3]. В 2024 г. их удельный вес достиг более 5,5 % от общего числа за пятилетний период [4], что свидетельствует о профессионализации криминальных структур и усложнении схем.

Новые технологии ИИ, цифровизация используются преступными группами или одиночками для разработки сложных схем мошенничества и отмывания средств. Быстрая адаптация технологической оснащенности преступников к законодательным изменениям требует от государства и общества внедрения современных методов мониторинга, анализа и профилактики экономической преступности.

Однако эффективность противодействия экономической преступности не ограничивается лишь технологическими факторами. Для разработки комплексных стратегий профилактики и пресечения необходимо учитывать психологические и социальные факторы, детерминирующие криминальное поведение.

В частности, существенное влияние на криминальное поведение оказывают личностные черты – агрессивность, импульсивность, нарциссизм и наличие антисоциальных установок. Уровень самоконтроля и эмоциональная зрелость определяют склонность индивида к совершению противоправных действий. Совокупность этих характеристик формируется под воздействием как генетических, так и средовых факторов.

Начальные этапы социализации в семье во многом определяют предрасположенность к выбору девиантных моделей поведения [5]. Насилие в семье, эмоциональное пренебрежение и стили родительского воспитания актуализируют формирование негативных поведенческих паттернов, что впоследствии может привести к криминализации.

Внутренняя агрессия часто становится важным медиационным звеном в механизме преступности, в том числе экономической, проявляется как реакция на внутренние или внешние стрессоры [6]. Например, преступник-коррупционер идет на получение взятки после перманентного воздействия со стороны его семьи на тему «недостаточности средств и повышения уровня потребления», что в свою очередь формирует определенную агрессию способную толкнуть к реализации противоправных деяний. Теории агрессии (например, фрустрационно-агрессивная [7]) подчеркивают связь между невозможностью удовлетворения ключевых потребностей и реализацией криминальных действий. Искажение восприятия, недостаток критического анализа последствий и ограниченная рефлексия часто сопутствуют психическим расстройствам, способствуя реализации преступных моделей поведения. Травматический опыт и стрессовые ситуации служат катализатором криминализации.

К социальным факторам преступного поведения можно отнести образовательные учреждения, способные формировать ценности и нормы, препятствующие или, наоборот, способствующие де-

виантным практикам. Качество школы, наличие поддержки, а также влияние группы сверстников определяют степень интеграции индивида в правовое пространство.

Финансовая нестабильность, бедность и высокий уровень безработицы служат значимыми триггерами криминализации, переключая мотивацию личности на удовлетворение насущных потребностей вне рамок закона. Социальная стратификация и экономическое неравенство увеличивают риск девиантного поведения.

Причины экономической преступности принято делить на социальные и биологические. Социальные причины связаны с общественными противоречиями, экономическими трудностями, недостатками управления и структурными издержками [8]. Биологические рассматриваются лишь при анализе отдельных видов преступного поведения, например, психопатологии и наследственных отклонений [9].

Характер детерминант может быть объективным (общественные кризисы, экономический спад), субъективным (личные мотивации, мировоззренческие установки) и смешанным (когнитивные, поведенческие установки, социальные явления).

Если проанализировать различные исследования социальных факторов экономической преступности, то в целом можно выделить несколько основных:

– значительное расслоение общества, разрыв между богатыми и малоимущими;

– рост безработицы и отсутствие доступа к легальным трудовым ресурсам, особенно среди молодежи;

– доступность жилья, повышение стоимости товаров и услуг первой необходимости;

– недостаточный контроль и коррупция в управленческих структурах;

– слабая профилактическая работа в местах проживания, недостаток институтов социальной адаптации.

Помимо перечисленных социально-экономических факторов, важную роль в формировании криминогенной среды играют социокультурные предпосылки и влияние массовой культуры и медиа. Современная экономическая преступность часто «наследует» привычки предыдущих поколений. Духовное наследие общественного устройства, склонность к сохранению негативных моделей поведения и отсутствие готовности к изменению формирует устойчивые криминогенные сценарии в самих основах социальной структуры.

Уже давно отмечена роль массовой культуры в легимитизации преступных моделей поведения и подтверждена многочисленными исследованиями [10; 11]. Развивая эту мысль, легко можно заметить, как медиа способны формировать толерантность к противоправным действиям через романтизацию образа «жулика», «аферист», а также изменять представления молодежи о социально приемлемых практиках.

Несмотря на значительное влияние социокультурных факторов, эффективность борьбы с экономической преступностью во многом определяется состоянием и функционированием социальных институтов, а также качеством профилактической работы и институционального регулирования. Например, массовое сокращение числа инспекторов, слабая работа по ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы и отсутствие поддержки со стороны общества приводят к быстрому рецидиву и возвращению к преступной деятельности.

Недостаточная вовлеченность общественных организаций и частных инициатив в профилактику экономической преступности обостряет проблему социальной маргинализации и криминализации уязвимых прослоек населения.

Формирование индивидуального преступного поведения вкупе с социально-экономическими факторами представляет собой основную современную причину проблемы и сложный комплекс психологических и социальных детерминант, взаимодействие которых определяет риск внедрения девиантных моделей поведения у личности. Комплексное изучение данных аспектов создает реалистичные предпосылки для разработки эффективных превентивных и реабилитационных программ, что особенно актуально в современных условиях социальной трансформации.

Рекомендации по повышению эффективности противодействия экономической преступности:

– Совершенствование уголовно-правового регулирования, создание и адаптация нормативных актов, регулирующих цифровую экономику и борьбу с киберпреступностью.

– Активная работа по сокращению теневой экономики, повышение прозрачности бухгалтерского учета и внутреннего аудита.

– Введение системы контроля над экономической деятельностью корпоративного сектора и публичных должностных лиц, развитие институтов политической ответственности.

– Усиление правового просвещения, развитие профилактических программ для молодежи и уязвимых групп.

– Внедрение современных аналитических систем мониторинга финансовых потоков и выявления новых преступных технологий.

Взаимодействие индивидуальных и социальных причин преступного поведения тесно взаимосвязано и образует динамическую систему, в которой личностные предрасположенности могут быть усилены или ослаблены средовыми обстоятельствами. Превентивные меры и реабилитация – понимание детерминант такого поведения способствует разработке целевых программ профилактики и под-

держки групп риска. Акцент на развитии навыков эмоционального регулирования, формировании позитивных социальных связей и повышении образовательного уровня является ключом к снижению криминализации.

Литература:

1. МВД РФ: Статистические сведения о состоянии преступности в 2024 году // МВД России. 2025-01-20. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/
2. Генеральная прокуратура; Единый портал правовой статистики: Портал правовой статистики. URL: // crimestat.ru http://crimestat.ru.
3. Росстат, аналитика по преступности: Преступность в России, 2023 год. Часть II // Demoscope.ru URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01033/barom01.php.
4. Судебный департамент при Верховном суде РФ: Статистика о состоянии судимости в 2023. URL: https://pravo.ru/news/252637/
5. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступления. М.: Юристь, 1996. 563 с.
6. Трубкина О.В. Фрустрация как фактор, детерминирующий характер противодействия раскрытию и расследованию преступлений несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 30. № 2. С. 215–226.
7. Dollard J., Miller N.E., Doob L.W., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and Aggression. New Haven, CT, US: Yale University Press, 1939. OCLC 256003.
8. Дворецкий М. Ю., Авдеев Р. В. Причины и условия преступности // Вестник ТГУ. 2014. № 12 (140). С. 170–176.
9. Думанская Е. И. Биологическая обусловленность индивидуального преступного поведения: криминологический аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2009. №40 (173). С. 45–48.
10. Корсантия А.А. Предупреждение краж, грабежей и разбоев, совершаемых студентами Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук М., 2004 247 с.
11. Кузина С. Роль СМИ в формировании культурных приоритетов молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 53–56.

The Symbiosis of Socio-Economic Factors and Individual Criminal Behavior as One of the Causes of Society's Criminalization

Pleshchenko A.N.
Volgograd State University

The analysis of the phenomenon of criminal behavior remains a central task for modern society. The reasons for individuals committing crimes represent a complex intertwining of psychological and socio-economic factors that influence the choice of illegal behavioral patterns. Considering these reasons is essential for developing effective preventive strategies and rehabilitation programs for specialists in various fields-criminology, psychology, and social work.

Description of scientific and practical significance: Understanding the determinants of crime is important due to the growing fixation of offenses among various population groups and the expansion of diverse criminal practices. Global processes and rapidly changing social environments require a deep understanding of the causes underlying individual criminal behavior, which creates prerequisites for designing targeted preventive measures.

Aim and objectives of the research: The main aim of the article is to identify and comprehensively examine the core mechanisms contributing to the formation of individual criminal behavior. The objectives include analyzing internal psychological determinants, studying the influence of the surrounding socio-economic environment, and defining possible intervention directions to prevent the criminalization of individuals and society.

Keywords: economic crime, societal criminalization, individual criminal behavior, self-determination of crime, offender personality, crime prevention

УДК 341.1/8
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-390-394

Механизм взаимного признания документов о высшем образовании в странах СНГ

Сафина Д.Г.
Соискатель кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность проведенного исследования обусловлена интенсивным развитием академической мобильности в рамках СНГ и необходимостью устранения правовых барьеров для взаимного признания документов о высшем образовании, что является ключевым фактором успешной интеграции на образовательном пространстве СНГ. Целью научного исследования является комплексный анализ нормативно-правовых механизмов взаимного признания документов о высшем образовании в рамках Содружества Независимых Государств. Для достижения этой цели были поставлены задачи: выявить эволюцию нормативной базы, сравнить национальные процедуры признания в странах СНГ, а также определить перспективы формирования единого подхода.

Научная значимость заключается в систематизации и сравнительно-правовом анализе многоуровневой системы соглашений в рамках СНГ, что вносит вклад в развитие правовых основ международного образовательного сотрудничества. При этом практическая значимость исследования состоит в выработке конкретных предложений по унификации процедур, которые могут быть использованы профильными министерствами и ведомствами для совершенствования законодательства.

Основные результаты, представленные в настоящей статье, показали, что, несмотря на наличие ряда многосторонних и двусторонних соглашений, в странах СНГ отсутствует единый унифицированный механизм признания, а национальные процедуры (нострификация, признание) имеют существенные различия. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу правового регулирования как на уровне национальных юрисдикций ключевых государств-участников СНГ, так и в выявлении тенденции перехода от принципа эквивалентности к принципу признания. Научная ценность статьи состоит в обосновании необходимости разработки новых международно-правовых документов для создания стандартов СНГ в области образования.

Ключевые слова: *право на образование, высшее образование, международное сотрудничество, документы о высшем образовании, механизм взаимного признания, взаимное признание, СНГ*

Для цитирования: *Сафина Д.Г. Механизм взаимного признания документов о высшем образовании в странах СНГ // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 390–394. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-390-394.*

Современный этап глобального развития характеризуется устойчивой тенденцией к международной интеграции в различных сферах общественной жизни. В области образовательной политики ин-

теграционные процессы находят свое выражение преимущественно через феномен академической мобильности, представляющей собой интенсивный обмен студентами, аспирантами, стажерами и преподавательским составом между образовательными учреждениями большинства стран мирового сообщества.

В Российской Федерации на протяжении последних десятилетий нормативно-правовые основы признания иностранного образования подвергались неоднократному преобразованию и оптимизации в контексте постоянного реформирования национальной образовательной системы и модернизации соответствующего законодательства. Знаковым достижением в данной области стало принятие Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], в ст. 107 которого были закреплены правовые установления в сфере признания образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, соответствующие национальным приоритетам и общепризнанной международной практике, а также прописаны базовые принципы и алгоритм его осуществления.

Также Приказом Минобрнауки России от 24 декабря 2013 г. был утвержден новый Регламент, главным отличием которого от предшествующего стал переход от концепции «признания документов иностранных государств об уровне образования и (или) квалификации» к концепции «признания образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве» [2]. В соответствии с данным Регламентом объектом признания становился не сам документ, а непосредственно пройденная образовательная программа и приобретенная квалификация.

Вместе с тем, факт признания в РФ иностранного образования и (или) квалификации не снимает с их обладателей обязательств по соблюдению общих требований, установленных российским законодательством для поступления в образовательные учреждения или трудоустройства.

Актуальность процедур признания для России обусловлена, прежде всего, двумя ключевыми факторами: интенсивной миграцией высококвалифицированных специалистов из РФ в государства «дальнего зарубежья» и встречным потоком русскоязычного населения из стран СНГ.

В июне 2001 г. Конференцией министров образования государств – участников СНГ было утверждено решение «О мерах по выполнению Межгосударственной программы реализации концепции формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ» [3]. Согласно этому программному документу были определены приоритетные направления деятельности, способствующие формированию единого образовательного пространства:

– взаимное признание документов об образовании, ученых степенях и званиях;

– унификация стандартов и обеспечение качества образования;

– гармонизация процедур лицензирования, аттестации и аккредитации.

При этом в национальных правовых системах стран Содружества наблюдаются специфические особенности в регулировании международного образовательного сотрудничества и взаимного признания документов о высшем образовании.

Наиболее существенный вклад в формирование правового механизма признания внесло Соглашение о сотрудничестве в области образования от 15 мая 1992 г., гарантировавшее всем лицам, проживающим на территориях государств-участников, равные права на доступность образования вне зависимости от национальности или иных различий [4]. За лицами, не являющимися гражданами страны-участницы, но постоянно проживающими на ее территории, закреплялось право на получение образования всех уровней, а также ученых степеней и званий на тех же условиях, что и для граждан (ст. 1) [4]. Государствами-участниками гарантировалось бессрочное признание на своих территориях документов государственного образца об образовании (среднем, профессионально-техническом, среднем специальном, высшем), о переподготовке, а также о присуждении ученых степеней и званий, выданных в другом государстве-участнике, с оговоркой, что конкретные вопросы признания будут в дальнейшем решаться на основе двусторонних договоренностей (ст. 5). Следует отметить, что указанное Соглашение не было подписано Республикой Молдова и Азербайджанской Республикой.

Наиболее современными инструментами в рамках СНГ выступают Соглашение о взаимном признании документов о высшем/высшем профессиональном образовании и Соглашение об обмене информацией в сфере образования, подписанные 31 мая 2013 г. [5; 6]. Первое из них распространяется на два типа документов: государственного образца и те, которые приравнены к таковым.

В Республике Беларусь регламентация порядка признания иностранных документов об образовании осуществляется на основании Постановления Совета Министров РБ от 21.07.2011 г. № 981 [7]. Согласно утвержденному данным актом Положению, признание и установление эквивалентности означает предоставление их обладателям тех же прав, что и обладателям белорусских документов.

Важно отметить, что еще в 2002 г. Беларусь ратифицировала Лиссабонскую конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию (1997 г.) [8], а в мае 2015 г. присоединилась к Болонскому процессу [9], что значительно способствует решению вопроса признания дипломов ее вузов.

Современное международное сотрудничество Беларуси в образовательной сфере нацелено на решение триединой задачи: достижение уровня образования, релевантного запросам общества; нивелирование различий между национальными системами; подготовка востребованных кадров для глобальной экономики. Реализуемые международные программы и проекты способствуют укреплению позиций белорусских вузов на мировом рынке образовательных услуг, ускорению их интеграции в глобальное пространство, росту мобильности студентов и преподавателей, а также признанию белорусских дипломов за рубежом [10].

В 2012 г. официальным координатором вопросов академической мобильности был назначен ГОРУП «Центр международных связей» [11]. Активное участие в программах *ERASMUS+, DAAD, Tempus* и др., а также разработка программ двойных дипломов с зарубежными партнерами предусматривают скоординированный процесс взаимного признания документов [11].

Динамично развивающееся международное образовательное сотрудничество Беларуси осуществляется по следующим основным направлениям:

– участие в региональных соглашениях (СНГ, ЕАЭС);

– заключение двусторонних межправительственных соглашений о сотрудничестве в сфере образования (как правило, касающихся высшей школы);

– заключение двусторонних соглашений о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и званиях.

Республика Казахстан, аналогично Беларуси, является участницей Лиссабонской конвенции. Уполномоченным органом по вопросам признания и нострификации в РК выступает Комитет по контролю в сфере образования и науки МОН РК [12].

Законодательство Казахстана оперирует двумя различными понятиями: «признание» (официальное подтверждение значимости квалификации для доступа к деятельности) и «нострификация» (установление эквивалентности документа национальным образцам) [12]. На наш взгляд, хотя термин «нострификация» в тексте Конвенции отсутствует, содержащееся в ней определение «признания» по своей сути подразумевает процедуру нострификации, так как установление значимости квалификации невозможно без анализа ее уровня, содержания и объема.

Примечательно, что Правила МОН РК от 10.01.2008 г., устанавливая единый перечень документов для обеих процедур, предусматривают выдачу двух разных свидетельств – о признании и о нострификации. Такое подход представляется избыточным, поскольку в свидетельстве о признании не отражаются специальность и уровень квалификации, что принципиально важно для вуза и работодателя. Для сравнения, в Российской Федерации выдается единый документ, предоставляющий академические и профессиональные права [13].

Следует также отметить, что образовательное сотрудничество стран СНГ активно развивается в формате ЕАЭС, в рамках которого заключаются двусторонние соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях и званиях [14; 15]. Наличие таких соглашений свидетельствует о стремлении государств-членов к правовой гармонизации в данной области и создает предпосылки для выработки единого документа для всего ЕАЭС. Данная тенденция была закреплена в Стратегии-2025 и поддержана Коллегией ЕЭК, рассматривавшей соответствующий проект Соглашения [16].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что за последние десятилетия практика признания документов о высшем образовании претерпела существенную эволюцию. Если ранее доминировал подход, основанный на детальном сравнении учебных планов и программ (установление «эквивалентности»), то в настоящее время магистральным трендом является переход к более широкому признанию самих квалификаций («признание»). Аналогичная трансформация прослеживается и в международных нормах: акцент смещается с перечня признаваемых документов на унификацию процедур и критериев их оценки.

Значительное увеличение академической мобильности придает в настоящее время вопросу признания документов о высшем образовании исключительно важное значение, в связи с чем актуализация действующих правовых документов приобретает все большую значимость для всех стран-участниц СНГ, включая Российскую Федерацию.

В заключение сделаем ряд выводов.

Во-первых, нами отмечается отсутствие в рамках СНГ унифицированного нормативного механизма и единых образовательных стандартов, что создает барьеры для признания документов и трудоустройства граждан.

Во-вторых, для создания единого правового механизма взаимного признания в СНГ нами предлагается:

– разработка международно-правовых документов, направленных на гармонизацию образовательных программ и устранение барьеров;

– принятие межправительственного Соглашения о совместной подготовке специалистов по программам перекрестного обучения. Реализация данного предложения окажет прямое и косвенное положительное воздействие на формирование унифицированного механизма признания по нескольким ключевым направлениям:

– специалисты, получившие образование по единым стандартам в ведущих вузах стран-участниц, будут иметь одинаковое понимание сущности,

принципов и процедур признания документов об образовании;

– совместная подготовка магистров и аспирантов в сфере права потребует от участвующих университетов согласования учебных планов, содержания дисциплин и критериев оценки. Такой процесс станет практическим шагом к гармонизации, создаст прецеденты успешного академического сотрудничества и послужит моделью для выработки общих подходов к оценке качества образования.

Литература:

1. Федеральный закон от 22.08.1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.02.2012) (ред. от 03.12.2011) // СПС Гарант.
2. Приказ Минобрнауки России от 24.12.2013 г. № 1391 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве» // СПС Гарант.
3. Решение о Межгосударственной программе реализации Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств (Москва, 29 ноября 2001 г.) // СПС Гарант.
4. Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в области образования от 15 мая 1992 г. // СПС Гарант.
5. Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о взаимном признании документов о высшем/высшем профессиональном образовании от 31 мая 2013 г. // СПС Гарант.
6. Соглашение об обмене информацией в сфере образования государств – участников Содружества Независимых Государств от 31 мая 2013 г. // СПС Гарант.
7. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Народной Республики Бангладеш о сотрудничестве в сфере образования от 12 нояб. 2012 г. // СПС Гарант.
8. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе ETS № 165 (Лиссабон, 11 апреля 1997 г.) // СПС Гарант.
9. Зона Европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования ("Болонская декларация") (Болонья, 19 июня 1999 г.) // СПС Гарант.
10. Близость систем образования двух государств обусловлена схожестью подходов к обеспечению качества образования // Министерство образования Республики Беларусь. URL: https://edu.gov.by/by-be/news/blizost-sistemobrazovaniya-dvukh-gosudarstv-obuslovlenaskhozhestyu-podkhodov-k-obespecheniyu-kache/ (дата обращения: 04.09.2025).
11. Кабланова А.К. Тенденции развития международного сотрудничества в сфере образования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 16. С. 50–54.
12. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан №8 «Правила о порядке признания и нострификации документов об образовании» от 10.01.2008 г. URL: https://osak-roo.narod.ru/npa_rk/pravila/pravila_o_poryadke_nostr_doc_ob_obrazovanii_2008.doc
13. Приказ МОН РФ от 14.04.2009 г. № 14043 «Об утверждении Порядка признания и установления в Российской Федерации эквивалентности документов иностранных государств об образовании» // СПС Гарант.
14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (Ереван, 15 сентября 2001 г.) // СПС Гарант.
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Москва, 27 февраля 1996 г.) // СПС Гарант.
16. В странах ЕАЭС будет действовать прямое признание документов об ученых степенях. // Евразийская экономическая комиссия // ЕЭК. URL: https:// eec.eaeunion.org/news/v-stranakh-eaes-budet-deystvovatpryamoe-priznanie-dokumentov-ob-uchenykh-stepenyakh/ (дата обращения: 04.04.2022).
17. Решение Высшего евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org (дата обращения: 04.04.2022).

Mechanism for Mutual Recognition of Documents on Higher Education in the CIS Countries

Safina D.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the study is due to the intensive development of academic mobility within the CIS and the need to remove legal barriers to the mutual recognition of educational documents, which is a key factor in successful integration in the Eurasian educational space. The purpose of scientific research is a comprehensive analysis of the regulatory mechanisms for the mutual recognition of documents on higher education within the Commonwealth of Independent States. To achieve this goal, the tasks were set: to identify the evolution of the regulatory framework, compare national recognition procedures in the CIS countries, and also to determine the prospects for the formation of a unified approach.

Scientific significance lies in the systematization and comparative legal analysis of the multi-level system of agreements within the CIS, which contributes to the development of the legal foundations of international educational cooperation. At the same time, the practical significance of the study lies in the development of specific proposals for the unification of procedures that can be used by relevant ministries and departments to improve legislation.

The main results presented in this article showed that, despite the existence of a number of multilateral and bilateral agreements, there is no single unified recognition mechanism in the CIS countries, and national procedures (nostrification, recognition) have significant differences. The scientific novelty of the study lies in an integrated approach to the analysis of legal regulation not only in the context of the national jurisdictions of key CIS member states, as well as in identifying a tendency to shift from the principle of equivalence to the principle of recognition. The value of a scientific article is to justify the need to develop new international legal documents to create Eurasian standards in the field of education.

Keywords: right to education, higher education, international cooperation, documents on higher education, mutual recognition mechanism, mutual recognition, CIS

УДК 338:655
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-395-401

Управление медиабизнесом на основе интеграции стратегического управления и лидерства

Соболева Ю.П.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга
Московского университета «Синергия»

Николаев С.К.
Аспирант факультета бизнеса
Московского университета «Синергия»

Пешков Б.К.
Аспирант факультета бизнеса
Московского университета «Синергия»

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью адаптации стратегий управления медиапредприятиями к условиям стремительной цифровой трансформации отрасли. Целью исследования является определение основных элементов управления медиабизнесом, обеспечивающих эффективную работу медиакомпаний в условиях возрастающей конкуренции. В статье рассмотрены факторы, определяющие необходимость трансформации управленческих подходов: изменение моделей медиапотребления, развитие новых технологий, усиление конкуренции. Выделены основные элементы успешных стратегий медиакомпаний: переход к мультиплатформенности, инвестиции в прямые отношения с аудиторией, внедрение гибких моделей управления, подход к принятию решений на основе данных. Особое внимание уделяется роли предпринимательского лидерства в запуске инновационных медиапроектов. Отмечено, что в турбулентной среде лидерам важно сочетать управленческие и творческие компетенции, проактивно использовать технологические возможности, вовлекать внешних стейкхолдеров в разработку инноваций. Практическая ценность исследования связана с разработкой рекомендаций для медиаменеджеров по развитию ключевых компетенций, необходимых для адаптации компаний к вызовам цифровой среды.

Ключевые слова: *стратегическое управление, медиабизнес, цифровая трансформация, лидер*

Для цитирования: *Соболева Ю.П., Николаев С.К., Пешков Б.К. Управление медиабизнесом на основе интеграции стратегического управления и лидерства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 395–401. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-395-401.*

Цифровая трансформация оказывает значительное влияние на все сферы экономики, и медиаиндустрия не является исключением. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, изменение потребительских предпочтений и моделей медиапотребления бросают вызов традиционным подходам к ведению бизнеса в медиасфере. В этих условиях медиапредприятия вынуждены адаптировать свои бизнес-стратегии, осваивать новые рынки и искать инновационные пути создания и доставки контента аудитории. Предпринимательство в медиаиндустрии претерпевает существенные изменения, связанные с необходимостью быстро реагировать на технологические тренды, экспериментировать с новыми форматами и моделями монетизации, а также развивать новые компетенции для успешной конкуренции на глобальном медиарынке.

Проблематика управления предпринимательством в медиасфере в условиях цифровой трансформации привлекает внимание многих исследователей. Е.Л. Вартанова отмечает, что цифровизация привела к существенным изменениям в структуре медиарынка, бизнес-моделях и запросах аудитории. Это требует от медиакомпаний адаптации управленческих стратегий для сохранения эффективности и устойчивости бизнеса [1].

А.В. Вырковский и М.И. Макеенко подчеркивают, что мультиплатформенность становится базовым условием существования современных СМИ, предполагая «переупаковку» контента в разные форматы – текст, фото, видео, инфографику и т.д. [2]. При этом важно выдерживать единство бренда и редакционных стандартов на всех платформах, выстраивая целостную систему взаимодействия с аудиторией. В.Л. Иваницкий акцентирует внимание на необходимости выстраивания прямых отношений с аудиторией и формирования лояльных сообществ в условиях «экономики внимания» [3].

Исследования В.П. Коломиец и И.А. Полуэктовой показывают, что линейные иерархические структуры не позволяют медиакомпаниям быстро адаптироваться к изменениям. Авторы отмечают тенденцию перехода к более гибким организационным моделям, стимулирующим внутреннее предпринимательство и инновации [4].

М.В. Андреева подчеркивает важность использования данных для принятия управленческих решений в медиабизнесе. Внедрение аналитических инструментов позволяет медиапредприятиям более точно прогнозировать запросы потребителей и оптимизировать процессы [5].

Ряд исследователей отмечают особую роль предпринимательского лидерства в запуске и развитии инновационных медиапроектов [6–8]. Л. Кюнг подчеркивает необходимость стратегической гибкости и готовности экспериментировать с новыми технологиями и бизнес-моделями [7].

Н. Малмелин и С. Вирта акцентируют внимание на важности управления творческими процессами и мотивацией сотрудников в медиакомпаниях [8]. М. Хоркин отмечает тенденцию к формированию «экосистем открытых инноваций» в медиабизнесе, предполагающих активное вовлечение внешних стейкхолдеров в инновационные процессы [9].

Анализируя литературу по проблеме исследования, мы пришли к выводу о недостаточной изученности комплексного влияния цифровой трансформации на формирование стратегии развития медиапредприятий. Хотя отдельные аспекты этой проблематики, такие как необходимость перехода к мультиплатформенности, выстраивания прямых отношений с аудиторией, внедрения гибких организационных моделей и аналитических инструментов, учет роли предпринимательского лидерства, рассматриваются в существующих исследованиях, отсутствует целостное понимание того, как эти элементы должны быть интегрированы в единую управленческую стратегию медиакомпаний в условиях цифровой среды. Недостаточно изучены вопросы взаимосвязи и приоритетности различных направлений трансформации медиабизнеса, их влияния на эффективность и конкурентоспособность медиапредприятий.

Трансформация предпринимательства в медиаиндустрии под влиянием цифровых технологий

Цифровизация медиаиндустрии привела к кардинальным сдвигам в структуре медиарынка и бизнес-ландшафте отрасли. Появление новых игроков, таких как стриминговые сервисы и платформы агрегации контента, изменило расстановку сил и обострило конкуренцию за внимание аудитории [6]. Интернет и мобильные технологии демократизировали производство и дистрибуцию медиаконтента, снизив входные барьеры в индустрию и открыв возможности для развития нишевых медиа и стартапов. В то же время усложнение технологического стека и фрагментация аудитории потребовали от медиакомпаний значительных инвестиций в инновации, персонализацию и таргетинг [7].

Ключевым фактором трансформации медиапредпринимательства стал переход от линейной модели дистрибуции контента к омниканальной. Потребление медиа стало более интерактивным, мобильным, основанным на запросе и рекомендациях. Это потребовало пересмотра контентных стратегий и переосмысления роли пользовательских данных в создании ценности. Медиапредприятия стали активно экспериментировать с новыми технологиями – от виртуальной и дополненной реальности до искусственного интеллекта и блокчейна в поисках возможностей для создания иммерсивного опыта, персонализации и вовлечения аудитории [8].

Цифровая трансформация изменила и подходы к монетизации медиаконтента. Традиционные биз-

нес-модели, основанные на рекламе и подписке, дополнились новыми, такими как фримиум, краудфандинг, донаты, электронная коммерция и др. При этом многие медиакомпании пошли по пути диверсификации источников дохода и создания экосистем сервисов вокруг своих брендов. Особое значение приобрела способность медиапредприятий выстраивать прямые отношения с аудиторией, основанные на глубоком понимании ее потребностей и вовлечении в сотворчество.

Важной тенденцией стало смещение фокуса медиапредпринимательства от производства контента как конечного продукта к созданию технологических решений и платформ, позволяющих масштабировать и монетизировать медиабизнес по новым правилам цифровой экономики. Медиакомпании стали активно инвестировать в разработку собственных IT-продуктов, цифровую трансформацию операционных процессов и запуск инновационных направлений бизнеса, выходящих за рамки традиционных индустриальных границ. В таблице 1 представлены ключевые направления трансформации медиапредпринимательства под влиянием цифровых технологий.

Как видно из таблицы 1, трансформация медиапредпринимательства в условиях цифровизации носит комплексный и многоаспектный характер. Она затрагивает все ключевые элементы бизнес-модели – от производства контента и дистрибуции до способов монетизации и взаимодействия с аудиторией. При этом технологии выступают не просто как инструмент повышения эффективности, но становятся ключевым стратегическим активом и фактором конкурентоспособности медиакомпаний. Чтобы успешно конкурировать на глобальном медиарынке, предприятиям недостаточно просто оцифровать свою деятельность – им необходимо фундаментально пересмотреть подходы к созданию ценности и занять проактивную позицию в освоении новых технологий и бизнес-моделей.

Таблица 1

Направления трансформации предпринимательства в медиаиндустрии в условиях цифровизации

№	Направление трансформации	Характеристика
1	Переход к нелинейным моделям дистрибуции	Развитие мультиплатформенных стратегий доставки контента по запросу
2	Персонализация медиапотребления	Использование пользовательских данных для адаптации контента под интересы аудитории
3	Интерактивность и вовлечение аудитории	Применение новых технологий (VR/AR, геймификация и др.) для создания иммерсивного опыта
4	Диверсификация бизнес-моделей	Развитие новых способов монетизации за рамками рекламы и подписки
5	Технологическая трансформация	Инвестиции в разработку собственных цифровых продуктов и решений
6	Выстраивание прямых отношений с аудиторией	Развитие каналов коммуникации, создание сообществ лояльных потребителей
7	Развитие новых форматов и жанров контента	Производство иммерсивного, интерактивного, нишевого контента
8	Коллаборация с внешними партнерами	Сотрудничество с технологическими компаниями, стартапами и медиа для развития инноваций

Составлено авторами.

Цифровая трансформация привела к кардинальным изменениям в медиаиндустрии и выдвинула на первый план новые модели медиапредпринимательства, основанные на инновациях, персонализации, прямых отношениях с аудиторией и диверсификации бизнеса. Чтобы сохранить конкурентоспособность в условиях стремительного технологического развития, медиакомпаниям необходимо не просто адаптироваться к цифровым трендам, но и активно участвовать в их формировании, инвестируя в новые продукты, платформы и компетенции. При этом ключевым фактором успеха становится способность медиапредприятий выстраивать вокруг себя динамичные экосистемы партнеров и потребителей, совместно создающих ценность в цифровой медиасреде.

Обобщая источники литературы по предметной области исследования, мы выявили ряд ключевых проблем, с которыми сталкивается медиаиндустрия в условиях цифровой трансформации.

Во-первых, для медиакомпаний в настоящее время наиболее актуальной является адаптивная стратегия, основанная на разработке гибкого подхода к управлению на основе организационной теории, где в основе эффективного менеджмента лежат «четкое целеполагание» и «рациональная работа» [10]. Цифровая среда требует от медиакомпаний большей гибкости и адаптивности. Медиакомпаниям необходимо адаптироваться к стремительным изменениям моделей медиапотребления, связанным с развитием новых технологий и платформ. Переход аудитории в онлайн, фрагментация медиапотребления, растущий спрос на интерактивный и мультиформатный контент требуют от медиапредприятий пересмотра своих контентных и дистрибуционных стратегий.

Во-вторых, цифровизация диктует необходимость освоения медиакомпаниями новых технологий – от мобильных приложений и социальных сетей до *Big Data* и искусственного интеллекта, что требует значительных инвестиций и новых компетенций.

В-третьих, конкурентоспособность медиапредприятий все больше зависит от их способности соз-

давать мультиплатформенный контент и монетизировать его на разных площадках.

В-четвертых, в условиях перенасыщенного информацией медиаландшафта критически важным становится выстраивание прямых, персонализированных отношений с аудиторией, позволяющих создавать уникальную ценность.

Выявленные особенности современного развития медиабизнеса позволили установить, что внедрение технологических инноваций и специфика отрасли, основанная на креативности, изменчивости потребителя, значительно перешедшего в цифровую среду, стремительное развитие контента в цифровой среде и возрастающие объемы больших данных в отрасли требуют осмысленного пересмотра стратегии управления.

Стратегии управления медиапредприятиями в условиях изменчивой бизнес-среды

Как было отмечено, в современных условиях стремительного развития цифровых технологий, изменений медиапотребления и усиления конкуренции медиапредприятия вынуждены адаптировать свои управленческие стратегии для сохранения эффективности и устойчивости бизнеса.

Одним из ключевых факторов, влияющих на выбор стратегий управления, является фрагментация медиапотребления и уход аудитории в онлайн. По данным исследования *Deloitte*, уже 44 % россиян используют для потребления контента только цифровые каналы [11]. Это требует от медиакомпаний развития мультиплатформенных стратегий, позволяющих адаптировать контент под специфику разных площадок и запросы их аудиторий.

Другим стратегическим приоритетом медиапредприятий в цифровой среде становится выстраивание прямых отношений с потребителями. Как отмечает В.Л. Иваницкий, в условиях «экономики внимания» СМИ необходимо не просто привлекать трафик на свои площадки, но и создавать лояльные сообщества аудитории, предлагая ей уникальную ценность [3]. Многие медиакомпании экспериментируют с моделями платной подписки, краудфандинга, членства, позволяющими напрямую монетизировать свои отношения с аудиторией.

При этом медиаменеджерам приходится балансировать между необходимостью инноваций и сохранением устойчивости бизнеса в кризисных условиях. По мнению Е.Л. Вартановой, антикризисные стратегии медиапредприятий должны, с одной стороны, оптимизировать расходы и фокусироваться на ключевых направлениях, а с другой – инвестировать в развитие диджитал-компетенций и поиск новых точек роста [12].

Еще одним важным элементом управленческих стратегий становятся более гибкие организационные модели, стимулирующие внутреннее предпринимательство и инновации. Многие редакции переходят к кросс-функциональным командам, *agile*-методологиям, предполагающим большую свободу и мотивированность сотрудников [4].

Наконец, важной стратегической компетенцией медиаменеджеров становится умение работать с данными для принятия решений. Цифровизация дает СМИ доступ к огромным массивам информации о поведении аудитории, эффективности контента и бизнес-процессов [5].

Таким образом, ключевыми элементами стратегий медиапредприятий в современных условиях становятся мультиплатформенность, выстраивание прямых отношений с аудиторией, инновационные модели управления редакцией и «d*ata-driven*» подход к принятию решений. Комбинация этих элементов позволяет медиакомпаниям гибко адаптироваться к вызовам цифровой среды, находить новые возможности для развития и монетизации в условиях изменчивого рынка.

Роль предпринимательского лидерства в развитии инновационных медиапроектов

Медиабизнес – уникальная сфера деятельности, основанная на синтезе творчества, креатива, предпринимательства и динамичной внешней среды. Достижение успеха таких организаций в значительной степени зависит от грамотного управленца. Как отмечают исследователи, именно лидеры-предприниматели, обладающие стратегическим видением, готовностью к риску и проактивностью, способны вывести медиакомпании на новый уровень развития [6].

Предпринимательское лидерство в медиа основано на сочетании управленческих и творческих компетенций. С одной стороны, медиаменеджерам необходимо эффективно распоряжаться ресурсами, выстраивать бизнес-процессы, принимать стратегические решения. С другой – они должны обладать глубоким пониманием специфики медиапродукта, трендов развития индустрии, запросов аудитории. Как подчеркивает Е.Л. Вартанова, в медиабизнесе «особенно важны компетенции, связанные с управлением творческими процессами и талантами» [13].

Одна из ключевых функций предпринимательского лидерства – поиск и реализация инновационных возможностей в динамичной цифровой среде. Л. Кюнг отмечает, что цифровизация постоянно создает новые «окна возможностей», которые лидеры-новаторы должны уметь распознавать и использовать быстрее конкурентов [7]. Это требует стратегической гибкости, готовности экспериментировать с новыми технологиями, форматами, моделями монетизации.

Инновационные медиапроекты часто связаны с высокой неопределенностью и риском. В этих условиях важнейшей компетенцией лидера становится управление изменениями, умение мобилизовать команду на достижение амбициозных целей в ус-

ловиях ограниченных ресурсов и давления рынка. Как показывает практика, успешные медиапредприниматели отличаются способностью вдохновлять сотрудников собственным примером, создавать атмосферу доверия и сотрудничества [8]. Множество современных медиастартапов строится вокруг персонального бренда лидера – харизматичной личности, обладающей уникальной экспертизой и последователями. В этом смысле предпринимательское лидерство в медиа приобретает особую ценность как репутационный и социальный капитал, определяющий доверие аудитории и партнеров к проекту.

При этом в современной изменчивой внешней среде лидерам инновационных медиа важно сохранять открытость, использовать принципы коллаборативного управления. Вовлечение сотрудников и внешних стейкхолдеров (пользователей, экспертов, технологических партнеров) в генерацию идей, разработку продуктов, принятие решений позволяет компенсировать нехватку ресурсов и компетенций, характерную для инновационных проектов [14].

Предпринимательские лидеры в медиа все чаще становятся модераторами сообществ, в рамках которых совместными усилиями создаются инновационные решения. Краудсорсинговые платформы, хакатоны, инкубаторы позволяют аккумулировать внешние идеи и технологии для развития медиапроектов. Как отмечает М. Хоркин, в цифровой экономике конкурентным преимуществом обладают те медиакомпании, которые могут выстроить эффективную «экосистему открытых инноваций» [9].

Наконец, ключевой компетенцией предпринимательских лидеров в медиа становится стратегическое мышление, умение предвидеть будущие тренды развития индустрии и технологий. В условиях экспоненциального роста инноваций недостаточно просто следовать за рынком – нужно уметь опережать его, задавая новые стандарты и форматы потребления медиа. Лидеры нового типа должны обладать даром визионерства, сочетая творческую интуицию с аналитическим складом ума [15].

В качестве успешного примера предпринимательского лидерства в медиа можно привести Джона Бортвика – сооснователя CEO компании *Betaworks*. Бортвик не только инвестировал в десятки медиастартапов *(Tumblr, Kickstarter, Gimlet Media)*, но и лично продюсировал запуск инновационных медиа, таких как экспериментальная блог-платформа *ThingD* или стриминговый сервис *Giphy* [16]. Он активно популяризует идеи медиаинноваций, регулярно выступая на отраслевых конференциях и в своем блоге. Другой яркий пример – Джонатан Перельман, который в должности вице-президента по контенту и партнерствам сыграл ключевую роль в превращении *BuzzFeed* из развлекательного блога в диверсифицированную медиакомпанию с оборотом 300 млн долл. [17].

Таким образом, двигателем успешной реализации стратегического управления является предпринимательское лидерство, а инструментом достижения поставленных целей выступает стратегическое управление. Именно лидер задает вектор развития, определяет будущее медиакомпании и стратегическую ориентацию процесса цифровизации деятельности компании. В этой связи в условиях цифровой трансформации медиаиндустрии роль предпринимательского лидерства в запуске и развитии инновационных проектов трудно переоценить. Лидеры, сочетающие управленческие и творческие компетенции, способность к риску и стратегическое видение, становятся ключевыми драйверами инноваций в медиа. Предпринимательское лидерство позволяет медиакомпаниям быстрее адаптироваться к вызовам цифровой среды, аккумулировать внешние идеи и ресурсы, создавать прорывные продукты и форматы. При этом в турбулентных условиях лидерам важно придерживаться принципов открытости, вовлекая в инновационный процесс не только сотрудников, но и внешних стейкхолдеров.

Предпринимательское лидерство играет ключевую роль в решении обозначенных проблем стратегического управления деятельностью медиакомпаний и обеспечении успешной цифровой трансформации медиабизнеса. На основе обобщения изученной литературы по проблеме исследования, а также практических кейсов развития современной медиаиндустрии, нами разработана схема взаимодействия двух «китов» успешного стратегического развития медиабизнеса (рис. 1).

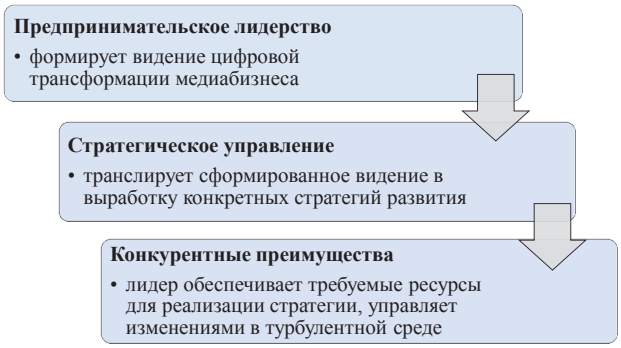

Рис. 1. Схема взаимодействия основных элементов управления медиабизнесом в условиях цифровой трансформации
[разработано авторами]

В рамках представленной схемы предпринимательское лидерство закладывает основы стратегического управления медиабизнесом, определяет долгосрочные цели и стратегия развития медиакомпании. В свою очередь, налаженная система стратегического управления предполагает разработку операционных действий или механизмов, обеспечивающих достижений поставленной стратегической цели и, как следствие, формирует конкурентные преимущества компании. В результате система

управления обеспечивает одновременно и стратегический взгляд на развитие компании, и обеспечение медиакомпании требуемыми для реализации стратегии ресурсами. Лидеры нового типа должны обладать стратегическим видением, позволяющим предвосхищать технологические тренды и изменения медиапотребления. Они должны сочетать управленческую экспертизу с глубоким пониманием специфики медиаконтента и творческих процессов. Предпринимательские лидеры должны быть готовы к экспериментам, разумному риску, поиску новых бизнес-моделей. Наконец, они играют важнейшую роль в создании инновационной корпоративной культуры и развитии сотрудничества с внешними партнерами для усиления инновационного потенциала медиапредприятий.

В медиабизнесе особенно важными факторами успеха являются гибкость и скорость принятия решений, что обусловлено особенностями бизнеса: его одновременное функционирование на двух рынках (товарном и услуг); большая доля в создаваемом продукте творческой, эмоциональной составляющей; стремительная переориентация потребителя на цифровые платформы. Реализация этого возможна при наличии у стратегического лидера соответствующих компетенций в области разработки перспективных направлений развития бизнеса, генерирования идей, способности вдохновлять персонал, осуществлять ресурсное обеспечение реализации операционных мероприятий для достижения поставленной цели. При этом лидер должен понимать тенденции цифровой трансформации медиабизнеса.

Заключение

Исследованные в данной работе два «кита» успешного развития медиабизнеса – стратегическое управление и стратегическое лидерство – неразрывны и взаимосвязаны. Эффективное стратегическое управление в условиях цифровой трансформации медиабизнеса невозможно без грамотного, понимающего все аспекты цифровой трансофрмации лидера, способного своевременно принимать обоснованные решения для достижения медиаструктурой конкурентных преимуществ.

Проведенное исследование может стать отправной точкой для дальнейшего, более глубокого изучения феномена лидерства в медиабизнесе. Перспективными направлениями представляются исследования моделей предпринимательского лидерства в разных сегментах медиарынка с учетом национального контекста.

Литература:

1. Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 2. С. 186–196.
2. Вырковский А.В., Макеенко М.И. Конвергенция в российской ежедневной прессе: экономические особенности и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2012. № 5. С. 36–49.
3. Иваницкий В.Л. Бизнес-концепция масс-медиа: природа, содержание, стратегии реализации // Медиаскоп. 2009. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-kontseptsiya-mass-media-priroda-soderzhanie-strategii-realizatsii (дата обращения: 23.09.2024).
4. Полуэхтова И.А., Коломиец В.П. Российское телевидение: индустриальные и социокультурные тренды-2020 // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 4. С. 120–134.
5. Андреева М. В. Современный медиабизнес: динамика развития и особенности менеджмента // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2008. № 3. С. 99–110.
6. Hess T., Matt C., Wiesbock F., Benlian A. Options for Formulating a Digital Transformation Strategy // MIS Quarterly Executive. 2016. Vol. 15. № 2. P. 103–119.
7. Küng L. Strategic Management in the Media: From Theory to Practice. London: SAGE Publications, 2008. 248 p.
8. Malmelin N., Virta S. Managing creativity in change: Motivations and constraints of creative work in a media organisation // Journalism Practice. 2016. Vol. 10. № 8. P. 1041–1054.
9. Хоркин М. Медиакомпании и стартапы: как построить экосистему открытых инноваций // Журналист. 2019. № 3. С. 48–50.
10. Дружинин А.М. Цифровая трансформация российского медиабизнеса в условиях неопределенности // Цифровая социология. 2021. № 4. С. 50–59. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-50-59
11. Медиапотребление в России. Исследовательский центр компании «Делойт», 2020. URL: https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotreblenie-v-rossii-2020.pdf (дата обращения: 23.09.2024).
12. Вартанова Е.Л. Медиаиндустрия и кризисы: стратегии выживания и развития // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2015. № 6. С. 5–24.
13. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика в информационном обществе // Информационное общество. 2005. № 1. С. 40–44.
14. Horst S.O., Järventie-Thesleff R. Finding an emergent way through transformational change: A narrative approach to strategy // Journal of Media Business Studies. 2016. Vol. 13. № 1. P. 3–21.

15. Светлакова Н. Лидерство в медиабизнесе: вызовы цифровой эпохи // Вестник Университета. 2019. № 6. С. 108–113.
16. Бортвик Дж. Манифест медийного предпринимательства // Newreporter. 2020. URL: https://newreporter.org/2012/11/29/manifest-postindustrialnaya-zhurnalistika-budushhee-prishlo/ (дата обращения: 22.09.2024).
17. Robischon N. How BuzzFeed's Jonah Peretti Is Building A 100-Year Media Company // Fast Company. 2016. URL: https://www.fastcompany.com/3056057/how-buzzfeeds-jonah-peretti-is-building-a-100-year-media-company (дата обращения: 21.09.2024).

Media Business Management Based on the Integration of Strategic Management and Leadership

Soboleva Yu.P., Nikolaev S.K., Peshkov B.K.
Moscow University «Synergy»

The relevance of the research topic is due to the need to adapt media enterprise management strategies to the conditions of rapid digital transformation of the industry. The purpose of the study is to identify the key areas of successful transformation of the management of modern media companies in the context of digitalization of their activities. The article considers the factors that determine the need to transform management approaches: changing media consumption models, development of new technologies, increased competition. The main elements of successful media company strategies are highlighted: transition to multiplatform, investments in direct relations with the audience, implementation of flexible management models, and an approach to decision-making based on data. Particular attention is paid to the role of entrepreneurial leadership in launching innovative media projects. It is noted that in a turbulent environment, it is important for leaders to combine management and creative competencies, proactively use the capabilities of technology, and involve external stakeholders in the development of innovations. The practical value of the study is associated with the development of recommendations for media managers on the development of key competencies necessary for companies to adapt to the challenges of the digital environment. The scientific novelty of the study lies in the formation of an integrated approach to effective management of media business in the context of digital transformation based on the synthesis of strategic management and strategic leadership.

Key words: strategic management, media business, digital transformation, leader

УДК 316.013:796.011
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-402-408

Институционализация школьного спорта в Татарстане: количественные показатели

Хурамшин И.Г.
Кандидат биологических наук,
доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта
Поволжского государственного университета физической
культуры, спорта и туризма (Казань)

Хурамшина А.З.
Кандидат социологических наук, директор
Центра семьи и демографии Академии наук РТ,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Поволжского государственного университета
физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Формирование здорового образа жизни населения, привлечение широких масс к физкультурно-спортивным занятиям, превращение физической активности в норму жизни – направления развития современного российского общества. Они призваны решить ряд задач в преодолении демографического кризиса. Это отражается в приоритетах социальной политики государства, в претворении в жизнь государственных программ и национальных проектов. Создание системы школьного спорта становится основанием для глубокого внедрения в общество физической культуры, культуры здоровья на уровне общего образования.

В связи с этим сформулирована цель исследования – представить характеристики институционализации школьного спорта посредством выявления динамики количества регистраций школьных спортивных клубов, охвата школьными спортивными лигами (на материалах Республики Татарстан), количества публикаций по теме школьных спортивных клубов.

В статье систематизированы и проанализированы числовые данные по развитию школьного спорта из открытых электронных источников с применением статистических методов, метода контент-анализа, метода качественного анализа документов. Выявлена зависимость динамики институционализации школьного спорта от управленческих решений аппарата государственной власти. Показан и объяснен пик числа регистраций школьных спортивных клубов в 2020 г. Статья раскрывает достижение школьным спортом высокого уровня институционализации.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения институционализации школьного спорта. Они также рекомендуются при формировании социальной политики государства на различных уровнях управления и для включения в лекционные курсы по социологии физической культуры.

Ключевые слова: *социология физической культуры, физическая культура, спорт, школьный спорт, школьный спортивный клуб, школьная спортивная лига, институционализация*

Для цитирования: *Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Институционализация школьного спорта в Татарстане: количественные показатели // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 402–408. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-402-408.*

Социальные институты физической культуры и спорта в России переживают трансформацию, вызванную как глобальными факторами, так и внутренними эволюционными изменениями. Идет процесс дифференциации, появления специализированных направлений, структурных ответвлений – это проявление общих закономерностей развития общества. Частным случаем является появление вслед за студенческим спортом [1] школьного спорта как структурного ответвления социального института спорта.

Социальные институты в своем становлении проходят ряд этапов: от появления общественной потребности до организационно-структурного оформления норм, ценностей, социальных отношений.

Общественная потребность в школьном спорте и начало его формализации закреплена Федеральным законом от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в п. 31 ст. 2 представлением определения: «школьный спорт – часть детско-юношеского спорта, направленная на физическое воспитание и физическую подготовку обучающихся в общеобразовательных организациях, их подготовку к участию и участие в физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях, в том числе в официальных физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях» [2, ст. 2 п. 31]. Общественная ценность школьного спорта заключается в том, что он позволяет вовлекать в спортивную деятельность более широкий круг подрастающего поколения, в отличие от специализированных спортивных школ [3; 4]. В широком смысле школьные спортивные объединения – это первые шаги к воспитанию гражданственности и формированию гражданского общества [5], и далее – культурного капитала общества [6].

Также в нормативно-правовом поле мы можем наблюдать процесс институционализации школьного спорта: появление в основном законе, регулирующем физкультурно-спортивную сферу, понятий «школьный спортивный клуб» (2016 г.) [7], «школьная спортивная лига» (2020 г.) [8], издание Приказа Министерства спорта РФ от 14 декабря 2020 г. № 915 «Об утверждении особенностей деятельности школьных спортивных лиг, а также организации и проведения физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий школьными спортивными лигами» [9].

Для изучения процесса институционального становления школьного спорта мы обратились к исследованию динамики организации школьных спортивных клубов в одном из субъектов Российской Федерации – Республике Татарстан. Для этого была выбрана ранее апробированная методика анализа количественных показателей формирования организационных форм социального института [10; 11].

Отметим, что мы рассматриваем школьный спортивный клуб (ШСК) как основную организационную форму школьного спорта, где сконцентрированы его нормативно-ценностные единицы. Соответственно, он служит институтом спортивной социализации обучающихся в общеобразовательной организации. ШСК может создаваться как в форме структурного подразделения общеобразовательной организации, так и в форме общественной организации [12; 13]. Положение или устав ШСК закрепляют его цели, задачи, функции, тем самым определяя основные нормативно-ценностные единицы, регулирующие школьный спорт. В качестве целей в нормативных документах определены следующие: привлечение обучающихся к систематическим занятиям физической культурой и спортом; развитие традиционных и наиболее популярных в регионе видов спорта; формирование здорового образа жизни [например, 14; 15].

Соответственно, процесс организационного становления школьного спорта можно проследить на основе изучения динамики создания ШСК и уровня охвата ими общеобразовательных организаций. Единый Всероссийский перечень (реестр) школьных спортивных клубов [16] (далее – реестр) позволяет увидеть зарегистрированные ШСК с привязкой к населенным пунктам, общеобразовательным организациям, с датой создания (приказа о создании), сортировать по федеральным округам и субъектам Российской Федерации. Сайт представляет собой единую систему взаимодействия по вопросам развития детско-юношеского спорта в общеобразовательных организациях РФ на региональном и федеральном уровнях для обеспечения планового финансирования деятельности ШСК в регионах России.

Используя научный метод анализа документов, мы провели исследование данных реестра ШСК по муниципальным образованиям Республики Татарстан и по региону в целом. График на рисунке 1 демонстрирует динамику регистрации клубов в общеобразовательных организациях по региону за период 2011–2024 гг. (по состоянию на 1 января 2025 г.). Пик создания ШСК приходится на 2020 г., преимущественно на период с августа по октябрь. Следует отметить, что 2020 г. был ознаменован пандемией *COVID*-19, которая привела к введению режима самоизоляции и переходу общеобразовательных организаций на дистанционный формат работы

в марте–июне. Увеличение количества регистраций ШСК наблюдалось после снятия ограничений на передвижение и посещение общественных мест. За 2020 г. было создано около 70 % всех ШСК Татарстана, до этого – 19 %, после – 11 %. На текущий 2025 г. охват общеобразовательных организаций ШСК в регионе достиг 100 %.

Всплеску формирования ШСК предшествовало поручение Президента России В.В. Путина от 10 октября 2019 г.: «Завершение создания к 2024 году школьных и студенческих спортивных клубов в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, а также участие таких клубов в спортивных соревнованиях, проводимых соответственно школьными и студенческими спортивными лигами» [17].

В таблице 1 представлена визуализация динамики регистрации ШСК в каждом муниципальном районе и городском округе Татарстана с использованием цветовой шкалы. Важно отметить, что поскольку реестр ведется с 2016 г., данные по регистрации клубов за период 2011–2015 гг. учтены в отдельной графе.

В большинстве муниципальных образований динамика регистрации соответствует общереспубликанской тенденции. Однако есть районы, где активное создание клубов при общеобразовательных организациях произошло в первые 5 лет. К ним относятся Агрызский и Верхнеуслонский муниципальные районы. Также стоит отметить, что в муниципальных образованиях, включающих городские и сельские поселения, существенной разницы в динамике регистрации ШСК между городом и селом не наблюдается.

На 2020 г. также приходится введение в основной отраслевой федеральный закон понятия «школьная спортивная лига». Однако данная форма организации школьного спорта пока не получила широкого распространения. В Татарстане активно работает единственная в этом роде Школьная Волейбольная лига [18], очевидно, как общественное объединение без регистрации в качестве юридического лица (в реестрах юридических лиц она не обнаружена). Объединяющую ШСК роль с 2011 г. выполняют Пре-

Рис. 1. Динамика регистрации ШСК в Республике Татарстан по годам [16]

Таблица 1

Регистрация школьных спортивных клубов по муниципальным образованиям в составе РТ за период 2011–2025 гг. (по состоянию на 01.01.2025 г.) [16]

Муниципальное образование (муниципальный район, городской округ)	Год										
	2011-2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Казань	1	8	17	14	8	115	3	10	4	0	0
Набережные Челны	4	2	1	1	2	52	7	6	6	0	0
Агрызский	11	1	0	0	1	7	0	1	0	0	0
Азнакаевский	3	3	0	0	0	17	0	2	0	0	0
Аксубаевский	0	0	0	3	1	15	0	5	6	0	0
Актанышский	0	0	0	0	0	23	1	1	0	0	0
Алексеевский	0	3	0	0	0	20	0	1	0	0	0
Алькеевский	2	0	1	1	0	16	0	0	5	0	0
Альметьевский	2	0	3	0	0	50	0	1	3	0	0
Апастовский	0	0	0	0	0	19	0	0	0	0	0
Арский	0	0	0	0	1	32	0	2	1	0	0
Атнинский	3	1	0	0	1	7	0	0	1	0	0
Бавлинский	0	0	0	0	9	13	0	1	0	0	0
Балтасинский	0	1	8	0	0	12	0	8	0	0	0
Бугульминский	2	1	1	1	1	22	0	11	1	0	0
Буинский	0	1	2	0	5	25	2	1	0	0	0
Верхнеуслонский	9	0	0	0	1	6	0	0	0	0	0
Высокогорский	0	0	0	0	1	24	0	2	1	1	0
Дрожжановский	0	0	0	0	0	29	0	0	0	0	0
Елабужский	7	0	0	1	0	15	0	3	0	0	0
Заинский	2	2	0	1	0	17	0	0	1	0	0
Зеленодольский	0	1	2	1	0	31	0	4	2	0	0
Кайбицкий	1	2	0	0	0	13	0	0	0	0	0
Камско-Устьинский	4	1	1	0	0	4	1	0	1	0	0
Кукморский	7	3	2	3	0	16	1	0	1	0	0
Лаишевский	3	0	0	1	0	21	2	0	0	0	0
Лениногорский	2	0	3	0	0	26	0	3	0	0	0
Мамадышский	2	1	4	0	0	26	1	1	2	0	0
Менделеевский	0	0	0	0	0	18	1	1	0	0	0
Мензелинский	0	0	1	1	0	15	0	0	1	0	0
Муслюмовский	2	0	0	0	0	18	1	0	0	0	0

Продолжение таблицы 1

Муниципальное образование (муниципальный район, городской округ)	Год										
	2011-2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Нижнекамский	10	1	0	7	3	29	1	2	7	0	0
Новошешминский	3	1	0	1	1	10	0	1	2	0	0
Нурлатский	5	0	4	1	0	20	0	1	0	0	0
Пестречинский	0	0	2	0	1	14	1	1	0	0	0
Рыбно-Слободский	0	0	3	0	0	23	0	0	0	0	0
Сабинский	0	0	0	1	1	18	0	3	0	0	0
Сармановский	0	1	0	0	0	19	1	0	0	0	0
Спасский	0	0	0	0	0	10	2	0	1	0	0
Тетюшский	0	0	7	0	0	19	0	0	0	0	0
Тукаевский	1	0	0	0	0	19	2	1	1	0	0
Тюлячинский	1	0	0	0	0	11	0	0	0	0	0
Черемшанский	1	1	2	0	0	21	0	0	1	0	0
Чистопольский	1	0	0	0	2	28	0	0	0	0	0
Ютазинский	1	3	0	1	0	8	1	1	0	0	0

зидентские спортивные игры [19], получившие в 2022 г. статус соревнований на Кубок Президента Российской Федерации [20], а с 2019 г. – Всероссийские спортивные игры школьных спортивных клубов [21]. Для консолидации школьной спортивной деятельности важное значение имел Всероссийский смотр-конкурс на лучшую постановку физкультурной работы и развитие массового спорта среди школьных спортивных клубов [22].

Представленный выше анализ динамики организационного оформления школьного спорта позволяет увидеть значительную зависимость этого процесса от решений органов государственной власти. То есть процесс институционализации инициируется не от школьного спортивного сообщества к органам управления, а, скорее, наоборот: принимаемые властными органами решения вызывают к жизни инициативы по созданию соответствующих клубов и организации спортивной деятельности в общеобразовательных учреждениях.

Проведенные в 2021 и 2022 гг. под руководством авторов статьи социологические опросы учителей физической культуры и школьников показывают их заинтересованность в ШСК, однако отсутствие инициативной деятельности опрошенных по организации и повышению качества работы этих клубов [23; 24]. В качестве основных препятствий для развития школьного спорта учителя физической культуры называют плохую материальную базу и недостаточное количество часов для занятий. Школьников же отталкивает низкий уровень соревнований и недостаточная подготовленность команд.

В связи с этим возникла необходимость в управленческом решении, которое активизировало бы деятельность по созданию школьных спортивных лиг (ШСЛ) и вывело школьный спорт на более высокий организационный уровень [25]. Таким решением стал Приказ Министерства спорта Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 1045/986 «Об утверждении комплекса мер, направленных на создание во всех субъектах Российской Федерации школьных спортивных лиг по виду (видам) спорта, объединяющих школьные спортивные клубы во всех общеобразовательных организациях, а также по повышению эффективности деятельности таких клубов и уровня их финансового обеспечения» [26].

Интерес ученых и практиков к разработке тематики школьного спорта в целом и школьного спортивного клуба в частности также является показателем становления соответствующей системы знаний, выработки норм и правил, регулирующих данный социальный институт. Инструментарий научной электронной библиотеки *Elibrary.ru* позволяет провести контент-анализ и выявить труды, посвященные исследованию ШСК. Ключевые параметры поиска публикаций: 1) упоминание ШСК в названии публикации, аннотации или ключевых словах; 2) тип публикации: статья в журнале, книга, диссертация, материалы конференций; 3) за все время. В период с 2002 г. опубликовано более 400 научных и методических работ по деятельности ШСК. Причем с каждым годом число их нарастает, что свидетельствует об актуальности организационно-методических рекомендаций, востребованности этого направления работы в общеобразовательных организациях (см. рис. 2).

Представленный нами анализ количественных показателей институционального становления школьного спорта в России в целом и в Татарстане

Рис. 2. Количество публикаций по теме «школьный спортивный клуб» по годам в электронной научной библиотеке Elibrary.ru

в частности позволяет сделать несколько выводов. Спортивная деятельность общеобразовательных организаций Татарстана полностью интегрирована в систему школьных спортивных клубов, при этом пик регистрации ШСК пришелся на осень 2020 г. Процесс создания ШСК преимущественно инициируется государственными органами управления, что определяет вектор развития школьного спорта сверху вниз. Формирование следующего уровня организационной структуры – школьных спортивных лиг – находится на стадии становления.

Другой количественный показатель, отражающийся в динамике научных и методических публикаций, представляет формирование системы знаний, норм, правил, практик, ценностей, характерных для школьного спорта, и нарастает с 2002 г. Это свидетельствует, с одной стороны, о выработке системы научных подходов к изучению рассматриваемой темы, с другой – о разработке вопросов управления школьным спортом и проведения занятий в ШСК, позволяющих аккумулировать и систематизировать методические основы деятельности в данной области. Таким образом, в нарастающем с годами количестве публикаций мы видим формирование нормативно-ценностной системы деятельности в сфере школьного спорта.

Литература:

1. Хурамшина А.З., Аглямов И.И., Винокуров Д.А. Институционализация студенческого спорта в России: нормативные правовые основы организации студенческого спортивного клуба // Социальное время. 2020. № 3(23). С. 94–101. DOI: 10.25686/2410-0773.2020.3.94.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС Гарант.
3. Хурамшин И.Г., Хурамшина А.З. Спортивная карьера и образование // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10 (76). № 3. С. 29–38.
4. Хурамшин Б.И. Сложнейшие кризисы спортивной карьеры // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: Материалы XII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов высших и средних учебных заведений с международным участием. В 3-х т., Казань, 05 апреля 2024 г. Казань: Поволжский гос. ун-тет физ. культуры, спорта и туризма, 2024. С. 261–263.
5. Шабалина Ю.В., Бакаев Э.М. Спортивные объединения как составляющая гражданского общества // Актуальные вопросы роли спорта в построении гражданского общества и народной дипломатии: Материалы Межд. науч.-практ. конф. (с участием представителей государств-участников Содружества Независимых Государств, БРИКС), посвященной 100-летию образования государственного органа управления в сфере физической культуры и спорта, Казань, 27–28 апреля 2023 г. Казань: Поволжский гос. ун-тет физической культуры, спорта и туризма, 2023. – С. 373–378.
6. Салимов А.М. Об использовании теории культурного капитала для анализа развития физической культуры и спорта // Актуальные вопросы роли спорта в построении гражданского общества и народной дипломатии: Материалы Межд. науч.-практ. конф. (с участием представителей государств-участников Содружества Независимых Государств, БРИКС), посвященной 100-летию образования государственного органа управления в сфере физической культуры и спорта, Казань, 27–28 апреля 2023 г. Казань: Поволжский гос. ун-тет физической культуры, спорта и туризма, 2023. С. 277–280.
7. Федеральный закон от 22.11.2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта». URL: https://rg.ru/documents/2016/11/24/fizkult-dok.html (дата обращения: 21.05.2025).
8. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: https://rg.ru/documents/2020/08/06/sport-2-dok.html (дата обращения: 21.05.2025)
9. Приказ Министерства спорта РФ от 14.12.2020 г. № 915 «Об утверждении особенностей деятельности школьных спортивных лиг, а также организации и проведения физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий школьными спортивными лигами» // СПС Гарант.
10. Хурамшина А.З., Маклашова Э.А. Институционализация туризма в Татарстане: числовые показатели // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 611.
11. Маклашова Э.А., Хурамшина А.З. Динамика туристических компаний в Республике Татарстан в период 2008-2013 годов // Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-

культурного и экономического развития региона: Межд. науч.-практ. конф., Казань, 28–29 ноября 2013 г. / Редколл.: Ф.Р. Зотова, Н.Х. Давлетова, В.М. Афанасьева, Е.М. Курочкина. Казань: Поволжская гос. академия физической культуры, спорта и туризма, 2013. С. 122–124.
12. Письмо Министерства образования и науки РФ и Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 10 августа 2011 г. № МД-1077/19, НП-02-07/4568 «О методических рекомендациях по созданию и организации деятельности школьных спортивных клубов» // СПС Гарант.
13. Апанаева Е.Р. Организационно-управленческие аспекты школьного спорта // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: Материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием. В 3-х т., Казань, 26 апреля 2019 г. / Под общ. ред. Ф.Р. Зотовой. Т. 3. Казань: Поволжская гос. академия физической культуры, спорта и туризма, 2019. С. 113–114.
14. Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 15.10.2021 г. № под-1319/21 «О продолжении деятельности по созданию школьных спортивных клубов в общеобразовательных организациях Республики Татарстан». URL: https://mon.tatarstan.ru/file/pub/pub_2969706.pdf (дата обращения 20.06.2025)
15. Примерная форма положения о школьном спортивном клубе. URL: https://internet.garant.ru/#/document/1970802/paragraph/94/doclist/9563/1/0/0/примерная%20форма%20положения%20о%20школьном%20спортивном %20клубе:0.
16. Единый Всероссийский перечень (реестр) школьных спортивных клубов – единая система взаимодействия по вопросам развития детско-юношеского спорта в общеобразовательных организациях РФ на региональном и федеральном уровнях для обеспечения планового финансирования деятельности ШСК в регионах России URL: https://еип-фкис.рф/реестр-шск/ (дата обращения 18.05.2025)
17. Поручение Пр-2397 1б-3 “Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта 10 октября 2019 года”. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62119 (дата обращения: 18.05.2025)
18. Школьная Волейбольная лига. URL: https://tatarstan.schoolvolley.ru/hdbk/frontend/document/index (дата обращения: 18.05.2025)
19. Письмо Министерства образования и науки РФ и Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 18, 19 мая 2011 г. № МД-603/19, № ПК-02-09/2691 «О методических рекомендациях о проведении в 2011-2012 годах школьного и муниципального этапов Всероссийских спортивных соревнований школьников «Президентские состязания» и Всероссийских спортивных игр школьников «Президентские спортивные игры» // СПС Гарант.
20. Указ Президента РФ от 11.05.2022 г. № 284 «О присвоении Всероссийским спортивным соревнованиям школьников «Президентские состязания» и Всероссийским спортивным играм школьников «Президентские спортивные игры» статуса соревнований на Кубок Президента Российской Федерации» // СПС Гарант.
21. Письмо Министерства просвещения РФ от 07.02.2019 г. № ИП-118/06 «О проведении Всероссийских игр школьных спортивных клубов» // СПС Гарант.
22. Приказ Министерства просвещения РФ от 14.05.2019 г. № 237 «О проведении открытого заочного Всероссийского смотра-конкурса на лучшую постановку физкультурной работы и развитие массового спорта среди школьных спортивных клубов». URL: https://docs.edu.gov.ru/document/6a689ba4c1067d11b4412cb49b5f37c3/ (дата обращения: 20.05.2025)
23. Калачева А.С. Школьный спортивный клуб: мнение учителей физической культуры // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: Материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием, посвященной Году науки и технологий РФ, Казань, 23 апреля 2021 г. Т. 3. Казань: Поволжский гос. ун-тет физической культуры, спорта и туризма, 2021. С. 387–390.
24. Боровкова А.Р. Школьные спортивные клубы: отношение школьников // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием, посвященной Году цифровизации в Республике Татарстан, Казань, 06 апреля 2022 г. Казань: Поволжский гос. ун-тет физической культуры, спорта и туризма, 2022. С. 580–583.
25. Ковшарев М.А. Актуальность создания объединения спортивных клубов образовательных учреждений // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма: Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с международным участием, посвященной Году цифровизации в Республике Татарстан, Казань, 06 апреля 2022 г. Казань: Поволжский гос. ун-тет физической культуры, спорта и туризма, 2022. С. 158–159.
26. Приказ Министерства спорта Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 21.12..2023 г. № 1045/986 «Об утверждении комплекса мер, направленных на создание во всех субъектах Российской Федерации школьных спортивных лиг по виду (видам) спорта, объединяющих школьные спортивные клубы во всех общеобразовательных организациях, а также по повышению эффективности деятельности таких клубов и уровня их финансового обеспечения» // СПС Гарант.

Institutionalization of School Sports in Tatarstan: Quantitative Indicators

Khuramshin I.G.
Volga Region State of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)
Khuramshina A.Z.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Volga Region State of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan)

The formation of a healthy lifestyle, the involvement of the general public in physical education and sports activities, the transformation of physical activity into the norm of life is one of the directions of development of modern Russian society. It is designed to solve a number of tasks in overcoming the demographic crisis. This is reflected in the priorities of the State's social policy, in the implementation of state programs and national projects. The creation of a school sports system becomes the basis for a deep introduction of physical culture and health culture into society, starting from the level of general education. In this regard, the purpose of the study is to present the characteristics of the institutionalization of school sports by identifying the dynamics of the number of registrations of school sports clubs, the coverage of school sports leagues (based on the materials of the Republic of Tatarstan), the number of publications on the topic of school sports clubs.

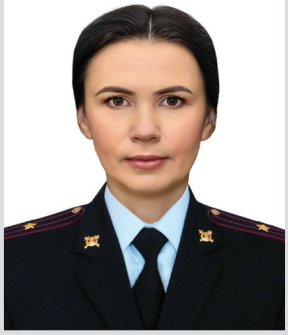
The article systematizes and analyzes numerical data on the development of school sports from open electronic sources using statistical methods, the method of content analysis, and the method of qualitative analysis of documents. The dependence of the dynamics of institutionalization of school sports on the managerial decisions of the government apparatus is revealed. The peak in the number of registrations of school sports clubs in 2020 is shown and explained. The article reveals the achievement of a high level of institutionalization by school sports.

The results of the study can be used to further study the institutionalization of school sports, are recommended for use in shaping the social policy of the state at various levels of government, and for inclusion in lecture courses on the sociology of physical culture.

Keywords: sociology of physical culture, physical culture, sport, school sport, school sports club, school sports league, institutionalization

УДК 34.09
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-409-413

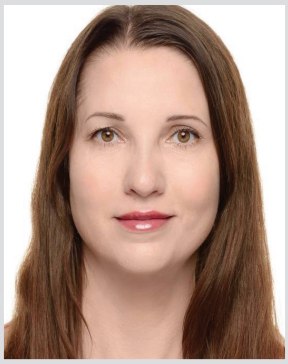
Проблемные аспекты применения искусственного интеллекта в медицинской деятельности

Волченко А.В.
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, майор полиции

Когтева А.Н.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры информационной безопасности Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Тимохина Г.В.
Магистрант юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

Развитие технологий искусственного интеллекта в здравоохранении сопровождается новыми правовыми вызовами, связанными с безопасностью, ответственностью и защитой данных. Отсутствие целостной нормативной базы, фрагментарность регулирования и слабое урегулирование ответственности за ошибки интеллектуальных систем создают серьезные риски для пациентов и препятствуют эффективной интеграции искусственного интеллекта в клиническую практику. Целью работы является выявление проблемных аспектов правового регулирования применения искусственного интеллекта в медицинской деятельности и разработка предложений по их устранению. Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций по регулированию оборота медицинских интеллектуальных систем, распределению ответственности между участниками, защите медицинских данных и обеспечению информационной безопасности.

В ходе исследования обнаружены значительные пробелы в регулировании защиты персональных медицинских данных при обучении и эксплуатации интеллектуальных систем. Сделан вывод о необходимости разработки комплексного законодательного акта или включения специальных норм в действующие законы о здравоохранении и персональных данных, создания стандартов качества и безопасности для медицинских интеллектуальных систем. Исследование формирует основу для дальнейшей законодательной работы в данной области, ориентированной на баланс между развитием инноваций и защитой прав пациентов.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, здравоохранение, медицинская деятельность. правовое регулирование, информационная безопасность, персональные данные*

Для цитирования: *Волченко А.В., Когтева А.Н., Тимохина Г.В. Проблемные аспекты применения искусственного интеллекта в медицинской деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 409–413. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-409-413.*

На сегодняшний день правовое регулирование использования искусственного интеллекта в медицине сталкивается с несколькими существенными вызовами.

Во-первых, отсутствует целостная нормативная правовая база, что порождает неопределенность статуса подобных технологий и фрагментарность регулирования, когда используются лишь общие нормы, не учитывающие специфику самообучающихся алгоритмов.

Во-вторых, не урегулирована ответственность за результаты работы искусственного интеллекта: в случае диагностической ошибки или сбоя алгоритма отсутствуют правовые нормы распределения риска между разработчиком программного обеспечения и медицинским работником. Такая неопределенность создает ситуацию, когда ни один из участников не несет явной ответственности за причиненный пациенту вред, что чревато юридическими коллизиями и феноменом «безликой» (размытой) ответственности.

В-третьих, существуют пробелы в регулировании использования больших массивов медицинских данных. Действующее законодательство о персональных данных настолько строго регулирует обращение сведений о здоровье (требуя явного согласия пациента либо полной деперсонизации информации), что без специального механизма практически невозможно легально применять большие обезличенные базы данных для обучения медицинских интеллектуальных моделей. Это, с одной стороны, тормозит разработку и повышение точности алгоритмов, а с другой – попытки обхода указанных ограничений несут риск нарушения права на приватность.

Далее соответствующие проблемные аспекты будут рассмотрены более детально.

Отсутствие специального закона и дефиниций

В законодательстве РФ на текущем этапе нет легального определения понятий «искусственный интеллект» и «медицинская интеллектуальная система». Кроме того, отсутствует специальный закон, посвященный регулированию искусственного интеллекта в целом. Это приводит к размытости правового статуса подобных систем и неопределенности применимого режима.

Фактически применение искусственного интеллекта регулируется общими нормами (о медизделиях, о защите информации, об оказании медпомощи), которые не учитывают всей специфики самообучения алгоритмов и автономности решений.

Указанное подчеркивает актуальность разработки отдельного нормативного акта, регламентирующего обращение искусственного интеллекта в медицине, либо включения соответствующего раздела в Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1].

Неурегулированность ответственности и правового статуса участников

Законом не решен значимый вопрос о том, кто должен отвечать в случае ошибки или сбоя интеллектуальной системы, повлекшей вред пациенту. В стандартных условиях ответственность за диагностические и лечебные решения несет врач или медицинская организация. Использование алгоритма искусственного интеллекта размывает причинно-следственную связь: ошибка может быть вызвана некорректной работой программы.

С одной стороны, врач не должен полностью полагаться на подсказки искусственного интеллекта и обязан критически оценивать их, с другой – разработчики и поставщики интеллектуального продукта должны нести долю ответственности за качество алгоритма.

В действующем законодательстве отсутствуют нормы о распределении ответственности между медицинским работником (исполнителем услуги) и разработчиком (производителем) интеллектуальной системы. Это создает «зону неопределенности», которая может приводить к юридическим коллизиям. Существует риск так называемой «безликой ответственности», когда ни один субъект не признается прямо виновным.

Более того, как отмечает А.А. Шутова, существующий правовой механизм может вызывать у медицинских организаций опасения применять искусственный интеллект из-за страха привлечения к административной, а у сотрудников – к уголовной ответственности [2, с. 96]. Подобная ситуация тормозит внедрение инноваций.

Таким образом, требуется нормативно закрепить распределение рисков: либо через введение презумпции ответственности разработчика при доказанном дефекте алгоритма, либо через специальные условия освобождения врача от ответственности при добросовестном использовании сертифицированной интеллектуальной системы. Пока этого не

сделано, правоприменение будет опираться на общие нормы, которые могут оказаться неадаптированными к новым реалиям (например, предъявление претензий врачу за неверный диагноз, где реальную ошибку допустил алгоритм).

Недостатки механизмов контроля качества и безопасности искусственного интеллекта

Действующие процедуры оценки медицинских изделий (включая программные) во многом разрабатывались для традиционных, статичных по своим свойствам изделий. Алгоритмы машинного обучения могут изменяться со временем (при дополнительном обучении с учетом новых данных) и вести себя непредсказуемо вне заложенных сценариев.

Законодательство пока не содержит специальных требований к алгоритмической прозрачности, валидации данных и мониторингу эффективности интеллектуальных систем после их внедрения.

Первым прецедентом стала ситуация в 2023 г.: Росздравнадзор приостановил применение одного из уже зарегистрированных интеллектуальных сервисов для диагностики (системы *Botkin.AI*) из-за неоднократных сбоев и отсутствия заявленного клинического эффекта [3]. Это показало необходимость пострегистрационного надзора за работой интеллектуальных алгоритмов в реальных условиях.

Тем не менее, пока такой надзор носит реактивный характер, в связи с чем нужны проактивные механизмы:

– обязательная периодическая переоценка интеллектуальных систем, особенно самообучающихся, на предмет безопасности;

– требования по раскрытию разработчиком методик и данных обучения (в разумных пределах, без ущерба для коммерческой тайны);

– независимое тестирование на эталонных наборах данных.

Отсутствие требований к валидации данных и контролю качества алгоритмов на уровне регламента чревато проникновением на рынок потенциально неэффективных либо опасных решений. Разработанные стандарты (ГОСТы) пока носят добровольный характер.

Таким образом, существует пробел между быстрым техническим прогрессом и возможностями регулятора обеспечить должный контроль.

Проблемы конфиденциальности и правового режима медицинских данных

Для обучения моделей искусственного интеллекта требуются большие объемы данных о пациентах, часто представляющие персональные данные специальной категории (состояние здоровья). Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4] строго регулирует обращение таких сведений: как правило, нужно явное согласие субъекта либо данные должны быть обезличены до степени, исключающей идентификацию.

Пилотный проект 2020 г. в Москве показал возможность использования обезличенных данных без согласия субъекта [5], однако этот подход носит ограниченный характер эксперимента. В общероссийском масштабе до сих пор нет отдельной нормы, допускающей использование больших массивов медицинских данных в научно-исследовательских или аналитических целях без индивидуального согласия – даже если данные деперсонифицированы. Это существенно затрудняет разработку и улучшение медицинских интеллектуальных систем, поскольку получение согласия от миллионов пациентов практически невыполнимо.

С другой стороны, чрезмерное ослабление режима конфиденциальности чревато злоупотреблениями и нарушением прав на приватность. Найти баланс между доступностью данных для инноваций и защитой персональных данных – серьезный вызов.

Пока в законодательстве отсутствует механизм «управляемого доступа» к большим медицинским данным: например, через доверенные хранилища (*data trust*) или через специальные разрешительные процедуры. Кроме того, права пациентов на информацию об использовании их обезличенных данных не оформлены должным образом.

Исходя из указанного, правовая неопределенность приводит либо к риску нарушить закон при обучении искусственного интеллекта, либо к затруднениям в получении необходимых данных. Требуется внесение изменений в законодательство о персональных данных, чтобы легитимировать использование больших обезличенных медицинских данных в интересах развития искусственного интеллекта при условии соблюдения строгих мер защиты.

Информационная безопасность и защита данных при использовании искусственного интеллекта в медицине

Вопросы информационной безопасности занимают центральное место при правовом регулировании интеллектуальных систем, обрабатывающих медицинские данные. Медицинская информация традиционно отнесена к числу особо чувствительных: закон накладывает строгие требования на ее хранение, передачу и использование. С внедрением искусственного интеллекта происходит усложнение ландшафта угроз – помимо классических рисков несанкционированного доступа или утечки, добавляются специфические риски, связанные с работой алгоритмов. Необходимо разграничить два аспекта: защиту персональных данных пациентов и кибербезопасность самих интеллектуальных систем.

Защита персональных данных в контексте разрешения проблемы применения искусственного интеллекта в медицинской деятельности

Любая система искусственного интеллекта в медицине обучается и функционирует на основе ме-

дицинских данных, которые могут содержать персональную информацию о состоянии здоровья, диагнозах, результатах обследований и т.п. Положениями ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» такие сведения отнесены к специальной категории персональных данных, обрабатываемых лишь с согласия субъекта или на основании отдельного закона. Как отмечено выше, экспериментальным путем был опробован подход с обезличиванием данных и их использованием без согласия (в Москве). Этот опыт показал, что при надлежащей деперсонификации можно обеспечить баланс интересов: с одной стороны, обезличенные данные уже не позволяют идентифицировать личность, с другой – сохраняют научную ценность для обучения моделей. Однако пока нет постоянных правил, распространяющих такой подход на всю страну.

Представляется необходимым на уровне федерального закона закрепить режим, при котором обезличенные в установленном порядке медицинские данные могут использоваться в научно-исследовательских и статистических целях (в том числе для разработки искусственного интеллекта) без получения индивидуального согласия пациентов.

Обязательным условием должно быть соответствие методике обезличивания, сертифицированной уполномоченным органом (в РФ такой методикой фактически является алгоритм, утвержденный приказом Минздрава № 341н [6]). Кроме того, целесообразно ввести для разработчиков обязанность использовать данные только в заявленных целях. Положительным примером является рекомендация Минздрава России, изложенная в письме № 18-6/И/2-471 от 16.01.2024 г.: использование медицинских данных, предоставляемых для работы интеллектуального сервиса, не допускается для иных целей, кроме как для функционирования самого медизделия, его дополнительного обучения или настройки.

Иными словами, данные пациентов, переданные интеллектуальной системе, не могут произвольно накапливаться разработчиком или третьими лицами и применяться вне контекста оказания медицинской помощи. Включение подобных норм в обязательные требования (например, в лицензии на софт или договоры) повысит уровень защиты конфиденциальности.

Также возможна реализация принципа минимизации данных: интеллектуальной системе должны передаваться только те сведения о пациенте, которые необходимы для выполнения конкретной задачи (диагноз, анализ снимка и т.п.), без избыточной информации. Для контроля за соблюдением этого принципа регулятору следует выработать методические указания.

С точки зрения пациентов важно обеспечить право на информированность: человек должен знать, что его (пусть даже обезличенные) данные могут использоваться в обучении алгоритмов, и иметь гарантии, что эти данные надежно защищены. Законодательство об охране здоровья пока не предусматривает обязанности медицинских организаций информировать пациентов о применении искусственного интеллекта, но в перспективе введение такой нормы выглядит оправданным – это повысит доверие и прозрачность.

В заключении следует отметить, что правовое регулирование в сфере защиты данных и инфобезопасности при внедрении искусственного интеллекта в медицине находится в стадии становления. Существующие нормы о персональных данных и о безопасности информационных систем должны быть уточнены применительно к интеллектуальным системам. Задача государства – создать условия, при которых инновации на основе искусственного интеллекта могут развиваться без ущерба для прав граждан на неприкосновенность частной жизни и при гарантированной надежности технологических решений.

Для успешной и эффективной интеграции искусственного интеллекта в медицину необходимо продолжить совершенствование законодательства.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. Шутова А.А. Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. №3 (38). С. 92–100.
3. Росздравнадзор приостановил использование системы с ИИ в клиниках. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/11/21/1006805-kommersant-roszdravnadzor
4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

5. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. №17. Ст. 2701.
6. Приказ Минздрава России от 14.06.2018 г. № 341н №Об утверждении Порядка обезличивания сведений о лицах, которым оказывается медицинская помощь, а также о лицах, в отношении которых проводятся медицинские экспертизы, медицинские осмотры и медицинские освидетельствования» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.08.2018 г. №51822) // СПС КонсультантПлюс.

Problematic Aspects of the Use of Artificial Intelligence in Medical Practice

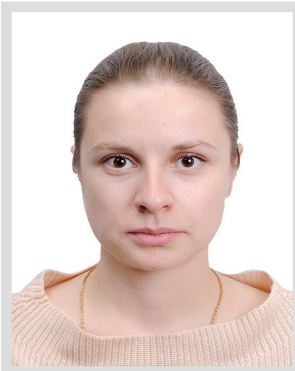
Volchenko A.V.
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin
Kogteva A.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Timokhina G.V.
Law Institute of Belgorod State National Research University

The development of artificial intelligence technologies in healthcare is accompanied by the emergence of new legal challenges related to security, responsibility, data protection and compliance with ethical standards. The lack of a coherent regulatory framework, fragmented regulation, and weak regulation of liability for errors in intelligent systems pose risks to patients and hinder the effective integration of artificial intelligence into clinical practice. The aim of the work is to identify problematic aspects of the legal regulation of the use of artificial intelligence in medical practice and to develop proposals for their elimination. The practical significance lies in the development of specific recommendations for regulating the turnover of medical intelligent systems, distributing the responsibility of participants, protecting medical data and ensuring information security. Significant gaps have been found in the regulation of the protection of personal medical data in the training and operation of intelligent systems. It is concluded that it is necessary to create a comprehensive legislative act or include special norms in existing laws on healthcare and personal data, develop quality and safety standards for medical intelligent systems. The study forms the basis for further legislative work in this area, focused on a balance between the development of innovation and the protection of patients' rights.

Keywords: artificial intelligence, healthcare, medical activity, legal regulation, information security, personal data

УДК 316.35.44.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-414-419

Трансформация роли женщины в российском обществе: соотношение традиционного и инновационного в период XIX–XXI вв.

Горчакова Д.С.
Кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Москва)

Кокошина З.А.
Научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Москва)

В данной статье проведен анализ, который должен обеспечить возможность экспертной оценки отдельных тенденций и явлений в российском социуме на фоне общей картины его трансформации, дать понимание системного характера происходящих изменений и сделать возможным учет их потенциальных социальных последствий. В частности, авторами совершен исторический экскурс с целью исследования динамики трансформации роли женщины в российском обществе, её традиционных задач и современных вызовов. Рассмотрены стадии формирования и эволюции профессиональных приоритетов женщин в период с конца XIX в. до 20-х гг. XXI в. Также проанализирована трансформация роли женщины в социуме и последующие изменения в её сознании. Освещен ряд проблем, с которыми вынуждены ежедневно сталкиваться современные женщины. Выявлено, что оптимальным решением данных проблем для женщины в современном российском обществе является получение государственной поддержки и соблюдение грамотного баланса между её традиционными и современными функциями. Современная российская женщина справляется с большим количеством самых разнообразных задач. Несмотря на успешное их решение и свою многофункциональность, российская женщина тяготеет не к современным тенденциям, а к выполнению традиционных ролей. Исследование, проведенное авторами статьи, актуально, поскольку на сегодняшний день в российском обществе наблюдается актуализация традиционных ценностей.

Ключевые слова: *Россия, женщины, трансформация женской роли, российское общество, гендерные роли, традиционные и современные ценности, социальная реальность*

Для цитирования: *Горчакова Д.С., Кокошина З.А. Трансформация роли женщины в российском обществе: соотношение традиционного и инновационного в период XIX–XXI вв. // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 414–419. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-414-419.*

В данной работе рассматривается трансформация роли женщины в российском обществе в период с конца XIX в. до наших дней. Актуальность данного исследования обоснована целесообразностью социального анализа гендерных отношений в современной российской семье, отражающих трансформацию в обществе.

На протяжении всей российской истории роль женщины в обществе не претерпевала существенных изменений. За редкими исключениями ей отводилась роль жены, дочери и матери. В начале XX в., после Октябрьской Революции 1917 г., ситуация коренным образом изменилась – выстраивая свою государственную политику, советская власть создавала новые культурные традиции, связанные в том числе с ролью женщин в обществе [1, с. 35]. Данные традиции кардинально отличались от существовавших в Российской империи. Теперь женщины не были обязаны заниматься исключительно домом и семьей – они получили право принимать участие в общественно-политической жизни, голосовать на выборах и работать наравне с мужчинами. Вследствие упрощения процедуры развода женщины могли расставаться с мужьями, если их что-либо не устраивало в браке.

В советском государстве сформировался образ женщины-работницы, женщины-политического деятеля. Кроме того, в обязанности женщины вменялось рождение и воспитание достойного гражданина Советского Союза.

За все время существования СССР и вплоть до нашего времени роль женщины в российском обществе не подверглась существенным трансформациям.

Оценка роли женщины через историческую призму: от дореволюционного периода до современной Российской Федерации

Уклад в российских семьях до Революции 1917 г. был исключительно патриархальным – главенствующую роль в них занимал мужчина, на нём лежала обязанность управления семьей. Женщина была обязана во всем слушаться мужа и выполнять роль жены, матери и домохозяйки. Женщины не имели права работать, а также получать высшее образование.

По мнению государственного деятеля и идеолога консервативных контрреформ 1880–1890-х гг. К.П. Победоносцева, женщины и всё, что с ними связано, попадали в «приватную сферу» и «обладали качествами, не совместимыми с теми, которые требовались в сфере публичной» [2, с. 70].

В первые годы своего существования советская власть стремилась подвергнуть кардинальным изменениям основы традиционной семьи, как «пережитка прошлого». Так, в 1917 г. вышел Декрет Совета Народных Комиссаров «О расторжении брака» от 16 декабря 1917 г., в соответствии с которым (п. 1 данного документа) «брак расторгался вследствие просьбы о том обоих супругов или, хотя бы, одного из них» [3, с. 237]. До Революции изучение всех деталей бракоразводного процесса церковным судом занимало длительное время и «делало развод даже по обоюдному согласию супругов делом практически невозможным» [4, с. 116]. После реализации Декрета «О расторжении брака» от 16 декабря 1917 года было зарегистрировано «взрывное количество разводов» [4, с. 116]. Помимо вышеупомянутого законодательного акта были созданы Декрет Совета Народных Комиссаров «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. и Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г.

Согласно второму Декрету, Российская Республика признавала только браки, зарегистрированные «в отделе записей браков при городской (районной, уездной или волостной земской управе)» [5, с. 247]. Также в документе говорилось о том, что заключение церковного брака «является частным делом брачующихся» [5, с. 247], то есть, необязательным.

В соответствии с Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г., с гл. 1, п. 1, «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записей актов гражданского состояния» [6]. Таким образом, Православная Церковь отстранялась от ведения данных актов.

Первые годы Советской России (1920-е гг.) обладали собственной спецификой и, вне всяких сомнений, коренным образом изменили положение женщины в российском обществе.

Концепция новой роли женщины в российском обществе А.М. Коллонтай являлась прогрессивной и, безусловно, разрушала устои патриархального общества [7, с. 70]. В своей книге «Новая мораль и рабочий класс», сравнивая положение женщин до и после Октябрьской Революции, Коллонтай пишет о том, что «прежняя женщина совершенно не умела ценить личной самостоятельности» [8, с. 22]. По её мнению, «для женщины прошлого высшим горем являлась измена и потеря любимого человека», в то время как для новой женщины, трагедией был отказ от «самой себя, отказ от своего "я" в угоду любимому, ради сохранения любовного счастия» [8, с. 26].

С точки зрения марксистов, равенство мужчин и женщин должно было достигаться «сходством» последних (решение так называемого вопроса «сходства-различия»). Для достижения «сходства» мужчин и женщин Коллонтай принимала активное участие в продвижении политики «социализации быта» [9, с. 83]. В соответствии с данной политикой государство освобождало женщину от необходимости ведения домашнего хозяйства, полностью брало на себя роль воспитателя детей и, таким образом, предоставляло «экономическую независимость» для того, чтобы женщина могла «стать полноправным членом нового общества» [10].

В 1930-х гг. отношение к женщине в СССР снова претерпевает изменения – советская женщина не только труженица, работающая наравне с мужчиной, но также жена и мать. Она «должна быть не только передовой работницей (параллельно с поощрением

достижения женщинами "неженских" стахановских рекордов), но и любящей заботливой женой и прекрасной матерью-домохозяйкой» [7, с. 72]. Аборты запрещают, а бракоразводный процесс становится длительным и дорогостоящим [7]. В советском обществе воспевается образ женщины-матери.

Во время Великой Отечественной войны женщины вместе с мужчинами вставали на защиту страны – призванные в Красную армию, Военно-Морской Флот, Военно-воздушные силы и в войска НКВД в боевые и небоевые войска. Светские женщины «принимали самое непосредственное и деятельное участие в изгнании оккупантов с советской земли и в полном их разгроме» [11]. В этот период женщина являлась защитницей Отечества и соратницей мужчины на войне.

В годы Великой Отечественной войны, советские женщины призывались в армию и несли службу во многих войсках. В противоположность предыдущим войнам, желание женщин защищать свою страну поощрялось государством. В соответствии с «Законом о воинской повинности» от 01.09.1939 г., ст. 13 «Народным Комиссарам Обороны и Военно-Морского Флота предоставляется право брать на учет и принимать на службу в Армию и Флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку, а также привлекать их на учебные сборы» [12].

Так, женщины были снайперами, летчицами, танкистами, зенитчицами, пулеметчицами, диверсантами. Помимо этого, в годы войны женщины несли службу в небоевых войсках – инженерных, железнодорожных, разведывательных, в автомобильных, частях и подразделениях связи – то есть в специальных войсках боевого обеспечения, а также в войсках тылового обслуживания и обеспечения, например, в военно-медицинских [13, с. 203]. Одни женщины проходили подготовку через систему Всеобщего военного обучения, другие получали военную специальность в военных училищах, где обучение проходило по сокращенным срокам – в 6–8 месяцев». Тех женщин, у которых «был боевой стаж или тех, кто приобрел военную специальность на курсах, в первую очередь зачисляли в вооруженные силы» [13]. Несмотря на то что служба как в боевых, так и не в боевых войсках была сопряжена с колоссальным риском для жизни и здоровья (физического и психологического), женщины справлялись с возложенными на них обязанностями, проявляя мужество и героизм. В газете «Правда» от 08.03.1943 г. (№ 65) было напечатано: «Советский народ с гордостью может заявить: никогда еще во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите своей Родины, как в дни Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков» [14].

По окончании войны и периода, во время которого было необходимо полностью восстанавливать народное хозяйство, жизнь постепенно приходила в норму. В период с 1960-х гг. – начала 1980-х гг. в СССР женщины «массово заняты в общественном производстве» [15, с. 269]. Данное явление объясняется тем, что: а) «женщина-соратница мужчины по борьбе была предметом гордости и одним из символов СССР» [16, с. 47]; б) мужское население сильно сократилось во время Великой Отечественной войны; в) «производственная деятельность уже превратилась в каждодневную практику, вошла в ценностные ориентации советских женщин» [16, с. 47].

Росло количество женщин, получивших среднее и высшее образование. Женщины осваивали те профессии, которые ранее считались чисто мужскими – они были заняты в легкой и тяжелой промышленности, в строительстве, в сельском хозяйстве. Трансформацию претерпело и отношение женщин к браку и семье. Советские женщины 1960-х гг. – 1980-х гг. стремились одновременно к профессиональному росту на работе и соблюдению интересов своей семьи, увеличивая, таким образом, в глазах общества свой авторитет [15, с. 269].

В 1970-х–1980-х гг. женщина приобретает больше независимости в семейной и личной жизни и может планировать ее самостоятельно, не опасаясь критики со стороны социума. Так, разведенная женщина может заниматься воспитанием своих детей самостоятельно, а незамужняя девушка стремится в первую очередь получить образование и стать самодостаточной личностью [17, с. 11]. Количество разводов в этот период возрастает, поскольку женщина становится более независима от мужа материально и проблема жилья не стоит так остро. Залогом гармоничной семейной жизни считаются хорошие личные отношения между супругами и налаженный быт [17, с. 11]. В обществе менялся взгляд на то, какой должна быть семья – на место жестко очерченных для мужа, жены и детей рамок – «пришло более гибкое, менее авторитарное распределение обязанностей, в том числе, и руководителя и организатора жизни семьи» [15, с. 269].

Трансформация роли женщины в социуме и последующие изменения в её сознании

Многовековая трансформация роли женщины в российском обществе – это многогранный процесс, затрагивающий исторические, культурные, экономические и психологические аспекты. Поскольку данная исследуемая проблема имеет довольно широкое значение, рассмотрим в ней основные ключевые моменты.

Требования социума к современной женщине часто противоречат друг другу. От женщины требуется одновременно соответствовать традиционным и современным установкам. Это создает внутренний конфликт и давление, поскольку общество поощряет противоположные модели поведения [18, с. 163].

Как правило, общество ожидает от женщины традиционного женского поведения: скромности, эмоциональности, уступчивости, а также ориентации на потребности других. Ожидается, что она будет заботливой матерью, хорошей женой и хранительницей домашнего очага. Помимо этого, предполагается, что женщина должна стремиться быть привлекательной.

С другой стороны, современное общество требует от женщины самореализации в работе (то есть быть «успешной и независимой» [19]): умения продвигаться по карьерной лестнице, быть амбициозной, конкурентоспособной и финансово независимой. Также приветствуется свобода выбора, а именно: право на отказ от брака (в т.ч. детей), сексуальную и профессиональную самореализацию. Помимо этого, стремление женщины к независимости вынуждает её всё чаще ставить на первое место собственные цели, а не семейные.

Вследствие этого на женщину ложится двойная нагрузка: ожидание того, что женщина будет успешной в карьере и идеальной в семье. Таким образом, реализуя себя как жена, мать и домохозяйка, она отказывается от самореализации в карьере, а продвигаясь по карьерной лестнице, женщина мало времени уделяет семье либо вообще лишена таковой.

Таким образом, женщина сталкивается с внутренним конфликтом – она испытывает чувство вины за несоответствие традиционным и современным стандартам.

В условиях глобальных трансформаций (политических, технологических, культурных), вопросы, связанные с ролью женщин, гендерной идентичностью, пересмотром норм и ценностей, а также их столкновением с традиционными культурными кодами, становятся источниками социальной напряжённости.

Современная женщина активно стремится к саморазвитию – у неё есть собственные увлечения, стремление к нормализации взаимоотношений с окружающими людьми, здоровому образу жизни.

На сегодняшний день с развитием цифровых технологий как позитивное, так и негативное воздействие на самооценку женщин в российском обществе оказывают социальные сети. В частности, в социальных сетях блогеры публикуют многочисленные видео, в которых активно внедряется так называемая «культура успеха» [20, с. 104] и новые возможности для солидарности («фем-сообщества» [21, с. 45]).

Современное российское общество тяготеет к традиционным ценностям. На заседании Совета Безопасности Российской Федерации Президент Российской Федерации В.В. Путин следующим образом подчеркнул, что «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий» [22]. Он также отметил, что данные ценности лежат «в основе нашей цивилизации и идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру, суверенное мировоззрение, устойчивое к попыткам навязать нам чужую волю» [22].

В своем интервью для программы «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия 1» Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о том, что «если мы не будем опираться на наши традиционные ценности, то нас просто не будет. Просто Россия утратит свою идентичность» [23].

По данным ВЦИОМ от 30 ноября 2023 г. были представлены результаты опроса россиян «о жизненных целях и ориентирах» [24]. В соответствии с данными результатами «для восьми из десяти россиян важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (81 %)» [24].

Что характерно, «женщины также чаще мужчин считают необходимым сохранить традиционные, моральные, национальные и религиозные ценности (87 % vs. 74 %)» [24]. Большинство российских женщин совмещают семью и работу, но приоритетом для них являются семейные ценности [25].

Необходимо отметить, что прошлый 2024 г. был объявлен в России Годом семьи. На протяжении всего 2024 г. государством организовывались мероприятия, поддерживающие семейные ценности. Крепкая идеальная семья в представлении россиян – традиционная семья [25].

Государство со своей стороны издало ряд федеральных законов и указов, среди которых необходимо выделить: Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» [26], Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» [27] и Постановление от 25.01.2025 г. № 46 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2007 г. № 862» [28] о материнском капитале.

Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «такие ценности, определяющие для нас, – это единство народов России, приверженность правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям. Это взаимопомощь и стремление добиваться не только личного благополучия, а успеха всей страны. И конечно, это патриотизм, преданность Родине» [22].

Таким образом, трансформация роли женщины в современном социуме – это переход от предписанных ролей к свободе выбора, но с новыми вызовами. Меняется не только социальное положение женщины, но и коллективное восприятие гендерных ролей.

Для современной женщины наиболее приемлемым становится отказ от перфекционизма – явления, которое стало распространённым в обществе и создает дополнительные препятствия для безболез-

ненной трансформации от традиционных ценностей к современным. Проблема в том, что невозможно соответствовать всем ожиданиям одновременно.

Чтобы решить проблему «мужественности» женщины, необходимо определить критерии «женственности». Понятие женственности может одновременно включать в себя мягкость и амбициозность, эмоциональность и рациональность.

Требуется поддержка женщины, а не критика в праве их выбора – важно избегать осуждения других женщин за их выбор (например, «война» матерей vs. чайлдфри). Этот конфликт отражает трансформацию гендерных ролей в обществе, и его смягчение требует времени, гибкости и отказа от жестких стереотипов.

Необходимо пересмотреть экономический фактор в жизни российской женщины – доступ к образованию и карьере повышает её автономность, но неравенство в оплате труда и «стеклянный потолок» сохраняются [29]. Например, в условиях кризисов (войны, миграция) женщины часто становятся «буфером» – берут на себя груз выживания семьи, но их права при этом игнорируются.

Экономические потрясения сильнее бьют по женщинам (неравная оплата труда, уход за детьми и стариками без социальной поддержки). Адаптируясь к современным реалиям, женщина вынуждена профессионально и оперативно реагировать на вызовы, с которыми она сталкивается.

Таким образом, можно сказать, что залогом успешной реализации современной российской женщины в семье и карьере является продуманное комбинирование обеих сфер деятельности, соблюдение грамотного баланса между традиционными и современными функциями.

Литература

1. Мирошниченко М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 35–42.
2. Козлова Н.Н. Гендерные аспекты социально-политических взглядов К.П. Победоносцева. Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 69–75.
3. Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака 17 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во полит. литературы. 1957. С. 237–240. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9057#mode/inspect/page/253/zoom/6
4. Иерей Ремнёв А.А. Формирование взгляда государства в первые годы советской власти // Вестник Омской православной семинарии. 2019. № 1. (6). С. 115–126.
5. 18 (31) декабря. Декрет о гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. Изд-во полит. литературы. 1957. С. 247–249. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9057#mode/inspect/page/263/zoom/6
6. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. // Сайт НИУ ВШЭ. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_18?ysclid=mb9dycvu8j479824255
7. Старуш М.В. «Женский вопрос» без ответа: эволюция проблемы в Советской России в 1920-1930-е гг. // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 4. С. 70–72.
8. Коллонтай А.П. Новая мораль и рабочий класс // Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов. М., 1919. 60 с.
9. Юкина И.И. На пути к марксистскому феминизму. Деятельность Александры Коллонтай // Социология науки и технологий. 2014. Т.5. № 2. С. 81–92.
10. Красильникова А.В. Семейная политика в работах А.М. Коллонтай // nauka.me. 2019. № 2. URL: https://nauka.me/s241328880006304-8-1/
11. Елисеева М. Сила слабых: женщины на Великой Отечественной войне // Сайт Министерства Обороны. URL: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/252043/
12. Союз Советских Социалистических Республик. Закон о воинской повинности // Контур Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=80250
13. Барсукова Н.В. Наравне с мужчинами: женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной Войны // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 2. Вып. 4. С. 203–206.
14. Архив газеты «Правда» № 65 (9201) от 07.03.1943 г. URL: https://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/04/Правда-№65-от-7.03.1943.pdf
15. Мищенко Т.А. Динамика социальных ролей трудящейся женщины СССР как фактор трансформации семейного лидерства (1960-е – начало 1980-х гг) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 269–278.
16. Виниченко И.В., Днепровская А.А., Рыженко В.Г. Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины в пе-

риод «оттепели» // Тамбов: Грамота. 2011. № 7 (13). Ч. 2. С. 46–50.
17. Теплякова А.В. Идеальный семейный портрет женщины в советской прессе в 60-80-е годы XX века // Научный журнал «GLOBUS»: Гуманитарные науки. 2011. Т. 7. № 1 (35). С. 6–11.
18. Толок Е.С. Место и роль женщины в современном российском обществе // Манускрипт: Грамота. Тамбов. 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 163–165.
19. Синарева Ю. Сильная женщина – быть ею или не быть? // Forbes.ru. URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman-column/psihologiya/84075-silnaya-zhenshchina-byt-eyu-ili-ne-byt
20. Галюк А.Д. Культурная обусловленность стремления человека к жизненному успеху // Дискуссия. 2014. № 8 (49). С. 104–108.
21. Белокрылова М.А., Лазарев С.А. Феминизм как мировой коммерческий тренд // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 4. С. 43–49.
22. Заседание Совета Безопасности Российской Федерации // Сайт Президента России. 2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160
23. Путин рассказал, почему России нужны традиционные ценности // РИА Новости. 2025. URL: https://ria.ru/20250615/putin-2022951966.html
24. Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi
25. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei
26. Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001
27. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с измен. и доп.) // СПС Гарант.
28. Правительство закрепило новую возможность использования маткапитала для улучшения жилищных условий // Сайт Правительства России. 2025. URL: http://government.ru/docs/54069/#
29. Каленкова А. Стеклянный потолок: что это и как он влияет на карьеру женщин // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6407102b9a7947d598f06a60

Women Role Transformation in Russian Society: Relation between Traditional and Innovative in the XIX-XXI Centuries

Gorchakova D.S., Kokoshina Z.A.
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

This article contains an analysis that should provide the opportunity for an expert assessment of individual trends and phenomena in Russian society against the background of its transformation overall picture, provide an understanding of the systemic nature of changes taking place and make it possible to take into account their potential social consequences.

In particular, the authors made a historical excursion with the aim of women role transformation dynamic studying in Russian society, their traditional tasks and modern challenges. The formation stages and evolution of women's professional priorities are examined in the period from the end of the 19th century to the 20s of the 21st century. The women role transformation in society and subsequent changes in their consciousness are also analyzed. A number of problems modern women are forced to face on a daily basis are highlighted. It has been revealed the optimal solution for women in modern Russian society to accept state support and maintain a proper balance between her traditional and modern functions. Modern Russian woman copes with a large number of very diverse tasks. Despite the successful solution and multifunctionality, Russian women are not drawn to modern trends, but to the traditional role fulfillment. Since there is an actualization of traditional values in Russian society, the study conducted by the authors is relevant.

Keywords: Russia, women, female role transformation, Russian society, gender roles, traditional and modern values, social reality

УДК 008, 330.1, 330.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-420-426

Феномен культуры в XXI в.: социально-экономический опыт осмысления

Гречко М.В.
Кандидат экономических наук,
доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Плешивцева А.А.
Кандидат экономических наук,
доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Представленный текст посвящен исследованию, систематизации и интеграции экономических знаний в контексте социально-экономического опыта осмысления роли и значения в XXI в. Авторы полагают, что культурному фактору принадлежит важнейшая роль, в построении адекватного ответа на стоящий сейчас перед нашей страной цивилизационный вызов – «вход» в современность и поиск консенсусных ценностей, не являющихся предметом политического торга и спекуляций. Являясь метакатегорией, культура онтологически обладает внутренним напряжением вследствие диалектического единства двух своих начал: консервативного (обращенного к прошлому) и творческого (обращенного к будущему). В тексте приведены аргументы о том, что именно культурный феномен, преодолевая отношения отчуждения путем овеществления воспроизводимого культурного феномена в процессе социального творчества, способен способствовать переходу от репродуктивного к творческому труду. Расширенное воспроизводство культурного феномена может быть реализовано только с учетом специфики конкретных общественных отношений в рамках соответствующих институций. В качестве последних могут выступать т.н. креативные индустрии, как некая система, объединяющим компонентом которой является творческая составляющая, которые наряду с цифровыми платформами составляют каркас экономики XXI в. Представляется, что сейчас креативные индустрии способны функционально решить проблему формального освобождения труда. Таким образом, мы неизбежно получим новое качество общественной жизни и уровень развития общества, в котором решающее значение приобретают творческий труд, знания и культура.

Ключевые слова: *культура, экономика, развитие, эволюция, творческий труд, отчуждение, креативные индустрии*

Для цитирования: *Гречко М.В., Плешивцева А.А. Феномен культуры в XXI в.: социально-экономический опыт осмысления // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 420–426. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-420-426.*

В современных социально-экономических реалиях как никогда остро стоят вопросы содержательной детерминации и качественного переосмысления как абсолютно новых феноменов и категорий, так и уже устоявшихся, известных ранее. Одним из таких феноменов является культура (культурный фактор).

Уже очевидно, что исторические перспективы развития национальных макросистем напрямую обусловлены влиянием культуры. Культурному фактору принадлежит важнейшая роль в построении адекватного ответа на стоящий сейчас перед нашей страной цивилизационный вызов – «вход» в современность и поиск консенсусных ценностей, не являющихся предметом политического торга и спекуляций.

Последнее десятилетие в нашей стране наблюдается консервативный поворот в сторону ценностей семьи, суверенности, традиционных ценностей, отражающих культурную идентичность народа. Приведенные авторами аргументы выпукло свидетельствуют об актуальности заявленной исследовательской проблемы, требующей всесторонней проработки и конкретизации.

Культурный фактор в экономике: содержательная детерминация и эволюция

Переход к конструктивной части исследования обуславливает необходимость приведения соответствующих комментариев к представлению гносеологического поля анализа. В философии существует известная максима, именуемая «бритвой У. Оккамы», суть которой состоит в том, чтобы не воспроизводить чрезмерно число сущностей сверх необходимого для объяснения соответствующего феномена. В этой связи для исследования детерминации культурного фактора и перспектив в экономике XXI в., необходимо произвести содержательное определение используемых категорий и феноменов. Таковыми в границах представленного текста выступают феномен «культура», а также «экономика XXI в.», в границах которой данный феномен существует и воспроизводится.

Переходя к понятийной детерминации феномена «культура», попутно отметим, что сегодня в научном поле экономическая модель XXI в. представляет собой макрообъект, который историчен и имеет конкретные пространственно-временные границы[1], а также соответствующие формы воплощения. В основе ее структуры находятся соответствующим образом организованные производительные силы и производственные отношения, составляющие базис [2].

Введение в научный оборот феномена «культура» в контексте исследования экономической динамики причин формирования богатства наций в ретроспективе следует отнести к XVIII веку и работам классиков политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо и др. [3]). А. Смит впервые в экономической науке вводит в научный оборот концепцию *homo economicus* – «человека экономического». В своих теоретических построениях он основывался на заделе философов-политэкономов (Дж. Локк, Д. Юм), исследующих природу рационального, производящего человека. Именно *человек производящий* (*homo faber*) у А. Смита есть причина богатства народов. Что касается Д. Рикардо, то у него социальное содержание «человека экономического» существенно разрастается до масштаба целого класса – буржуазии.

В XIX в. К. Маркс [1], формируя контуры исторического развития, говорит о роли творческого труда как инструмента перехода от мира отчуждения и эксплуатации[2] к миру, где основная ценность – человек. Основным мегатрендом развития человека будущего, по мнению Маркса, является всестороннее развитие творческой личности (*homo creator*), посредством активной трудовой деятельности, являющейся главной движущей силой этого процесса на пути к «царству свободы». Таким образом, homo creator есть в каждом, однако господствующая система общественных отношений в рамках рыночного капитализма его уничтожает. Человек становится функцией капитала – наемный работник как «превращенная» форма человеческого капитала. Тем самым *способность к творчеству отчуждена от субъекта*.

Развитие идей классиков политической экономии касаемо роли и значения культурного феномена в эволюционной динамике научной мысли находит свое дальнейшее преломление и развитие в работах Дж.С. Миля [4], К. Менгера [5], Т. Веблена [6] и др.

В конце XX в., по мере дальнейшего развития инструментария неоклассической экономики, в научном поле появляются работы, посвященные исследованию влияния культурного контекста на развитие экономики (Дж. Уоллис, Дж. М. Кейнс, Л. Роббинс, А. Пикок, С. Бастен [7], Дж. К. Гэлбрейт, У. Баумоль, Д. Аджемоглу, Д. Родрик [8], К. Боулдинг и др.).

Корни культурной экономики следует искать в первых работах Дж. К. Гэлбрейта по экономике

[1] Справка: отметим, в философии категория «пространство» содержательно характеризует прежде всего наличие места, в котором существуют (сосуществуют) «вещи» (объекты, предметы) и явления. Соответственно, экономическая система существует только в определенном пространстве. Кроме того, экономические системы, являясь макрообъектами историчны и конкретны (принцип историзма), т.е. существует только конкретная качественно определенная система (например, доиндустриальная, индустриальная и т.д.). Так, генезис индустриального капитализма и его последующее развитие происходит в соответствующих пространственных границах – на территории Европы. К. Маркс в Т. 1 «Капитала» [1], описал генетически всеобщие характеристики капитализма вообще, показал его родовые черты, опираясь на современный (ему) индустриальный капитализм в Англии.

[2] Справка: именно при помощи категорий «отчуждение» и «эксплуатация» К. Маркс дает формальное представление феномена рабства и соответствующих отношений им детерминированных.

и искусству. Один из авторов «швейцарского эксперимента» С. Бастен подтвердил предположения М. Вебера о связи культурного кода экономической успешности нации с религией. С. Хантингтон обнаружил взаимосвязь между экономической модернизацией и религией. Было доказано, что развитие Юж. Кореи, помимо всего прочего, было обеспечено переходом в католичество с соответствующей культурой и ценностной догматикой. Иными словами, в рамках логики К. Маркса в Юж. Корее произошла культурная революция. Также была высказана мысль о том, что в настоящий момент времени конкуренция идеологий в мире уступила место конкуренции цивилизаций. Конкуренция цивилизаций позволяет дать пояснение, как культура детерминирует экономическое развитие (закон Р. Инглхарта). Опираясь на известную динамическую культурную карту мира Инглхарта-Вельцеля, мы можем увидеть, что *наибольшая экономическая эффективность достигается при симбиозе секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения*, где доминирует протестантство, католицизм[3] и конфуцианство.

В отечественной науке исследования о роли и значении культурного фактора в экономическом развитии отражены в работах представителей: 1) институциональной школы В.М. Полтеровича [9], А.А. Аузана [10] и 2) различных направлений марксизма Г.Н. Цаголов [11], А.В. Бузгалин [12], А.И. Колганова, М. Воейков, М.В. Гречко [13; 14] и др.

Экономика состоит не из одной какой-то парадигмы, а из нескольких школ мысли, предлагающих альтернативные или спорные способы анализа функционирования. Протеистическая природа культуры подчеркивает сложности в формальном определении данной категории (табл. 1).

Что касается применения категории «культура» в экономике, то здесь, с одной стороны, она определяется как убеждения, нравы, обычаи, ценности, которые свойственны соответствующей социальной группе или классу (например, классовая культура в СССР). С другой стороны, культура в экономике может раскрываться в функциональном аспекте, позволяя идентифицировать определенные виды хозяйственной деятельности с опорой на просвещение, искусство, творчество и т.д. Таким образом, в расширенном толковании экономика и культура с полным основанием могут рассматриваться нами как две фундаментальные движущие силы, формирующие человеческое бытие.

Отдельно следует сказать о влиянии культурного фактора на формирование ценностей. В своем гносеологическом значении ценность находится в ряду факторов-детерминант, опосредующих экономическое поведение индивидов. Сам термин «экономическое поведение» отражает содержание модели принятия решений, включающею в себя эгоистические проявления потребителей, стремящихся к максимизации собственной полезности. В экономической области ценность имеет прямое отношение к полезности, цене и стоимости, которую индивиды или рынки приписывают товарам.

Д. Тросби [17] выделяет набор ценностных характеристик, которыми обладает культурный феномен. Ценностные характеристики культурного феномена проявляются в следующих формах: аутентичная ценность (эстетическая интерпретация); духовная ценность (интерпретация в религиозном контексте); социальная ценность (вневременная связь между автором произведения и лицом которое его «потребляет»); историческая ценность (выстраивание в исторической ретроспективе взаимосвязи эпох и поколений); символическая ценность (интерпретация в смысловом контексте).

Подводя промежуточный итог сказанному, заметим, что в нашем представлении феномен культуры

Таблица 1

Качественный анализ определений феномена «культура»

Автор	Аспекты на которых концентрируется внимание исследователя
К. Маркс	Культуре, в структуре экономической системы, принадлежит роль надстройки, однако способной стать одним из конституирующих условий для перехода от т.н. «мира отчуждения» к «царству свободы»
Ж. Бодрийяр	Расположение культуры в меняющемся универсуме осязаемых и неосязаемых социальных и экономических феноменов. Подобные «симуляции» Маркс назовет «превращенными» формами, а видный представитель отечественной школы критического марксизма А.В. Бузгалин – «симулякрами»
Г. Коцци [15]	Интерпретация культуры как социального актива, включенного в производительные функции единиц трудовой эффективности
Д. Норт	Культура – как фундамент экономических процессов, что обуславливает необходимость рассмотрения «любого человеческого поведения как культурного»
В. Розен, Н. Кондаков	Зарождение всероссийского самосознания на основе феномена «национальной культуры»
А. Аузан	Культура имеет не меньшее значение для экономики, чем экономика для культуры. Культура воздействует на экономику посредством т.н. «культурных кодов» – т.е. набора ценностей и поведенческих установок

Источник: авторская разработка по: [16].

[3] Справка: по мнению некоторых исследователей (М. Снеговая) сегодня католичество воспроизводит ценностные установки на более энергичное и эффективное экономическое поведение индивидов. До Второго Ватиканского Собора (1962 – 1965 гг.) труд – это проклятие за грехи, а богатство – зазорно. После Собора – трансформировалась социальная доктрина: труд – священный, богатство – награда за правильной труд.

можно отнести к семейству т.н. *мета*категорий, что обуславливает одномоментное сосуществование ряда трактовок, позволяющих всесторонне и качественно раскрыть ее содержание. Культурные феномены насквозь пронизывают повседневную жизнь и исследуют популярную культуру с точки зрения экономических и социальных отношений в современном обществе. Вместе с тем онтологически культура обладает внутренним напряжением вследствие диалектического единства двух своих начал: консервативного (обращенного к прошлому) и творческого (обращенного к будущему).

Культура в XXI в.: модель «творческого социализма» – история и опыт России

Взятый за последние 30 лет курс на рыночные преобразования в нашей стране породил опасное смещение акцентов в сторону усиления роли в системе общественных отношений частного интереса, превращающего в унифицированные абстракции, казалось бы, далеко не рыночные категории. Сегодня подобными унифицированными абстракциями являются не только такие традиционно нерыночные сферы, как культура, но и даже отношения между людьми (отчуждении), да и сам Человек.

В условиях позднекапиталистических отношений их совокупным результатом являются массово воспроизводимые превращенные формы, знаки и смыслы. Директор Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова Л.А. Булавка-Бузгалина в своей актуальной работе [18] приводит список превратных форм общественных отношений, среди которых: симулятивная природа современного капитала, рыночный тоталитаризм в сфере культуры, фетишизация общественных правил, полярный характер развития современной действительности и т.д.

По мнению автора «теории праздного класса» Т. Веблена, мы живем в денежной культуре, воспроизводящей соответствующие ценностные установки, например т.н. демонстративное потребление. Таким образом, культура – не есть нечто заданное априори. Это одно из условий человеческой жизнедеятельности и общественного развития.

Следует сказать, что онтологически культура формируется на основе исторических противоречий, опосредованных деятельностью человека. Так, величайший российский философ Н.А. Бердяев полагал, что высшее призвание человечества состоит в т.н. «творчестве нового мира», реализуемого посредством культуры. Именно в сфере культуры, а не в экономико-политической плоскости, осуществляется реализация общественных целей и установок развития. Еще один известнейший отечественный философ И. Ильин соотносил революционные потрясения 1917 г. с проявлением кризисных явлений мировой культуры.

Явно выраженная взаимосвязь культуры, истории и человека не является случайной. Все дело в том, что культура выступает, с одной стороны, как (1) маркёр уровня духовной зрелости нации, с другой – как (2) инструмент построения классовой идеологии социалистического общества[4]. В качестве примера можно привести СССР, в котором культура получила высочайшую степень развития вне рыночных отношений в рамках социалистической модели общественного устройства. В СССР существовал особый культ труда: движение стахановцев и т.д. Соответственно, приложение к культуре чисто экономических категорий не позволяет постигнуть ее глубинный, метафизический (даже эсхатологический) смысл.

В конце XX в. была выдвинута абсолютно онтологически чуждая культуре субстанция для регулирования отношений в культурной сфере – рынок. Разрушение СССР и переход от социализма к капитализму, то есть на более низкую ступень общественного развития, обернулись для России невосполнимыми потерями, в том числе и в культурном плане.

Начался процесс культурной эрозии, результатом которого стала угроза утраты субъектности и превращения нашей страны в торгово-сырьевую зону глобального рынка. Именно в этих условиях важен вопрос поиска смысловых оснований, опираясь на которые должна будет развиваться культура современной России.

Далее представим авторские рефлексии касаемо обозначенного магистрального вопроса.

Как нам представляется, подобными смысловыми основаниями точно не могут быть ни рыночно-либеральный догматизм, ни религия, ни славянофильство. В качестве альтернативы сказанному может быть идея «творческого социализма», содержательно представляющего собой переход к повышению доли творческого труда и построению соответствующей системы, способствующей максимальному прогрессу творческих потенций ассоциированного Человека и преодолению отношений отчуждения. Отчуждение может быть снято только в процессе социального творчества, результатом которого является овеществление воспроизводимого (идеального) культурного феномена. Соответственно, инструментально востребован переход от репродуктивного к творческому труду, который создает культурный феномен и преодолевает отчуждение посредством того, что:

Во-первых, продукт творческого труда нельзя «потребить» в привычном смысле слова, его можно только распредметить. При этом распредметить продукт творческой деятельности можно только в другой творческой деятельности.

Во-вторых, культурная ценность получаемого продукта – всеобща и не ограничена в использова-

[4] Справка: отметим, что Н.А. Бердяев резко негативно относился к попыткам большевиков, придать культуре классовый характер, превратив ее в один из инструментов построения социалистического общества. Он полагал, что путем принудительного социального уравнивания невозможно развитие культуры.

нии, т.к. культурные феномены неконкурентны по своей природе.

В-третьих, творческий труд выступает как инструмент для качественного развития человека посредством разрешения диалектического противоречия, лежащего в его основе, между индивидуальным трудом личности, и всеобщим трудом всего человечества.

В основе творческого труда, характеризующего политэкономическую плоскость рассматриваемой проблемы, лежит *творчество* как воспроизводство в процессе субъект-субъектного диалога и культурной ценности. Способность к творчеству является атрибутивной чертой человека. Нам представляется, что творчество – это процесс совместного межвременного взаимодействия между всеми активными его участниками.

Нам кажется очевидным, что для существующей в настоящее время отечественной социально-экономической модели развития сделанные заявления противоречат ее онтологической сущности. Для реализации столь масштабной задачи – перехода от репродуктивного к творческому труду – требуется наличие критической массы ценностей самовыражения, способных преодолеть отчуждение, формируя при этом капитал межличностного доверия[5].

В социологическом опросе экспертного сообщества экономистов[6] проведенном НЭА в 2023 г., ответы на вопрос «*В какой стране вы предпочли бы жить?*», распределились следующим образом: 169 респондентов (22,47 %) ответили, что предпочли бы жить в богатой стране, даже если уровень социальной дифференциации будет достаточно высоким, что свидетельствует о доминировании ценностей самовыражения, свойственных для капиталистического общества. По мнению 522 респондентов (69,41 %), можно пожертвовать уровнем богатства страны, если будет решена проблема неравенства и 61 респондент (8,11 %) не определились со своей позицией. Тем самым более половины опрошенных заявляют о существующем запросе на социальную справедливость и необходимость построения социально ориентированного общества с более высоким уровнем доверия между его членами.

Показателен и рост коммерческой привлекательности современной индустрии культуры. Так, экспертная группа компании *InterMedia* провела исследование на тему «Экономика культуры РФ 2018–2023 гг.»[7], по результатам которого в 2023 г. оборот индустрии культуры составил 4,425 трлн. руб., что на 6,8 % больше аналогичного показателя прошлого года. Доходы от коммерческой деятельности в 2023 г. выросли на 31 % по отношению к 2022 г. Это явно позитивный сигнал, т.к. общественная элита, ставящая своей целью развитие государства, традиционно инвестировала в культуру. При этом бюджетное финансирование индустрии культуры меньше 1 % ВВП, что явно недостаточно для опережающего развития. Стратегическое выстраивание т.н. «экономики культуры» напрямую зависит от идеологии и национальной идеи.

Справедливости стоит сказать, что в последнее время в нашей стране государством уделяется достаточно большое внимание развитию т.н. школ креативных индустрий, творческих площадок, лабораторий, реализуемых в рамках Федерального проекта «Придумано в России» [19]. Наблюдается «консервативный поворот» в сторону развития творческих ассоциированных групп, *soft*-коллективизма и культуры «народного социализма». Авторы отдельно отмечают, что *soft*-коллективизм содержательно не тождественен советскому коллективному нарративу. Это абсорбция коллективного и индивидуального начала в рамках общественных отношений. Примером подобного рода *soft*-коллективизма выступают фронтовые IT-компании (Яндекс, Тинькофф), которым придется трансформировать свою кадровую политику и рассматривать человека как ценность. Таким образом, в культуре управления стран-локомотивов нового техноуклада (КНР, Индия, Восточная и Южная Азия) отчетливо прослеживается переход к концепции «органической фирмы» с вовлечением персонала в управленческий процесс.

Все сказанное позволяет утверждать, что в представленных условиях востребовано т.н. проектное управление процессом воспроизводства соответствующих промежуточных институциональных структур (переходных общественных отношений в терминах марксизма). В истории нашей страны уже были позитивные примеры проектирования подобного рода. Речь идет об институте земств как соединении гражданского общества с сословностью и самодержавием, в результате которого оно превратилось в инструмент территориального развития во время правления Александра II. Иными словами, необходимо повышение уровня развития, основанное на трансформации неформальных институтов (например, культуры), и достижении сбалансированности между частным и государственным интересами. Также не будем забывать о достаточно успешной попытке строительства коммунизма в отдельно взятой стране – СССР[8]. Советский Союз, являясь при-

[5] Справка: в современной России преобладает бондинговое доверие (внутреннее доверие к членам социальной группы с которой ты себя идентифицируешь), нежели чем бриджинговое.

[6] https://www.econorus.org/socmon.phtm.

[7] https://www.intermedia.ru/news/383281?ysclid=m2uc72nh8m562958585.

[8] Справка: в начале XX века в России сложилась многоукладная экономическая система, с присущими ей как капиталистическими, так и докапиталистическими элементами, а также с соответствующими социальными группами и свойственными им интересами. В своей работе А.И. Колганов [20] приходит к выводу, что «не только материальные, но и социальные, и культурные, и политические предпосылки для того, чтобы государственный сектор в СССР ... создал образец производственных

мером построения некапиталистического общества, развивался на базисе *социалистического индустриального производства* – т.е. производства ассоциированных производителей, которых связывают между собой *плановые* отношения на базе *общественной* собственности. Вместе с тем в 70-80-е гг. XX в. СССР оказался в экономико-политическом тупике, не в последнюю очередь по чисто экономическим причинам: капитализм и мелкотоварное производство в СССР искоренялись революционными – командно-административными инструментами, а не вследствие экономической эволюционной динамики[9].

Таким образом, опираясь на процесс эволюционного проектирования институтов, мы неизбежно придем к новой экономике, основанной на творческом труде как основном элементе прогрессивных производительных сил. Однако для того чтобы все это стало реальностью, по Марксу, необходимо выполнить ряд условий, одним из которых является обязательное снятие существующих отношений отчуждения, существующих в рамках господства рынка и капиталистического способа производства, а также демонтаж институтов воспроизводства денежной культуры (по Т. Веблену).

В качестве заключения

Подводя итог, суммируем сказанное. В нашем понимании, в пространственно-временных границах XXI в. культура оказывает значимое влияние на скорость и направление экономического развития в рамках конкретного исторического кода нации. Как известно, знаменитое произведение Л.Н. Толстого «Анна Каренина» начинается со слов, что все счастливые семьи похожи друг на друга. К экономике данный тезис не применим, т.к. все успешные национальные экономические модели построены на различном сочетании факторов-параметров развития. Иными словами, воспроизводство культурного феномена может быть реализовано только с учетом специфики конкретных общественных отношений в рамках соответствующих институций. В качестве последних могут выступать т.н. креативные индустрии, которые наряду с цифровыми платформами составляют каркас экономики XXI в. Креативные индустрии классифицируются как некая система, объединяющим компонентом которой является творческая составляющая. Драйвером развития данной сферы являются цифровые технологии[10]. Показательна статистика, согласно которой капитализация предприятий соответствующих индустрий около 2,3 трлн долл. США, а количество занятых – свыше 30 млн чел. Что касается отечественной экономики, то вклад креативных индустрий в ВВП пока недостаточен для совершения качественного скачка в этом направлении[11].

Авторы отчетливо понимают, что высказанная мысль является достаточно полемичной. Так, некоторые «левые» исследователи полагают, что пространство креативных индустрий гетерогенно, и именно там выпукло проявляются противоречия между содержанием и формами реализации творческой деятельности, являющейсяф по преимуществу рыночной. Соответственно, и конечный результат творческой деятельности выражен не в культурном продукте, а в финансовой прибыли, т.е. в пространстве рынка. Указывается также на то, что в пространстве креативных индустрий активно воспроизводятся «симулякры».

Вместе с тем, по оценке UNESCO, в 2022 г. вклад креативных индустрий и соответствующих секторов в глобальный ВВП оценивался на уровне 3 %, а доля занятых – 6,2 %, при этом имеется дальнейшая тенденция к росту этих значений. Как нам представляется, сейчас креативные индустрии способны функционально решить проблему формального освобождения труда, выступая в роли т.н. промежуточной институции в системе (пост)рыночных отношений.

Литература:

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1980. 908 с.
2. Гречко М.В., Плешивцева А.А. О роли креативного работника в экономике XXI века // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 150–168. DOI: 10.5281/zenodo.13895711.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / перевод с англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2020. 1056 с.
4. Mill J.S. Writings on India. Edited by John M. Robson, Martin Moir and Zawahir Moir. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge, 1990. 336 p.

отношений более высокого типа, оказались недостаточны. Этот сектор, если так можно выразиться, завис в переходном состоянии между государственным капитализмом и социализмом».

[9] Справка: по выражению С. Амина, в позднем СССР сформировался особый советский способ производства, выраженный в форме гибрида государственно-капиталистической модели хозяйствования с доминированием государственной собственности.

[10] Справка: справедливости ради отметим, что по мнению ряда представителей школы критического марксизма (А.И. Колганов, А.В. Бузгалин) существует два общественных сектора, в основанных на творческом труде: полезный, воспроизводящий культурные феномены и творческие потенции человека (креатосфера) и превратный, основанный на воспроизводстве благ и услуг, не содействующих прогрессу Человека (масс культура, финансовые спекуляции и т.д.).

[11] Справка: по оценкам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, составил 2,64 %.

5. Менгер К. Избранные работы. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. 496 с.
6. Veblen Th. The Theory of the Leisure Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective, third edit., – Ed.by David B. Grusky, Westview Press, 1899. P. 862–870.
7. Basten C., Betz F. Beyond work ethic: Religion, individual, and political preferences // American Economic Journal: Economic Policy. 2013. № 5 (3). P. 67–91.
8. Rodric D. Understanding Economic Policy Reform // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. XXXIV. P. 9–41.
9. Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 30–39.
10. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Изд-во АСТ, 2023. 160 с.
11. Цаголов Г.Н. Революция и экономика // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 204. № 2. С. 267–272.
12. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
13. Arkhipov A.Y., Kurochkin V.N., Goriainov S.G., Grechko M.V., Stasev M.A. Dialectics of the evolution of economic systems // International Journal of Trade and Global Markets. 2023 Vol. 18. № 2-3. P. 143–158. DOI: 10.1504/IJTGM.2023.135615.
14. Гречко М.В. О диалектическом подходе к исследованию эволюции экономических систем // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 116–130. DOI: 10.5281/zenodo.8320052.
15. Coccossis H., Nijkamp P. (eds). Planning for Our Cultural Heritage. Aldershot: Avebury, 1995. 217 p.
16. Гречко М.В., Плешивцева А.А. О роли феномена культуры в контексте перехода к постиндустриальной экономике // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 1 (71). С. 132–147. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.1.9.
17. Throsby D. Culture, Economics and Sustainability // Journal of Cultural Economics. 1995. Vol. 19. P. 199–206.
18. Булавка-Бузгалина Л.А. Перспективы российской культуры: с названием и без имени? // Альтернативы. 2024. № 3. С. 99–101.
19. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 г. № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: https://fzakon.ru/rasporyazheniya-pravitelstva/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot11092024-n-2501-r/?ysclid=m1clgj0mdr980642911.
20. Колганов А.И. Практика движения СССР к посткапитализму: нерешенные вопросы (тезисы к постановке проблемы) // Вопросы политической экономии. 2024. № 2(38). С. 60–74.

Phenomenon Culture Phenomenon in the XXI Century: Socio-Economic Experience of Comprehension

Grechko M.V., Pleshivtseva A.A.
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

The presented text is devoted to the study, systematization and integration of economic knowledge in the aspect of socio-economic experience of comprehension of the role and significance in the XXI century. The authors believe that the cultural factor has the most important role in building an adequate response to the civilizational challenge facing our country nowadays – "entering" modernity and the search for consensus values that are not the subject of political bargaining and speculation. Being a meta-category, culture ontologically possesses an internal tension due to the dialectical unity of its two beginnings: conservative (directed to the past) and creative (directed to the future). The text argues that it is the cultural phenomenon, overcoming the relations of alienation, by objectifying the reproduced cultural phenomenon in the process of social creativity, that is able to facilitate the transition from reproductive to creative labor. The extended reproduction of cultural phenomenon can be realized only taking into account the specifics of specific social relations within the framework of relevant institutions. The latter can be the so-called creative industries as a certain system, the unifying component of which is the creative component, which, along with digital platforms, form the framework of the economy of the XXI century. It seems that now creative industries are able to functionally solve the problem of formal emancipation of labor Thus, we will inevitably get a new quality of society.

Keywords: culture, economics, development, evolution, creative labor, alienation, creative industries

УДК 332.145
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-427-430

Создание центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики (на примере Республики Татарстан)

Груничев А.С.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Хабибуллина Л.В.
Аспирант кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье предложена реализация проекта по созданию центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики на примере Республики Татарстан. Авторами проводится анализ ситуации на энергетическом рынке региона для выявления существующих проблем и факторов риска с целью определения возможных вариантов для их решения.

В работе определяется необходимость реструктуризации и модернизации существующей энергетической системы для внедрения инновационных решений для дальнейшего масштабирования в энергетической системе Российской Федерации.

Ключевые слова: *энергосистема, инфраструктура, инвестиции, модернизация, высокотехнологичные разработки*

Для цитирования: *Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. Создание центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 427–430. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-427-430.*

Исторически сложилось, что при создании энергосистемы страны ввод новых мощностей генерации и сетей был синхронизирован с планами развития территориально-производственных комплексов (далее – ТПК). ТПК изначально были единственным потребителем электроэнергии и мощности. В рамках таких комплексов реализовывался инжиниринговый цикл, согласованность которого обеспечивалась единством планирования и единоначалия уровня ТПК. Новые мощности создавались с учетом планового роста потребления, который оставался постоянным практически до перехода к рыночной экономике в России [1]. Энергореформа привела к расформированию системы ТПК, основанной на длительном планировании потребления и ввода мощностей.

В период 1960–1980 гг., а также с начала 2000 г. по настоящее время, наблюдается взрывной рост строительства распределительных сетей. Так, например, в Республике Татарстан за 1950–1980 гг. ежегодно вводилось по 1500–2000 км линий электропередач (ЛЭП), до 1500 комплектных трансформаторных подстанций (КТП) и трансформаторных подстанций (ТП) 6/0,4 кВ, по 16–20 подстанций напряжением 35-110 кВ. За 2021 г. только по Республике Татарстан выполнено 34 тыс. новых подключений [2].

При этом нормативный срок службы оборудования и распределительных сетей составляет 30–40 лет, фактический – 50–60 лет с учетом запаса прочности. Необходимо отметить, что объем ввода жилья в Татарстане, начиная с 2020 г., постоянно увеличивается, что подтверждается данными на рисунка 1.

Как видим, рост объема ввода жилья за рассматриваемый период составил 84 %, что может свидетельствовать о приближении энергосистемы к «точке невозврата», когда взрывной рост стареющей капиталоемкой инфраструктуры будет сопровождаться неподъемным увеличением затрат и тарифов, а также отсутствием возможности перехода на новую инфраструктуру [4]. Таким образом, действующая энергосистема не создает инвестиционный задел. Рисунок 2 отражает «крест», дестабилизирующий эффективность энергосистемы Республики Татарстан.

На примере проанализированных данных по Республике Татарстан «точка невозврата» предположительно наступит к 2035 г., и в рамках существующих механизмов регулирования энергосистемы ее «смещение вправо» возможно только посредством увеличения размера тарифов [5].

Кроме того, в действующей энергосистеме существует ряд проблем и факторов риска:

• диспропорция между заявляемыми характеристиками электропотребления при технологическом присоединении и их последующими фактическими значениями (резерв мощности);

• несовершенство действующей модели отношений и ценообразования в сфере энергоснабжения, недостаток конкуренции на рынках электрической энергии и мощности;

• сохранение перекрестного субсидирования, снижающего эффективность централизованной системы энергоснабжения;

• несоответствие энергосистемы ESG-повестке.

Структура текущей выручки рассмотрена на рисунке 3. Эксплуатационные затраты/себестоимость составляют 80 %, а 20 % формируют инвестиции (квазиинвестиции), которые направляются на ремонт и реконструкцию стареющего фонда. Однако актуальной задачей является изменение сложившейся пропорции в пользу реальных инвестиций в инновации и технологии, т.е. 60 % должно реинвестироваться и формировать «новое» тарифное меню, а 40 % необходимо направлять на поддержание существующей энергосистемы.

В 2008 г. завершилась 10-летняя реформа РАО «ЕЭС России», идеологом которой был Анатолий Чубайс. Целью реформы было увеличение объема инвестиций в энергетическую отрасль и создание современного конкурентного рынка. Введение инжинирингового цикла в систему генерации позволило запустить процесс обновления действующих мощностей через механизм договоров поставки мощности.

Однако реформа не решила проблему обновления электросетевого хозяйства, где до настоящего времени используется «котловой» метод ценообразования и отсутствует эффективный механизм инвестирования, позволяющий внедрять инжиниринг на уровне электрических сетей.

Активный рост числа потребителей электрической энергии за счет развития жилищного сектора создает предпосылки для изменения структуры энергосистемы с ориентацией на потребителе-центрич-

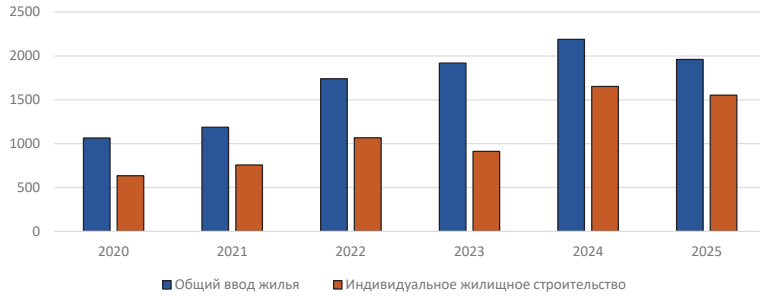

Рис. 1. Объем ввода жилья в Республике Татарстан за 2020–2025 гг., тыс. кв. м [3]

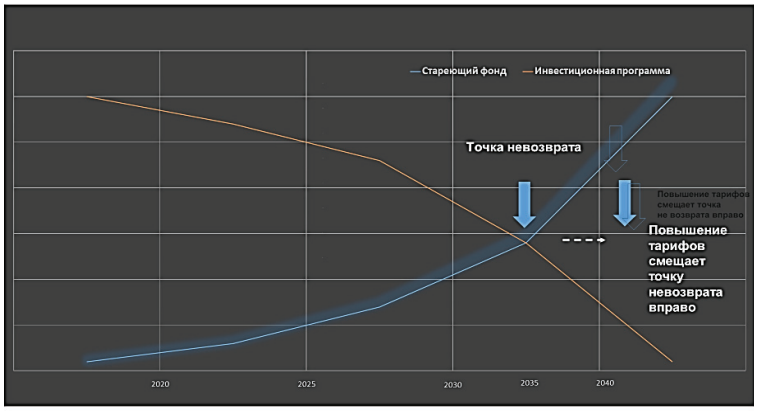

Рис. 2. «Крест», дестабилизирующий эффективность энергосистемы Республики Татарстан

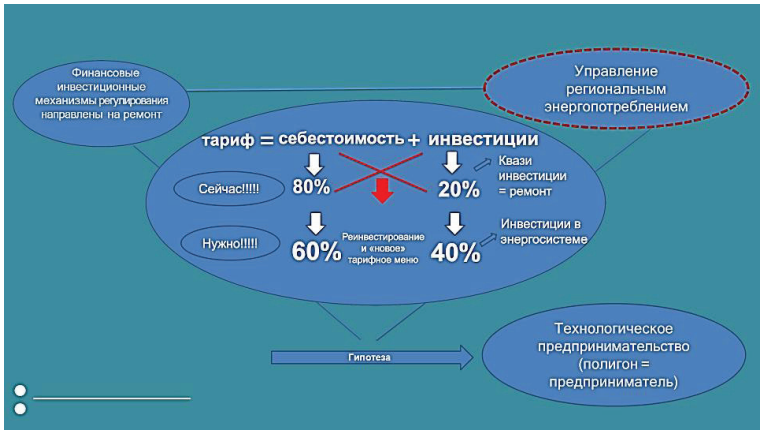

Рис. 3. Формирование структуры выручки в энергетике

ную модель. Сложившиеся тенденция оказывает серьезное влияние на увеличение издержек сетевых компаний как на вновь создаваемые объекты, так и уже функционирующие, отвлекая средства инвестиционного характера на ремонт и содержание [6].

В соответствии с утвержденной распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р «Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 г.» [7], ключевыми мерами по повышению эффективности электросетевого комплекса, являются:

– разработка рыночных механизмов, стимулирующих потребителей к активному участию в формировании розничного рынка электрической энергии (управление спросом посредством участия в регулировании графика нагрузки), с применением в том числе технологии хранения, аккумулирования электрической энергии и ее воспроизводства.

– переход на риск-ориентированное управление производственными активами в электросетевом комплексе на базе цифровых технологий;

– создание интеллектуальных систем учета электрической энергии;

– создание условий для надежного и качественного обеспечения электроснабжением земельных участков, вовлекаемых в оборот для жилищного строительства, в рамках реализации национальных проектов и национальных программ.

Стратегия социально-экономического развития Татарстана предусматривает проекцию на энергосистему с выделением двух основных агломераций [8]. Это промышленный узел – Закамская зона и пространство жизнедеятельности – Казанская агломерация (рис. 4).

Реализация стратегии предполагает переход к потребителе-центричной архитектуре энергосистемы под соответствующий профиль потребителя. Энергосистема должна быть переформатирована под эти задачи с формированием двух центров с разным профилем потребления.

Особенность энергосистемы Республики заключается в том, что все активы электросетевого хозяйства находятся под управлением Правительства региона [9]. Следовательно, это дает возможность балансировать социальную нагрузку, выраженную обеспечением социальных и государственно- политических обязательств, и экономику на уровне региона, выраженную в обеспечении эффективности финансово-хозяйственной деятельности энергетических компаний [10].

В соответствии с действующим федеральным законодательством, текущая модель системы энергоснабжения М1 выстроена линейно, т.е. от генерации через сети и сбыт к единому потребителю как единице нагрузки системы. Прогнозируется, что переход к модели М2 приведет к вынужденному усложнению и позволит создать трехмодульную архитектуру (рис. 5).

Модель М2 включает следующие компоненты:

1) Первый сохраненный производственно-центричный модуль рассчитан на крупную генерацию и производство с устойчивым циклом, уже формируется эволюционным путем.

2) Второй модуль, состоящий из взаимосвязанных активных потребителей, имеющий потребительно-центричную архитектуру и позволяющий работать с инновационными решениями и создавать конкурентный рынок. На создание такого модуля и направлен проект по созданию центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики.

3) Третий модуль – балансирующий и связующий. Необходим для сохранения общего баланса, надежности и безопасности всей системы, в котором может быть использована существующая сетевая инфраструктура.

Основной идеей проекта является внедрение инноваций в энергосистеме, позволяющих реализовать инжиниринговые решения в сетевом хозяйстве.

Основными составляющими механизма реализации проекта являются:

Рис. 4. Стратегия социально-экономического развития Татарстана с проекцией на электроэнергетику

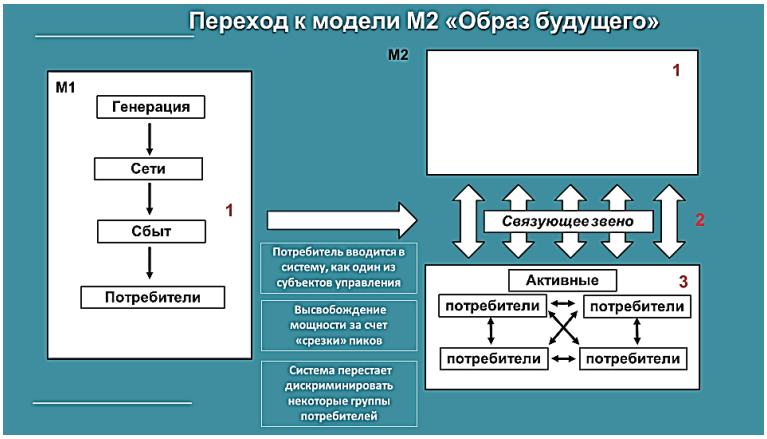

Рис. 5. Модель М2

1. Создание Центра компетенций по высокотехнологичным разработкам в области энергетики в виде акционерного общества, выполняющего роль координационно-экспертного центра, работающего в широком диапазоне направлений деятельности электроэнергетического комплекса и отвечающего за накопление, формализацию определенных знаний, лучших практик в области энергетики, а также курирующего создание и функционирование технологического полигона и особой энергетической зоны.

2. Создание технологического полигона – инфраструктуры для возможности тестирования и апробации технологических, технических и инновационных решений для последующего безопасного внедрения.

3. Создание особой энергетической зоны (ОЭЗ) – территории в существующей энергосистеме региона, в которой возможна апробация инноваций в энергосистеме, включая технологические и бизнес сборки, с возможностью внесения изменений в действующие федеральные и региональные нормативные правовые акты, а также тарифного регулирования, необходимых для их реализации и обоснования эффективности.

Принципиальная схема технологического полигона включает элементы генерации, накопители и системы передачи электрической энергии. Существует множество вариаций технологических решений, но необходимо выбрать оптимальную модель на основе анализа фактических данных, поступивших с автоматизированных систем учета электрической энергии в режиме реального времени. Далее полученная оптимальная модель может быть внедрена в особой энергетической зоне.

В заключение отметим, что предложенный проект разработан в целях повышения эффективности работы энергетической системы Республики Татарстан путем создания, отбора и внедрения технологических, экономических и регуляторных инновационных решений с возможностью масштабирования полученных положительных эффектов на уровне энергосистемы всей страны.

Литература:

1. Кириллова О.В., Сунгатуллина З.Ф. Износ и амортизация основных производственных фондов предприятия // Основные направления развития агробизнеса в современных условиях: Сб. ст. по материалам II Всеросс. (нац.) науч.-практ. конф., Курган, 20 июня 2018 г. / Под общ. ред. С.Ф. Сухановой. Курган: Курганская гос. сельскох. академия им. Т.С. Мальцева, 2018. С. 109–110.
2. https://tatarica.org/ru/razdely/ekonomika/promyshlennost/ehlektroehnergetika
3. https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172191/reports/29128
4. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. О вопросах реализации инновационного вектора энергетической политики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2023. № 1. С. 5–8.
5. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Шареев О.Р., Кириллова О.В. Основы ценообразования в области регулируемых тарифов в электроэнергетике. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 240 с.
6. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Казачкина Н.А., Кириллова О.В. Технологическое присоединение в сфере теплоснабжения, электроэнергетики, водоснабжения и водоотведения. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 148 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.» // СПС Гарант.
8. Сафиуллин М.Р., Груничев А.С., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А. Исследование репутационного капитала региона: методологические подходы и их апробация: монография. Казань: Артифакт, 2019. 112 с.
9. Safiullin M.R., Grunichev A.S., Elshin L.A. Reputation economics as a new paradigm for researching the environmental potential of a region // Procedia Environmental Science, Engineering and Management. 2022. Vol. 8. № 4. P. 1015–1020.
10. Ельшин Л.А., Груничев А.С. Оценка взаимосвязи репутационного капитала и инвестиционной активности региона: методический инструментарий и его апробация // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 10. С. 27–37.

Establishment of a Competence Center for High-Tech Energy Developments (on the example of the Republic of Tatarstan)

Grunichev A.S., Khabibullina L.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article proposes the implementation of a project to create a center of competence for high-tech developments in the field of energy, using the example of the Republic of Tatarstan. The authors analyze the situation on the regional energy market in order to identify existing problems and risk factors, and determine possible solutions.

The paper identifies the need for restructuring and modernization of the existing energy system in order to implement innovative solutions for further scaling in the energy system of the Russian Federation.

Keywords: energy system, infrastructure, investments, modernization, and high-tech developments

УДК 338(091)
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-431-438

Денежная реформа 1922–1924 гг.: возрождая доверие к рублю

Конягина М.Н.
Доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Тематика денежной реформы 1922–1924 гг. по-прежнему оставляет немало вопросов: о роли наркома финансов Г.Я. Сокольникова, о справедливости подходов к снижению бюджетного дефицита и ограничению денежной эмиссии, а также о тонких инструментах восстановления доверия к рублю – не только как к национальной валюте, но и как к средству международных расчетов. Многие из этих вопросов актуальны для развития отечественной денежной системы сегодня, когда близится перспектива мультивалютного рынка международных расчетов, где рублю необходимо будет занять свое место. Определив целью исследования переосмысление опыта денежной реформы 1922–1924 гг. и поиск ее полезных уроков для проведения текущей реформы денежной системы Российской Федерации, автор детально анализирует этапы первой советской денежной реформы в контексте воссоздания элементов национальной денежной системы, выделяет значение каждого принятого на правительственном уровне решения. В статье подчеркивается важность организаторских талантов и стратегического мышления Г.Я. Сокольникова, который смог подобрать высокопрофессиональных специалистов и обеспечить им эффективное взаимодействие в условиях жесткого оппонирования и отрицания отечественного и зарубежного опыта. Основывая выводы на опубликованных официальных документах советского правительства, стенограммах и докладах современников реформы, поздних исследованиях историков и экономистов, автор сравнивает условия проведения двух реформ с вековым временным интервалом для выявления стержня реформы – восстановления доверия к государственной национальной валюте, – вокруг которого инструменты и действия реформаторов становятся понятны и реализуются эффективнее для всех участников экономических отношений. Статья будет интересна историкам и экономистам, государственным служащим и ученым, занимающимся вопросами денежно-кредитного регулирования и государственной экономической политики.

Ключевые слова: *денежная реформа, реформа 1922–1924 гг., Г.Я. Сокольников, денежная система, деноминация, Государственный банк*

Для цитирования: *Конягина М.Н. Денежная реформа 1922–1924 гг.: возрождая доверие к рублю // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 431–438. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-431-438.*

Глобальные геополитические катаклизмы, происходящие в мире в середине 2025 г., свидетельствуют о сломе множества устоев уходящего мирового порядка: монополярного мира, диктатуры отдельных стран не только на политической арене, но и в мировой экономике, превалирования единственной резервной валюты в международных расчетах и определении цен на товарных рынках. Через не-

которое время экономикам, сохранившим свой потенциал к развитию, предстоит успеть занять достойное место в новой системе глобального мира, неотъемлемой частью которой является международная торговля и валютные отношения. Для этого некоторые страны уже сейчас проводят денежные реформы, чтобы обеспечить гибкую, адаптивную и современную структуру национальной денежной системы, сделав свою валюту удобной и привлекательной для использования в международных расчетах. Безусловно, для таких изменений требуется навык визионерства – предвидения тенденций и новых граней технологического развития в платежах. Однако требуется и знание опыта предшествующих реформ, чтобы учесть их успехи и неудачи.

Весной 2024 г. исполнилось 100 лет завершению первой советской реформы денежной системы, которая представляет интерес не только в связи с важностью изучения этапов становления отечественной денежной системы, но и в рамках исследования опыта реформирования экономики, проходящей структурную трансформацию, восстановления экономики на фоне геополитической изоляции страны, что было характерно для молодой Советской Республики в начале 1920-х гг.. Это также связано с текущими обстоятельствами и изменениями современной отечественной денежной системы: определенной экономической изоляцией от западного мира, задачами структурной трансформации экономики и текущей реформой денежной системы, заключающейся во внедрении новой формы денег – цифрового рубля.

Нельзя утверждать, что денежные реформы, проводимые в России со времен Елены Глинской до конца XX в., были лишены внимания ученых. Регулярно исследователи истории и экономики нашего Отечества обращаются к этой важной теме. Одновременно первая советская денежная реформа не приобрела высокой публикационной популярности, несмотря на столетний юбилей. Среди печатных трудов последней пятилетки, доступных автору в библиотеках и в электронном виде, с трудом набралось три десятка изданий на эту тему, среди которых представлены довольно полярные оценки.

В отдельных статьях авторы [1] невысоко оценивают результаты реформы и проводивших ее персоналий. Статья показывает негативный эффект от сокращения национального золотого запаса, а также ряда других факторов, включая нарушение ценового паритета в эпоху золотого стандарта. Подтверждена преемственность между денежными реформами 1897 и 1922–1924 гг., но упущена методологическая связь с реформой 1839–1843 гг.

Ряд статей рассматривают реформу 1922–1924 гг. в контексте региональной экономики и политики, что справедливо, т.к. наблюдалась полная валютная разрозненность на сократившейся, но оставшейся по-прежнему внушительной территории страны. Остро ощущалась потребность в социально-культурном и идеологическом объединении, которому, по нашему мнению, весьма способствует торгово-экономическое взаимодействие территорий, что невозможно без единой валютной системы. Так, например, Р.Р. Сейтумеров [2] справедливо показывает, как в результате первой советской денежной реформы возвращалось *доверие* к государственному денежному обращению жителей Симбирской губернии, выделяет роль Симбирского отделения Государственного банка в ее проведении при сотрудничестве с финансовым управлением Симбирского губисполкома.

Е.Ю. Мещанинова [3] справедливо отмечает, что после неудачного опыта социального переустройства на базе идеи ликвидации денег и товарно-денежных отношений потребовался инструментарий для восстановления жизненного уклада, изменения экономической политики советского государства и пересмотра всей финансовой идеологии. Частью такого инструментария и стала денежная реформа, проведенная под руководством Г.Я. Сокольникова.

Немаловажное значение при проведении экономических реформ имеет личность стратега-реализатора, как отмечает академик И.Л. Квинт [4]. Большая часть авторов современных исследований реформы 1922–1924 гг. дает яркую оценку деятельности Г.Я. Сокольникова по руководству первой монетарной реформы РСФСР-СССР. «Реформа была проведена тактически верно» [5, с. 23], ее краткосрочные результаты оказались вполне удачными, но не завершенными до конца. Именно благодаря действиям Г.Я. Сокольникова и его соратникам-реформаторам молодой стране удалось выйти из экономического кризиса, но не получилось преодолеть общей экономической отсталости [5, с. 34–35].

Сегодня позиция Российской Федерации на международном рынке по отдельным параметрам совпадает с ситуацией столетней давности. В дополнение к этому отечественная денежная система реформируется, несмотря на то что официального объявления об этом не последовало. В связи с этим *целью* настоящего исследования стало переосмысление опыта денежной реформы 1922–1924 гг. и поиск ее полезных уроков для проведения текущей реформы денежной системы Российской Федерации особенно в условиях формирующейся мультивалютной международной денежной системы. Для достижения цели будет представлен обзор этапов реформы и ее инструментов, выделено значение и роль руководителя ответственной команды реформаторов, а также проведено сравнение условий проведения реформ с вековым временным интервалом для выявления стержня реформы, ее экономической идеи, вокруг которой инструменты и действия становятся понятными и реализуются эффективнее для всех участников экономических отношений.

В качестве основных материалов исследования, помимо работ ученых-экономистов XX и XXI вв. для обзора этапов реформы и ее инструментов, их анализа и переосмысления, использован свод декретов ЦИК и СНК СССР, регламентирующих ход реформы, оцифрованных и находящихся в свободном доступе. Кроме того, использованы сборники исторических материалов, заботливо собранные и опубликованные историками нашего времени, а также свидетелями восстановления народного хозяйства Советской России после Гражданской войны, впоследствии эмигрировавших за рубеж. Также для уточнения отдельных противоречий и противоположных мнений в современных публикациях автор обращался к первоисточникам: докладу Г.Я. Сокольникова на IV сессии ВЦИК в октябре 1922 г. и стенографическому отчету о XII съезде ВКП(б). В связи с этим основными методами исследования стали исследование исторических документов, их систематизация, обобщение и уточнение заключений о ходе реформы, сравнение исторической ситуации в России накануне реформы 1922 г. и текущих обстоятельств, экстракция общего и отличий.

Экономическое положение РСФСР накануне реформы. 5 октября 1922 г. закончилась продолжавшаяся почти пять лет Гражданская война, причинившая колоссальный ущерб народному хозяйству страны, которую еще недавно называли Российской империей, а теперь Республикой. Помимо несметных человеческих потерь в боях, от голода и эпидемий, был понесен огромный материальный ущерб, а экономика, без преувеличения, лежала в руинах. Наблюдался драматический упадок народного хозяйства: к концу Гражданской войны было произведено только 20 % от объема довоенной продукции. Огромный ущерб также был нанесен транспорту, другим отраслям экономики, сельскому хозяйству [6, с. 370] и их инфраструктуре. Дефицит был повсеместным.

В стране бушевала гиперинфляция. Цены на предметы первой необходимости возрастали. Всего за три месяца, к 1 апреля 1922 г., они выросли на 1230 %, сделав затем новый скачок: на 1 января средняя рыночная цена на мужские кожаные сапоги составляла 1 млн, на 1 февраля – 2 800 000 руб., 1 марта – 6 500 000 руб., на 1 апреля – 12 300 000 руб. [6, с. 181]. Официальные денежные знаки потеряли способность выполнять свои функции: меры стоимости, средства обращения, платежа и накопления.

Инфляция катастрофически обесценивала рубль. Его покупательная способность снизилась за декабрь 1921 г. в 228 000 раз, за январь 1922 г. – в 491 000 раз, за первую неделю февраля – в 933 000 раз, за третью – в 1 073 000 раз [7, с. 182]. Доверие к национальной валюте было подорвано и утрачено.

Царила «денежная анархия»: деньги выпускали в эти годы не только центральное правительство, но и местные власти – областные и городские. На середину осени 1922 г. в обращении находился 2181 денежный знак самого разнообразного происхождения. Так, например, в Центральной России имел хождение 21 местный знак, а в Сибири и на Дальнем Востоке – 547, включая Китайско-Восточную железную дорогу [8, с. 243].

В 1921 г. продолжалась усиленная эмиссия совзнаков, сопровождающаяся падением их реальной стоимости. За период с 1 января по 1 июля 1921 г. денежная масса, находившаяся в обращении, возросла с 1169 до 2347 млрд руб., а ее реальная стоимость упала с 69,6 до 29,1 млн золотых рублей [9, с. 124]. В личном хозяйстве «денежный счет велся на миллионы – в 1921 г. пуд ржаной муки стоил 140 000 руб., картофеля – 20 600 руб., проезд одной остановки в трамвае – 500 руб. и даже номер газеты «Правда» стоил 2,5 тыс. руб.» [10, с. 168].

Таким образом, страна испытывала необходимость преодоления рецессии, потребность в структурной трансформации экономики и ее восстановлении. Необходимо было бороться с гиперинфляцией, ликвидировать «денежную анархию» и вернуть государственную монополию на денежную эмиссию, внедрить единую денежную систему на всей территории молодой страны. Было необходимо покрыть огромный бюджетный дефицит на фоне необходимости финансирования трансформации структуры экономики, для чего требовались устойчивые деньги. Кроме того, следовало возрождать экономические связи внутри страны посредством восстановления единой системы расчетов. Необходимо было добиться признания страны на международной торговой арене и встроить национальную валюту молодой республики в международную валютную систему.

Все это объективно требовало пересмотра государственной финансовой политики и проведения денежной реформы в Советской России. X съезд РКП(б), рассмотрев этот вопрос 15 марта 1921 г., принял резолюцию о необходимости проведения нужных реформ [11, с.31].

Первый этап реформы. 14 апреля 1921 г. финансовая комиссия ЦК РКП(б) под председательством Преображенского Е.А. (1886–1937 гг.) – председателя Финансового комитета ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров [12, с. 955] постановила: 1) утвердить деноминацию в отношении не менее 1:1000; 2) установить одновременное повсюду начало реформы; 3) определить срок для обмена, по продолжительности различный для разных районов страны; 4) установить точный срок объявления деноминации впоследствии; 5) с момента деноминации продажа товаров государством должна производиться только на новые деньги; 6) в качестве образцов новых денежных знаков утвердить образцы, носящие название «республиканский кредит»; 7) пору-

чить т. Енукидзе к 15/X-21 г. сдать не менее 5 млрд руб. возможно более мелкими купюрами [11, с. 31].

Важным шагом в рамках реформы стало учреждение 4 октября 1921 г. Государственного банка РСФСР в составе Народного Комиссариата Финансов для «способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также в целях концентрирования денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения... [...] Отпустить для образования основного капитала Государственному банку из средств Народной казны две тысячи миллиардов рублей» [13]. Таким образом, было централизовано монетарное регулирование и возвращена монополия государства на денежную эмиссию, причем не только наличных, но и впоследствии безналичных денег, формируя особую административно-командную монетарную систему. 6 июля 1923 г. Государственный банк РСФСР был преобразован постановлением ЦИК СССР в Государственный банк СССР [14].

Повышение покупательной способности национальной валюты и ее стабилизация требовали упорядочивания денежных знаков, имеющих хождение в стране, а также деноминации. Поэтому 3 ноября 1921 г. принимается решение о выпуске в обращение государственных денежных знаков РСФСР образца 1922 г. достоинством в 50 коп., 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб., которые должны заменить прежние. При этом «рубль государственного денежного знака приравнивается к 10-ти тысячам рублям кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков, а также всех обязательств, имеющих хождение наравне с ними» [15]. *Это была первая деноминация.*

В июле 1922 г. Государственному Банку было предоставлено право выпускать банковские билеты «достоинством в 10, 25, 50 и 100 червонцев (червонец = 1 зол. 78,24 доли чистого золота)» [16]. Так было восстановлено монопольное право государства в лице национального банка эмитировать наличные деньги.

В сентябре 1922 г. в целях окончательного установления однородности денежного обращения в стране правительством РСФСР принимается решение об изъятии из обращения советских денежных знаков, выпущенных до 1922 г. [17]. Метод конфискации при преобладании наличного обращения успешно применялся в разных странах при необходимости повышения покупательной способности национальной валюты. В Российской империи успешным примером конфискационной денежной реформы стала реформа 1839–1843 гг., проведенная Е.Ф. Канкриным по инициативе императора Николая I [18, с. 60–81].

11 октября 1922 г. Государственный банк РСФСР в соответствии с декретом СНК РСФСР начал выпуск банковских билетов «достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев (червонец – 1 зол. 78,24 доли чистого золота, равен – 10 руб. в прежней российской золотой монете)» [19]. Таким образом, воспользовавшись успешным опытом реформы 1895–1897 гг., проведенной С.Ю. Витте, советская денежная система возвращалась к золотому стандарту и принципам функционирования денежных систем своего времени, среди которых основной – обеспечение денежной массы золотом.

Второй этап реформы. *Вторая деноминация,* проведенная в соответствии с декретом СНК РСФСР от 24 октября 1922 г., предусматривала выпуск в обращение денежных знаков образца 1923 г. с приравниванием 1 рубля 1923 г. к 1 000 000 руб. изъятых из обращения дореформенных образцов, или 100 рублям образца 1922 г. [20]. В это же время осуществлялась чеканка золотых червонцев, содержащих «один золотник семьдесят восемь целых и двадцать четыре сотых доли (1 зол. 78,24 доли) чистого золота» [21].

Золотые червонцы чеканились в 1923–1924 гг. За это время всего было изготовлено 2 721,2 тыс. монет. Работник Наркомата финансов И.О. Шлейфер в книге «Денежная реформа» (1924 г.) писал: «Мы решили для себя, что если червонец бумажный поскользнется, мы объявляем: бумажный червонец обмениваем на золотой, и этим мы поддерживаем реальную стоимость бумажного червонца. Мы тогда, выпуская червонец, веря в победу, заготовили на случай поражения золотой, ибо если хочешь, чтобы курс червонца был устойчив, имей золотой, чтобы в любое время можно было сказать – берем бумажные червонцы и даем золотые» [22].

В течение 1923 г. происходил процесс повышения стоимости советской валюты по отношению к иностранным. В марте 1924 г. денежная реформа в СССР была завершена. С 10 марта 1924 г., 1 рубль золотом обменивался на 50.000 рублей в денежных знаках образца 1923 г. [23].

Одной из мер, направленных на создание устойчивых денег, явился выпуск в обращение серебряной монеты советского образца достоинством в десять, пятнадцать и двадцать копеек, полтинник (пятьдесят копеек) и один рубль, а также медной монеты советского образца достоинством в одну, две, три и пять копеек [24].

Предпосылками для успешного завершения денежной реформы в стране явилось восстановление промышленности, сельского хозяйства, развитие товарооборота. Так, в октябре 1923 г. промышленность произвела товаров на 110 000 000 руб., продала на 80 000 000 руб., в ноябре производство – на 105 000 000 руб., продажа – на 80 000 000 руб. [7, с. 196]. «Валовые сборы зерновых культур по СССР в 1923 г. составили 3 475 миллионов пудов – на 1 264,7 миллиона пудов больше, чем в 1922 г.» [25,

с. X]. В результате конфискационных мер было изъято из обращения 886,5 квадриллиона старых рублей и создана устойчивая национальная валюта – золотой червонец [7, с. 60]. С гиперинфляцией было покончено.

Таким образом, денежная реформа была проведена с использованием двух деноминаций и установлением новой валюты на базе червонца. К ее завершению удалось взять под контроль инфляцию, вернуть *доверие к национальной валюте*, а государству в лице Госбанка – монопольное право на эмиссию денег, систематизировать денежное обращение, наладив торгово-экономические отношения, столь важные в период Новой экономической политики, между регионами внутри страны. Это помогло постепенно сократить бюджетный дефицит, меры для чего были приняты еще в самом начале реформы.

Червонец-сеятель смог преодолеть и геополитическое сопротивление Запада. «Великан пробуждается, – писала американская пресса. – …Русская валюта – одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара… Ничто более не сможет задержать окончательного восстановления СССР» [26]. Отечественный червонец официально котировался на валютных биржах Вены, Каунаса, Константинополя, Милана, Ревеля (Таллина), Риги, Рима, Тегерана, Улан-Батора, Харбина и Шанхая. Широкие операции с советскими червонцами производились в Англии, Германии, Голландии, Польше, США и многих других странах. По сообщению агентства Юнайтед Пресс, червонцы котировались выше всякой другой европейской валюты [26]. А это означало, что мир был готов развивать торговые отношения с СССР.

Личность стратега реформы. Самое активное участие в ходе денежной реформы принимал назначенный постановлением Президиума ВЦИК от 22 ноября 1922 г. на должность наркома финансов Сокольников Григорий Яковлевич (псевдоним, настоящее имя Гирш Янкелевич Бриллиант) (рис. 1). С образованием наркомата финансов СССР 6 июля 1923 г. он стал первым наркомом финансов Советского Союза [27, с. 310].

У Г.Я. Сокольникова было два высших образования: юридическое и экономическое. Он хорошо владел шестью иностранными языками [27, с. 307–308], что сделало его делегатом от Советской России на международных переговорах, например в Берлине в сентябре 1923 г. и в Лондоне в марте 1924 г. Главной заслугой Г.Я. Сокольникова являлась его способность к стратегическому планированию, а также умение организовать и грамотно координировать проведение сложной денежной реформы при помощи грамотно подобранной и слаженно работающей команды юристов и экономистов в условиях тяжелейшего экономического упадка, политических споров и отторжения любого старого опыта. Первый нарком финансов СССР смог не только привести в строгий и последовательный порядок планы реформы, начатой В.И. Лениным, тексты которого, будучи очень эмоциональными и воодушевляющими, не отличались комплексным подходом, системностью и проработанностью деталей [28]. Он также сформировал высокопрофессиональную команду, создал условия для ее слаженной работы на достижение результата, что и было исполнено в относительно короткий период.

Рис. 1. Нарком финансов СССР Г.Я. Сокольников

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:No-nb_bldsa_1c108_Grigory_Sokolnikov_1920s.jpg.

Существуют утверждения, что роль Сокольникова в проведении реформы преувеличена. Как отмечает А.В. Гребнев, после опубликования в 1990-х гг. многих материалов мнение о «роли Сокольникова в оздоровлении финансов СССР» [29, с. 21] оказалось дискуссионным. «Одни авторы считали именно его организатором и теоретиком, подлинным «отцом» денежной реформы 1922–1924 гг. Другие, наоборот, полагали, что нет никаких оснований приписывать ее авторство Г.Я. Сокольникову» [29, с. 21]. Тем не менее еще в до назначения наркомом финансов в октябре 1922 г. [30] Сокольников имел собственное видение хода реформы. Во-первых, начать борьбу с бюджетным дефицитом, сокращая государственные расходы и увеличивая доходы за счет изменения системы внешней торговли. Во-вторых, оживление товарооборота как внешнего, так и внутреннего, который при правильной организации промышленного производства приведет к увеличению поступлений налогов и пошлин, что снизит потребность в эмиссии денежных знаков. Понимая, что восстановление экономики займет длительное время, Сокольников настаивал на золотом стандарте денежной системы, жестко отвечая оппонентам и указывая на важность сохранения золотого резерва.

По мнению Е.В. Касевич, мысля стратегически и масштабно, Г.Я. Сокольников понимал, что «выход из финансового кризиса невозможен силами только финансовой техники, нужен новый вектор эконо-

мического развития, который был бы направлен на подъем индустрии и сельского хозяйства, развитие внутренней и внешней торговли» [31, с. 35]. В работе 1925 г. «Финансовая политика революции» Сокольников пишет: «Мы строим свою политику на точнейшем изучении состояния рынка, на точнейшем изучении колебаний курса золота, товара» [31, с. 35]. Безусловно, реализовать масштабный проект невозможно единолично. Поэтому соратниками Г.Я. Сокольникова по первой денежной реформе Советской России стали А.Н. Шейнман, назначенный первым председателем Госбанка РСФСР, Л.Н. Юровский, Н.Н. Кутлер, З.С. Каценеленбаум и другие деятели, внесшие в реформу немалый вклад. Однако бесспорной заслугой Сокольникова стала организация работы этих столь разных людей ради достижения единой цели.

Современная Россия по уровню развития экономики мало похожа на Советскую Россию начала двадцатых годов XX в. Тем не менее у исторических этапов есть общие черты: централизация управления, элементы рыночной экономики при высокой степени огосударствления и значительной роли государства в стратегических отраслях, государственный контроль разной степени над природными ресурсами, преобладание экспорта в структуре экономики (сельхозпродукция в 1920-е гг. и углеводороды в 2020-е гг.), социальная поддержка населения.

Есть и различия. В современной России преобладает частная собственность, а госсобственность преобладает в ключевых секторах. Рыночные механизмы сегодня играют важную роль, помогающую преодолеть многие текущие трудности, чего не было при Г.Я. Сокольникове – сторонниках рыночных отношений. Бурный экономический рост 1920-х гг. был обусловлен эффектом «низкой базы» – результата разрушительного влияния Гражданской войны. Современная Россия демонстрирует небольшой рост, характерный для развитых стран и обусловленный, в первую очередь, активным развитием военно-промышленного производства. И наконец, инновации не были центральным ориентиром экономики СССР первой половины 1920-х гг. Это случится немногим позднее. Современная экономическая политика Россия ориентирована на инновационное развитие, понимая его преимущества в условиях глобальной конкуренции.

Именно с внедрением инноваций связана текущая денежная реформа, центральным элементом которой является введение новой формы национальной валюты – цифрового рубля. Безусловно, он не станет панацеей от экономических проблем, но поможет усилить контроль над денежным обращением, ограничив нецелевое использование средств, повысив скорость денежного обращения и в перспективе понизив себестоимость транзакций. Это должно помочь более эффективно управлять денежной массой, не допуская избыточной эмиссии по государственным программам. При этом появится возможность сокращения бюджетного дефицита за счет снижения проектных издержек. Важную роль в доведении текущей российской денежной реформы до конца сыграет личность, находящаяся на посту первого заместителя Банка России и реализующая инновационные изменения для нашей денежной системы (напомним, что 2 декабря 2024 г. первый заместитель председателя Банка России О.Н. Скоробогатова, ответственная за многие инновационные проекты ЦБ РФ, включая внедрение цифрового рубля, покинула свой пост. На ее место назначена З.Н. Кахруманова). Впрочем, подавляющее большинство отечественных денежных реформ несли в себе новации: копейка, удобная номенклатура монет, ассигнации и прочие. Однако устойчивость рубля по-прежнему будет зависеть не от инновационности денежной системы, а от состояния экономики, ее сбалансированной структуры и рационального уровня суверенитета во всех сегментах, бесперебойной работы платежной системы как внутри страны, так и на международном уровне. Из курса истории средней школы каждый россиянин знает, что национальная валюта, т.е. собственные деньги страны – это признак государства, доверие к которым необходимо обеспечивать и поддерживать.

Представленное исследование позволило не просто опубликовать основанный на документах обзор этапов реформы и ее инструментов, но и выделить их значение для организации народного хозяйства СССР, что в предшествующих опубликованных работах либо не осуществлялось, либо не делалось столь явно и однозначно. На взгляд автора, довольно объективно выделено значение и роль Г.Я. Сокольникова как ответственного руководителя команды реформаторов. Получилось опровергнуть отдельные тезисы исследователей [1], недооценивших его талант стратега, и подчеркнуть участие Григория Яковлевича в дискуссии и планировании денежной реформы 1922–1924 гг. даже до назначения наркомом финансов.

Понимая возможность критики настоящих материалов со стороны историков о сложности восприятия сравнения реформ, проводимых с интервалом в столетие, автор надеется на ценность для экономистов учета опыта. Во-первых, денежная реформа 1922–1924 гг. при ее положительной оценке не считается абсолютно успешной, т.к. не решила всех проблем денежного обращения. Однако она стала хорошей поддержкой, частью и вспомогательным механизмом для более комплексной экономической реформы народного хозяйства СССР. Во-вторых, она основана на опыте предшествующих реформ, тенденций развития иностранных денежных систем третьего десятилетия XX в. с пониманием, что на момент завершения денежная система должна быть

в авангарде развития мировой валютной системы. В-третьих, успех денежной реформы тесно связан с личностью реформатора, который смог все объединить в детально просчитанный стратегический план, увидеть и обозначить его цель и задачи, найти и доказать оппонентам правомерность выбора инструментов и эффективность действий. И, наконец, стержнем денежной реформы, вокруг которого выстраивается весь ее инструментарий, во все времена, как и при Г.Я. Сокольникове, было восстановление доверия к единой государственной национальной валюте. Именно эту экономическую идею необходимо учитывать Банку России и Министерству финансов, совместно разрабатывающим денежно-кредитную политику и ведущим борьбу с инфляцией, и которым в ближайшее время предстоит решать проблему бюджетного дефицита.

Список сокращений

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СНК – Совет народных комиссаров.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

Литература:

1. Стожко Д.К., Стожко К.П. Денежная реформа 1922–1924 гг.: Pro Et Contra // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 2(47). С. 91–99.
2. Сейтумеров Р.Р. Денежная реформа 1922–1924 гг.: региональные аспекты (на материалах Симбирской губернии) // Экономическая история. 2024. Т. 20ю № 2(65). С. 114–132. DOI: 10.15507/2409-630X.065.020.202402.114-132.
3. Мещанинова Е.Ю. Идеология и конструирование социальной реальности. Советский проект «общества без денег». Денежная реформа в СССР 1922–1924 гг. // Социология. 2020. № 6. С. 60–69.
4. Квинт В.Л. Мудрость стратега: сост. Новикова И.В. М.: Изд-во ЯникО, 2024. 144 с.
5. Гришаева Л.Е. Г.Я. Сокольников: финансовый гений Советской эпохи (к 100-летию первой Советской финансовой реформы 1922–1924 гг.) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 7–8 (198–199). С. 23–36. DOI: 10.54449/20739532_2022_7-8_23.
6. История гражданской войны в СССР: В 5 т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960. Т. 5. 688 с.
7. Хрестоматия по истории СССР, 1917–1945: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец «История». М.: Просвещение, 1991. 544 с. Квинт В.Л. Мудрость стратега: сост. Новикова И.В. М.: Изд-во ЯникО, 2024. 144 с.
8. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР: В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 2. 358 с.
9. История министерства финансов России в 4 т. Т. II. (1917–1932). М.: ИНФРА-М, 2002. 512 с.
10. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2015. 776 с.
11. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССМЭН, 2008. 862 с.
12. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001. 1456 с.
13. Декрет ВЦИК и СНК от 4 октября 1921 г. «Об учреждении Государственного банка РСФСР». URL: https://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/dekret-vcik-i-snk-ob-uchrezhdenii-gosudarstvennogo-banka-rsfsr (дата обращения: 28.03.2025)
14. Постановление ЦИК СССР от 6 июля 1923 г. «О Государственном Банке Союза Советских Социалистических Республик» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 20.03.2025).
15. Декрет СНК от 3 ноября 1921 г. «О денежных знаках образца 1922 года» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 10.04.2025).
16. Декрет СНК от 25 июля 1922 г. «О предоставлении Государственному Банку права выпуска в обращение банковых билетов» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 10.04.2025).
17. Декрет СНК от 8 сентября 1922 г. «Об установлении однородности денежного обращения» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 10.04.2025).
18. Денежная система России: становление через реформы / В.П. Гриднев, Д.Ю. Десятниченко, О.Ю. Десятниченко [и др.]. СПб.: Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. 238 с.
19. Декрет СНК от 11 октября 1922 г. «О предоставлении Государственному Банку права выпуска банковых билетов» (Извлечение) // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 10.04.2025).

20. Декрет СНК от 24 октября 1922 г. «О выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 года» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 20.04.2025).
21. Декрет СНК от 26 октября 1922 г. «О чеканке золотых червонцев» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 20.04.2025).
22. Золотой червонец // Центр исследований культурных ценностей: общественный портал. URL: http://numexpert.ru/publikatsii/zolotoj-chervonets-1923-goda/ (дата обращения: 20.04.2025).
23. Декрет СНК СССР от 7 марта 1924 г. «О порядке выкупа советских денежных знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте» (Извлечение) // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 20.04.2025).
24. Декрет ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 г. «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца» // История Государственного банка СССР в документах. URL: http://www.bonistikaweb.ru/DOKUMENT/gosbank.htm (дата обращения: 20.04.2025).
25. Тринадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. URL: https://djvu.online/file/nE5Q7oZmUgwSe (дата обращения: 20.04.2025).
26. Генис В.Л. Упрямый нарком с Ильинки (О Г.Я. Сокольникове). URL: https://history.wikireading.ru/h14TChcy2Z (дата обращения: 21.04.2025).
27. Федоров Б.Г. Все министры финансов России и СССР, 1802–2004. М.: Русское экономическое общество, 2004. 632 с.
28. Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции: доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. / Полн. собр. соч. Т. 45. 1970. С. 278–294. URL: http://www.uaio.ru/vil/45.htm (дата обращения 23.03.2025).
29. Гребнев А.В. Денежная реформа 1922–1924 гг. в освещении новейшей российской историографии // Омский научный вестник. 2010. № 4(89). С. 20–23.
30. Сокольников Г.Я. Борьба с финансовым развалом: (доклад НКФ на IV сессии ВЦИК в октябре 1922 г.). // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. URL: http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=20 (дата обращения: 23.03.2025)
31. Касевич Е.В. «Новая финансовая политика» в трудах Г.Я. Сокольникова // Общество и право. 2011. № 4(36). С. 33–35.

Monetary reform of 1922–1924: reviving trust in the ruble

Koniagina M.N.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The topic of the monetary reform of 1922-1924 still leaves many questions: about the role of the People's Commissar of Finance G. Ya. Sokolnikov, about the fairness of approaches to reducing the budget deficit and limiting money emission, as well as about the subtle tools for restoring trust in the ruble as a national currency, but also as a means of international settlements. Many of these issues are relevant for the development of the domestic monetary system today, when the prospect of a multi-currency market for international settlements is approaching, where the ruble will need to take its strong position. Having defined the goal of the study as rethinking the experience of the monetary reform of 1922-1924 and searching for its useful lessons for carrying out the current reform of the monetary system of the Russian Federation, the author investigates in detail the steps of the first Soviet monetary reform in the context of recreating the elements of the national monetary system, highlighting the significance of each decision made at the government level. The article emphasizes the importance of the organizational talents and strategic thinking of G. Ya. Sokolnikov, who was able to select highly professional specialists and ensure their effective interaction in the face of tough opposition and denial of domestic and foreign experience. Basing his conclusions on published official documents of the Soviet government, transcripts and reports of contemporaries of the reform, and later studies by historians and economists, the author compares the conditions for implementing two reforms with a century-long time interval to identify the core idea of the reform – the restoration of confidence in the state national currency – around which the instruments and actions of the reformers become clear and can be implemented more effectively for all participants in economic relations. The article will be of interest to historians and economists, civil servants and scientists involved in issues of monetary regulation and state economic policy.

Keywords: monetary reform, reform of 1922-1924, Sokolnikov, monetary system, denomination, State bank

УДК 004.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-439-442

Искусственный интеллект в цифровом имущественном обороте

Монастырский Ю.Э.
Доктор юридических наук, профессор кафедры
международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева
Московского государственного института международных
отношений МИД РФ,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета (Севастополь)

Искусственный интеллект (ИИ) производит современную технологическую революцию, усложняя содержание имущественного оборота. Внедрение, управление и задействование этой многофункциональной инновации, помимо человеческих действий в сфере физики, коммуникаций и подобного, зависят также от экономических стимулов в общественном воспроизводстве, связанных с гражданско-правовым регулированием.

Целью настоящей работы является попытка определить, на каких цивилистических основаниях ИИ может быть включен в экономический обмен или циркуляцию материальных, в широком смысле этого слова, благ. Задачу настоящей публикации автор видит в установлении соотношения понятий «искусственный интеллект» и находящего в закрытом перечне «объект гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ). Начиная с ответа на вопрос: «Может ли искусственный интеллект быть новым, особым, составным или как угодно, но отдельным объектом?» – и отвечая на этот вопрос отрицательно, автор предлагает свое видение связи искусственного интеллекта и объектов гражданских прав, заключающееся в том, что ИИ может быть характеристикой, технологией либо компонентом таких объектов гражданских прав как вещь, компьютерная программа, секрет производства, изобретение, результат услуг. В обозначенных привязках он может быть предметом гражданско-правовых договоров, передаваемого имущества.

Ключевые слова: *информация, искусственный интеллект, объекты гражданских прав, технология, интеллектуальная собственность, исключительное право, гражданское право*

Для цитирования: *Монастырский Ю.Э. Искусственный интеллект в цифровом имущественном обороте // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 439–442. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-439-442.*

Понятие «объект гражданских прав» обладает существенным значением, поскольку через анализ его признаков и элементов становится возможным осмысление интересов и имущественных устремлений субъектов гражданского оборота, на параметрах которых основывается правовое регулирование гражданских отношений. В данной работе необходимо рассмотреть современную технологическую реальность – искусственный интеллект (ИИ) – и сравнить его с основополагающими понятиями гражданского права. Этот термин как в теории, так и в законодательстве, обозначен как объект правоотношений. Однако его характеристики таковы, что он не подлежит обособлению и обозначению по четкой принадлежности к лицам, и поэтому не может считаться объектом именно частных прав. Его функция в современном обороте все более усиливается, поэтому, с целью обозначения в правовом поле современного государства необходимо определить юридические связи этой

ключевой категории с объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Ценности оборота устанавливаются по своей принадлежности субъектам и подчиняются режиму, определяющему их эксплуатацию, передачу, отнесение которых к кому-либо есть основание юридической охраны. Всевозможные данности, включенные в человеческую деятельность, обладание которыми трудно установить (например, услуги, информация), бывает нецелесообразно характеризовать подобным образом, так как это может привести к неясностям в правовом регулировании. Гражданско-правовые объекты прав как базовая категория и явление произвольно неуничтожимы и прекращают свое бытие в особо урегулированных казусах: гибель вещи, прекращение требования, действие пресекательной давности. С объективацией экономических благ связано возникновение утратившей сегодня остроту проблемы установления имущественного свойства сделок и поведения вообще.

Требуется исследование такого достижения человеческой деятельности, как ИИ, который прежде всего необходим для воспроизводства благ. Этот феномен создает мотивацию и взаимодействия, составляющими чего являются права и обязанности лиц. Поэтому данное понятие можно считать объектом правоотношений, но не частных, а иных: процессуальных, трудовых, административных.

Искусственный интеллект[1] представляет собой важный операционный атрибут, знаменующий начало новой технологической эры [1, с. 36].

Среди учёных существует мнение, что ИИ является либо объектом права, либо квазисубъектом [2, с. 1–7; 3, с. 79–102; 4, с. 74–83; 5, с. 45], однако такая позиция является дискуссионной. Объекты гражданских прав чётко определены в ГК РФ, их перечень является исчерпывающим, как и перечень объектов интеллектуальных прав. Это обусловлено принадлежностью российской континентальной правовой системы к романо-германскому типу. В данной системе считается, что имущественный оборот замкнут, поэтому установлен ограниченный перечень юридических лиц, средств правовой защиты и объектов гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Согласно ст. 12 ГК РФ, допускается возможность иных способов защиты, однако такие меры должны быть прямо предусмотрены законом. При реализации принципа свободы договора участники гражданских отношений могут предусматривать положения о заранее определённых убытках [6, с. 500], однако требования, вытекающие из подобных положений, оказываются неосуществимыми. И суд либо должен признать ничтожной формулу, либо интерпретировать ее в пользу неустойки или убытков и т.д.

Перечень объектов гражданских прав закреплён в ст. 128 ГК РФ и включает в себя вещи, иное имущество, имущественные права (наиболее разнообразная категория, охватывающая в том числе цифровые права), результаты работ и услуг, объекты интеллектуальной собственности и нематериальные блага.

Распространяется мнение о том, что ИИ – квазисубъект, как и юридическое лицо путем введенной фикции [5, с. 45; 3, с. 88]. Последнее существует в праве и, как известно, иногда действует от собственного имени. Однако не может быть субъекта, который не обладает самостоятельной имущественной ответственностью. Если он совершил договоры, а ответить по их последствиям не может, то его субъектность нереальна.

Есть позиция, что права на ИИ – это одна из разновидностей цифровых прав [7, с. 26–28]. Полагаем, что последнее создает только доступ к автономной информационной системе.

Внедрение искусственного интеллекта в гражданский оборот, включая его передачу, продажу и использование, требует четкого определения правовой основы таких операций. Одним из подходов является отождествление ИИ с роботом[2]. Под роботом подразумевается устройство, которое действует по заданной программе, обрабатывая информацию и выполняя когнитивные задачи. В ряде источников

[1] Согласно подп. «а» и «б» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024)) «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»; «технологии искусственного интеллекта – совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

[2] См., например: «…Виктор Наумов… описал общую концепцию законопроекта о роботах, а именно: понятие «робот», наделение некоторых видов роботов специальной правосубъектностью (по аналогии с юридическими лицами)…») [8]; «Но можно интерпретировать правосубъектность робота и на основе категории юридического лица, как предлагает Александр Тюльканов…» [5, с. 45]; «…на практике… признаки субъекта предпринимательства, например, могут быть у промышленного AI-робота. Так, робот может иметь регистрацию (предположим, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации, как крайней мере ответственности). Таким образом, на первый взгляд, AI-робот обладает отдельными элементами субъекта права, при осуществлении им производственно-хозяйственной деятельности» [3, с. 88].

ИИ действительно называют роботом [9, с. 46–62], однако рассматриваемый термин не получил однозначного закрепления [3, с. 79–102]. Традиционно «робот» ассоциируется с физическим объектом – техническим агрегатом или предметом.

Если искусственный интеллект интегрирован в объекты материального мира, то новый собственник такого объекта может предъявлять требования, например, о качестве приобретённой вещи. На практике существуют различные подходы к применению статьи 475 ГК РФ и других норм.

Одна из ролей ИИ заключается в том, что в сфере международного коммерческого арбитража и третейского производства он производит невиданные преобразования. Возникают опасения о замене правосудия [10].

Особенностью ИИ является способность создавать произведения без участия человека как творческой личности [11–13], что вновь поднимает вопрос о его квазисубъектности. На наш взгляд, результаты деятельности искусственного интеллекта не обладают критерием охраноспособности. В отличие от автора, создающего произведение искусства, промышленную или иную интеллектуальную собственность, результат деятельности ИИ не нуждается в правовой защите. Это связано с тем, что институализация авторских прав основывается на признании мотивации творца, связанной с уникальностью произведения и возможностью получения вознаграждения. Поскольку искусственный интеллект, обладая машинной природой, не имеет собственной мотивационной основы, а его разработчик не может признаваться автором результата с точки зрения закона (ст. 1228 ГК РФ), предоставление правовой охраны таким произведениям не способствует стимулированию творческой деятельности. Более того, разработчик искусственного интеллекта не может извлечь существенной выгоды из исключительных прав на такие результаты, так как они не ассоциируются с волей правообладателя в юридическом смысле. Отсутствует также элемент личной связи: невозможны действия по отзыву, изменению произведения или обретению общественного признания [14, с. 204–221].

В контексте объектов гражданских прав искусственный интеллект выступает в качестве технологии, а результаты его функционирования и предоставляемых услуг представляют собой суррогат человеческой деятельности – интеллектуальной, физической или преобразовательной.

Таким образом, вещи, объекты интеллектуальной собственности и результаты оказания услуг могут содержать элементы технологии, подпадающие под рассматриваемое понятие. Следовательно, искусственный интеллект может выступать инструментом либо компонентом в составе материальных объектов, функционирования компьютерных программ или ноу-хау.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение, учитывая роль искусственного интеллекта как ключевого драйвера экономической деятельности, планирования и оптимизации управленческих процессов. На современном этапе ИИ является необходимым участником коммерческих проектов и может обладать способностью переходить, передаваться и использоваться посредством включения в соответствующие объекты гражданских прав, сообразно их назначению и характеристикам.

Искусственный интеллект представляет собой технологию, а не самостоятельный объект гражданских прав. Вместе с тем, технология ИИ может быть включена в услуги, результаты интеллектуальной деятельности, программы для ЭВМ, объекты интеллектуальных прав, имущественные права и материальные объекты. Указанные объекты обладают оборотоспособностью, могут быть отчуждены, уступлены или переданы иным образом, а также переходят по наследству.

Искусственный интеллект из-за своего значения не может не быть вовлечен в самом широком плане в экономическую жизнь и при этом порождать неизбежные вопросы о его принадлежности конкретному лицу. Как производитель, механизм, средство усовершенствования структурно сложных материальных благ в виде результатов услуг, ноу-хау, вещей, ИИ не может не приводить и к разногласиям, и к выяснению вопроса о том, кому принадлежит искусственный интеллект из взаимодействующих субъектов. И эта задача – не только судов, но и законодателя, а также научной доктрины. Проблема о том, как инструментально выделить технологии искусственного интеллекта при сочетании и соотношении с другими объектами и приспособлениями, уже находится за рамками юриспруденции.

Таким образом, можно прийти к предварительному обобщению по дискурсу о соотношении ИИ и правовой категории «объект гражданских прав». Оно заключается в том, что искусственный интеллект есть возможные свойства или полезные качества некоторых объектов гражданских прав. Переход свойств или полезных качеств вне правоотношений, обозначенных в ГК РФ, таких как исполнение обязательств, наследование, передача имущества, отдельно от объектов, свойствами которых ИИ является, не должен иметь юридических последствий.

Литература:

1. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46.
2. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.
3. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
4. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83.
5. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42–48.
6. Гражданское и торговое право зарубежных государств. В 2 т. Т. 1. Учебник. / М. А. Андрианова, Е.А. Васильев, А. В. Грибанов [и др.]; под ред. А.С. Комарова [и др.]. М.: Статут, 2019. 560 с.
7. Абрамова Е.Н. Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // Право и экономика. 2023. № 7(425). С. 26–31.
8. Moscow Legal Tech 2017: настоящее и будущее технологий в юридическом бизнесе (30 марта 2017 г.). URL: https://legalinsight.ru/pdf.php?id=4348 (дата обращения: 05.06.2025 г.).
9. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6(55). С. 46–62.
10. Гресева И. Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды (28 августа 2024 г.). URL: https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy (дата обращения: 05.06.2025 г.).
11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 420 с.
12. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
13. Каштанова П. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России. URL: https://www.garant.ru/article/1613841/ (дата обращения: 05.06.2025 г.).
14. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.

Artificial Intelligence in Digital Property Circulation

Monastyrsky Yu.E.
International Private and Civil Law Department of MGIMO,
Sevastopol State University (Sevastopol)

Artificial Intelligence (AI) is driving a modern technological revolution, complicating the content of property turnover. The implementation, management, and utilization of this multifunctional technology, in addition to human actions in the fields of physics, communications, and similar areas, also depend on economic incentives in social reproduction, which are related to civil law regulation.

The purpose of this work is to attempt to determine on which civil law grounds AI can be included in economic exchange or circulation of material goods in the broadest sense of the term. The task of this publication, as seen by the author, is to establish the relationship between the concept of "artificial intelligence" and the objects of civil rights specified by the legislator in a closed list (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation). Beginning with the question: "Can artificial intelligence be considered a new, special, composite, or in any case, a separate object?" – and answering this question in the negative, the author offers his view on the relation between AI and the objects of civil rights, concluding that AI can be viewed as a characteristic of technology or as a component of such civil law objects as a thing, computer program, trade secret, invention, or service result. Within these designations, it may be the subject of civil law contracts and transferred property.

Keywords: information, artificial intelligence, objects of civil rights, technology, intellectual property, exclusive right, civil law

УДК 330.16
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-443-451

Целеполагание человека как основа экономического развития

Рылов В.А.
Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Центра перспективных экономических исследований
Академии наук РТ (Казань)

Целеполагание человека играет ключевую роль в экономическом развитии, определяя вектор деятельности индивидов, развитие организаций и государств. В статье рассматриваются некоторые философские и экономические аспекты целеполагания человека, а также его влияние на процессы инноваций, предпринимательства и государственной политики.

В статье анализируется природа целеполагания человека. Автор подчеркивает, что цели формируются на основе ценностей, потребностей и мотивации личности. Коллективные цели, возникающие в социуме, задают направление общественного и экономического прогресса.

Экономический аспект целеполагания раскрывается через его влияние на индивидуальную и корпоративную деятельность. Стремление к достижению материального благосостояния, профессионального роста и технологического развития формирует основу экономической динамики.

Отдельное внимание уделено роли государства в формировании целеполагания человека. Автор подчеркивает важность стратегического планирования, образовательной политики и институтов, направленных на развитие осознанных и долгосрочных целей граждан и общества.

В заключении автор подчеркивает необходимость обратить внимание на существующие общественные нормы, важность их всестороннего анализа, а также общественные ценности, которые влияют на формирование потребностей члена общества, совершенствование механизмов целеполагания, особенно в условиях быстро меняющейся экономической среды.

Ключевые слова: *капитализм, социализм, экономическое развитие, целеполагание человека, экономические отношения, эволюционное развитие, общество, государство, общественное развитие*

Для цитирования: *Рылов В.А. Целеполагание человека как основа экономического развития // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 443–451. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-443-451.*

В современном турбулентном мире, где нет места размеренному поступательному развитию, предпринимаются попытки реформирования тех или иных экономических институтов. Результаты проводимых изменений где-то приносят позитивный характер, где-то не имеют явных положительных итогов или даже ухудшают имеющуюся ситуацию. Рассматривая природу изменений, происходящих в экономике, необходимо обратить внимание на то, что характер трансформации экономики учитывает не только общеизвестные факторы, но и образование, воспитание, общественные и семейные отношения, а также характеры, культурные коды людей, составляющих то или иное общество. Реализуемые в экономике изменения, не рассматривающие ту общественную основу, в которой предполагается производить определенные модификации, не будут в полной мере давать тот эффект, который был заранее запланирован. Такие действия представляются как работа кузнеца, который кует изделие, не принимая во внимание

свойств конкретного металла. В этом случае, даже если кузнец высокого уровня, изделие получится либо хрупким, либо мягким, либо не получится вовсе, и заготовка будет испорчена.

Экономика, как правило, вторична по отношению к мотивации членов общества, принимающих влияющие на трансформацию экономических систем решения. В конечном счете экономика принимает тот вид, который позволит ей существовать в условиях сформированных общественных желаний.

В целях реализации общественных желаний обществом устанавливаются пути достижения оптимального результата (законы). В идеальном своем состоянии законы должны отражать интересы большинства общества и быть направлены на повышение жизненного уровня членов общества. В силу объективных причин законы не могут формироваться общественным большинством, но приниматься (поддерживаться) большинством они должны, так как только в таком случае формируется общественное согласие – сила, удерживающая общество от разложения.

Категория «общество» в первую очередь имеет отношение к вопросам социологии, политологии, вероятно, психологии, культурологии, а также ассоциируется с проблемами экономического развития. Именно общество напрямую оказывает влияние на вектор развития как всей экономики государства, так и ее составных частей. Общество как предмет для изучения является огромной сферой, не позволяющей в рамках одной работы даже наиболее обобщенно описать все происходящие в нем процессы.

Желание человека быть сытым, жить в теплых и сухих квартирах, носить качественные и чистые вещи, передвигаться на современном надежном транспорте носит вполне естественный характер. Для общества важно, что такое желание должно быть реализовано в установленных обществом рамках, так как только в таком случае общество сохраняет свою целостность. Соблюдение установленных в обществе норм также важно и для конкретного члена общества, так как вне общества человек не может существовать. Если принимать изложенное выше за абсолют, то любой член общества при достижении поставленных перед собой целей должен руководствоваться установленными законами и понимать, что иные пути достижения желаемого, позволяющие сократить затраты его рабочей силы, ущемляют общественные интересы.

Многое зависит от точки зрения, с какой стороны рассматривается экономический вопрос. Как правило, решение многих экономических проблем не находится в какой-то одной плоскости, а сопряжено с изучением целого ряда факторов, влияющих на сложившуюся ситуацию. Соответственно, от того, каких взглядов придерживается исследователь, во многом зависит результат его исследований. Спектр политических взглядов на общественное развитие разнообразен. Становление позиции исследователя зависит от его экономической, политической и общественной платформы. Формирование же такой платформы напрямую зависит от того, как исследователь ответит для себя на следующие вопросы: что хорошо и что плохо, мои интересы в приоритете или общественные, возможно ли силовое навязывание своих убеждений или мои убеждения учитывают общественное мнение, возможно ли принятие решения на основе мнения меньшинства или мнение большинства – всегда закон.

Для понимания материала далее важно показать именно только экономическую основу некоторых общих категорий. Несмотря на определенную односторонность суждений, приведенных ниже, необходимо рассматривать изложенные определения в совокупности.

Человек – существо, в котором объединяется животное (биологическое) начало и его духовная часть, собственно формирующая человека как индивида в обществе, а не как одну из особей в стаде. На принятие человеком экономических решений оказывают влияние обе эти составляющие, поэтому часто экономические решения, принимаемые человеком, не соответствуют экономической ситуации и не поддаются экономическому анализу.

Жизнь человека – процесс поддержания сознания в биологическом теле. Основной результат жизни (жизненного процесса) всегда один – смерть. Сопутствующим результатом жизни является сформированное в процессе жизни общественное или индивидуальное благо.

Экономический результат жизни для человека не имеет смысла, так как жизнь конечна. Жизнь человека имеет смысл для природы, так как человек способен продлевать свой род, тем самым поддерживая человеческую популяцию. Жизнь человека имеет смысл для общества, то есть для других людей, так как все, что делает человек, он делает в обществе, тем самым влияя на него.

Сопутствующий «смысл» жизни у человека возникает только в процессе самой жизни и формируется в зависимости от множества внешних и внутренних факторов, влияющих на жизненный процесс.

Духовной основой человека, формирующей всю его личность, являются его установки на генерирование в процессе жизни индивидуальных либо общественных благ.

В современном мире в природе человек не может выжить вне общества. Нахождение в обществе, пользование благами общества – обязательное условие для существования человека. Для общества человек представляет тем большую ценность, чем выше стремления человека развивать и улучшать общество.

В результате экономического развития всегда накапливаются знания, дающие людям больше возможностей для развития по сравнению с предыдущим поколением.

Экономика, ее суть – постоянное развитие производственных сил, позволяющее повышать материальный уровень людей, живущих в обществе, улучшать качество жизни, бороться с последствиями жизни в природе, а также расширять физические возможности человека, связанные с коммуникациями и перемещением в пространстве.

Государство, общество, труд – все «пространство» человека заполнено этими категориями, жизнь человека подчинена его отношению к данным сферам и зависит от пропорций присутствия их в жизнедеятельности. Каждый человек старается выбрать для себя именно то соотношение присутствия в его жизни государства, общества и труда, которое он, исходя из своих знаний, умений и навыков, а также своего мировосприятия, считает оптимальным. При этом основными критериями при выборе человека являются особенности конкретного государства и общества, а также характер труда, доступного человеку для обеспечения своей жизнедеятельности в обществе.

Государство для человека в основном – это механизм подавления, ограничитель действий, признанных с общественных позиций неприемлемыми в обществе, которое данное государство обслуживает. С другой стороны, государство предоставляет инструменты, обеспечивающие поддержание жизни человека в обществе при снижении возможностей или отсутствии потенциала в человеке самостоятельно поддерживать свою жизнедеятельность. То есть, выстраивая установленные ограничения и запреты с одной стороны и предоставляя определённые блага с другой, государство влияет на формирование в человеке мировоззрения.

В силу множества вариантов поведенческих реакций людей на единое установленное ограничение или возможность получения конкретного блага от государства, предусмотреть единое планируемое поведение членов общества не представляется возможным.

Общество для человека – это среда, без которой человек физически существовать не может, и в которую он пытается максимально комфортно для себя встроиться. Общество, безусловно, оказывает влияние на любого своего члена, пытаясь вписать его в те нормы, которые приняты или наиболее превалируют. Общество влияет на своего члена с помощью государственных институтов.

Труд для человека – это часть жизни, которую он затрачивает на производство определенного блага, в том числе необходимого для обеспечения физического существования. При этом конкретная деятельность человека, за которую предполагается оплата, является финансовой основой существования государства.

Жизнь человека состоит из трех основных периодов: начального (рождение и рост, получение образования, формирование характера и жизненных установок), основного (реализация амбиций, активная деятельность, работа, формирование материального «кокона», доказывание обществу своей состоятельности) и заключительного (пенсия, снижение трудовой и физической активности, смерть). Большая часть физических усилий человека направлена на поддержание себя в основном жизненном периоде как можно дольше.

Если бóльшая часть усилий человека приходится на основной период его жизни, то необходимо обратить внимание на тот факт, что человеческие старания реализуются в общественном пространстве и, как правило, направлены на изменение окружающей его среды, или иными словами, на производство благ. Производство любого блага всегда есть изменение природы вещей (физический аспект) или изменение отношения к вещам (нефизический аспект – деятельность в сфере образования, воспитания и т.п.).

Человек всегда будет зависеть от производимых физических благ, так как сам человек в первую очередь представляет собой физический объект и только потом духовный. Жизнь так устроена, что в этом мире духовная суть человека не может существовать без физического каркаса. Соответственно, физическое производство благ всегда будет приоритетом деятельности человека.

Экономика России в ее сегодняшнем состоянии приводится в движение с помощью капиталистического способа производства, суть которого состоит в постоянном увеличении капитала, принадлежащего собственнику средств производства, посредством производства товаров и услуг для продажи. Основным двигателем такой экономической организации является конкуренция. Сущностью конкуренции, в свою очередь, является механизм формирования наиболее привлекательных для потребителя предложений за наименьшую цену. Иными словами, экономика функционирует таким образом, что основные экономические усилия направлены на то, чтобы определенная часть общества аккумулировала в своем распоряжении все больший объем блага с помощью постоянно улучшающегося предложения для неограниченного круга лиц. Наибольшая часть общества, не имеющая средств производства, имеет ограниченные возможности накопления и неограниченные возможности потребления. При такой экономике потребление обществом произведенных благ максимально поощряется государством, так как наибольшее потребление служит основой функционирования такой экономики. То есть экономика, которая приводится в движение капиталистическим способом производства, существует для того, чтобы одна часть общества накапливала и расходовала богатства, а другая часть общества служила лишь для того, чтобы потреблять произведенное.

Из вышеизложенного следует, что капиталистическая экономика предлагает человеку жизненное пространство, ограниченное, с одной стороны, деятельностью, направленной на бесконечное нако-

пление капитала, а с другой стороны – объективной необходимостью все бóльшего[1] участия в процессе производства благ с целью поддержания физического существования. В поиске формирования оптимума между данными ограничениями и проходит основная часть жизни большинства людей, задействованных в процессе капиталистического производства. Формирование иных смыслов существования в таком обществе возможно только вне сферы капиталистического производства.

Тут необходимо обратить внимание на тот факт, что как накопление капитала, так и поддержание физического существования – цели сугубо индивидуальные, не имеющие отношения к развитию общества. С позиции же сохранения общества, общественные экономические интересы должны превалировать над частными экономическими интересами. А как показано выше, экономика, основанная на капиталистическом способе производства, не способствует развитию в членах общества готовности реализовывать общественные интересы. Соответственно, капиталистический способ производства не может существовать сколь угодно долго и должен трансформироваться в иную организацию процесса производства. В противном случае разложение капиталистического общества неизбежно. Теоретически допустив экономическую эволюцию и трансформацию частного капитала в общественный, управляемый государственными институтами, возможен иной способ производства, направленный в первую очередь на обеспечение общественных интересов или, иными словами, на обеспечение потребностей всех членов общества. Основным двигателем такой экономической организации будет являться план. Плановая экономика хороша тем, что исключает кризисы перепроизводства, стабильна, позволяет максимально эффективно использовать весь потенциал существующей рабочей силы. В отличие от капиталистического способа производства, она лишена противоречия, связанного с общественным характером производства и частным присвоением результатов труда. Также плановая экономика снижает риски злоупотребления (нарушения общественных норм) с целью увеличения дохода, так как устанавливает минимальные и максимальные объемы заработных плат.

В связи с тем, что плановая система хозяйствования направлена на обеспечение общественных интересов в первую очередь, члену такого общества предлагается формировать смыслы своего существования вокруг деятельности, направленной на всестороннее общественное развитие. Вследствие того, что такая система хозяйствования направлена на развитие всего общества, а все общество работает на развитие такой системы, происходит выравнивание доходов и формируются условия, снижающие повышенное потребление.

Существенным недостатком производственной системы, основанной на плане, является отсутствие всеобъемлющей индивидуальной конкуренции за средства существования, что снижает мотивацию постоянного индивидуального развития (порождает индивидуальное иждивенчество). Механизм конкуренции тут реализуется уже на межгосударственных уровнях. Повышение эффективности работы в данном случае обусловливается необходимостью конкурирования на мировых товарных рынках.

Существенным недостатком капиталистической системы хозяйствования является необходимость противопоставления частных индивидуальных интересов общественным. Данное утверждение требует отдельного пояснения.

Все в природе находится в процессе эволюции. Но человек эволюционирует интеллектуально, в то время как физически в основном утрачивая дарованные природой преимущества. Современный человек практически не может выжить без лекарств, развитой медицины и других привилегий современной цивилизации. Это произошло вследствие того, что человек, создавая цивилизацию, то есть фактически параллельный мир, ушел от формулы «человек – природа», заменив ее на формулу «человек – культура (в т.ч. научно-технический прогресс) – природа», поставив искусственный буфер между собой и природой. Такая эволюция имеет две стороны: эволюция интеллекта и эволюция природы, изменённой интеллектом. Трансформированная природа, безусловно, будет эволюционировать с учётом привнесённых человеком корректировок. А человек при этом будет вынужден искать всё новые и новые решения, позволяющие существовать в изменённой и продолжающей меняться природе.

Конкуренция в обществе – это то же самое, что эволюция в природе: выживает сильнейший. Эволюция в природе – подавление конкурентов вследствие борьбы за ограниченные ресурсы, соответственно, и конкуренцию в обществе можно рассматривать как подавление конкурентов в целях доминирования.

В природе есть еще и другая ветвь эволюции – приспособление к среде. Чем лучше организм приспособлен к внешней среде обитания, тем больше шансов на выживание. В обществе также есть аналогия такому поведению организмов. Если член общества в силу каких-либо причин не способен вступить в конкурентную борьбу, он пытается приспособиться к существующим реалиям. В отличие от эволюции в природе, эволюция в обществе посредством приспособления к среде носит жертвенный характер – человек вынужден довольствоваться вторыми ролями вследствие ограничения допуска к бóльшим ресурсам.

[1] Механизмы конкуренции предполагают сокращение затрат на производство, в том числе и сокращение затрат на рабочую силу, что требует от наемных рабочих затрачивать большее количество рабочего времени для получения необходимых для существования средств.

Конкуренция в обществе между людьми разъединяет людей, делает их соперниками, что противоречит первоначальному, первобытному смыслу объединения людей в группы – облегчению выживания в природе. При этом конкуренция не лишена и положительных сторон: конкуренция уничтожает лень, стимулирует процесс познания и придает сильнейший импульс развития экономик. Поэтому применение такого сильнейшего стимулятора в обществе должно носить выверенный точечный характер, чтобы исключить её негативное влияние на формирование общественных ценностей.

Таким образом, понимая двойственный характер конкуренции и ее влияние на развитие общества, необходимо вписать конкуренцию в общественные отношения таким образом, чтобы увеличить ее положительное влияние и снизить негативный эффект от ее применения. При существующем научно-техническом уровне развития общества экономика, основанная только на использовании механизма конкуренции или опирающаяся только на план, нежизнеспособна, поскольку жизненный смысл членов общества неоднороден.

Выше мы обращали внимание на то, что жизненные смыслы у человека формируются в процессе самой жизни и зависят от множества внешних и внутренних факторов, влияющих на жизненный процесс. Одним из ключевых компонентов, создающих человека, безусловно, является воспитание и образование. Рассматриваемые в данной работе категории интересуют нас только с позиции их влияния на экономические процессы.

Воспитание – категория неэкономическая. Воспитание отвечает за формирование в человеке понимания фундаментальных основ, отвечающих за существование человека в природе и обществе: «хорошо – плохо», «можно – нельзя», «допустимо – недопустимо». А вот уже эти константы, сформированные в человеке, в большей степени, а возможно, и в полной мере влияют на принятие экономических решений и, как следствие, на развитие экономики в целом, формируют целеполагание человека.

В основе воспитания лежит постулат: нельзя обманывать, ложь неприемлема.

В основе капиталистической системы хозяйствования актор поставлен в условия, в которых первостепенным является получение прибыли. Процесс выбора цели, а также выбор допустимых отклонений, необходимых для управления алгоритмом достижения цели (целеполагание человека), также подчинен принципу максимизации прибыли. При этом общество вынуждено ограничивать стремление капиталиста увеличивать капитал всеми доступными способами, в том числе введением репрессивных законов. Там, где законы не регулируют отношения, допускается обман.

Обманув[2] ради увеличения прибыли, актор осознает, что, добиваясь поставленных перед собой целей, нарушает общественные интересы. Капиталистический способ производства вынуждает человека противопоставлять свои интересы общественным и раз за разом делать выбор в ту или иную сторону, выбирать между капиталистической эффективностью и общественными интересами, что негативно отражается на общественном развитии.

Для большинства граждан не имеет большого практического значения работать при социалистической либо капиталистической системе хозяйствования. В любом случае работоспособному члену общества придется работать и зарабатывать в условиях конкуренции. И при капитализме, и при социализме существует рынок труда, условиям которого нужно соответствовать. И при социализме, и при капитализме работник получает за свой труд только часть того блага, которое он произвел, другая часть потребляется не им. Существенная разница присутствует лишь в методах распределения того блага, которое не было отдано работнику за его труд. Тут важно понимать, что для члена общества важно не то, в чей бюджет попадают ресурсы, а как эти ресурсы в дальнейшем будут использованы. Предполагается, что при социалистической системе хозяйствования все имеющиеся ресурсы направляются на развитие всего общества: на улучшение функционирования его институтов, на повышение жизненного уровня населения. При капиталистической системе хозяйствования часть полученной стоимости остается в распоряжении собственника тех средств производства, с помощью которых произведена новая стоимость.

Если в обществе будут созданы условия, побуждающие частного собственника средств производства реинвестировать основную часть полученной прибыли в развитие производства, то в таком случае для наемного работника большого значения не будет иметь, трудится он в социалистической системе хозяйствования, либо в капиталистической.

Выше речь шла об интересах членов общества, связанных только с распределением производимых в обществе благ. Линия рассуждения основывается на следующем. В любом обществе для производства необходимо три условия: наличие сырья и ресурсов, наличие рабочей силы, наличие единых, установленных для всех правил производства. В любом обществе процесс производства, в конечном счете, обеспечивается усилиями большей части общества (кто-то добывает нефть, кто-то ее перерабатывает, кто-то лечит тех, кто добывает и перерабатывает нефть, кто-то сидит с детьми тех, кто добывает и перерабатывает нефть, кто-то кормит и т.д.). Соответственно, произведенный конечный продукт появ-

[2] Обман – здесь и далее понимается автором как осознанные действия, предпринятые субъектом отношений, существенно ухудшающие положение контрагента, целью которых является получение повышенного дохода. Такие действия не обязательно преследуются действующим законодательством, но всегда порицаемы общественным мнением.

ляется благодаря общественным усилиям, и в таком случае претендовать на него может все общество, а не только та его часть, в чьей собственности средства производства, применяемые в процессе производства блага. Иными словами, добавленная стоимость, полученная в процессе производства блага, должна быть вложена в то общество, в котором эта стоимость получена. В этом случае общественные интересы будут не ущемлены, соответственно, не будут затронуты и интересы наемного работника. Полемика о том, при каком общественном строе общественные ресурсы будут распределяться более эффективно, неуместна, так как в основе принимаемых таких решений лежит целеполагание конкретного члена общества, наделенного соответствующими полномочиями. Развивая дальше эту мысль, мы вернемся к вопросам воспитания, образования и «зрелости» общества.

Существенную роль в формировании экономического поведения членов общества играет образование. Образование, безусловно, влияет на сознание человека. Получая определенные знания, человек формирует свою модель поведения в обществе. С самого детства семья и общество вкладывает в человека необходимые знания для физического выживания (не переходи дорогу на красный свет светофора, не суй пальцы в розетку, не подходи к бродячим животным, мой руки перед едой, выноси мусор только в специально отведенные места и т.п.). С таким же успехом прививаются основные правила общественного поведения (нетерпимость к рукоприкладству, порицание сквернословия в общественных местах, гуманное отношение к животным и т.п.). Данные установки сформированы на основе многолетнего накапливания знаний о последствиях нарушения указанных и подобных норм поведения и позволяют выживать в обществе, не разрушая общественное пространство. Вышеизложенные нормы в обществе принимаются как данность.

При этом правила, направленные на сохранение общественного согласия и нивелирование противоречий, связанных с функционированием капиталистического способа производства, не развиваются. Имеются в виду следующие нормы: любое произведенное благо – есть результат коллективного труда; любой человек – это часть общества; реализация любого индивидуального желания всегда возможна только с использованием результатов общественного труда; каким бы ресурсом ни обладал человек, превратить ресурс в капитал возможно только с привлечением других членов общества; живя в обществе, необходимо вносить свой вклад в его развитие и т.п. Подобное влияние на развитие личности позволит формировать в ребенке понимание первостепенности общественных интересов перед личными, что будет способствовать укреплению и развитию общества, а значит, и влиять на повышение жизненного уровня конкретного члена общества.

Превалирование общественных интересов над личными – это залог выживания общества. Соответственно, установка на доминирование достижений, приводящих к удовлетворению только своих индивидуальных потребностей, над решением общественных задач для членов общества должна носить противоестественный характер, так как не способствует общественному развитию.

При этом естественным для человека во время его основной фазы жизнедеятельности является стремление сформировать резерв для жизни в будущем. В зависимости от выработанных в процессе жизни смыслов каждый человек стремится аккумулировать для себя свою величину резерва. Основой такого накопления является важнейшее изобретение человечества – деньги.

Что представляют собой деньги, описано многократно и всесторонне изучено. В классическом понимании деньги – это особый товар, служащий всеобщим эквивалентом [1, с. 48]. Подробное рассмотрение всего широкого спектра данной сложной и многогранной категории не имеет большого значения в контексте нашей работы. Необходимо лишь акцентировать внимание на одном из самых главных свойств денег – способности удовлетворять потребности.

Деньги предоставляют возможность их обладателям получать произведенное другими людьми благо в определенное время, не прилагая при этом своих собственных усилий. Иными словами, деньги являют собой возможность использования чужого труда в своих личных целях без применения какого-либо понуждения или насилия, а также использование личных затрат труда обладателя денег. Деньги – это законсервированный труд людей. Деньги являются инструментом, способным снизить страх человека перед будущим, вселить веру и надежду на реализацию мечты. Деньги могут предоставить человеку свободу перемещения.

Деньги сами по себе не являются благом. Деньги – это триггер, запускающий процесс предоставления блага. Деньги без людей (без рабочей силы людей) – это просто бумага, которая не совсем подходит даже для разжигания костра. Суть процесса накопления денег – стремление человека обладать наибольшей возможностью использовать чужой труд для удовлетворения своих потребностей. Потребности у человека безграничны, а возможности ограничены использованием своей рабочей силы. Соответственно, построить общество, где каждый будет вкладываться ограниченно, а потреблять безгранично, невозможно. Существующие общества показывают ограниченное потребление большинства и безграничное потребление меньшинства. Учитывая ограниченность ресурсов на планете, построение общества, где все будут иметь возможность безграничного потребления, является утопией. Исходя из изложенного, пропаганда, идеализация модели наибольшего потребления, ре-

клама такого образа жизни, в котором все направлено на увеличение потребления, должна быть ограничена как фактор, приводящий к дестабилизации общества и работающий против общественной консолидации.

Деньги – это инструмент, который используется для облегчения функционирования экономики. И, как любой инструмент, деньги могут быть использованы во благо или во вред. Важным свойством денег, имеющим двойственный характер, является возможность их накапливания – формирование богатства, или другими словами, хранение «излишков». Образование этих самых излишков (в натуральном виде) и стало одной из первопричин возникновения эксплуатации человека человеком.

Эксплуатация, она же желание одной части общества подчинить другую в целях обладания благами, возникла в то время, когда появилась возможность получать от природы больше, чем это нужно для выживания «сегодня», и начали формироваться излишки. Излишки – это те блага, которые нужны для потребления в будущем. Стремление получить излишки – это естественная модель поведения человека в обществе, продиктованная желанием получать блага, не прикладывая усилий (своей рабочей силы), обеспечить себя в будущем, создать резерв на случай недееспособности.

С развитием цивилизации человек создал систему хранения излишков с помощью денег, что позволило «хранить» излишки сколь угодно долго, а главное воспользоваться ими в какой угодно момент.

Одним из аргументов в пользу перехода от капиталистического производства к посткапиталистическому (здесь возможно социалистическое производство) является тот факт, что при капитализме совершается эксплуатация человека человеком. Считается, что за счет такой эксплуатации и происходит накопление капитала.

Если рассматривать экономическую основу эксплуатации, то эксплуатация – это неравный обмен между эксплуататором и эксплуатируемым. То есть в ходе производства блага капиталист забирает себе часть того, что создал наемный рабочий. Основной альтернативой такому несправедливому способу производства служит социалистическая организация процесса производства благ, в которой отсутствует частный собственник средств производства, соответственно, все произведенное направляется на развитие общества. Но и при капитализме, и при социализме наемный работник получает не весь произведенный им продукт, а лишь только часть его. В ином случае отсутствовала бы возможность содержать и развивать социальную сферу, поддерживать оборону страны и её науку. А для наемного работника важна не только та часть произведенного им продукта, которая идет на общественные нужды, но и та часть произведенного продукта, которую получает именно он[3].

Основная проблема капитализма не в том, что при таком строе происходит эксплуатация наемного рабочего. Этот вопрос в большей или меньшей степени поддается регулировке. Есть масса способов нивелировать и/или существенно уменьшить возникающие вследствие этого диспропорции. Основная проблема капитализма заключается в том, что при капитализме, в условиях тотальной конкуренции, общество разобщается, происходят процессы его внутреннего разложения, связанные с тем, что капиталистическая организация труда подразумевает погружение человека в атмосферу постоянного соперничества, в процессы противопоставления его как члена общества и/или специалиста коллективу и/или другим специалистам в коллективе (нежелание передавать опыт, готовить «смену», помочь коллеге выполнить работу и т.п.), что приводит к снижению эффективности производства в целом. В то время как при социалистическом процессе организации труда, целью которого является удовлетворение общественных потребностей, механизмы конкуренции менее выражены, что способствует консолидации общественных усилий, развитию коммуникаций между людьми, достижению синергетического эффекта и формированию наиболее комфортной эмоциональной среды, что в целом улучшает качество жизни.

На физическую эволюцию человека не влияет способ организации производства, будь то капиталистический или социалистический. Желание человека «жить в достатке» сложно подавить общественными законами и формированием ограничений. Человеку не чужда конкуренция, а значит, он не оставит попыток подвергать эксплуатации себе подобных. Суть процесса эксплуатации при капитализме подробно описана К. Марксом [2, с. 202–210]. Эксплуатация в данном случае происходит через присвоение добавленной стоимости, которую производит наемный рабочий. Иными словами (упрощенно) – капиталист живет за счет наемного рабочего. Внешне проявление эксплуатации при капитализме просматривается в появлении крупных семейных состояний, миллионеров и миллиардеров, концентрации огромной собственности в одних руках. При социалистическом способе организации процесса производства благ не происходит присвоение части добавленной стоимости капиталистом, так как при социализме капиталистов нет. Желание же одной части общества доминировать над

[3] При капиталистических, при социалистических условиях хозяйствования, а также в условиях смешенной экономики наемный рабочий всегда получает только часть произведенного с использованием его рабочей силы блага. Соответственно, для наемного рабочего не имеет ни какого экономического значения вопрос о принадлежности средств производства. Для качества жизни наемного рабочего имеет значения лишь условия труда и покупательная способность его заработной платы, то есть, что и в каком количестве он может приобрести за получаемые им средства на территории проживания. Также для наемного рабочего имеют значение вопросы организации социального пространства, которые с позиции экономики являются лишь вопросами перераспределения произведённого блага.

другой частью общества в силу природы не подлежит трансформации, а значит, эксплуатация, то есть желание одной части общества жить за счет другой части общества, при социализме будет проявляться в других возможных механизмах (создание привилегий, определенных групп, которым доступны лучшие блага и т.п.). На бытовом уровне эксплуатация при социализме может проявиться в виде нежелания выполнять членом общества возложенные на него задачи, стремления имитировать рабочий процесс, то есть перекладывать объем своей работы на коллектив. В таком случае член общества получает свою долю в общем продукте, не затрачивая свою рабочую силу, иными словами – живет за счет других, подвергая членов общества эксплуатации. Необходимо уточнить, что такое поведение в условиях социалистического способа производства далеко не всегда и не везде возможно, а значит и масштабы эксплуатации при капитализме и социализме существенно различаются.

Любое современное общество устроено таким образом, что большая часть членов общества должна трудиться (обменивать свою рабочую силу на необходимые блага). С позиции общественного устройства труд человека – это его вклад в развитие общества, который вознаграждается посредством предоставления человеку общественных благ, а также соответствующей оплатой. Имеет место и модель существования человека в обществе за счет доходов от капитала, сформированного или функционирующего без использования его рабочей силы. Тут необходимо обратить внимание на тот факт, что никто не рождается с «кошельком». Соответственно, объяснить наличие у части общества капитала, позволяющего существовать, не работая, возможно только наличием наследства либо выдающимися способностями обладателей таких капиталов. Опуская счастливых обладателей наследных замков и долей в уставных капиталах транснациональных компаний, целесообразно обратить внимание на свойства рабочей силы, позволяющие сформировать капитал за относительно небольшой отрезок времени.

Любой член общества, не наделенный наследством с рождения, в целях формирования капитала должен вложить свой труд в определенный производственный процесс. Вклад труда можно рассматривать как процесс потребления рабочей силы, то есть процесс потребления физических и духовных способностей работника[4]. Как утверждалось выше, процесс производства любых благ – это в первую очередь физический процесс. Все люди имеют физические различия между собой, так распорядилась природа. Безусловно, качество рабочей силы существенно отличается у разных членов общества. Также отличаются и затраты на физическое поддержание конкретного организма, способного использовать свою рабочую силу. Объективно необходимые затраты на сохранение способности организма к труду не могут отличаться многократно. Допустимо предположить, что на разницу в оплате труда влияет «качество» или «редкость» рабочей силы. Тут необходимо уточнение. Под «качеством» рабочей силы мы понимаем приобретенные навыки и способности, полученные в ходе обучения знания или сформированные в ходе тренировок физические возможности обладателя рабочей силы. А под «редкостью» рабочей силы подразумевается заложенные природой в организм человека способности, талант к определённым видам деятельности, специфический взгляд на решаемую проблему, способность к нестандартному мышлению, результаты которого существенно улучшают какой-либо экономический процесс, делая его более эффективным.

Если в обществе допускается оплата за труд соразмерно затраченной рабочей силе с учетом качества затраченной рабочей силы, то объяснить повторную и многократную оплату за единовременно вложенный труд с позиции соразмерного обмена (речь идет об интеллектуальных правах) непросто. В современной экономике за один и тот же объем одинаковых работ в одном предприятии платят в разы больше, чем в другом, что противоречит принципу соразмерности оплаты за труд. Такие диспропорции возникают в связи с несоразмерным распределением, что создает в обществе источник напряжения. Поскольку производство конкретного продукта – это всегда результат коллективного труда и определить важность вклада в конечный продукт конкретного наемного работника не представляется возможным, оплата труда должна учитывать общественный характер производства блага и распределяться с учетом части, вложенной каждым участником процесса производства.

Отношения распределения произведенного в обществе блага формируются частью общества, имеющей возможность проводить соответствующие решения. На отношения распределения общественного продукта оказывают влияние конкуренция стран, ситуация на глобальных рынках, новые технологии и другие факторы. Кроме того, отношения распределения регулируются принятой в обществе фискальной системой.

В капиталистической системе хозяйствования собственность на средства производства является не целью, а средством достижения цели – максимизации доходов. Стремление постоянно увеличивать доход формируется в сознании человека. Ликвидация частной собственности на средства производства и замена ее на общественную не предполагает трансформацию целеполагания человека. Соответственно, не происходит полного перехода от отношений эксплуатации человека человеком к «отношениям това-

[4] К. Маркс рассматривал рабочую силу как способность человека к труду, как совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека… [2, с. 160]. Понятие «труда» рассматривается как процесс потребления рабочей силы [1, с. 72].

рищеской взаимопомощи» [1, с. 551], которые основываются на принципе «один за всех и все за одного».

Первостепенным и основным фактором развития экономики является не способ организации производства, а стремление человека реализовать свой замысел. Если человек стремится в первую очередь максимизировать свой личный доход, то экономика будет стремиться принять капиталистические черты. Если человек ставит перед собой основную (первостепенную) задачу реализовать определенный проект, создать некое благо, то экономика такого общества будет приобретать социалистические черты.

Желание одной группы людей удовлетворять свои потребности за счет рабочей силы другой группы людей является основой всех диспропорций в экономике как при капитализме, так и при социализме.

Основой развития капитализма является постоянно растущее потребление. Основой развития социализма является стремление человека к совершенствованию, личному и общественному развитию. Соответственно, базовым условием для развития капитализма является наличие ресурсов и рынков сбыта. Базовым условием для развития социализма служит желание человека к саморазвитию, его воля. Рынки сбыта на планете конечны. Желание человека развиваться заложено природой. Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо начать поиск новых форм и способов организации производства, вероятно, основанных на иных моделях стимулирования частных и общественных инициатив.

Литература:

1. Брегель Э.Я. Политическая экономия капитализма. М.: Международные отношения, 1966. 640 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т 1. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 740 с.
3. Балацкий Е.В. В предверии новой парадигмы экономической науки // AlterEconomics. 2025. Т. 22. № 1. С. 6–21.
4. Бузгалин А.В. Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 1.: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. М.: ЛЕНАНД, 2019. 656 с.
5. Бузгалин А.В. Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2.: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.:ЛЕНАНД, 2019. 888 с.
6. Бухвальд Е.М. Целеполагание как стержень стратегического планирования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 1. С. 7–23.
7. Кухмехов К.К., Холбеков Р.О., Белозорова Э.Н., Хусейн А.А. О морально-нравственных аспектах отношений общества к экономике и системе государственного регулирования. // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2025. № 1. С. 170–187.
8. Пекетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016, 592 с.
9. Щелкунов М.Д. Образование. Университет. Общество. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2023., 132 с.
10. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

Human Goal Setting as a Basis for Economic Development

Rylov V.A.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Human goal setting plays a key role in economic development, determining the vector of activities of individuals, development of organizations and states. The article discusses some philosophical and economic aspects of human goal setting, as well as its impact on the processes of innovation, entrepreneurship and public policy.

The first part of the article analyzes the nature of human goal setting. The author emphasizes that goals are formed based on the values, needs and motivation of an individual. Collective goals emerged in society set the direction of social and economic progress.The economic aspect of goal setting is revealed through its influence on individual and corporate activities. The human aspiration to achieve material well-being, professional growth and technological development forms the basis of economic dynamics.

Special attention is paid to the role of the state in the formation of human goal setting. The author emphasizes the importance of strategic planning, educational policy and institutions aimed at the development of conscious and long-term goals of citizens and society. In conclusion, the author emphasizes the need to pay attention to the existing social norms, the importance of their comprehensive analysis, as well as social values that affect the formation of the needs of a member of society, the improvement of goal-setting mechanisms, especially in a rapidly changing economic environment.

Keywords: capitalism, socialism, economic development, human goal setting, economic relations, evolutionary development, society, state, social development

УДК 342
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-452-456

Право на отзыв законопроекта в Китае и его практическая ценность для Вьетнама

Хоа Тхи Линь
Преподаватель факультета права,
политологии и международных отношений
Тхайбиньского университета (г. Хынг Йен, Вьетнам)

В рамках законодательного процесса в различных государствах наряду с правом на внесение законопроектов значительное место занимает и право на их отзыв, что служит важным механизмом обеспечения гибкости и повышения эффективности нормотворческой деятельности. Настоящая статья посвящена анализу порядка реализации права на отзыв законопроекта в Китайской Народной Республике. В частности, рассматриваются процедурные этапы отзыва законопроекта, его условия и случаи, в которых допустимо осуществление отзыва, а также правовые основания для исключения законопроекта из законодательной программы. Основываясь на опыте КНР, автор предлагает рекомендации по совершенствованию законодательства Вьетнама в части института отзыва законопроекта, что, в свою очередь, будет способствовать повышению качества и результативности процесса законотворчества.

Ключевые слова: *законодательный процесс, отзыв законопроекта, законопроект, Китай, Вьетнам*

Для цитирования: *Хоа Тхи Линь Право на отзыв законопроекта в Китае и его практическая ценность для Вьетнама // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 452–456. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-452-456.*

Постановка проблемы

В законотворческой деятельности право на внесение и право на отзыв законопроекта представляют собой неразрывно связанные аспекты, отражающие динамизм и адаптивность законотворческого процесса в постоянно изменяющихся условиях. Если право на внесение законопроекта выражает инициативу и волю субъектов законодательного процесса, то право на его отзыв демонстрирует осторожность в принятии решений и позволяет своевременно корректировать внесённые предложения.

Отзыв законопроекта из законодательной программы может быть обусловлен различными причинами, такими как: изменение государственной политики, возникновение непредусмотренных сложных правовых проблем, недостаточная реалистичность законопроекта или негативная реакция общественности.

В современной мировой практике отзыв законопроекта рассматривается не только как техническое или административное полномочие, но и как важный правовой инструмент, направленный на поддержание законодательной дисциплины, а также на предотвращение включения в законодательную повестку непроработанных или некачественных инициатив. Механизм отзыва, как правило, имеет чётко определённые критерии, предполагает прозрачность процедуры и надзор со стороны законодательных органов. Суд Европейского Союза в одном из своих решений признал за Европейской комиссией право «*отозвать законодательное предложение*» [1], обосновав это положениями ст. 17(2) Договора о Европейском союзе (TEU) и ст.ст. 289, 293 Договора о функционировании Европейского союза (TFEU) [2, с. 311–331]. В Новой Зеландии отзыв законопроекта также является обычной практикой.

Законопроекты могут быть отозваны по различным причинам, и после отзыва они более не подлежат рассмотрению парламентом [3].

Во Вьетнаме в последние годы имели место многочисленные случаи, когда законопроекты, включённые в законодательную программу, впоследствии приостанавливались или отзывались. Однако этот процесс, как правило, осуществлялся бессистемно, не имел чёткой законодательной регламентации и не сопровождался прозрачной процедурой.

В связи с этим представляется целесообразным обратиться к законодательной модели Китайской Народной Республики, где в Законе о законодательной деятельности (в редакции 2023 г., далее – Закон о законодательстве КНР) [4] закреплён относительно чёткий механизм осуществления права на отзыв законопроекта. Законодательство Китая не только определяет случаи и условия, при которых возможен отзыв законопроекта, но и устанавливает детализированную процедурную регламентацию данного права.

На основе анализа нормативных положений законодательства КНР настоящая статья направлена на разработку предложений по совершенствованию правовых норм вьетнамского законодательства, регулирующих порядок отзыва законопроекта – это особенно относится к законопроектам, инициированным Правительством. Подобные нововведения должны способствовать повышению эффективности и качества законотворческой деятельности во Вьетнаме на современном этапе.

Правовое регулирование права на отзыв законопроекта в Китае

В Китайской Народной Республике законодательный процесс начинается с внесения законопроекта. Субъект, обладающий правом на внесение законопроекта, по самому характеру этого полномочия, одновременно наделяется и правом на его отзыв.

В ст. 25 Закона о законодательной деятельности Китайской Народной Республики установлено следующее: «*Если субъект внесения законопроекта, включённого в повестку сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), до проведения голосования предлагает отозвать законопроект, он обязан изложить обоснованные причины; при согласии Президиума ВСНП данная информация докладывается Всекитайскому собранию народных представителей, после чего обсуждение законопроекта прекращается*».

Аналогичное положение содержится в ст. 43 указанного закона: «*Если субъект, внесший законопроект, включённый в повестку заседания Постоянного комитета ВСНП, предлагает его отозвать до момента голосования Постоянного комитета, он обязан представить соответствующее объяснение. В случае согласия Президиума, последний обязан уведомить Постоянный комитет ВСНП, после чего обсуждение и рассмотрение законопроекта прекращаются*».

Таким образом, в Китае процедура отзыва законопроекта подчиняется следующим условиям:

Во-первых, она имеет четко определенные временные рамки – отзыв возможен только до того, как законопроект вынесен на голосование в рамках ВСНП или до момента голосования Постоянного комитета ВСНП.

Во-вторых, процедура должна быть содержательно мотивирована – субъект, инициирующий отзыв, обязан представить чёткое и обоснованное объяснение причин такого действия.

В-третьих, имеет четко обозначенный порядок – инициатива должна получить согласие Президиума, после чего последний официально докладывает о ней ВСНП или Постоянному комитету ВСНП.

Законодательная практика Китая уже зафиксировала множество случаев реализации данного права субъектами законодательной инициативы. Это свидетельствует о том, что соответствующие положения носят не только формальный характер, но и выполняют функцию эффективного законодательного инструмента, позволяющего гибко корректировать план законотворческой деятельности в условиях быстро меняющихся общественных потребностей и государственной политики.

Право на отзыв законопроекта во Вьетнаме и некоторые предложения

В настоящее время во Вьетнаме вопросы, связанные с законодательным процессом, регулируются Конституцией 2013 г. и Законом о принятии нормативных правовых актов 2025 г. (далее – Закон 2025 г.) [5]. Согласно данному Закону, процесс разработки законодательства во Вьетнаме включает следующие этапы: (i) выдвижение законодательной инициативы; (ii) разработка политических мер; (iii) подготовка проекта закона; (iv) экспертиза законопроекта; (v) принятие и обнародование закона.

Следует признать, что Закон 2025 г. устанавливает строгую и прозрачную процедуру законодательного процесса, устраняя недостатки, присущие предыдущей редакции закона. Тем не менее Закон 2025 г. не содержит положений о порядке действий в случае, если субъект, вносящий законопроект, желает его отозвать или отказаться от дальнейшего рассмотрения до его принятия.

В частности, ст. 38 Закона 2025 г. предусматривает, что законопроект должен быть рассмотрен Постоянным комитетом Национального собрания до вынесения его на пленарное заседание. На основании замечаний Постоянного комитета, орган, инициировавший проект, обязан доработать документ. Согласно п. 5 ст. 38: «*...В случае, если органы вносящие проект, и Постоянный комитет Национального собрания не пришли к согласию, либо проект содержит важные и сложные положения,*

требующие дополнительного времени на доработку. Постоянный комитет Национального собрания по собственной инициативе или по предложению органа-инициатора принимает решение о переносе срока рассмотрения законопроекта на пленарном заседании».

Таким образом, законодательство предусматривает лишь возможность отсрочки внесения законопроекта на рассмотрение Национального собрания, но не содержит нормы, прямо признающие право субъекта на отзыв законопроекта.

На практике в истории законотворческой деятельности Вьетнама имел место лишь один случай, когда при подготовке проекта Закона о внесении изменений в Закон об организации Правительства в 2014 г. Правительство предложило «*не выносить проект закона на голосование или отозвать соответствующие проекты законов и указов, если они не соответствуют условиям реализации, либо не обеспечивают должную осуществимость*». Однако это предложение не было поддержано Комитетом по правовым вопросам Национального собрания. Впоследствии случаи отзыва или исключения законопроектов из Программы законодательной деятельности Национального собрания осуществлялись исключительно по инициативе Постоянного комитета Национального собрания.

Отсутствие в Законе 2025 г. чёткой нормы, предусматривающей право субъекта внесения на отзыв законопроекта, создаёт заметный правовой пробел. В тех случаях, когда орган-инициатор утрачивает заинтересованность в продолжении продвижения ранее внесённого законопроекта, действующая практика ограничивается лишь возможностью «отсрочить момент внесения», но не предусматривает официального прекращения процедуры рассмотрения посредством отзыва проекта.

Это может привести к затягиванию процесса рассмотрения отдельных законопроектов без необходимости, снижению эффективности законодательной деятельности, а также увеличению административной нагрузки при управлении программой законодательной работы. Между тем, как уже было сказано выше, законодательство Китайской Народной Республики – в частности, Закон о законодательной деятельности КНР – предусматривает чёткий правовой механизм реализации права на отзыв законопроекта.

На основе опыта Китайской Народной Республики Вьетнам может рассмотреть возможность введения нормативного регулирования права на отзыв законопроекта. В частности, в случаях, когда субъект законодательной инициативы приходит к выводу о нецелесообразности принятия соответствующего закона либо считает необходимым выделить дополнительное время для всесторонней оценки его ожидаемого воздействия, а также для корректировки с целью адаптации к динамике социально-экономического развития – особенно в условиях нестабильной геополитической ситуации, международной экономической турбулентности, стихийных бедствий, эпидемий – и с целью обеспечения высокого уровня консенсуса при внесении проекта на рассмотрение Национального собрания или его Постоянного комитета, необходимо утвердить соответствующие правовые положения.

Во-первых, следует дополнить ст. 38 Закона о принятии нормативных правовых актов 2025 г. (ввести п. 7), в котором предусмотреть случаи, когда Правительство или иные субъекты законодательной инициативы вправе отозвать проекты законов или постановлений, ранее внесённые на обсуждение в Постоянный комитет Национального собрания или в само Национальное собрание, но ещё не прошедшие окончательного утверждения.

Предлагаемая редакция дополнения:

Статья 38. Рассмотрение Постоянным комитетом Национального собрания проектов законов и постановлений Национального собрания «…7. В случае, если Правительство или иной субъект, внесший проект, желает отозвать или временно приостановить процесс представления проекта закона или постановления на рассмотрение Национального собрания, соответствующий орган обязан направить письменное обращение в Постоянный комитет Национального собрания с указанием причин и предполагаемого срока повторного представления либо плана по его доработке и дополнению. Постоянный комитет рассматривает и принимает решение о разрешении на отзыв или временную приостановку проекта».

Во-вторых, необходимо рассмотреть возможность включения в Закон 2025 г. отдельной статьи, регламентирующей право на отзыв законопроекта, с изложением следующих ключевых положений: субъекты, обладающие правом на предложение об отзыве законопроекта; временные рамки и процедура отзыва; обязанность по обоснованию причин отзыва; компетентный орган, уполномоченный принимать решение об отзыве; а также юридические последствия отзыва, включая возможность повторного внесения проекта в течение того же созыва парламента.

В-третьих, в целях обеспечения эффективности применения нормы о праве на отзыв законопроекта на практике, необходимо создать механизм, обеспечивающий публичность, прозрачность и общественный контроль за действиями по отзыву. В частности, предложение об отзыве законопроекта должно быть официально опубликовано на Электронном портале Национального собрания, на правительственном информационном ресурсе либо в других уполномоченных средствах массовой информации с приложением полного текста обращения и обоснования причины отзыва.

Такой механизм позволит широкой общественности, экспертному сообществу и депутатам Национального собрания отслеживать, анализировать и оценивать обоснованность решения об отзыве, тем самым способствуя повышению уровня прозрачности, подотчётности и предотвращению злоупотреблений данным правом, например, в целях ухода от политической ответственности или прикрытия технических просчётов.

Кроме того, необходимо чётко определить обязанность субъекта, инициировавшего законопроект, представлять отчётность перед Постоянным комитетом Национального собрания, Комитетом по правовым вопросам и другими компетентными органами о последствиях принятых политических мер, связанных с этим социальных и финансовых затрат, а также времени, затраченном на разработку и экспертизу проекта, отозванного впоследствии.

Такая практика не преследует цель создания дополнительных барьеров, а направлена на поощрение профессионализма и осторожности в законотворчестве, а также на обеспечение надлежащего использования государственного бюджета и ресурсов.

Заключение

В условиях модернизации и совершенствования законодательных институтов установление правового механизма, предоставляющего субъектам законодательной инициативы право на отзыв законопроекта, представляет собой важное направление, направленное на повышение гибкости, эффективности и подотчётности в процессе законотворчества.

Анализ законодательства Китайской Народной Республики, где право на отзыв законопроекта чётко закреплено на уровне закона, свидетельствует о том, что оно является значимым законодательным инструментом, позволяющим рационализировать процесс разработки законов, предотвращать дальнейшее рассмотрение некачественных или утративших актуальность проектов. Это способствует экономии ресурсов и повышает качество принимаемых нормативных актов.

Во Вьетнаме, несмотря на то, что Закон о принятии нормативных правовых актов 2025 г. демонстрирует значительный прогресс в реформировании законодательного процесса, в нём по-прежнему отсутствует полноценное и конкретное регулирование права на отзыв законопроекта. В условиях движения вьетнамской законодательной системы к профессионализации и активной международной интеграции страна вполне может воспользоваться опытом Китая в целях построения чёткого, прозрачного и контролируемого правового механизма, регулирующего реализацию права на отзыв законопроекта.

Для достижения этой цели необходимо внести изменения и дополнения в конкретные положения Закона 2025 г., а также усовершенствовать механизмы надзора, публичности и общественной экспертизы. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию более демократичной, эффективной и научно обоснованной законодательной системы во Вьетнаме в будущем.

Литература:

1. Право Европейской комиссии на отзыв законодательного предложения. URL: https://epthinktank.eu/2015/04/23/the-european-commissions-right-to-withdraw-a-legislative-proposal/ (дата обращения: 10.5.2025 г.).
2. Лупо Н. Полномочие Комиссии на отзыв законодательных предложений и его «парламентаризация»: между техническими и политическими основаниями // Обзор европейского конституционного права. 2018. Т. 14. С. 311–331.
3. Когда законопроект отзывается. URL: https://www.parliament.nz/mi/get-involved/features/when-a-bill-is-withdrawn/ (дата обращения: 09.05.2025 г.)
4. Закон о законодательной деятельности Китайской Народной Республики 2000 года, с внесёнными во вторую редакцию изменениями в соответствии с Решением о внесении поправок в Закон о законодательной деятельности Китайской Народной Республики, принятым на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей XIV созыва 13 марта 2023 г. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/14/content_5746569.htm (дата обращения: 05.05.2025 г.)
5. Закон от 19.02.2025 г. № 64/2025/QH15 «Закон о принятии нормативных правовых актов». URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-ban-hanh-van-ban-quy-pham-phap-luat (дата обращения: 05.05.2025 г.)

The Right to Withdraw a Draft Law in China and its Reference Value for Vietnam

Hoa Thi Linh
Thai Binh University (Hung Yen City, Vietnam)

In the legislative processes of various countries, alongside the right to propose draft laws, the right to withdraw a draft law is also a crucial element to ensure the flexibility and effectiveness of law-making activities. This article focuses on analyzing the procedure for withdrawing a draft law in China, including the sequence of steps, the withdrawal process, permissible circumstances for withdrawal, and the conditions under which a draft law may be removed from the legislative agenda. On that basis, the author offers recommendations for improving the legal provisions governing the right to withdraw draft laws in Vietnam's legislative process, thereby contributing to the enhancement of the quality of law-making efforts.

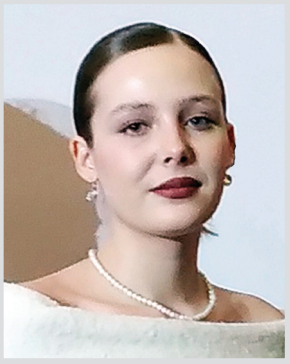
Keywords: legislative process, withdrawal of draft laws, draft laws, China, Vietnam

УДК 316.346.32-053.6
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-457-461

Социальное отчуждение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в сфере решения жилищных вопросов

Муфтахова А.Н.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Кукушкина С.А.
Стажёр-исследователь Проектно-учебной группы «Устойчивое развитие
городской среды», магистрант Северо-Западного института управления
– филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Актуальность материала заключается в том, что жилищная политика государства в отношении детей-сирот постоянно развивается и адаптируется к современным реалиям. Наблюдается тенденция к увеличению объемов финансирования программ жилищного обеспечения. Разрабатываются и внедряются новые механизмы социального жилья и ипотечного кредитования на льготных условиях. Анализ накопленного опыта позволяет ежегодно разрабатывать новые предложения по оптимизации функционирования системы.

Несмотря на прогресс в государственном управлении жилищным обеспечением детей-сирот, сохраняется ряд проблем и недостатков, что делает актуальным дальнейшее изучение этого вопроса. Эти проблемы проявляются в длительности ожидания реализации жилищных прав лиц из данной категории, предоставлении жилья низкого качества, не соответствующего минимальным стандартам безопасности и пригодности для жизни, финансовой неграмотности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при приобретении жилья, мошеннических схемах, отсутствии прозрачности и подотчетности, что затрудняет выявление новых проблем.

Цель: на основе анализа механизмов реализации государственной политики Российской Федерации в сфере решения жилищных вопросов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявить основные проблемы существующей системы.

Ключевые слова: *дети-сироты, право на жильё, жилищные сертификаты, социальное жильё, сфера обеспечения жильём*

Для цитирования: *Муфтахова А.Н., Кукушкина С.А. Социальное отчуждение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в сфере решения жилищных вопросов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 457–461. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-457-461.*

Конституция Российской Федерации определяет детей как важнейший приоритет государственной политики страны. Государство создает специальные условия, способствующие всестороннему развитию детей, воспитанию в них патриотизма и уважения к старшим. Ставя во главе такой приоритет, государство берёт на себя обязанности родителей в ситуации, когда дети остаются без попечения родителей [1].

Каждый год государство выделяет денежные средства на реализацию обязательств перед детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в сфере обеспечения жильём [2]. Но годовой бюджет в полном объеме не расходуется из-за дефицита подходящего по нормативам жилья. В консолидированных бюджетах предусматривается более 32 млрд руб. в год. Однако этого бюджета недостаточно для того, чтобы полностью обеспечить жильём лиц из данной категории, и устранить накопившиеся задолженности по всей стране [3]. По оценке Счетной палаты на 2019 г. требовалось около 264,5 млрд руб., чтобы предоставить жилье всем детям, у которых возникло такое право, но не реализовано. А на 2022 г. требовалось уже около 300 млрд руб., поскольку численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечение родителей, имеющих право на получения жилья, каждый год возрастает [4].

Вопрос обеспечения жильём лиц из данной категории варьируется в каждом регионе России. В большинстве из них менее 50 % всех очередников ежегодно получают квартиры [5].

Несмотря на более высокие показатели обеспечения жилой площадью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существует ряд проблем, возникающих при реализации государственной политики в данной сфере [6]. Одной из таковых является отсутствие застройщиков, готовых сотрудничать с государством. До 2018 г. для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, строили отдельные дома. С декабря 2018 г. органами государственной власти были внесены изменения в порядок обеспечения жильём детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим количество квартир, которые предоставляются лицам из данной категории в многоквартирном доме, не может превышать 25 % от общего количества квартир в доме [7].

Существует мнение, что застройщикам невыгодно продавать квартиры государству под социальные нужды [8], и по этой причине изменения 2018 г. повлияли на сотрудничество государства с застройщиками в негативном ключе.

Говоря о регионах, в которых достигнуты высокие результаты по устранению накопившихся задолженностей перед детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, можно привести в пример картину, сложившуюся в Санкт-Петербурге.

В 2022 г. в Санкт-Петербурге квартиры должны были получить 1239 чел., из которых реализовали свое право практически половина – 677 чел. [9]. В 2023 г. в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, вошли 2253 ребенка-сироты в возрасте с 14 лет, из них подлежали обеспечению жилыми помещениями (лица, достигшие 18-летнего возраста) – 1181 чел. В планах Санкт-Петербурга было обеспечить жильём около 700 лиц из данной категории. По данным Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга в 2023 г. обеспечили жильём 1012 чел., плановый показатель был выполнен. Необходимо также отметить, что в 2023 г. был достигнут самый высокий показатель численности детей-сирот, обеспеченных жилыми помещениями, за период 2020–2023 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Численность детей-сирот, обеспеченных жилыми помещениями за 2021–2023 гг. в Санкт-Петербурге

Год	Численность детей-сирот, обеспеченных жилыми помещениями за год (чел.)
2020	509
2021	955
2022	677
2023	1012

Составлено авторами на основании данных Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга о мониторинге 2021 г., 2022 г. и 2023 г. по вопросам реализации жилищных прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа.

В Санкт-Петербурге предложение внедрения системы предоставления сертификатов на покупку жилья для детей-сирот было представлено в конце 2022 г. Однако оно так и не было исполнено, поскольку в марте 2023 г. Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект о предоставлении сертификатов во всех регионах. Властями региона было принято решение отложить реализацию до утверждения законопроекта.

Несмотря на то что закон вступил в силу в августе 2023 г., в Санкт-Петербурге в течение года закон не был реализован. Данный фактор не является поводом для оценки деятельности органов исполнительной власти, поскольку, по данным Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, очередь на получение жилья из лиц, которые достигли 18-летнего возраста, ликвидирована.

Как было выявлено в ходе проведенных интервью с экспертами, предоставление жилищных сертификатов для лиц из данной категории в регионе будет локальной мерой поддержки. Это связано с тем, что у региона есть возможность обеспечивать жильём лиц по достижении ими совершеннолетнего возраста. У детей также остается выбор – согласить-

ся на предоставленное государством жилье либо дождаться жилищного сертификата.

Высокая эффективность органов власти Санкт-Петербурга, выраженная в ликвидации очереди, также обусловлена исполнением бюджета. Для обеспечения жилыми помещениями детей-сирот, включенных в очередь, в период 2023–2025 гг. предусмотрено 16,0 млрд руб., в том числе в 2023 г. – 7,6 млрд руб. (табл. 2).

На момент августа 2023 г. заключены государственные контракты на общую сумму 6,9 млрд руб., на остаток средств до конца года планировалось приобрести еще 98 квартир. Также в 2023 г. на условиях софинансирования бюджету Санкт-Петербурга была предусмотрена субсидия из федерального бюджета на приобретение жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в размере 35195,70 тыс. руб. (16 чел.). Средства субсидии были реализованы в полном объеме, приобретено 18 квартир.

Отсутствие подходящих квартир в регионе, которые могут быть предоставлены лицам из данной категории, обусловлено отсутствием застройщиков, готовых сотрудничать с государством в части предоставления жилья под социальные нужды. Как было упомянуто ранее, существует мнение, что застройщикам невыгодно продавать квартиры государству под социальные нужды [10]. Они утверждают, что квартиры в доме, в котором примерно четвертая часть собственности будет принадлежать детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, впоследствии затруднительно реализовать населению [11], поскольку собственники будущего жилья не желают проживать на одной территории с лицами из данной категории, считая будущее жильё асоциальным [12].

Подкреплением существующей взаимосвязи длительности ожидания жилья от сотрудничества с застройщиками являются материалы интервью, проведённых со специалистами Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга (табл. 3), в целях определения основных тенденций реализации государственной политики в регионе.

Было выявлено, что на низкие показатели обеспеченности жилыми помещениями лиц из данной категории предыдущих лет в Санкт-Петербурге также повлияла острая нехватка благоустроенного жилья, соответствующего

Таблица 2

Бюджет Санкт-Петербурга на 2023–2025 гг. на приобретение жилых помещений для предоставления детям-сиротам

Год	Предусмотренный бюджет Санкт-Петербурга на финансирование мероприятий по приобретению жилых помещений для предоставления детям-сиротам	Субсидия из федерального бюджета на приобретение жилых помещений для детей-сирот на условиях софинансирования бюджету Санкт-Петербурга
2023	7,6 млрд руб.	35 195,7 тыс. руб.
2024	4,1 млрд руб.	35 195,7 тыс. руб.
2025	4,3 млрд руб.	33 472,6 тыс. руб.

Составлено авторами на основании данных Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга об информационной справки к совещанию 30.08.2023 г. в формате видеоконференции с Минпросвещения России по вопросу обеспечения жилыми помещениями детей-сирот.

Таблица 3

Результаты интервью, проведённых со специалистами Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга

Вопросы	Тезисы к полученным ответам
1. Какие факторы влияют на низкие показатели обеспечения жильём лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Санкт-Петербурге?	Нехватка жилья, соответствующего нормативным стандартам; Отказ от сотрудничества со стороны застройщиков.
2. Сколько детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, старше 18-летнего возраста в настоящее время стоят в очереди на получения жилья в Санкт-Петербурге?	Задолженности перед лицами из данной категории, которые достигли 18-летнего возраста, ликвидирована.
3. Введение сертификатов на покупку жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, старше 23-летнего возраста, повлияло на улучшение показателей региона по обеспечению жильём лиц из данной категории?	В Санкт-Петербурге введение сертификатов на покупку жилья находится на стадии подготовки; На улучшение показателей региона по обеспечению жильём лиц, повлияло сотрудничество с новым застройщиком.
4. Какие возникают проблемы при предоставлении сертификатов на покупку жилья лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей?	Ограниченность круга лиц, которые соответствуют условиям для выдачи сертификатов на покупку жилья; Отсутствия контроля за детьми после реализации сертификатов на покупку жилья.
5. Какие возникают проблемы при предоставлении жилья лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Санкт-Петербурге?	Отказ от постинтернатного сопровождения лиц, которые выпустились из социальных учреждений; Отказ от предоставляемого жилья, с целью получения жилья лучшего качества; Образование неблагополучных районов, в связи с тем, что квартиры выдают в разных домах одного жилого комплекса

Составлено авторами на основании результатов проведенных интервью.

нормативным стандартам. Многие застройщики отказывались сотрудничать с органами власти или затягивали сроки сдачи жилого помещения, что увеличивало длительность предоставления жилья лицам из данной категории и количество задолженностей перед очередниками.

По истечении времени в Санкт-Петербурге власти наладили договорённости с одним из застройщиков. На данный момент компания ЛСР сотрудничает с органами власти в сфере предоставления жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – было выявлено в ходе интервью с экспертами из Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга. С помощью данного сотрудничества и компетенций органов власти скорость предоставления жилья увеличилась и, вследствие, задолженности перед детьми были ликвидированы.

В интервью также были зафиксированы проблемы при предоставлении жилья лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые влияют на формирование негативного отношения граждан к проживанию с лицами из данной категории на локальной территориальной местности, одной из которой является образование районов-гетто. Подобные районы формируются по причине того, что дома, в которых предоставляются 25 % квартир от общего количества квартир в доме детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, могут находиться в одном районе и даже входить в один жилой комплекс [9]. По этому мотиву происходят частые отказы детей от предоставляемого жилья, поскольку некоторые лица из этой категории, которые росли вне воспитательных учреждений и относительно социализированы, не хотели бы проживать в неблагополучных районах. Но частые отказы также происходят по менее уважительным причинам, например, желание проживать ближе к центральной части города, указывая при этом на незначительные несовершенства предложенного жилья.

Основной проблемой, по мнению специалистов Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, влияющей также на формирование районов-гетто, обозначен отказ детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, которые являются выпускниками воспитательных учреждений, – от постинтернатного сопровождения. Некоторые российские субъекты приняли акты регионального уровня, регламентирующие поддержку выпускников воспитательных учреждений в виде постинтернатного сопровождения. В Санкт-Петербурге постинтернатное сопровождение является факультативной мерой поддержки. Выпускники учреждений могут отказаться от сопровождения, как чаще всего и происходит.

По этой же причине сертификаты на покупку жилья имеют такой узкий круг возможных получателей [13]. Согласно статистике Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, только 5 % из всей совокупности имеющих право на получение жилищного сертификата могут отвечать условиям, прописанным в Федеральном законе «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [14]. Наличие таких требований обусловлено тем, что купленная квартира сразу же переходит в собственность, что отражает величину ответственности, возложенную на детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. А получатели квартир из специализированного жилищного фонда подлежат постоянной проверке и контролю со стороны органов власти перед тем, как квартира перейдёт в собственность, в течение 5 лет.

В ходе исследования были изучены основные проблемы механизмов реализации государственной политики в области обеспечения жильём детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На снижение ежегодной доли необеспеченных жильём влияют различные инициативы, реализующиеся в государственном управлении, одной из которых является предоставление сертификатов на покупку жилья.

Также был изучен опыт региона, в котором очередь на получение жилья ликвидирована, хотя и проект предоставления жилищных сертификатов не был реализован. Данным регионом является Санкт-Петербург. Выявлено, что на очередь в большей степени влияет отсутствие застройщиков, готовых сотрудничать с государством в части предоставления жилья под социальные нужды.

В результате было отмечено: сертификаты на покупку жилья не являются решением для ликвидации очереди, но являются вспомогательным инструментом реализации государственной политики Российской Федерации в сфере решения жилищных вопросов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Емченко Л.Ю., Гуськова В.А. Предоставление жилья детям-сиротам: проблемы теории и практики // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей VI Межд. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 217–222.
3. Васильева Е.Ю., Фролова Е.В., Рогач О.В. Реализация права на жилье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России // Урбанистика. 2020. № 1. С. 104–121. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.1.31810
4. Хуснуллин оценил стоимость обеспечения жильем всех сирот в России // РБК. URL: https://realty.rbc.ru/news/620cd9c39a7947fa1f5d995f?from=copy
5. Рудь Ю.А. Проблемные аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пути их решения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 501–511.
6. Попов С.Н. Практика реализации конституционного права на жилище лиц, оставшихся без попечения родителей: на примере Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 107–112. DOI: 10.17223/22253513/25/11
7. Как изменился порядок обеспечения жильем детей-сирот – разъяснения прокуратуры // Правительство Московской области. URL: https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/kak-izmenilsya-poryadok-obespecheniya-zhilem-detei-sirot-razyasneniya-prokuratury?ysclid=lfawni0xwt290986123
8. Квадратура друга: почему никто не хочет строить жилье для сирот // Ежедневная газета «Известия». URL: https://iz.ru/907353/viktoriia-strelnikova/kvadratura-druga-pochemu-nikto-ne-khochet-stroit-zhile-dlia-sirot
9. Кукушкина С.А. Рецепция опыта регионов СЗФО в сфере обеспечения жильем детей-сирот (на примере Санкт-Петербурга) // Петербургская социология сегодня. 2023. № 20. С. 56–76.
10. Устинов А.Н., Якимова Е.М. Проблемы реализации права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилым помещением // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1 (96). С. 37–42. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.1.37
11. Ракина Т.Н. Обеспечение жилым помещением детей, оставшихся без попечения родителей, детей-сирот // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2021. № 22. С. 110–118.
12. Муфтахова А.Н. О распределении социального блага на жильё // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всеросс. науч. конф. XV Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 25-27 ноября 2021 г. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 227.
13. Горина Е.А., Косинова Л.В. Жилищные сертификаты для сирот: регуляторные возможности и ограничения их результативной реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 48–71. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-48-71
14. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс.

Social Exclusion of Orphaned Children and Children Left Without Parental Care in the Field of Housing Issues

Muftakhova A.N., Kukushkina S.A.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The State's housing policy for orphaned children is constantly evolving and adapting to modern realities. There is a tendency to increase the volume of financing housing programs. New mechanisms for social housing and mortgage lending on preferential terms are being developed and implemented. The analysis of the accumulated experience allows us to annually develop new proposals for optimizing the functioning of the system.

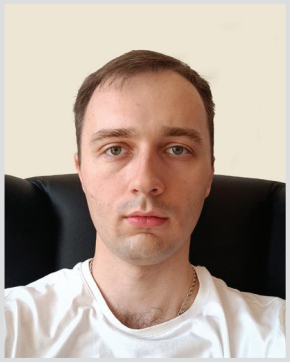
Despite progress in the state management of housing provision for orphaned children, a number of problems and shortcomings remain, which makes it urgent to further study this issue, which are manifested in the length of waiting for the realization of housing rights of persons in this category, the provision of low-quality housing that does not meet minimum standards of safety and liveability, financial illiteracy of orphaned children and children left without parental care, when purchasing housing, fraudulent schemes, lack of transparency and accountability, which makes it difficult to identify new problems.

The purpose of the article is to identify the main problems of the existing system based on the analysis of the mechanisms of implementation of the state policy of the Russian Federation in the field of solving housing issues of orphans and children left without parental care.

Keywords: orphans, the right to housing, housing certificates, social housing, housing provision

УДК 338.49
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-462-467

Обеспечение экономической безопасности цифровых экосистем с позиции управления данными*

Томуров П.Д.
Аспирант кафедры бухгалтерского учета,
налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета
(Марий Эл)

Кудрявцев К.А.
Доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета,
ведущий научный сотрудник Марийского государственного университета

Актуальность темы исследования определяется необходимостью совершенствования алгоритма доступа к данным для эффективного управления ими и, как следствие, обеспечения экономической безопасности цифровых экосистем. В этой связи цель исследования состоит в обеспечении экономической безопасности цифровых экосистем посредством совершенствования управления данными и интерпретации задачи производственного планирования с учетом усовершенствованного алгоритма доступа к данным. Для достижения указанной цели была исследована сущность понятия «цифровая экосистема», а также изучены теоретические подходы к управлению данными на основе их индексирования. Определена возможность использования модели задачи производственного планирования для отражения связи усовершенствованного алгоритма с экономической эффективностью при ограниченных ресурсах и повышением экономической безопасности цифровых экосистем.

Научная новизна работы состоит в определении цифровой угрозы экономической безопасности, связанной с потерей смысловой целостности данных, устранением указанной угрозы, а также с интерпретацией модели задачи производственного планирования под цифровые экосистемы. Проведенное совершенствование алгоритма поиска искомого узла дерева для эффективного управления данными обуславливает практическую значимость работы. По итогам исследования предложен подход к совершенствованию алгоритма кодирования и декодирования данных для достоверного их восстановления и противодействия определенной цифровой угрозе экономической безопасности экосистем. Показана связь усовершенствованного алгоритма с моделью задачи производственного планирования для определения доходов от выполнения цифровых операций при ограниченных ресурсах.

Ключевые слова: *цифровая экосистема, экономическая безопасность цифровых экосистем, управление данными, информационный обмен, индексация данных*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00062 «Экономическая безопасность субъектов системы тарифного регулирования товарных рынков базовых отраслей: тепловой энергии, водоснабжения и водоотведения».

Для цитирования: *Томуров П.Д., Кудрявцев К.А. Обеспечение экономической безопасности цифровых экосистем с позиции управления данными // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 462–467. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-462-467.*

Переход к цифровой экономике, характеризующейся интеграцией цифровых экосистем в бизнес-процессы, требует новых подходов к обеспечению экономической безопасности. Цифровые экосистемы как сложные сети взаимодействующих сервисов становятся ключевыми инфраструктурными элементами, однако влияние их на безопасность, в том числе и экономическую, остается малоизученной областью, особенно в аспекте работы с данными, что нельзя сказать об уровне исследования вопроса с позиции защиты от кибератак. Кибератаки являются серьёзной угрозой для предприятий [1], компании несут финансовые потери, например: по данным лаборатории Касперского, в 2021 г. «одна кибератака обходилась крупному российскому бизнесу в 695 тыс. долларов, малому и среднему бизнесу – в 32 тыс. долларов» [2]. Другой важной, но малоизученной областью обеспечения экономической безопасности является качество управления данными и возникающие в связи с ним угрозы. По данным исследований разработчика сервисов электронной коммерции АЭРО, в России 72 % компаний фиксируют финансовые потери из-за проблем с ошибками в данных и в целом из-за невозможности формирования качественных данных [3]. В этой связи обеспечение экономической безопасности цифровых экосистем определяется по следующим факторам: устойчивость к кибератакам, эффективность обработки данных, конфиденциальность и целостность данных. Особую значимость приобретают решения, способные противодействовать угрозам скорости доступа к информации. Для реализации данных факторов необходимы меры, обеспечивающие унификацию данных и механизмы, ускоряющие поиск данных внутри цифровой экосистемы.

Таким образом, целью данной статьи является повышение эффективности управления данными в цифровых экосистемах на основе совершенствования алгоритма индексации за счёт модификации механизма поиска данных в хранилище (индексе) для достижения более быстрого доступа к данным и интерпретация задачи производственного планирования применительно к цифровым экосистемам для обеспечения их экономической безопасности.

Интерпретация результатов. В начале исследования нам необходимо определиться с понятием «цифровая экосистема». Согласно Большой Российской Энциклопедии, она определяется как «совокупность элементов среды, обеспечивающих на базе информационных технологий новые способы хозяйствования, включая электронное взаимодействие субъектов, единое цифровое пространство и цифровую культуру» [4]. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 трактует цифровую экосистему как «партнёрство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан» [5]. В решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 цифровая экосистема определяется как «открытая устойчивая система, включающая субъекты цифровой экосистемы (физических, юридических, виртуальных и пр.), а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на основе сервисов цифровой платформы» [6]. В этой связи в данном исследовании под *цифровой экосистемой* будем понимать комплексную структуру, объединяющую информационные системы, технологические платформы, продукты и сервисы в единую сеть взаимодействующих элементов.

Экономическая безопасность цифровой экосистемы представляет собой «состояние защищенности ключевых экономических процессов и интересов цифровой экосистемы (независимо от ее типа) от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое функционирование и развитие в условиях цифровой трансформации» [7, с. 76]. Выполнение обозначенных в приведенном понятии условий определяется следующими факторами: устойчивость к кибератакам, эффективность обработки данных, конфиденциальность и целостность данных.

Для решения задач обеспечения экономической безопасности цифровых экосистем предлагается комплексный подход, интегрирующий организационные и технологические меры, направленные на:

– «внедрение единого формата данных для пересылки пакетов внутри цифровой экосистемы;

– внедрение механизма индексации данных для ускорения поиска информации внутри баз данных экосистемы по клиентским запросам» [7, с. 76].

Данный подход обеспечивает как защищенность данных, так и эффективность их обработки в рамках экосистемы.

Процессы цифровой трансформации, сопровождающиеся автоматизацией бизнес-процедур, неизбежно генерируют экспоненциальный рост объемов создаваемой и обрабатываемой информации. Управление данными определяется как системный процесс обеспечения их доступности, неизменности и защищенности через внедрение стандартов и контрольных политик [8].

Фундаментальной предпосылкой для управления на основе данных является наличие релевант-

ной, качественной информации в требуемых объемах, что обуславливает необходимость построения комплексной системы администрирования информационными ресурсами [9]. Эффективный обмен данными требует унификации структуры информации, форматов ее представления и принципов функционирования среды взаимодействия на уровне предприятия и его систем. Структура и иерархия обменных данных должны отражать отраслевую, технологическую и организационную специфику, требуемый уровень детализации и степень интеграции в инфраструктуру [10]. Существенную роль играет разработка и использование метаданных – структурированной информации, описывающей ключевые электронные ресурсы, что значительно облегчает их идентификацию, интерпретацию и администрирование.

При разработке системы управления данными ключевыми проблемными областями являются:

– унификация данных: необходимость обеспечения семантической и форматной согласованности;

– безопасность обработки данных: защита больших объемов информации от угроз;

– оперативность доступа: гарантирование своевременного получения релевантных данных для принятия решений.

Использование механизма индексации способствует ускорению обработки запросов и анализу больших массивов данных в цифровых экосистемах, а также минимизации задержек при информационном обмене.

Индексация данных – это «технология, повышающая скорость и эффективность запросов к базе данных» [7, с. 77]. Она обеспечивает повышение скорости поиска данных, снижение нагрузки на вычислительные ресурсы и рост производительности запросов. Значимость индексации данных возрастает для оперативного отслеживания угроз, анализа факторов риска и принятия управленческих решений в режиме реального времени. В контексте цифровых экосистем предпочтительным является применение древовидных индексных структур, обладающих преимуществами в виде масштабируемости и адаптивности к распределенным архитектурам. Соответствующие алгоритмы демонстрируют эффективность как в централизованных, так и децентрализованных средах, где узлы дерева соответствуют физическим серверам экосистемы, обеспечивая отказоустойчивость и производительность. Это напрямую поддерживает критерии масштабируемости и эффективности обработки данных, являющиеся неотъемлемыми условиями обеспечения экономической безопасности.

Алгоритмы кодирования и декодирования обеспечивают двунаправленное преобразование между структурированными блоками данных и байтовыми потоками, гарантируя совместимость сервисов цифровой экосистемы. Рассмотрим данные алгоритмы на примере формата *TLV* [11]. Согласно этим алгоритмам, пакеты данных обладают вложенной структурой, содержащей информацию о наименовании файла, метаданные и хеш-значение для верификации их целостности при получении.

Алгоритм кодирования принимает на вход иерархический блок данных. Первоначально идентификатор блока конвертируется в байтовый дескриптор, который однозначно определяет его семантику. Затем вычисляется длина значения блока – размер его байтового представления. При наличии вложенных элементов процедура рекурсивно применяется к каждому из них. Значение блока сериализуется в байтовый массив с сохранением внутренней структуры. Итоговый результат формируется как конкатенация трех компонентов: байтов идентификатора, байтов длины и байтов значения. Для составных блоков процесс повторяется, формируя многоуровневую вложенность с сохранением автономной целостности каждого компонента.

Алгоритм декодирования выполняет обратное преобразование. На вход подается байтовый поток и вспомогательная метаинформация, описывающая архитектуру блоков. Алгоритм последовательно извлекает сегменты потока: идентификатор декодируется в семантический тег, длина определяет границы значения. Если значение содержит вложенные блоки, процедура рекурсивно повторяется. Критическим этапом является верификация цифрового отпечатка: сравнение хеш-сумм гарантирует отсутствие искажений при передаче. Результатом работы алгоритма является полностью восстановленный структурированный блок, готовый к семантической интерпретации в целевой системе.

Программная реализация этих алгоритмов служит технологическим связующим звеном между сервисами экосистемы, обеспечивая бесшовную интеграцию без потери смысловой целостности данных.

Цифровые экосистемы, обрабатывающие значительные объемы данных, требуют высокопроизводительных механизмов индексации для оперативного выявления угроз и эффективного поиска информации. В качестве базового решения рассматривается алгоритм *CW-tree* – модификация классического B-дерева, дополненная горизонтальными связями между узлами одного уровня и поддержкой многопоточного поиска [12]. Данный алгоритм эффективен для хранения и обработки информации в многопоточных средах современных экосистем. Его архитектура базируется на группировке данных в виде набора специализированных поддеревьев (*CW*-поддеревьев). Каждое поддерево содержит уникальный набор стартовых точек поиска, включающий корневой узел и дополнительные входные вершины. Количество последних прямо пропорци-

онально числу процессорных ядер целевой платформы. Это позволяет организовать параллельную обработку запросов, где каждый вычислительный поток независимо выполняет поиск, начиная с назначенной стартовой вершины, обеспечивая одновременное сканирование верхних и периферийных уровней дерева [12].

Реализация алгоритма включает три этапа:

1. Инициализация стартовых вершин. Формирование базового B-дерева, создание горизонтальных связей между соседними узлами, определение стартовых точек.

2. Построение *CW*-поддеревьев. Заключается в формировании множества вершин и связей для каждого поддерева с последующей их композицией в единую структуру.

3. Алгоритм обхода. Реализация переходов между вершинами для поиска узла с целевым ключом по специальным правилам навигации.

В качестве примера на рисунке 1 показано *CW*-дерево с четырьмя стартовыми вершинами (16, 6, 18, 29), построенное на основе *B-tree* второй степени с высотой, равной 5.

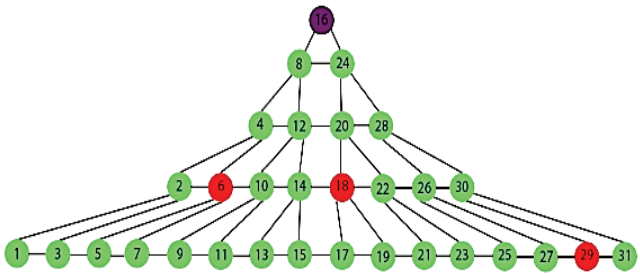

Рис. 1. CW-дерево [12, с. 8]

Анализ стандартной функции обхода, изложенной в исследовании В.С. Шевского [12], выявил существенный недостаток: при поиске между удаленными вершинами нижних уровней алгоритм отдает приоритет горизонтальным переходам к соседним узлам, игнорируя возможность вертикального подъема к родительским вершинам. Вместо оптимального маршрута через вышестоящие узлы алгоритм последовательно перебирает соседние вершины на том же уровне, что в контексте экономической безопасности цифровой экосистемы неприемлемо, так как это создаёт большие задержки в обнаружении различных цифровых угроз, связанных со смысловой целостностью данных.

Для устранения этого недостатка была предложена модификация алгоритма, обеспечивающая сбалансированное использование горизонтальных и вертикальных переходов. Предполагается, что каждая вершина будет хранить информацию о целесообразности перехода к родительской вершине перед проверкой дочерних и соседних вершин. Также в каждую вершину добавляется следующая информация:

– индекс корневой вершины *Root*;

– уровень дерева текущей вершины *NodeLevel*;

– степень дерева *p*;

– высота дерева *H*.

Порог подъёма вычисляется по формуле (1):

$$Limit = \begin{cases} NodeLevel, \text{если } NodeLevel \le [log_p(H)] + 1 \\ NodeLevel - 1, \text{если } NodeLevel > [log_p(H)] + 1 \end{cases}$$

где *NodeLevel* – уровень дерева, на котором находится указатель на вершину. В переменной ***p*** хранится степень дерева, в ***H*** – высота.

$$GoUp = true, \begin{cases} \text{Если } cur > Root \text{ И } x < Root \\ \text{Если } cur < Root \text{ И } x > Root \end{cases} \quad (2)$$

Условие формулы (2) нужно для принятия окончательного решения о переходе на уровень выше в дереве. Переменная *cur* обозначает индекс текущей вершины, переменная *Root* – индекс корневой вершины.

Переход будет целесообразным при соблюдении условия:

NodeLevel > Limit

Если переход целесообразен, начинается проверка условия формулы (2). Если *GoUp = true*, переход к родительской вершине осуществляется.

Усовершенствованный алгоритм представим на рисунке 2. Этапы определения и инициализации дополнительных стартовых вершин и рёбер остаются неизменными.

Для интерпретации экономического эффекта от внедрения разработанного алгоритма древовидной индексации данных применим модель задачи производственного планирования, адаптируя ее под специфику цифровой экосистемы. В рамках данной модели максимизируется совокупный доход от выполнения цифровых операций при ограничениях на ключевые ресурсы, которые используются более эффективно, что повышает уровень экономической безопасности цифровых экосистем.

Целевая функция, которая должна принять максимальное значение:

$$\boldsymbol{F(x) = c_1 x_1 + c_2 x_2 + \ldots + c_n x_n \rightarrow max} \quad (3)$$

где c_j – доход от выполнения одной операции *j*-го типа (платный аналитический запрос для внешнего клиента, экономия от предотвращения одного инцидента кибербезопасности, комиссия с одной успешно проведенной транзакции);

x_j – это количество успешно завершенных цифровых операций *j*-го типа (аналитические запросы к данным, предотвращенные инциденты кибербезопасности благодаря быстрому анализу логов, онлайн-транзакции, обработанные без ошибок и задержек, актуальные и несломанные индексы в системе);

Далее интерпретируем технологическую матрицу и ограничения, которые имеют следующий вид:

$$A = \begin{Bmatrix} a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + \cdots + a_{1n}x_n \le b_1 \\ a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + \cdots + a_{2n}x_n \le b_2 \\ \ldots \\ a_{m1}x_1 + a_{m2}x_2 + \cdots + a_{mn}x_n \le b_m \end{Bmatrix} \quad (4)$$

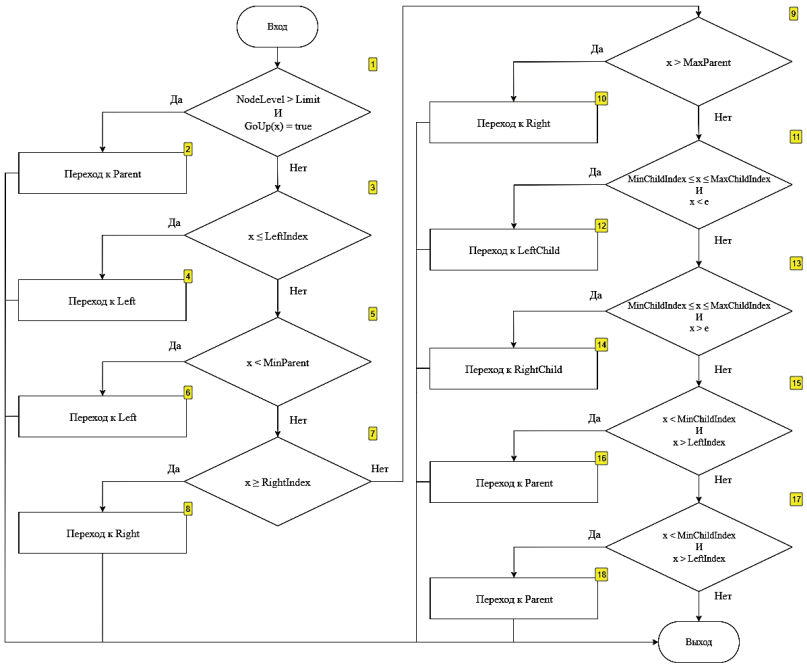

Рис. 2. Модифицированный алгоритм поиска искомого узла дерева

Источник: составлено авторами.

$$x_1 \geq 0, x_2 \geq 0, \ldots, x_n \geq 0 \quad (5)$$

a_{ij} – норма расхода трудозатрат i-вида на выполнение одной операции j-го вида;

$i = 1...m$ – трудозатраты (время работы аналитика данных на поиск и агрегацию информации для одного запроса, инженера безопасности на расследование одного потенциального инцидента, системного администратора на поддержание и поиск в хранилищах данных);

b_j – трудозатраты времени на каждый вид j-ой операции;

$j = 1...n$ – индекс вида цифровой операции.

Внедрение разработанного алгоритма не изменяет внешние параметры модели c_j и b_j, но оказывает прямое воздействие на элементы технологической матрицы $A = \{aij\}$. Предложенный алгоритм (рис. 2) повышает скорость поиска и доступа к данным, что приводит к снижению трудозатрат на выполнение операций, связанных с обработкой информации.

Математически это выражается в уменьшении норм расхода трудозатрат i-вида на выполнение одной операции j-го вида:

$$a_{ij}^{(нов.)} = k_j \times a_{ij}^{(стар.)} \quad (6)$$

k_j – коэффициент эффективности ($0 < k_j < 1$) для операций j-го типа, отражающий степень снижения трудоемкости благодаря применению алгоритма.

Снижение коэффициентов a_{ij} при неизменных правых частях ограничений b_j приводит к следующим результатам:

– максимизируется значение целевой функции $F(x)$;

– увеличивается доля высокодоходных, но ранее чрезмерно трудозатратных операций (за счёт уменьшения норм расходов на операции).

Таким образом, усовершенствованный алгоритм индексации данных выступает не просто инструментом оптимизации, а фактором обеспечения экономической безопасности цифровых экосистем и противодействует цифровой угрозе экономической безопасности в виде потери цифровой целостности данных.

Экономическая безопасность цифровых экосистем в значительной степени зависит от эффективности управления данными. Обеспечение согласованности, целостности, конфиденциальности и высокой скорости доступа к данным в условиях цифровой трансформации являются необходимыми условиями для формирования устойчивой цифровой экосистемы. Для этого необходимо введение единого формата данных, внедрение механизмов, обеспечивающих бесшовный обмен между элементами цифровой экосистемы. и механизма индексации данных для быстрого поиска информации внутри экосистемы. Объединение алгоритмов кодирования, декодирования и усовершенствованного алгоритма индексации данных обеспечивает совместимость сервисов цифровой экосистемы, улучшает информационный обмен между ними, ускоряет их работу за счёт параллельных вычислений и оптимизации логики обхода поддеревьев (поиска в индексе), обеспечивая экономическую безопасность в цифровых экосистемах с позиции управления данными.

Литература:

1. RED Security: В первом полугодии промышленность оказалась в фокусе внимания APT-группировок // RED Security. URL: https://redsecurity.ru/news/red-security-v-pervom-polugodii-promyshlennost-okazalas-v-fokuse-vnimaniya-apt-gruppirovok (дата обращения: 25.08.2025 г.)
2. «Лаборатория Касперского» оценила потери российского бизнеса от кибератак // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/10/12/890858-laboratoriya-kasperskogo-otsenila-poteri-rossiiskogo-biznesa-ot-kiberatak (дата обращения: 25.08.2025 г.)

3. Жуков В. 72 % компаний в России теряют деньги из-за отсутствия качественных данных // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/66b3beec9a79473791e60849 (дата обращения: 25.08.2025 г.)
4. Лаптев В.А. Экосистема цифровой экономики // Большая Российская Энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/ekosistema-tsifrovoi-ekonomiki-042082 (дата обращения: 26.05.2025 г.)
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919
6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // СПС Гарант.
7. Томуров П.Д., Кудрявцев К.А. Комплексный подход к обеспечению экономической безопасности цифровой экосистемы: стандартизация данных и эффективная индексация // Инновационное развитие экономики. 2025. Вып. № 2 (84). DOI: 10.51832/22237984_2025_2_72
8. Репичев А. И., Филатова Е.С. Определение типичных ошибок в работе команды организации при внедрении Agile // Горизонты развития проектного управления: теория и практика: Материалы II Межд. науч.-практ. конф., Москва, 04 марта 2021 г. / Редколл.: С.М. Нечаева [и др.]. М.: Гос. уни-тет управления, 2021. С. 152–154.
9. Цифровая трансформация. Основные принципы. URL: https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf (дата обращения: 05.08.2025).
10. ГОСТ Р 71720-2024. Формат обмена информацией о производственной системе: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 24.10.2024 г. № 1487-ст: введен впервые: дата введения 2025-07-01 / разработан Ассоциацией «Цифровые инновации в машиностроении» и Федеральным государственным бюджетным учреждением «Российский институт стандартизации». М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2024.
11. Томуров П.Д., Васяева Н.С. Анализ формата TLV для структурированного представления данных // Труды Поволжского государственного технологического университета. Серия: Технологическая. 2024. Вып. 12. С. 35–39.
12. Шевский В.С. Индексирование данных на основе алгоритма CW-tree с применением параллельного чтения данных. URL: https://moitvivt.ru/ru/journal/pdf?id=905 DOI: 10.26102/2310-6018//2021.32.1.013

Ensuring Economic Security of Digital Ecosystems from the Perspective of Data Management

Tomurov P.D., Kudryavtsev K.A.
Volga State Technological University,
Mari State University

The relevance of the research topic is determined by the need to improve the data access algorithm for effective data management and, as a result, ensuring the economic security of digital ecosystems. In this regard, the purpose of the study is to ensure the economic security of digital ecosystems by improving data management and interpreting the production planning problem taking into account the improved data access algorithm. To achieve this goal, the essence of the digital ecosystem concept was studied, as well as theoretical approaches to data management based on their indexing. The possibility of using the production planning problem model to reflect the relationship of the improved algorithm with economic efficiency with limited resources and increasing the economic security of digital ecosystems was determined. The scientific novelty of the work consists in defining a digital threat to economic security associated with the loss of semantic integrity of data, eliminating this threat, as well as interpreting the production planning problem model for digital ecosystems. The conducted improvement of the search algorithm for the desired tree node for effective data management determines the practical significance of the work. Based on the results of the study, an approach is proposed to improve the encoding and decoding algorithm for data for their reliable recovery and counteraction to a certain digital threat to the economic security of ecosystems. The improved algorithm is shown to be related to the model of the production planning problem for determining revenues from performing digital operations with limited resources.

Keywords: digital ecosystem, economic security of digital ecosystems, data management, information exchange, data indexing

УДК 332.145
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-468-472

Механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере (на примере Республики Татарстан)

Хабибуллина Л.В.
Аспирант кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Груничев А.С.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается актуальная проблема внедрения инновационной модели для реализации высокотехнологичных разработок в энергетической сфере, что обусловлено существующими вызовами и рисками в современной электроэнергетике. Основная цель исследования заключается в разработке модели интеграции инновационных проектов для внедрения инжиниринговых решений в электросетевом комплексе.

В работе предложена схема отбора инновационных решений, отражены примеры работы технологического полигона и особой энергетической зоны, что дает возможность определить проблемы в действующей энергосистеме, сформировать требования к инновационным решениям с дальнейшим внедрением апробированных проектов в Республике Татарстан и возможным расширением на энергетическую систему страны. Определены ожидаемые эффекты при внедрении механизма реализации инновационного вектора с перспективным формированием существенного объема экономии средств.

Ключевые слова: *модель, энергетическая сфера, инвестиции, инновационные проекты, технологический полигон, особая энергетическая зона*

Для цитирования: *Хабибуллина Л.В., Груничев А.С. Механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 468–472. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-468-472.*

Сфера элекроэнергетики в современных экономических условиях является одной из основных, где происходит реформирование и развитие рыночных отношений, сопровождающееся модернизированием форм взаимодействия между потребителями, государством и инвесторами. Действующая энергосистема связана с вызовами и рисками, которые определены диспропорциями между номинальными значениями электропотребления при технологическом присоединении и их реальными значениями в результате эксплуатации [1]. Проблемы связаны также с несовершенством действующей модели ценообразования и недостатком конкуренции на рынках электроэнергии и мощности [2]. При этом

сохраняется перекрестное субсидирование и несоответствие энергосистемы *ESG* повестке. Принципы этой повестки основаны на растущих запросах инвесторов о социальной ответственности к окружающей среде и высокому качеству управления организацией. Инвестиционные фонды стали использовать соответствие требованиям *ESG* как критерий отбора для инвестирования. Внедрение трансграничного углеродного налога может стимулировать развитие более экологичного производства, но такая финансовая нагрузка увеличит затраты для предпринимателей и приведет к снижению объема инвестиций [3].

В настоящее время возобновляемые источники энергии играют большую роль и становятся решением таких проблем, как энергообеспечение, энергобезопасность и изменение климата [4]. Компании и инвесторы рассматривают такие источники энергии как значительную часть огромного глобального энергетического рынка. В ближайшем будущем они вновь станут важной частью электроэнергетики. Их роль и рыночная доля зависят от политики, экономики и инноваций. Речь идет о применении разными странами различных технологий, основанных на исторических особенностях развития, перспективах и проблемах.

Отмечается, что на ускоренное преобразование в энергетической сфере требуются десятки лет и необходима очень непростая интеграция систем. Энергетика является жизненно важным сектором, сильно регулируется, и становится довольно спорной, что сильно влияет на ведение инновационной деятельности, внедрение и расширение новых технологий.

Все это оказывает влияние на эффективность работы централизованной системы энергоснабжения [5].

Увеличение числа потребителей электрической энергии и рост ввода жилья приводит к значительной нагрузке на имеющуюся инфраструктуру энергосистемы, в которой срок службы оборудования и распределительных сетей определяется максимально до 40 лет, а с учетом запаса прочности достигает до 60 лет. В результате, увеличение нагрузки на стареющую инфраструктуру незамедлительно приведет к росту затрат, а, следовательно, и тарифов, что будет значительно тормозить ее обновление [6].

В связи со сложившейся ситуацией и необходимостью решения задач, определенных «Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года» [7], очевидным становятся разработка и внедрение модели механизма реализации инновационного вектора в энергетической сфере.

В Республике Татарстан реализация стратегии социально-экономического развития экстраполирована на переход к потребителе-центричной структуре энергосистемы [8]. Для этого необходимо перейти к модели, которая значительно усложняет линейную модель, построенную от генерации через сети и сбыт к единому потребителю [9]. Модель усложняется внедрением модуля, который позволяет работать с инновационными решениями и создавать конкурентный рынок.

Целью создания модели является интеграция инновационных проектов в энергетической сфере для реализации инжиниринговых решений в электросетевом комплексе [10]. На рисунке 1 рассмотрим механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере на примере Республики Татарстан.

Рис. 1. Механизм реализации инновационного вектора высокотехнологичных разработок в энергетической сфере

Определим схему отбора инновационных решений, которая работает следующим образом:

1. В тесном взаимодействии с потребителями формируется карта проблем в действующей энергосистеме, которая далее переводится в требования к необходимым инновационным решениям.

2. На базе требований к инновационным решениям запускается «воронка» отбора, управляемая оператором «воронки» и центром компетенций.

3. Отбор осуществляется за счет механизма объединения технологического полигона и особой энергетической зоны для получения результатов, показывающих работоспособность решений, их экономический эффект и потенциал масштабирования.

4. Введение в схему инвестора, в том числе при помощи потребителя.

Роли участников в модели определены следующим образом:

1. Держатель схемы, организационный проектировщик.

2. Оператор «воронки» (Иннополис).

3. Отбор проектов (экспертная группа).

4. Центр компетенций (Энергополитик).

5. Инвесторы (АО «Сетевая компания», Фонды, частные инвесторы).

6. Потребители решений (энергетические компании).

Для каждого из участников определены эффекты, возможные к получению при реализации проекта.

Для предлагаемой инвестиционной схемы проекта характерны решения, готовые к внедрению при получении положительных эффектов на технологическом полигоне и решения, требующие изменения действующей нормативной правовой базы (рис. 2).

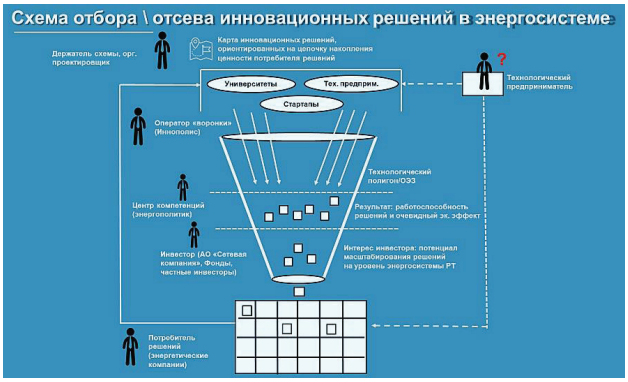

Рис. 2. Схема отбора/отсева инновационных решений в энергосистеме

Энергетические компании в роли потребителя решений делают запрос на создание проекта с учетом определенных параметров и уровня энергоэффективности. Далее формируется карта инновационных решений, ориентированных на цепочку накопления ценности потребителя решений. Технологические предприниматели, университеты и другие разработчики создают различные стартапы, основная цель которых – достижение высокой работоспособности и очевидного экономического эффекта. Интерес инвестора заключается в масштабировании решений на уровне энергосистемы региона (Республика Татарстан). После отбора проектов начинается процесс апробации решений (рис. 3).

Технологический полигон решает задачу сбора и обработки данных для принятия эффективных решений в управлении энергетическим объектом. Он состоит из модуля сбора и обработки данных в режиме реального времени.

В свою очередь, особая энергетическая зона включает два типа архитектуры энергосистемы:

• *Greenfield* ориентирован на принципиально новое строительство и работу по потерям, резерву мощностей, управлению спросом;

• *Brownfield* представляет собой энергорайон с большим износом сетей, где преимущественно осуществляется работа, направленная на генерацию и автономность энергосистемы.

Каждое из направлений требует индивидуального подхода к выбору того или иного концептуального решения.

Внедрение отобранных и апробированных решений строится на показателях интеллектуальных приборов учета, к которым относятся объемы принятой и отданной электрической энергии, порог превышения соотношения величин потребления активной и реактивной мощности, значения максимальной и минимальной мощности, информацию о величине резервируемой мощности, величину потерь электрической энергии и др. параметры [11].

Важным аспектом функционирования ОЭЗ является возможность внесения изменений в регуляторику за счет механизма временного исключения из правил.

Привлекательность проекта для инвесторов заложена в самой архитектуре энергетики страны, где существуют уровень региональных систем и единая энергосистема [12]. То, что работает на уровне региона, может быть масштабировано на всю энергосистему страны. Крупноблочно проект представлен на рисунке 4.

Соответственно те эффекты, которые будут созданы на уровне республиканской энергосистемы за счёт уменьшения объёма перекрёстного субсидирования или отказа от функции сбыта, а также благодаря эффективным решениям, направленным на сегмент распределительных сетей. Эти эффекты демонстрируются инвесторам через условную витрину с перспективой экономии в объёме не менее 2 трлн руб. Существенная часть этих средств

Рис. 3. Примеры работы технологического полигона и особой энергетической зоны

Рис. 4. Инвестиционная схема проекта

может быть направлена на создание условий для появления типовых (модульных) решений уровня энергорайонов.

Ожидаемые эффекты при внедрении проекта можно разделить на следующие группы:

1. Экономические:

– ликвидация перекрестного субсидирования (6,4 млрд руб. на уровне Республики Татарстан);

– исключение из тарифа сбытовой надбавки (1,4 млрд руб. на уровне Республики Татарстан);

– перераспределение структуры расходов с увеличением доли инвестиций (доведение доли инвестиций до 40 %).

2. Технологические:

– высвобождение мощности за счет снижения пиковой нагрузки, что уменьшает потребность в дорогостоящих генерирующих мощностях, позволяет экономить средства и повышать энергоэффективность за счет экономии и накопления энергии;

– введение потребителя в систему в качестве одного из субъектов управления.

3. Социальные:

– повышение качества предоставления услуги;

– ликвидация дискриминации некоторых групп потребителей.

4. Политические:

– Татарстан становится одним из лидеров *ESG* повестки;

– сохранение контроля над энергосистемой на уровне республики.

5. Экологические:

– сокращение выбросов углекислого газа (CO_2).

Таким образом, предлагаемая модель механизма реализации инновационного вектора в энергетической сфере позволит значительно экономить средства, повышать энергоэффективность и стимулировать инвестиции в энергосбережение.

Литература:

1. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Казачкина Н.А., Кириллова О.В. Технологическое присоединение в сфере теплоснабжения, электроэнергетики, водоснабжения и водоотведения. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 148 с.
2. Груничев А.С., Кириллова О.В. Оценка долгосрочного регулирования тарифов на коммунальные услуги в условиях ежегодной корректировки принятых тарифных решений // E-Management. 2023. Т. 6. № 3. С. 24–31. DOI: 10.26425/2658-3445-2023-6-3-24-31.
3. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. Влияние расчетной предпринимательской прибыли на деятельность организаций в коммунальной сфере // Наука и инновации – современные концепции: Сб. научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 07 мая 2021 г. М.: Инфинити, 2021. С. 18–27.
4. Кириллова О.В. Приоритетные направления развития сельского хозяйства в условиях реализации политики импортозамещения // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: Материалы II Межд. науч.-практ. конф., Макеевка, 11 апреля 2019 г. Т. III. Макеевка: Воронежский гос. аграрный ун-тет им. Императора Петра I, 2019. С. 133–136.
5. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В., Гареев О.Р., Кириллова О.В. Основы ценообразования в области регулируемых тарифов в электроэнергетике. Казань: ООО «Логос-Пресс», 2023. 240 с.
6. Кириллова О.В., Сунгатуллина З.Ф. Износ и амортизация основных производственных фондов предприятия // Основные направления развития агробизнеса в современных условиях: Сб. статей по материалам II Всеросс. (национальной) науч.-практ. конф., Курган, 20 июня 2018 г. / Под общ. ред. С.Ф. Сухановой. Курган: Курганская гос. сельскох. академия им. Т.С. Мальцева, 2018. С. 109–110.
7. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.» // СПС Гарант.
8. Хабибуллина Л.В. Опыт реализации инвестиционных программ в коммунальной сфере Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 130–134.
9. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. Использование механизма инвестирования посредством установления долгосрочных предельных индексов (на примере Республики Татарстан) // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 55–60.
10. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. О вопросах реализации инновационного вектора энергетической политики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2023. № 1. С. 5–8.
11. Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 г. № 890 «О порядке предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)» (вместе с «Правилами предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)») (ред. от 29.03.2024) // СПС Гарант.
12. Харисова Р.Р., Хабибуллина Л.В. Управление региональным развитием на основе реализации системы энергоресурсосбережения в инфраструктурном комплексе (на примере Республики Татарстан) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 10(70). С. 30.

Mechanism for Implementing the Innovative Vector of High-Tech Developments in the Energy sector (on the Example of the Republic of Tatarstan)

Khabibullina L.V., Grunichev A.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article determines the relevance of implementing a model for the implementation of high-tech developments in the energy sector, due to the existing challenges and risks in the electric power industry. The purpose of creating such a model is to integrate innovative projects for the implementation of engineering solutions in the electric grid complex.

The paper proposes a scheme for selecting innovative solutions and provides examples of the work of a technological test site and a special energy zone, which makes it possible to identify problems in the current energy system and form requirements for innovative solutions, with further implementation of tested projects in the Republic of Tatarstan and possible expansion to the country's energy system. The expected effects of implementing an innovative vector mechanism with a promising significant amount of cost savings have been determined.

Keywords: model, energy sector, investments, innovative projects, technological test site, special energy zone

85 лет выдающемуся ученому-аграрию Назибу Мазитову

8 июля исполнилось 85 лет выдающемуся ученому-аграрию Назибу Мазитову – доктору сельскохозяйственных наук, профессору, члену-корреспонденту Российской академии наук, Почетному академику Академии наук Республики Татарстан, академику Петровской академии наук и искусств, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

Назиб Каюмович родился и вырос в деревне Старые Уруссы Ютазинского района ТАССР, в крестьянской семье. После школы окончил Казанский сельскохозяйственный институт, где он развил свою плодотворную научную и изобретательскую деятельность.

Среди десятков его изобретений наиболее значимым стал спроектированный под его руководством комплекс блочно-модульной почвообрабатывающей техники. Обработка почвы этой техникой обеспечивает наилучшее сохранение в почве влаги. Благодаря этому достигается высокий урожай зерновых без применения вредной для качества продовольствия и здоровья потребителей агрохимии. При этом себестоимость органического урожая, не содержащего агрохимии, получается значительно ниже, а, что особено важно, сохраняется плодородие почв. Данная техника не имеет конкурентоспособных отечественных и зарубежных аналогов, серийно производится и успешно применяется во многих регионах нашей страны.

Труды Н.К. Мазитова получили высокую оценку: Назиб Каюмович лауреат Государственной премии РСФСР, Премии Правительства РФ, Государственной премии Республики Татарстан.

К сожалению, обработка полей в нашей стране до сих пор ведется в основном морально устаревшей отечественной и импортной техникой, которая предусматривает широкое применение вредной агрохимии. Отсюда – пресыщение ею почв, урожаев и, соответственно, продовольствия. Назиб Каюмович Мазитов в своих публикациях и выступлениях на научных, в том числе международных, форумах активно отстаивает необходимость решительного перехода к органическому земледелию как важнейшему условию сохранения здоровья народа.

Поздравляем Назиба Каюмовича с 85-летием!

Желаем дальнейших успехов в его столь актуальном творчестве и крепкого здоровья на многие годы.

С почтением, коллеги:

Хоменко В.В. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан;

Ахмадеев М.Г. – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан;

Губайдуллин Н.Ф. – генеральный директор ОАО «Татагрохим».

Коллектив Редакционного совета журнала ВЭПС.

Сведения об авторах

Абшилава Георгий Валерьянович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета, адвокат
432970, Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42 Тел.: +7(8422) 41-20-88

Агеева Нина Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента о-Сибирского института экономики и права
664050, Иркутск, ул. Байкальская, 258 А Тел.: +7 (3952) 350-687 e-mail: mail@vsiep.ru

Аламова Светлана Мухаметовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail:sm-alamova@mail.ru

Албогачиева Елизавета Тимуровна – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87 e-mail: 1142240225@rudn.ru

Алтаяков Фаиль Наилевич – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: altayakovfail@mail.ru

Анисимов Александр Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационного менеджмента им. проф. В.В. Дика, заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий Университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: anisimov_au@mail.ru

Асадуллина Алина Альфировна – заместитель председателя районного суда Советский районный суд г. Уфы
450059, Уфа, ул. Большая Гражданская, 24 Тел.: +7 (347) 282-41-14 e-mail: Asalina102@ro.ru

Ахмадуллин Ильдар Равильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: ahm77@mail.ru

Боброва Дарья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48 Тел.: +7(812) 312-44-92 e-mail: bebeaver@mail.ru

Будрина Елена Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления бизнес-технологиями Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
190121, Санкт-Петербург, ул. Лоцманская, 3 Тел.: +7 (812) 495-26-48 e-mail: boudrina@mail.ru

Бурганов Рамис Салихутдинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: burganov.ramis@mail.ru

Валиева Гульназ Ришатовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета
450001, г. Уфа, 50-летия Октября, 34 Тел. +7 (347) 228-91-77 e-mail: zorge34@bk.ru

Валитов Гаяз Шамилевич – аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail:valitov2001@gmail.com

Владимирова Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета 4
20066, г. Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: marina.vladimirova.nc@gmail.com

Волченко Анастасия Владимировна – кКандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, майор полиции
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru

Галимуллин Рашид Фаридович – магистр Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: 2361646@mail.ru

Гарбовский Андрей Иосифович – соискатель кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149 Тел.: +7 (861) 219-95-02 e-mail: rector@kubsu.ru

Гилязов Айдар Ильмирович – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Горчакова Дарья Сергеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5 Тел.: +7 (499) 125-00-79 e-mail: 47daryl@mail.ru

Гречко Михаил Викторович – кандидат экономических наук, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета
344000, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1 Тел.: +7(863) 218-40-00 e-mail: mvgrechko@inbox.ru

Груничев Александр Станиславович – доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: kt@tatar.ru

Губайдуллин Равиль Расимович – директор ООО «Татнфеть-Инжиниринг» ООО «Татнфеть-Инжиниринг»
423259, Лениногорск, ул. Чайковского, 31 e-mail: Raviltmny@mail.ru

Демидова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: lipl-alena@yandex.ru

Дмитриева Елена Олеговна – кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и мировой экономики Самарского государственного технического университета
443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244 Тел.: +7 (846) 278-43-11 e-mail: rector@samgtu.ru

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры регионологии и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Ефимова Елена Георгиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральский государственный экономический университет
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: levstrelkov@mail.ru

Ефлова Мария Юрьевна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: meflova@gmail.com

Заббарова Ильнара Айратовна – адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: main@kuimvd.ru

Запрутин Денис Григорьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета, доцент кафедры публичного права Челябинского филиала РАНХиГС
454080, Челябинск, проспект Ленина, 76 Тел.: +7 (351) 267-99-00 e-mail: Zaprutindg@yandex.ru

Захарова Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21 Тел.: +7(343) 374-43-63 e-mail: olga_zakharova_1992@inbox.ru

Зиятдинова Эльмиры Мансуровны – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ElMZiyatdinova@kpfu.ru

Иванова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральский государственный экономический университет
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: trtskmius17@mail.ru

Ильиных Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2 Тел.: +7(383) 363-43-33 e-mail: ili.sa@mail.ru

Исаев Магомед Хусейнович – аспирант кафедры финансового контроля и казначейского дела Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: 231305@edu.fa.ru

Ишкинеева Фарида Фалесовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: farida1967@mail.ru

Каримова Ксения Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199178, Санкт-Петербург, Сред. пр. Васильевского острова, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: Tarasova-ks@ranepa.ru

Карпович Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского университета
614068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: karpushki@mail.ru

Квон Гульнара Магсумовна – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Киреева Елена Федоровна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института исследований социально экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Кириллова Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Lesik333@yandex.ru

Когтева Анна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационной безопасности Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Кокошина Злата Андреевна – научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5 Тел.: +7 (499) 125-00-79 e-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com

Конягина Мария Николаевна – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
199178, Санкт-Петербург, Сред. пр. Васильевского острова, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: a070278@yandex.ru

Круль Александра Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета
450001, г. Уфа, 50-летия Октября, 34 Тел. +7 (347) 228-91-77 e-mail: gecata@inbox.ru

Кудрявцев Константин Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета, ведущий научный сотрудник Марийского государственного университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: kudryvtsev_konst@mail.ru

Кузьменко Валентина Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции 420087, г. Казань, ул. Карбышева, д. 5а Тел: 8(843)298-65-85 e-mail: uzmenko_valya@mail.ru

Кукушкина София Алексеевна – стажёр-исследователь Проектно-учебной группы «Устойчивое развитие городской среды», магистрант Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
199178, Санкт-Петербург, Сред.пр. Васильевского острова, 7/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: sokush.kld18@yandex.ru

Кулагин Роман Вадимович – аспирант Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: rkulagin9@gmail.com

Куликов Сергей Павлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, кадровой политики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)
125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4 Тел.:+7 (499) 158-29-77 e-mail: mai@mai.ru

Лай Юньхуэй – аспирант кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61 Тел.: +7(385-2)66-75-84 e-mail: econmenasmu@mail.ru

Липатова Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: talipatova@yandex.ru

Литвинова Алёна Владимировна – ассистент кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: LitvinovaAV@corp.knrtu.ru

Локтев Максим Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления, кадровой политики и социальных технологий Московского авиационного института (национального исследовательского университета)
125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4 Тел.:+7 (499) 158-29-77 e-mail: mai@mai.ru

Максимов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической теории и правового регулирования экономики Ставропольского государственного аграрного университета
355035, Ставрополь, пер.Зоотехнический, 12 Тел.: +7 (8865) 35-22-82 e-mail: maximow26@yandex.ru

Максимова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: olga_max@list.ru

Мелюхин Антон Николаевич – аспирант кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского университета
614068, Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.: +7 (342) 2-340-112 e-mail: usu@pstu.ru

Минзарипов Рияз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и этнической социологии, Президент Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: rminzaripov@kpfu.ru

Миронова Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: o_mironova_2010@mail.ru

Мирошниченко Надежда Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и правового регулирования экономики Ставропольского государственного аграрного университета
355035, Ставрополь, пер.Зоотехнический, 12 Тел.: +7 (8865) 35-22-82 e-mail: n01071978@ mail.ru

Монастырский Юрий Эдуардович – доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений МИД РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета
119454, Москва, проспект Вернадского, 76 Тел.: +7 (495) 229-40-49 e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Мустафина Гульяр Назметдиновна – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета 423806, Набережные Челны, ул. им Низаметдинова Р.М., 28 Тел.: +7 (8552) 46-62-16 e-mail: cit@tatngpi.ru.

Муфтахова Альмира Нургалиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
199178, Санкт-Петербург, Сред. пр. Васильевского острова, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: msmalmira@yandex.ru

Нагматуллина Людмила Константиновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: nagmlk@yandex.ru

Надежина Инна Викторовна – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru

Низамова Аида Ханифовна – старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: nizamova_a_h@mail.ru

Николаев Станислав Кириллович – аспирант факультета бизнеса Московского университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: nikolaeff.stanislaw1301@gmail.com

Новаковская Алина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: kai@kstu-kai.ru

Осипенко Антон Викторович – соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор многофункционального юридического центра «Сфера закона»
119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82 Тел.: +7(495) 933-80-30 e-mail: nauchnaya.rabota.2025@mail.ru

Осипова Дарина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
199178, Санкт-Петербург, Сред.пр. Васильевского острова, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: darinaosipova@mail.ru

Охрименко Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: oelenai@yandex.ru

Пешков Богдан Константинович – аспирант факультета бизнеса Московского университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: peshkov.b@mail.ru

Плешивцева Анна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета
344000, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1 Тел.: +7(863) 218-40-00 e-mail: pleshivtseva_anna@mail.ru

Плещенко Александр Николаевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Волгоградского государственного университета
400062, Волгоград, пр-т Университетский, 100 Тел.: +7(8442) 46-02-79 e-mail: pleshchenko@volsu.ru

Поздеева Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Полянина Алла Керимовна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин Приволжский государственный университет путей сообщения
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831)295-93-25 e-mail: Alker@yandex.ru

Пшеничных Сергей Николаевич – научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: belui@mvd.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650056, Кемерово, ул. Марковцева, 5 Тел.: +7(3842) 73-43-59 e-mail: rector@ksai.ru

Радыгина Евгения Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: radygina@bk.ru

Решетников Даниил Александрович – аспирант кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: danilka.reshetnikov.99@mail.ru

Русакова Майя Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: office@inform.pu.ru

Рылов Василий Александрович – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: почта: rv-1975@mail.ru

Рязанова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Савельева Жанна Владимировна – доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: gedier@mail.ru

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5 Тел.: +7 (499) 125-00-79 e-mail: fnisc@fnisc.ru

Саттаров Тимурбек Адылович – аАспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: sattarovtimurbek@gmail.com

Саттарова Ленара Винеровна – аАспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: lenarka0896@mail.ru

Сафина Динара Ганиевна – соискатель кафедры международного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Селиванов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры экономики и государственного и муниципального управления Московского финансово-юридического университета
115191, Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1 Тел.: +7 (499) 979 00 99 e-mail: post@mfua.ru

Селивановская Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Сергеева Александра Леонидовна – ведущий бухгалтер Муниципального казенного учреждения Централизованной службы по обслуживанию учреждений Нижнеудинского муниципального образования
665106, Нижнеудинск, ул. Ленина, 40 Тел.: +7-395-577-07-15 e-mail: n_udinsk@mail.ru

Соболева Юлия Павловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга Московского университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: soboleva-yp@mail.ru

Солодовник Вячеслав Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры безопасности Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199178, Санкт-Петербург, Сред.пр. Васильевского острова, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: e-mail: slaviik_bel@mail.ru

Сурнина Ангелина Александровна – аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: surnina.lina@inbox.ru

Сытин Аркадий Викторович, соискатель кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Талан Алексей Сергеевич – кандидат химических наук, заместитель генерального директора ООО «Актру-Образовательные технологии»
125212, Москва, б-р Кронштадтский, 7А, стр. 2 Тел.: +7 499 653 77 58 e-mail: atghostru@gmail.com

Талан Мария Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ТИСБИ
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: mtalan@inbox.ru

Тимохина Галина Владимировна – магистрант юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85 Тел: +7(4722) 30-12-11 e-mail:Info@bsu.edu.ru

Тимошилова Полина Сергеевна – аспирант, ассистент кафедры международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
190121, Санкт-Петербург, ул. Лоцманская, 3 Тел.: +7 (812) 495-26-48 e-mail: betta-polina@yandex.ru

Титов Сергей Владимирович – аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции Университета «Синергия»
129090, Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1 Тел.: (495) 663-93-84 e-mail: tcb_2023_1013pr@mail.ru

Ткач Сергей – ведущий социолог Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: office@inform.pu.ru

Томуров Павел Дмитриевич – аспирант кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: tomurov_pavel@mail.ru

Ураев Раиль Рауфович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета
450001, г. Уфа, 50-летия Октября, 34 Тел. +7 (347) 228-91-77 e-mail: rail_uraev@mail.ru

Фатыхова Дианы Рустэмовны – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: d.fatikhova@gmail.com

Фероян Артур Арменович – преподаватель кафедры теории права и государства, истории и философии, заместитель декана факультета экономики и права Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: nauka@sutr.ru

Хабибуллина Лариса Васильевна – аспирант кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: lara_hab@mail.ru

Хизбуллина Радмила Радиковна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: mine_post@inbox.ru

Хоа Тхи Линь – преподаватель факультета права, политологии и международных отношений Тхайбиньского университета
Вьетнам, ул. Тай Бинь, провинция Хынг Йен Тел.: +84 227 3633 669 e-mail: hoalinhdhtb1990@gmail.com

Хурамшин Илнур Гумерович – кандидат биологических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420138, РТ, г.Казань, Деревня Универсиады, д. 33 Тел.: +7 (843) 221-09-02 e-mail: ilnurg73@mail.ru

Хурамшина Айгюль Зуфаровна – кандидат социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 Тел: +7(843) 292-45-21 e-mail: aigulsuf@mail.ru

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории и архивоведения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Черкасова Анастасия Александровна – преподаватель Университетского экономико-технологического колледжа Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: nauka@sutr.ru

Шарипов Динар Шамилевич – лаборант кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Dinar.shamilevich@yandex.ru

Шлычков Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, главный редактор рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии»
420015, Казань, ул. Карла Маркса, 53А Тел.: +7(843)238 15 93 e-mail: vestnik_eps@mail.ru

Шлычков Владимир Валерьевич – начальник Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке
690001, Владивосток, ул. Дальзаводская, 1 Тел.: +7 (4232) 39-23-55 e-mail: ShlychkovVV@roskazna.ru.

Шпигунова Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Центра социологических исследований, доцент кафедры государственного управления и отраслевых политик Сибирского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6 Тел.: +7 (383) 373-13-45 e-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Ягудина Елена Валерьевна – доктор экономических наука, профессор, заведующая кафедрой управления человеческими ресурсамиКазанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: efahr@mail.ru

Яннурова Элина Ураловна – помощник аудитора ООО «СВЭБ»
420066, Казань, ул. Абсалямова, 13 Тел.: + 7 (843) 20-213-20 e-mail: company@svebaudit.ru

Януров Никита Антонович – соискатель кафедры экономики и финансов Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: nauka@sutr.ru